

ВБК 63.3(5я)
И89

Ответственный редактор
А.Е. Жуков

И89 История Японии. Т. II. 1868–1998. М., Институт востоковедения РАН. – 703 с.

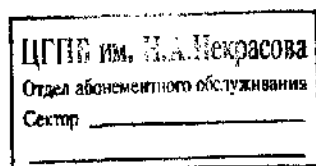
ISBN 5-89282-073-4

Во II томе учебного пособия по истории Японии систематически излагается история этой страны с 1868 г., когда Япония ступила на путь превращения в современное государство, по настоящее время. Издание предназначено для студентов высших гуманитарных учебных заведений, а также для всех, кто интересуется историей Японии и других стран Дальнего Востока.

8 2 7 6 8 5 - 2

ВБК 63.3(5Я)

Издание осуществлено при поддержке Японского фонда

ISBN 5-89282-073-4 © Институт востоковедения РАН, 1998
© Ассоциация японоведов, 1998

ВВЕДЕНИЕ

События японской истории, рассматриваемые во II томе, охватывают сравнительно небольшой отрезок времени продолжительностью в 130 лет. Однако в истории других стран нелегко подобрать сходный период по насыщенности событиями и внутреннему драматизму.

Дело даже не в количестве войн или реформ, через которые Япония прошла за это время — XIX и XX века оказались богатыми на подобные события и для многих других стран. Японская история являет собой удивительный пример успешного развития, приведшего за исторически короткий срок к превращению изолированной восточной страны в современное государство, занимающее положение одного из лидеров современного мира.

На этом пути Японии пришлось столкнуться со многими кризисами и потрясениями. Можно без преувеличения сказать, что факт их успешного преодоления выходит по своему значению за рамки истории одной страны, поскольку Японии на разных этапах своего развития пришлось решать задачи, аналогичные тем, которые вставали и сейчас встают перед другими странами и народами.

После выхода Японии из самоизоляции от остального мира под давлением западных держав перед ней возникла отчетливая перспектива утраты национальной независимости. В отличие от подавляющего большинства других азиатских стран Японии удалось избежать этой участи. Для этого ей потребовалось провести громадный объем преобразований, коренным образом изменивших ее облик.

Эти преобразования были столь быстры и успешны, что привлекли к себе пристальное внимание за рубежом. Именно на основе их изучения была в свое время разработана т.н. теория модернизации.

В первоначальной трактовке под модернизацией понималось преобразование традиционного (или «восточного») общества в современное (или «западное»). Речь шла лишь о широкомасштабном заимствовании западной техники, технологии, науки, а также форм экономической и политической организации, которое рассматривалось как необходимая предпосылка прогресса. Таким образом слово «западный» фактически употреблялось как синоним слова «передовой».

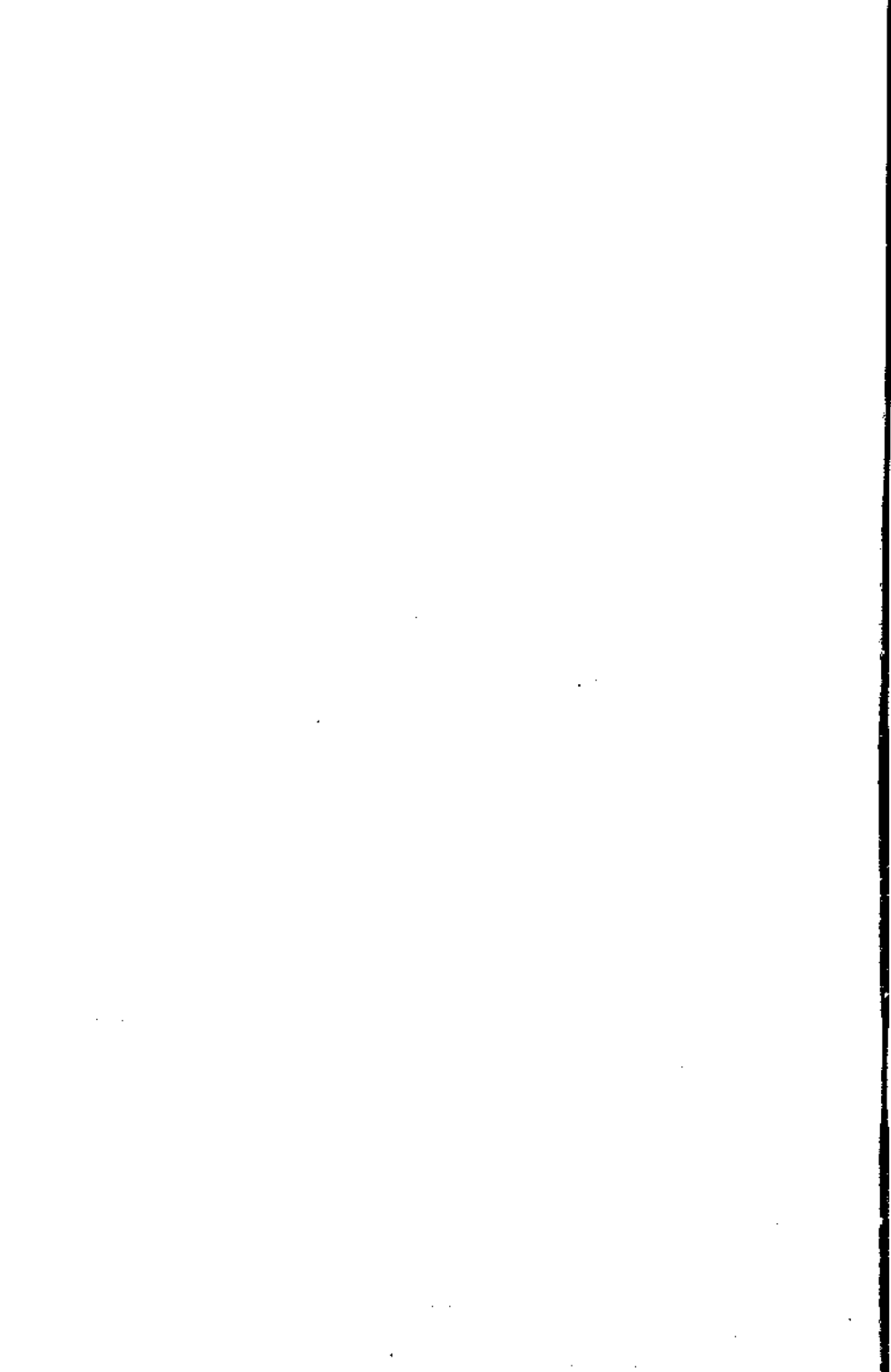
В дальнейшем, по мере более глубокого изучения восточных обществ, а также проблем историко-культурного взаимодействия,

Авторы придерживались следующих правил написания имен собственных и географических названий:

1. Японские имена собственные пишутся в соответствии с японскими правилами (сначала фамилия, потом имя).
2. Во избежание искажений японские имена и географические названия не склоняются. Исключение составляют немногие географические названия, утвердившиеся в русском языке (например, Окинава).
3. Для написания японских имен и географических и иных названий используется принятая в русских научных изданиях транскрипция Е. Д. Поливанова. Исключения составляют слова Токио (вместо Тōкё), Киото (вместо Кётō), Иокогама (вместо Ёкохама) как утвердившиеся в русском языке.
4. Долгие гласные в японских именах и названиях обозначаются надстрочным знаком (например, ђ, ă, ѳ).

РАЗДЕЛ I
ВЫХОД ЯПОНИИ
НА МИРОВУЮ АРЕНУ

Часть 1

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЯПОНИИ

Глава 1

РЕСТАВРАЦИЯ МЭЙДЗИ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Кризис сёгуната накануне реставрации

В первой половине XIX в. в японском обществе развился всеобъемлющий системный кризис. Он проявлялся во всех сторонах жизни — в замедлении роста экономики, в расшатывании феодальной сословной структуры, в падении эффективности государственного управления и росте местного сепаратизма. Важным фактором обострения этого кризиса стала также деятельность в Японии иностранцев, появившихся там после вынужденного прекращения политики самоизоляции.

В японской исторической литературе этот период получил название *бакумацу* (букв. «конец правления *бакуфу*», т. е. сёгуна-та). Хронологические рамки этого периода определяют по-разному: начало его относят и к первым годам XIX в., когда проявились кризисные явления в экономике, и к 30-м годам, когда *бакуфу* попыталось провести реформы, закончившееся неудачей, и к середине 50-х годов, когда у берегов Японии появились иностранные военные корабли. Окончание же периода *бакумацу* датируется с абсолютной точностью — в конце 1867 г. сёгунат Токугава прекратил свое существование.

Социально-экономическое положение накануне реставрации

В первой половине XIX в. в Японии продолжала существовать жесткая сословная иерархия со строжайшей регламентацией всех сторон жизни общества, основанная на 4-ступенчатой системе *си-но-кō-сё* (самурай-крестьяне-ремесленники-купцы). Сёгунское правительство считало самураев своей военной опорой, а крестьян — источником экономического благосостояния. Соответственно, формально они занимали две верхние ступеньки в общественной иерархии. Торговцев же рассматривали как непроизводительную силу и отводили им последнее место.

С развитием товарно-денежных отношений структура японского общества постепенно менялась, и статус сословий совер-

ленно перестал соответствовать действительному положению вещей. Неподвижная и незыблемая на первый взгляд экономическая система эпохи Токугава в действительности претерпела важные качественные изменения, подготовившие благоприятные условия для развития капитализма. Решающее значение при этом имели перемены в японской деревне.

Хотя и в конце периода Токугава японское сельское хозяйство оставалось по преимуществу натуральным, товарно-денежные отношения уже оказывали заметное влияние на жизнь деревни. С одной стороны, ежегодно с наступлением зимы тысячи крестьян отправлялись на заработки в города, так как из-за огромных налогов (40–50% урожая риса) занятие одним только сельским хозяйством не могло обеспечить даже минимальных потребностей крестьянских семей. С другой стороны, благодаря постепенному улучшению методов производства, расширению номенклатуры возделываемых культур, росту масштабов подсобных промыслов (особенно шелководства) многие крестьянские хозяйства стали реализовывать часть продукции на рынке.

В результате к концу периода Токугава японское крестьянство представляло собой уже весьма разнородную массу. На одном ее полюсе находились богатые крестьяне, расширившие свои земельные владения и занимавшиеся наряду с сельским хозяйством торговлей, ростовщичеством и сдачей земли в аренду; на другом — безземельные крестьяне (арендаторы и батраки). Основная же часть была представлена крестьянами-собственниками, среди которых преобладали малоземельные крестьяне, чьи наделы не превышали 0,5–1,0 $m\bar{e}$ (1 $m\bar{e}$ = 0,992 га).

Наряду с выделившимися из деревенской верхушки землевладельцами (*дзинуси*) весьма крупные земельные участки приобретали богатые городские торговцы. Однако из-за сохранения феодальной системы землевладения лишь часть ренты, взимавшейся и теми, и другими с крестьян, попадала в их карман, основная же часть доставалась крупным феодалам-*даймё*. Поэтому новые фактические собственники земли стремились к признанию их прав в полном объеме.

Одновременно с разложением натурального хозяйства в деревне шло созревание предпосылок капиталистического производства в городах. К концу периода Токугава значительное развитие получили ремесла и торговля. Товары, производившиеся крестьянами и ремесленниками для продажи, закупались торговцами и реализовывались в основных городах. Иногда торговцы брали на себя и функции обеспечения производителей сырьем, а в слож-

ных производствах они также брали на себя ответственность за координацию между различными стадиями работы (так осуществлялось производство шелка, хлопка, бумаги, циновок-татами и некоторых других товаров).

Значительного объема достигла торговля между различными районами Японии. Этому способствовали два обстоятельства. Во-первых, уже к началу XIX в. довольно четко оформилась специализация отдельных районов на определенных видах продукции. Во-вторых, существование системы *санкин кōтай* (своеобразная система заложничества, направленная на преодоление сепаратистских настроений крупных феодалов; согласно ей часть членов семей всех *даймё* была обязана проживать в столице сёгуната) способствовало значительному увеличению товарных потоков из провинций в Эдо для обеспечения потребностей проживавших там членов семей *даймё*. Для организации бесперебойной торговли в Эдо и Осака были созданы огромные товарные склады, и возник хорошо организованный рынок, на котором имели место даже фьючерсные сделки.

С начала XIX в. режим Токугава начали сотрясать серьезные экономические трудности, свидетельствовавшие о том, что изменения в социальной и экономической структуре страны оказались несовместимы с жесткой политико-административной системой сёгуната, и что страна созрела для важных перемен.

В начале XIX в. темпы роста производства риса в Японии заметно сократились. Возможности обеспечивать развитие как за счет расширения посевных площадей, так и за счет интенсификации их использования в рамках традиционной системы ведения хозяйства оказались исчерпаны. Это отразилось на доходах крупных феодалов и, соответственно, на том содержании, которое они выплачивали своим вассалам — самураям низших рангов. Множество самураев лишались источников дохода и переходили в категорию *рōнин* (самураев, не имевших хозяина); часть из них пыталась заняться производительным трудом (они становились учителями, врачами, даже ремесленниками и мелкими торговцами), другая превратилась в разбойников.

Выход из экономических затруднений феодалы пытались найти в усилении эксплуатации крестьянства. Постоянно росла часть урожая, которую крестьяне отдавали хозяину: от 40% до 50 и даже до 70%. Усиление налогового гнета вело к падению сельскохозяйственного производства и к разорению крестьянства, чье недовольство выливалось в восстания, нередко соединявшиеся с массовыми беспорядками городской бедноты.

Чтобы заплатить подати, крестьяне были вынуждены обращаться к ростовщикам; соответственно, увеличивалась их задолженность. Сосредоточив в своих руках огромные денежные средства, ростовщики, несмотря на формальные запреты, постепенно скупали землю за долги. В деревне появилось очень много безземельных крестьян и арендаторов. В то же время богатые крестьяне наряду с сельским хозяйством все больше занимались торговлей, ростовщицеством и предпринимательством.

Роль ростовщиков становилась все более заметной как в деревне, так и в городе. Растущая финансовая мощь торговцев и ростовщиков реально выдвигала их на одно из первых мест в обществе. Неформальным признанием этого факта было слияние торгово-финансовых домов с семьями феодалов через браки и институт усыновления.

Даймё часто приходилось занимать деньги у торговцев в счет будущих доходов, и постепенно среди последних выделился слой, чьей основной сферой деятельности стало предоставление займов *даймё* и проведение финансовых расчетов между различными районами. Основные финансово-торговые дома имели сеть отделений по всей стране, и обычным явлением стало использование таких финансовых инструментов, как векселя и долговые обязательства.

Успешно занимаясь предпринимательской деятельностью, торговцы способствовали появлению нового класса капиталистов (например, дома Мицуи, Сибусава, Сумитомо). Уже к началу XIX века существовало немало крупных мануфактур (с числом занятых до 100 чел.) в шелкоткацкой, хлопчатобумажной и льняной отраслях. Они были широко распространены в винокурении, а также в железоделательном и гончарном производстве, в добыче золота, серебра и меди. В первой половине XIX в. было создано несколько крупных оружейных мануфактур, принадлежавших *даймё*.

В 1853 г. насчитывалось 309 мануфактур, треть которых была создана за предыдущие 30 лет. Это вело к дальнейшему расширению товарно-денежных отношений и развитию внутреннего рынка. Оставалось сделать лишь несколько шагов для перехода к капиталистическому ведению хозяйства, но тормозом на этом пути были феодальные отношения.

Кризис политической системы сёгуната

Политическая система сёгуната (*бакуфу*) имела сложную структуру. Возглавлял ее дом Токугава, совокупные земельные владения которого занимали почти 1/4 территории

страны. Остальные земли были поделены между крупными феодалами (*даймё*), относившимися ко двум категориям: *фудай-даймё*, которые пользовались особым покровительством *бакуфу*, поскольку в период борьбы за власть на рубеже XVI–XVII вв. поддерживали дом Токугава, и *тодзама-даймё*, присоединившимся к победителям позднее. Последние не принимали участия в управлении государством, но обладали автономией в пределах своих княжеств (*хан*).

К *тодзама-даймё* относились феодалы Мори из княжества Тёсю (юго-запад о-ва Хонсю), Симадзу из Сацума (о-в Кюсю), Яmanoути из Тоса (о-в Сикоку), Маэда из Кага (побережье Японского моря, о-в Хонсю), которые сыграли важную роль в последующих событиях. Их княжества были наиболее развитыми в стране, поскольку, несмотря на политику изоляции, поддерживали контакты с зарубежными странами и проявляли интерес к достижениям Запада.

Именно в этих княжествах в ходе проведения экономической, политической и военной реформ сложился слой молодых политических деятелей (главным образом, самураев низших рангов) сыгравших ведущую роль в последующих событиях.

«Открытие» Японии под иностранным давлением

В начале XIX в. в борьбу за раздел колоний наряду с европейскими странами включились США. Их, в частности, заинтересовала Япония, которая представляла собой потенциальный рынок для американских товаров, а ее порты были удобны как перевалочные пункты в торговле с Китаем и могли стать базой американского китобойного флота в северной части Тихого океана.

В 1852 г. правительство США приняло решение направить в Японию эскадру из 12 военных кораблей. В июле 1853 г. она вошла в залив Урага (ныне Токийский), недалеко от Эдо (Токио). На настоятельные требования японцев удалиться в Нагасаки, куда было дозволено заходить иностранным судам, командующий эскадрой М. Перри ответил категорическим отказом. Передав представителям сёгуна личное послание президента М. Филмора, и пообещав вернуться за ответом, Перри для большей убедительности провел эскадру вдоль берегов залива и отбыл в Китай.

Требования американцев вызвали растерянность в правительстве *бакуфу*. Оно решило запросить мнения всех высокопоставленных чиновников и пошло даже на беспрецедентный шаг, обратившись за советом к императору и ко всем *даймё*. Это свидетельствовало о неспособности правительства ответственно управлять

страной и послужило толчком к повышению политической активности различных слоев самураев и к развертыванию оживленной дискуссии между сторонниками «открытия» страны и приверженцами концепции «изгнания варваров» (*дзэи*). Впрочем и те, и другие были едины в признании абсолютной неготовности Японии противостоять военной силе США. В результате американские требования были приняты.

В конце февраля 1854 г. эскадра Перри прибыла в местечко Канагава (недалеко от Эдо). Там Перри вынудил японцев подписать японо-американский договор о мире и дружбе — первый, открывший серию неравноправных, т. н. Ансэйских договоров (по годам Ансэй — 1854–1859 гг.). Основное его содержание сводилось к следующему. Были открыты порты Симода и Хакодате для захода американских кораблей и снабжения их всем необходимым; урегулирован порядок обращения с потерпевшими кораблекрушение; американцы получили право вести торговлю; разрешалось хождение любой иностранной монеты наряду с японской; США получили статус наиболее благоприятствуемой нации.

Канагавский договор послужил образцом для заключения аналогичных соглашений с другими странами. В октябре 1854 г. был подписан японо-британский, а в январе 1855 г. — японо-русский договор (получивший название «Симодский трактат»). Продолжили серию подобных договоров Голландия (январь 1856 г.), Франция (октябрь 1858 г.) и ряд других государств.

В июле 1858 г. Соединенные Штаты настояли на заключении с Японией торгового договора. Американцы добились открытия новых портов, предоставления своим гражданам права постоянного жительства в Симода и Хакодате, расширения прав экстерриториальности, принятия скользящей шкалы тарифов — от 5 до 35% стоимости товаров. Этот договор лишил Японию таможенного суверенитета и сделал еще более неравноправными двусторонние отношения.

Аналогичные договоры были подписаны с Голландией, Россией и Великобританией (август 1858 г.), Францией (октябрь 1858 года), Португалией (август 1860 г.). Таким образом Япония вышла из состояния изоляции на мировую арену, но не как самостоятельное государство и равноправный партнер, а как зависимая, опутанная неравноправными соглашениями страна. Эти договоры открывали японский рынок для иностранных товаров, устанавливали грабительские таможенные тарифы, вводили невыгодный обменный курс валют, закрепляли систему экстерриториальности иностранцев. Из-за отсутствия у японских чиновников опы-

та в ведении международных дел тексты этих договоров были написаны иностранцами.

«Открытие» Японии способствовало, с одной стороны, ее активному вовлечению в мировые торгово-экономические связи (что, в свою очередь, усиливало развитие товарно-денежных отношений внутри страны), а с другой, — усугубляло кризис малопродуктивного хозяйства феодального типа. Бурными темпами развивалась внешняя торговля, но она имела типично колониальный характер. Ввоз дешевых хлопчатобумажных и шерстяных тканей подрывал крестьянскую домашнюю промышленность. Экспорт дешевой японской продукции — чая, меди, бобов, фарфоровых изделий и, прежде всего, высококачественного шелка-сырца, который пользовался огромным спросом, — приносил баснословные барыши торговым партнерам Японии.

Все это вызвало дезорганизацию системы цен в стране. С одной стороны, резко подскочили цены на товары, пользовавшиеся хорошим спросом на мировом рынке (прежде всего, шелк-сырец, рис и чай); с другой — наводнение внутреннего рынка всевозможной импортной продукцией машинного производства привело к снижению цен на многие виды отечественной продукции. Но самым сильным ударом явилась организованная иностранными торговцами спекуляция золотом. Пользуясь тем, что в Японии соотношение цены золота к серебру составляло 1:5, а в Европе и США — 1:15, иностранцы начали ввозить в Японию серебро и закупать на него в огромном количестве золото, что привело к полному хаосу цен на японском рынке, истощению запасов золота и подрыву финансовой системы страны.

Вместе с тем развитие внешней торговли способствовало обогащению купеческой верхушки. Именно она, используя контакты с западными странами и их технический опыт, создала основу для развития первых капиталистических предприятий в судостроении, металлургии, прядильном и ткацком производстве. Одновременно шло перерождение части самураев низших рангов в буржуа. Например, в княжествах Сацума, Тёсё, Митё именно самураи нередко становились во главе вновь создаваемых промышленных предприятий. Под внешним обликом самурая все чаще скрывался капиталист.

Следует отметить, что в последнее десятилетие существования сёгуната центральное правительство пыталось осуществить ряд реформ, которые затем были продолжены правительством Мэйдзи. После открытия портов несколько десятков молодых японцев были посланы для обучения за границу. Были отменены

ограничения на строительство океанских судов. Началось строительство судоверфей и металлургических заводов на основе западных технологий, причем для финансирования этих работ правительство даже прибегло к займам во Франции и США. Всего за период 1854–1868 гг. в стране было создано около 50 предприятий тяжелой промышленности (судо- и машиностроительных, металлургических, оружейных и т.д.) и более 100 предприятий легкой промышленности.

Однако в целом «открытие» страны явилось тяжелым испытанием для японской экономики. Именно сложная экономическая ситуация, связанная с трудностями приспособления страны к мировому рынку после открытия портов, и привела к окончательному развалу сёгуната Токугава.

Политическая борьба после «открытия» Японии

С 1854 г. духовная и политическая оппозиция режиму сёгуната стала быстро расширяться. В ней участвовали *кугэ* (придворная аристократия), *тодзама-даймё* юго-западных княжеств, самураи как высших, так и низших рангов, верхушка нарождавшейся буржуазии.

Вместе с тем, оппозиция была далеко не едина. Участвовавшие в ней разнородные силы преследовали каждая свои собственные цели: *кугэ* — повышение престижа императорской власти; *тодзама-даймё* — уравнивание в правах с *фудай-даймё*; предприниматели — получение статуса, соответствующего их реальному общественному весу. Важнейшую роль в начинавшейся борьбе против *бакуфу* играли региональные сепаратистские настроения и, одновременно, прямое соперничество между различными княжествами (например, между Тёсю и Сацума).

Поэтому, несмотря на то, что борьба против правительства разворачивалась под лозунгом «*тобаку*» («свержение *бакуфу*»), конечные цели борьбы против сёгуна различные ветви оппозиции понимали по-разному. Одна ее часть выступала за фактическое сохранение системы *бакуфу*, при том что политическую роль сёгуна стал бы играть император, другая — за полную ликвидацию всех институтов *бакуфу* в процессе реставрации императорской власти.

Объединяло оппозиционеров то, что все они ратовали за «изгнание варваров». Постепенно требование «почитания императора» (*соннё* — т.е. реставрации императорской власти) прочно соединилось с призывом к «изгнанию варваров» (*дзёи*), образовав сочетание *соннё-дзёи*, ставшее главным девизом оппозиции.

Призывы к «изгнанию варваров» нередко приводили к открытой конфронтации с Западом, сопровождавшейся убийствами иностранцев и ответными мерами (бомбардировки Кагосима в Сацума и Симоносэки в Тёсю в 1863 и 1864 гг.).

Сёгун подвергался атакам со всех сторон. На него оказывали давление как приверженцы *соннб-дзёи*, так и западные державы, требовавшие еще шире открыть ворота страны. Кроме того ему приходилось иметь дело с императорским двором и периодически направлять войска против мятежных юго-западных княжеств, отношения с которыми особенно обострились в 1865–1866 гг. Положение сёгуната осложнялось восстаниями крестьян и городской бедноты, в том числе в крупнейших городах Эдо и Осака. Всего в 1864–1867 гг. произошло 80 крестьянских и 16 городских выступлений.

Вместе с тем, развитие политической борьбы в Японии того времени не укладывалось в рамки лозунгов и идеологических догм. Знакомство с военной мощью «варваров» вскоре убедило *даймё* в пользу сотрудничества с иностранцами. И Сацума, и Тёсю начали закупать в большом количестве английское вооружение, чтобы успешнее вести борьбу против *бакуфу*. Теперь уже сёгун стал склоняться к лозунгу *дзёи*. Кроме того Ёсинобу, хоть и находился под постоянным давлением иностранцев, стремился по возможности ограничить масштабы внешней торговли, чтобы не допустить обогащения *даймё* в наиболее развитых юго-западных княжествах и таким образом обуздать их сепаратизм. Затягивая открытие новых портов для торговли с иностранцами, он, как ни странно, пытался выбить почву из под ног сторонников «изгнания варваров».

Положение запутывалось тем, что иностранные государства преследовали в Японии каждое свои собственные цели и конкурировали друг с другом. Например, Великобритания поддерживала княжества Сацума и Тёсю, а Франция — правительство *бакуфу*. Это создавало дополнительные возможности для развития причудливых политических интриг и неожиданных конфликтов.

Падение сёгуната и гражданская война

Толчком к лавинообразному нарастанию событий в стране послужило поражение войск сёгуната в Тёсю и смерть сёгуна Ёмоти (июль 1866 г.). Новый сёгун Ёсинобу из боковой ветви семьи Токугава в княжестве Митё прекратил военные действия против Тёсю и предпринял реформу управления *бакуфу*. Одновременно

он провел реформирование армии по французскому образцу и оснастил ее современным оружием. Ёсинобу считался сильной и волевой личностью, его даже называли «современным Изясу» (полководец и государственный деятель, завершивший объединение страны в XVII в.; основатель сёгуната Токугава).

Вступление на престол императора Муцухито

В конце 1866 г. умер император Кōмэй, который был сторонником совместного правления двора и сёгуна и ярким противником контактов с иностранцами. Он считался настолько серьезным препятствием на пути движения за свержение сёгуната (*тобаку*), что ходили даже слухи, что противники сёгуна его отравили.

На престол вступил 15-летний Муцухито, девиз годов правления которого — Мэйдзи, т.е. «просвещенное правление» — стал в соответствии с традицией его посмертным именем, под которым он вошел в историю. Это стало катализатором последующих событий. Была объявлена амнистия представителям всех противоборствующих сторон. В столице собрались практически все главные действующие лица антисёгунской оппозиции. К уже известным к тому времени ее лидерам — Ōкубо Тосимити, Сайгō Така-мори, Ямагата Аритомо — присоединились и прежние сторонники *бакуфу*, в частности Ивакура Томоми.

Внутри антисёгунской оппозиции не было единства мнений относительно методов возвращения власти императору и политике, касающейся взаимоотношений с иностранными державами. Одни (представители княжества Тёсё) выступали за прямое насильственное свержение *бакуфу*, вплоть до убийства сёгуна. Другие (например, Ивакура), опасаясь, что использование войск может привести к гражданской войне, предпочитали действовать путем заговоров и интриг. Так, Ивакура говорил, что если поставить ширму по прямой линии, она непременно упадет. Будучи активным сторонником «изгнания варваров», он старался до поры до времени не афишировать этого. Более того, в апреле 1867 г. Ивакура разработал проект соглашения с иностранными державами о мореплавании и об оказании помощи при кораблекрушениях.

В мае-июне того же года шли активные переговоры между представителями княжеств Сацума, Тоса и Тёсё. В результате в июле княжества Тоса и Сацума заключили союз и подписали соглашение о необходимости восстановить суверенную власть императора, в котором говорилось:

«Как в доме не бывает двух хозяев, так и в государстве не должно быть двух правителей. Вернув власть императору, мы обновим всю систему, а создав совет княжеств, установим согласие народа».

Добиться этого предполагалось мирным путем: сёгун должен был отказаться от власти в пользу императора, став в один ряд с другими *даймё*. Представители Тоса хотели даже, чтобы он возглавил совет княжеств.

В середине 1867 г. положение в стране еще более обострилось: в первой половине ноября представители трех княжеств — Сацума, Тёсю и Аки — договорились о восстановлении императорской власти вооруженным путем, выработали конкретный план действий и обратились к императору с просьбой издать указ о свержении *бакуфу*.

Отставка последнего сёгуна

С разных сторон, даже из собственного окружения, сёгун Токугава Ёсинобу получал предложения добровольно отказаться от власти и передать ее императору. В частности, в октябре послание с такой просьбой была передана ему Готё Сёдзирё, выходцем из княжества Тоса, от имени своего *даймё*. В нем отмечалось, что со времени открытия страны внутренние распри, нередко переходившие в военные столкновения, представили Японию в неприглядном виде в глазах всего мира. «Причиной этого, — говорилось далее в послании, — служит наличие двух центров власти в стране... Вам надлежит возвернуть суверенную власть императору и тем самым заложить фундамент, опираясь на который Япония станет вровень с другими странами».

9 ноября 1867 г. Токугава Ёсинобу подал в отставку. Объясняя причины своего решения он отмечал:

«В настоящее время по мере того, как наши отношения с внешним миром все более и более развиваются, государство может распасться на составные части, если не будет управляться единой центральной властью. Поэтому необходимо изменить старый порядок вещей, вернуть суверенную власть императору, широко развить деятельность совещательных учреждений, добиться, чтобы решения по вопросам политики принимались императором при поддержке всего народа, и тогда Японская империя будет в состоянии поддержать свое достоинство и положение среди других государств мира».

Ёсинобу выразил также полное согласие с предложением княжества Тоса учредить двухпалатный совет с представительством в верхней палате придворной аристократии и князей, а в нижней — самураев различных рангов. По его мнению, это послужило бы

гарантией решения всех вопросов с учетом общественного мнения. Это было взвешенное заявление ответственного государственного деятеля в ответ на угрозу развязывания гражданской войны.

Восстановление власти императора

В такой обстановке 3 января 1868 г. в Киото был созван императорский совет. В нем приняли участие, помимо членов императорской фамилии, представители высшей придворной аристократии (*кузэ*) и всех основных княжеств. Главными организаторами этого заседания были Ивакура Томоми, Окубо Тосимити, Готō Сёдзирō. Они заранее разработали основные документы, которые фиксировали переход власти от сёгуна к императору.

Прежде всего была заменена охрана: место преданных Токугава частей заняли отряды Сайгō Такамори. Затем в малом зале дворца в присутствии императора были зачитаны составленные от его имени указы. Самым важным из них был манифест о реставрации императорской власти.

Основное содержание манифеста сводилось к следующему: провозглашалась отставка Токугава Ёсинобу с поста сёгуна; ликвидировались посты регента (*сэссё*), главного советника (*кампаку*), упразднялось *бакуфу*, т.е. политическая система сёгуната; устанавливалась новая правительственная система. Манифест возвещал, что впредь следует «основываться на принципах, установленных императором Дзимму (легендарный основатель японской императорской династии; как считалось, вступил на трон в 660 г. до н.э. — *Ред.*) при образовании нашей страны; весь народ — гражданские и военные, высшие и низшие — будут участвовать в общественном обсуждении; все должны одинаково делить радости и горести жизни».

События 3 января 1868 г. привели к формальной реставрации императорской власти, ранее узурпированной феодальным кланом Токугава. Поэтому политический вес молодого императора чрезвычайно возрос, хотя фактически делил власть со своим окружением, состоявшим из представителей пяти основных княжеств.

Гражданская война 1868–1869 гг.

Принимая отставку последнего в истории страны сёгуна, император уполномочил Токугава Ёсинобу остаться во главе правительства и по-прежнему заниматься ведением неотложных политических дел до окончательного решения вопроса о новой государственной власти. Однако целью движения за свержение сё-

гуната была полная ликвидация не только политической, но и экономической власти дома Токугава. Ведь, даже отказавшись от суверенной власти, глава этого дома, которому принадлежала примерно четверть всех земель, мог претендовать на ведущую роль и при новой политической системе. Поэтому, несмотря на добровольное отречение сёгуна от власти, сторонники свержения сёгуната, считали необходимым нанести дому Токугава сокрушительный удар.

Представители княжеств разъехались на места, чтобы организовать переброску дополнительных войск в Киото. В ноябре в столицу во главе 3-тысячной армии вошел сацумский князь Симадзу Хисамицу. Вслед за тем начали прибывать войска и из других княжеств. Была сформирована антисёгунская армия под командованием Сайгё Такамори. Поскольку ее ядром были отряды князя Симадзу, оказывавшего тогда наибольшее влияние на императора, более умеренные представители других княжеств, такие как Готё Сёдзирё, были вынуждены следовать в фарватере проводившейся им политики, даже не всегда полностью разделяя его позицию.

Несмотря на предварительную договоренность, бывшему сёгуну не предложили какого-либо важного поста в новом правительстве. Вместо этого его лишили всякой власти и потребовали передать императору земли дома Токугава и казну *бакуфу*.

Возмущенный таким поворотом дела Токугава Ёсинобу, несмотря на ранее сделанные миролюбивые заверения, решил на вооруженную борьбу. Он покинул Киото и отправился в Осака, который являлся важнейшим стратегическим пунктом, поскольку через него осуществлялась связь императорского двора с юго-западными княжествами. Именно через Осака войска антисёгунской коалиции могли получать оттуда подкрепления. Бывший сёгун направил императору письмо, в котором объяснял свои действия желанием избежать кровопролития. Но это был, скорее, маневр, также как и новые компромиссные предложения представителей юго-западной коалиции (отказ Токугава Ёсинобу от части фамильных земельных владений, возвращение в Киото с небольшой свитой, получение должности советника в новом правительстве). Обе стороны уже склонились решить дело силой оружия.

Отвергнув все предложения, Ёсинобу в конце января 1868 г. направил свои войска в Киото для «освобождения юного императора из рук его недостойного окружения», однако после 3-дневных боев в предместьях Киото был разбит. Он поспешил вернуться морем в Эдо и укрылся в своем, казалось, неприступном замке.

Поражение войск бывшего сёгуна ускорило окончательный распад системы *бакуфу*: все больше княжеств покидало ряды сторонников Токугава. Войска юго-западной коалиции, получили статус правительственных, а войска Ёсинобу были признаны мятежными, а он сам лишен званий и титулов.

В апреле 1868 г. был принят адресованный *даймё* императорский указ под названием «О возвыше-

нии национального престижа государства». Он был призван обособить право императора вершить государственные дела, придать законный характер военным действиям правительственных войск, а также поднять национальный престиж в глазах иностранных держав:

Сацумские самураи время гражданской войны

«Национальное достоинство и счастье народа зависят от выполнения Нами Нашего высшего долга, и Мы постоянно и неустанно направляем Наши помыслы по этому пути... Мы желаем продолжить деяния Наших мудрых предшественников и проводить политику, завещанную Нам покойным императором, обеспечивая мир в княжествах и в домах людей, содействуя тому, чтобы слава нашей страны воссияла за морями. В результате незаконных действий Токугава Ёсинобу страна распалась на отдельные части, и началась гражданская война, приносящая серьезные беды нашему народу. Поэтому мы вынуждены решиться на военные действия против него».

Правительственные войска, выступив из Киото, практически без сопротивления вошли в г. Сидзуока — родовое владение семьи Токугава, а затем достигли Эдо. Убедившись в безнадежности сопротивления и вняв советам наиболее дальновидных своих приближенных, Токугава Ёсинобу принял решение сдать город без боя. 3 мая 1868 г. правительственные войска вошли в замок Эдо. Бывший сёгун был отправлен под домашний арест в Сидзуока.

Ему были оставлены земли в некоторых его прежних владениях, которые давали ему неплохой доход — 700 тыс. коку риса (1 коку = 150 кг). Его вассалам была предоставлена возможность перейти на службу в правительственные войска. Тем самым решались две задачи: с одной стороны, Токугава окончательно лишался военной опоры, а с другой — предотвращался взрыв недовольства его бывших сторонников.

Правда, все еще оставались отдельные очаги сопротивления новой власти. В частности, главы ряда княжеств в центральной и северо-восточной частях о-ва Хонсю продолжали борьбу с правительственными войсками. Они использовали для этого не только свои военные отряды, но и местное население. Крестьяне должны были строить укрепления, поддерживать в хорошем состоянии дороги и, конечно, поставлять провиант. Многомесячные сражения шли в провинции Этиго на побережье Японского моря к северу от Эдо. Часть отрядов сторонников Токугава из княжества Айдзу вернулись в родные места и, объединившись с рядом других северо-восточных княжеств (Сэндай, Намбу, Ёнэдзава), продолжали борьбу. Однако в конце октября 1868 г. пал их последний оплот — замок Вакамацу. При его защите особенно отличился отряд молодых самураев, называвших себя «белыми тиграми». Их подвиг был настолько широко известен как образец мужества и верности долгу, что в ходе боев с англичанами на бирманском фронте во время второй мировой войны одному из японских полков было присвоено название «белые тигры».

Последние сражения гражданской войны уже в первой половине 1869 г. развернулись в южной части о-ва Хоккайдō. Сразу же после поражения Токугава Ёсинобу в Эдо часть кораблей сёгунского флота под командованием адмирала Энмото Такэаки ушла на север Хонсю. После окончательного разгрома сторонников сёгуна в Сэндай эскадра, забрав остатки войск, ушла в Хакодате. После того, как легко было сломлено сопротивление местных гарнизонов, Энмото объявил весь Хоккайдō самурайской республикой. Одновременно он обратился к императору с предложением поставить во главе нее одного из представителей дома Токугава. В ответ правительство объявило адмирала вне закона и направило на остров свои войска, куда вошли отряды из 13 верных княжеств и весь имевшийся флот, включая броненосец, приобретенный незадолго до этого у США. Результатом стало окончательное поражение антиправительственных сил. В мае 1869 г. гражданская война была завершена.

Победа в ней правительства была вполне закономерна. Повсеместно население приветствовало правительственные войска, поскольку надеялось, что новая власть принесет перемены к лучшему в его положении, в то время как значительные силы сёгуната отвлекались на усмирение народных волнений. Крестьяне создавали свои мобильные отряды, которые сражались на стороне антисёгунской коалиции. И, конечно, нельзя не учитывать, что правительственные войска были значительно лучше оснащены и подготовлены в военном отношении.

Историческое значение реставрации Мэйдзи

Появление манифеста о реставрации императорской власти 3 января 1868 г. и последующие события называются реставрацией Мэйдзи. Действительно, сама политическая акция сводилась именно к реставрации монархии, и последующая вооруженная борьба велась за утверждение прерогатив императора как верховного правителя страны.

Вместе с тем, по своим как ближайшим, так и отдаленным последствиям события в Японии 1868–1869 гг. имели поистине революционный характер. Они открыли путь капиталистического развития и ускоренной модернизации, радикально изменили структуру японского общества и определили дальнейший путь развития страны. Можно сказать, что основы процветания Японии в современном мире были заложены свержением сёгуната и последующими реформами, осуществленными новой властью.

Специфика кардинальных преобразований в японском обществе, когда глубоко рациональные социально-экономические и политические реформы сопровождалась реанимацией откровенно архаических представлений в идеологической сфере, плохо укладывается в систему понятий, выработанных на основе изучения европейской истории. Так, понятия «реставрация» и «революция» на примере истории западных стран воспринимаются чуть ли не как противоположные, а все серьезные социально-экономические преобразования на Западе сопровождалась или предварялись попытками выработать новую систему идей. На этом фоне японские реформы, апеллировавшие к ценностям X и более ранних веков, воспринимаются как нечто странное, а то и ущербное.

Однако такое европоцентристское восприятие не вполне адекватно сути происходившего в Японии по второй половине XIX века и не охватывает важную грань тех событий. Хотя реставра-

ция Мэйдзи по своим последствиям (централизация власти, урбанизация, индустриализация) была близка к революциям европейского типа, в ее ходе японцы решали задачу, нехарактерную для великих европейских революций. Они делали максимум возможного для сохранения независимости их страны и создания государства, обладавшего равным статусом с европейскими.

После «открытия» Японии под дулами орудий американских военных кораблей перед страной возникла перспектива утраты национальной независимости. Середина XIX в. была периодом формирования мировой капиталистической системы с ее иерархией передовых и зависимых, эксплуатируемых стран. Азия не смогла ответить на вызов Запада и обрела судьбу колоний и полукolonий. Только Японии удалось провести коренные социально-экономические преобразования и избежать этой участи.

Хотя в западном мире социально-экономические преобразования нередко сочетались с решением национально-освободительных задач, случай Японии был существенно иным. Дело в том, что все западные народы, в том числе боровшиеся за свое национальное самоопределение, принадлежали к одной и той же европейской цивилизации. Их культура имела общие античные и христианские корни, и они существовали в едином идейном пространстве.

Япония принадлежала к иной, китайской культурной традиции. При этом для того, чтобы сохранить себя как независимую нацию, японцам предстояло в кратчайшие сроки овладеть достижениями европейцев, причем не только в сфере техники и технологии, но и в строительстве современного государства. Это предполагало освоение огромного массива политических, экономических и иных идей, непривычных, а то и чуждых японскому сознанию.

Чтобы справиться с этой задачей и одновременно сохранить свою самобытность, японцы нуждались в собственной «национальной идее», которая могла бы поддержать чувство национального достоинства и ощущение ценности собственной культуры. Ей стала идея божественного происхождения нации, персонифицированной в императоре, которая и ранее поддерживала в Японии политическую преемственность и духовное единство. Поэтому восстановление императорской власти было вполне логичным лозунгом борьбы национально-ориентированных сил с изжившим себя режимом сёгуната, борьбы против угрозы потери национальной независимости. Реставрация Мэйдзи ознаменовала

собой возвращение к правлению императора как к древней, истинной традиции.

Это в полной мере соответствовало духу японской истории, в которой явственно прослеживается принцип преемственности. Новые элементы, как правило, добавлялись к старой структуре, не разрушая ее, сосуществуя с ней. Постепенно эти элементы, видоизменявшиеся по мере приспособления к старой структуре, вызвали перестройку всей системы. Если на Западе новая ступень развития достигалась отрицанием предыдущей, то в Японии — путем обновления традиций. Поэтому не случайно для определения сути мэйдзийских событий современниками был выбран имеющий многовековую историю термин *исин*, означающий именно «обновление».

Это способствовало тому, что преобразования в японском обществе, даже весьма серьезные, происходили без сокрушительных социальных взрывов. Решение проблем путем достижения компромисса — явление, характерное для Японии. Такой подход базируется на одном из основополагающих принципов японского мировосприятия — понятии гармонии (*ва*).

Поэтому в событиях *Мэйдзи исин*, как и в последовавших реформах, все время присутствовал неявный компромисс между консервативными силами и сторонниками обновления. Первые в целом проявили склонность к реформированию общества, вторые — к сохранению и поддержанию традиций. Даже гражданская война в Японии, в отличие от подобных войн в большинстве других стран, не имела тотального характера и не была столь кровопролитной, поскольку противостоявшие стороны не стремились к взаимному истреблению.

Элемент исторического компромисса в событиях, связанных с реставрацией Мэйдзи, наряду с особенностями экономической и социальной структуры Японии тех лет предопределили специфику капиталистического развития страны при сохранении на длительный срок натуральной арендной платы в деревне, помещичьей собственности на землю, полуфеодалных условий труда на предприятиях. Тем не менее именно реставрация Мэйдзи открыла перед Японией путь к широкомасштабной модернизации и предотвратила угрозу потери ей национальной независимости.

Глава 2

МЭЙДЗИЙСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Несмотря на длительную изоляцию и на жестко регламентированный уклад жизни и хозяйственной деятельности, в японском обществе существовали определенные предпосылки для кардинальных преобразований. По многим параметрам японское общество было подготовлено к интенсивной модернизации. По словам известного японского социолога Наканэ Тие, «колеса к повозке были приделаны задолго до начала модернизации; требовалось только сменить возницу и направление движения».

Особенно следует отметить исключительно важную роль государства в мейдзийских преобразованиях. После реставрации модернизация стала приоритетом государственной политики. В ее осуществлении был задействован весь духовный и материальный потенциал нации.

Первые шаги новой власти

Несмотря на юный возраст, император Мэйдзи активно включился в государственную деятельность. Молодой монарх оказался незаурядной личностью, подлинным лидером нации и государства. Благодаря своим личным достоинствам он еще больше укрепил традиционный авторитет своих предков.

Только за первое десятилетие правления Мэйдзи был опубликован 271 указ. Большинство из них было посвящено повседневным конкретным делам страны. Например, в одном из них император обращался с напутственным словом к молодежи, отправлявшейся на учебу за границу, в другом благодарил иностранных советников за помощь его стране. На это же десятилетие пришлось основная часть из более чем 100 поездок императора по стране. А его предшественники за 260 лет правления Токугава лишь трижды покидали столицу.

Вместе с тем положение императора оставалось достаточно зависимым. Поэтому, как правило, он предпочитал не выступать

Император Мэйдзи в
одевании европейского
монарха

непосредственно, а действовал через свое окружение. Тем не менее многие указы были написаны по прямому указанию и при участии императора.

Изменения в государственном устройстве

В соответствии с манифестом о реставрации императорской власти 17 января 1868 г. была учреждена новая система государственного управления, получившая название *сансёку* («три должностных ранга»). Образцом для нее послужила государственная система, заимствованная из Китая еще в VII в. Во главе правительства стоял председатель (*сёсай*), который руководил двумя группами советников — старших (*гидзё*) и младших (*санъё*). Это и были 3 ранга высших должностных лиц.

Сёсай должен был быть принцем (*мия*). В число *гидзё* входило 10 чел. — члены императорской фамилии, *кузэ* и представители крупных юго-западных княжеств, а в группу *санъё* — 20 чел., среди которых были аристократы и представители важнейших княжеств (по 3 чел.), в том числе Окубо Тосимити, Готё Сёдзирё и Итагаки Тайсукэ; *санъё* распределялись по отраслям управления, где работали под руководством *гидзё*. Несмотря на формально более низкое положение, именно советники второй группы играли ведущую роль, поскольку именно они были политическими лидерами реставрации.

В подчинении этих трех категорий высших должностных лиц находились 7 управленческих подразделений (*ка*), ведавших делами религии, внутренними делами, внешними сношениями, военными вопросами, финансами, уголовными делами и административными вопросами. 3 февраля 1868 г. эта система была реорганизована: прежние *ка* (отделы) были преобразованы в *кёку* (департаменты); кроме того был создан *сёсай кёку*, т.е. департамент, непосредственно обеспечивавший деятельность главы управленческой системы (*сёсай*). Именно в него вошли наиболее известные деятели из юго-западных княжеств — уже упоминавшиеся Окубо Тосимити и Готё Сёдзирё, а также Кидо Такэёси (Коин).

Хотя и в реорганизованном правительстве высшие посты по-прежнему занимали представители императорской фамилии, *кузэ* и самураи высших рангов, государственный аппарат фактически находился в руках низших самураев из юго-западных княжеств. Такие известные деятели, как Сайгё, Окубо, Кидо и др., ранее в значительной степени зависимые от своих *даймё*, заняли прочные позиции в новом правительстве и могли теперь открыто высказывать и проводить в жизнь свои взгляды. Часть из них получила от императора за заслуги такие же ранги, что и их *даймё*, а в отдель-

ных случаях и выше. Правда, традиция вассальных отношений еще сохранялась, и Сайгō Такамори, например, отказался принять ранг более высокий, чем имел его сюзерен.

Политический курс новой власти был изложен в одном из основополагающих документов мэйдзийской эпохи — клятве императора от 6 апреля 1868 г (*гокадзэ госэймон*). Вот полный текст этого документа:

1. Будут организовываться общественные собрания, и все государственные дела будут решаться в соответствии с общественным мнением.
2. Правители и управляемые одинаково должны посвящать себя служению народу.
3. Восным и гражданским чинам, а также простому народу будет предоставлена возможность проявить личную предприимчивость и активность.
4. Будут устранены все дурные обычаи прошлого, и все действия будут проводиться на основе справедливых законов.
5. Полезные знания будут заимствоваться во всем мире, и таким путем будут укрепляться основы империи».

Окончательная редакция текста клятвы принадлежала Кидо. Нарочито нечеткие формулировки оставляли широкую свободу для их толкования. Отчасти это объяснялось тем, что в обществе были еще достаточно сильны тенденции неприятия всего западного. Тем не менее это была определенная программа действий на будущее, рассчитанная на общественную поддержку. В частности, в ст. 1 прямо не говорилось об учреждении парламента, но признавалась необходимость создания государственного органа, в работе которого приняли бы участие разные слои населения. Не случайно позже это положение клятвы стало одним из лозунгов либерального движения. Не менее важным было содержание ст. 4 и 5, поскольку фактически это была заявка на проведение курса модернизации страны и выхода ее на мировую арену.

Следующим шагом в формировании новой структуры власти был принятый 17 мая 1868 г. указ о государственном устройстве

Кидо Такаэси

(*сэйтайсё*), часто называемый первой конституцией правительства Мэйдзи. Клятва императора была включена в этот документ в качестве ст. 1. Согласно ему государственная власть была сосредоточена в руках учрежденного взамен *сансёку* государственного совета (*дайдзёкан*), состоявшего из консультативного совета и нескольких ведомств (*кан*), во главе каждого из которых, как и прежде, стоял принц крови или представитель *кугэ* или высших самураев. Средние и низшие должности предоставлялись самураям более низких рангов.

Для укрепления центральной власти указ предусматривал определенное ограничение власти *даймё*: без согласия государственного совета они не имели права присваивать титулы, чеканить монету, брать на службу иностранцев. Таким образом, уже на ранней стадии государственного развития была обозначена идея централизации управления страной, что ясно намечало перспективу лишения княжеств (*хан*) независимости от центра.

Интересно, что в этом указе, по-видимому, под влиянием американской конституции, был провозглашен (хотя и чисто декларативно) принцип разделения властей («власть законодательная не должна иметь исполнительных функций, а власть исполнительная не может иметь законодательных функций»); в него также было включено положение (тоже декларативное) об избираемости и ротации чиновников («все чиновники должны быть заменены другими после 4 лет службы. Чиновники назначаются большинством голосов при тайном голосовании»).

Образованный согласно указу консультативный совет имел двуступенчатую структуру. Вся полнота правительственной власти (выработка и издание законов, их изменение, осуществление высшей судебной власти, назначение высших должностных лиц, решение политических вопросов) была сосредоточена в верхней палате. В ее состав вошли обе группы советников прежнего *сансёку*. Нижняя палата являлась лишь совещательным органом, в котором были представлены княжества, города и другие административные единицы. Ее члены назначались правительством на неограниченный срок, хотя в ст. 4 указа было записано, что «целью создания совещательного учреждения является открытое обсуждение и установление мнения большинства». Состоялось всего два заседания этого органа, но его историческое значение заключается в том, что он был прототипом нижней палаты будущего парламента.

В структуре новой власти уже просматривалось стремление заимствовать некоторые формы государственного устройства за-

падных стран. В то же время само название и функции нового государственного совета (*дадзёкан*) формально соответствовали системе государственного управления, установленной еще в VII веке, что должно было символизировать непрерывность традиции императорской власти.

Первые внешнеполитические шаги

Наряду с манифестом о реставрации императорской власти были изданы важные указы, касавшиеся внешней политики. 3 февраля 1868 г. был опубликован адресованный иностранным державам указ о восстановлении власти императора:

«Сим объявляем монархам и подданным всех иностранных держав, что по просьбе Ёсинобу, сёгуна из дома Токугава, ему было разрешено снять с себя полномочия власти.

Отныне Мы будем самолично осуществлять верховную власть во всех внутренних и внешних делах.

Соответственно титул „сёгун“, фигурировавший до сих пор в договорах, должен быть отныне заменен титулом „император“.

Для сношений с иностранными державами будут назначены особые чиновники. Посланники иностранных держав должны принять к сведению объявляемую сим нашу волю».

Следующий за ним указ также касался отношений с иностранными государствами. В нем, в частности, говорилось:

«Покойный император издавна заботился об установлении хороших отношений с другими странами, что чрезвычайно важно для нашей страны. Ошибочная политика правительства сёгуна способствовала распространению в обществе неправильных взглядов по этому вопросу, что вызвало достаточно серьезные осложнения внутри страны. С изменением обстановки в нашей стране Мы прекращаем политику изоляции. Сим Мы уведомляем, что отныне отношения с иностранными государствами устанавливаются на основе международных правил».

15 марта 1868 г. появились «Высочайше предписываемые правила поведения» (*кбрэй*). Этот документ был посвящен, в первую очередь, внутренним проблемам и был наполнен весьма традиционными предписаниями, такими как строжайший запрет христианства или запрещение без специального разрешения покидать постоянное место жительства. Вместе с тем его «международная» часть была проникнута новым духом, направленным на предотвращение инцидентов со стороны приверженцев идеи «изгнания варваров»:

«Правительство должно относиться к договорам в соответствии с международными нормами, а народу предписывается следовать императорским указам и не совершать поступков, идущих вразрез с ними. От-

ныне каждый, кто по собственному произволу убьет иностранца или совершит какое-нибудь подобное преступление, не только грубо нарушит императорский указ и приведет свою страну к осложнениям, но также послужит причиной ослабления традиционному присущего нашей империи престижа в глазах любой из зарубежных стран, пожелавших вступить с нами в официальные отношения. Поскольку такое предательство не может быть прощено, даже лица самурайского ранга должны быть лишены своего звания и должным образом наказаны в соответствии с тяжестью преступления».

Формирование государственной идеологии

Постепенно императорские указы приобретали более отстраненный характер, стали касаться лишь наиболее важных политических, военных и моральных проблем. Целый ряд их, подобно классическим текстам, подлежал всеобщему изучению и рассматривался как священные предписания.

Изменение содержания указов свидетельствовало о переменах в официальной политике формирования образа императора. В начале правления он выступал прежде всего как государственный деятель, но постепенно акценты стали смещаться в сторону подчеркивания божественной сущности императорской власти. Народу стали прививать взгляд на императора как на небожителя, наблюдающего за своими подданными и оберегающего их.

Доктрина кокутай В основу обновленной государственной идеологии легло понятие *кокутай* (возможный перевод — «государственный организм») — специфически японская концепция государственной общности, объединявшая императора (первосвященника религии *синто* и сакрального вождя), японский народ и собственно Японские о-ва (творение богов-демиургов Идзанаги и Идзанами) в единое органическое целое.

Формированию такого миропонимания способствовали этническая однородность японцев, два с лишним столетия полной изоляции страны от внешнего мира и фактор островного положения. В этих обстоятельствах японцы естественным образом пришли к осознанию себя единым организмом, государственно-этническим и духовно-религиозным целым. В Японии с давних пор бытовало понятие о государстве как о сложном организме, в котором все взаимосвязано в соответствии с законами природы и традициями. Иными словами, в понятии *кокутай* в неразрывной связи находились природа Японии, ее население и ее боги. Концепция *кокутай* подчеркивала уникальный характер государства и народа Японии, что объяснялось «божественным происхождением» страны и императорского дома.

В апреле 1868 г. был провозглашен и законодательно оформлен принцип «единства ритуала и управления» (*сайсэй итти*). Этот политический акт ознаменовал собой возврат к древнейшему сакральному понятию единства царских и жреческих функций. Он неоднократно упоминался в императорских указах как основной принцип *кокутай* со времени возникновения японской государственности и связывался с именем легендарного императора Дзимму, взойшедшего на престол, как утверждалось, в 660 г. до н.э. и считавшегося родоначальником японской императорской династии. Именно благодаря *сайсэй итти* у японского народа развилось восприятие императора как «живого бога».

Безусловно, в мэйдзийскую эпоху абсолютное единство государства и религии было уже недостижимо, но в официальной идеологии этот принцип признавался как неотъемлемая часть функционирования государственного организма (*кокутай*). Император Мэйдзи провозглашался «живым богом», равным по религиозному статусу с богиней Аматаэрасу и божеством Тоёукэ. Для возвеличивания роли императора как первосвященника *синтё* создавались новые религиозные ритуалы, которым нередко придавался характер государственных актов.

При переезде из Киото в новую столицу Токио (переименованную по этому случаю из Эдо в 1869 г.) император совершил паломничество в Исэ — Мекку синтоизма. Свою знаменитую клятву император Мэйдзи в соответствии с традицией произнес во время религиозной церемонии, обращаясь к богам и народу. Значительная часть новых государственных праздников была связана с императором, его предками, его божественным происхождением — День смерти легендарного императора Дзимму, День смерти предыдущего императора (Кōмэй), День рождения здравствующего императора, День устройства императором новогоднего банкета, День основания империи, День приношения благодарности богине Аматаэрасу. В них зримо закреплялась идея исключительности, божественности японской нации.

Этому же способствовало введение новых государственных символов — гимна и флага. Слова гимна «*Кими-га ё*» («Ты — весь мир») были взяты из поэтической антологии X в. «Собрание старых и новых песен Ямато». Символика введенного после реставрации Мэйдзи флага «*хи-но мару*» (красный круг на белом фоне) связана с тем, что с древности Японию называли «страной восходящего солнца». Подобное изображение впервые появилось еще при императоре Годайго (XIV в.).

Учреждение государственного *синто*

Указ о единстве ритуала и управления был только первым актом нового правительства, касавшимся религии. Он свидетельствовал о наметившемся возвращении к национальной религии *синто* (путь богов).

Синто представляет собой своего рода мозаику из разнообразных верований, культов, ритуалов и этических норм, пронизывающих повседневную жизнь народа. На протяжении веков под влиянием буддизма *синто* обрел определенную догматику, но остался, в первую очередь, формой мировосприятия и мироощущения японцев. Этот культ и послужил основой учреждения государственного *синто*.

Был возрожден древний, существовавший еще в VIII в. институт, связанный с религией — управление по делам небесных и земных божеств (*дзингикан*). В новой структуре власти он занял одно из ведущих мест среди правительственных ведомств. Достаточно сказать, что чиновники *дзингикан* считались выше по положению, чем их коллеги соответствующих рангов в органах исполнительной власти. К компетенции *дзингикан* относились все вопросы, связанные с синтоистскими святилищами и исполнением ритуала. При нем был создан специальный институт проповедников. Главным направлением вновь созданного ведомства была пропаганда религиозного и политического авторитета императора. В данном ключе серьезное внимание было обращено на деятельность основных синтоистских святилищ.

Фамильное святилище императорского дома — Исэ-дзингэ (слово *дзингэ* означает принадлежность святилища к императорскому храмовому комплексу в Исэ, а слово *дзиндзя* используется для обозначения остальных синтоистских храмов) — было превращено в главный храм синто. Обрядность всех синтоистских храмов, включая даже самые мелкие сельские, увязывалась теперь с обрядностью Исэ-дзингэ, так что они как бы сделались его филиалами.

Многим религиозным обрядам придавался характер государственных актов. Например, в 1871 г. на церемонии восшествия императора на престол (*дайдзёсай*), которая основывалась на древнейших синтоистских обрядах, присутствовал дипломатический корпус. Это было сделано ради повышения престижа императора внутри страны и за ее пределами.

Уже в 1871 г. все святилища были объявлены местами исполнения государственного ритуала. Была восстановлена строгая их иерархия, определенная в свое время кодексом «Тайхёрё» (начало VIII в.). Все храмы делились на 7 категорий. Первые три находи-

лись под непосредственным контролем *дзингикан*, другие состояли в ведении его местных отделений. Священнослужители назначались по решению *дзингикан* (особенно это касалось крупных святилищ), хотя ранее эти должности были наследственными.

В 1872 г. *дзингикан* был преобразован в ведомство религиозного образования, в ведении которого теперь находились не только синтоистские, но и буддийские храмы, а также деятельность других религиозных групп. Созданное при *дзингикан* святилище в честь покровителей императорской фамилии было перенесено на территорию дворца и передано в ведение специально учрежденного управления по делам церемоний. Ведомство религиозного образования разработало «Правила обучения», состоявшие из трех пунктов, которые определяли тематику проповедей; постепенно помимо религиозных вопросов она стала затрагивать широкие темы государственного устройства. Так шло внедрение религиозно-политической идеологии нового правительства в сознание масс. В 1877 г. ведомство религиозного образования было упразднено, а его функции переданы министерству внутренних дел.

Правительство стремилось к тому, чтобы *синтō* играл основную роль в государственных ритуалах и этике. Святилищам высшей категории было запрещено заниматься отправлением повседневных служб. Вменение им в обязанность исполнения государственного ритуала превращало *синтō* в государственную структуру, т. е. происходило его слияние с государственным аппаратом. Священнослужители фактически становились чиновниками. Управление по делам церемоний при императорском дворе стало заниматься вопросами отправления обрядов не только во дворце, но и по всей стране. Так создавался государственный *синтō*, который, формально не являясь религией, занял главенствующее положение по отношению ко всем иным конфессиям. Даже исключительно влиятельный на протяжении веков буддизм был оттеснен на второй план.

Конституция 1889 г. провозгласила свободу вероисповедания, но сделала это в весьма своеобразной форме. Ст. 28 гласила:

«Японские подданные могут пользоваться свободой вероисповедания в рамках, не нарушающих мир и порядок и не угрожающих исполнению их обязанностей как граждан страны».

Лаконичность этой статьи, безусловно, требовала комментариев, которые и были сделаны Итō Хиробуми, председателем комиссии по выработке конституции:

«Хотя свобода вероисповедания ... не подлежит каким-либо ограничениям, это положение остается в силе лишь до тех пор, пока проявления этой свободы ограничиваются рамками ума верующего. Однако в том, что касается внешних аспектов, таких как формы вероисповедания и способы проповеди, должны быть предусмотрены некоторые законные ограничения и правила, а также соблюдаться общие обязанности подданных».

На практике ограничения были весьма существенными, поскольку конституция законодательно закрепила «божественность» происхождение императора. В учебных заведениях запрещалось преподавание любых религиозных дисциплин, кроме догматов государственного *синто*. Таким образом культ императора утверждался в молодежной среде.

Большую роль в практике государственного *синто* играли обряды, которым придавалось важное политическое значение. Они обеспечивали единство всей нации на основе понятия *кокутай*, центром которого был император. Именно ему принадлежала ведущая роль при исполнении главных синтоистских обрядов при дворе. Это были «большие обряды», а «малые» осуществлял главный священнослужитель дворового святилища.

Большая часть дворцовых обрядов была разработана заново. Древним был, пожалуй, лишь праздник вкушения первых зерен риса нового урожая. Важную политическую роль играли обряды, посвященные душам прошлых императоров, а также великих деятелей японской истории. В память о них строились новые святилища и учреждались новые праздники. Например, были возведены святилища в честь великих объединителей страны Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси (XVI в.).

Особое место среди вновь возведенных святилищ занял Ясукуни-дзиндзя (досл. «храм мира в стране»). Он был построен в Токио в 1869 г. и получил ранг «особого императорского святилища». В отличие от других храмов, Ясукуни находился в ведении ведомства армии и флота, и священнослужители назначались туда с согласия военного руководства. Роль главных распорядителей на различных праздниках этого храма выполняли генералы и адмиралы, а охрану несли подразделения военной жандармерии. В Ясукуни находились списки погибших в войнах, которые и составляли предмет поклонения в синтоистском святилище (*синтай*). Там же хранились и два из трех атрибутов императорской власти — зеркало и меч.

В 1874 г. император Мэйдзи посетил Ясукуни-дзиндзя, что было беспрецедентным поступком, поскольку там поклонялись не

богам, а душам погибших воинов. Таким образом, солдаты, отдавшие жизнь за императора, как бы приравнивались к богам.

Обрядность государственного *синтō* была достаточно далека от повседневной жизни населения, которое продолжало жить в соответствии с народным *синтō*. Но по мере становления Японской империи он превратился в главное идеологическое орудие правящей элиты. Объявив государственный *синтō* «не религией» (1900 г.), правительство получило возможность, не нарушая принципа свободы совести, заставить весь народ соблюдать его ритуалы, что было не особенно сложно, так как в сознании людей эти обряды сохраняли религиозный характер.

Административные реформы

Борьба за укрепление центральной власти

После окончания гражданской войны мэйдзийское правительство стало перед необходимостью укрепления центральной власти. Основная масса самураев вернулась в свои княжества. Опыленные победой над сёгуном, они решили бороться за укрепление своей вольницы. По определению Кидо, возникали «своего рода небольшие правительства *бакуфу*». В такой обстановке попытки центрального правительства (как и *даймё*) подчинить своему контролю самурайские отряды вызвали с их стороны ожесточенное сопротивление, выливавшееся в такие эксцессы как убийство в Киото руководителя военного ведомства Омура Масудзирō.

Создание системы централизованных органов власти осуществлялось постепенно и осторожно. В мае 1868 г. во всех княжествах начали действовать органы мэйдзийского правительства как посредники между центральной и местной властью. В декабре правительство конфисковало владения 22 *даймё*, поддержавших сёгуна в гражданской войне, и взяло под свой контроль 8 городов, на которые ранее распространялась власть сёгуна. В конфискованных владениях *бакуфу* были размещены гарнизоны (*тиндай*), позже переименованные в «суды» (*сайбансё*). В целях унификации должностной иерархии во всех княжествах был введен нормативный документ «Система управленческих должностей в княжествах» (*ханти сёкусэй*).

Таким образом, система управления в княжествах подверглась определенному упорядочению со стороны центральных властей. Был создан унифицированный аппарат управления, представленный правительственными уполномоченными. Кандидатуры на эти

должности выдвигались из числа не столько знатных, сколько способных людей, и утверждались центром. И все же власть правительства на значительной части территории страны оставалась иллюзорной.

«Возвращение страны и народа императору»

В 1869 г. в Японии произошло необычное событие — «возвращение страны и народа императору» (*хансэки хёкан*), т. е. добровольный отказ *даймё* от феодальных прав и передача ими своих властных полномочий центру. При этом княжества (*хан*) были формально сохранены в качестве единиц административно-территориального деления.

Лидеры Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн, прекрасно понимая, что они уже не в состоянии удержать свою власть в полном объеме, и заручившись обещанием щедрых компенсаций, в марте 1869 г. подали на имя императора петицию об отказе в его пользу от своих прав на управление княжествами. В этом документе говорилось:

«Приципы отношения подданных к Императору и обязанности высших и низших вечны и неизменны... Вся земля — это владения Императора, а люди, трудящиеся на ней, — народ Императора, и никто не может использовать их в личных целях... Поэтому мы верноподданнически отказываемся от всех наших владений с молитвой о том, чтобы все законы издавались по указанию Императора... чтобы господствовала единая власть во всей империи».

Аналогичные петиции поступили от большинства княжеств. Каждое стремилось не упустить свой шанс вписаться в новую систему власти. Наряду с политической предусмотрительностью это решение *даймё* было продиктовано веками воспитанной преданностью императорской династии. Император обладал своего рода «наследственной харизмой» в силу самого своего статуса.

Правительство, со своей стороны, делало все, чтобы избежать осложнений. Оно назначило бывших *даймё* на посты наследственных губернаторов, выплачивало им пенсии в размере 10% валового дохода с их прежних владений, а также взяло на себя обязательство погасить часть их долгов ростовщикам.

Все же с «возвращением страны и народа императору» резко усилилось вмешательство центрального правительства в управление княжествами. 8 июля 1869 г. положением об административной иерархии (*сёкуинрёй*) были установлены общие для созданных в бывших владениях *бакуфу* префектур и для княжеств служебные обязанности губернаторов и определен круг подчиненных им должностных лиц.

Упразднение княжеств

29 августа 1871 г. была совершена весьма важная реорганизация систе-

мы административно-территориального деления, которая в то время соответствовала формуле *фу-хан-кэн*, т. е. префектуры *фу* (столичные) и *кэн* сосуществовали с дореформенными княжествами (*хан*). Первоначально система префектур была учреждена лишь в бывших сёгунских владениях, но теперь императорским указом она была распространена на всю страну, а княжества полностью упразднились.

Издание императорского указа об окончательном упразднении *хан* (*хайхан тикэн*) было вызвано тем, что в сохранившихся княжествах *даймё* продолжали чувствовать себя полновластными хозяевами. При этом содержание этого документа ясно свидетельствовало о том, что центральная власть уже не особенно нуждалась в поддержке местных феодалов и, в целом, не опасалась значительного противодействия с их стороны. В нем, в частности, говорилось:

«В настоящее время Мы окончательно и бесповоротно упраздняем княжества и превращаем их в имперские владения (префектуры) для того, чтобы сократить расходы, упорядочить государственный аппарат, избавиться от всего, что отжило, и ликвидировать основы сепаратизма, подтачивающие государственность».

В соответствии с указом в стране было создано более 300 префектур (*кэн*), в том числе 3 столичные (*фу*) — Токио, Киото и Осака, — в которых была введена особая система управления (особый статус Токио и Осака сохранился и по сей день). Вскоре, в ноябре того же года, число префектур было сокращено до 75, а в 1888 г. — до 46.

**Последующие ре-
формы государст-
венного управления**

С ликвидацией в 1871 г. феодальных княжеств была проведена очередная реформа правительства, перестроенного по формуле *санъинсэй*, т. е. по 3-палат-

ной схеме. Новый государственный совет (*дайдзёкан*) делился на 3 палаты — центральную (*сэйин*), занимавшуюся по указанию императора вопросами религии, дипломатии, войны и мира, заключении договоров; правую (*уин*), куда входили главы ведомств, и которая осуществляла административное руководство; и левую (*санин*), членов которой назначал император; ее функция состояла в подготовке рекомендаций по законопроектам центральной палаты.

Для практического управления страной были учреждены 8 министерств (*сё*) — по делам религии, иностранных дел, финансов,

военное, образования, поощрения промышленности, юстиции, по делам двора. Кроме того при *дадзёкан* были введены должности советников (*санги*), которые заняли выходцы из юго-западных княжеств, том числе Кидо Такаёси, Сайгё Такамори, Итагаки Тайсукэ, Окума Сигэнобу.

Среди новых политических лидеров не было единства мнений относительно характера и структуры правительства. Источником беспокойства внутри правительства стало министерство финансов, компетенция которого была настолько широкой, что оно стало вторгаться и в более общие вопросы управления страной. На этой почве у него возникали конфликты с центральной палатой и другими министерствами. В 1873 г., когда представительная правительственная делегация (Ивакура, Кидо, Окубо, Итё и др.) находилась в Америке и Европе, стараясь добиться пересмотра неравноправных договоров, оставшиеся на родине члены правительства, среди которых наибольшим влиянием пользовался Сайгё Такамори, вышли за рамки полномочий, оговоренных при отъезде делегации, и провели ряд реформ, направленных на ограничение полномочий министерства финансов и усиление роли центральной палаты.

Одновременно в высшем эшелоне государственного аппарата назревали противоречия между советниками (*санги*) и министрами. Первые предлагали важные политические решения, но при этом были отъединены от практически работавших министерств (*сё*); с другой стороны, по сравнению с обладавшими реальной властью министрами положение *санги* было номинальным. В октябре 1873 г. Сайгё и другие *санги* (Итагаки Тайсукэ, Готё Сёдзирё, Соэдзима Танэоми) покинули свои посты. В целях укрепления структуры правительства и повышения эффективности управления страной была принята система совмещения должностей *санги* и министров.

Еще одна серьезная реорганизация правительства была осуществлена в 1875 г., когда впервые была предпринята попытка реализовать на практике принцип разделения властей. 17 января 1874 г. бывшие *санги* Соэдзима, Готё, Итагаки и др. (всего 8 чел.) подали в левую палату докладную записку о необходимости создания избираемого народом парламента и подвергли критике правительство за проведение политики исключительно в пользу бюрократии.

14 апреля 1875 г. был опубликован императорский указ о постепенном введении конституционного строя. Было провозглашено, что будут созданы палата старейшин (*гэнрёин*) и верховная

судебная палата (*тайсингин*). Одновременно была сделана попытка превратить правительство в более работоспособный орган. Были ликвидированы левая и правая палаты, осталась только центральная. Усилилась функция главного министра (*дадзэ дайзин*) как помощника императора. Компетенция левого и правого министров была сокращена до объема полномочий прежних советников (*санги*).

Палата старейшин была создана при центральной палате в качестве консультативного органа по вопросам законотворчества, однако ее полномочия не были четко определены. В конечном счете ее компетенция была ограничена выражением мнения о принятии новых и отмене старых законов, причем она рассматривала только те вопросы, которые предлагал *дадзэкан*. Однако палата старейшин имела право представлять императору свои пожелания в области законодательства. Значимость палаты определялась ее составом. Ее члены назначались императорским указом из представителей аристократии, высших должностных лиц, тех, кто оказал большие услуги государству, и наиболее компетентных и образованных специалистов. Именно по этому принципу позже была сформирована верхняя палата парламента.

Верховная судебная палата, также учрежденная при центральной палате, по замыслу ее создателей должна была контролировать исполнение законов, но фактически служила лишь инстанцией для окончательного разрешения судебных дел. При создании нового органа за образец был взят французский кассационный суд с той разницей, что последний мог отклонять решения нижестоящих судов, но не имел полномочий самостоятельно принимать решения по существу, а японская верховная судебная палата получила такие полномочия. Ее создание стало первым большим шагом по пути модернизации японской юстиции.

Реформа государственного аппарата 1875 г. представляла собой компромисс между сторонниками введения представительного правления, и теми, кто считал, что народ к нему еще не готов. Споры по этому вопросу еще долгие годы оставались в центре интритриполитической борьбы в Японии.

Реформа сословной структуры

Важной составляющей частью административных реформ была ликвидация прежней сословной системы — деления на самураев, крестьян, ремесленников и торговцев (*си-нō-кō-сэ*). В 1869 г. правящий слой был разделен на высшее дворянство (*кадзоку*), куда были отнесены бывшие *даймэ* и *кудз*, дворянство (*сидзоку*), включившее в себя высших самураев, и *соцу*, куда во-

шли самураи низших рангов. В следующем году было введено понятие «простого народа» (*хэймин*), представители которого получили право иметь собственные фамилии. Им также было разрешено носить форменную одежду и путешествовать верхом на лошади, что ранее было привилегией самураев. *Кадзоку* и *сидзоку* было дано право выбора прически и ношения меча (отмененное в 1876 г.). Лицам, принадлежавшим к *кадзоку* и *сидзоку*, было разрешено заниматься любым видом деятельности.

Новая сословная структура была окончательно упорядочена в законе 1872 г. о введении трех сословий и их равенстве. По нему самураи низших рангов (*соцу*) влились в сословие *хэймин*. Туда же были отнесены и парии японского общества (*эта*). Эта группа населения в то время насчитывала около 400 тыс. чел.

Закон о равенстве сословий оставлял определенные привилегии первым двум группам населения (*кадзоку* и *сидзоку*). Например, их представители могли заплатить штраф вместо отбывания тюремного заключения, или, будучи заключенными, освобождались от тяжелых работ. В то же время, если представитель *хэймин* становился государственным чиновником, к нему относились как к *сидзоку*. Так чиновничество становилось новым привилегированным классом.

Создание институтов местного самоуправления

на местах. Ему вменялось в обязанность проводить переписи, учреждать больницы и дома призрения, открывать сельскохозяйственные школы, регулировать границы префектур и уездов, назначать и смещать местных чиновников, определять их заработную плату и многое другое, вплоть до контроля за нравственностью. Своей деятельностью это ведомство цементировало весь государственный аппарат. Его первый руководитель Окубо Тосимити, славившийся своим диктаторским характером, во многом содействовал утверждению в нем такого же духа.

Губернаторы префектур назначались из центра и вместе со шта-

После создания в 1873 г. ведомства внутренних дел оно взяло под свой контроль всю систему власти

Окубо Тосимити

том чиновников определяли общее направление политики на местах и осуществляли контроль за ее исполнением. Аналогично действовали в рамках своей компетенции и нижестоящие органы власти в уездах, городах, деревнях. Так формировался слой местной бюрократии.

Это была нелегкая задача, поскольку на должности в местном аппарате обычно претендовали бывшие самуран, абсолютно не готовые к новому делу. Получив традиционное образование в самурайских школах, они не имели практических знаний, но в то время это был единственный «человеческий материал». Формированию местной бюрократии в значительной степени мешала и достаточно широко распространенная в провинции коррупция, прежде всего взятки за получение лицензий на занятие бизнесом. Однако после того, как с 1876 г. была введена система поощрений и наказаний как средство воспитания чиновников, за несколько лет центральное правительство сумело поставить серьезный заслон на пути развития коррупции на местном уровне.

В дальнейшем правительство пошло по пути внедрения формальных институтов местного самоуправления с одновременным реформированием и укреплением системы управления на местах. В июле 1878 г. были обнародованы акты, известные под названием «трех новых законов» (*сансинхō*), а именно закон о реорганизации уездов, районов, поселков и деревень, правила для префектуральных собраний и правила о местных налогах.

Закон о реорганизации установил административно-территориальное деление префектур на уезды (*гун*), районы (*ку*), поселки (*мати*) и деревни (*мура*). В соответствии с ним «подворные начальники» (*котё*), возглавлявшие поселки и деревни, избирались населением, а губернаторы префектур (*футидзи* и *кэнрэй*) вручали им документы о назначении. Закон разрешал создание районных, поселковых и деревенских собраний (*кутёсонкай*). Эта практика получила развитие в 1880 г., когда был принят специальный закон о таких собраниях.

По правилам для префектуральных собраний, в их компетенцию входило решение вопросов, связанных с местными налогами и с покрываемой этими налогами частью местного бюджета. Право внесения всех проектов решений закреплялось за губернаторами, а принятые решения вступали в силу с их одобрения. Депутаты избирались в количестве до 5 чел. от каждого уезда или района. Пассивным избирательным правом (т.е. правом быть избранными) наделялись мужчины в возрасте от 25 лет и старше, прописанные (*хонсэки*) в данной префектуре, проживавшие в данной

местности не менее 3 лет и уплачивавшие земельный налог в данной префектуре в размере 10 иен и более. Активным избирательным правом (правом избирать) обладали мужчины в возрасте от 20 лет и старше, прописанные в данном уезде или районе и уплачивавшие земельный налог в данной префектуре в размере 5 иен и выше. Таким образом, возможности представительства были очень ограниченными, и практические дела на периферии по-прежнему вершил узкий круг влиятельных лиц.

Тем не менее деятельность префектуральных собраний была все-таки заметной, и в 1881 г. при центральном правительстве была создана арбитражная палата для урегулирования спорных вопросов между ними и местной администрацией. Вскоре правительство сочло чрезмерной самостоятельность, предоставленную им ранее поселкам и деревням, и в мае 1884 г. пошло на основательную корректировку принципиальных положений «трех законов». Участки, подведомственные конторе «подворного начальника» (*котё якуба*), были укрупнены, а сам он стал не избираться, а назначаться губернатором префектуры. Изменениям подвергся и закон о районных, поселковых и деревенских собраниях, благодаря чему возросли возможности губернаторов и других чиновников влиять на их деятельность.

В 1888 г. был введен в действие закон о местном самоуправлении, на многие годы закрепивший усеченные, декоративные его формы, когда реальная власть на местах осуществлялась периферийными органами центрального правительства.

Реформирование вооруженных сил и полиции

До 1871 г. правительство почти не имело непосредственно принадлежавших ему войск. Между тем, ему была нужна современная армия, основанная на принципиально новой доктрине. Ее создание было частью программы строительства нового государства в соответствии с концепцией «богатое государство — сильная армия».

Создание регулярных вооруженных сил

По вопросу о военной реформе ведущие мэйдзийские лидеры придерживались полярных взглядов. Кидо Такаёси, опасаясь усиления влияния *сидзоку*, выступал за организацию армии на основе всеобщей воинской повинности. Окубо Тосимити и Сайгō Такамори были сторонниками формирования армии из самураев при соблюдении принципа наследования военной профессии. Больше всего они боялись потери самураями их при-

вилегированного положения, поскольку полагали, что именно они должны стать опорой новой власти.

В качестве компромиссного варианта в феврале 1871 г. была создана 8-тысячная императорская гвардия (*симпэй*, более позднее наименование — *коноэхэй*) из выходцев из Сацума, Тёсю и Тоса, которая находилась в непосредственном подчинении военного ведомства. После того, как в июле 1871 г. были упразднены княжества, местные военные отряды частично были распущены, а частично включены в состав правительственных войск. Стало возможным строительство единых вооруженных сил, и императорская гвардия послужила ядром будущей регулярной армии, формированием которой наносился окончательный удар по сепаратизму.

27 февраля 1872 г. военное ведомство было упразднено, а на следующий день были созданы министерство армии (*рикугунсё*) и министерство военно-морского флота (*кайгунсё*), что стало шагом вперед в деле развития управления вооруженными силами. 28 ноября 1872 г. были изданы основополагающие документы о призыве на военную службу, что можно считать началом создания современных вооруженных сил на основе всеобщей воинской обязанности.

Как всегда, правительство действовало очень осторожно, тем более, что речь шла о вооруженных силах. Поэтому в виде опыта принцип всеобщей воинской повинности был введен первоначально лишь в пяти префектурах. Закон, имевший силу для всей империи, был принят только в 1873 г.

В официальном заявлении государственного совета по поводу принятия этого закона указывалось:

«Все должны служить в армии... Призыву подлежит все взрослое население, пригодное для несения военной службы. К уклоняющимся от призыва применяются самые строгие меры... Все демобилизованные возвращаются по домам и вновь становятся крестьянами, ремесленниками или торговцами... Лиц, которые, называясь самураями, носят два меча, бездельничают, совершают насилия, убивают людей и не несут ответственности перед властями, быть не должно. ... Всем низшим сословиям будет постепенно предоставляться свобода. Это именно тот путь, с помощью которого будет установлено равенство всех людей, достигнуто единство армии и крестьянства».

Согласно закону, страна была поделена на шесть военных округов. Все граждане мужского пола, достигшие 20-летнего возраста, подлежали призыву на военную службу на 3-летний срок.

За единицу призыва принималась семья: «Освобождаются лица, братья которых находятся на военной службе».

Новый закон был воспринят населением достаточно негативно. Широкое распространение получило уклонение от воинской службы. Тому был целый ряд причин. Несмотря на декларируемое равенство, от военной службы освобождались правительственные чиновники, учащиеся привилегированных учебных заведений или обучающиеся за границей, а также лица, способные откупиться за весьма большую сумму. Кроме того, не служили главы семей, их наследники, т. е. старшие сыновья, сироты, воспитываемые дедушками, единственный сын или внук в семье, а также приемные дети. Таким образом, бремя воинской повинности было распределено весьма неравномерно.

Такое положение, естественно, вызывало волнения в стране. Из 30 с лишним крестьянских восстаний в 1873 г. 12 вспыхнуло в связи с законом о всеобщей воинской повинности. Нередко такие выступления подогревались неверным толкованием отдельных статей закона и нелепыми слухами, которым верило невежественное сельское население. Например, слова закона «военная служба — это налог кровью» трактовались в прямом смысле, т. е., что у рекрутов будут брать кровь, а в некоторых случаях и просто убивать, а тела отдавать иностранцам на съедение.

Согласно закону, верховным главнокомандующим вооруженными силами был император. Глава военного ведомства курировал артиллерийский совет, совет военных инженеров, военно-санитарный совет, военно-ветеринарный совет, департамент вооружений, арсенал, фортификационный отдел, интендантскую службу и военно-учебные заведения.

Образованию в армии и на флоте придавалось исключительное значение. Правительство не жалело усилий и средств для того, чтобы заимствовать самый передовой зарубежный опыт, совмещая его с национальными военными традициями. В начале 70-х годов в Токио была создана военная академия для подготовки командного состава армии. В ней преподавали французские офицеры. Для подготовки флотских офицеров были открыты военноморская академия и училище, где, в основном, работали английские специалисты. Многие слушатели проходили практику в Великобритании и США. Существовали также специальные учебные заведения для подготовки специалистов различных родов войск.

Первый устав новой армии был разработан еще при формировании императорской гвардии из самураев юго-западных кня-

жеств. В 1878 г. он стал называться «Наставлением для военно-служащего», а в 1882 г. переименован в «Императорский наказ». В нем подчеркивались такие необходимые для воина добродетели, как верность, преданность долгу, беспрекословное выполнение приказов, мужество, героизм, и запрещалось заниматься любой политической деятельностью.

При всех нововведениях и западных заимствованиях армия продолжала сохранять многие традиционные черты. В основу идеологической пропаганды в ней легли кодекс самурайской чести *бусидо*, синтоизм, патернализм (офицер — отец подчиненным) и другие традиционные принципы. Надо сказать, что воспитание военнотслужащих в таком духе продолжалось вплоть до капитуляции Японии в 1945 г.

Постепенно в организации регулярной армии, построенной по французскому образцу, выявился ряд слабых мест. Главным из них было отсутствие генерального штаба — в Японии военным планированием занимался военный министр. За исправление этого недостатка в структуре управления вооруженными силами выступил Кацура Таро — протеже Ямагата Аритомо. Выходец из самурайской семьи княжества Тёсю, он с юных лет принимал участие в движении за свержение сёгуната. Вернувшись на родину после нескольких лет обучения в Пруссии и работы военным атташе, Кацура стал одним из инициаторов и непосредственным исполнителем реорганизации вооруженных сил. С 1885 года армия начала перестраиваться по германскому образцу с помощью немецких инструкторов.

При участии Кацура в 1878 г. был создан генеральный штаб как независимый орган, подчиненный непосредственно императору. Это было осуществлено за несколько лет до того, как подобная реформа была проведена в Германии Гельмутом фон Мольтке. Позже были учреждены отдельные генеральные штабы для армии и флота. Изъятые из-под контроля соответствующих ведомств, они стали дополнительной опорой императорского правления.

В соответствии с планом нового военного строительства по прусскому образцу, правительство в 1882 г. приняло решение увеличить мощь сухопутных войск до 6 дивизий. Их численный состав в мирное время был определен в 73 тыс. чел., а в военное — 274 тыс. В том же году была разработана 8-летняя программа строительства военно-морского флота, которая предусматривала оснащение морских сил 42 кораблями тоннажем 30,7 тыс. т. Через 4 года число кораблей было увеличено до 52, а в 1892 г. была

принята абсолютно новая программа, согласно которой тоннаж возрастал до 120 тыс. т. В 1893 г. Япония уже обладала профессиональными армией и флотом, способными решать проблемы на континенте.

Формирование современной полиции

Наряду с реформой вооруженных сил реорганизация полицейской системы также составляла важную часть мейдзийских преобразований. Начало созданию современной полиции было положено в октябре 1871 г. выделением 3 тыс. чел. для патрульной службы в токийской столичной префектуре (*фу*) и одновременно роспуском существовавшего до того префектурального военного формирования. В начале 70-х годов была создана централизованная полицейская система, которая в 1874 г. перешла под управление ведомства внутренних дел. В префектурах надзор над деятельностью полиции обеспечивал губернатор через соответствующее управление. Особый порядок был введен в токийской столичной префектуре, где, по парижскому образцу, появилась должность полицейского губернатора, наряду с обычным.

В уездах существовали свои полицейские отделения, штаты которых определялись в соответствии с численностью населения. В целом по стране была установлена следующая квота: в городах по одному полицейскому на 300–800 чел., а в уездах — на 1–2 тыс. Полиции надлежало: поддерживать тишину и порядок на вверенных ей участках, но не превышать свои полномочия; следить за санитарным состоянием местности; бороться со злоупотреблениями властей; заниматься следственно-розыскной работой; осуществлять надзор за пожарными командами. Позже к ее компетенции были отнесены контроль за политической ситуацией, осуществление цензуры печатных органов и надзор за нравственностью.

Постепенно возникали и развивались новые виды полицейских служб, различавшихся по видам ставившихся перед ними задач. В марте 1881 г. была создана военная полиция, или жандармерия (*кэмпэйтай*). Примечательную тенденцию внутри полицейского механизма составляло обособление полиции, занимавшейся защитой государственного строя, от обычной административной полиции.

Все полицейские в стране рассматривались как государственные чиновники. Чины префектуральных полицейских управлений назначались центром. Финансирование осуществлялось, большей частью, за счет местных бюджетов. Центральное правительство доплачивало 15–17%, и лишь в Токио дотации составляли 40%.

На первых порах основная масса полицейских вербовалась из самураев. С одной стороны, это была наиболее образованная часть населения, но, с другой, в их сознании прочно укоренилось высокомерие и презрение к простому народу. Поэтому остро встал вопрос о подготовке новых полицейских кадров. С этой целью в Токио было учреждено специальное учебное заведение — коллегия полиции и тюрем. В нее направлялись по решению губернаторов префектур наиболее способные сотрудники. Вернувшись на места, они обучали своих коллег.

Тюрьмы относились к компетенции ведомства юстиции, в котором было создано специальное управление. На местах ими, как и полицией, ведали губернаторы. До конца века они находились на балансе местных бюджетов, поэтому их состояние зависело от воли префектуральных властей. Многие тюрьмы оказались в крайне плачевном состоянии. Как и полиция, они в Японии имели свои специфические черты. «Это обстоятельство, — писал бывший руководитель ведомства внутренних дел Суэмацу, — должны иметь в виду иностранцы, путешествующие по Японии. Я этим не хочу сказать, что наша система лучше. Западные порядки и обычаи имеют свои хорошие стороны. Они очень полезны и хорошо приспособлены к потребностям этих стран. Я хочу только сказать, что наши обычаи иные».

Непохожесть Японии на западные страны нередко приводила к недоразумениям в отношениях с иностранцами, и японцы старались по мере возможности сглаживать их. Например, в японских тюрьмах практиковалась система общего содержания с обеспечением всего необходимого за счет заключенного. Для иностранцев же устраивались одиночные камеры, и им предоставлялись кровати, постельное белье и прочие предметы, к которым они привыкли.

Судебно-правовая реформа

Мэйдзийское руководство рассматривало создание новой судебно-правовой системы как важную составную часть реформ и, в то же время, как предпосылку их успеха. В течение 70-х годов правительство провозглашало свою приверженность идее развития правовой системы, основанной на разделении властей и гарантиях прав человека. Однако в эти годы японские юристы еще оставались под влиянием китайской модели права. В 80-е годы произошел отказ от нее в пользу западных правовых систем, что было сделано во многом в интересах создания юридического фун-

дамента для пересмотра неравноправных договоров с иностранными державами.

Создание централизованной судебной системы

До упразднения княжеств правосудие в каждом из них осуществлялось владельцем феода (*рёсю*).

Принятый в феврале 1868 г. документ «Служебная иерархия в судах» (*сайбансё сёкусэй*) придавал функцию отправления правосудия «судам» (*сайбансё*), т. е. административным органам в конфискованных владениях *бакуфу*. Компетенция центральных органов юстиции была весьма ограниченной.

После «возвращения страны и народа императору» в июле 1869 г. было принято «Положение об административной иерархии» (*сёкуинрёй*), в котором, в частности, определялось, что уголовным судопроизводством должно было заниматься ведомство уголовных дел (*кэйбусё*), гражданско-правовым судопроизводством — ведомство гражданских дел (*мимбусё*), а еще один орган — контрольная служба (*дандзёдай*) — был призван осуществлять административный контроль и выдвигать обвинения против чиновников.

Однако и тогда осуществление правосудия по уголовным и гражданско-правовым делам практически оставалось в руках руководителей префектур и княжеств, а центральное правительство могло принимать решения по таким делам только определенных случаях: например, когда преступление предполагало наказание в виде смертной казни или ссылки (для приведения в исполнение смертного приговора была необходима санкция императора).

В июле 1871 г. ведомство уголовных дел и контрольная служба были упразднены и вместо них было создано министерство юстиции (*сихёсё*), которому поручили судопроизводство и розыск. Первым министром юстиции был назначен Этё Симпэй, приверженец идеи централизации судебной системы.

Начало реорганизации было положено созданием в декабре 1871 г. суда в Токио — первого в Японии судебного органа нового типа. Затем на основании специальных актов были созданы «высшие суды» (*дзётё сайбансё*) в Осака, Нагасаки и Фукуока (последний затем переместился в Мияги) и префектуральные суды. В 1872 г. министерство юстиции определило, что в случае нарушения прав населения чиновниками на местах потерпевшие могут обращаться за защитой в судебные органы. Таким образом Этё Симпэй пытался прекратить с помощью юстиции произвол местных властей.

3 августа 1872 г. правительство приняло «Положение о служебных обязанностях должностных лиц юстиции» (*сихō сёкуму тэйсэй*), в котором просматривалось влияние французского и голландского права, как, впрочем, и правовых традиций домэйдзийской Японии. Согласно ему предусматривалось создать 5 видов судов, а именно: чрезвычайный суд министерства юстиции (*сихō-сё риндзи сайбансё*) для рассмотрения важных государственных дел и преступлений, совершенных судьями; суд министерства юстиции (*сихōсё сайбансё*) (фактически апелляционный); выездные суды (*сюттё сайбансё*) для отправления правосудия в отдаленных местностях (на практике ни одного такого суда создано не было); префектуральные суды (*фукэн сайбансё*), охватить которыми все префектуры не удалось из-за сопротивления местных властей и по причине финансовых трудностей; районные суды (*ку сайбансё*), рассматривавшие дела о незначительных преступлениях.

При всей относительной прогрессивности новой судебной системы ей были присущи несомненные слабости, главная из которых заключалась в том, что она не обеспечивала полной независимости судов и судей. Во главе нее пребывало министерство юстиции, оно же назначало и смещало судей, а также давало им разъяснения законов. Сам министр одновременно был главным судьей суда министерства юстиции (до декабря 1873 г.), а судопроизводство по отдельным делам могли контролировать непосредственно подчиненные ему прокуроры (*кэндзи*).

Вместе с тем нужно иметь в виду, что при тогдашней недостаточной подготовленности судей и несовершенстве японского права такой примат административного начала в области юстиции, возможно, был оправданным практическим решением, способствовавшим реализации идей Это о создании качественного и единого правосудия и о защите прав народа.

Возникновение современного права

Усилия по созданию централизованной судебной системы свидетельствовали о большом значении, которое мэйдзийское правительство придавало юриспруденции. Отсутствие в Японии юридических институтов, адекватных западным, было одним из слабых мест в отношениях с иностранцами. Именно на этом основании иностранные государства потребовали и получили права экстерриториальности и вывели своих граждан из-под действия японских законов, которые они считали несправедливыми и устаревшими.

Это мнение было вполне справедливым. Например, введенные ведомством уголовных дел в мае 1870 г. правила уголовно-су-

дебной процедуры весьма напоминали домэйдзйские образцы: допускалась попытка подозреваемого, предусматривалась рассадка обвиняемых в зале суда в соответствии с их сословной принадлежностью. В них явно прослеживалась связь с юридическими нормами эпохи Токугава, основанными на приоритете личного статуса, а не закона.

Ради освобождения от иностранного вмешательства в систему права на своей территории Япония приступила к приведению отечественного законодательства в соответствие с западными нормами. Однако реформа затянулась надолго, поскольку было непросто преодолеть оставшиеся в наследство от сёгуната правовые традиции, восходившие к древним китайским образцам.

Приступая к правовой реформе, мэйдзйское правительство изучало методы отправления правосудия на Западе. Однако, как и при заимствовании в старину элементов китайского права, в Японии не было прямого переноса зарубежных правовых реалий на национальную почву: они подвергались соответствующей адаптации. Так, японцы не приняли в качестве образца основанное на прецеденте английское право, поскольку корни их юридического мировоззрения лежали в кодифицированном домэйдзйском праве китайского типа.

Предпочтение было отдано французскому праву: работа над составлением новых японских законов началась в октябре 1870 года с перевода наполеоновских кодексов. В качестве консультанта был привлечен французский адвокат Ж. Буске. В 1875 г. в министерстве юстиции было создано специальное подразделение в составе 11 экспертов для реформы уголовного законодательства. Для подготовки проекта УК был приглашен профессор Парижского университета, специалист в области уголовного права Г. Э. Буассонад де Фонтараби.

Участие французских юристов в разработке уголовного и уголовно-процессуального кодексов имело прямые последствия еще до завершения этой работы. В 1875–1876 гг. был принят ряд актов, предусматривавших возможность обжалования и пересмотра приговоров, а в 1876 г. — отменен принцип обязательности признания обвиняемого для вынесения обвинительного приговора. Поводом для этого послужила записка Буассонада о необходимости отмены пыток, поданная в 1875 г. (окончательно пытки были отменены в октябре 1879 г.).

После ряда экспертиз, обсуждений и изменений оба кодекса (УК и УПК) были опубликованы 17 июля 1880 г. и вступили в силу с 1 января 1882 г. В целом они отвечали передовому уровню

права в тогдашнем мире. Заложенные в них принципы «нет преступления и нет наказания вне нормы закона» и «закон не имеет обратной силы» были революционными для Японии, поскольку ранее они не были известны ее уголовной юстиции. Революционность кодексов проявилась также в провозглашении равенства всех перед законом и в установлении принципа индивидуализации, т. е. персонального характера вины. Были отменены коллективная уголовная ответственность и совместная вина, характерные для феодальной юстиции. В проекте уголовно-процессуального кодекса предполагалось также введение суда присяжных, но в последний момент от него отказались.

Если уголовный кодекс был принят относительно быстро, то создание гражданского кодекса потребовало гораздо больше времени: работа над ним продолжалась с 1870 по 1890 г. Трудности при его разработке во многом были вызваны тем, что в данном случае право опиралось не только на общенациональные, но и на местные обычаи. Кроме того, еще на ранней стадии мэйдзийских реформ было обнаружено, что обращения в суд с гражданско-правовыми спорами и вынесения по ним формальных судебных решений не работали во многих житейских ситуациях. Поэтому в 1876 г. правительство официально признало неформальные методы разрешения таких споров путем достижения соглашения (как бы в продолжение домэйдзийской традиции).

Вместе с тем, ответом на быстрые изменения в жизни японского общества стало бурное развитие гражданского права в области сделок. Рядом актов были подробно регламентированы формы документов, составляемых при заключении сделок, разработаны институты заключения сделки по доверенности, ограничения ссудного процента, солидарного долгового обязательства, долговых гарантий, уступки права получения долга, ограничения срока подачи иска, имущественных ограничений. Был также принят ряд законов о поощрении экономического развития, в том числе о банках, компаниях, векселях и др.

* * *

Судебная система окончательно оформилась после принятия конституции 1889 г. — гражданско-процессуальный кодекс вступил в силу в 1891 г. Почти одновременно с помощью немецких специалистов был разработан и торговый кодекс. Таким образом, в Японии утвердилась современная правовая система.

Не менее важным следствием судебно-правовых реформ в период Мэйдзи стало осознание японскими судьями своей независимости. Ярким примером такого рода был категорический отказ

тогдашнего главного судьи верховной судебной палаты Кодзима Икэн распространить действие статьи уголовного кодекса о преступлениях против императорской фамилии на случай, когда японский полицейский Цуда Сандзё в 1891 г. ударил саблей посетившего Японию наследника российского престола (будущего императора Николая II), поскольку данная статья касалась лишь японского монарха и его родственников. Высокий судебский чин пожертвовал своим постом, но не уступил давлению со стороны правительства.

Экономические реформы

В период Мэйдзи Япония вступила, имея весьма отсталую по сравнению с ведущими западными странами экономическую систему. Основу японской экономики составляли сельское хозяйство и мелкое кустарное производство, транспорт и связь находились на весьма низком уровне развития, торговля и финансы несли на себе отпечаток феодальной эпохи, и буквально по пальцам можно было пересчитать предприятия, применявшие передовую по тем временам технику. Тем не менее, после реставрации Мэйдзи Япония оказалась в состоянии осуществить быструю и эффективную модернизацию экономики.

Аграрная реформа Огромное значение для развития капитализма имели проведенные в 1871–1873 годах аграрные преобразования. Среди наиболее важных из них следует назвать отмену феодальной зависимости крестьян, ликвидацию феодальной собственности на землю, введение системы купли-продажи земли, свободу выбора возделываемых культур, реформу поземельного налога. Проведение этих мероприятий привело к созданию частной собственности на землю, что обеспечило развитие сельскохозяйственного производства, которое в тот период являлось основным источником создания в стране материальных ценностей.

В центре аграрных преобразований стояло введение земельного налога взамен феодальной земельной ренты. Для этого предварительно была определена группа собственников земли. С этой целью в феврале 1872 г. им были выданы соответствующие удостоверения (*тикэн*), которые получили все, кто мог доказать, что он являлся фактическим владельцем земли.

В первую очередь право собственности на землю получили крестьяне, которые имели свои земельные наделы и выплачивали земельную ренту или другие налоги феодалам или чиновникам сё-

гуната. Тем самым были заложены основы для реализации одного из главных условий развития капитализма — эксpropriации крестьянства. Как показали дальнейшие события, введение частной собственности на землю и свободы купли-продажи земли в условиях, когда основная часть крестьян не могла прокормиться за счет своих крошечных наделов, резко ускорили процесс перехода крестьянской земли в руки помещиков.

Арендаторы и безземельные крестьяне, имевшие ранее землю, но заложившие ее к тому времени, *тикэн* не получили. Их земля перешла к помещикам, зажиточным крестьянам или ростовщикам, которым ранее они отдали землю в заклад.

В результате указанных мероприятий в руках помещиков оказалось до 1/3 всей обрабатываемой земли. Эта категория в наибольшей степени выиграла от реформ, получив юридически оформленное право собственности на землю и сохранив право сдавать ее в аренду.

К этой группе добавились представители торгово-ростовщического капитала, которые еще при Токугава фактически приобрели землю, хотя это и было запрещено законом 1643 г. Часть из них жила в деревне и нанимала рабочую силу для обработки земли, другая, оставаясь в городе, сдавала ее в аренду. Самурай низших рангов, которые занимались земледелием, также получили *тикэн*.

В ходе реформы земли были разделены на частные и государственные. Ранее практиковавшееся общинное пользование лугами, лесами, пастбищами в пределах княжества утратило силу. Эти угодья захватывали помещики и государственные чиновники. Теперь крестьяне были вынуждены платить за сбор листьев, хвороста, обжиг древесного угля, выпас скота. Частично разнотельство продавало такие земли тем, кто мог их купить. В результате господствующей силой в деревне стали крупные и, частично, средние землевладельцы.

В 1873 г. различные формы феодальных повинностей были заменены единым налогом, уплачиваемым непосредственно центральному правительству. Обложению таким налогом подлежали землевладельцы, которые получили *тикэн*. Их земли были занесены в земельный кадастр. Налог платили как непосредственные производители, так и те, кто сдавал землю в аренду. Арендаторы государственным поземельным налогом не облагались. Они вносили не ограниченную законом натуральную арендную плату землевладельцу, а также выплачивали местные налоги.

Величина налогового сбора была установлена в 3% цены земли, определявшейся правительством на основе земельного кадастра.

ра в соответствии с ее качеством, и не зависела от урожая данного года. В законе говорилось:

«По окончании проведения реформы размер поземельного налога будет соотнесен со стоимостью земли и не может быть понижен или повышен в неурожайный или урожайный годы».

Кроме того землевладельцы выплачивали местный налог в размере 1% стоимости их земли. Оба налога взимались в денежной форме. В сумме это составляло немногим менее половины валового дохода крестьянина, но, в отличие от прежних времен, не было различных дополнительных поборов, которые подчас доводили размеры обложения крестьян до 70% урожая. В течение 1875–1892 гг. сумма земельного налога составляла до 85% всех налоговых поступлений. Это был зримый экономический результат проведенной аграрной реформы.

Новая система землевладения и землепользования, поставив крестьянство в рыночные условия, принесла ему новые проблемы. Земельный закон был выгоден, в основном, крупным и средним землевладельцам, особенно тем, кто получал арендную плату натурой. Имея запасы риса, они могли выбрасывать его на рынок весной при повышении цен. Мелкий же собственник был вынужден продавать рис сразу же после сбора урожая вне зависимости от конъюнктуры рынка. Нередко он по-прежнему обращался за денежной помощью к помещику или ростовщику и зачастую терял обретенную землю. Бывшие собственники становились арендаторами.

Значительная часть крестьян была недовольна новыми аграрными преобразованиями, поскольку они поставили их в очень жесткие условия. Например, раньше в случае неурожая рентные платежи с крестьян снижались, теперь же денежный налог оставался неизменным. Кроме того, как уже говорилось, было утрачено право на пользование общинными землями. Крестьяне страдали и от «ножниц цен» на сельскохозяйственные и промышленные товары. Росла ипотечная задолженность. Все это, безусловно, вызывало озлобление крестьян и приводило к массовым выступлениям. Особенно острыми они были в 1876 г., когда резко упали цены на рис. В результате в 1877 г. правительство было вынуждено снизить размер поземельного налога до 2,5%.

**Капитализация
пенсий бывших
даймё и самураев**

Наряду с аграрной реформой важное значение для стимулирования развития капиталистических отношений имела проведенная в 1873–1876 гг. капитализация

пенсий бывших *даймё* и самураев. Дело в том, что в самом начале реформ правительство обещало феодалам и самураям, что они получат значительные денежные компенсации за утраченные феодальные привилегии в виде пожизненных пенсий.

В результате правительство было вынуждено позаботиться о примерно 300 семьях бывших *даймё* и о 2 млн. самураев. Крупные феодалы были, в основном, довольны предложенными условиями. Ведь раньше, несмотря на значительные общие доходы, они были вынуждены нести большие затраты на разного рода общественные работы и поддержку своих безземельных вассалов. Теперь правительство гарантировало им половину прежнего дохода, что обеспечивало им безбедное существование. Но для мелких самураев пенсии не возмещали потерю ими многих привилегий, хотя правительство и старалось позаботиться о тех, кто по тем или иным причинам не сохранил землю и оказался в трудном положении. Например, из бывших самураев формировались армия, полиция и бюрократия. Были попытки посадить самураев на землю, с тем чтобы они завели фермерские хозяйства западного типа, однако в большинстве случаев это закончилось неудачей из-за преобладания издольщины и в связи с нежеланием самураев заниматься предпринимательством.

Огромные расходы по выплате пенсий легли тяжелым бременем на государственный бюджет, поглощая более трети его доходной части. Общая сумма выплат составила свыше 200 млн. иен. В связи с этим в 1873 г. правительство предложило феодалам и самураям добровольно капитализировать свои пенсии. Государство брало на себя обязательство вместо пожизненных пенсий выплатить единовременную денежную компенсацию (половину наличными, половину облигациями государственного займа). Такая компенсация открывала возможность заняться предпринимательской деятельностью в любой форме. Более того, самураи получали право приобретать государственные земли по льготным ценам.

Однако уже в 1876 г. ввиду тяжелого финансового положения правительство пошло на принудительную капитализацию пенсий. Единовременные выплаты составляли размеры пенсий за 5–14 лет. Для покрытия этих огромных расходов правительство прибегло к размещению в Лондоне займа в размере 2,4 млн. фунтов (более 117 млн. иен).

Как и прежде, выплаты частично покрывались облигациями из расчета 5–7% годовых (процент варьировался в зависимости от размера пенсии). При маленьких пенсиях он был выше. Тем не

менее, у крупных феодалов общий доход был достаточно высок. В результате всего 476 *кадзоку* получили 1/3 всех облигаций, в то время как 320 тыс. (!) *сидзоку* — 2/3. Доход бывших самураев низших рангов был незначительным. Его можно было сопоставить с жалованием простых солдат, но те дополнительно состояли еще на довольствии государства. Это послужило причиной последующих самурайских выступлений.

Выплата компенсаций была окончательно прекращена в 1882 году. Огромные денежные средства, полученные бывшими *даймё* и самураями, отчасти были вложены ими в промышленность и сельское хозяйство, но главным образом — в банковскую сферу. К началу 80-х годов им принадлежало около 75% капиталов частных банков. Весьма благоприятным событием для частного национального капитала стало и решение правительства погасить задолженность *даймё* торгово-ростовщической буржуазии, превышавшую 41 млн. иен. Благодаря этому торговцы и ростовщики получили дополнительные денежные средства, которые могли быть направлены в виде инвестиций в промышленность, сельское хозяйство или на развитие банковского дела.

* * *

В результате аграрной реформы, капитализации пенсий бывших *даймё* и самураев и погашения их задолженности торговцам и ростовщикам был дан сильный толчок процессу концентрации капитала в частных руках, и тем самым было реализовано важное условие, необходимое для быстрого развития капиталистических отношений.

Роль государства в развитии промышленности

Новое правительство, пришедшее к власти на волне борьбы с сёгуна-том, в том числе с проводившейся им политикой «открытия» страны, быстро осознало, что военная слабость и технико-экономическая отсталость Японии могут сделать ее легкой добычей западных держав, и что быстрейшее освоение мировых достижений в области техники и технологии было единственным средством избежать этой печальной участи.

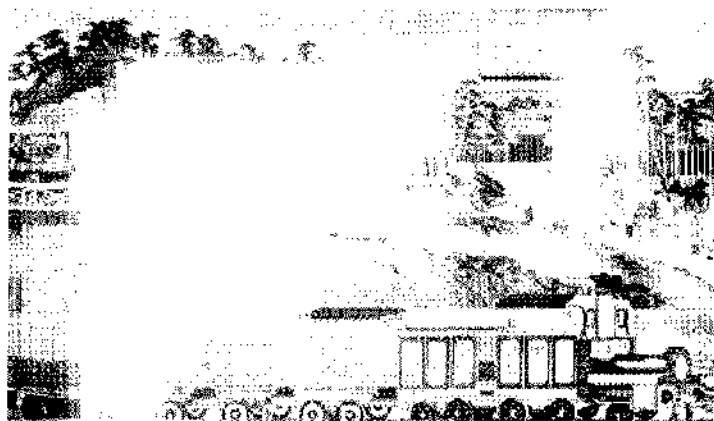
Слабость национального частного капитала, сохранение многочисленных феодальных пережитков и общая социально-политическая нестабильность предопределили тот факт, что в первые годы после реставрации Мэйдзи государство взяло на себя практически все функции по модернизации экономики, параллельно стимулируя развитие частнопредпринимательского сектора.

Одновременно на плечи правительства легла и другая не менее важная задача — обеспечить освоение и внедрение западных

достижений в области науки и техники. Деятельность правительства в этом направлении была весьма впечатляющей.

Сотни молодых японцев были направлены на обучение за границу. По всей стране были открыты государственные школы, а также инженерные, горные и сельскохозяйственные колледжи. Для внедрения в сельское хозяйство новых культур в деревнях были организованы экспериментальные сельскохозяйственные станции, чтобы адаптировать иностранные культуры к японским условиям и разработать более эффективные методы сельскохозяйственного производства. Правительство также закупало за рубежом различные товары и технику и рассылало их местным властям, а последние должны были рекомендовать их в качестве образцов для местных производителей.

Вскоре после начала реформ правительство приступило к коренной перестройке системы сообщений, столь необходимой для модернизации экономики страны. В 1869 г. была открыта паровая линия между Осака и Токио, а в 1872 г. — проложена первая в Японии железнодорожная ветка Токио—Иокогама. В 1874 г. правительство закупило за границей несколько океанских судов для организации регулярных перевозок людей и грузов между японскими портами, а также для рейсов на Тайвань и в Китай.

Первая японская железная дорога

В 1871 г. началась организация современной почтовой службы. Тогда были выпущены первые почтовые марки и опубликованы правила почтовой пересылки. Уже к следующему году современным почтовым сообщением были связаны почти все города страны. С 1875 г. начались регулярные почтовые рейсы между

Японией и Китаем, а в 1877 г. Япония присоединилась к всемирному почтовому союзу, что облегчило ей связи со всеми странами. Государственная монополия на почтовую службу была установлена в 1873 г. Через 10 лет страна была поделена на почтовые округа, в каждом из которых учреждалось отделение центрального управления. Для дальнейшего упрощения надзора за почтовой службой в 1886 г. эти отделения были преобразованы в местные управления почт.

Первая телеграфная линия между Токио и Иокогама была введена в действие в 1869 г. с помощью английских инженеров. Правда, в то время телеграф работал лишь несколько раз в день. Необходимость развития телеграфной связи правительство впервые остро ощутило во время сацумского восстания (1877). Именно тогда телеграфные линии о-ва Кюсю были соединены со столицей, а на о-ве Сикоку проведены новые. В 1879 г. Япония присоединилась ко всемирному телеграфному союзу.

Однако главным направлением усилий правительства стало создание современных промышленных предприятий, оснащенных западной техникой. Прежде всего, были переоборудованы предприятия, построенные сёгуном или *даймё* в первой половине XIX в. При этом первостепенное внимание уделялось военному производству. Так, принадлежавший сёгуну сталеплавильный завод в Нагасаки был переоборудован для производства артиллерийских орудий, а верфь в Кагосима, принадлежавшая сацумскому *даймё*, была переориентирована на производство военных судов.

С начала 70-х годов правительство приступило к строительству современных промышленных предприятий, которые должны были служить образцом предпринимательства для частного сектора. Одновременно предпринимались попытки наладить производство ряда важнейших товаров с целью постепенного ослабления зависимости страны от их импорта (например, цемента, стекла и других стройматериалов).

В 70-е годы одно за другим были построены предприятия по производству черепицы, стекла, цемента, сульфата натрия и хлорной извести, по переработке древесины, по производству пива, сахара, шелкомотальные фабрики и т.д.

Предметом особого внимания правительства была горнодобывающая промышленность. После реставрации все минеральные ресурсы страны были объявлены собственностью государства, которое предоставляло права на их разработку частным лицам. Но и само правительство в 70-е годы организовало 9 образцовых предприятий в этой отрасли, стремясь поднять общий технический

уровень производства на основе использования западной техники (в добыче золота, серебра, меди, железной руды и угля).

Для руководства строительством и управления государственными предприятиями в 1870 г. был создан департамент промышленности (*кэббусэ*), который широко привлекал к своей работе и иностранных специалистов. Всего же в середине 70-х годов в центральных и местных органах власти в качестве советников, инструкторов и т.д. работало более 500 иностранцев.

Можно сказать, что практически все построенные в первое десятилетие Мэйдзи крупные промышленные предприятия были созданы либо самим правительством, либо при его активной поддержке. Всего же к концу 70-х годов в собственности государства находились 3 судовой верфи, 51 торговое судно, 5 военных заводов, 52 промышленных предприятия, 10 шахт, телеграфная система, связывавшая все основные города страны, а также железные дороги протяженностью около 120 км.

Финансовая обес- печение реформ

Проведение политики модернизации экономики требовало огромных затрат, и с самого начала своей деятельности правительство столкнулось с проблемой острой нехватки финансовых ресурсов. Борьба с сепаратистски настроенными княжествами требовала значительных затрат на военные цели, а общая обстановка хаоса чрезвычайно затрудняла сбор налогов — основного источника государственных доходов. В то же время неравноправные договоры с западными странами сильно ограничивали возможности использования такого источника доходов, как таможенные пошлины.

В результате в 1868–1869 гг. бюджет был сведен с огромным дефицитом, для покрытия которого правительство вынуждено было прибегнуть к займам у дружественных торговых домов (прежде всего, Мицуи). Но поскольку и этой меры оказалось недостаточно, было решено использовать «печатный станок», и в течение 1868–1869 гг. в обращение было выпущено бумажных денег на сумму 48 млн. иен. В 1872 г. правительство вновь прибегло к выпуску бумажных денег, и к концу года их сумма в обращении достигла примерно 100 млн. иен. Это привело к довольно быстрому обесценению бумажных денег и росту цен.

Для покрытия все возрастающих расходов на модернизацию экономики правительство прибегало и к размещению займов (в том числе и за границей), и к середине 70-х годов общая сумма государственных долговых обязательств достигла 55 млн. иен.

Инфляционные тенденции в экономике подхлестнула и реорганизация финансовой системы страны, проводившаяся на протяжении 70-х годов. Этот вопрос встал на повестку дня вскоре после реставрации, поскольку старая финансовая система, обслуживавшая главным образом связи между торгово-ростовщическими домами и *даймё*, оказалась разрушена.

Вначале в качестве образца для подражания была взята американская банковская система. В 1872 г. был принят закон о создании так называемых национальных банков — частных финансовых институтов, работавших под контролем правительства. По этому закону каждый из них обязан был принять на депозит бумажные деньги в размере $\frac{3}{5}$ суммы капитала и иметь золотой резерв, равный $\frac{2}{5}$ суммы капитала. Им разрешалось также выпускать собственные банкноты, конвертируемые в золото. Первый национальный банк был создан в Токио в июле 1873 г. торговыми домами Оно и Мицуи, а вскоре были открыты еще 3 — в Осака, Ниигата и Йокогама.

Основной задачей национальных банков было финансирование частных предприятий, но одновременно правительство пыталось с их помощью отрегулировать систему денежного обращения в стране. С этой целью в 1873 г. были выпущены облигации государственного займа (под 6% годовых), которые предполагалось обменять на бумажные деньги, помещенные на депозиты национальных банков. Однако масштабы этих операций оказались намного скромнее ожидавшихся, так как при существовавшем тогда уровне процента (13–14%) приобретение 6%-х государственных облигаций было крайне невыгодным делом для банкиров. Всего к 1878 г. таким путем было изъято около 6 млн. бумажных иен.

В 1876 г. с целью стимулирования развития частных банков закон о национальных банках был частично пересмотрен. Банкам было разрешено выпускать банкноты без золотого обеспечения в объеме депозита казначейства, составлявшего теперь 80% их капитала. На волне этих послаблений до 1880 г. возникло еще 148 банков, большинство из которых, как отмечалось выше, были созданы бывшими феодалами на деньги, полученные в обмен за отказ от их привилегий. В частности, во многих банках основной капитал был представлен 7%-ми пенсионными облигациями государственного займа, выпущенными в 1877 г. для выплаты единовременной компенсации самураям.

Рост числа национальных банков и быстрое нарастание объемов выпускавшихся ими банкнот подхлестнули инфляцию. За 1877–1881 гг. цены на рис удвоились, уровень процента быстро

повышался, и столь же быстро падали в цене государственные облигации.

Правительство вновь попыталось сдержать инфляцию. В 1879–1880 гг. оно разместило в ряде национальных банков свои серебряные резервы и изъяло в обмен на них банкноты на сумму около 12 млн. иен. Однако вплоть до 1881 г., когда министром финансов был назначен Мацуката, и финансовая политика была существенно изменена, положение в этой сфере оставалось весьма сложным.

Итоги экономических реформ 60-х–70-х годов

Конец 60-х–70-х годов, ознаменовавшийся проведением экономических реформ, усилиями правительства по

созданию современной системы коммуникаций и строительству крупных промышленных предприятий, стал чрезвычайно важным этапом в развитии Японии. Но к концу этого периода основу ее экономики по-прежнему составляли крестьянское сельскохозяйственное производство и множество мелких и мельчайших ремесленных мастерских, и многовековые традиции продолжали оказывать весьма сильное влияние как на методы ведения хозяйства, так и на образ жизни населения Японских о-вов.

Хотя аграрная реформа 1872–1873 гг. расчистила путь для развития капиталистических отношений в деревне, в первые десятилетия Мэйдзи жизнь японского крестьянства не претерпела сколько-нибудь серьезных изменений. По-прежнему основной сельскохозяйственной культурой оставался рис, который возделывался крестьянами на небольших участках земли, прилегавших к деревне и располагавшихся в основном на террасированных склонах. После реформы возникла тенденция к сокращению числа наиболее мелких крестьянских хозяйств, но выражена она была довольно слабо. В то же время значительно возросли масштабы аренды: если в первые годы Мэйдзи арендаторы обрабатывали около 20% пахотной земли, то в середине 80-х годов — уже около 40%. Арендная плата по-прежнему выплачивалась рисом и в среднем составляла около 50% урожая.

Несколько расширились площади под другими зерновыми и техническими культурами (в частности, заметно увеличилось производство хлопка, защищенное импортными пошлинами). Что же касается традиционных домашних промыслов, то некоторые из них (например, производство лаковых изделий) сворачивались, не выдержав конкуренции импортных изделий, а другие, напротив, быстро расширялись и развивались. Среди последних можно назвать шелководство.

Традиционно все стадии производства шелка-сырца осуществлялись в крестьянских хозяйствах. Тутового шелкопряда разводили на навесах, примыкавших к крестьянским домам, а на приусадебных участках выращивали тутовые деревья, листья которых и скормливали шелкопряду. С помощью нехитрых приспособлений наматывали нить на катушки. Что же касается производства шелковых тканей, то частично оно осуществлялось самими крестьянами, частично — в специализированных шелкоткацких мастерских в близлежащих городах.

«Открытие» страны и быстро растущий спрос на японский шелк на мировых рынках привели к существенному повышению цен на него. В этих условиях масштабы производства шелка-сырца начали быстро расширяться, а число крестьянских хозяйств, занимавшихся шелководством, заметно возросло. Однако для расширения экспорта шелка-сырца необходимо было поднять качество нитей до уровня требований мирового рынка. Для решения этой задачи в деревнях начали создаваться шелкомотальные мастерские, оснащенные усовершенствованными видами ручных и ножных станков. Инициаторами их создания выступали главным образом торговцы шелком, а работали на них в основном крестьянские девушки. В результате за 1868–1883 гг. производство шелка-сырца увеличилось в 1,6 раза, а его экспорт — более, чем в 2 раза. Однако к началу 80-х годов частный капитал лишь только начинал осваивать эту традиционную отрасль японской экономики, и, несмотря на некоторое улучшение методов производства, ее облик по-прежнему определяли мелкие и мельчайшие предприятия традиционного типа.

Подобный вывод можно сделать и в отношении других традиционных производств (хлопкопрядения и хлопкоткачества, производства металлоизделий, посуды, гончарно-керамических изделий и т.д.). Частный капитал пока не спешил делать крупные инвестиции в модернизацию традиционных отраслей или освоение новых, а предпочитал извлекать выгоды из привычных торговых или финансовых операций.

Между тем с первых лет Мэйдзи быстрыми темпами развивалась японская внешняя торговля: в 1868 г. ее объем составил 26 млн. иен, в 1873 г. — 50 млн. иен, а в 1881 г. — 62 млн. иен. При этом импорт постоянно превышал экспорт, и отрицательное сальдо платежного баланса за 1868–1881 гг. составило около 80 млн. иен.

Структура внешней торговли была типичной для страны, только лишь приступившей к модернизации экономики. Основу им-

порта составляли промышленные товары, прежде всего дешевый текстиль и инвестиционные товары (станки и оборудование, суда, железнодорожное оборудование, металлоизделия), а также некоторые виды вооружений. Господствующие позиции в торговле с Японией занимала Великобритания (на ее долю приходилась почти половина японского импорта). Основу экспорта составляли сырьевые товары, прежде всего шелк-сырец и чай, а что касается промышленных изделий, то сбыт находили лишь некоторые экзотические виды продукции традиционных японских ремесел (веера, фарфор, японская бумага, изделия из лака и бронзы). При этом, поскольку из-за долгой изоляции страны у японцев не было необходимых знаний и опыта работы на мировых рынках, долгое время после открытия страны ее внешняя торговля осуществлялась через иностранных торговых агентов.

Реформа образования

В Японии конца эпохи Токугава уровень просвещения был весьма высок даже в сравнении с европейскими странами. Примерно половина мужчин и около 15% женщин получали систематическое образование, причем оно было доступно представителям всех сословий. Существовали школы для самураев, для торговцев и для простого люда. Сохранившиеся дневники и переписанные от руки книги, содержащие различные сведения по ведению сельского хозяйства, говорят о довольно широком распространении грамотности среди крестьян.

Содержание образования сводилось к изучению классических конфуцианских книг и основ математики. Важное место уделялось моральному воспитанию. Однако такое традиционное обучение уже не соответствовало требованиям времени. Это понимало еще и правительство сёгуната. С 1862 г. оно начало отправлять молодежь и государственных чиновников для обучения за границу, приглашать иностранных преподавателей и выписывать необходимую литературу.

После реставрации этот процесс приобрел лавинообразный характер. Число командированных за границу было столь велико, что среди государственных чиновников стало популярным шутить по поводу зарубежных поездок, как о новом «паломничестве в великие храмы Исэ».

Согласно специальным правилам обучения за рубежом срок обучения определялся в пять лет. Каждый стажер получал ежегодную стипендию в размере 600–700 долл. за счет пославшего

его княжества. После введения новой административной системы и упразднения княжеств расходы взяло на себя центральное правительство. В 1873 г. за рубежом обучалось 373 чел. Особой популярностью пользовался Лондон, где училось более 100 студентов. В Соединенных Штатах в 1865–1885 гг. получили образование примерно 300 чел. Однако в стране в это время было чрезвычайно мало людей, пригодных для серьезного обучения за границей. Первая же проверка по заданию Итō Хиробуми выявила много упущений, прежде всего очень низкий уровень подготовки направляемых на учебу. Поэтому в 1875 г. для них была введена система квалификационных экзаменов.

Параллельно с отправкой студентов для обучения за рубежом приглашались иностранные специалисты для работы в Японии. Уже в 1871 г. в центральном правительственном аппарате работало 214 иностранцев, а в местных органах власти еще 164 чел. В основном они были советниками при центральном правительстве, инструкторами в армии, преподавателями в школах, работали на промышленных предприятиях. Их заработная плата была чрезвычайно высока: в 1876/77 фин. г. на содержание 484 иностранных служащих было потрачено 2,3% бюджета центрального правительства. Пик использования иностранцев (524 чел.) был пройден в 1874 г., после чего их число постепенно снижалось.

В самой Японии как грибы росли школы иностранных языков: в 1874 г. их было более 90 (около 13 тыс. студентов). Мэйдзийское правительство охотно приглашало иностранных преподавателей для средних школ. В 1874 г. их было 211 чел. В 1877 г. из 39 профессоров Токийского университета 27 были иностранцами.

Немаловажную роль в приобщении японцев к западным ценностям сыграли христианские миссионеры. Они переводили на японский язык Библию и другую христианскую литературу, читали лекции, открывали церковные школы. Ими же была открыта первая женская школа.

Большую роль в распространении православия сыграл архиепископ русской церкви Николай Японский (Иван Дмитриевич Касаткин), прибывший в Японию в 1861 г. В 1870 г. он возглавил русскую духовную миссию, построил в Токио Воскресенский собор (названный японцами в память о нем Никорай-дō, т.е. «собор Николая»), открыл несколько русских школ и духовную семинарию, начал издавать первые в Японии русские журналы, которые рассказывали о России. За подвижническую деятельность архиепископ Николай был канонизирован в 1970 г.

Однако полнокровное приобщение к западной цивилизации было невозможно без проведения крупномасштабной реорганизации системы образования и просвещения в целом. Еще в период гражданской войны мэйдзийское правительство начало заботиться о возобновлении занятий в ряде учебных заведений. В июне 1868 г. вновь открылась конфуцианская академия и медицинская школа, а в сентябре — школа иностранных языков. Сразу же после реставрации была поставлена задача внедрить западную систему образования, чтобы, по словам Окума Сигэнобу, «Япония могла учиться всему у иностранцев и побеждать на их собственном поле».

Либеральные основы реформы образования

Выдающийся японский просветитель Фукудзава Юкити, будучи в составе миссии *бакуфу* во Франции в 1862 году, изучал школьное дело и опубликовал подробнейший доклад об этом. Он оказал большое влияние на развитие либеральных взглядов на образование в период Мэйдзи.

Фукудзава Юкити в 1898 г.

Фукудзава считал, что просветители должны оставаться вне государственных структур и содействовать воспитанию личностей с независимыми взглядами. Еще до реставрации Мэйдзи он учредил одну из первых частных школ для освоения западных знаний, которая значительно позже превратилась в известный частный университет Кэйō. Фукудзава рассказал японцам о Западе больше, чем кто-либо другой. За 1860–1893 гг. совокупный тираж его произведений составил примерно 7,5 млн. экз. Наиболее известными из них были: «О положении в странах Запада», «Призыв к науке», «Краткий очерк цивилизации». Фукудзава выступал против патерналистской, иерархической структуры японского общества, конфуцианских и буддийских канонов, как источников знаний, за раскрепощение всех духовных сил народа, на чем, по его мнению, основывается развитие цивилизации.

В конце 1868 г. была создана комиссия для подготовки реформы образования. За образец брались две системы — французская, которую поддерживал Фукудзава Юкити (глава комиссии), и американская, которую самым детальным образом исследовал виднейший деятель мэйдзийского просвещения Мори Аринори. Будучи первым поверенным в делах Японии в США, Мори обратился за советом к известным американским специалистам в этой области. Его интересовало, как образование может отразиться на экономическом процветании страны, развитии промышленности, сельского хозяйства и торговли, социальных, моральных, психологически устоях населения; что оно может дать для развития законодательной системы и укрепления государственности. Наибольший интерес у Мори вызвали ответы проф. Д.Муррея, который был приглашен затем в Японию в качестве советника ведомства образования и оставался им в течении нескольких лет.

В 1869 г. только в Киото были создано 60 новых начальных школ, а уже в 1870 г. в Осака и Токио были построены школьные здания нового типа. Княжествам предложили направлять талантливую молодежь на учебу в столицу. Были установлены следующие квоты: для крупных княжеств — по 3 чел., для средних — по 2, мелких — по одному. Многие княжества, не дожидаясь указаний из центра, самостоятельно готовили образовательные программы.

Чтобы установить централизованный контроль над образованием, в 1870 г. было создано ведомство просвещения, состоявшее из трех отделов — общего, специального и технического образования. Помимо непосредственной организации учебного процесса на него возлагалась обязанность контролировать содержание учебников. На местах за школьное образование отвечали, соответственно, губернатор, главы уездов и городов, старосты деревень.

Закон об образовании был принят в 1872 г. Он представлял собой победу либеральных взглядов в этой сфере. Согласно закону, представители всех сословий, а также мужчины и женщины имели равные возможности для получения образования. Новая система (начальные, средние, высшие и технические школы, а также университеты) уже не была жестко увязана с каким-либо социальным слоем. Провозглашение равных возможностей для получения образования способствовало преодолению сословных перегородок в обществе. В преамбуле закона, состоявшего из 109 статей (в позднейшей редакции — из 213), говорилось:

«Обучение — ключ к успеху в жизни, и никто не может его игнорировать... В будущем не будет ни одного населенного пункта, где были бы

неграмотные семьи, и ни одной семьи, в которой был бы хоть один неграмотный человек».

В основу преподавания в школах был положен государственный подход, согласно которому, каждый человек, получая образование, одновременно умножал и общественное достояние. Ведомство просвещения осуществляло строгий контроль, вводя стандарты на все, что касалось учебного процесса и его организации. По форме это была французская централизованная система образования при том, что финансовая поддержка со стороны государства была минимальной: платили, главным образом, учащиеся.

На первых порах школьные программы откровенно копировали европейские. Многие учебные пособия представляли собой простой перевод с иностранных языков. Копировалось также устройство классов и их оборудование. Число иностранных преподавателей и разного рода советников по вопросам образования достигало 5 тыс. чел. Например, технические школы были полностью укомплектованы английскими преподавателями. Обучение в высшей школе зачастую велось на иностранных языках: например, римское право читалось по-французски, а другие юридические дисциплины — по-немецки.

Западная система образования поддерживалась государством как необходимый фактор осуществления модернизации и индустриализации. Однако реформа образования преследовала цель не только обеспечить получение практических знаний, необходимых для модернизации страны, но и утвердить среди населения новую идеологию. На смену лозунгу сочетания китайской учености и японского духа (*кансай-вакон*) пришла формула «японский дух — западная техника» (*вакон-ёсай*). Под «японским духом» понималась традиционная культура; это понятие отражало мировоззренческий аспект, связанный с духовными ценностями японцев. «Западная техника» олицетворяла собой универсальную европейскую цивилизацию.

В соответствии с законом 1872 г. в стране предполагалось создать 8 университетов, 256 средних и 53760 начальных школ. Однако эта программа оказалась нереальной, поскольку у населения не было денег на оплату обучения, а у государства — на строительство школ. В 1879 г., когда этот закон был пересмотрен, программа школьного строительства оказалась выполненной лишь наполовину. И даже спустя почти 30 лет в стране было всего 2 государственных университета (в Токио и в Киото), 222 средних и немногим более 27 тыс. начальных школ.

В 1880 г. основное бремя по финансированию школьного образования (до 90%) было возложено на местные органы власти. С 1886 г. было установлено обязательное 4-летнее начальное образование. Мальчики и девочки в начальной школе обучались совместно. Наряду с государственными создавались и частные школы. Несмотря на нехватку учебников и квалифицированных учителей, плохие школьные здания и отсутствие наглядных пособий, успехи Японии в области образования были столь велики, что на международной Парижской выставке в 1878 г. ей была присуждена первая премия за организацию школьного дела. Начальное образование в конце XIX в. получало до 90% мальчиков и 80% девочек. С 1900 г. оно стало бесплатным. На рубеже веков по охвату детей начальным образованием Япония сравнялась с Англией.

Появление националистических тенденций

Вместе с тем, с начала 80-х годов прошлого века в японской системе образования стали усиливаться националистические тенденции. В 1879 г. после инспекционной поездки по стране императора Мэйдзи появился императорский указ «Великие принципы образования», который нанес удар по либеральной системе просвещения и призвал вновь вернуться к конфуцианским принципам. «Для морального воспитания, — отмечалось в документе, — лучший путь — это изучение конфуцианства. Люди должны сначала воспитать в себе искренность и придерживаться моральных устоев, а затем они смогут усвоить различные предметы в соответствии со своими способностями».

На основе этого указа в 1881 г. были разработаны правила обучения в начальной школе, в которых преподавание морали стояло на первом месте, а от учителей требовалась прежде всего лояльность. Шло наступление и на учебники: многие были просто изъяты, как «вредные», наносящие ущерб социальному порядку. В университетах было запрещено преподавание на иностранных языках, а преподаватели-иностранцы заменялись отечественными.

Традиционалисты изгоняли из учебных заведений тех, кто отстаивал западные идеи или был не согласен с формализованным обожествлением императора. К ним относились, в первую очередь, приверженцы христианства, чьи постулаты были несовместимы не только с духом указа об образовании, но с понятием *кокутай*. В подобной деятельности были едины и синтоисты и буддисты, поскольку христианство олицетворяло для них западный менталитет.

Постепенно в школах снова наиважнейшим предметом стала конфуцианская этика. На страницах учебников появились назида-

тельные рассказы из мифологизированной истории страны. Например, вплоть до окончания второй мировой войны в учебниках по истории для начальных школ в качестве героя, к подражанию которому должна стремиться молодежь, готовая отдать жизнь служению трону, преподносился Кусуноки Масасигэ — один из военачальников, сыгравших большую роль в борьбе императора Годайго против дома Ходзё (XIV в.).

Националистическая направленность образования окончательно оформилась в указе об образовании, опубликованном в конце 1890 г. Фактически это был моральный кодекс поведения, призывавший к беззаветному служению интересам общества и строгому повиновению законам. «Эти наставления, — указывалось в документе, — оставленные Нам Нашими царственными предками и определяющие нормы поведения, которым Мы и Наши подданные должны следовать, обладали несокрушимой силой в прошлом и остаются таковыми в настоящее время. Поэтому Мы надеемся, что Мы и Наши подданные будут неукоснительно соблюдать эти священные начала». Текст указа был вывешен во всех школах вместе с портретами императорской четы, которым поклонялись. Каждое утро школьники воздавали им почести, как это делают американские дети в школах своему флагу.

Приливы и отливы европеизации

Во исполнение ст. 5 клятвы императора о заимствовании всех полезных сведений и знаний у других народов мэйдзийское правительство уже с 1868 г. приступило к модернизации всех сторон жизни общества. Этот процесс затронул не только производство, но и политику, науку, образование, право, все области культуры, календарь, нормы поведения, обычаи, моду. Тем не менее, в процессе модернизации в последующие годы отчетливо проявились своего рода приливы и отливы.

Период безоглядой вестернизации

В первые два десятилетия после реставрации царила эйфория от всего западного, все старались все перестроить на европейский манер. Банки, железные дороги, уличные фонари, телеграфные провода, печатные издания, почтовые конторы, сигары и сигареты, котелки и цилиндры — все это разом хлынуло на Японские о-ва. Люди были будто опьянены западным образом мысли, европейской техникой и обычаями. Так, крупный политический деятель Иноуэ Каору яростно призывал отказаться от традиционного риса в пользу хлеба и от *кимоно* ради европейского платья.

Появился даже девиз — «уйти с Востока, присоединиться к Западу». Это была вестернизация в точном смысле этого слова, когда все западное считалось хорошим, а все восточное не стоящим внимания. Были случаи разрушения исторических памятников, сожжения древних храмов, уничтожения произведений искусства. Так была снесена великолепная пятиярусная пагода около храма Кёфукудзи в Нара. Свитки буддийских сутр продавались на вес за ничтожную плату. Даже Фукудзава Юкити, западник и либерал, писал в то время с осуждением:

«Сейчас так называемые просветители, а за ними и тысячи других людей, которые даже толком не разобрались в том, каковы отличительные черты жизни на Западе, проповедуют и безоговорочно признают безусловное превосходство Запада во всем».

Рисунок начала 70-х годов.

Надписи возле человеческих фигур означают: справа — «непросвещенный человек», в центре — «наполовину просвещенный человек», слева — «просвещенный культурный человек»

Как ни парадоксально, интерес к собственному искусству возродился у японцев не в последнюю очередь под влиянием американского ученого, преподавателя философии в Токийском университете Э.Ф.Феноллозы. За годы жизни в Японии он стал крупным специалистом по ее традиционному изобразительному искусству, составил для правительства перечень его выдающихся образцов и воспитал целую плеяду местных специалистов, основавших впоследствии Токийскую школу искусств.

Возврат к традиционным ценностям

Даже во время безудержного увлечения Западом отношение к его ценностям оставалось в Японии дифференцированным.

Правящие круги воспринимали вестернизацию исключительно прагматически, отвергая западный либерализм применительно к

принципам общественного устройства. Представители старой феодалской знати в большинстве своем вообще не признавали того нового, что несла с собой европеизация, а общественные деятели националистического направления были настроены достаточно иронично, полагая, что время все расставит на свои места.

В целом первое поколение японцев, вступившее на путь модернизации, отнюдь не боялось потерять свою самобытность. Этот процесс, даже будучи весьма быстрым в отдельных сферах, не вызывал резкого чувства отторжения, поскольку его плоды часто преподносились как бы в японской упаковке. Некоторые западные концепции оказывались весьма похожими на отдельные традиционные воззрения. Например, японское учение *дзичугаку*, провозглашавшее связь философии с деятельностью человека и признававшее практическую роль науки, легко соотносилось с европейским принципом «полезности», категорией модного в XIX в. позитивизма.

Однако с 80-х годов в Японии появились признаки роста национализма и нарастания внутреннего протеста против вестернизации, прежде всего в духовной сфере. Все громче становились голоса тех, кто выступал за возрождение традиций, в защиту национальных культурных ценностей.

Развитие такой тенденции объяснялось несколькими причинами. Первая из них была чисто политическая. Японские правящие круги целенаправленно стремились законсервировать национальные ценности как противовес чрезмерному проникновению западных влияний. Они умело использовали конфуцианские идеи социальной гармонии, лояльность к вышестоящим, готовность подчинить личные интересы интересам нации. В этом контексте конфуцианская идея подчинения старшему трансформировалась в беспрекословную преданность интересам государства и императору. На рубеже 70-х–80-х годов такая политика правительства была существенно активизирована, чтобы противодействовать росту «движения за свободу и народные права», включившего в свой идеологический арсенал ценности западного либерализма. Квинт-эссенцией этого консервативного сдвига в государственной политике стало восстановление в полном объеме морального воспитания в школе и принятие указа об образовании.

Другая причина была, скорее, психологического свойства. Быстрое проникновение в жизнь японцев иностранных вещей, идей и стереотипов поведения вызвали у образованной части общества психологическую усталость и своего рода шок от массированного соприкосновения с чужой культурой. Появилась бо-

язык того, что если слепо следовать Западу, Япония перестанет быть Японией, а японцы — японцами, опасение утратить свою национальную самобытность.

Среди японских традиционалистов того времени было достаточно много сторонников своего рода просвещенного национализма. Его представители не были последовательными «анти-западниками». Они лишь хотели взять лучшее, что есть в европейской цивилизации (прежде всего в материальной сфере), сохранив духовные ценности японской национальной культуры.

Просвещенный национализм стал проявляться в мире науки и искусства. Прежде всего вновь усилился интерес к древней истории страны. В 1884 г. было создано антропологическое, а в 1895 г. — археологическое общества. Тогда же началась гигантская работа по опубликованию исторических материалов и документов — в частности, «Материалов по истории Японии» и «Собрания древних исторических актов».

* * *

Процесс модернизации шел в Японии настолько быстро, что иногда порождал обманчивое впечатление, будто японцы разрушают свои традиции. На самом деле модернизация осуществлялась не на основе отрицания традиционных структур, а путем их активного использования. Усвоение чужеземного опыта определялось прежде всего политическими целями, и этот процесс шел под контролем правящей элиты. В конечном счете принималось то, что отвечало потребностям общества в данное время и не отрицало японскую традицию.

Прагматизм японцев давал им возможность воспринимать все нововведения, которые они считали нужными, не поступаясь традиционными ценностями. Это — одна из причин, почему Япония сумела успешно ответить на вызов Запада в отличие, скажем, от Китая. И в том, и в другом случае огромную роль сыграли социально-психологические факторы, имевшие глубокие исторические корни: в частности, отношение японцев и китайцев к остальному миру. Японцы, исторически находившиеся на периферии китайской цивилизации, и на протяжении веков осуществлявшие культурные заимствования извне, сумели быстро переориентироваться на новый их источник, сохранив при этом ядро своей национальной культуры. Китайцы же, на протяжении всей своей истории игравшие роль донора культурных достижений для обширного варварского окружения, долгое время не могли допустить наличие ценностей, отличных от их собственных, и необходимость чему-нибудь учиться у других народов.

Глава 3

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В ГОДЫ МЭЙДЗИЙСКИХ РЕФОРМ

Реформы, последовавшие за реставрацией Мэйдзи, положили начало быстрым изменениям в японском обществе. Как и любые реформы, они, разрешая те или иные общественные противоречия, неизбежно вели к ущемлению интересов некоторых социальных слоев, к появлению новых очагов общественной напряженности и, соответственно, реакции в виде социального протеста.

Акции социального протеста в годы мэйдзийских реформ можно разделить на две основные категории. Первая из них — проявление недовольства прежде привилегированных социальных групп, чье положение в результате реформ объективно оказалось подорванным. В Японии тех лет к этой категории относились самураи. Вторая категория — протест социальных слоев, объективно выигравших от реформ, или просто-напросто возникших в их результате. Причиной его было, как правило, недовольство темпами осуществления реформ или их недостаточно радикальным характером. В мэйдзийской Японии такие настроения проявлялись у части буржуазии и городской интеллигенции.

Разумеется, встретить такие чистые категории социального протеста в реальной жизни было непросто. В конце концов, в период реформ Японию продолжали населять те же люди, что жили там и при *бакуфу*. Многие из них вынужденно изменили свой социальный статус, и в их сознании причудливо переплетались старые и новые интересы и представления. И все они страдали от психологического дискомфорта, вызванного нарушением привычного уклада жизни.

Наиболее отчетливо такая двойственность проявилась в крестьянском движении. Невозможно сказать однозначно, выиграло крестьянство от реформ или проиграло. Оно начало сложный и мучительный переход в новое качество, превращаясь из феодального сословия в один из классов возникавшего в Японии капиталистического общества. Оставаясь в своих деревнях и продолжая заниматься привычным трудом, крестьяне неожиданно для себя очутились в совершенно новых социальных условиях — условиях рыночных отношений. Ускорившееся в связи с этим расслоение крестьянства привело к росту социальной напряженности в деревне и к дифференциации социальных ориентиров многих ее жителей. Поэтому крестьянские протесты в конкретных случаях быва-

ли направлены и на защиту своих рациональных экономических интересов, и на борьбу с правительственными нововведениями, и на ускорение реформ.

Крестьянские волнения

Движение ёнаоси Во время гражданской войны, стимулировавшей пробуждение политического самосознания широких масс населения, требования крестьян приобрели конкретный, социально-ориентированный характер. Подобные выступления получили название *ёнаоси* («за улучшение жизни») и были направлены прежде всего против сельских богатеев. В районе Канто, где было много владений дома Токугава, они отличались к тому же ярко выраженной антисёгунской направленностью.

Примером *ёнаоси* могут служить крестьянские волнения в уезде Айдзу в октябре 1868 г. Собравшиеся там на сход крестьяне постановили, что «дело улучшения жизни является делом самой общины» и выдвинули следующие требования: сменить всех деревенских должностных лиц; уничтожить все казенные книги по учету выплаты налогов; взимать с деревенских старост (*нануси*) и сборщиков податей (*кимоцри*) такие же налоги, как и с простых крестьян; предоставить беспроцентную рассрочку на 5 лет для погашения задолженности по заложенным крестьянами землям; выплату денег, взятых взаймы, рассрочить на 10 лет без процентов.

Подобные выступления часто инициировались самураями низших рангов, оказавшимися не у дел. Нередко их возглавляли и представители буддийского духовенства, чьи позиции постепенно начали ослабевать в связи с государственной политикой в области религии (насаждением синто). Правительство сурово преследовало зачинщиков выступлений, некоторые из них были казнены, например Сагара Сбдзё — организатор «отрядов красных повязок» (*сэкихётэй*).

Недовольство характером реформ

Реставрация Мэйдзи не оправдала надежд крестьян, которые, поддержав выступления антисёгунской коалиции, рассчитывали на коренные перемены к лучшему в своем положении. Обманутые ожидания вызвали рост числа крестьянских волнений. В 1868 г. было 17 выступлений, в 1869 — 48, в 1870 — 31, в 1871 — 24, в 1872 — 16 и в 1873 — 37. Суммарно в них принимали участие сотни тысяч человек. Особенно широкий размах имело крестьянское восстание на территории современной префектуры

Нагано в 1870 г. В нем участвовало до 70 тыс. чел. Масштаб крестьянских выступлений внушал мэйдзийским властям серьезное беспокойство.

В начале 70-х годов к традиционным требованиям крестьян о снижении налогов и упразднении разного рода повинностей добавились новые, связанные с преобразованиями, к которым приступило мэйдзийское правительство, и которые нарушали привычный образ жизни населения. Так, крестьяне выступали против всеобщей воинской повинности, лишавшей многие крестьянские семьи рабочих рук; или против введения григорианского календаря, поскольку ростовщики использовали этот акт для махинаций со сроками возврата долгов; или против уравнивания в правах презираемой группы парисв (*ата*).

Как правило, в ходе волнений крестьяне нескольких деревень, собравшись, поджигали и захватывали призывные пункты или помещения административных учреждений, нередко угрожая жизни правительственных чиновников. Иногда такие выступления принимали огромные масштабы и докатывались до префектуральных центров. Например, на территории префектуры Фукуока в крестьянском восстании 1873 г., отличавшегося разнообразием требований, участвовало до 300 тыс. чел. По большей части они были недовольны проведением землемерных работ, в результате которых у них отрезали земли для строительства школ и проведения телеграфных линий.

Значительное число выступлений крестьян было связано с проведением не оправдавшей их надежд аграрной реформы. Вынужденные продавать или отдавать землю за долги, чтобы уплатить высокий земельный налог, они оставались полностью обездоленными, т. к. мало развитая промышленность еще не могла принять освобождавшиеся рабочие руки. В этой связи наиболее серьезные волнения вспыхнули в конце 1876 г. в центральной Японии. В результате правительство было вынуждено снизить земельный налог с 3 до 2,5% стоимости земли.

В 80-е годы характер выступлений крестьян определялся ухудшением их положения в связи с дефляционной политикой правительства, снижением цен на сельскохозяйственную продукцию (в отдельных районах до 50%), прежде всего на рис и шелк-сырец и, соответственно, уменьшением их доходов, при увеличении местных налогов и акцизов. Как следствие, резко возросла задолженность крестьян, достигшая к 1884 г. крайне высокого уровня. В частности, в префектуре Канагава задолженность некоторых хозяйств доходила до 108 иен. В среднем размер крестьянско-

го хозяйства составлял примерно 1 га; при урожайности в 10,6 коку риса с гектара и цене 1 коку в 5 иен, годовой доход составлял 53 иены, т. е. был в 2 раза меньше задолженности. Крестьяне боролись за снижение или даже погашение долгов. Нередко они создавали для этого различные объединения — должников (*сяк-кинто*), арендаторов (*косакуто*), нуждающихся (*комминто*). Собравшись группами по 200–300 чел., они захватывали банки, ссудные кассы или дома богачей, чтобы уничтожить свои долговые расписки.

Постепенно в деятельности крестьянских организаций стали звучать политические мотивы. Примером может служить клятва, которую давали члены объединения нуждающихся в уезде Титибу (префектура Сайтама):

«Свергнуть абсолютистское правительство обычным путем невозможно, поэтому обещаем бороться за народные права, поставив на карту жизнь и домашнее имущество...Перед слабыми духом мы не раскрываем свое намерение свергнуть правительство и говорим лишь о требовании погашения долгов. Пусть умрем, но клятву не разгласим. Скрыв подпись кровью, будем действовать, как договорились».

Именно в уезде Титибу в связи с резким падением цен на шелк-сырец произошло наиболее крупное крестьянское выступление первой половины 80-х годов (ноябрь 1884 г.). Крестьяне потребовали установить 10-летний мораторий на выплату долгов и затем предоставить им рассрочку затем на 40 лет; снизить цены и закрыть школы на 3 года с тем, чтобы сократить семейные расходы. Требования крестьян не были выполнены, и их руководители решили прибегнуть к силе: более тысячи человек напали на дома ростовщиков и местных чиновников и уничтожили долговые расписки. Число восставших возросло до 5 тыс., они направились в город Титибу. Против них были брошены полицейские отряды и регулярные войска. В течение десяти дней восстание было подавлено, а его лидеры сурово наказаны. Один из них просидел в тюрьме на Хоккайдō 35 лет.

Однако даже после такого восстания правительство ничего не предприняло для облегчения положения крестьян, а лишь призывало их трудиться еще более усердно. Это подтолкнуло наиболее активную часть крестьянства в объятия появившихся в то время политических партий. Крестьянские выступления этого периода влились в общее русло возникшего тогда «движения за свободу и народные права» (*дзидо минкан ундō*), составив его левое крыло.

Самурайская оппозиция

Недовольство самураев
итогами реставрации

Много недовольных политикой правительства было и среди самураев, особенно низших рангов. В начале 70-х годов самураи составляли около 2 млн. из 34-миллионного населения страны. Они, несомненно, были движущей силой реставрации Мэйдзи и, казалось бы, могли претендовать на привилегированное положение при новой власти.

Самураи действительно сыграли значительную роль на начальном этапе мэйдзийских преобразований: чиновничество состояло исключительно из самураев, из их состава вербовалась полиция и армия. Кроме того, именно им в большой степени обязано своим становлением японское предпринимательство.

Вместе с тем лишь меньшая часть самураев сумела найти себе достойное место в жизни в новых условиях. Большинство же рядовых самураев получали весьма незначительную пенсию, а после ее капитализации их доходы стали совсем мизерными. Многие не только не могли в силу экономических причин начать предпринимательскую деятельность, но и не хотели унижаться до подобных занятий. Они по-прежнему держались за сословные привилегии, не желая примириться с мыслью, что в новой Японии они стали в один ряд с простолюдинами. Особое возмущение самураев вызывало создание регулярной армии на основе всеобщей воинской повинности, а затем и запрет ношения ими мечей (1876) как знака избранности.

Самураи обвиняли правительство в том, что оно ликвидировало старинные обычаи, заставляло народ подражать иностранцам. Они требовали реставрации власти *даймё*, изгнания иностранцев, уничтожения «порочных правителей», ограждения императора от их влияния, устраивая даже покушения на членов правительства (например, на Ивакура Томоми в 1874 г.). В разных частях страны самурайские выступления зачастую смыкались с крестьянскими.

Правительство считало, что наилучшим выходом из создавшегося положения была бы молниеносная, победоносная военная экспедиция на континент. Она отвлекла бы основную массу самураев от внутриполитических проблем и укрепила бы престиж новой власти. Большинство членов правительства выступало за военный поход в Корею, но они разошлись во мнениях относительно сроков его проведения. Так, Ивакура, Окубо, Кидо считали, что сначала следует разрешить внутриполитические проблемы, а Сайгё, Итагаки, Готё и их сторонники добивались того, чтобы немед-

ленно выступить в поход. Оказавшись в меньшинстве, последние вышли из правительства и составили ядро оппозиции, главная роль в которой досталась Сайгō Такамори.

Заслуги Сайгō в деятельности первого мэйдзийского правительства были чрезвычайно велики. Он принимал активное участие в возвращении императору прав на управление княжествами и в создании армии на основе всеобщей воинской повинности. Как командующий императорскими вооруженными силами Сайгō обеспечивал безопасность и стабильность в стране в первые годы после гражданской войны. Он остался во главе правительства, когда в 1871 г. его председатель Ивакура Томоми отбыл с миссией за рубеж. В 1873

Сайгō Такамори

году Сайгō был назначен главой дипломатической миссии в Корею для разрешения якобы имевшего места инцидента об оскорблении корейской стороной Японии. Сам же он надеялся спровоцировать корейцев, а затем военной силой навязать им кабальный договор, как это в свое время проделал Перри с его собственной страной. Но возвращение Ивакура предупредило подобное развитие событий. Несмотря на выход из правительства, Сайгō не был смещен с поста главы военного ведомства и продолжал пользоваться неизменным авторитетом. И именно он возглавил сацумское восстание 1877 г., которое явилось апогеем самурайских выступлений.

Сацумское восстание

Княжество Сацума стало местом последнего самурайского мятежа не случайно. Сыгравшее одну из ключевых ролей в реставрации, оно, несмотря на все преобразования нового правительства, оставалось к тому времени фактически независимым. Там отказались принять назначенного центральным правительством губернатора, и главой его по-прежнему оставался князь Симадзу, сохранявший старые порядки и обычаи. Фактически же власть в Сацума принадлежала Сайгō Такамори, который единолично распоряжался там значительными военными ресурсами — арсеналом с литейными и пороховыми цехами и несколькими военными школами, под видом которых скрывались вооруженные

формирования. В Сацума Сайгō собирался с силами, рассчитывая, что со временем он сможет благодаря своему авторитету беспрепятственно войти в Токио со своей армией и диктовать свои условия.

До поры до времени правительство смотрело сквозь пальцы на деятельность Сайгō. Во многом поэтому Сайгō довольно долго занимал осторожную, выжидательную позицию и не поддерживал лидеров недовольных самураев. Так было во время первого серьезного самурайского мятежа в феврале 1874 г. в префектуре Сага, проходившего под лозунгом борьбы против влияния иностранцев. В нем приняло участие более 2,5 тыс. чел. Центральное правительство направило туда войска, стремясь подавить мятеж в зародыше, пока не восстал весь о-в Кюсю. Самураи были разгромлены. Не поддержал Сайгō и выступление в префектуре Фукуока в конце 1876 г. под руководством бывшего заместителя руководителя военного ведомства Маэбара Иссэй, выступавшего против создания регулярной армии и за немедленные военные действия против Кореи. Маэбара пользовался большой популярностью среди простого народа, поскольку, будучи губернатором в Этиго, снизил местные налоги, за что получил выговор от правительства. Восстание было жестоко подавлено, а Маэбара казнен.

Непосредственным поводом к сацумскому восстанию послужили действия центрального правительства. Тогдашний его глава Ōкубо Тосимити направил в Кагосима, столицу Сацума, полицейских чиновников, с тем чтобы они взяли город под свой контроль. Одновременно правительство приняло решение вывезти в январе 1877 г. с территории княжества часть оружия и военного снаряжения. Узнав об этом, курсанты частных школ (фактически военных училищ) опередили правительственных посланцев и сами захватили оружие. Ситуация в Сацума была подогрета также сообщением о якобы существующем в Токио заговоре против Сайгō.

Как опытный политик и военный специалист Сайгō понимал, что у него недостаточно сил, чтобы победить правительственные войска. Однако действия центральных властей и стихийные выступления в Сацума не оставили ему выбора, и он бросил вызов правительству. Под предлогом объяснения с Ōкубо по поводу заговора в Токио Сайгō Такамори во главе 15-тысячной армии выступил 17 февраля 1877 г. из Кагосима. По дороге к г. Кумамото его армия обросла новыми сподвижниками, и ее численность достигла 40 тыс. Однако уже в первых сражениях с 60-тысячными правительственными войсками близ Кумамото Сайгō потерпел поражение. Армия, состоявшая из «грязных крестьян», развеяла

миф о непобедимости самураев. Отступив к своей столице Кагосима, Сайгō попытался собрать новые отряды, но игра уже была проиграна. При осаде города он был ранен и покончил с собой согласно самурайским обычаям.

Сацумское восстание не встретило поддержки самураев соседних княжеств, на что очень рассчитывал Сайгō. Во-первых, правительство приняло меры для изоляции мятежников, а, во-вторых, восстание, направленное на восстановление феодальных порядков, уже не отвечало интересам не только широких слоев населения, но и большей части самураев. Разгром сацумского восстания поставил точку на антиправительственных выступлениях самурайской оппозиции.

В сацумском восстании по разные стороны баррикад оказались два бывших сподвижника по мейдзийской революции — Сайгō Такамори и Ямагата Аритомо. С именем последнего связано создание регулярной армии и последующая ее реорганизация (в 1878 г.) по прусскому образцу. Его усилиями была также заложена основа независимости вооруженных сил от влияния гражданского политического руководства страны путем создания подчиненного непосредственно императору генерального штаба.

Ямагата Аритомо

Кровопрлитная война между правительственными войсками под руководством Ямагата Аритомо и мятежными самураями (свыше 30 тыс. убитых, среди которых 2/3 составляли мятежники) показала превосходство регулярной армии, оснащенной современным вооружением. Укомплектованная на новых принципах правительственная армия ясно продемонстрировала, что хорошо обученные, дисциплинированные простолюдины могут сражаться не хуже потомственных воинов-самураев. По словам Ямагата, ставшего впоследствии идеологом японского милитаризма, «в японцах, независимо от того, принадлежат ли они к военной касте, течет одна и та же кровь. Когда они подчинены единой дисциплине, то становятся хорошими солдатами, равными по храбрости своим прославленным предкам».

Несмотря на то, что Сайгō был объявлен мятежником и лишен всех титулов и званий, уже в 1891 г. он был посмертно прощен.

Более того, ему был присвоен один из высоких придворных рангов. Память о Сайгō Такамори — выдающимся деятеле реставрации Мэйдзи — увековечена бронзовой статуей, установленной в токийском парке Уэно. Так Япония воздала должное одному из своих выдающихся исторических деятелей.

Движение либеральной оппозиции

Мэйдзийское правительство подвергалось атакам со стороны не только самурайской, но и либеральной оппозиции. Ее деятельность вошла в историю под названием «движение за свободу и народные права» (*дзю миккэн ундō*).

Зарождение либерального движения

Если центром самурайского сопротивления было княжество Сацума, то оплот либеральных сил стало Тоса. Это объясняется по крайней мере двумя причинами. Во-первых, центральная власть была, в основном, монополизирована представителями княжеств Сацума и Тёсю, а выходцы Тоса практически не получили к ней доступа. Во-вторых, именно в Тоса были весьма

сильны либеральные традиции, проводниками которых еще во времена сёгуната были Сакамото Рёма, Итагаки Тайсукэ и Готō Сёдзирō. Им всегда привлекала идея парламентской формы правления.

Итагаки Тайсукэ

Началом развития «движения за свободу и народные права» считается январь 1874 г., когда группа государственных советников, в том числе Итагаки и Готō, подали правительству памятную записку. В ней они предлагали «вести систему выборов депутатов от каждого княжества» и «предоставить право иметь своих представителей в правительстве самураям, богатым крестьянам и купечеству». Они полагали, что учреждение представительного органа — национальной ассамблеи — стало бы лучшим средством ограничения всевластия чиновников и укрепления японского государства в целом. В противном случае, по их мнению, нации грозила катастрофа.

Правительство отвергло записку группы Итагаки на основании того, что народ в силу своего «невежества» еще не готов получить представительный орган власти. Но ее публикация вызвала широкую дискуссию среди интеллектуалов и способствовала пробуждению политического сознания населения. Реставрация Мэйдзи высвободила энергию и пробудила честолюбие людей, вырвав их из традиционных рамок мышления. Энтузиазм в отношении новых непривычных воззрений был необычайно высок. Как в городе, так и в деревне начали создаваться различные политические общества, которые пропагандировали необходимость защиты народных прав и распространения просвещения. Больше всего волновала умы как раз проблема готовности японского общества к усвоению либеральных и демократических идей.

Появление «движения за свободу и народные права»

«Движение за свободу и народные права» отражало недовольство различных групп населения,

— от высшего дворянства до крестьян, — но больше всего дворянства (*сидзюку*), т. е. бывших самураев высших рангов, а также помещичьих кругов. Главным требованием либеральной оппозиции было учреждение представительной власти (не только в центре, но и на местах), а также расширение политических прав всех слоев населения.

Поскольку проводниками зарождавшегося в Японии либерализма были по большей части представители *сидзюку*, либеральные идеи в этой стране оказались тесно переплетены с традиционным мировоззрением. Так, будущая форма государственного устройства мыслилась идеологами японского либерализма, по сути дела, как союз княжеств, но при внесении элементов публичного обсуждения государственных дел в предполагаемом представительном органе. Кроме того, идеи японских либералов включали в себя довольно сильно выраженную националистическую составляющую, особенно в вопросах внешней политики. Не случайно слово «патриотизм» (*айкоку*) вошло в название первой политической организации.

Японские либералы черпали свои идеи на Западе — у Дж. Милля, И. Бентама, Ж.Ж. Руссо. Некоторые были знакомы и с учением русских революционных демократов. Ударную группу либерального движения составляли столичные интеллектуалы и журналисты, которые выпускали газеты, журналы, готовили реферативные материалы. Они совершали лекционные поездки по стране, завоевывая поддержку своим идеям на местах. Многие молодые люди, получив образование в Токио и пожив в либераль-

ной атмосфере столицы, уезжали в провинцию, читали там лекции, открывали школы, основывали газеты, которые становились центрами политической активности. Таким путем *дзидо минкэн ундō*, начатое недовольными *сидзоку*, охватило и другие слои населения.

Сельский сегмент *дзидо минкэн ундō* представляли местные богатеи — зажиточные крестьяне (*гōнō*) и помещики (*дзинуси*), которые были, естественно, более образованной частью сельского общества. Став после аграрной реформы полноправными собственниками земли, они начали претендовать на участие в управлении на местах, тем более, что предки многих из них во времена сёгуната работали в сельской администрации. Кроме того они считали, что поскольку взимавшиеся с них налоги в значительной степени формировали финансовую базу государства, они имели право на активное участие в решении общегосударственных проблем. Городской сегмент этого движения был представлен частично самураями, частично нарождавшейся буржуазией.

Идея представительной власти в той или иной форме разделялась многими политическими лидерами. По мнению Кидо, решительного противника власти олигархии, конституционное правительство было необходимо Японии, чтобы выйти из изоляции как сильная нация. В то же время он считал, что народ не должен иметь реальных прав, что достаточно установить конституционную монархию, в которой львиная доля власти будет сохранена в руках правителя. Окубо Тосимити также разделял взгляды на необходимость введения конституции и в 1873 г. даже предлагал Итō Хиробуми рассмотреть возможность составления ее проекта. Готō Сёдзирō и Ōкума Сигэнобу тоже поддерживали идею конституционного правительства. Она была близка и Итō Хиробуми, и Иноуэ Каору, хотя у них не было конкретных предложений.

Не встретив поддержки в правительстве, Итагаки покинул его и со своими сторонниками организовал небольшую группу под названием Общественная партия патриотов (*Айкоку кōтō*) — прообраз будущих политических партий. Вернувшись на родину, в префектуру Кōти, он открыл частную школу и на ее базе основал Общество по определению целей (*Риссися*), которое включило в себя и Айкоку кōтō. Оно состояло, в основном, из самураев бывшего княжества Тоса, выступало за самоуправление, учреждение законодательного собрания и равенство всех сословий. Риссися, отражая интересы самураев, ставших помещиками или предпринимателями, занималось организацией школ, медицинских пунк-

тов, сельскохозяйственных кооперативов, оказанием помощи нуждающимся.

Руководители Риссися рассылали своих эмиссаров по стране, призывая объединить усилия всех либерально настроенных оппозиционных групп. В результате в феврале 1875 г. в Осака была создана политическая организация — Общество патриотов (Айкокуся), которое стало оплотом «движения за свободу и народные права», создав свои отделения по всей стране. Вскоре оно было распущено. Его кратковременное существование предвосхитило аналогичную судьбу многих японских политических партий в будущем.

В ответ на активность оппозиционеров правительство установило контроль над прессой, введя предварительную цензуру всех публикаций ведомством внутренних дел. Постепенно контроль все ужесточался, и в конце 1876 г. 49 издателей и журналистов были оштрафованы или заключены в тюрьму. В течение следующих 5 лет наказаниям подверглось более 200 чел. Однако это не остановило оппозиционеров. К концу 1883 г. по всей стране выходило 199 газет, а в 1890 г. их стало уже 716. В то же время правительство пригласило в качестве советников вернуться в его ряды Итагаки, Кидо и др.

Но поскольку никаких реформаторских шагов со стороны правительства не предпринималось, они вновь покинули его. Ряд участников Риссися поддержал сацумское восстание, полагая, что тем самым можно добиться большей местной автономии (это было одним из главных их требований).

В дальнейшем «движение за свободу и народные права», отрываясь от своих самурайских корней, постепенно приобретало все более широкий размах, смыкаясь с крестьянскими выступлениями на левом фланге и с частью не связанной с правительственными кругами буржуазии — на правом. В 1878 г. Айкокуся провело восстановительный съезд. В принятой на нем программе говорилось о необходимости учреждения парламента. В противовес разворачивающейся деятельности Айкокуся правительство поспешило принять закон о создании префектуральных собраний, в чью компетенцию входило исчисление местных налогов и составление бюджета. Намечавшиеся компромиссные действия власти и либералов были прерваны убийством фактического главы правительства Окубо Тосимити самурайскими оппозиционерами, что привело к усилению репрессий против всех оппозиционных сил.

На последующих съездах Айкокуся обозначились два течения — радикальное, ратующее за всенародные выступления, и умерен-

ное, петиционное. Второе стало преобладающим. На IV съезде (март 1880 г.) Айкокуся было преобразовано в Ассоциацию за создание парламента (Коккай кисэй дōмэйкай), обозначив таким образом главную цель «движения за свободу и народные права». В меморандуме по поводу переименования организации отмечалось:

«Парламент вообще необходим стране, а сейчас он нужен как никогда... Мы надеемся, что, создав настоящую Ассоциацию, сможем отдать все свои силы борьбе за учреждение парламента... Если народ выступит солидарно, то правительство будет вынуждено согласиться на открытие парламента».

На съезде на имя правительства была составлена соответствующая петиция, но власти отказались принять ее. По их распоряжению съезд был закрыт. В апреле того же года был принят закон о контроле над собраниями и организациями. Он представлял собой детально разработанную систему всевозможных ограничений свободы организаций и собраний, особенно тех, где поднимались политические вопросы. В ст. I закона говорилось:

«Каждый, кто намеревается собрать народ для чтения доклада или дискуссии по любому вопросу, касающемуся политики, должен за 3 дня до собрания от имени учредителя, председателя или главного распорядителя уведомить полицейские власти о темах докладов или дискуссий, именах и адресах лекторов и участников дискуссии, месте и времени собрания, под чьей юрисдикцией должно проводиться собрание и получить их разрешение».

По этому закону полиции предоставлялись практически неограниченные права контроля над созданием и деятельностью любых организаций. Ей надлежало направлять своих представителей на все собрания и проверять наличие свидетельства об официальном их разрешении:

«Полицейские чины могут распускать собрания, если отсутствует свидетельство о его официальном разрешении; если доклады или дискуссии выходят за пределы тем, указанных в предоставленной информации, если ораторы обнаруживают тенденцию склонять или подстрекать к преступлению или нарушениям закона аудиторию; если те, кому из-за их положения запрещено присутствовать на подобных собраниях, не подчиняются приказу покинуть его».

Посещать подобные собрания было запрещено военнослужащим действительной службы и запаса первого и второго разрядов, полицейским, преподавателям и студентам учебных заведений.

Закон предусматривал в качестве наказания за его неисполнение штрафы и тюремное заключение.

Несмотря на подобные запретительные меры движение набирало силу. Характерной чертой «движение за свободу и народные права» стало петиционное движение за создание парламента. Лишь на протяжении 1880 г. в нем приняло участие 240 тыс. чел. В ряде петиций, наряду с требованием создания представительного органа власти, говорилось о желании покончить с неравноправными договорами или развернуть военные действия на континенте. В петициях с мест, помимо политических требований, приводились конкретные факты недовольства населения тяжелым экономическим положением или содержались протесты против несправедливых поборов с крестьян. Так, в одной из них говорилось:

«И в старину и теперь были и есть нечестные чиновники, которые, пользуясь обстоятельствами, незаконно обогащаются, произвольно повышают налоги и всеяют недовольство в сердца народа... Обложение и взимание налогов должно быть строго определено. А для этого следует создать парламента».

Правительство со своей стороны приняло меры, чтобы ограничить поток петиций. В конце 1880 г. вышло постановление, согласно которому запрещалось подавать петиции непосредственно в центр — это можно было делать теперь только через органы местной администрации. Власти разгоняли митинги, собрания, арестовывали их участников, закрывали газеты и журналы. Подобные репрессивные действия правительства имели двойкий результат: несколько был сдержан рост *дзю минкэн ундо* в крупных городах, но зато движение активизировалось на местах.

На втором съезде Ассоциации за создание парламента (ноябрь 1880 г.) был принят устав этой организации, в котором, в частности, говорилось: «не распускать Ассоциацию до тех пор, пока парламента не будет создан, сколько бы лет ни прошло». Резолюция съезда отразила изменения, происшедшие в характере «движения за свободу и народные права» — определенный отход от петиционного движения и смещение в сторону радикализма. «Прежние обращения к правительству о создании парламента, — фиксировала резолюция, — не дали никаких результатов. Вновь обращаться к нему бесполезно. Теперь народ должен силой добиться парламента и конституции».

Подобные тенденции вызывали определенную реакцию в правительственных кругах. Еще в декабре 1879 г. Ивакура Томоми посоветовал императору собрать в письменном виде мнения госу-

дарственных советников о возможности подготовки проекта конституции. Все они в принципе поддерживали идею создания конституционного правительства, но предложили делать это очень медленно и осторожно. Лишь Окума Сигэнобу высказался за скорейшее создание парламента, которому было бы подотчетно правительство. За это ему пришлось уйти в отставку, но власти все же вынуждены были пойти на уступки.

12 ноября 1881 г. был опубликован императорский указ об учреждении парламента в 1890 г.:

«Мы, восседающие на троне, занимаем Нашей династией в течение более 2500 лет и ныне осуществляющие Нашим именем и по праву Нам принадлежащему всю власть и полномочия, переданные Нам Нашими предками, издавна имели в виду постепенно ввести конституционный образ правления, дабы наши преемники могли иметь твердо установленные правила для своего руководства... Настоящим Мы объявляем, что в 23-й год Мэйдзи Мы учредим парламент и поручаем Нашим верным подданным, занятым исполнением наших велений, сделать к тому времени все необходимые приготовления. Что касается ограничений императорских прерогатив и устройства парламента, то о сем Мы решим впоследствии и объявим в надлежащее время».

* * *

Императорский указ не охладил пыл радикалов в «движении за свободу и народные права», которые начали подготовку к государственному перевороту. Наиболее активная роль в этих планах принадлежала левому крылу действовавшей тогда Либеральной партии (Дзидзё). Оппозиция формировала боевые группы, подготавливала террористические акты против членов правительства. Однако в 1885–1886 гг. властям удалось разгромить подпольные организации. «Движение за свободу и народные права», миновав свой пик в середине 80-х годов, пошло на спад.

Положение рабочих и их первые выступления

С мэйдзийскими преобразованиями связано зарождение в Японии рабочего класса и первые выступления рабочих.

Формирование рабочего класса

Проведение политики модернизации — отмена монопольных прав ремесленных цехов и купеческих гильдий, провозглашение свободы выбора хозяйственной деятельности, аграрная, налоговая и денежная реформы — создали базу ускоренного развития национальной промышленности. Наиболее быстрыми темпами развивалось хлопчаткачество. Кроме того набирали силу горнорудное дело, бумажное и шелкоткацкое производство, производство фарфа.

ра, винокурение. Соответственно, росли и ряды промышленных рабочих.

Главным источником формирования рабочего класса были потерявшие землю крестьяне, которые либо уходили на заработки в город, либо продавали по контракту предпринимателям своих детей, в большинстве случаев девочек. При этом у японского крестьянина не порывалась связь с деревней: он продолжал обрабатывать свой участок на правах аренды и для этого на период страды возвращался домой. Нередко на это время приостанавливалась работа, например, на шахтах.

Развитие промышленности способствовало распаду ремесленных цехов (дза), и разорению ремесленников, не выдерживавших конкуренции. Бывшие подмастерья и ученики, реже мастера, также пополняли ряды наемных работников. То же происходило и с кустарями, мелкими торговцами и другими представителями низших слоев городского общества. Наконец, наемными работниками становились деклассированные самураи (рōнин) — те из них, кому не удалось пристроиться в армию и полицию или завести собственное дело.

Положение рабочих Характерной чертой промышленного производства было доминирование мелких и мельчайших предприятий полукустарного ремесленного типа, где преобладал ручной труд. Очень мало использовались механические двигатели. Это накладывало свой отпечаток на положение рабочего класса и характер отношений в промышленности.

Условия труда на японских предприятиях были чрезвычайно тяжелыми: трудовое законодательство отсутствовало, рабочий день длился 14–16 час., не существовало никаких правил техники безопасности, царил произвол многочисленных надсмотрщиков. Как правило, работники жили в рабочих казармах. Заработная плата была мизерной, особенно у женщин, которые (вместе с детьми) в то время составляли свыше 60% трудящихся в текстильной промышленности. Особенно невыносимым было положение учеников, которые фактически работали задаром. Более того, после года ученичества они были обязаны отработать на предприятии 10 лет.

Появившийся в 1882 г. закон о контроле над трудом предусматривал продолжительность работы «с утра до темноты, с кратким перерывом на отдых», снижение заработной платы в случае опоздания и возможность увольнения при его повторе. По этому закону рабочие имели один день отдыха в месяц. Нерабочими днями также считались новогодние торжества (7 дней) и день ос-

нования предприятия. Таким образом, зарождавшееся трудовое законодательство фактически давало право предпринимателям по своему усмотрению определять продолжительность рабочего дня и наказывать работников по поводу и без повода.

Характерной чертой складывавшихся трудовых отношений было широкое использование услуг специального подрядчика (*ояката*). Предприниматель заключал с ним общий контракт, а уже он находил рабочую силу и определял условия труда и размер заработной платы. В целом рынок труда формировался отрядами наемных работников, которые контролировались своими подрядчиками и были связаны с ними по патерналистскому принципу *оябун-кобун*, основанному на чувстве долга и лояльности по отношению к вышестоящему. Такие отношения, покоившиеся на конфуцианских догматах, имитировали семейные связи, в которых послушание, повиновение и преданность расценивались как благодарность, в данном случае за предоставление права на труд.

Зарождение рабочего движения

Первые 20 лет развития капитализма в Японии характеризовались отдельными стихийными протестами рабочих против невыносимых условий труда. Это были бунты и кратковременные забастовки. Такие выступления происходили на предприятиях горнорудной промышленности — на рудниках Икуно (префектура Хёго), где добывали золото и серебро, на шахтах на о-ве Садо, в Такасима, Миикэ. Даже на текстильных предприятиях, где использовался женский и детский труд, происходили забастовки. Несмотря на разрозненный и стихийный характер этих выступлений, они готовили базу для появления первых организаций трудящихся.

Сразу же после реставрации Мэйдзи был издан указ о роспуске цехов и запрете создания рабочих организаций. Поэтому первые объединения наемных работников создавались под названием «партий», что стало возможным с начала 80-х годов. Так появились «партии» штукатуров, рикш, рыбаков; вскоре все они были запрещены властями. Первые профсоюзы появились только в конце 80-х годов, после того, как было официально разрешено создавать их.

* * *

Социальный протест в Японии в годы мэйдзийских реформ, вне зависимости от того, какие общественные слои были в него вовлечены, характеризовался одной интересной особенностью. Процесс модернизации радикально менял систему отношений в японском обществе и, соответственно, содержание социальных

конфликтов. Однако перемены происходили столь стремительно, что их участники не успевали осознать изменение своего социального статуса, осмыслить свои новые интересы и, тем более, выработать адекватную модель поведения, способную рационально эти интересы защитить. Поэтому движения социального протеста в мэйдзийской Японии проходили в традиционных формах, характерных для недавнего феодального прошлого.

Особенно ярко это проявилось в поведении крестьян, быстро и почти незаметно для самих себя превратившихся из феодального сословия в капиталистический общественный класс. Однако то же самое можно сказать и об образованных, «просвещенных» людях, возглавивших «движение за свободу и народные права». Несмотря на то, что они ставили перед собой вполне «современные» цели, создавали политические партии и т. п., их практические действия, характер отношений внутри их организаций оставались весьма далекими от идей европейского либерализма, которыми они вдохновлялись.

Дорога к современным формам организации общественно-политической жизни заняла в Японии много десятилетий — гораздо дольше, чем потребовалось для создания эффективного административного аппарата и конкурентоспособной экономики. По-видимому, заимствование готовых решений на основе иностранного опыта имеет ограниченную сферу применения: в переломные эпохи обществу нужно время, чтобы «прожить» собственную историю и осознать себя в новом качестве.

Часть 2

ЯПОНИЯ НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ ИМПЕРИИ

Глава 1

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ 80-х ГОДОВ

Изменения в экономической политике

80-е годы стали переломным периодом в развитии японского капитализма. Хотя Япония вступила в это десятилетие с грузом довольно сложных финансово-экономических проблем, в целом к тому времени эпоха первоначального накопления капитала уже завершилась, и все необходимые предпосылки для быстрого роста крупной частнокапиталистической промышленности были налицо. В этих условиях правительство приняло решение уйти из большей части базовых отраслей и передать их частному сектору.

Решение о продаже государственных предприятий

В ноябре 1880 г. был принят закон о продаже государственных предприятий, под который подпадали практически все заводы и фабрики невоенного профиля.

Правительство при этом рассчитывало решить сразу две проблемы. С одной стороны, укрепить позиции японской буржуазии, а с другой — облегчить бремя, каким являлись для государственных финансов расходы, связанные с содержанием предприятий.

Государственные предприятия безусловно сыграли чрезвычайно важную роль в становлении крупной промышленности, однако как источник увеличения доходов казны они себя не оправдали. За исключением нескольких образцовых текстильных фабрик, работавших на экспорт, государственные заводы и фабрики оказались убыточными, и расходы по их содержанию существенно усугубляли и без того тяжелое положение государственных финансов. В то же время, к концу 70-х годов крупная буржуазия и высшие слои дворянства уже накопили достаточно крупные состояния и были готовы при благоприятном стечении обстоятельств начать крупномасштабные инвестиции в промышленность и транспорт. Стимулом к этому и стало решение правительства о продаже государственных предприятий.

Для частного сектора эта сделка оказалась чрезвычайно выгодной, так как условия продажи государственной собственности были весьма далеки от коммерческих. Во-первых, продажа предприятий происходила не в форме торгов, а на индивидуальной основе. При этом государственные предприятия предлагались прежде всего тем представителям знати и буржуа, чьи семьи поддерживали правительство в первые годы после реставрации Мэйдзи. Во-вторых, продажные цены были установлены на уровне, который был значительно ниже реальной стоимости предприятий (в среднем $1/3$ – $1/2$ стоимости основного капитала). В-третьих, покупателям обеспечивались чрезвычайно выгодные условия платежа — длительные рассрочки под низкие проценты.

Развитие частнокапиталистического сектора экономики

Столь выгодные условия приобретения государственной собственности способствовали быстрому обогащению привилегированной части буржуазии и знати и заложили основы для формирования *дайбацу* — японских финансово-промышленных групп. Так, в 1884 г. пароходной компании «Мицубиси» был сдан в аренду, а тремя годами позднее продан на выгодных условиях самый крупный в стране судостроительный завод в г. Нагасаки. Позже ей же были переданы золотые рудники на о-ве Садо, серебряные рудники Икуно, угольные шахты на Хоккайдō. Торговый дом «Мицуи» получил текстильные фабрики (в том числе и образцовую шелкомотальную фабрику в г. Томиока), а также угольные шахты Миика и т.д.

Одновременно с передачей государственных промышленных предприятий частному сектору правительство решило стимулировать строительство частных железных дорог. При этом частные железнодорожные компании не только освобождались от уплаты налогов в течение первых 10–15 лет своей деятельности, но и фактически страховались от убытков, так как на этот период государство гарантировало им уровень прибыли в 8%.

Само же правительство с начала 80-х годов сосредоточило усилия на укреплении финансовой системы и развитии военного производства.

Политика финансовой стабилизации

С назначением в 1881 г. на пост министра финансов Мацуката Масаёси начался новый этап в финансовой политике правительства. Первоочередной задачей было объявлено достижение сбалансированности бюджета, погашение государственного долга

и восстановление паритета между серебряной иеной и бумажными деньгами.

Реформы Маукуата Для достижения этих целей был принят целый комплекс мер. Прежде всего, было решено упразднить систему национальных банков, подобную той, что существовала в США, и создать банковскую систему во главе с Центральным банком (по европейскому образцу). Центральный банк Японии был учрежден в 1882 г. и наделен функциями управления государственным долгом и правом эмиссии бумажных денег под обеспечение золотыми и серебряными резервами государства. Причем для увеличения этих резервов было решено на средства, полученные от продажи государственных предприятий, закупить золотые и серебряные монеты. Лишь в периоды кризисов Центральный банк имел право эмиссии необеспеченных денег, но в ограниченных пределах и с обязательной уплатой налога (1,5%–5%). Национальные банки обязаны были передать свои резервы драгоценных металлов на хранение в Центральный банк и кроме того ежегодно осуществлять платежи в специальный фонд, предназначенный для погашения государственного долга.

Одновременно с целью увеличения доходов бюджета были повышены ставки некоторых видов прямых налогов и значительно увеличены многие косвенные налоги. Так, еще в 1880 г. более чем вдвое был увеличен налог на сакэ. В 1882 г. он вновь вырос, а одновременно с ним повышены налоги на табачные изделия и введен гербовый сбор. В 1885 г. были установлены налоги на кондитерские изделия и соевое масло и т.д. В то же время предпринимались усилия по сокращению государственных расходов, в первую очередь на административный аппарат. Было также прекращено субсидирование частных предприятий. Некоторые виды государственных расходов, например, на строительные и общественные работы и содержание тюрем, были возложены на местные органы власти. С этой целью местные налоги были повышены, и их общая сумма увеличилась с 24 млн. иен в 1879 г. до 35 млн. иен в 1882 г.

Кроме того, благодаря значительному расширению экспорта (с 28,3 млн. иен в 1880 г. до 48,8 млн. иен в 1886 г.) и сокращению импорта (соответственно с 36,6 млн. иен до 32,1 млн. иен) торговый баланс начал сводиться с положительным сальдо, и с 1882 г. постоянная утечка золота за границу сменилась его притоком в страну.

Результаты новой финансово-экономической политики проявились уже к середине 80-х годов. К 1886 г. фактически была восстановлена конвертируемость бумажных денег в драгоценные металлы и установлен паритет между серебряной и бумажной иеной. Размеры государственного долга сократились с 245 млн. иен в 1880 г. до 239 млн. иен в 1885 г. и 234 млн. иен в 1890 г. (при этом размеры ВВП, национального дохода и база налогообложения значительно увеличились). С 1886 г. правительство начало ежегодно составлять государственный бюджет, строго придерживаясь принципа сбалансированности доходов и расходов.

Укрепились финансовая инфраструктура страны. В 1887 г. на правах инвалютного банка начал функционировать Иокогамский банк. Государству принадлежала $1/3$ его капитала, а назначения на посты президента и вице-президента банка находились в компетенции министерства финансов. Среди других правительственных институтов следует упомянуть и Депозитное бюро министерства финансов. Оно было создано в 1877 г., и ему были передованы депозиты населения в рамках «системы почтовых сбережений», а также некоторые другие фонды, принадлежавшие правительству. В 1885 г. на счетах Бюро находилось около 300 тыс. депозитов на общую сумму 9 млн. иен. Принимая на свои счета сбережения населения (в основном, наиболее бедных слоев общества), бюро инвестировало их в облигации и другие ценные бумаги правительства, префектуральных и муниципальных органов власти и тем самым предоставляло государству деньги для реализации его экономической политики.

Последствия политики финансовой стабилизации

Стабилизация денежного обращения и укрепление системы государственных финансов, осуществленные в 1881–1886 гг., безусловно, стали большим успехом финансовой политики правительства, однако социально-экономические последствия этих мер оказались весьма противоречивыми.

Стабилизация денежного обращения, сопровождавшаяся изъятием из обращения бумажных денег и восстановлением паритета серебряных и бумажных иен, привела к снижению цен на многие товары, и прежде всего на сельскохозяйственную продукцию. Так, цены на рис за 1881–1887 гг. снизились в 2,15 раза, а на шелк-сырец всего лишь за 3 года (1882–1885) — в 2,35 раза. Это принесло дополнительные тяготы японским крестьянам, так как теперь для уплаты земельного налога и различных местных налогов они были вынуждены продавать намного больше риса, чем прежде. Положение усугублялось еще и тем, что в 1880–1884 гг.

многие районы страны пострадали от наводнений, тайфунов и заморозков.

В результате значительная часть крестьянских хозяйств оказалась на грани разорения. Чтобы сохранить свои крошечные наделы и предотвратить продажу имущества с молотка в случае неуплаты налогов, крестьяне вынуждены были обращаться к деревенским ростовщикам за ссудой. Последние не преминули воспользоваться их тяжелым положением и установили столь кабальные условия кредитования, что в результате множество крестьянских семей были пушены по миру. Так, за 1883–1885 гг. из-за невозможности уплатить налоги и погасить долги ростовщикам более 200 тыс. крестьян лишились своей земли.

Лишившиеся земли крестьяне вынуждены были либо арендовать участки у помещиков и богатых крестьян, либо становиться сельскими или городскими пролетариями. В результате японская промышленность получила дополнительные резервы дешевой рабочей силы.

Аналогичные процессы происходили и в городе — в условиях снижения цен множество мелких и мельчайших предприятий либо вообще прекратили существование, либо перешли в руки владельцев более крупных предприятий или торговцев.

Иными словами, в 80-е годы процессы концентрации собственности в руках помещиков, сельской и городской буржуазии и пролетаризации прежде независимых мелких собственников получили значительное ускорение. Тем самым были подготовлены благоприятные условия для промышленного бума второй половины 80-х годов.

Развитие японской экономики

Двойственная структура японской промышленности

Во второй половине 80-х годов быстрыми темпами развивалась текстильная промышленность, прежде всего две основные ее подотрасли — производство шелка-сырца и хлопчатобумажной пряжи.

В производстве шелка-сырца — основного экспортного товара Японии того периода — быстрые темпы набирала механизация производства. Причем наряду со строительством крупных шелкомотальных фабрик, оснащенных современным западным оборудованием, происходила механизация труда и на мелких предприятиях. Так, в 1893 г. из 3203 шелкомотальных предприятий, отнесенных к категории «фабрики» (т. е. с числом занятых 10 чел. и бо-

лее) 2602 предприятия, или более 80%, применяли механические станки.

На фабрики приходилось около половины производства шелка-сырца, остальная часть производилась в крестьянских хозяйствах. Там также происходили важные изменения, но они были связаны главным образом с улучшением методов разведения шелкопряда и выращивания коконов (например, с переходом к выращиванию коконов не только в весенний, но и летне-осенний период). Постепенно между специализированными фабриками и крестьянскими хозяйствами сложилось своеобразное разделение труда: первые производили высококачественную продукцию, направлявшуюся на экспорт, а вторые работали в основном на внутренний рынок.

В хлопкопрядении происходили аналогичные процессы. Лишь за 1885–1890 гг. было построено 10 крупных хлопкопрядильных фабрик, вследствие чего их общее число увеличилось до 30. Однако, как и в шелкопрядении, в этой сфере продолжали преобладать мелкие предприятия мануфактурного типа и домашнее производство. В результате в 1891 г. лишь 39% хлопчатобумажной пряжи было произведено машинным способом, а 61% — на примитивных ручных станках.

Во второй половине 80-х — начале 90-х годов наряду с расширением мощностей перешедших в частные руки государственных предприятий происходило строительство новых крупных частных заводов и фабрик — по производству бумаги, цемента, стекла, искусственных удобрений, горных, металлургических, машиностроительных. При этом практически во всех отраслях можно было обнаружить сосуществование старых и новых форм и методов производства. Так, *саке* производилось на мелких предприятиях традиционными методами, а пиво — на крупных заводах, оснащенных западной техникой. Производство японской бумаги, как и в прежние времена, велось мелкими предприятиями или крестьянскими хозяйствами, а западная бумага изготовлялась на крупных комбинатах по западной технологии.

В результате уже к началу 90-х годов начал складываться двойственный характер японской промышленности: сосуществование крупных передовых в техническом отношении заводов и фабрик и множества мелких и мельчайших предприятий, использовавших примитивную технику и старые методы производства.

Развитие транспорта и связи

Создание льготных условий для деятельности частных компаний в сфере железнодорожного транспорта привело к значитель-

ному росту масштабов железнодорожного строительства. Первая частная железнодорожная компания «Нихон тэцудо» была создана в 1883 г., а в течение 1887–1889 гг. возникли еще 4 крупные компании («Санъё тэцудё», «Кёсё тэцудё», «Хоккайдё тэцудё» и «Кансай тэцудё»). К 1892 г. ими было построено более 2000 км железнодорожных линий (к концу 90-х годов протяженность частных железных дорог составляла уже около 4700 км, а государственных — всего лишь 1325 км). Ввод в действие в 1889 году государственной магистрали Токио–Кёбэ и частной железной дороги Токио–Аомори, а также строительство линий на Кёсё, Хоккайдё и в других районах страны позволили связать отдельные дороги в единую железнодорожную сеть и открыть сквозное движение поездов, что имело чрезвычайно важное значение с точки зрения развития внутреннего рынка страны.

В 1884 г. в Японии уже не было ни одного мало-мальски важного населенного пункта без телеграфа. Быстрый экономический рост в последующие годы повлек за собой усовершенствование телеграфных линий. В 1890 г. были проложены дополнительные кабели в проливе Цугару (Сангарском) и во Внутреннем море (Сэтонайкай). В следующем году правительство выкупило у датского Северного телеграфного общества часть кабельной линии между Японией и Кореей. Позже почта и телеграф были объединены в единую систему.

Что касается телефона, то японцы довольно долго примерялись к этому европейскому новшеству. Телефонные линии впервые были введены в действие в Токио и Иокогама в 1890 г. (197 номеров), а в Осака и Кёбэ — в 1893 г. Население не сразу оценило это замечательное изобретение и не спешило проводить телефон в свои дома. Однако через несколько лет спрос на него вырос в такой степени, что управлению телефонной связи в системе министерства путей сообщения пришлось испросить у правительства дополнительные средства для удовлетворения всех желающих.

Новое в жизни японцев

По ходу модернизации постепенно начал меняться привычный для иностранцев облик «живописной» Японии, страны хризантем. Западный образ жизни входил в Японию с первыми номерами телефонов в 1890 г., первой междугородной телефонной линией, связавшей Токио и Осака, с первыми импортированными автомобилями, с первой трамвайной линией между столичными районами Симбаси и Синагава, с прокладкой подводного телефонного кабеля между Японией и США, с началом электрификации домов.

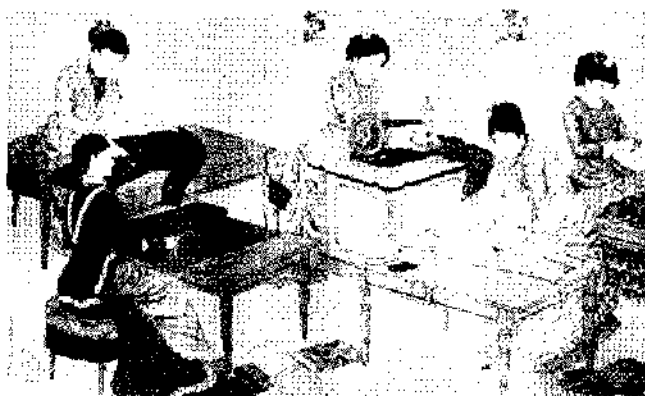
В центральной части крупных городов, среди традиционной застройки пока еще инородными вкраплениями появились многоэтажные европейские здания. Они возводились по проектам иностранных и отечественных архитекторов. В 1887 г. было начато строительство первого здания парламента, в то время самое высокого в Японии. В 1894 г. началась застройка делового центра Токио — Маруноути — в викторианском стиле, которая завершилась в 1923 г. сооружением административных зданий на американский манер. В 1895 г. было закончено строительство министерства юстиции, в 1896 г. по проекту японского архитектора Кинго Тацуно было возведено здание Банка Японии; он же был автором проекта старого здания Токийского вокзала, сохранившегося по сей день.

Целая эпоха приобщения Японии к европейскому образу жизни связана с существованием дворца, известного под названием Рокумэйкан (павильон «Крик оленя») — аллюзии на поэму из древнекитайской антологии «Шицзин» («Книга песен», XI–VI века до н.э.). Построенное по проекту англичанина Дж.Кондера в 1883 г. в районе столичного парка Хибия здание в итальянском стиле из красного кирпича в течение многих лет являло собой средоточие светской жизни на западный манер. Именно здесь элита приобщалась к западной культуре и новым обычаям. Японское правительство время от времени устраивало здесь приемы и балы, традиции проведения которых в стране раньше не было. В ноябре 1886 г. императрица со своей свитой впервые появилась здесь в парижском туалете, а не в привычном кимоно. Подобные мероприятия были тщательно продуманной правительственной кампанией с целью доказать иностранцам, что Япония стала «цивилизованным» государством.

Наиболее ярким примером европеизации столицы может служить изменение облика района Нихомбаси, получившего свое имя от названия моста, от которого в токугавской Японии велся отсчет расстояний по всей стране. Здесь возводились первые банки, универмаги, кафе, рестораны, что символизировало соединенные власти денег и культуры.

На основе магазина, принадлежащего дому Мицуи еще с XVII века, вырос один из самых известных универмагов — «Мицукоси». Неподалеку от него стоял тоже старинный магазин «Сирокия». Оба были неотъемлемой частью Эдо на протяжении веков, и оба достаточно успешно адаптировались к коренным переменам, происшедшим в мейдзийскую эпоху. «Сирокия» первым стал торговать европейской одеждой, которая первоначально использовалась

лась в армии, а затем стала форменной для чиновников и учащихся. В этом же магазине был установлен один из первых телефонов, и именно здесь впервые в Японии появились девушки-продавщицы.

Пошив европейского платья. 1887 г.

По другую сторону моста Нихомбаси появился один из первых западных магазинов — «Марудзэн», — торговавший всеми товарами, от одежды до книг, которые ассоциировались с обликом истинного европейца. В мэйдзийскую эпоху быть постоянным покупателем Марудзэн означало не только иметь хороший вкус, но быть причастным к интеллектуальной элите. В результате слово «Нихомбаси» стало метафорой просвещенности и знаний, культуры и джентльменского поведения.

Первый кризис перепроизводства

Бурное промышленное и железнодорожное строительство продолжалось и в 90-е годы, хотя в самом начале десятилетия японская экономика пережила первый в своей истории кризис перепроизводства. Он затронул главным образом текстильную промышленность, хотя некоторое время застойные явления наблюдались и в ряде других отраслей. В 1890 г. производство хлопковых тканей снизилось на 16%, а сокращение более чем вдвое экспорта шелка-сырца (из-за ухудшения конъюнктуры на мировых рынках) сильно ударило по крупным шелкопрядильным фабрикам, работавшим на экспорт.

Весьма примечательными в этой связи представляются действия текстильных фабрикантов по преодолению кризиса. Так, картель «Бёсэки рэнгёкай», объединявший крупнейшие хлопкопрядильные компании, принял решение о сокращении объемов про-

изводства на всех предприятиях и установлении строгого контроля за ценами, а также о необходимости всемерного расширения экспорта. Участники картеля даже обратились в японский парламент с требованиями об упразднении пошлин на экспорт хлопчатобумажной пряжи и импорт хлопка. Иными словами, как только молодой японский капитализм столкнулся с относительной узостью внутреннего рынка (вследствие крайне низкого уровня жизни большей части населения), в качестве средства преодоления этого препятствия он избрал классический путь — экспортную экспансию.

Тенденции в развитии внешней торговли

С начала 80-х годов, когда ускорилося развитие частнокапиталистического сектора экономики, объемы внешней торговли стали также быстро нарастать. Если за 1868–1881 гг. японский экспорт увеличился в 2 раза, а импорт — в 2,9 раза, то за последующие 13 лет (1882–1895) в 3,6 раза, а импорт — в 4,4 раза. При этом, как отмечалось выше, с 1882 г. японский внешнеторговый баланс начал сводиться с положительным сальдо (исключение составил лишь кризисный 1890 г.), и страна смогла накопить солидные золотовалютные резервы.

Изменения в структуре внешней торговли

Однако, как и в первое десятилетие после реставрации Мэйдзи, Япония продолжала вывозить в основном сырьевые товары, а также ремесленные изделия. Среди первых лидерство принадлежало шелку-сырцу, чаю и рису (в начале 80-х годов на них приходилось 2/3 общего объема экспорта). Позже к ним присоединились медь и уголь, и в 1894 г. на долю этих пяти продуктов приходилось 3/5 японского экспорта. Иными словами, к середине 90-х годов эффект индустриализации еще не успел проявить себя в изменении структуры экспорта, который по-прежнему носил преимущественно сырьевой характер.

Значительно большие изменения претерпела за это время структура импорта. В начале 80-х годов почти 3/5 его объема приходилось на хлопковую пряжу, а также хлопчатобумажные и шерстяные ткани. Другими важными статьями импорта были сахар, нефть, металлопродукты. Однако уже к 1894 г. эта структура резко изменилась — доля хлопковой пряжи, шерстяных и хлопчатобумажных тканей упала до 20%, но резко возросла доля хлопка-сырца, а также машин и оборудования.

Укрепление позиций японских торговых компаний

По мере развития внешней торговли постепенно укреплялись позиции японских торговых фирм в экспортно-импортных операциях, и ослабевали позиции иностранных компаний, которые в первые десятилетия Мэйдзи почти полностью контролировали внешнеторговые операции Японии.

Первым значительным шагом в этом направлении было создание в 1876 г. группой «Мицуи» торговой компании «Мицуи бусан» (прообраза нынешних *сёгё сёся* — универсальных торговых компаний), которой вскоре удалось получить приличную долю в осуществлении экспорта шелка-сырца. Этому примеру последовали и другие предприниматели, и в 80-х годах были организованы еще 4 крупных внешнеторговых компании («Окура гуми», «Моримура гуми», «Такада сёкай», «Кансай бёэки сёкай»). В ведущих торговых городах Азии и Европы были открыты зарубежные агентства этих фирм и их позиции, прежде всего в операциях по экспорту хлопковых тканей и импорту хлопка-сырца, существенно укрепились. Но в целом к началу японо-китайской войны 1894–1895 гг. лишь около 17% внешнеторговых операций Японии осуществлялось японскими торговыми компаниями, основная же часть по-прежнему находилась в руках иностранцев.

* * *

Хотя в 80-е — первой половине 90-х годов в Японии происходило быстрое развитие промышленности, транспорта и торговли, накануне японо-китайской войны она все еще оставалась крестьянской страной: в 1895 г. в сельском хозяйстве было занято более 70% трудоспособного населения, а в промышленности всего лишь 10% (соответственно, 16912 тыс. и 2392 тыс. чел.). Крупных промышленных предприятий было немного, а что касается мелких, то их трудно было даже определить основную сферу их деятельности из-за совмещения на одном предприятии различных производств. Перемены в жизни населения затронули лишь немногие крупнейшие города. Европеизация вплоть до начала XX века оставалась достоянием небольшого слоя образованных людей. Иными словами, Япония находилась лишь в начальной стадии модернизации экономики, и основная работа по реализации этой задачи ждала ее впереди.

Глава 2

РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Первые политические партии Японии

До реставрации Мэйдзи понятие «политическая партия» не было свойственно японскому типу государственности. В стране не было соответствующей традиции, ибо главной заботой *бакуфу* было подавление любых групп, которые в той или иной степени проявляли интерес к государственным делам.

Новые власти, несмотря на заимствование европейского опыта в различных сферах, были заняты, в первую очередь, борьбой за сохранение национальной независимости путем создания «богатой страны и сильной армии» и не спешили применить его для реорганизации политической системы. Поэтому ее реформирование отодвинулось на завершающую стадию мэйдзийских преобразований.

Создание политических партий

В октябре 1881 г. лидерами «движения за свободу и народные права» была создана первая в Японии политическая партия — Конституционная либеральная (Риккэн дзйётё, в дальнейшем просто Дзйётё). Ее возглавил Итагаки Тайсукэ. Итагаки, Накаэ Тёмин, Ои Кэнтарё и другие лидеры Дзйётё изучали произведения французских просветителей и труды английских экономистов. На этой основе и формировалась идеология новой партии.

Дзйото опиралась на либерально настроенных помещиков, сельскую буржуазию, интеллигенцию и небольшую часть крупных предпринимателей. Ее поддерживала в финансовом отношении фирма «Мицуи», занимавшая монопольное положение в текстильной промышленности, а потому связанная и с помещиками (получение сырья), и с буржуазией (его переработка).

Программа Дзйётё была весьма лаконична:

- Наша партия стремится к распространению свободы и обеспечению прав каждого, добивается всеобщего благополучия и реформ общества.
- Наша партия будет бороться за введение самой совершенной конституционной системы.
- Наша партия стремится к достижению своих целей в полном единстве с теми, кто разделяет наши принципы и ставит перед собой те же задачи.

Несмотря на расплывчатый характер формулировок, в программе Дзйётё нашли отражение понятия «свобода», «равенство»

и «братство». Кроме того, отсутствие в ней упоминания о монархии придавало ей радикальный характер. Поэтому партия сразу же подверглась гонениям. На Итагаки Тайсукэ было даже совершено покушение, придавшее ему и партии в целом мученический ореол. Дзиётё попыталась использовать это и выдвинула лозунг: «Итагаки может умереть, но свобода не умрет». В июне следующего года правительство официально разрешило деятельность либеральной партии.

В марте 1882 г. была организована вторая политическая партия — Конституционная партия реформ и прогресса (Риккэн кайсинтё, в дальнейшем Кайсинтё). Ее возглавил вышедший из правительства Ёкума Сигэнобу. Партия отражала интересы крупного предпринимательства и пользовалась популярностью у крупной и средней городской буржуазии, помещиков, занятых бизнесом, и части умеренных интеллектуалов. В частности, ее поддерживали Ивасаки Ятарё (основатель концерна «Мицубиси») и знаменитый просветитель-западник Фукудзава Ёюкити.

По сравнению с Дзиётё, Кайсинтё была более умеренной и консервативной. В ее программе содержались реверансы в сторону императорской власти. Так, в ее преамбуле говорилось:

«Мы хотим объединить в политическую партию людей, которые действительно стремятся к вечному процветанию императорского дома и счастью народа... Наша партия не находится в плену ограниченных, консервативных представлений; вместе с тем она и не сторонница слишком опрометчивых действий. Наша партия стремится проводить политические преобразования, основываясь на разумных шагах, продвигаться вперед, руководствуясь испытанными средствами».

Основное содержание программы сводилось к следующему:

- Глубоко почитая императорский дом, дать счастье народу.
- Признавая главной задачей внутриполитические реформы, добиваться расширения политических прав.
- Устранив вмешательство центральной власти, создать прочную основу для местного самоуправления.
- Расширять избирательные права по мере развития общества.
- Вести как можно больше политических переговоров с иностранными государствами, расширять с ними торговые связи.
- Добиваться обеспеченности денежной системы драгоценными металлами.

Общим для обеих партий был их немногочисленный состав и неприятие политики властей, хотя их лидеры были видными членами правительства на протяжении ряда лет. В идеологическом

плане они не так уж отличались друг от друга. Тем не менее партии не только не сотрудничали, но и постоянно нападали одна на другую, тратя на это гораздо больше энергии, чем на противодействие правительству. Их противостояние основывалось на отстаивании разных региональных и экономических интересов, а также, во многом, на различиях темпераментов и характеров их лидеров.

Положение в самих партиях осложнялось фракционностью, которая стала неизменным спутником всех японских политических партий вплоть до наших дней. В Дзйётё, например, накануне создания парламента действовало четыре главные фракции.

Фракции складывались вокруг основных лидеров, причем значительную роль в их формировании играло наличие общей «малой родины» (*фурусато*) у их членов. В основе фракционности лежала система социальных связей, свойственных японскому обществу: строгое подчинение по вертикали (основанная на конфуцианских принципах система *оябун-кобун*) в семье, в общине, а теперь и в партии. Каждый член партии занимал строго отведенное ему место и действовал в соответствии с групповыми ожиданиями. Это вело к ослаблению инициативы и чувства персональной ответственности, что нередко приводило к ошибочным решениям в партийной деятельности.

Почти одновременно с возникновением Кайсинтё власти создали «карманную» проправительственную партию — Конституционную императорскую (Риккэн тэйсэйтё, далее Тэйсэйтё), призванную противодействовать росту популярности независимых политических организаций. В нее вошли главным образом чиновники, а ее фактическими руководителями были Итё Хиробуми, Иноуэ Каору и другие члены правительства. Во вполне верноподданническую программу партии были заложены монархические принципы, позже нашедшие отражение в конституции:

«Общее руководство верховной властью в стране безусловно принадлежит императору. Осуществляется власть на основе конституционной системы... Необходимо учредить двухпалатный парламент... ввести ограниченное избирательное право... Император пользуется правом утверждения или отмены решений парламента... Необходимо предоставить свободу выступлений и печати в пределах действия законов».

Одновременно предпринимались попытки создать в той или иной форме организации социалистической направленности. Они были малочисленны, а их существование кратковременным. Наиболее заметной была Восточная социалистическая партия (Тёёсякайтё). Через месяц по приказу полиции она была распущена.

Фактически в Японии в то время действовали только две партии — Дзидзю и Кайсинто. Тэйсэйто не имела реального политического значения, поскольку ее лидеры абсолютно не интересовались партийной деятельностью.

Практическая деятельность партий

Обе оппозиционные партии, особенно Дзидзю, вели активную работу по вербовке своих сторонников на местах. Дзидзю имела наибольшее влияние в центральной Японии, в префектурах расположенных вокруг столицы и промышленных центров — Осака и Нагоя. Это объяснялось тем, что там крестьянские хозяйства и местная буржуазия были ориентированы на внешний рынок (производство шелка-сырца и чая), что и обуславливало их большую политическую активность.

Рост влияния партий в провинции вызвал обеспокоенность правительства, и в июне 1882 г. оно приняло закон, давший право губернаторам ограничивать их деятельность на вверенной им территории. Закон запрещал партиям создавать местные отделения или налаживать связи с какими-либо другими организациями для проведения политических дискуссий или устройства лекций. В результате многие местные группы были формально распущены, но активность членов Дзидзю не уменьшилась. Некоторые из них, принадлежавшие к радикальному крылу партии, даже принимали участие в крестьянских волнениях.

Противостояние центрального правительства и оппозиции на местном уровне наиболее отчетливо проявилось во время событий в префектуре Фукусима в 1883 г. Губернатор исключительно рьяно проводил в жизнь указ правительства о запрещении партийной деятельности в провинции и постоянно разгонял собрания, устраиваемые членами либеральной партии. Еще большее недовольство вызвала его экономическая политика. Он повысил местные налоги и ввел трудовую повинность при строительстве дорог. Крестьяне при поддержке сторонников защиты народных прав, выступило с протестами. В ответ губернатор арестовал членов Дзидзю из состава префектурального собрания, обвинив их в подготовке государственного переворота. Правительство, со своей стороны, попыталось использовать эти события для общего наступления на *дзидзю минкан ундзю*.

Однако волнения на местах продолжались, несмотря на правительственные репрессии. В этих условиях наметилось расхождение в рядах Дзидзю относительно тактики действий: одни, главным образом высшее руководство, осуждали насильственные методы, другие, наоборот, требовали более радикальных действий.

Это нашло отражение в работе съезда партии в марте 1883 г., где возобладали взгляды радикалов. Лидером Дзидзюбэ остался Итагаки, но его ближайшими помощниками стали известные лидеры левого крыла, такие как Ёи Кэнтаро.

Однако участие членов Дзидзюбэ в радикальных действиях «движения за свободу и народные права», активно поддерживавшего крестьянские выступления (в префектурах Гумма, Ибараки, Тоттиги, Сайтама), испугало руководство партии, и оно объявило о ее роспуске в октябре 1884 г.

Кайсинто также не особенно преуспела в партийном строительстве. Ёкума, посчитав, что до создания парламента полноценная политическая деятельность партии невозможна, в декабре 1884 г. вместе с большинством своих сторонников покинул ее ряды. С этого времени прекратилась регистрация членов партии, и она фактически перестала существовать.

Однако роспуск первых политических партий не означал исчезновения политической оппозиции правительству. В 1887 г. Гото Сёдзирё создал Ассоциацию всеобщего согласия (Дайдё данкэцу), в которую вошли бывшие члены Дзидзюбэ и Кайсинто и даже члены проправительственной партии, в той или иной мере недовольные правительственной политикой. Постепенно к ее деятельности подключились радикально настроенные представители интеллигенции и мелкой буржуазии.

Организация правительства по европейскому образцу

В середине 80-х годов, учитывая перспективу принятия конституции и открытия парламента, правительство предприняло ряд мер по укреплению японской государственности, основанной на монархическом строе и власти олигархии.

Прежде всего была укреплена экономическая база монархии. Именно тогда во владение императорской семье были переданы огромные массивы земель и лесных угодий. Только за 1881–1890 годы размеры ее земельных владений выросли в 6 тыс. раз и составили 3654 тыс. га. Одновременно император стал не только крупнейшим японским землевладельцем, но и крупнейшим держателем акций и облигаций (на сумму в 8 млн. иен).

Введение аристократических титулов

Важной мерой по укреплению монархического строя было принятие указа о введении аристократических титулов (июль 1884 г.). Это было сделано по инициативе Ито Хиробуми, который считал необходимым создание прослойки знати для

формирования в будущем палаты пэров, как противовес представительной нижней палате. По немецкому образцу вводилось 5 титулов — принц, маркиз, граф, виконт, барон. Их получили представители *кадзоку*, высших правительственных чиновников, офицеров армии и флота и выдающихся деятелей. Итô Хиробуми, Ямагата Аритомо и Иноуэ Каору, например, были присвоены графские титулы.

Всего было утверждено 500 титулов: 12 принцев, 24 маркиза, 74 графов, 321 виконт, 69 баронов. Среди вновь титулованной знати лишь 35 чел. в прошлом не принадлежали к аристократии, остальные ранее были *кугэ* и *даймэ*. Согласно указу,

«титулами наделяются по повелению Императора руководителем ведомства двора... Титулы наследуются по семейной линии, но женщины... титула не получают... При отсутствии наследника мужского пола в случае смерти обладателя титула последний теряется... Прямые родственники глав аристократических семей — дед, бабушка, родители, прямые законные наследники, их жены пользуются привилегиями как члены аристократического сословия... Жены владельцев титулов имеют те же привилегии, что и их мужья... Члены аристократического сословия обязаны предоставлять младшим членам своих семей соответствующее образование».

Реформа государственного аппарата

С целью укрепления исполнительной власти в конце 1885 г. была проведена очередная реформа государственного аппарата. Образцом послужила структура германского правительства, учрежденного Бисмарком. Был упразднен *дайдзёкан*, место которого занял кабинет министров (*найкаку*) из 10 министерств: императорского двора, иностранных дел, внутренних дел, финансов, военного, морского, юстиции, просвещения, сельского хозяйства и торговли, путей сообщения. Глава министерства императорского двора, он же хранитель императорской печати, стал ближайшим советником монарха по всем политическим вопросам.

Первым премьер-министром стал Итô Хиробуми, по инициативе и предложениям которого и была проведена реорганизация. Объясняя суть изменений, Итô писал:

«Вследствие этой реорганизации министры были поставлены перед необходимостью нести индивидуальную ответственность непосредственно перед императором... Задачей реорганизации было, с одной стороны, придать большее значение функциям министров и усилить их ответственность и, с другой, — поддерживать единство кабинета, предупредив все возможные разногласия и колебания отдельных его членов».

Хотя в Японии появилось европейское по форме правительство, власть продолжала сохранять существенные традиционные черты. Например, в составе кабинета министров по-прежнему соблюдался баланс сил между представителями бывших княжеств Сацума и Тёсю, которые занимали по четыре основные должности. Более того, все премьеры, начиная с первого кабинета (1885) до 1918 г., за исключением двоих (Окума Сигэнобу и Сайондзи Киммоти) также были выходцами из этих княжеств.

Укрепляя позиции нового правительства, Итô Хиробуми содействовал введению системы экзаменов на занятие должностей всеми чиновниками (кроме самых высших рангов). Экзамену предшествовал испытательный срок. Дальнейшее продвижение по службе помимо результата экзаменов зависело также от возраста, характера, состояния здоровья и способностей претендента. Так формировался слой правительственной бюрократии. Очень быстро она превратилась в оплот олигархии и стала важным компонентом государственной структуры. Большую роль в подготовке новой бюрократии начал играть (и по сей день играет) Токийский императорский (затем государственный) университет, созданный в 1877 г.

Преобразования политической системы затронули и уровень местной власти. Губернаторы, как и прежде, назначались центральным правительством, но были учреждены и выборные префектуральные и городские собрания. Членов префектуральных собраний избирали из числа депутатов уездных, городских, поселковых и деревенских собраний, которые уплачивали не менее 10 иен государственных налогов. Мэры избирались из числа членов городских собраний. Такой порядок сохранялся до 1899 г.

Собраниям всех уровней предоставлялось право решать основные местные вопросы. Однако для избирателей был установлен высокий имущественный ценз. Например, в 1890 г. право голоса из тысячи человек имели лишь 103. Существовало дополнительное ограничение — 1/3 депутатов избиралась теми, кто получал особенно высокие доходы. И еще один путь богатых к власти — мэры не получали заработную плату.

Создание первой японской конституции

Еще в манифесте о реставрации императорской власти указывалось, что весь народ «будет участвовать в общественном обсуждении», т.е. что при ведении государственных дел будет учитываться мнение общества. Однако в этом документе не содержа-

лось какой-либо концепции конституционного строя. Поэтому в государственных органах, среди официальных лиц и внутри общественных движений в последующие годы возникал целый ряд концептуальных соображений о путях перехода к конституционному государству и о формах конституционного строя.

Растянутость подготовки конституции, которая заняла не один год, отражала две тенденции в японских правящих кругах. Большинство поначалу считало, что принятие конституции подорвет фундамент, на котором стоит японская империя т.е. централизованную власть во главе с императором. Другие, наоборот, полагали, что принятие конституции и учреждение представительного органа власти укрепит единство императора и народа и продемонстрирует Западу достижения в модернизации страны.

Ранние проекты конституции

Подготовка к составлению конституции началась в Японии буквально на следующий день после реставрации. Уже в 1870 г. Итô Хиробуми был направлен в США для ознакомления с американским конституционным правом. Он не только изучил текст американской конституции и сопутствующих законов, но и сумел ознакомиться с методами их составления. Последние заинтересовали Итô, но суть американской конституции была, по его мнению, мало подходящей для японских политических условий. Итô считал, что в основе нового политического строя Японии должны лежать национальные обычаи. Американский вариант послужил для него, скорее, образцом того, что не следует включать в японский.

Вскоре дискуссия о конституционном строе возникла в левой палате, созданной в рамках реформы правительства в 1871 г. в связи с ликвидацией кланов. В результате ряд ее членов подготовили проект регламента деятельности нижней палаты будущего парламента. Получила известность концепция советников (*санги*) Кидо и Ôкубо. Оба они выступали за постепенное движение к «совместному правлению монарха и народа».

«Движение за свободу и народные права» выдвинуло большое количество проектов перевода страны на конституционные рельсы. Известно свыше 40 таких проектов, причем они обнаруживаются вплоть до нашего времени. Среди них наибольший отклик получила докладная записка о создании избранного народом парламента, которую в январе 1874 г. представили в левую палату сторонники *дзюû минкэн ундô* Одзава Урô и Комуро Нобуо (Синобу).

В апреле 1875 г. был обнародован императорский указ о постепенном переходе к конституционному строю и стал формироваться новый государственный механизм с такими звеньями, как палата старейшин (*гэнроин*), верховная судебная палата (*тайсикъин*) и другие. Тем самым правительство перехватило инициативу у «движения за свободу и народные права» и резко сузило поле политического маневра для этого движения.

Ивакура Томоми

Следующий проект конституции был выработан в палате старейшин. Его авторы выступали за введение парламентаризма либерального толка. Однако правительством (особенно активно против выступали Ивакура Томоми и Итô Хиробуми) и императором этот проект был воспринят как духовная поддержка «движения за свободу и народные права» и как нечто совершенно несовместимое с философией государственного строительства *кокутай* и обычаями японского народа.

В конце 1879 г. правительство поручило всем советникам (*санъи*) подать письменные сообщения о перспективах введе-

ния конституционного строя, однако выработать единый проект не удалось. В правительстве вспыхнули резкие противоречия вокруг представленного Ôкума документа под названием «Верноподданный доклад императору об открытии парламента» (*коккай кайсэцу сôги*). Основу его составляли 3 положения: немедленный созыв парламента, введение системы парламентских кабинетов, опирающихся на партийную политику, утверждение конституции императором. Нельзя было не заметить идеологической близости такого подхода ко взглядам, существовавшим внутри «движения за свободу и народные права».

Ивакура и Итô, отрицательно относившиеся к позиции Ôкума, в противовес ей выдвинули концепцию государственного строительства, главную идею которой заключалась в полной независимости государственной власти от волеизъявления народа.

Окончательное выражение концепция Ивакура-Итô получила в документе под названием «Меморандум о создании конститу-

ции» (*кэмпō сэйтэй икэнсё*), который был представлен Иноуэ Коваси, но за которым стоял Ивакура. Основные мысли меморандума, основанного на признании принципов прусского конституционного права, были таковы: утверждение конституции императором, независимость осуществления им права верховного военного командования, незыблемость прерогатив императора, неприятие системы парламентских кабинетов, отрицание принципа солидарной ответственности правительства и т.п. Общая идея состояла в том, что права монарха не могут быть ограничены парламентом.

На этот раз точку в дискуссии в правящих кругах поставил опубликованный 12 октября 1881 г. указ императора с четким указанием на то, что в 1889 г. будет образован парламент, и что это будет сделано в соответствии «с высочайшим решением». В тот же день Окума был освобожден от должности советника; затем в течение двух месяцев из правительственных структур были убраны и его сторонники. Таким образом, точка зрения Ивакура и Итō окончательно возобладала.

Подготовка окончательного проекта

В 1882 г., т.е. на следующий год после принятия указа об учреждении парламента, правительство с санкции императора направило в западные страны миссию для изучения их конституций. Ее возглавил Итō Хиробуми, который и принял на себя главную ответственность за подготовку окончательного проекта конституции. Одновременно с той же целью за границу отправлялись лидер Дзидтō Итагаки Тайсукэ и его заместитель Готō Сёдзирō, что вызвало серьезные нарекания со стороны членов партии в их адрес за связь с правительством и фирмой «Мицуи», которая оплатила эту поездку.

Итō отправился в Германию, где обсуждал проблему конституции с канцлером Бисмарком и с крупнейшими немецкими юристами. По возвращении на родину он был назначен императором главой группы по составлению конституции. В этой работе ему помогали всего три человека — Иноуэ Коваси, Канэко Кэнтарō и Итō Миёдзи. Все они занимали высшие правительственные посты. Иноуэ был автором многих документов мэйджийского правительства, в частности указа об образовании, был министром просвещения и членом созданного позже тайного совета. Канэко (получивший образование в США) был членом двух кабинетов, возглавлявшихся Итō, и тоже входил в тайный совет. Такой же послужной список был и у Итō Миёдзи, который оказывал влияние на политические дела вплоть до своей кончины в 1934 г. Эта

группа, не входя ни в какие правительственные структуры, была подчинена непосредственно императору.

Она работала в обстановке исключительной секретности в загородной резиденции Итô Хиробуми в окрестностях Ёкокука. Будучи премьер-министром, Итô осуществлял лишь общее руководство. Формулированием статей или отдельных параграфов конституции, подбором образцов для заимствования занимались остальные участники группы. Главным среди них был Иноуэ. Порядок работы был таков: каждый готовил свою часть, затем она обсуждалась другими, и только потом с ней знакомился Итô Хиробуми. Консультантом был немецкий профессор-юрист, в то время работавший в Токийском университете и являвшийся советником при кабинете министров.

Создание тайного совета Значительные разногласия в верхах вызывало определение процедуры принятия будущей конституции. Одни считали, что для этого достаточно одобрения ее императором. Другие, например, лидеры политических партий Итагаки и Окума, настаивали на созыве учредительного собрания, которое представляло бы всю страну. Итô Хиробуми принял компромиссное решение, предложив создать для этого тайный совет. Указ о его организации (май 1888 года) гласил:

«Считая целесообразным совещаться с лицами, оказавшими значительные услуги государству, воспользоваться их ценными советами в делах государственных, Мы сочли за благо учредить Наш Тайный совет».

Тайный совет объявлялся высшим совещательным органом при императоре. Его члены назначались непосредственно монархом из представителей высших должностных лиц. Совет состоял из председателя, его заместителя, 12 и более советников и секретарей. При этом все, за исключением секретарей, должны были быть старше 40 лет.

Председателем тайного совета был назначен Итô, который оставил в связи с этим пост премьера. На протяжении полугода тайный совет в обстановке строжайшей секретности обсуждал в императорском дворце подготовленный проект статей. Члены совета не имели права выносить бумаги из помещения, где проходили его заседания. Если кто-либо должен был поработать дополнительно, то делал это непременно в присутствии секретаря. Такие меры предосторожности были почерпнуты Канэко из опыта подготовки американской конституции. В результате ни одна ее

статья не стала достоянием общественности до официального опубликования всего документа.

Император принимал участие во всех заседаниях тайного совета, касавшихся конституции. Нередко он призывал к себе Итō и требовал разъяснений или давал указания по той или иной статье. Подчас император поддерживал предложения меньшинства, если был уверен, что они более соответствуют японским реалиям.

Одновременно с конституцией были подготовлены и комментарии к ней, которые были необходимы для подготовки общества к ее восприятию. Их основным автором был Итō Миёдзи. Они также обсуждались императором и тайным советом. Но при публикации Итō Хиробуми поставил под ними свою подпись, взяв тем самым на себя ответственность за их содержание.

Итō Хиробуми

Основные положения конституции 1889 г.

Конституция была провозглашена на торжественной церемонии в императорском дворце в День основания империи 11 февраля 1889 г. Император Муцухито передал текст конституции в руки премьер-министра Курода Киётака. Это символизировало дарование императором конституции своим подданным. Во время церемонии император заявил:

«Мы в силу верховной власти, унаследованной Нами от наших царственных предков, сим обнародуем настоящий неизменный основной закон для нынешних наших подданных и их потомков... Права государственного верховенства Мы унаследовали от наших предков и завещаем их Нашим потомкам. И Мы, и они будем осуществлять их в согласии с положениями конституции, ныне Нами даруемой и жалуемой народу».

Таким образом в обращении императора выделялись три аспекта: во-первых, что прежние прерогативы династии не ограничивались введением конституции; во-вторых, что династия будет править в соответствии с конституцией; и, в-третьих, что конституция «дарована и жалована» народу императором.

Конституция 1889 г., написанная простым и четким языком, представляла собой сравнительно небольшой документ, состояв-

ший из 76 статей, объединенных в 7 глав. Они посвящены правам и обязанностям императора и подданных, парламенту, кабинету министров и тайному совету, судебной власти, вопросам финансов и дополнительным установлениям, касавшимся, например, пересмотра конституции. По свидетельству японских юристов, только 3 из 76 статей можно считать оригинальными, остальные заимствованы: 46 из немецкой конституции, остальные — из основных законов других стран.

Конституция представляла собой лишь скелет конституционного права, поэтому одновременно с ней были приняты другие законы и императорские указы, которые конкретизировали и дополняли отдельные ее статьи. Были обнародованы закон о государственных финансах, закон об императорском доме, закон об императорском парламенте, закон о выборах в палату представителей, указ о палате пэров. В законе об императорском доме, например, определялись порядок престолонаследия, церемония восшествия на престол и коронации, правила обращения к императорской особе, условия установления регентства или опеки; указывался состав императорской фамилии, утверждались расходы по содержанию императорского дома, уточнялись его наследственные владения, формулировались правила поведения членов императорской семьи. По значению этот закон уступал лишь конституции. Парламент не имел права его изменять. Это мог сделать только сам император по рекомендации тайного совета и совета императорской семьи. В законе об императорском парламенте были зафиксированы правила созыва и организации работы парламента, его финансирования, устройство палат, их взаимоотношения, отношения парламента с населением, правительственными учреждениями, местными собраниями.

Закон о выборах определял избирательные округа по префектурам и число депутатов от них, состав электората и кандидатского корпуса, правила составления списков голосующих и проведения избирательной кампании, возлагал финансовое обеспечение этих мероприятий на местные бюджеты. Закон о государственных финансах установил финансовый год для страны с 1 апреля текущего года по 31 марта следующего (что сохраняется и по сей день). Бюджет должен был утверждаться парламентом. В случае, если он не получал одобрения обеих палат, правительство имело право руководствоваться бюджетом предыдущего года. Это положение было заимствовано из немецкого образца.

Первая глава конституции, состоявшая из 17 статей, касалась места и роли императора в системе государственной власти. Было

зафиксировано, что власть императорской династии существует извечно, а «особа императора священна и неприкосновенна». Ему, как главе государства, принадлежало право утверждать законы и отдавать приказы об их исполнении, созывать парламент, объявлять войну и заключать мир, подписывать международные соглашения, определять принципы организации и численный состав армии и флота в мирное время, назначать и увольнять всех высших гражданских и военных должностных лиц, жаловать дворянские звания, чины, ордена и иные знаки отличия. Император являлся верховным главнокомандующим армии и флота. Согласно конституции престол наследовался по мужской линии и допускалось регентство.

Одновременно конституция предусматривала определенные ограничения власти императора. Они были зафиксированы в 47 статьях и осуществлялись парламентом, министрами, судебными учреждениями, статьями конституции, гарантирующими права личности, и наличием самой конституции. Наиболее фундаментальные из них были сформулированы в ст. 4 («Император — глава государства. Он обладает верховной властью и осуществляет ее согласно постановлениям данной конституции») и в ст. 5 («Император осуществляет законодательную власть в согласии с императорским парламентом»).

Согласно конституции, в стране учреждался двухпалатный императорский парламент (*тэйкоку гикай*). Он состоял из палаты пэров (*кидзокуин*), предшественницей которой был *гэнрёбин*, и палаты представителей (*сёггин*), являвшейся абсолютно новым органом в системе японской государственности.

Отношения императора и парламента были конкретизированы в целом ряде статей. Например, необходимо было получить согласие парламента на введение законов в действие: «Ни один закон не может быть издан без одобрения парламента» (ст. 37). Согласно ст. 8, императорские указы считались недействительными без одобрения парламента. Однако эти ограничения императорской власти фактически не действовали. Ограниченная де-юре власть японского императора оставалась неограниченной де-факто.

Положение о палате пэров конкретизировал специальный указ. В ее состав входили члены императорской фамилии, представители титулованной знати и лица, назначаемые императором. К последней категории относились лица, имевшие особые заслуги перед государством, видные специалисты в той или иной области и крупнейшие налогоплательщики, т.е. богатейшие представители помещиков и буржуазии.

Члены императорской фамилии, принцы и маркизы считались членами палаты пэров пожизненно и по праву наследования; графы, виконты и бароны избирались на 7 лет; лица, назначаемые императором за особые заслуги, утверждались премьером и становились членами палаты пожизненно. Крупные налогоплательщики избирались в префектурах из числа тех, кто уплачивал 300 и более иен прямых налогов, сроком тоже на 7 лет. Каждая префектура представляла одного или двух кандидатов этой группы в зависимости от численности населения. Затем эти кандидатуры утверждались императором.

Палата представителей избиралась на основе закона о выборах, опубликованного одновременно с конституцией. Избирательное право предоставлялось мужчинам старше 25 лет, платившим свыше 15 иен прямого налога и проживавшим в своем избирательном округе не менее полутора лет. Кандидат в депутаты должен был быть не моложе 30 лет и внести высокий денежный залог. Депутатский мандат действовал 4 года.

Парламент имел право принимать или отвергать законопроекты, представленные правительством, входить с законодательной инициативой, утверждать бюджет и императорские указы, изданные в период между сессиями. Все решения в обеих палатах принимались большинством голосов. По конституции кабинет министров был ответственен не перед парламентом, а перед императором. Верхняя палата обладала правом вето на решения нижней.

Высшим консультативным органом при императоре стал, согласно конституции, тайный совет (*суймицуин*), созданный еще в 1888 г. для обсуждения проекта основного закона. Теперь его состав был расширен до 27 чел. Он должен был давать рекомендации монарху по просьбе последнего. Совет был независим от правительства и парламента и подчинялся только императору. Фактически каждое сколько-нибудь важное решение правительства или парламента должно было получить одобрение этого органа.

Гл. 2 о правах и обязанностях подданных гарантировала все основные права человека, но формулировка каждого из них сопровождалась стереотипным ограничением, вроде «за исключением случаев...» или «в пределах закона». Например, в ст. 28 говорилось: «Все японские подданные пользуются свободой вероисповедания в пределах, совместимых с общественным спокойствием и порядком, а также с их обязанностями, как подданных». Кроме того, действие статей этого раздела приостанавливалось в случае войны или национального бедствия.

Что касается судопроизводства, то конституция доверила его специальным органам. По ст.57, судебные функции осуществлялись судами от имени императора согласно соответствующему закону. Комментируя положения о судебной власти, которая была нововведением для японцев, Итô Хиробуми писал:

«Хотя император имеет право назначать судей, и хотя суды произносят приговоры от его имени, он не ведет процесс сам, а поручает его независимым судебным учреждениям в соответствии с законом, без участия государственной администрации. В этом суть судебной власти».

Однако из-под действия гражданских судов выводилась огромная армия чиновников, для решения дел которых создавались специальные административные суды.

Мэйдзийская конституция никогда не изменялась, хотя в ее тексте были положения, предусматривавшие такую возможность. Но процедура принятия поправок была достаточно сложной:

«Ни одна из палат не может открыть прений, иначе как в присутствии двух третей общего числа членов каждой палаты, и никакое изменение конституции не может быть принято иначе как большинством двух третей присутствующих членов»

Главное же заключалось в том, что предложение об изменении конституции могло быть внесено в парламент только по повелению императора.

* * *

В целом форма государственного правления мэйдзийской эпохи сильно отличалась от конституционной монархии того типа, что существует сейчас, например, в Великобритании или в послевоенной Японии. Конституция 1889 г. не гарантировала господство права. Ее создатели истолковали конституцию как дарованную императором народу, так что парламент, правительство и суды оставались под властью императора. Государственные чиновники, исполнявшие делегированные им императором полномочия, были связаны не конституцией, а его властью. По конституции, назначаемая верхняя палата парламента обладала правом вето на решения нижней палаты. Одно из центральных мест в государственном устройстве занимал такой институт, как тайный совет. Кроме него, в дальнейшем важную роль в управлении государством стали играть пожизненные советники императора *гэккô*, чей статус вообще не был определен конституцией.

Основная цель авторов первой японской конституции состояла в том, чтобы с ее помощью провести военную и экономиче-

скую модернизацию и создать такой механизм суверенного государства, который придал бы Японии респектабельность в глазах остального мира. Однако, несмотря на стремление к модернизации государства, в мэйдзийской конституции просматривалось соединение старых и новых принципов. В ней были сильны традиционные элементы государственного строительства — в частности, влияние конфуцианских постулатов. Они проявились тем более выпукло, что как раз в то время наблюдался откат от безоглядной европеизации в сторону национальной идеи.

Но при всей своей ограниченности конституция 1889 г. являла собой пусть скромный, но шаг вперед по пути страны к демократии и парламентаризму.

Начало работы парламента

Первые годы после принятия конституции и учреждения парламента характеризовались борьбой между правящими кругами и оппозиционными силами вокруг внедрения этого нового института государственной власти в политическую систему. При этом обеим сторонам зачастую не хватало политической мудрости, терпения и стремления к компромиссу.

Правящая олигархия численно была невелика (не более 12 чел.), но крепко держала власть. Многие годы большинство членов сменявших друг друга правительств были ее протеже. Ей противостояла нижняя палата парламента, большинство в которой принадлежало представителям политических партий и групп. Они предпринимали всевозможные усилия, чтобы получить власть. При этом мэйдзийские политики для достижения своих целей не брезговали взятками и прибегали даже к физическим мерам воздействия.

Борьба шла и внутри самой оппозиции. Накануне первых парламентских выборов в июле 1890 г. Готō с его Ассоциацией всеобщего согласия поддержал кабинет Курода, что раскололо эту организацию. Итагаки попытался возродить Дзидōтō, но на этом этапе не сумел этого сделать из-за внутренних разногласий.

Первые выборы в парламент и первые сессии

Для проведения выборов вся страна была поделена на 257 избирательных округов, от каждого из которых должно было быть избрано по одному депутату или по двое, если население округа превышало 180 тыс. чел. От 214 округов было избрано по одному человеку, и от 43 — по два. Каждый избиратель ставил свою личную печать на бюллетене. В этих первых

выборах участвовало 93,9% всех имевших право голоса. Однако из-за высокого имущественного ценза, а также ценза оседлости, это составило чуть более 1% населения.

Всего было избрано 300 депутатов, в том числе 170 от оппозиции и 130 — от проправительственных сил. Примерно 1/3 депутатов относилась к дворянству (*сидзоку*), а остальные — к категории *хэймин*. В палату пэров было назначено 250 чел.

Уже на первой сессии парламента, открывшейся в ноябре 1890 г., начались баталии вокруг бюджета. Оппозиция требовала от правительства снижения налогов, удешевления государственного аппарата, уменьшения расходов на военные нужды. Она добилась сокращения расходной части бюджета на 10%. Премьер-министр Ямагата Аритомо, последовательный борец с демократическими нововведениями, которые он считал «вреднейшей отравой», готов был распустить парламент, но было найдено компромиссное решение, и бюджет был отчасти восстановлен. Единства не было не только между представителями оппозиции, но и среди правительственных деятелей. В частности, Итō и Ямагата постоянно спорили, что позже вылилось в противостояние «гражданской» и «военной» группировок. Распри привели к досрочному роспуску парламента в декабре 1891 г.

Новая избирательная кампания 1892 г. сопровождалась подкупами, коррупцией и даже расправами, на что была секретная санкция министра внутренних дел. Все эти действия были направлены против кандидатов от оппозиции. Известны кровавые столкновения населения с полицией и войсками в префектурах Кōти и Сага, которые были избирательными округами Итагаки и Ōкума. По официальным данным, было убито 25 и ранено 388 чел. Несмотря на это, оппозиция опять получила большинство — 163 места. В связи с тем, что правительство допустило неблагоприятные действия во время избирательной кампании, на сессии парламента ему был вынесен вотум недоверия. Но оно не ушло в отставку, сославшись на то, что подотчетно лишь императору.

На этой же сессии произошел конфликт между двумя палатами по вопросу о бюджете: нижняя урезала его, а верхняя восстановила; палата представителей обратилась с протестом к императору, который передал решение вопроса в тайный совет; этот орган подтвердил преимущественное право в этом вопросе нижней палаты, однако правительство, сославшись на соответствующую статью конституции, оставило в силе бюджет предыдущего года. Это один из примеров слабости законодательной ветви власти в рамках конституции 1889 г.

Возникновение института *гэнрō*

Правительственный кризис, вызванный скандалом вокруг методов проведения избирательной кампании, привел к появлению нового неконституционного, но чрезвычайно влиятельного в системе государственной власти института — группы пожизненных советников императора (*гэнрō*).

Первоначально в неё вошли Курода, Ямагата, Итō и Иноуэ. Затем ее состав был расширен, но число членов всегда оставалось невелико (за все время в число *гэнрō* входило 12 человек). Среди них были как гражданские, так и военные высшие чины. За исключением Сайондзи Киммоти, принадлежавшего к одному из древнейших родов, близких к императорскому дому, все они были выходцами из самурайских семей княжеств Сацума и Тёсю.

Этот орган получил право влиять на решения важнейших вопросов внутренней и внешней политики — назначение премьер-министров, объявление войны и заключение мира, подписание договоров с иностранными державами. Премьеры также назначались, как правило, из числа *гэнрō*. С ними в первую очередь советовался император. Институт *гэнрō* прекратил свое существование со смертью последнего из них (Сайондзи) в 1940 г.

* * *

Основная борьба между правительством и парламентом разворачивалась вокруг проблем утверждения бюджета и внешней политики. Кроме того, оппозиция требовала, чтобы кабинет формировался из представителей партий. Этот вопрос был довольно просто разрешен в пользу олигархии изданием в начале 1894 г. императорского указа, в котором, в частности, говорилось:

«Что же касается назначения и отставки наших государственных министров, то сие всецело зависит от Нашего благоусмотрения, и вмешательство в эти дела недопустимо ни с чьей стороны».

На протяжении только 1894 г. парламент распускался дважды, но на новых выборах каждый раз оппозиция получала большинство, что свидетельствовало о недовольстве избирателей, т.е. помещиков, буржуазии и верхушки крестьянства, правительственной политикой. Назревал политический кризис, но вскоре распри между правительством и оппозицией прекратились в связи с выходом на передний план внешнеполитических проблем.

Глава 3

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ
В 70-х — НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ XIX ВЕКА

Сразу же после реставрации Мэйдзи Япония оказалась перед лицом целого ряда сложных международных проблем. При этом в японской внешней политике с самого начала проявилась тенденция оказывать давление на соседей, используя сочетание дипломатических и военных методов.

Формирование целей японской внешней политики

В ходе первых преобразований мэйдзийское правительство столкнулось с многочисленными внутренними проблемами. Победоносная военная экспедиция могла бы стать удачным средством их решения, поскольку переключила бы внимание недовольных на внешнюю политику и дала бы возможность отправить за границу массы охваченных брожением самураев. Новые лидеры пытались объединить страну на путях внешней агрессии, и поход в Корею подходил для этого как нельзя лучше. Кидо Такаёси по этому поводу писал руководителю военного ведомства:

«Угрозой вторжения императорских военных сил нужно добиться открытия порта Фудзан (Пусан). Конечно, ни промышленных, ни финансовых выгод мы не получим, а, напротив, понесем убытки, но тем не менее это необходимо для утверждения величия нашей страны, для изменения взглядов всего народа на нашу внутреннюю и внешнюю политику, для развития морской и сухопутной военной мощи, для будущего подъема Японии и ее прочного существования. Иной политики быть не может».

Корея была важна для Японии не только сама по себе, но и как плацдарм для проникновения в Китай, тем более что она находилась в вассальной зависимости от него. Для осуществления японской континентальной политики к 70-м годам складывалась достаточно благоприятная международная обстановка. Позиции Китая на внешнеполитической арене, его связи с окранными и островными территориями были ослаблены. Кроме того обострились отношения между Великобританией и Россией — основными соперниками Японии на Дальнем Востоке.

Япония не преминула воспользоваться этими обстоятельствами. В ее внешней политике обозначились два основных направле-

ния: ликвидация неравноправных договоров, заключенных с западными странами, и участие наравне с ними в ограблении Китая. Для решения второй задачи Япония нацелилась прежде всего на внешние владения Китая, на которые пока еще не особенно претендовали другие государства.

Присоединение о-вов Рёккё

Первым шагом на пути реализации этих планов было заключение в конце 1871 г. японо-китайского договора о мире, торговле и навигации. Во время подготовительных переговоров Япония пыталась навязать Китаю неравноправный договор, аналогичный тем, которые были у него с западными странами, т. е. получить право экстерриториальности, однако сделать это не удалось. Более того, она даже не добилась положения наиболее благоприятствуемой державы. Китайская сторона, в свою очередь, предложила Японии объединиться для совместного отпора Западу, но Япония не пошла на это, поскольку у нее были иные цели.

Сразу же после подписания японо-китайского договора мэй-дзийское правительство, пренебрегая его положениями о взаимном уважении территориальной целостности, приступило к реализации своих планов относительно Кореи, о-вов Рёккё (Окинава) и Формозы (Тайвань).

В прошлом принадлежавшие Японии, они в середине XIX в. находились в вассальной зависимости от Китая, что не мешало европейским странам и США вступить с их правителем в договорные отношения. Несмотря на эти обстоятельства, игнорируя протесты Китая, Япония в 1872 г. насильственным путем присоединила Рёккё к своей территории. Были соблюдены некоторые приличия: правителю Рёккё предоставили резиденцию в Токио и значительное содержание. Япония взяла на себя выплату всех его долгов и выполнение обязательств в соответствии с заключенными им ранее договорами. Однако формально архипелаг сохранял зависимость и от Китая, поэтому для придания законности присоединению островов к Японии необходимо было его официальное согласие.

Военная экспедиция на Формозу

Для этого решено было использовать инцидент с убийством японских рыбаков с Рёккё жителями Формозы, когда они высадились на этом острове. В Пекин было направлено японское посольство во главе с руководителем ведомства иностранных дел Сэзэзима Танэоми. Официальным поводом для визита был обмен

ратификационными грамотами до договору 1871 г. Но главной целью посольства было подготовить китайское правительство к намечавшемуся японскому вторжению на Формозу. Создзима пытался убедить китайцев, что Япония хотела покарать лишь тех жителей острова, которые не попадали под юрисдикцию Китая, и таким образом эта акция, якобы, ни в коей мере не затрагивала китайских интересов.

Формоза была выбрана потому, что предполагалось, что вооруженный инцидент здесь в меньшей степени мог привести к осложнению международной ситуации на Дальнем Востоке. Военной экспедицией, которая была осуществлена в начале 1874 г., руководил племянник Сайгё Такамори Сайгё Цугумити, а войска были укомплектованы по большей части самураями из юго-западных княжеств.

Однако японская акция вызвала серьезное сопротивление жителей Формозы и протесты со стороны Китая, США и Великобритании. Будучи совсем не готовой к серьезной войне с Китаем и опасаясь международных осложнений, Япония прекратила военные действия и начала переговоры, для чего в Пекин был отправлен бывший в то время руководителем ведомства внутренних дел Окубо Тосимити.

Переговоры велись при посредничестве британского посланника в Китае. В конце 1874 г. был подписан Тяньцзинский договор, согласно которому китайское правительство признало военную экспедицию Японии на Формозу правомерной. Кроме того оно обязалось выплатить 500 тыс. таэлей (таэль примерно равнялся иене) пострадавшим японским семьям и на возмещение затрат на строительство дорог и общественных зданий на острове.

Полученная компенсация составляла лишь малую часть понесенных Японией затрат на военную экспедицию на Формозу. Однако она позволила Японии добиться главной цели — присоединить о-ва Рёккё. В 1879 г. они получили статус префектуры.

Политика Японии в отношении Кореи

Еще в 1869 г. Япония отправила несколько дипломатических миссий в Корею для изучения отношений этой страны с Китаем и Россией и возможности установления непосредственных связей с ее правительством. Однако корейские правящие круги были резко настроены против иностранцев, в том числе и японцев, которых они порицали за их активные контакты с Западом. Более того, в 1871 г. были приняты законы, воспрещавшие любые связи с япон-

цами. Поэтому японская миссия в 1871 г. удалась с пустыми руками. Поскольку в самом японском правительстве не было единства мнений о сроках вторжения в Корею, Япония на некоторое время отложила эту акцию, переключившись на о-ва Рюкю.

Подготовка к захвату Кореи заняла не один год, прежде всего из-за серьезных разногласий среди политических руководителей Японии. Противники немедленных военных действий во главе с Ивакура Томоми опасались, что они нанесут непоправимый урон проводившимся в стране преобразованиям, поскольку потребуются огромные дополнительные средства. Получить их можно было бы лишь за счет увеличения налогов, внешних займов или выпуска бумажных денег, что, безусловно, вызвало бы рост недовольства населения. Кроме того это привело бы к осложнениям в отношениях с Россией, имевшей свои интересы в этом регионе, и Великобританией, которой Япония не смогла бы вернуть займы и тем самым дала бы повод к санкциям против себя. В 1873 г. дебаты в правительстве были столь напряженными, что потребовалось вмешательство императора, который высказался против немедленного начала военных действий в Корее. Сторонники войны (Сайгō Такамори, Этō Симпэй, Итагаки Тайсукэ, Готō Сёдзирō и др.) вышли тогда из состава правительства.

Японо-корейский договор 1876 г.

Во второй половине 1875 г. корейский вопрос вновь оказался в Японии в центре внимания. Поводом для этого стали неправомерные действия японских военных кораблей, которые под предлогом проведения гидрографических исследований вошли в устье р. Хан, на которой стоит Сеул. Корейская береговая охрана открыла огонь, японцы же в ответ высадили десант.

Японское правительство воспользовалось этими обстоятельствами, а также тем, что в Корее как раз тогда обострилась борьба за власть, и силой навязало Корее неравноправный договор точно так же, как в свое время поступил с Японией Перри: японскую дипломатическую миссию, которую возглавлял Курода Киётака, сопровождали два военных корабля с 800 моряками на борту. Этот договор был первым дипломатическим документом, подписанным Кореей.

Договор о мире и дружбе 1876 г., известный как Канхвасский трактат, отрицал вассальную зависимость Кореи от Китая. В ст. 1 говорилось: «Корея является независимым государством и пользуется такими же суверенными правами, как и Япония». Хотя формально в этом документе фиксировалось, что отношения между обеими странами устанавливаются на основе равенства, Япо-

ния получила право экстерриториальности и консульской юрисдикции. Корея, помимо Пусана, обещала открыть еще 2 порта, что и было сделано в 1880 и 1883 гг. Кроме того японская сторона получила целый ряд привилегий: назначать консулов в открытые порты, производить гидрографические съемки у корейских берегов.

В том же году были подписаны два дополнительных соглашения, главное из которых касалось торговых связей. Япония получила право вести беспошлинную торговлю в Корее, использовать там японские деньги и вывозить корейские металлические, что приносило ей огромные выгоды.

Договор 1876 г. четко обозначил политику Японии в отношении Кореи — превратить ее в колонию, — но время для этого еще не пришло. Япония боялась возможных столкновений с Китаем, а впоследствии и с Россией. Тем не менее, договор открывал двери для японской торговли на корейском рынке и способствовал вытеснению оттуда китайских и корейских купцов. Япония торговала не только своими, но и иностранными товарами, поскольку другие государства еще не имели торговых соглашений с Кореей. Японские товары были далеки от международных стандартов, но чрезвычайно дешевы. Это подрывало корейскую домашнюю промышленность. Одновременно Япония за бесценок закупала местную сельскохозяйственную продукцию — рис, бобы, хлопок, что в свою очередь приводило к росту цен и ухудшению положения населения. Все это вместе взятое обострило и без того неприязненное отношение корейцев к японцам.

Обострение японо-корейских отношений

Ситуацию в Корее в конце 70-х — начале 80-х годов можно назвать «смутным временем». Там продолжалась ожесточенная борьба за власть. К распрям внутри правящих кругов добавлялось тяжелое экономическое положение и усиление антииностранных настроений, которые нередко приводили к кровавым инцидентам. Положение там в известной степени напоминало положение в Японии перед реставрацией Мэйдзи, но в Корее вопрос об «открытии» или «закрытии» страны как средства достижения независимости не стоял, и борьба придворных группировок была лишена выраженной патриотической окраски.

Со своей стороны, Япония все интенсивнее и бесцеремоннее вмешивалась во внутрисполитические дела в Корее. Однако на пути к захвату этой страны ей следовало прежде всего урегулировать свои отношения с Китаем, обострение которых японские политики считали пока несвоевременным. Для этого было желательно убедить китайцев, что Япония заинтересована лишь в пре-

крашении изоляции Кореи, а не в ее оккупации. Провозглашенная японо-корейским договором 1876 г. независимость Кореи не была признана Китаем, который на протяжении веков удерживал ее в вассальной зависимости — правда, в достаточной степени формальной (ежегодные посольства с подарками к цинскому двору, получение корейским королем мандата на правление). Тем не менее, независимость Кореи была сильным ударом по престижу Китая.

Несмотря на заключение японо-корейского договора о мире и дружбе, в правящих кругах Кореи были распространены неприязненные чувства во отношению к Японии. Их разделяли и те, кто непосредственно подписал этот договор с корейской стороны. Гораздо большую симпатию вызывал Китай, поскольку многие считали его защитником корейских национальных интересов.

Китай, со своей стороны, стимулировал такие настроения. Так, Ли Хунчжан — фактический руководитель внешней политики цинского двора — в письме, которое было доведено до сведения корейского короля, писал:

Ли Хунчжан

«Япония в последние годы усвоила нравы и обычаи европейских стран и провела ряд мероприятий для своего развития. Но сейчас казначейство ее пусто, а долги растут с каждым годом. Поэтому она вынуждена вести экспансионистскую политику, чтобы как-то улучшить свое финансовое положение. Следовательно, соседние с ней народы должны соблюдать крайнюю осторожность. Корея находится к северу от Японии, Формоза — к югу, и именно на эти страны Япония зарится больше всего. Жадность этой страны, рассчитывающей на свое искусство в обмане, прекрасно иллюстрируют события на о-вах Рюкю, которые она в конечном счете и присоединила. Вашей стране лучше быть настороже».

Пугая таким образом Корею, Китай намеревался превратить формальный сюзеренитет над этой страной в реальный. Однако преследовавший свои собственные цели китайский политик был недалек от истины.

В июле 1882 г. в Корее произошли антияпонские выступления. Начинались они как дворцовый переворот, когда одна из сопер-

ничавших политических группировок использовала недовольство солдат сеульского гарнизона многомесячной невыплатой жалования. Целью этой группировки было уничтожить соперников и направить недовольство народа против ненавистных японцев. Нападению подверглось японское посольство. Было убито несколько офицеров, и весь штат посольства укрылся на английском судне в Инчхоне.

Эти события вызвали бурную реакцию в политических кругах Японии. Опять раздавались голоса в пользу немедленных военных действий, однако такое решение снова было отклонено императором. В Корею для выяснения ситуации была направлена миссия под эскортом военных кораблей.

Японская сторона предъявила ультиматум о выплате компенсации, который корейцы не торопились принять, рассчитывая на поддержку Китая. Дело в том, что по просьбе одной из корейских группировок Ли Хунчжан направил в Сеул китайские военные силы, которые должны были послужить противовесом возможным военным действиям японцев. Однако в конце концов Ли Хунчжан все же посоветовал корейской стороне урегулировать конфликт мирным путем.

В конце августа 1882 г. в Чемульпо был подписан японо-корейский договор. Согласно ему, Корея обещала в 20-дневный срок покарать всех виновных в нападении на японцев. Сделать это надлежало в присутствии официальных японских представителей. Япония получила контрибуцию в размере 500 тыс. иен, а также право держать свои войска в Сеуле для охраны миссии. В дополнении к этому договору было зафиксировано открытие еще одного корейского порта для захода японских судов, и во всех открытых портах расширена территория, где японцы могли беспрепятственно передвигаться. Японские дипломаты получили возможность свободно путешествовать со своими семьями по всей территории Кореи; при этом местные власти обязаны были заботиться об их безопасности.

Конфликт, казалось бы, разрешенный в пользу Японии, привел к обратному результату: усилению антияпонских настроений и расширению связей с Китаем. Китайские товары постепенно начали вытеснять японские с корейского рынка. В то же время западные страны по примеру Японии заключили торговые соглашения с Кореей: Великобритания, США и Германия в 1883 г., Россия — в 1884 г. При этом США, как и Япония, заявили о признании Кореи вассалом Китая.

Попытка прояпонского переворота в Корее

Единственной силой в Корее, которая ориентировалась на Японию, были немногочисленные реформаторы. Япония по официальным каналам не поддерживала связи с ними, но делала это через лидеров оппозиционных политических партий и просветителей, таких как Фукудзава Юкити, Готō Сё-дзирō и др. Под их влиянием партия реформаторов, стремясь осуществить корейский вариант преобразований Мэйдзи, совершила в декабре 1884 г. государственный переворот.

Япония использовала эти события для ослабления позиций Китая, который к тому же был вовлечен в военный конфликт с Францией. Как всегда, она действовала, якобы, во имя достижения Кореей полной независимости. Чтобы ускорить развитие событий, японцы обещали значительно сократить сумму наложенной на Корею контрибуции, но тут же потребовали равных с китайцами прав на учреждение своих фирм в Сеуле.

Активное вмешательство Японии во внутренние дела Кореи подстегнуло антияпонские выступления: толпа сожгла здание японской миссии в Сеуле, убила нескольких офицеров и солдат, разгромила дома и лавки японских купцов. Порядок в стране был восстановлен с помощью китайских войск, а лидеры партии реформаторов бежали в Японию. Вскоре оттуда прибыло большое посольство во главе с руководителем ведомства иностранных дел Иноуэ Каору в сопровождении военных кораблей, на борту которых находился значительный контингент сухопутных войск. В Сеуле был подписан договор, по которому Корея обязалась принести извинения и наказать виновных в убийстве японских подданных и разграблении их имущества, выплатить контрибуцию в размере 110 тыс. иен, выделить участок для постройки японского посольства, оплатить строительство посольского здания и казарм для солдат.

Конвенция Ли-Ито

Решить корейский вопрос, не договорившись с Китаем, Япония не могла. Поэтому в начале 1885 г. туда была направлена миссия во главе с Итō Хиробуми, которая продемонстрировала незаурядное дипломатическое искусство.

Переговоры в Тяньцзине начались в апреле и обнаружили все лицемерие японской дипломатии. Японцы настойчиво убеждали Китай в том, что не хотят воспользоваться его затруднительным положением из-за войны с Францией и готовы отложить на время решение корейского вопроса.

В результате был подписан договор, известный как «конвенция Ли-Итō». В соответствии с ним обе стороны обязались отозвать свои войска с территории Кореи и в будущем посылать их туда только в случае возникновения беспорядков и после предварительного уведомления об этом друг друга. Тяньцзиньский договор не провозглашал независимости Кореи, но японцы добились того, что их страна получила там такие же привилегии, как и Китай. Это был, безусловно, еще один шаг по пути ослабления китайского влияния в Корее и усиления там позиций Японии. Позже Китай неоднократно, но безуспешно пытался пересмотреть данный договор. Он просуществовал до начала японо-китайской войны 1894—1895 гг. и, по сути, послужил поводом к ней.

* * *

На протяжении десяти лет после заключения Тяньцзиньского договора отношения между Кореей и Китаем, с одной стороны, и Японией, с другой, были весьма напряженными как в политической, так и экономической сферах, примерами чего могут служить конкуренция Японии и Китая по прокладке телеграфных кабелей на территории Кореи, запрет на вывоз в Японию корейского риса и на лов рыбы японцами в прибрежных водах Кореи. Эмигрировавшие в Японию корейские реформаторы не оставляли попыток вооруженным путем захватить власть при поддержке некоторых японских политических лидеров, в частности, Ои Кэнтарō.

Правда, правительство Японии не поддерживало подобные акции, считая, что они могут сорвать ее подготовку к большой войне. Япония рассматривала Корейский п-ов как сферу национальных интересов для обеспечения собственной безопасности, а завоевание им — как первый шаг к созданию собственной колониальной империи. Обладание им считалось тем более необходимым, что на фоне прогрессирующего ослабления Китая усиливалось империалистическое соперничество европейских стран на Дальнем Востоке.

В то время Ямагата Аритомо предсказывал, что в течение 90-х годов Японии придется столкнуться не с Китаем или Кореей, а с Великобританией, Францией и Россией, поделившими Китай на сферы влияния. Теперь политические лидеры Японии понимали под независимостью страны не только суверенитет и полную свободу от иностранного контроля, но и право участвовать в империалистических захватах на континенте.

Развитие русско-японских отношений

Россия, как и США и европейские страны, была заинтересована в укреплении своих позиций на Дальнем Востоке. В связи с этим в русской внешней политике резко возросло значение Сахалина, южную часть которого активно осваивали японцы.

Борьба интересов вокруг Сахалина

Согласно Симодскому трактату 1855 г. Сахалин не был разделен между обеими странами. Япония использовала затруднительное положение России в связи с Крымской войной и отказалась признать ее притязания на обладание всем островом. Однако в 1856 г. Россия возобновила освоение Сахалина, прерванное военными действиями в Крыму, ибо это диктовалось стратегическими интересами империи на Дальнем Востоке.

В 1867 г. в Петербурге было подписано временное соглашение о совместном владении Сахалином, которое признало свободу проживания там подданных обеих держав. В результате постоянно возникали конфликты между жителями острова — японцами, русскими и айну.

Генерал-губернатор Восточной Сибири распорядился направить на Сахалин группу крестьян-переселенцев, увеличить численность военного контингента, предоставить льготные условия русским частным компаниям на разработку угольных месторождений. Со своей стороны, после реставрации Мэйдзи японцы начали проявлять большую заинтересованность в южной части острова. Чтобы упредить действия русских, японское правительство уже в середине 1868 г. приказало поставить столбы с надписями о принадлежности Японии наиболее удобных участков для занятия сельский хозяйством и рыбной ловлей. Кроме того, японцы захватывали некоторые угольные разработки, открытые русскими специалистами, в чем их активно поддерживали западные державы. Учитывая все это, царское правительство решило возобновить переговоры с Японией по поводу установления прав России на весь Сахалин.

Сделать это было весьма затруднительно из-за сложного переплетения противоречий и интересов не только России и Японии, но и европейских стран и США. Последние, в частности, хотели колонизовать и Сахалин, и Хоккайдō. Англичане старались получить в аренду о-в Цусима, города Хакодате и Анива, создать на японском побережье военные базы, отрезав тем самым Россию от Тихого океана.

Для решения сахалинской проблемы США уже в 1869 г. рекомендовали новому мейдзийскому правительству купить у России южную часть острова, как они это сделали с Аляской двумя годами ранее. Американское посредничество было отклонено Россией, так же, как и японское предложение провести границу по 50-й параллели или выкупить южную часть острова.

Активные русско-японские переговоры начались с прибытием в Токио в 1872 г. поверенного в делах и генерального консула в Японии Е.К.Бюцова. Однако их ход осложнялся серьезными разногласиями внутри японского правительства по вопросам внутренней и внешней политики. Отказ от планов похода на Корейский п-ов привел к отставке руководителя военного ведомства Соедзима Танэоми, с которым непосредственно и был связан Е.К.Бюцов.

Японское правительство, чувствуя поддержку европейских держав и США, усиливало нажим на Россию, стараясь получить максимальную выгоду от передачи прав на Южный Сахалин. В то же время трезвомыслящие политики (например, заместитель руководителя бюро по колонизации Хоккайдō и Южного Сахалина Курода Киётака) полагали, что Японии лучше отказаться от Сахалина, чтобы избежать конфликта с Россией, и направить основные усилия на освоение Хоккайдō.

В инструкции МИД России новому поверенному в делах было строго указано на недопустимость вмешательства во внутренние дела Японии и на необходимость убедить японцев в том, что проведение границы на острове не сможет предотвратить конфликты. «Поэтому единственный исход дела, который Вы постоянно должны иметь в виду, — отмечалось в инструкции, — уступка нам всего острова, географическое положение которого делает обладание им вопросом первостепенной важности для будущего развития нашего Восточного Сибирского побережья».

Русско-японский договор 1875 г.

Основные переговоры начались в середине 1874 г. с прибытием в Петербург чрезвычайного и полномочного посланника Японии в России Эномото Такэаки. Он привез два проекта разрешения вопроса. Согласно первому, в обмен на Южный Сахалин Россия должна была уступить Японии о-в Уруп с прилегающими островами и компенсировать японскую недвижимость на Сахалине. По второму, Япония должна была получить все Курильские о-ва.

Оба проекта первоначально были отклонены русской стороной. Однако Россия стремилась ускорить решение этого вопроса из-за назревавшего конфликта на Балканах, и поэтому готова бы-

ла пойти на серьезные уступки. В итоге царское правительство, не проявив достаточного упорства в переговорах, согласилось обменять Южный Сахалин на Курильские о-ва.

7 мая 1875 г. русский канцлер А.М.Горчаков и японский посланник Эномото Такэаки подписали «Трактат между Россией и Японией». В его ст. 1 говорилось:

Александр
Горчаков

«Его Величество Император Японский за себя и своих наследников уступает Его Величеству Императору Российскому часть территории острова Сахалина, которой он ныне владеет... Отныне означенный остров Сахалин весь вполне будет принадлежать Российской империи, и пограничная черта между империями Российской и Японской будет проходить в этих водах через пролив Лаперуза».

В ст. 2 было зафиксировано:

«Взамен уступки России прав на остров Сахалин... Его Величество Император Всероссийский за себя и своих наследников уступает Его Величеству Императору Японскому группу островов, называемых Курильскими ... Эта группа заключает в себе нижеозначенные 18 островов, а именно: 1. Шумшу, 2. Алаид, 3.Парамушир, 4. Маканруши, 5. Онкотан, 6. Харимкотан, 7. Экарма, 8. Шиашкотан, 9. Муссир, 10. Райкоке, 11. Матуа, 12. Растуа, 13. Островки Среднева и Ушисир, 14. Кетой, 15. Симусир, 16. Бротон, 17. Островки Черпой и Брат Черпоса, 18. Уруп, так что пограничная черта между империями Российской и Японской в этих водах будет проходить через пролив, находящийся между мысом Лопаткою полуострова Камчатки и островом Шумшу».

Согласно другим статьям Санкт-Петербургского договора, всем жителям уступаемых территорий предоставлялось право сохранять прежнее подданство или вернуться на родину, но при этом они подпадали под юрисдикцию той страны, к которой перешла соответствующая территория. В портах Охотского моря и Камчатки Япония получила для судоходства, торговли и рыбной ловли те же права, что и страны, обладавшие статусом наиболее благоприятствуемой нации. Кроме того японские суда, заходящие в порт Корсаков, освобождались от портовых сборов и таможенных пошлин сроком на 10 лет. Там же открывалось японское консульство. Российская сторона выплатила Японии за недвижимое имущество на Южном Сахалине свыше 112 тыс. руб. Компенсация за движимое имущество не выплачивалась, ибо оно было вывезено японцами полностью.

Русско-японский договор 1875 г. вызвал в обеих странах неоднозначные отклики. Многие в Японии осуждали его, считая что японское правительство обменяло имеющий важное политическое и экономическое значение Сахалин на «маленькую гряду камешков», какой им представлялись Курилы. Другие просто заявляли, что Япония обменяла «одну часть своей территории на другую». Подобные оценки раздавались и с русской стороны: многие полагали, что обе территории принадлежали России по праву первооткрывателя.

Санкт-Петербургский договор не стал окончательным актом территориального размежевания между Россией и Японией и не смог предотвратить дальнейшие конфликты между двумя странами. Его историческое значение заключается в другом: он стал первым для Японии равноправным международным соглашением, что являлось ее несомненным дипломатическим успехом.

Борьба Японии за отмену неравноправных договоров

Мэйдзийское правительство практически с первых шагов своей деятельности поставило вопрос о необходимости пересмотра неравноправных договоров, заключенных сёгуном в 50-е годы, хотя это можно было сделать не ранее середины 1872 г., при условии предупреждения об этом за год. Достигнув первых успехов в налаживании внутренней жизни страны на новых началах, оно со всей остротой ощутило необходимость достижения независимости и равноправия в международных отношениях.

С точки зрения мэйдзийских лидеров, решение проблемы заключалось в следующем:

- появление неравноправных договоров было вызвано невозможностью вести переговоры с великими державами на основе их права, что было обусловлено отличиями японского государственного строя и политики Японии; следовательно, нужно реформировать японское право;
- гражданско-правовые и уголовные дела, касающиеся иностранцев, следует разрешать не консульским судом (который должен быть отменен), а судом смешанного состава.

Миссия Ивакура

Однако прежде была сделана попытка наладить нормальные дипломатические отношения с США и европейскими державами. В 1871 г. туда была отправлена миссия во главе с министром иностранных дел Ивакура Томоми, главной целью которой было прозондировать возможности пересмотра неравноправных договоров. Речь шла, прежде

всего, об упразднении экстерриториальности и консульской юрисдикции, а также об изменении таможенных пошлин.

В состав миссии Ивакура входили 48 представителей различных ведомств, в том числе такие крупные деятели как Кидо, Окубо, Итô и Иноуэ. В императорском послании по поводу этой дипломатической акции указывалось:

«Имея полномочия, надлежит проследовать в Соединенные Штаты и в европейские страны, уведомить всех о наших дружелюбных намерениях, расширить и укрепить дружеские отношения, столь счастливо установившиеся между нами и правительствами означенных стран. Менее, чем через год наступает срок пересмотра существующих договоров, и мы желаем в корне пересмотреть их, дабы поставить Японию на равную ногу с цивилизованными народами и оградить наши права и интересы... Но так как обычаи и законы Японии отличаются от таковых в других странах, мы не намерены производить этого пересмотра сразу. Мы сперва ознакомимся с учреждениями других стран, заимствуя те, которые наиболее полно отвечают интересам и нуждам Японии, и постепенно преобразуем наше управление и обычаи, дабы достигнуть положения, одинакового с цивилизованными нациями... По предоставлении отчетов миссии мы обсудим вопрос о пересмотре договоров и затем приведем в исполнение наше искреннее желание».

Сначала миссия прибыла в Вашингтон, где ее принял президент США. Там японцы впервые столкнулись с необходимостью соблюдения дипломатического протокола. Им было указано, что они не могут вести переговоры, не имея специальных полномочий. Окубо и Итô были немедленно отправлены в Токио для их оформления. После их возвращения в Вашингтон американской стороне был передан японский проект поправок к договору 1858 года. Японцы просили предоставить им таможенный суверенитет, отменить консульскую юрисдикцию и запретить высадку иностранных войск на их территории. Взамен они предлагали американцам предоставить право свободного передвижения по стране (а не только в открытых портах) и обязывались принимать иностранцев на работу в качестве советников. Вашингтон отклонил эти японские предложения и, более того, потребовал дальнейших уступок: в частности, разрешения вести торговлю на всей территории Японии и владеть там недвижимостью.

Миссия в США была пробным камнем японской дипломатии. Переговоры показали весь спектр трудностей, с которыми Японии предстояло столкнуться при пересмотре неравноправных договоров. Несмотря на первую неудачу, дипломатический опыт был весьма ценен, и миссия Ивакура получила высокую оценку японского правительства.

**Дальнейший
ход переговоров**

В 1875 г. министр иностранных дел Тэрадзима Мунэнори начал переговоры о пересмотре неравноправных договоров. Он исходил из концепции, что сначала должна была быть восстановлена таможенная функция японского государства, а отмена консульского суда могла быть отложена до окончания реформирования японского законодательства. В 1878 г. на переговорах с США Япония сумела добиться таможенного суверенитета, что стало ступенькой на пути пересмотра неравноправного договора.

В сентябре 1879 г. Тэрадзима оставил свой пост, и его преемником стал Иноуэ Каору. К тому времени в Японии приближалась к концу работа над новыми уголовным и уголовно-процессуальным кодексами. С учетом этого, Иноуэ скорректировал курс на переговорах и поставил на первое место отмену консульского суда. Однако великие державы потребовали созвать совместную конференцию, на которой они хотели получить гарантии относительно составления в Японии кодексов и формирования в ней надлежащей системы юстиции.

В 1882 г. в Японии было проведено 21 заседание подготовительного совещания по этому вопросу под председательством Иноуэ, который отстаивал идею упразднения экстерриториальности иностранцев и возвращения Японии полного права осуществлять правосудие на ее земле. Что касается судебных дел с участием иностранцев, то предлагалось слушать такие дела при смешанном составе суда, куда входили бы японские и иностранные судьи; при обвинении иностранца большинство должны были составлять иностранные судьи, при обвинении японца — наоборот.

Международная конференция по вопросам пересмотра договоров открылась в мае 1886 г. На ней Иноуэ существенно смягчил свою позицию: он настаивал лишь на том, чтобы в обмен на разрешение поездок иностранцев по Японии с некоммерческими целями и открытие дополнительно трех портов японская сторона получила право применять к иностранцам японские административные правила и, в ограниченных пределах, японскую юрисдикцию и собирать таможенные пошлины в открытых портах.

В ответ британская и германская стороны на конференции предложили 15 июня 1886 г. совместный проект договора о консульской юрисдикции и потребовали положить его в основу переговоров. Их цель состояла в том, чтобы полностью открыть всю японскую территорию в интересах внешнеэкономической деятельности этих двух стран, компенсировав уступки японской стороны отказом от консульской юрисдикции. Это предложение поч-

ти совпадало с позицией Иноуэ на внутрияпонском подготовительном совещании, поэтому он легко с ним согласился.

22 апреля 1887 г. на конференции был принят проект договора. Согласно ему, японское правительство обязывалось создать необходимый механизм юстиции и принять соответствующие европейским стандартам законы, а гражданско-правовые и уголовные процессы в отношении иностранцев должны были проводиться в японских судах при большинстве участвующих иностранных судей.

В ответ на это в Японии вспыхнуло движение протеста против пересмотра неравноправных договоров на условиях, содержащихся в проекте. Официальных представителей японской стороны обвиняли в капитулянтстве перед западными державами, в нанесении ущерба национальному суверенитету. В результате переговоры были прерваны, однако составление новых кодексов, несмотря на это, в целом было завершено.

Новые методы во внешней политике

Наряду с обычными дипломатическими и военными средствами борьбы за получение равноправного статуса на международной арене мэйдзийские власти активно использовали еще один метод — вполне рутинный в наше время, но достаточно новый для XIX века. Речь идет о целенаправленном формировании привлекательного образа своей страны в глазах мирового общественного мнения путем пропаганды собственной национальной культуры.

Этой цели служило регулярное участие Японии в разного рода международных выставках. Такие выставки, на которых народы демонстрировали свои достижения в разных сферах — промышленности, торговле, культуре — были в то время новым явлением. Первая из них состоялась в Лондоне в 1851 г.

Япония впервые показала себя Западу в 1862 г. в Лондоне и в 1867 г. в Париже, т.е. еще до реставрации Мэйдзи. Она представила на этих выставках то, с чем могла в то время выйти на мировую арену — свою традиционную культуру. Такая политика была направлена на формирование в глазах европейцев своеобразного — экзотического и привлекательного — имиджа Японии, и она увенчалась полным успехом. На этих выставках искусство Японии, особенно гравюра, сразу и безусловно покорило западного зрителя. Франция стала первой страной, где японское искусство проникло в быт и даже стало модой. Если ранее культура Дальнего Востока ассоциировалась в основном с Китаем, то теперь Япония заняла свою нишу.

Затем японцы устраивали свою экспозицию на выставках в Вене (1873), Филадельфии (1876), Париже (1878 и 1900), Чикаго (1893) и др. Участие в них стало политикой японского правительства, которое выделяло для этого значительные средства. Присутствие Японии на чикагской выставке обошлось в 630 тыс. иен, а на парижской 1900 г. — в 1,3 млн. иен. В дальнейшем расходы несло не только центральное правительство, но и органы местного самоуправления и частные фирмы. Подготовительную работу по участию в выставках координировал специально созданный отдел при министерстве сельского хозяйства и торговли.

Международные выставки рассматривались японским правительством как возможность продемонстрировать достижения модернизации, высокую степень приобщения японцев к западной цивилизации. При этом прилагались усилия противопоставить в глазах европейцев Японию Китаю, представить ее как уже модернизированную страну, с которой можно говорить на языке «цивилизованных наций». Так японское правительство подталкивало общественное мнение Запада к мысли о необходимости пересмотра неравноправных договоров.

Вне зависимости от того, насколько такие пропагандистские методы приблизили достижение конкретных целей японской дипломатии, их, безусловно, можно считать успешными. Целенаправленная японская пропаганда действительно создала психологическую основу для выделения Японии из числа стран Востока, которые большинством европейцев воспринимались в то время как колониальная периферия, населенная низшей расой, и, соответственно, как объект, а не как субъект мировой политики. Успешное применение во внешней политике этого нового метода еще раз показало гибкость и восприимчивость японской правящей элиты в деле осуществления модернизации страны.

Достижение равноправного международного статуса

Сменивший Иноуэ на посту министра иностранных дел Ёкума Сигэнобу решил вести переговоры о пересмотре договоров на двусторонней основе, что принесло свои плоды. Результатом стало подписание в 1888 г. первого равноправного торгового договора с Мексикой. В следующем, 1889 г., аналогичные договора были заключены с Германией, Россией и США. Однако в них сохранялось положение о смешанных судах, которое особенно болезненно воспринималось японцами (поэтому оно держалось в секрете).

В отличие от названных стран, Великобритания не собиралась идти на уступки по таможенным тарифам. Англичане предали

гласности это секретное положение, стремясь спровоцировать беспорядки в Японии, чтобы укрепить свои позиции на переговорах. В чем они и преуспели: договоры не были ратифицированы. На Окума было совершено покушение, он лишился ноги, а новый кабинет в начале 1890 г. возглавил Ямагата, который поспешил начать переговоры с Великобританией.

С перерывами они продолжались до 1894 г., когда был подписан англо-японский договор. Он включал положения о новых тарифах (входившее в силу с момента его подписания) и о ликвидации экстерриториальности при условии принятия необходимых законодательных актов японской стороной; поэтому исполнение второго положения отодвигалось до 1899 г.

Великобритания выступила инициатором подписания полностью равноправного договора отнюдь не из-за симпатий к Японии, а потому что стремилась столкнуть ее с Россией в Китае. Подписанием англо-японского договора в 1894 г. за две недели до начала первой японо-китайской войны она дала Японии карт-бланш на агрессию.

В том же году японский министр иностранных дел Муцу Мунэмицу добился успеха в деле пересмотра договоров и с другими великими державами и осуществил отмену консульской юрисдикции. По сравнению с этим восстановление японского таможенного суверенитета запоздало: оно было достигнуто в 1911 г. Лишь тогда страница неравноправных договоров в японской истории была перевернута окончательно.

* * *

Модернизация Японии проходила под лозунгом «богатая страна — сильная армия», что предполагало ускоренное наращивание военного потенциала. Во внешней политике Японии военные методы также играли существенную роль, что было тогда совершенно естественным. В ходе модернизации были восприняты и освоены не только технические или культурные достижения Запада, но и характерные для эпохи колониальных захватов правила поведения на международной арене. В то время единственным путем занять уважаемое место в мире или, тем более, стать державой мирового ранга было проведение агрессивной внешней политики, направленной на создание собственной колониальной империи, и Япония естественным образом двинулась по этому пути. Правда, вплоть до начала войны с Китаем в 1894 г. Япония не была еще самостоятельным фактором мировой политики, но она быстро набирала силу, превращаясь во влиятельную региональную державу.

Часть 3

ПРЕВРАЩЕНИЕ ЯПОНИИ В ВЕЛИКУЮ ДЕРЖАВУ

Глава 1

ВСТУПЛЕНИЕ ЯПОНИИ В БОРЬБУ ЗА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ МИРА (1894–1904)

В конце XIX в. борьба за территориальный раздел мира заметно обострилась. В то время ведущей колониальной державой продолжала оставаться Великобритания. Вместе с тем соотношение сил на мировой арене начало меняться за счет того, что в игру вошли новые участники.

К 80-м годам XIX в. Россия восстановила пошатнувшееся было после крымской войны положение первостепенной военной державы. Она быстро превратилась в опасного соперника Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке и в Восточной Азии. В частности, в 90-х годах было начато строительство транссибирской железнодорожной магистрали, которая должна была помочь России утвердиться в Приморье и начать проникновение в Маньчжурию и Корею.

Тогда же все стали активнее выходить на мировую арену Соединенные Штаты. В то время американская промышленность переживала настоящий бум, и американские товары широким потоком хлынули на мировые рынки. Поскольку США тогда еще заметно уступали другим великим державам в военном отношении, американская экспансия носила преимущественно экономический характер. Упоная на свою экономическую мощь, американцы проповедовали идеи фритредерства, максимальной открытости рынков, обоснованно надеясь захватить их в конкурентной борьбе. Такую политику США проводили и в Китае, который рассматривался в качестве одного из важнейших направлений американской экспансии.

По мере того, как крепла промышленность Японии, она также стала нуждаться в новых рынках для сбыта своих изделий, а также в источниках дешевого сырья. Однако качество большинства японских товаров было недостаточно высоким для того, чтобы побеждать в конкурентной борьбе. Это толкало Японию к захвату внешних рынков при помощи военной силы, к созданию собственной колониальной империи. Перспективными объектами японской экспансии были соседние азиатские страны — Корея и Ки-

тай, которые испытывали глубокий внутренний кризис и не были способны эффективно сопротивляться.

Японо-китайская война 1894–1895 гг.

Развитие японо-китайского противостояния в Корее

После заключения в 1885 г. Тяньцзиньского договора, предоставившего Японии такие же привилегии в Корее, как и Китаю, японская экономическая экспансия в Корее расширилась. Япония ввозила туда продукцию собственной промышленности, в основном текстиль, металлические изделия, керамику, оружие и пр. Другим направлением была скупка японцами риса и другие сельскохозяйственные продуктов непосредственно у корейских крестьян. При этом последние получали ссуду под будущий урожай, что приводило к их полной зависимости от японских ростовщиков. Японские компании также установили контроль над каботажным судоходством у берегов Кореи, а японские банки стали обслуживать текущие счета корейского правительства.

Чтобы не допустить образования односторонней зависимости от Японии, корейские власти время от времени пытались ограничить японскую экспансию административными мерами. Это приводило к конфликтам между двумя странами. В 1890 г. произошло обострение японо-корейских отношений из-за того, что корейское правительство ввиду неурожая наложило ограничения на экспорт риса и бобов, в 1891 г. протесты Японии вызвал запрет японским рыбакам вести промысел в районе о-ва Чечжудо.

В конце концов японские правящие круги пришли к выводу, что для обеспечения своих экономических интересов и полного овладения корейским рынком Японии следует установить в Корее свой политический контроль. Однако это было невозможно без применения военной силы, и Япония стала подыскивать повод для вооруженной интервенции. Случай представился в связи с началом в Корее в 1893 г. восстания тонхаков.

Тонхаки были приверженцами религиозной секты, образовавшейся в южных провинциях Кореи в 1835 г. Тонхак (букв. «восточное учение») возникло как реакция на широкое распространение в Корее сохак («западного учения», т. е. католицизма) и представляло собой причудливую смесь народных магических ритуалов, связанных, в основном, с целительством. В течение нескольких десятилетий секта не проявляла заметной политической активности, но в 1893 г. ее приверженцы подали корейскому ко-

ролю петицию о реабилитации казненного еще в 1864 г. основателя секты. Петиция была отвергнута, последовали беспорядки, переросшие затем в восстание, в которое оказались вовлечены не только сами тонхаки, но и значительные массы не принадлежавших к секте крестьян, возмущенных произволом и коррумпированностью местной корейской администрации.

С самого начала восстание тонхаков имело антиинострannую (антияпонскую и антизападную) направленность. Интересно, что, несмотря на это, японцы попытались установить контакт с лидерами движения, для чего с ведома японских властей в Корею приезжал Утида Рёхэй, руководитель японской националистической организации Гэнъёся. Ему удалось встретиться с лидером повстанцев, которого он убеждал действовать как можно активнее. По-видимому, в планы Японии входила максимальная дестабилизация обстановки в Корее, что создало бы условия для японской военной интервенции.

То затухая, то разрастаясь, восстание тонхаков продолжалось около года. Корейские войска, посланные для подавления движения, не смогли разгромить отряды тонхаков и стали терпеть от них поражения. 23 мая 1894 г. корейский командующий признал свою неспособность подавить восстание и направил правительству депешу «с нижайшей просьбой» прибегнуть к помощи иностранных войск. После недолгих колебаний, конец которым положило известие о новом разгроме правительственных войск под Чансоном и захвате тонхаками города Чончжу, правительство Кореи 31 мая обратилось за помощью к Китаю.

Китай опасался, что в случае посылки его войск в Корею Япония также прибегнет к военной интервенции. Поэтому 3 июня китайский генеральный резидент в Корее Юань Шикай встретился с японским поверенным в делах Сугимура Фукаси и подробно проинформировал его о намерении временно ввести китайские войска в Корею. На основании 3-часовой беседы с Сугимура у Юань Шикая возникла уверенность, что Япония не намерена активно вмешиваться в корейские дела, о чем он и сообщил своему непосредственному начальнику, сановнику по делам Севера Ли Хунчжану. Сомнения китайцев рассеялись, и уже 8 июня 1894 г. в порт Асан прибыли 2,5 тыс. китайских солдат.

Но еще до того, как закончилась высадка китайского контингента с кораблей, 10 июня в район Инчхон—Сеул неожиданно начали прибывать японские войска. Решение об их отправке было принято 2 июня 1894 г. на экстренном заседании японского кабинета, созванном после получения донесения от Сугимура относи-

тельно просьбы корейского правительства о посылке китайских войск.

Между тем правительство Кореи, испугавшись, что страна превратится в арену боевых действий между японскими и китайскими войсками, 14 июня известило представителей Китая и Японии о том, что тонхаки «разгромлены» и большей частью уже «захвачены и казнены» (к тому времени город Чончжу действительно был возвращен под контроль правительства), и попросило вывести войска обеих стран.

Между Юань Шикаем и японским посланником Отори Кэйсукэ начались переговоры о совместном отводе войск. Договоренность уже была достигнута, когда японский дипломат получил из Токио телеграмму за подписью министра иностранных дел Муцу Мунэмицу, в которой, в частности, говорилось:

«Поскольку крайне желательно восстановление мира в Корее, Вы можете предложить услуги японской армии для подавления восстания... Что касается нашей дальнейшей политики в Корее, то японское правительство будет вынуждено принять жесткий курс. Этот вопрос находится сейчас в стадии обсуждения между мною и графом Итō».

В японском правительстве возобладало мнение, что следует воспользоваться присутствием японских войск в Корее, чтобы оказать давление на корейский королевский двор и оттеснить от власти прокитайскую группировку, заменив ее прояпонской. Для этого было решено как можно дольше сохранять в Сеуле японский воинский контингент (в тот момент около 600 чел.).

Вместо согласованного вывода войск было решено предложить Китаю разработанный Итō Хиробуми проект совместного проведения реформ внутреннего управления в Корее. Он предусматривал создание смешанной японо-китайской комиссии, задачами которой были бы:

- а) проверка состояния финансов страны;
- б) чистка состава корейского правительства и чиновников на периферии;
- в) создание охранных войск для поддержания порядка в стране;
- г) сокращение расходной части корейского бюджета с использованием образовавшегося активного сальдо для выплаты процентов по займам.

Выдвигая это предложение, японская сторона с самого начала предполагала, что Китай на него не согласится. Так и случилось: Китай отверг японское предложение на том основании, что реформы — внутреннее дело Кореи, в которое никто не имеет права вмешиваться. Тогда японский министр иностранных дел Муцу

Мунэмицу 22 июня направил Ли Хунчжану резкую ноту, в которой, в частности, говорилось:

«Учитывая географическое соседство, а также важные торговые связи и другие интересы Японской империи в Корее, Япония не может оставаться безучастным наблюдателем тяжелого положения, сложившегося в этой стране. Оставаться при такой ситуации сторонним наблюдателем — значит не только отступить от традиционной дружбы Японской империи с Кореей, но и поставить под серьезный удар оборону собственной страны. ... Возможно, что откровенное и прямое заявление императорского правительства Японии будет с неудовлетворением воспринято правительством Вашей страны. Тем не менее, японское правительство категорически заявляет, что в нынешних условиях оно не может отдать приказ об эвакуации находящихся в Корее японских войск».

26 июня японский посланник в Корее Отори посетил короля и «посоветовал» ему провести реформы внутреннего управления, для чего создать смешанную японо-корейскую комиссию. Несколько позже, 10 июля, он предъявил требование, чтобы корейское правительство официально объявило об аннулировании вассальной зависимости Кореи от Китая.

Это уже был прямой антикитайский выпад, делавший японо-китайскую войну почти неизбежной. Узнав о нем, Ли Хунчжан принял решение значительно усилить китайские войска в Корее, доведя их численность до 12 тыс. чел. Со своей стороны японская главная ставка направила командиру японской бригады в Сеуле недвусмысленную директиву:

«Если станет известно, что Китай увеличивает численность своих войск, Вам надлежит, оставив часть своей бригады в Сеуле, ... уничтожить главными силами ближайшего противника, не дожидаясь подхода к нему подкреплений».

Напряженная ситуация в Корее стала объектом внимания великих держав, в первую очередь России и Великобритании, которые, независимо одна от другой, предприняли несколько попыток посредничества в корейском вопросе. Хотя эти дипломатические действия были не особенно энергичными, они оказали сдерживающее воздействие на Японию, которая не была уверена, что державы не вмешаются в японо-китайский конфликт, и поэтому соблюдала определенную осторожность.

Перелом наступил 16 июля 1894 г. В этот день Великобритания подписала первый равноправный англо-японский торговый договор. Это внушило японскому правительству уверенность в благожелательной позиции Великобритании и подтолкнуло его к

решительным действиям. В ночь на 17 июля Муцу послал инструкции японскому посланнику в Корее Отори: «Нужно предпринимать решительные шаги. Действуйте, используя любой предлог». 19 июля японское правительство приняло решение начать военные действия без объявления войны.

Ход военных действий

Выполняя план по удалению из корейского правительства лиц, ориентировавшихся на Китай, в ночь на 23 июля 1894 г. один из батальонов размещенной в Сеуле японской бригады ворвался в королевский дворец, уничтожил оказавших сопротивление гвардейцев и сверг корейское правительство. Во главе нового правительства японцы поставили отца короля, носившего титул тэвонгун (принц-регент). Тем временем остальные японские силы попытались разоружить находившиеся в городе корейские войска, но те ответили огнем. Упорные уличные бои в Сеуле продолжались два дня. Лишь к 25 июля сопротивление в городе и его окрестностях было сломлено.

Тем временем к берегам Кореи приблизилась вышедшая 23 июля из порта Сасэбо японская эскадра в составе 13 крейсеров и 10 меньших кораблей. Это были лучшие силы, которыми в то время располагал японский флот, — все корабли были новейшей постройки, вооружение крейсеров составляли мощные 150-миллиметровые скорострельные орудия.

Утром 25 июля часть японских сил (3 крейсера) встретила в двух китайских военных кораблях у о-ва Пхундо. Японцы без предупреждения открыли огонь, и после нескольких залпов получившие тяжелые повреждения китайские суда подняли белый флаг. Японцы не стали захватывать или преследовать их и направились к Инчхону.

В это время к инчхонскому порту приближался английский транспорт «Гаошэн», перевозивший примерно 1200 китайских солдат. Повстречавшись с японцами, сопровождавший его китайский военный корабль немедленно сдался. Английский капитан «Гаошэна» хотел последовать его примеру, но находившиеся на судне китайские офицеры арестовали его и отказались подчиниться японским приказам. Тогда японский крейсер открыл огонь и потопил транспорт. Затем японцы спустили шлюпки, чтобы спасти только европейцев — капитана, старшего помощника и рулевого; остальные пятеро англичан, входивших в экипаж «Гаошэна», к тому времени уже утонули. Что касается китайцев, то 147 из них были спасены корейским судном, а еще 45 человек вскарабкались на торчавшие из воды мачты «Гаошэна» (море в

этом месте было мелким) и через сутки были подобраны французским военным кораблем. Все остальные (примерно тысяча человек) погибли.

Утром 29 июля в районе Сонхвана состоялось первое сражение между японскими и китайскими войсками на суше. Китайцы потерпели поражение и отступили, бросив тяжелое вооружение. Их потери составили до 500 чел., японцы потеряли 82 чел. убитыми, из них двух офицеров. Уцелевшие китайские части совершили трудный обходной маневр через горы на север и сумели соединиться с главными силами в районе Пхеньяна.

Только 1 августа 1894 г., т.е. спустя более чем неделю после начала военных действий, Япония объявила войну Китаю. В посвященном этому пространном императорском указе подданным объяснялись «благородные» цели войны:

«Корея является независимой страной, которую наша империя уважала с начала нашего правления, и которая стоит в одном ряду с другими державами. Китай же каждый раз называет Корею зависимой страной, тайно или открыто вмешивается в ее внутренние дела, ... посылает туда войска. Мы хотим на основе договора 1882 г., послав свои войска, ... избавить Корею навечно от беспорядков, сохранить на будущее общественное спокойствие и тем самым сохранить мир на Дальнем Востоке».

В тот же день цинский двор опубликовал указ китайского императора о начале войны с Японией.

16 августа 1894 г. правительство Кореи по требованию Японии было вынуждено расторгнуть все договоры с Китаем. Чтобы оградить себя от вмешательства европейских держав и придать своим действиям видимость законности, Япония навязала Корею 26 августа 1894 г. договор о союзе. Договор, помимо преамбулы, в которой указывалось, что обе страны занимают по отношению к Китаю «наступательно-оборонительную» позицию, содержал в себе 3 статьи:

- «Статья 1. Настоящий договор о союзе имеет своей целью изгнание китайских войск из Кореи, укрепление независимости Кореи и обеспечение интересов обоих государств.
- Статья 2. Японское государство берет на себя ведение наступательных и оборонительных военных операций, а Корейское государство обязано обеспечить снабжение японских войск продовольствием и создать все условия для беспрепятственного продвижения их по стране.
- Статья 3. Действие настоящего Договора о союзе прекращается в случае заключения мирного договора с Китаем».

В середине сентября между Китаем и Японией состоялось сражение за Пхеньян. Китайские войска в этом районе превосходили японские по численности и были хорошо вооружены — винтовками «Маузер» и крупновскими полевыми орудиями. Кроме того в Пхеньяне были построены мощные оборонительные сооружения, и в городе имелись большие запасы боеприпасов и продовольствия. Однако китайские генералы откровенно боялись противника и были больше всего озабочены тем, чтобы сохранить пути отступления из Пхеньяна. Поэтому, хотя первая атака японцев 15 сентября была легко отбита, уже ночью 16 сентября 1894 г. китайский гарнизон покинул Пхеньян и в беспорядке отошел к корейско-китайской границе.

17 сентября 1894 г. произошло морское сражение в Желтом море. В 5-часовом бою у устья р. Ялуцзян превосходство оказалось на стороне японцев, обладавших более скорострельной артиллерией и более быстроходными кораблями. Было потоплено 4 китайских крейсера и еще один бежал с поля боя в Далянь, но по пути разбился о скалы. С японской стороны тяжелые повреждения получили флагманский крейсер, старый деревянный корвет и канонерская лодка. Потерпев поражение, китайский флот ушел в порт Вэйхайвэй и оставался там до его взятия японцами.

Дальнейшие военные действия проходили уже на территории Маньчжурии. Главный удар японцы решили нанести по району Далянь (Дальний)—Люйшунью (Порт-Артур). Для этого 24 октября они высадились на побережье на полпути между устьем р. Ялуцзян и Люйшунью.

Китайское командование даже не попыталось атаковать японский десант. 6 ноября пала крепость Цзиньчжоу, гарнизон которой бежал при первом артиллерийском обстреле. На следующий день японские войска вошли в Далянь. Вооруженные тяжелыми крупновскими орудиями форты этой крепости так и не сделали ни одного выстрела по врагу. Японцы захватили огромное количество боеприпасов и военного снаряжения.

Известие о падении Даляня вызвало растерянность в крепости Люйшунью. Большинство китайских генералов и чиновников заботились не об обороне, а о том, как вывезти в безопасное место свое имущество. Между тем японская армия, подтянув осадную артиллерию, 17 ноября начала продвижение к Люйшунью.

В этот самый день из китайской крепости сбежал командующий ее обороной. Вслед за тем началось повальное бегство различных военных и гражданских чиновников, загружавших катера и целые корабли награбленными на складах товарами. Одновре-

менно в городе начались беспорядки: китайские солдаты стали грабить банки, магазины и дома.

21 ноября японцы предприняли наступление на крепость со стороны суши, где линия обороны была наиболее уязвимой. Вскоре сопротивление было сломлено, и 22 ноября Люйшуньюку с первоклассным доком и большими запасами вооружения перешел в руки японцев. Во время этих боев японская эскадра просто вела наблюдение с моря — ей даже не пришлось участвовать в сражении.

Заняв Люйшуньюку, японцы, в свою очередь, устроили в городе грандиозный погром. Поэтому, несмотря на капитуляцию, отдельные группы китайских солдат вместе с жителями города, защищаясь от японских бесчинств, несколько дней вели упорные уличные бои. Известия о японских зверствах в Люйшуньюку были столь впечатляющи, что американский сенат отложил ратификацию торгового договора с Японией, заключенного 22 ноября 1894 года.

Последним крупным актом японо-китайской войны стали бои за крепость Вэйхайвэй. 20–23 января 1895 г. она была блокирована японским флотом. Так же, как и при захвате Даляня и Люйшуньюку, японцы высадились в стороне от укреплений и повели наступление не с моря, а с суши, где оборона была слабее, и точно так же в крепости царили растерянность и неразбериха. Китайские солдаты, по целых 2–3 месяца не получавшие жалованья, роптали и не хотели сражаться.

К 1 февраля Вэйхайвэй пал, но его центральный узел обороны — о-в Люгундао — продолжал сопротивляться под командованием адмирала Дин Жучана. 7 февраля японцы начали генеральное наступление на остров. Тогда китайские солдаты и офицеры подняли бунт, требуя от командующего принять меры, чтобы сохранить им жизнь. Часть мятежников захватила минные катера и попыталась вырваться из бухты, но все они были потоплены японскими крейсерами.

Видя, что боевой дух подчиненных подорван, адмирал Дин Жучан приказал взорвать на кораблях орудийные башни, чтобы они не достались противнику, но офицеры отказались выполнить приказ, опасаясь мести со стороны японцев. Тогда Дин Жучан составил текст условий капитуляции для вручения японскому командованию и после этого отравился. Его примеру последовал командующий сухопутным гарнизоном Чжань Вэньсюань. 12 февраля Вэйхайвэй капитулировал. В качестве трофеев Япония захватила 11 боевых кораблей и все вооружение крепости.

* * *

Военные действия в ходе японо-китайской войны не ограничивались столкновениями регулярных армий Японии и Китая. В Корее, почти без боя оставленной китайскими войсками, продолжались столкновения японцев с корейскими повстанцами. Тылы японской армии находились под постоянной угрозой армии тонхаков, которая в условиях японской оккупации привлекла к себе широкие патриотические силы Кореи.

Тонхаки парализовали телеграфное сообщение между Кореей и Японией, нападали на японские транспорты. Поэтому японское командование бросило крупные силы на их подавление. В ноябре 1894 г. после длительных кровопролитных боев тонхаки потерпели поражение. Успех японцев закрепил то, что им удалось расколоть руководство секты. В результате часть ее лидеров, договорившись между собой, 9 декабря 1894 г. выдала остальных в руки карателей.

Симоносэцкий мирный договор

Быстрый захват Японией всей Кореи был неожиданным для европейских держав и США. Особенно встревожилась Великобритания, которая почувствовала появление японской угрозы для своих интересов в Китае. В частности, распространение боевых действий на район Тяньцзиня или Шанхая могло нанести серьезный ущерб британской торговле. Поэтому еще 6 октября 1894 г. британский министр иностранных дел Кимберли поручил английским послам в России, Германии, Франции и США выяснить, согласны ли правительства этих стран содействовать прекращению японо-китайской войны на условиях возмещения Китаем военных расходов Японии и совместной гарантии независимости Кореи великими державами.

Реакция на британскую инициативу не была обнадеживающей. Соединенные Штаты, которые в целом были довольны развитием событий, заявили, что не считают возможным участвовать во вмешательстве, предлагаемом Великобританией. Французский ответ был подчеркнуто неясен. Германия поставила свою реакцию в зависимость от мнения России как страны, граничащей с зоной конфликта. А русское правительство заняло откровенно выжидательную позицию, сообщив, что само оно в принципе готово участвовать в посредничестве, но для этого необходимо получить санкцию императора.

Вскоре тяжелые поражения заставили Китай искать мира. Первые попытки, предпринятые в конце ноября 1894 г. и в феврале 1895 г., окончились неудачей. В обоих случаях японцы отказа-

лись вести переговоры под предлогом, что китайские представители не имели достаточных полномочий от пекинского правительства. На самом же деле Япония надеялась развить свой военный успех и в дальнейшем заключить мир на более выгодных условиях.

Потерпевший военный разгром Китай поспешил сформировать еще одну делегацию для переговоров о мире с Японией. Ее возглавил Ли Хунчжан, которому были возвращены все ордена и знаки отличия, незадолго до того отобранные у него после военных поражений в Корее и Маньчжурии. В качестве советника китайской делегации был приглашен бывший государственный секретарь США Дж.Фостер. Японскими полномочными представителями были премьер-министр Итō Хиробуми и министр иностранных дел Муцу Мунэмицу.

19 марта китайская делегация прибыла в г. Симоносэки, выбранный местом переговоров. На следующий день состоялось первое заседание, на котором Ли Хунчжан выдвинул предложение немедленно, еще до начала мирных переговоров заключить перемирие. Японская сторона обусловила свое согласие на это рядом исключительно тяжелых, по сути невыполнимых условий: оккупацией японскими войсками важнейших стратегических пунктов Северного Китая: Дагу, Тяньцзиня и Шаньхайгуаня (от которых японцы находились еще очень далеко); сдачей всего вооружения и боеприпасов находившихся в этих пунктах китайских войск японской армии; передачей железной дороги Тяньцзинь—Шаньхайгуань под контроль японских военных властей.

24 марта, когда Ли Хунчжан возвращался с третьего заседания в гостиницу, он был серьезно ранен неким Кояма Тотарō, который стрелял в него, надеясь сорвать переговоры и добиться продолжения войны с Китаем. Желая смягчить неблагоприятное впечатление от этого инцидента, Итō Хиробуми сделал «миролюбивый» жест и согласился на 3-недельное перемирие, вступившее в силу 30 марта и не распространявшееся, однако, на Тайвань и о-ва Пэнхуледао.

1 апреля 1895 г. японская делегация представила полномочным представителям Китая свой проект мирного договора, сводившийся, в основном, к следующему:

1. Китай признает полную независимость Кореи.
2. Китай уступает Японии южную часть Маньчжурии (включая Ляодунский п-ов), о-в Тайвань и архипелаг Пэнхуледао.
3. Китай выплачивает Японии компенсацию за расходы на войну в размере 450 млн. иен.

4. Китай обязуется заключить торговый договор с Японией по образцу имеющихся договоров Китая с европейскими странами и США.
5. Для обеспечения добросовестного выполнения мирного договора Китай соглашается с временной японской оккупацией Шэньяня (Мукдена) и Вэйхайвэя, причем берет на себя все расходы, связанные с содержанием там японских войск.

Другие требования включали в себя освобождение японских подданных на территории Китая от налогов и пошлин, разрешение японцам заниматься в Китае промышленной деятельностью и ввозить необходимые для этого машины и оборудование и другие разнообразные привилегии.

Японские условия превзошли худшие опасения китайского правительства. Однако, не будучи в силах вести войну, оно решило продолжить переговоры и одновременно обратилось к великим державам с просьбой о вмешательстве.

Между тем японская делегация настаивала на немедленном принятии проекта договора в целом. 11 апреля Итô отправил Ли Хунчжану ультимативное письмо, в котором, в частности, говорилось:

«Прежде всего я прошу Вас учесть, что эти условия мира ... являются последними требованиями японского правительства. Я уже говорил Вам, что желательно в течение четырех дней, начиная со вчерашнего, получить от Вас вполне определенный ответ. Тем не менее я вынужден еще раз напомнить Вам об этом.

... В заключение хочу еще раз подчеркнуть то, о чем не раз уже говорил, чтобы Вы поняли суть наших требований. В ходе войны как сами военные мероприятия, так и связанные с ними последствия никогда не остаются неизменными; поэтому я хочу чтобы Вы уяснили себе, что те условия мира, на которые Япония соглашается, к счастью для Вас, в настоящее время, в будущем могут измениться».

В итоге Китай был вынужден уступить. 17 апреля 1895 г. в Симоносэки Итô Хиробуми и Ли Хунчжан подписали японо-китайский мирный договор. Существенным отличием его от первоначального японского проекта было лишь уменьшение суммы контрибуции с 450 до 300 млн. иен, другие поправки были незначительны. Император Мэйдзи высоко оценил заслуги Итô Хиробуми и Муцу Мунэмицу, похвалив их за усердие в специальном указе.

Демарш трех держав Казалось, Япония полностью добилась своих целей. Однако 23 апреля 1895 г. последовало вмешательство трех великих держав. Посланники России, Германии и Франции «посоветовали» Японии отказаться от Ляодунского п-ова.

Инициатива демарша трех держав исходила от России. Русское правительство восприняло попытку Японии захватить Ляодунский п-ов как непосредственную угрозу интересам России на Дальнем Востоке вообще и транссибирской железной дороге в частности. Особенно жесткую позицию в этом вопросе занял тогдашний министр финансов С.Ю.Витте, убежденный, что японцы не удовлетворятся захватом Ляодунского п-ова и будут добиваться господства над всем Китаем, а затем двинутся на север. Его позиция заключалась в следующем:

«Если мы теперь допустим японцев в Маньчжурию, то для охраны наших владений и Сибирской дороги потребуются сотни тысяч войска и значительное увеличение нашего флота, так как рано или поздно мы неизбежно придем к столкновению с Японией».

Поэтому в течение апреля 1895 г. Россия проводила консультации с другими великими державами относительно организации отпора дальнейшему японскому продвижению. Выяснилось, что почти все они по разным причинам не были заинтересованы во вмешательстве в японо-китайскую войну. Неожиданно активную поддержку русские предложения получили только в Берлине: по видимому, кайзер Вильгельм II рассчитывал таким образом получить для Германии военно-морскую базу на Дальнем Востоке. Узнав об этом, союзная России Франция также присоединилась к демаршу, поскольку опасалась русско-германского сближения.

Хотя японские государственные деятели, в том числе сам Итô, не раз высказывали опасения по поводу возможного вмешательства великих держав в японо-китайскую войну, на практике они оказались к нему не готовы. Начав войну с Китаем, японская дипломатия не подготовила должным образом ее политическую и дипломатическую стороны и не учла реального соотношения сил и интересов в мировой политике. Японские правящие круги слишком понадеялись на поддержку США и Великобритании, которая на самом деле носила скорее моральный характер и не была оформлена соответствующими соглашениями.

Теперь же на японские просьбы о помощи американское правительство обещало оказать Японии содействие, но только в рамках объявленного США нейтралитета. Похожий ответ пришел и из Лондона: британское правительство отказалось активно вмешаться в события и посоветовало Токио занять умеренную позицию.

Тем временем адресованный Японии «совет» России, Франции и Германии отказаться от претензий на Ляодунский п-ов был под-

креплен концентрацией значительных военно-морских сил трех стран в прибрежных водах Китая. Россия существенно усилила свою группировку в Тихом океане. Еще в январе 1895 г. туда на соединение с Тихоокеанской эскадрой был направлен броненосец и крейсер под командованием вице-адмирала С.О.Макарова. Близ города Чифу, где должен был состояться обмен ратификационными грамотами Симоносэцкого договора, в начале мая было сосредоточено 15 русских кораблей, и ожидался подход еще 7. Всего эскадра располагала броненосцем, 8 крейсерами и 13 другими судами. На Дальнем Востоке находились также французские (крейсер) и германские (2 крейсера) военные корабли.

Хотя эти силы значительно уступали совокупной мощи японского флота, вступать в военный конфликт с тремя великими европейскими державами Япония была тогда явно не готова. Это, а также отсутствие реальной поддержки со стороны других держав, предопределило согласие японского правительства пойти на уступки и смягчить условия мира. 5 мая 1895 г. Япония информировала правительства трех держав о своей согласии с их рекомендациями при условии, что она публично объявит об отказе от Ляодунского п-ова лишь после ратификации Симоносэцкого договора Китаем. Это была отчаянная попытка «спасти лицо» потерпевшей неожиданное поражение японской дипломатии.

8 мая 1895 г. в Чифу был произведен обмен ратификационными грамотами между Японией и Китаем, и 10 мая японское правительство заявило о возвращении Китаю Ляодунского п-ова. Правда, взамен был несколько увеличен (до 364 млн. иен) размер наложенной на Китай контрибуции.

Россия одержала эффектную дипломатическую победу: Ляодунский п-ов с Люйшунью (будущей русской крепостью Порт-Артур) имел первостепенное стратегическое значение для расширения ее влияния на Дальнем Востоке. Но одновременно был сделан важный шаг в развития русско-японского противостояния, меньше чем через 10 лет приведшего к кровопролитной войне между двумя странами.

Участие Японии в борьбе за раздел Китая

Обострение империалистического соперничества в Китае

Японо-китайская война привела к тому, что Дальний Восток оказался в центре мировой политики. В решение дальневосточных проблем так или иначе втянулись все великие державы. Это дало толчок к ускоренному

разделу Китая на сферы влияния империалистических стран и к дальнейшему ослаблению его государственного суверенитета.

Обнаруженная Китаем неспособность защитить себя развязала руки империалистическим державам. В феврале 1898 г. Великобритания добилась от Китая обязательства не отчуждать в пользу какой-либо третьей стороны территории в бассейне р. Янцзы и сохранить за британским подданным должность главного инспектора морских таможен. В июне 1898 г., англичане навязали Китаю соглашение об уступке им Вэйхайвэя.

В ноябре 1897 г. Германия захватила порт Циндао и прилегающие к нему территории на побережье бухты Цзяочжоу, выполнив таким образом план Вильгельма II относительно создания германского военного форпоста в Восточной Азии. В марте 1898 года немцы навязали Китаю соглашение о передаче этих земель в аренду Германии на 99 лет и прочно закрепились в Шаньдуне.

После японо-китайской войны Россия также заметно усилила свои позиции в Китае. В июне 1896 г. после переговоров С.Ю. Витте с Ли Хунчжаном был заключен Московский договор об оборонительном антияпонском союзе, по которому стороны должны были прийти на помощь друг другу в случае нападения Японии на Китай, Корею или восточноазиатские владения России. Для облегчения русских военных перевозок Китай согласился на постройку железной дороги через Северную Маньчжурию на Владивосток, вдоль которой России предоставлялась «полоса отчуждения». Для сооружения и эксплуатации дороги было учреждено Акционерное общество Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), освобожденное от налогов и пошлин.

После того как Великобритания установила свою сферу влияния в районе Янцзы, Россия, озабоченная усилением британских позиций, добилась от Китая передачи ей в аренду на 25 лет Порт-Артура (Люйшунькоу) и Дальнего (Далняя) с прилегающими территориями. Соответствующее соглашение было подписано 27 марта 1898 г. При этом китайское правительство дало согласие распространить концессию, предоставленную им Обществу КВЖД, на сооружение железной дороги до Дальнего.

Особенности японской политики в Китае

Одержав победу над Китаем, Япония вступила в ряды колониальных держав. Она получила огромную контрибуцию и обширные территории, важные в экономическом и военно-стратегическом отношениях.

21 июля 1896 г. в Пекине был подписан неравноправный торговый договор Китая с Японией. Кроме того, как и было условие-

но, Япония получила право строить и эксплуатировать в Китае промышленные предприятия, чего ранее долго добивались другие державы.

Вместе с тем, политика Японии в Китае отличалась определенным своеобразием. Это было связано со все еще сохранявшейся относительной слабостью Японии, ее повышенной зависимостью от соотношения сил между великими державами, что, в частности, проявилось в заключительной фазе японо-китайской войны, а также в тех трудностях, с которыми она столкнулась при освоении обретенных колоний и зависимых территорий.

Так, в Корее Япония во время японо-китайской войны завоевала доминирующие позиции, после чего стала действовать там со все возрастающей бесцеремонностью. Всего через несколько месяцев, 8 октября 1895 г., японцы организовали в Корее новый государственный переворот, убив при этом королеву Мин, которую они не без оснований подозревали в прокитайской и прорусской ориентации.

Однако эта акция дала результаты, совершенно противоположные тем, на которые рассчитывала Япония. В Корее усилилось антияпонское сопротивление, обострилась борьба за Корею между великими державами, прежде всего между Японией и Россией. В самой Японии убийство корейской королевы вызвало резкие нападки оппозиции на правительство. В результате Японии пришлось вывести из Кореи свои войска и надолго отложить свои аннексионистские планы в отношении этой страны. Подписанные в 1896 г. одно за другим в Сеуле и в Петербурге русско-японские соглашения установили над Кореей совместный русско-японский протекторат.

Непросто далось Японии и установление своего господства на Тайване. Передача острова Японии вызвала единодушное возмущение его населения. В конце апреля 1895 г., после демарша трех держав по поводу Ляодунского п-ова, население Тайваня через китайского посланника в Петербурге обратилось к русскому правительству с просьбой принять остров под совместный протекторат России, Франции и Германии. Однако на этот раз правительства этих стран уклонились от вмешательства.

Тогда население Тайваня самостоятельно начало борьбу против японцев. 24 мая 1895 г. на острове была провозглашена республика, избран президент. Японцам было оказано ожесточенное вооруженное сопротивление.

В ноябре 1895 г. японцы, проведя ряд жестоких карательных операций объявили, что на Тайване «восстановлен порядок». Но

вскоре борьба там вспыхнула с новой силой. Восставшие захватили главный город острова — Тайбэй — и объявили о восстановлении республики. Только после прибытия крупных подкреплений из метрополии антияпонское восстание было подавлено.

С учетом всего этого Япония не довольствовалась получением в Китае промышленных и других концессий и стремилась укрепить там свое влияние другими средствами. Уже на этом этапе в Японии была выдвинута идея создания «Великой Восточной Азии», в которой ей, естественно, должна была принадлежать главенствующая роль (позднее, примерно через 30 лет, подобный план лег в основу всей японской внешней и колониальной политики). Эта доктрина вела свое происхождение еще со времен борьбы против иностранцев в самой Японии в годы, предшествовавшие реставрации Мэйдзи. В 80-е годы XIX в. она получила обкатку в Корее, где Япония оказывала поддержку «партии цивилизации» реформатора Ким Оккюна. Теперь же наступила очередь Китая, в политике в отношении которого Япония стала активно использовать идеи паназиатизма, «сближения» двух стран на почве «расового единства» и противостояния европейцам.

Пропаганда паназиатизма велась в Китае через прояпонские газеты и журналы, издававшиеся на китайском языке. В 1897 г. такая газета появилась в Фучжоу, в 1898 г. — в Шанхае и других городах. С той же целью создавались разного рода японо-китайские общества. Японцы стремились также внедрить где только возможно своих советников, военных инструкторов и т.д., чтобы оказывать прямое воздействие на различные стороны жизни китайского общества.

Так же, как и в Корее, Япония старалась использовать в своих интересах движение реформаторов-сторонников ускоренной модернизации страны, которых в Китае возглавлял Кан Ювэй. Когда в июне 1898 г. при поддержке императора Гуансюя реформаторы одержали кратковременную победу, и в Китае начались «100 дней реформ», туда очень скоро отправился с «частной» миссией Итô Хиробуми, намеревавшийся установить с ними контакт. Правда, он фактически опоздал: 21 сентября в Китае произошел государственный переворот, и власть захватила вдовствующая императрица Цыси, что означало конец реформ.

Это, однако, не изменило намерений японского правительства добиться влияния на китайскую правящую верхушку. В начале мая 1899 г. Итô направил трем влиятельным китайским министрам письма, в которых выдвинул идею «объединения усилий» против опасности порабощения европейцами. Итô предлагал «по-

мощь» и рекомендовал провести ряд реформ, направленных на предотвращение раздела Китая.

* * *

В 1900 г. в Китае вспыхнуло восстание ихэтуаней («боксерское восстание») имевшее антиинострannую направленность. Повстанцы разрушали железные дороги, телеграфные линии, громили религиозные миссии. В июне ихэтуани вступили в Пекин и осадили посольский квартал. Были убиты советник японской миссии и германский посланник.

В ответ европейские державы и Япония стали концентрировать войска на севере Китая и предприняли военную интервенцию. Для подавления восстания в Китай был направлен объединенный экспедиционный корпус.

Восстание ихэтуаней дало Японии новый шанс расширить свое влияние в Китае военными средствами. Япония попыталась принять как можно более активное участие в военной акции против повстанцев. Так, японское правительство предложило ликвидировать восстание в Китае одними только собственными силами, направив туда для этого 30 тыс. солдат.

Однако это предложение, поддержанное Великобританией, не получило одобрения России и Германии, опасавшихся чрезмерного усиления японских позиций в Китае. Кроме того, Германия намеревалась сама возглавить карательные операции. В итоге японцам пришлось выступить в составе объединенного экспедиционного корпуса под командованием немецкого генерал-фельдмаршала А. Вальдерзее, хотя численность их войск составляла более половины всего корпуса (22 тыс. из 40 тыс.).

Операции иностранных войск в Китае привели к новому обострению противоречий между державами. Резко ухудшились русско-английские и русско-японские отношения.

Россия не приняла активного участия в действиях объединенного экспедиционного корпуса. Задача 4-тысячного русского отряда в его составе была в основном ограничена охраной русской миссии и русских подданных. Однако, когда в середине июля 1900 года ихэтуани разрушили значительную часть строившейся КВЖД, Россия ввела в этот район крупный воинский контингент и фактически оккупировала Маньчжурию, что крайне не понравилось Японии. Кроме того в октябре—ноябре 1900 г. русские войска заняли участок железной дороги Пекин—Шаньхайгуань, которая строилась на британские средства. Это привело к новому резкому ухудшению русско-английских отношений.

Все эти обстоятельства способствовали сближению Великобритании и Японии на антирусской основе, которое вскоре реализовалось в англо-японского союзе, сыгравшем важную роль в развитии международной ситуации на Дальнем Востоке в первые два десятилетия XX в. и, в частности, в возникновении русско-японской войны.

Англо-японский союз Русско-британские отношения, никогда не бывшие дружескими, основательно испортились в первой половине 80-х годов XIX в. после присоединения к России Средней Азии. Тогда Россия непосредственно приблизилась к границам британских колониальных владений, и Великобритания стала опасаться русского вторжения в их пределы.

В дальнейшем, когда началось освоение Россией ее малонаселенных дальневосточных областей и, особенно, после начала строительства транссибирской железной дороги, напряженность в отношениях между двумя империями переместилась в этот район мира. Здесь Великобритания больше всего опасалась усиления русского влияния в Китае в ущерб собственному. Поэтому она начала проводить политику сближения с Японией, рассчитывая, что последняя станет противовесом России.

Японии тоже была обеспокоена усилением позиций России в регионе. Это создавало угрозу ее планам установления своего господства в Корее и Северном Китае. Кроме того японские дипломаты учли уроки прежних ошибок, приведших к тому, что им пришлось поступиться частью плодов победы над Китаем, и поставили цель обзавестись полноценным союзником из числа великих держав в вероятном противостоянии с Россией. Наилучшим образом на эту роль подходила Великобритания.

Сближение Японии и Великобритании началось еще со времени японо-китайской войны. После того как в 1898 г. Россия получила в аренду Квантунскую область с Порт-Артуром, англо-японский блок на антирусской основе стал принимать зримые очертания.

В 1899 г. Великобритания предоставила Японии первый крупный заем в 10 млн. фунтов на военные цели. Британская промышленность поставляла Японии броненосцы и тяжелые крейсера в рамках программы модернизации японского военно-морского флота. Размещение в Великобритании японских военных заказов стало экономической базой для установления тесных отношений между обеими странами.

Официальные переговоры о союзе с Великобританией были начаты Японией весной 1901 г. Но только в конце июля, после длительного и осторожного зондирования позиций, британский министр иностранных дел Г.Лансдаун предложил японскому посланнику в Лондоне заключить долгосрочный союз. И еще через два с лишним месяца, в начале октября 1901 г., японское правительство дало в принципе положительный ответ на это предложение.

Причина неспешного развития переговоров при выраженной заинтересованности обеих сторон в их результате заключалась в следующем. Великобритания изучала позицию Германии с точки зрения возможности ее подключения к будущему блоку против России, однако из-за обострения собственных англо-германских противоречий все-таки отказалась от этой идеи. Что касается Японии, то она параллельно с переговорами с Великобританией пыталась достичь соглашения с Россией на основе т.н. корейско-маньчжурского обмена (т.е. признания Россией приоритета японских интересов в Корее, а Японией — русских в Маньчжурии). При этом перспектива заключения англо-японского союза использовалась для того, чтобы сделать позицию России более уступчивой.

Сторонниками идеи корейско-маньчжурского обмена в японских правящих кругах были Итō Хиробуми и Иноуэ Каору. После того, как в июне 1901 г. Кацура Тарō сменил Итō на посту премьер-министра, в японском политическом руководстве взяли верх силы, выступавшие за скорейшее заключение англо-японского союза и разрешение противоречий между Японией и Россией военными средствами. Однако обсуждение с Россией плана Итō по дипломатическим каналам было продолжено — создавая видимость того, что между Россией и Японией может быть достигнуто соглашение, кабинет Кацура стремился таким образом оказать давление на Великобританию и ускорить заключение союза с ней. С этой целью осенью 1901 г. Итō отправился в Петербург для ведения переговоров.

К тому времени англо-японские переговоры значительно продвинулись. 3 декабря 1901 г. Итō, находившемуся уже в русской столице, был передан готовый проект англо-японского союзного договора. На следующий день Итō неожиданно для русской стороны прервал переговоры и выехал в Берлин. 8 декабря 1901 г. японское правительство приняло окончательное решение в пользу союза с Великобританией, 30 января 1902 г. британский министр иностранных дел Г.Лансдаун и японский посланник в Лон-

доне Хаяси Тадасу подписали англо-японский договор, и уже 12 февраля он был единодушно одобрен в обеих палатах японского парламента.

Договор был заключен на 5 лет и представлял собой типичный союз между двумя империалистическими государствами. Помимо содержащихся в его вступительной части заверений о том, что его заключение продиктовано «исключительно желанием поддержать status quo и всеобщий мир на Дальнем Востоке», а также заботой о территориальной целостности и независимости Китая и Кореи, в нем говорилось:

«Ст.1. Высокие договаривающиеся стороны, признавая независимость Китая и Кореи и заявляя, что они не руководствуются какими бы то ни было агрессивными устремлениями в этих странах, имеют, однако, свои особые интересы, причем интересы Великобритании касаются главным образом Китая, а Япония, кроме своих интересов в Китае, особенным образом заинтересована ... в Корее. Высокие договаривающиеся стороны признают, что будет допустимо для каждой из них принимать такие меры, какие могут явиться необходимыми для охраны таковых интересов, если им будут угрожать либо агрессивные действия какой-либо другой державы, либо беспорядки, возникшие в Китае или Корее...

Ст.2. В случае, если Великобритания или Япония ... будет вовлечена в войну с другой державой, другая Высокая договаривающаяся сторона будет соблюдать строгий нейтралитет и постарается воспрепятствовать другим державам присоединиться к враждебным действиям против ее союзницы.

Ст.3. Если, при вышеуказанных обстоятельствах какая-либо другая держава или державы присоединятся к враждебным действиям против таковой союзницы, то другая Высокая договаривающаяся сторона придет к ней на помощь и будет вести войну сообща и заключит мир по взаимному с ней согласию.

Ст.4. Высокие договаривающиеся стороны соглашаются в том, что ни одна из них не вступит, не посоветовавшись с другой, в отдельные соглашения с другой державой в ущерб вышеописанным интересам».

Текст договора требует некоторых пояснений. Под «другой» державой, несомненно, подразумевалась Россия. Об этом открыто говорили в верхах обоих государств. Выражение озабоченности по поводу сохранения независимости и территориальной целостности Китая на деле означало беспокойство по поводу пребывания русских войск в Маньчжурии. Упоминание в ст.1 договора «беспорядков» как возможного повода для интервенции в Китае или Корее было отголоском драматических событий, связанных с восстанием ихэтуаней.

Англо-японский договор содержал в себе определенную логическую непоследовательность, характерную для всех международных документов, связанных с империалистической борьбой за раздел Китая. Декларативная поддержка (антирусская в том историческом контексте) независимости и территориальной целостности этой страны сочеталась в нем с признанием там «особых» интересов договаривающихся сторон и свободы действий для их защиты (ст. 1). Приверженность подобному «двойному стандарту» проявили и США, которые одобрительно отнеслись к англо-японскому договору, хотя он фактически противоречил провозглашенной ими в 1899 г. доктрине «открытых дверей и равных возможностей» в Китае. Причина была все той же — в то время Соединенные Штаты своим главным соперником в Восточной Азии и на Тихом океане считали Россию.

* * *

К началу XX в. Японии удалось заметно усилить свои международные позиции и закрепиться в Китае и Корее. В этом ей помогло умелое использование противоречий между основными конкурентами на Дальнем Востоке. Великобритания снисходительно относилась к японской политике, поскольку видела в ней противовес империалистическим амбициям России. По той же причине Япония на этом этапе встретила и «понимание» со стороны США. Таким образом, в 90-е годы XIX в. Япония сумела извлечь максимум возможного из особенностей международной обстановки того времени для реализации своей политики экспансии на азиатском материке.

Глава 2

ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЯПОНИИ В 1895–1904 гг.

**Экономика Японии в период между японо-китайской
и русско-японской войнами**

Победа в японо-китайской войне, открывшая Японии доступ к рынкам континентального Китая, Тайваня и Кореи, а также огромная контрибуция (364 млн. иен), выплаченная ей Китаем, существенно стимулировали экономику страны. При этом все усиливающееся влияние на характер экономического развития Японии стали оказывать военно-политические планы ее руководства.

Низкая емкость внутреннего рынка из-за бедности основной массы населения заставляла японский капитал искать рынки сбыта за пределами страны. Однако недостаточная конкурентоспособность японских товаров подталкивала Японию к колониальной модели экономической экспансии, когда захват новых рынков и удержание контроля над ними осуществлялись при помощи военной силы. Такая тенденция подкреплялась экономической и военной слабостью соседних Кореи и Китая.

Для проведения такой политики Япония нуждалась в мощной военной машине. Поэтому, несмотря на то, что война закончилась, главное внимание продолжало уделяться развитию тех отраслей экономики, которые имели военное значение. Соответственно, в них же наблюдался и наибольший прогресс.

10-летняя экономическая программа

В конце 1895 г. японский парламент принял 10-летнюю (1896–1905) программу развития экономики страны, главной целью которой было обеспечение реорганизации и укрепления вооруженных сил. Японскую армию, состоявшую до японо-китайской войны из 6 дивизий, предполагалось увеличить более, чем вдвое (до 13 дивизий), а военно-морские силы — более, чем в 4 раза. Предусматривались также строительство новых заводов и фабрик по производству вооружений, военного обмундирования и снаряжения, реконструкция старых и сооружение новых arsenалов. Наряду с этим планировалось ускорить развитие ряда отраслей тяжелой промышленности, имевших военно-стратегическое значение, как за счет строительства государственных предприятий, так и за счет поощрения частных фирм. Программа включала в себя также существенное расширение сети железных дорог, развитие телефонной и телеграфной связи.

Для выполнения столь амбициозных планов требовались огромные деньги, и здесь Японии весьма пригодилась контрибуция, выплаченная Китаем — около 90% этой суммы (приблизительно 330 млн. иен) были использованы на цели расширения и перевооружения армии и флота и развития тяжелой и военной промышленности.

Реализация 10-летней программы дала мощный толчок развитию военного производства, металлургии, судостроения, машиностроения. Так, численность занятых в военной промышленности в 1893–1903 гг. возросла в 9,5 раз (с 13,4 до 127,9 тыс. чел.), а производственные мощности (по мощности установленных двигателей) увеличились более, чем в 40 раз.

Хотя Япония не обладала запасами коксующегося угля и железной руды, исходя из военно-политических соображений, ее правительство придавало исключительное значение развитию металлургической промышленности. В 1896–1901 гг. был построен государственный металлургический комбинат «Явата», оснащенный новейшим импортным оборудованием. Его ввод в действие, а также сооружение в те же годы нескольких крупных частных металлургических предприятий, позволили существенно увеличить производство отечественного чугуна и стали (в 1896–1906 гг., соответственно, с 26 тыс. до 145 тыс. т и с 1 тыс. до 69 тыс. т), а также несколько ослабить зависимость страны от их импорта.

Огромное внимание уделялось также развитию судостроения, которое в основном находилось в руках частных фирм. В 1896 г. был принят закон о поощрении судостроительной промышленности, по которому компаниям, строившим суда с металлическими корпусами грузоподъемностью более 700 т, предоставлялись значительные государственные субсидии.

Дальнейший импульс развитию отрасли был дан в 1899 г. в связи с принятием закона о субсидировании судоходства. По нему владельцы торговых судов японского производства получали субсидии, вдвое превышавшие те, что предоставлялись владельцам судов иностранного производства. В результате этих мер были расширены мощности имевшихся и построен ряд новых крупных верфей, и вскоре Япония уже была в состоянии строить торговые суда, по тоннажу и оборудованию приближавшиеся к мировым стандартам того времени. Тогда же при значительной финансовой поддержке правительства были открыты морские линии в Европу, Америку, Австралию, Индию, которые обслуживались японскими судами.

Ахиллесовой пятой японской промышленности и экономики в целом оставалась сильная зависимость от импорта различного промышленного оборудования, необходимого для строительства железных дорог, заводов, шахт и верфей. Поэтому правительство всячески поощряло развитие частных машиностроительных предприятий. В период между японо-китайской и русско-японской войнами в Японии был построен ряд сравнительно крупных частных машиностроительных заводов, крупнейшим из которых был «Сибaura дэнки», производивший промышленное электрооборудование. Тогда же были построены и такие крупные государственные предприятия, как заводы по производству подвижного состава в Нагоя и Осака и завод по производству горного оборудования в Фукуока.

Однако, несмотря на быстрое развитие ряда отраслей тяжелой промышленности, основу японской индустрии по-прежнему составляла легкая, прежде всего текстильная промышленность. К началу русско-японской войны на нее приходилось около 40% общего объема промышленного производства (а на металлургию и машиностроение вместе взятые — лишь 13,3%).

После японо-китайской войны особенно бурно развивалось прядильное производство. Что касается хлопкопрядения, то его развитию в значительной степени способствовала отмена в 1894 году пошлины на экспорт хлопчатобумажной пряжи, а в 1896 г. — пошлины на импорт хлопка-сырца. В результате уже к 1899 г. число хлопкопрядильных фабрик возросло до 83 (в 1890 г. их насчитывалось лишь 30), а объем производства пряжи увеличился в 8 раз по сравнению с 1890 г. Японские фабриканты успешно вытесняли иностранных конкурентов с внутреннего рынка и расширяли вывоз пряжи за рубеж, прежде всего в Китай.

В шелкопрядении ускорение развития было связано главным образом с механизацией производства. На фабрики (с числом занятых 10 чел. и более и использовавшие шелкопрядильные механические станки) в начале века приходилось уже около 2/3 всего производства шелка-сырца. При этом за 1890–1900 гг. объемы производства и экспорта почти удвоились.

Что же касается ткацкого производства, то несмотря на появление нескольких относительно крупных фабрик, в начале XX в. основная часть хлопчатобумажных и шелковых тканей по-прежнему производилась в крестьянских хозяйствах или на мелких предприятиях, практически не затронутых технической революцией.

Особенностью межвоенного десятилетия было также возникновение множества мелких предприятий по производству широкого круга потребительских товаров — от велосипедов до различных видов галантерей, — которые прежде ввозились из-за рубежа. Эта сфера быстро расширялась, так как здесь Япония могла успешно реализовать свое главное преимущество — обилие дешевой рабочей силы. К тому же для налаживания производства не требовалось ни больших затрат капитала, ни применения сложного оборудования.

Межвоенное десятилетие было отмечено также быстрым расширением железнодорожной сети страны. За 1896–1904 гг. общая протяженность железных дорог более чем удвоилась и достигла 7202 км. При этом на частные железные дороги приходилось 5200 км, а на государственные — 2002 км. В то же время уже в те годы произошло определенное ужесточение государственного контроля над железнодорожным транспортом, связанное с его особой военно-стратегической значимостью. Так, еще в 1895 г. был принят новый закон о железных дорогах, который закрепил за государством монополию на магистральные линии, а частному капиталу предоставил право эксплуатации местных веток. Кроме того, в рамках 10-летней программы развития экономики был принят план развития железнодорожной сети страны, следование которому являлось обязательным для всех частных компаний.

Изменения в структуре внешней торговли

Изменения, происшедшие в японской промышленности, отразились и на внешней торговле страны. За десятилетие, разделившее японо-китайскую и русско-японскую войны, ее объем более чем удвоился, при этом экспорт рос несколько быстрее импорта. В структуре импорта поднялась доля сырья (железной руды, угля, нефти, хлопка и т.д.) и полуфабрикатов, и одновременно несколько снизилась доля готовой продукции, что отражало успехи индустриализации. В структуре экспорта, напротив, доля сырья снизилась, а доля полуфабрикатов и готовых изделий возросла. При этом одним из важнейших внешнеторговых партнеров Японии стал Китай, занявший второе после США место в ее экспорте. Япония вывозила туда разнообразную готовую продукцию, а ввозила многие виды сырья, что делало китайский рынок особенно ценным для японской промышленности, так как в США Япония экспортировала только сырье и полуфабрикаты (шелк-сырец, чай, табак).

В конце XIX в. новым явлением стал экспорт японского капитала. В 1896 г. японскими фирмами были открыты в Шанхае две

хлопкопрядильные фабрики. Одновременно японские фирмы стали вкладывать капитал в частные китайские предприятия, постепенно устанавливая над ними свой контроль. Кроме того после японо-китайской войны Япония начала вывоз капитала на Тайвань, а также в Корею. В 1898 г. Япония получила право на сооружение железнодорожной линии Сеул–Пусан, а в 1899 г. выкупила у американской компании концессию на железную дорогу Сеул–Чемульпо (Инчхон).

Развитие финансово-кредитной системы

В межвоенный период предметом особой заботы правительства стало дальнейшее развитие и укрепление финансово-кредитной системы страны, приведение ее в соответствие с быстро возрастающими потребностями частного сектора в финансовых ресурсах.

Прежде всего необходимо было создать сеть специализированных финансовых учреждений, которые путем выпуска гарантированных правительством обязательств взяли бы на себя функции аккумуляции сбережений населения и обеспечения средствами частных предприятий. Реализация этого плана облегчалась ростом доверия к правительству (в связи как с победой в японо-китайской войне, так и с его усилиями по погашению государственного долга).

Первым шагом в этом направлении стало создание в 1896 г. Ипотечного банка («Нихон кангё гинкё»), предоставлявшего ссуды на период до 50 лет под обеспечение недвижимостью (земельными участками, строениями и т.д.). Одновременно было создано 46 банков, по одному в каждой префектуре, наделенных аналогичными функциями и действовавших как клиенты Ипотечного банка. Им разрешалось представлять ссуды в пределах 5-кратной величины оплаченного капитала, а в случае превышения этой суммы банки были обязаны обращаться в Ипотечный банк, который предоставлял им средства в обмен на их обязательства.

Следующим шагом стало создание в 1897 г. специального банка по финансированию мелкого и среднего бизнеса («Нёкё гинкё»), а в 1900 г. — Промышленного банка Японии («Нихон когё гинкё») для предоставления долгосрочных кредитов крупным промышленным предприятиям под обеспечение движимым имуществом.

Эти банки использовались правительством как инструмент реализации конкретных целей экономической политики. Так, деятельность Промышленного банка имела решающее значение для стимулирования развития таких важных в военно-стратегическом

отношении отраслей, как судостроение, металлургия, машиностроение.

Одновременно были созданы специальные банки, обслуживавшие операции японских компаний в колониях. В 1899 г. были созданы Тайваньский банк и Банк колонизации Хоккайдō (последний обслуживал и операции на Южном Сахалине и Курилах). Позже, в 1909 г., появился Корейский банк, а годом позже — Банк Тёсэн, действовавший как в Корее, так и на Квантунском побережье.

Специальные банки (всего к 1928 г. их было создано 28) весьма существенно отличались от обычных. Во-первых, они функционировали на основе не коммерческого законодательства, а специальных законов, жестко регламентировавших их деятельность. Во-вторых, по форме они являлись смешанными частно-государственными компаниями, причем доля государства в учредительном капитале большинства из них превышала 50%. В-третьих, государство выступало гарантом их финансовых обязательств и других ценных бумаг (так, например, акционерам Промышленно-го и Ипотечного банков правительство гарантировало получение 5%-х дивидендов по их акциям).

Что касается частных финансовых институтов, то в соответствии с планом министра финансов Мацуката Масаёси система т.н. национальных банков должна была быть ликвидирована и заменена системой коммерческих банков. В результате к 1900 г. 132 национальных банка были преобразованы в частные коммерческие, а 21 банк ликвидирован. Всего же в 1901 г. в Японии насчитывалось уже 2359 частных банков, но только 78 из них были сравнительно крупными.

Понимая, что обилие мелких банков таит в себе реальную угрозу стабильности финансовой системы страны, правительство пыталось стимулировать процесс концентрации банковского капитала. Так, в 1901 г. было объявлено, что частные банки акционерного типа должны иметь уставный капитал не менее 500 тыс. иен, а индивидуальные банки — не менее 250 тыс. иен, в результате чего начался процесс ликвидации мелких банков или поглощения их более крупными.

В 90-х годах благодаря новой финансово-экономической политике правительства денежная система Японии существенно укрепилась, что позволило в 1897 г. ввести золотое обращение. Однако японо-китайская и русско-японские войны явились для нее серьезным испытанием.

До начала японо-китайской войны правительство строго придерживалось принципа сбалансированности бюджета как одной

из основ стабильности финансово-кредитной системы. Так, накануне войны годовой объем государственных расходов составил 80 млн. иен и был покрыт в основном за счет налоговых поступлений.

Расходы на войну составили около 200 млн. иен и легли тяжким бременем на едва вставшую на ноги финансово-кредитную систему страны. Поскольку было очевидно, что покрыть эти расходы только лишь за счет увеличения налогов невозможно, было решено прибегнуть к выпуску крупномасштабного государственного займа. Здесь на помощь правительству пришли банки торгово-промышленных домов «Мицуи», «Мицубиси» и «Ясуда». Вместе с Иокогамским банком они образовали синдикат, который и помог правительству разместить государственные облигации на сумму 117 млн. иен (аналогичным образом этот синдикат выручил правительство и во время русско-японской войны).

Окончание японо-китайской войны не принесло скольнибудь ощутимого облегчения системе государственных финансов. Подготовка к войне с Россией, сопровождавшаяся значительным увеличением затрат на армию и флот, на развитие военной и тяжелой промышленности привела к резкому росту государственных расходов. Если в начале 90-х годов они составляли в среднем около 80 млн. иен, то в 1900–1904 гг. уже 250–290 млн. иен.

Как отмечалось выше, часть этих расходов была покрыта за счет контрибуции, полученной от Китая, но большая часть — за счет увеличения налогов и размещения государственных займов. В 1903 г. была введена государственная монополия на камфару, в 1904 г. — на табак, а в 1905 г. — на соль. Были повышены и некоторые косвенные налоги (в том числе, на *сакэ*), а также основные прямые налоги — подоходный, предпринимательский и земельный. Одновременно были существенно увеличены объемы государственного заимствования внутри страны и за рубежом, и общая сумма государственного долга возросла с 207 млн. иен в 1894 году до 435 млн. иен в 1903 г. (а с учетом целевых займов на строительство государственных железных дорог — до 539 млн. иен).

Развитие японских монополий

Последние годы XIX в. были отмечены в Японии заметным развитием процесса концентрации производства и капитала. В 1899 году там насчитывалось 104 предприятия с числом рабочих более 500. Это составляло всего 1,6% от общего числа предприятий, но на них работало 127016 чел., т.е. около 1/3 всех фабрично-заводских рабочих Японии. Там же была сосредоточена примерно 1/3

всех механических двигателей, использовавшихся в японской промышленности.

Тогда же, в конце XIX в., в Японии возникли монопольные капиталистические объединения, которые быстро сделались основой хозяйственной жизни страны. Следует отметить, что заметную роль в этом процессе сыграли разнообразные привилегии, а также выгодные (в основном, военные) заказы, которые предоставлялись правительством сравнительно небольшой группе фирм. В результате в руках крупнейших концернов «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда» и др. сконцентрировалась значительная доля национального богатства.

Прежде всего это касалось тяжелой промышленности и транспорта, которые с самого начала находились в руках правительства и нескольких крупнейших компаний. Однако сходный процесс развивался и в легкой промышленности, значительная часть которой была подчинена небольшому числу крупных монополий («Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо», «Ясуда», «Сибусава» и др.).

На первый план среди монополий выдвинулись концерны «Мицуи» и «Мицубиси», которые на рубеже XIX–XX вв. значительно расширили сферу своей деятельности. Первый из них, помимо усиления контроля над отдельными отраслями промышленности, такими как прядильная, бумажная и угледобывающая, добился значительного успеха в торговых и финансовых операциях. В частности, он почти монополизировал ввоз хлопка и экспорт пряжи и шелка. Что касается концерна «Мицубиси», то он в значительной степени прибрал к рукам японское судостроение и судоходство.

Тенденции внутриполитического развития

После окончания японо-китайской войны правительство Итō Хиробуми столкнулось с резкими нападками в парламенте со стороны оппозиционных политических партий. Главным поводом для них стала «слабость» дипломатии Итō, приведшая к вынужденному отказу Японии от Ляодунского п-ова. Поднимались также вопросы о массовых хищениях и взяточничестве в администрации новой японской колонии — Тайваня, об убийстве корейской королевы и др.

Появление практики парламентских соглашений

Агрессивная парламентская тактика политических партий была вызвана тем, что японские торгово-промышленные круги, заметно усилившиеся в результате японо-

китайской войны, стали серьезно претендовать на участие в политическом руководстве страной. Параллельно с ростом их экономического могущества укрепились их связи с политическими партиями, что создало последним мощную финансовую опору. Поэтому высшая государственная бюрократия уже не могла просто игнорировать парламент при выработке и проведении того или иного политического курса и начала искать способы взаимодействия с ним.

Итō Хиробуми стал первым из японских премьеров, кто обратился к практике соглашения на компромиссной основе с пользовавшейся наибольшим влиянием парламентской партией. Столкнувшись с острой критикой в парламенте, он провел переговоры с партией Дзидтō, имевшей в нижней палате 108 мест (из 300). В обмен на поддержку с ее стороны Итō ввел в свой кабинет в качестве министра внутренних дел ее лидера Итагаки Тайсукэ.

К подобному соглашению прибег и сменивший Ито на посту премьера в августе 1896 г. Мацуката Масаёси. Он договорился об оказании поддержки правительству с руководством созданной незадолго до того партии Симпотō (Прогрессивная партия), в которую вошли члены Кайсинтō и около 50 депутатов из других оппозиционных групп. Лидер новой партии Ōкума Сигэнобу получил в кабинете Мацуката пост министра иностранных дел. Соглашение оказалось, однако, непрочным. Осенью 1897 г. в кабинете возникли политические разногласия, и в ноябре Ōкума вышел из состава правительства. На следующей парламентской сессии его партия Симпотō проголосовала совместно с Дзидтō за вотум недоверия правительству, после чего кабинет Мацуката ушел в отставку.

Новое правительство опять возглавил Итō Хиробуми. Однако просуществовало оно всего несколько месяцев (январь–июль 1898 г.). Причиной его падения стала неудача попыток Ито достичь нового соглашения с Дзидтō. В результате Итō не смог провести через парламент налоговые законопроекты и был вынужден уйти в отставку.

Появление практики парламентских соглашений и то воздействие, которое оказывала на судьбу кабинетов позиция политических партий, свидетельствовали о росте влияния парламента на определение политического курса страны. Вместе с тем, назначение новых премьер-министров и определение состава кабинетов продолжали оставаться сферой, которую контролировала высшая государственная бюрократия.

Попытка создания «партийного кабинета»

Для того, чтобы активно вмешаться в процесс формирования правительственных кабинетов, лидеры парламентских партий выработали план объединения Дзидзюто и Симпотю. Предполагалось, это поможет привести к власти «партийный» кабинет, состав и деятельность которого они смогли бы контролировать.

В июне 1898 г. Дзидзюто и Симпотю объединились в новую Конституционную партию (Кэнсэйто). Ито Хиробуми, который уйдя в отставку, сблизился с партийными лидерами, сумел добиться согласия императора на то, чтобы новое правительство было сформировано из членов только что созданной партии.

Спустя неделю после образования Кэнсэйто, 30 июня 1898 г., на ее основе был сформирован первый в Японии т.н. партийный кабинет. Все его члены (кроме военного и военно-морского министров) принадлежали к новой партии, причем преобладали в нем члены бывшей Симпотю: они имели 5 министерских портфелей, тогда как члены бывшей Дзидзюто — 3. Посты премьера и министра иностранных дел также занял лидер бывшей Симпотю Окума Сигэнобу.

Пребывание у власти нового правительства оказалось недолгим. С первых дней существования нового кабинета между его членами, фактически принадлежавшими к двум разным партиям, возобновилась борьба за министерские посты. Члены бывшей Дзидзюто настаивали на том, чтобы выходцы из Дзидзюто и Симпотю имели равное представительство в кабинете, тогда как представители Симпотю пытались отстоять изначально завосванные позиции. Соперничество внутри правительства и «объединенной» Кэнсэйто сопровождалось многочисленными скандалами и взаимными обвинениями.

Толчком к падению «партийного» кабинета послужил инцидент с министром просвещения Одзакэ Юкио, который во время публичного выступления в августе 1898 г. увлекся обличением коррупции и всевластия денег и весьма неосмотрительно заявил, что «если в Японии будет когда-либо установлена республиканская форма правления, то, по всей вероятности, кандидатами в президенты будут „Мицуи“ или „Мицубиси“». Тайный совет и верхняя палата признали мысль о возможности установления в Японии республики «оскорбительной» для императора и потребовали отставки Одзакэ.

Это требование неожиданно активно поддерживали выходцы из Дзидзюто в составе правящей партии, которые рассчитывали в слу-

чае ухода Одзаки (принадлежавшего ранее к Симпотō) провести на освободившийся министерский пост своего кандидата. Когда же Ōкума назначил министром просвещения вместо Одзаки члена Симпотō Инукаи Цуэси, руководство Дзидтō объявило о роспуске Кэнсэйтō и о создании новой партии с тем же названием, куда не вошел ни один из членов Симпотō. При этом министры-члены бывшей Дзидтō вышли из состава кабинета.

В ответ на это Ōкума переименовал остатки «старой» Кэнсэйтō (а фактически прежнюю Симпотō) в Кэнсэйхонтō (Подлинная конституционная партия) и попытался сформировать правительство только из ее членов, но его действия не были одобрены императором. В результате 31 октября 1898 г. кабинет пал, не успев провести ни одной парламентской сессии. Следующий в истории Японии «партийный» кабинет был образован только спустя 20 лет, 29 сентября 1918 г.

Кабинет Ямагата В ноябре 1898 г. было сформировано правительство во главе с Ямагата Аритомо, последовательным сторонником жесткой линии в отношениях с парламентом. Представители политических партий в его кабинет уже не вошли.

Вместе с тем, Ямагата не мог уже игнорировать изменения в соотношении сил на политической арене, когда за политическими партиями стояли мощные финансово-промышленные группы. Поэтому он, так же, как и его более либеральные предшественники Итō и Мацуката, вынужден был вступить в переговоры с парламентской оппозицией и добиваться ее поддержки.

В конце ноября 1898 г. Ямагата достиг соглашения с Хоси Тору, фактическим лидером «новой» Кэнсэйтō. За поддержку со стороны Кэнсэйтō проекта государственного бюджета, предусматривавшего сохранение повышенных ставок земельного, подоходного и других налогов для обеспечения финансирования военных программ, Ямагата обещал Хоси изменить в либеральную сторону избирательное законодательство.

Несмотря на поддержку Кэнсэйтō, проект бюджета натолкнулся на сильное сопротивление в парламенте, и чтобы добиться его принятия, Ямагата пришлось параллельно внести на рассмотрение парламентской сессии законопроект об увеличении в 2,5 раза жалованья депутатам нижней палаты (с 800 до 2 тыс. иен). Тем не менее на следующей, 14-й сессии, открывшейся 22 ноября 1899 г., Ямагата выполнил свое обещание и поставил на обсуждение проект реформы закона о выборах.

Вопрос о расширении избирательного права ставился в парламенте уже с 1894 г. В 1898 г. третий кабинет Итō Хиробуми даже передал в нижнюю палату свой проект реформы избирательного закона, но он не был рассмотрен из-за скорого ухода правительства в отставку.

На этот раз новый закон был принят. Основные черты его были таковы: возрастной ценз сохранился прежний — 25 лет для активного избирательного права (т.е. права избирать) и 30 лет для пассивного (т.е. права быть избранным); имущественный ценз был установлен в 10 иен уплачиваемых прямых налогов; число мест в нижней палате увеличивалось до 381. В результате число избирателей в Японии выросло более, чем вдвое, и в 1902 г., когда состоялись первые выборы по новому закону, составило 967 тыс. чел. по сравнению с 400 тыс. в 1890 г. Конечно, это не было радикальным изменением, но все же закон 1900 г. представлял собой определенный шаг в сторону расширения избирательных прав населения.

Во время пребывания у власти правительства Ямагата были приняты еще два важных закона, значение которых вышло далеко за рамки текущей политики и продолжало сказываться на протяжении последующих нескольких десятилетий.

В марте 1900 г. был издан закон о полицейских мерах по поддержанию общественного спокойствия (*тиан кэйсацу хō*), направленный в первую очередь против рабочего и крестьянского движения. В ст. 17 этого закона, в частности, говорилось:

«Запрещаются насилие и принуждение в отношении других лиц с целью осуществления действий, перечисленных в нижеследующих пунктах...»

Пункт 1. Запрещается принуждение к вступлению в организации, ставящие целью совершение коллективных действий, касающихся условий труда и заработной платы, равно как и препятствование к вступлению в такие организации.

Пункт 2. Запрещается увольнение работников нанимателями с целью локаута, побуждение к разрыву соглашения о выполнении работы, побуждение работников к прекращению труда, побуждение работников к отказу от соглашений о найме.

Пункт 3. Запрещается оказание давления на партнеров в отношении вопросов труда и заработной платы.

Запрещается насилие и принуждение в отношении партнеров с целью оказания давления в вопросе об аренде земли для обработки, а также публичная клевета».

При соответствующем истолковании, этот закон фактически запрещал создание профсоюзов и проведение забастовок, а любая попытка наемных работников выдвинуть коллективные требова-

ния к работодателю каралась, согласно ст.30 того же закона, тюремным заключением на срок до 6 мес. или штрафом в размере от 3 до 30 иен.

Следствием закона о полицейских мерах по поддержанию общественного спокойствия стала значительная задержка развития в Японии профсоюзного движения, искусственная консервация патерналистских отношений на производстве, а также традиционных форм социального протеста; последнее неоднократно приводило к стихийным бунтам и беспорядкам. В более отдаленной перспективе отсутствие длительной традиции организованной борьбы за свои права создало почву для распространения радикальных настроений в японском рабочем движении, что продолжало ощущаться вплоть до 70-х годов XX в.

В мае 1900 г. Ямагата провел закон, по которому военный и военно-морской министры и их заместители могли назначаться только из числа генералов или адмиралов, находившихся на действительной военной службе. Поскольку такой порядок фактически существовал и ранее, этот акт не привлек к себе внимания и не вызвал сопротивления со стороны политических партий.

Лишь позже стало понятно, какой силы удар нанес Ямагата властным амбициям парламентских политиков. Во-первых, военные обеспечили себе практически полную автономию от гражданского политического руководства, поскольку, будучи на действительной службе, военный и военно-морской министры подчинялись не распоряжениям премьера, а приказам военного командования и, естественно, императора как верховного главнокомандующего. Во-вторых, военно-бюрократические круги получили возможность свалить любой негодный им кабинет путем ухода в отставку военного или военно-морского министра с дальнейшим отказом военного командования представить другую кандидатуру. И той, и другой возможностью военные в дальнейшем неоднократно пользовались, что лишало кабинеты возможности предпринимать какие-либо действия без одобрения с их стороны.

Парламентская борьба в годы перед русско-японской войной

Руководство Кэнсэйто было недовольно тем, что Ямагата отказывался предоставить ему министерские портфели в своем кабинете. Поэтому весной 1900 года между ним и правительством стал назреть разрыв. Тогда же Кэнсэйто вступила в переговоры с Итō Хиробуми, который к тому времени развернул активную деятельность по созданию новой политической партии.

Лидеры Кэнсэйтō предложили Итō занять пост председателя партии, от чего Итō, однако, отказался. Во-первых, в его планы входило установление полного личного контроля над «собственной» партией, и он претендовал на гораздо большие полномочия, чем те, что предоставил бы ему пост председателя Кэнсэйтō. Во-вторых, Итō стремился к созданию политического объединения на более широкой основе, с привлечением в него других фракций и групп.

В начале июля 1900 г. Кэнсэйтō согласилась войти в будущую партию на условиях Итō. Тем временем Итō совершал поездки по стране, стараясь вовлечь в свою партию как можно больше крупных предпринимателей и чиновников местной администрации, так как по его идее новая политическая организация должна была быть не просто парламентским блоком, но и располагать развитой системой поддержки на местах. Основу влияния новой партии составляла ее тесная связь с крупными финансово-промышленными группами, прежде всего с «Мицун» и «Сумитомо». Таким образом, ее создание стало новым этапом усиления позиций крупного капитала в японской политике.

25 августа 1900 г. было опубликовано написанное самим Итō программное заявление новой партии, которая получила название Риккэн сэййūkай, или просто Сэййūkай (Общество политических друзей). Сэййūkай состояла в основном из членов бывшей Кэнсэйто. Кроме того в нее перешла группа членов Кэнсэйхонтō во главе с ОдзакИ Юкио. В результате у Сэййūkай оказалось большинство в нижней палате парламента (152 места).

Вскоре после этого, в сентябре 1900 г., кабинет Ямагата вышел в отставку. Новое правительство опять (в 4-й раз) возглавил Итō Хиробуми. Оно состояло в основном из членов Сэййūkай. Исключение составляли военный министр Кацура Тарō, военно-морской министр Ямамото Гоннохэз (Гомбэй) и министр иностранных дел Катō Такааки.

Как и третий, четвертый кабинет Итō оказался недолговечным. Уже в начале июня 1901 г. новое правительство возглавил Кацура Тарō, кандидатуру которого активно поддержал Ямагата Аритомо. Кацура не принадлежал к числу первых лиц японской политики. Тем не менее, его кабинет оказался неожиданно прочным и оставался у власти в течение последующих пяти лет.

Поначалу обстановка в парламенте была неблагоприятной для нового кабинета, поскольку оказавшаяся в оппозиции Сэййūkай продолжала располагать большинством мест в нижней палате. Однако Кацура удалось договориться с Итō и обеспечить прави-

тельству поддержку со стороны Сэйюкай при утверждении парламентом бюджета и других важных законопроектов.

В дальнейшем политический престиж кабинета Кацура значительно возрос в результате важного внешнеполитического успеха — заключения 30 января 1902 г. англо-японского союза. Это дало возможность Кацура успешно провести парламентскую сессию и назначить новые выборы, которые впервые за все время существования японского парламента (с 1890 г.) состоялись после истечения полного срока полномочий депутатов. Выборы 1902 г. проходили по новому избирательному закону 1900 г. и завершились убедительной победой Сэйюкай.

На следующей сессии парламента в конце 1902 г. вновь встал вопрос о налогах — конкретно, о продлении срока действия повышенной ставки земельного налога в связи с новой программой строительства военно-морского флота. Сэйюкай и Кэнсэйхонтō выступили против этого, и тогда Кацура распустил нижнюю палату и назначил новые выборы. Однако на них снова победила Сэйюкай, и таким образом ситуация в парламенте осталась неблагоприятной для кабинета.

Поскольку тактика силового давления не привела к желаемым результатам, Кацура опять пришлось вернуться к практике парламентских соглашений. Он провел переговоры с Итō и сумел договориться с ним о поддержке партией Сэйюкай правительственной программы.

В июле 1903 г. император своим указом назначил Итō Хиробуми председателем тайного совета, что обязывало Итō выйти из созданной им партии. Освободившийся пост председателя Сэйюкай занял Сайондзи Киммоти, который возобновил парламентскую коалицию с Кэнсэйхонтō. Объединенная оппозиция вынесла вотум недоверия кабинету, после чего парламента был снова распущен. Противостояние парламентских политиков и государственной бюрократии было прервано начавшейся вскоре русско-японской войной.

Развитие общественных движений

Наряду с усилением роли парламента в определении курса государственной политики, на рубеже XIX–XX вв. в Японии наблюдался рост различных общественных движений. Хотя они выражали интересы разных социальных групп, то, что они не были представлены в официальной политической жизни, служило для них объединяющим фактором, и они часто сотрудничали между собой. Среди них можно выделить общедемократическое движение за расширение избирательных прав, рабочее движение, бо-

ровшееся за создание профессиональных союзов, социалистическое движение, а в последние годы перед русско-японской войной — антивоенное движение, центральную роль в котором также играли социалисты.

Наиболее широко в этот период развернулось движение за всеобщее избирательное право. Его центром стало организованное в 1900 г. Общество борьбы за всеобщее избирательное право (*фуццү сэнкё кисэй дômэйкай*), в котором насчитывалось несколько тысяч членов. В него входили видные политические деятели из буржуазных кругов, журналисты, представители профсоюзов и др. Вместе с тем, с обществом тесно сотрудничали политические и общественные деятели ярко выраженной левой ориентации — Кôтоку Дэндзирô (Сбсуй), Сакаи Тосихико, христианский социалист Утимура Кандзô и др. Официальным органом общества стала либеральная газета «Ёродзу тэхô».

По инициативе общества было организовано петиционное движение за введение всеобщего избирательного права. Первая петиция, которую подписало несколько тысяч человек, была передана в парламент в марте 1900 г.

В те же годы заметное развитие в Японии получило рабочее движение. Несмотря на быстрый рост экономики после японо-китайской войны, выполнение обширных военных программ привело к тому, что положение трудящихся не улучшилось. Наполнение государственного бюджета достигалось сохранением повышенных ставок земельного и подоходного налогов, а также неоднократным повышением существовавших и введением новых косвенных налогов — на сою, на сакэ, на табак. Довольно быстро росли цены на продовольствие и на товары первой необходимости. В результате некоторое повышение заработной платы, наблюдавшееся после войны с Китаем, не могло компенсировать рост цен и увеличение налогового бремени.

Это, а также сохранявшиеся тяжелые условия труда в промышленности, вело к росту социального недовольства и, соответственно, числа трудовых конфликтов. Тогда же в Японии развернулось организованное движение за создание профессиональных союзов. В июле 1897 г. было создано Общество содействия организации рабочих профсоюзов (*рёдô кумиай кисэйкай*), которое выступило за скорейшее введение рабочего законодательства. За короткий срок (к 1899 г.) число его членов превысило 5700 чел. Общество содействия организации профсоюзов издавало собственный журнал под названием «Рôдô сэкай» («Мир труда»). Его

главным редактором был Катаяма Сэн, а одним из активнейших сотрудников — Кётоку Дэндзирё.

Вокруг общества стали создаваться профсоюзные организации. В декабре 1897 г. появился крупнейший по тем временам союз металлистов, число членов которого к 1900 г. достигло 5400 чел. В 1898 г. были созданы профсоюзы машинистов железных дорог и рабочих-печатников.

Рост рабочего движения побудил власти обратиться к проблеме рабочего законодательства. В конце 1896 г. комиссии министерства сельского хозяйства и торговли, в ведении которого находилась в то время и промышленность, было поручено разработать проект закона для «урегулирования взаимоотношений между рабочими и предпринимателями».

В 1897 г. законопроект, касавшийся лишь ограничений по использованию детского и женского труда (причем только на крупных предприятиях с числом работающих более 50 чел.), был передан кабинету. Однако Ямагата, возглавлявший тогда правительство, отказался даже выдвинуть его на рассмотрение парламента. Правда, в 1900 г. парламент все же принял закон, призванный улучшить положение рабочих, хотя и иными средствами: он предусматривал создание т. н. кооперативных обществ, задачей которых было поощрение вкладов и сбережений рабочих с целью «превращения их в собственников».

Принятый в 1900 г. закон о полицейских мерах по поддержанию общественного спокойствия оказал крайне негативное воздействие на зарождавшееся японское профсоюзное движение. Большая часть профсоюзов распалась и прекратила свою деятельность. Организованное рабочее движение, не успев развернуться, пошло на спад.

Несмотря на это, именно тогда японские социалисты приняли попытку создать первую в Японии социал-демократическую партию. Еще в октябре 1898 г. при участии Катаяма и Кётоку было основано Общество по изучению социализма (Сякайсюги кэнкёкай), в которое вошло около 30 чел. В январе 1900 г. на его основе была создана Социалистическая лига (Сякайсюги кёкай), которая с первых дней своего существования повела активную пропаганду социалистических идей: проводила собрания, митинги и т. д.

В 1901 г. Катаяма, Кётоку и другие начали подготовку к созданию социалистической партии. 20 мая 1901 г. было объявлено об образовании Нихон сякай минсёто (Японской социал-демократической партии). Одновременно новой партии удалось опубли-

ковать в нескольких газетах свою программу, содержавшую требования всеобщего мира, разоружения, ликвидации классового общества, обобществления средств производства и равного распределения богатств. Добиваться достижения этих целей предполагалось парламентскими средствами, не прибегая к насилию.

В тот же день Социал-демократическая партия была запрещена властями, а выпуски газет, опубликовавших ее программу, конфискованы полицией. Катаяма как редактор журнала «Рёдб сэйкай», также опубликовавшего документ, и издатели четырех токийских газет были привлечены к суду на основании закона о полицейских мерах по поддержанию общественного спокойствия.

В период, предшествовавший началу русско-японской войны, в Японии была развернута антирусская пропагандистская кампания. Публиковались разного рода призывы к активным действиям на материке, требования объявить войну России и т.п. В ответ на это в начале лета 1903 г. Катаяма Сэн, Кётоку Дэндзирё и их единомышленники из Социалистической лиги предприняли поездку по стране с антивоенными лекциями и выступлениями. Впоследствии Катаяма Сэн вспоминал:

«Воздем нашей антивоенной пропаганды был тезис, что это будет капиталистическая война, которая неизбежно принесет дальнейшие страдания и нищету рабочим, как это было и во время японо-китайской войны».

В ноябре 1903 г. Кётоку и Сакаи при поддержке Социалистической лиги основали общество Хэйминся (Общество простого народа) и приступили к выпуску еженедельной газеты «Хэймин симбун». Ее тираж достигал 8 тыс. экз., что было значительной цифрой для Японии того времени. Эта газета стала центром антивоенной пропаганды, и продолжила свою деятельность даже после того, как война разразилась, что потребовало от ее издателей и сотрудников незаурядного мужества.

Глава 3

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА (1904–1905)

На пути к русско-японской войне

Корни русско-японской конфронтации

Военный конфликт между Японией и Россией был во многом предопределен наличием глубоких противоречий в империалистических интересах двух стран. Вместе с тем, долгое время он не казался неизбежным.

На протяжении многих лет отсутствие железнодорожного сообщения между европейской частью России и ее дальневосточными районами не позволяло русскому правительству держать там мощные военные силы, да и вообще осуществлять эффективный административный контроль над этими территориями. Это предопределило во внешней политике России линию на сохранение статус-кво на Дальнем Востоке.

К началу 90-х годов XX в. русский Дальний Восток при всех своих природных богатствах был «дотационным регионом»: казенные расходы там значительно превышали доходы, получаемые от налогов, таможенных сборов и т.п. Причина заключалась в том, что Россия не имела тогда достаточно сил, чтобы регулировать там деятельность американских и японских предпринимателей и торговцев. В ряде случаев иностранцы официально находились в привилегированном положении по сравнению с русскими. Так, японцы пользовались правом беспошлинно ловить и вывозить рыбу с Сахалина, тогда как русские рыбопромышленники при ввозе рыбы в Японию должны были платить таможенные сборы, и поэтому не выдерживали конкуренции. Кроме того японские и американские зверопромышленники и рыбаки занимались широкомасштабным незаконным промыслом в русских водах, уклоняясь от уплаты каких-либо налогов и пошлин. К этому можно добавить, что почти 1/8 часть золота, добывавшегося на приисках Амурской области (вторых по значению в России), нелегально уходила в Китай, а в Николаевске и Владивостоке — главных центрах края — торговля находилась в руках иностранцев.

В 80-х годах интерес русских торгово-промышленных кругов к дальневосточным рынкам усилился. Результатом этого стал проект создания сибирской железной дороги. Решение о ее постройке было принято в 1885 г., но из-за финансовых трудностей про-

ект стал претворяться в жизнь лишь в 1891 г., когда в России начался бурный промышленный подъем.

Русское правительство возлагало большие надежды на постройку транссибирской дороги, полагая, что ее завершение приведет к тому, что Россия сможет занять положение посредника в торговле между Европой и Дальним Востоком. По мнению С.Ю. Витте, занявшего в 1892 г. пост министра финансов, дорога должна была отвлечь мировые грузопотоки от Суэцкого канала и помочь массовому продвижению русских промышленных товаров на китайский рынок. Разумеется, важнейшее значение придавалось и военно-стратегическому аспекту строительства: транссибирская магистраль должна была обеспечить России возможность увеличить свои военные силы на Дальнем Востоке, в том числе создать там мощный военный флот.

Все это не вызвало воодушевления ни в Великобритании, ни в Японии, ни в Соединенных Штатах. Интересы этих государств прямо противоречили интересам России на Дальнем Востоке. Их не устраивали ни возрастание русской конкуренции на китайском и корейском рынках, ни рост способности России контролировать свои окраинные территории (американцы в то время вынашивали планы тем или иным способом отторгнуть их у России, как они сделали это ранее с Аляской). Наконец, усиление военного присутствия России на Дальнем Востоке создавало непосредственную угрозу планам колониальной экспансии Японии на азиатском материке.

Обострение русско-японских отношений

Японские правящие круги немедленно осознали особенности новой ситуации, складывавшейся в Восточной Азии. В 1890 г. Ямагата Аритомо выдвинул концепцию коренной модернизации японских вооруженных сил с тем, чтобы их задачи не ограничивались обороной японской территории, а включили в себя защиту «линии жизненно важных интересов» Японии, пролегавшей на материке. В качестве потенциальных военных противников Ямагата называл великие державы и, в первую очередь, Россию.

Что касается русских дипломатов, то они еще некоторое время по инерции продолжали рассматривать Японию в качестве возможного партнера России, не придавая должного значения подспудному росту напряженности в русско-японских отношениях. Например, в инструкциях министерства иностранных дел, переданных осенью 1892 г. новому русскому посланнику в Токио при его назначении, утверждалось, что между Россией и Японией «не

существует никакой принципиальной противоположности». Из этого тезиса выводилась «желательность не только мирных, но даже дружественных отношений» с Японией, что должно было «с одной стороны, обеспечить неприкосновенность и спокойствие наших собственных владений, с другой — противодействовать возможным проискам соперничающих с нами держав».

Отрезвление относительно перспектив отношений с Японией наступило в России под воздействием японо-китайской войны. На правительственном совещании в Петербурге в августе 1894 г. была признана серьезность военной угрозы со стороны Японии, а также возможность перекрытия выходов в открытый океан из восточных русских портов в случае занятия Японией южной части Корейского п-ова. В связи с этим совещание приняло решение добиваться сохранения статус-кво в Корее по крайней мере до тех пор, пока не будет достроена транссибирская железная дорога, и Россия не укрепит свои позиции на Дальнем Востоке. Решено было также добиваться приобретения на Тихом океане незамерзающего порта в качестве базы для русских военно-морских сил (в дальнейшем такой базой стал Порт-Артур).

В феврале 1895 г., когда масштабы японской победы над Китаем стали очевидны, в Петербурге было принято решение усилить русскую эскадру в Тихом океане, чтобы «наши морские силы были по возможности значительнее японских», а также добиваться сохранения независимости Кореи. Наиболее реалистично масштабы японской опасности были охарактеризованы в ходе правительственного совещания 11 апреля 1895 г., на котором новый министр иностранных дел А.Б.Лобанов-Ростовский, назначенный на этот пост в марте, признал, что «на дружбу Японии ни в коем случае рассчитывать нельзя», и что «предпринятая ею война направлена не столько против Китая, сколько против России, а затем и всей Европы».

Вскоре русско-японские отношения испытали ряд кризисов в связи с демаршем трех держав (инициатором которого была Россия) и вызванным им отказом Японии от претензий на Ляодунский п-ов, столкновением интересов России и Японии в Корее, началом строительства Российской КВЖД и получением ею в аренду Порт-Артура, а несколько позднее — в связи с вводом русских войск в Маньчжурию во время восстания ихэтуаней. Параллельно Япония начала непосредственную подготовку к войне с Россией. Большая часть полученной Японией по Симоносэкскому мирному договору контрибуции была затрачена на модернизацию армии и флота. Любопытно, что заем на покрытие расходов по упла-

те контрибуции был предоставлен Китаю русскими банками. Таким образом, Россия как бы косвенно участвовала в финансировании военных приготовлений против себя самой.

* * *

Китайская контрибуция и иностранные займы (главным образом британские) позволили Японии досрочно, к 1901 г., выполнить огромную программу перевооружения. В марте того же года начались переговоры между Японией и Великобританией о заключении договора о союзе, а в июне к власти в Японии пришел кабинет Кацура Таро, который сделал выбор в пользу разрешения противоречий между Японией и Россией военными средствами. При этом японское политическое и военное руководство полагало, что Японии следует начать войну за захват Кореи и Маньчжурии по возможности до завершения строительства транссибирской железной дороги, пока переброска русских армий на Дальний Восток и их снабжение затруднены.

Международная обстановка накануне войны

Международная обстановка, сложившаяся в то время на Дальнем Востоке, благоприятствовала Японии.

Последняя учла уроки дипломатического поражения при заключении мирного договора с Китаем, и в преддверии новой, гораздо более опасной для себя войны заручилась поддержкой Великобритании, зафиксированной в международном договоре. Тогда интересы Великобритании и Японии во многом совпадали: постройка транссибирской магистрали и КВЖД, создание русской военно-морской базы в Порт-Артуре, усиление влияния России в Китае и Корее — все это воспринималось как угроза обеими странами. Различие заключалось в том, что Великобритания не собиралась сама воевать с Россией и рассчитывала подорвать положение последней на Дальнем Востоке чужими руками. Так или иначе, англо-японский союзный договор 1902 г. обеспечивал Японии финансовую и моральную поддержку со стороны Великобритании.

Соединенные Штаты также считали Россию своим основным соперником на Тихом океане. Так что с их стороны Японии был обеспечен, по меньшей мере, благожелательный нейтралитет. Это подтвердилось в первые дни русско-японской войны, когда американский президент Т. Рузвельт предупредил правительства Германии и Франции, что если те попытаются «повторить опыт вмешательства трех держав 1895 г.», США станут на сторону Японии и предпримут «все необходимые меры для ее защиты».

Что касается Германии и Франции, то их интересы были прямо противоположны: Германия хотела военного столкновения

между Японией и Россией, поскольку надеялась, что это отвлечет русские силы из европейской части страны; как раз этого не желала Франция и потому стремилась по мере возможности разрядить ситуацию на Дальнем Востоке. Однако ни Германия, ни Франция не собирались сколько-нибудь активно вмешиваться в грядущий конфликт.

* * *

Опираясь на англо-японский союз и на поддержку США, Япония начала разговаривать с Россией более жестким языком. 12 августа 1903 г. японский посланник Курино Синъитирō передал русскому министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу проект русско-японского соглашения, который предусматривал признание Россией японских «особых интересов» не только в Корее, но и в Маньчжурии. Это требование было заведомо неприемлемо для России и носило фактически провокационный характер.

Надо сказать, что с русской стороны тоже имелись свои «ястребы», толкавшие императора Николая II на путь захватов китайских территорий и полагавшие, что война с Японией желательна для России и поможет власти укрепить свой авторитет внутри страны. К их числу, в частности, относились министр внутренних дел В. К. Плеве, статс-секретарь А. М. Бобринский, наместник на Дальнем Востоке адмирал Е. И. Алексеев. Существовала и другая, умеренная партия — председатель комитета министров С. Ю. Витте, министр иностранных дел В. Н. Ламздорф, военный министр А. Н. Куропаткин, — которые считали, что Россия не готова к войне, и ее нужно избежать, даже пойдя на некоторые уступки Японии. Противоречия в правящих кругах России лишали русскую политику последовательности и твердости и давали Японии возможность обвинить Россию в нежелании вести конструктивные переговоры.

Адмирал Е. И. Алексеев

Вопрос о нападении на Россию был окончательно решен на заседании японского правительства с участием гэнрō, состоявшемся 30 января 1904 г. Однако 3 февраля Россия направила Японии ноту о своей готовности пойти на существенные уступки. Это спу-

тало карты японского правительства. Опасаясь, что будут утрачены всякие формальные основания для начала военных действий, оно распорядилось задержать ноту на телеграфе в Нагасаки до 7 февраля, дав указание японскому посланнику в Петербурге разорвать дипломатические отношения с Россией, что и было сделано 6 февраля 1904 г. В тот же день японский флот вышел в Желтое море, чтобы напасть на русскую базу в Порт-Артуре.

Ход военных действий

Планы японского командования

К началу боевых действий Япония в чисто военном плане превосходила Россию на Дальнем Востоке. Россия располагала там

7 броненосцами (против 6 японских), 4 броненосными крейсерами (против 8 японских), 7 легкими крейсерами (против 12 японских), 6 канонерскими лодками (против 8 японских), 2 минными крейсерами, 35 миноносцами (против 46 японских). Силы русского флота не были сосредоточены и находились в базах и портах Порт-Артура, Владивостока, Чемульпо, Инкоу, Шанхая.

На суше превосходство Японии было еще более значительным. Численность ее армия достигала 330 тыс. чел. (вместе с резервами). Русские сухопутные силы на Дальнем Востоке составляли около 120 тыс. чел., рассредоточенных на огромных пространствах от Байкала до Порт-Артура. Боевая подготовка русской армии была слабой, многие генералы и старшие офицеры были недостаточно квалифицированы и безынициативны.

Вместе с тем, Япония уступала России в экономическом и финансовом отношениях. Последнее было исключительно важно, потому что оружие, боеприпасы, стратегическое сырье для военной промышленности и продовольствие для снабжения армии, даже уголь для военных кораблей Япония была вынуждена покупать за границей. Очевидно, что без британских кредитов она вообще была бы не в состоянии вести войну. Во всяком случае, в затяжном конфликте Россия имела неоспоримое преимущество. Кроме экономических и финансовых ресурсов, она располагала большими людскими резервами, а ее флоты, расположенные в Черном море и на Балтике, создали бы подавляющее преимущество над японским флотом, если бы были переброшены на Дальний Восток.

С учетом всех этих факторов японское командование при разработке плана военных действий сделало ставку на внезапность, рассчитывая разгромить русские силы в скоротечном военном

конфликте. План ведения войны, разработанный японским генеральным штабом, предусматривал сперва достижение господства на море, а затем захват Порт-Артура, Корен и Маньчжурин. Особая важность для Японии морских операций определялась тем, что от их успеха полностью зависела возможность ведения боевых действий на континенте. К началу войны Япония, за исключением нескольких тысяч солдат в Корее, не имела войск на материке. На флот возлагалась задача не только по переброске воинских контингентов, но и по их обеспечению.

Успех действий на суше связывался с тем, что японское командование рассчитывало разгромить русские войска до их полного сосредоточения. Кроме того оно возлагало надежды на низкую пропускную способность транссибирской железной дороги, которая была еще недостроена в районе оз. Байкал.

Операции на море В ночь с 8 на 9 февраля 1904 г. без объявления войны японский флот под командованием вице-адмирала Тōgō Хэйхатирō атаковал русскую эскадру на порт-артурском рейде. Наместнику на Дальнем Востоке адмиралу Е.И.Алексееву было известно, что Япония разорвала дипломатические отношения с Россией, а вечером 8 февраля японские подданные во главе с консулом покинули Порт-Артур, но он не предпринял достаточных мер предосторожности. Эскадра не была уведена на внутренний рейд, не были поставлены и противоминные сети, которые могли бы перехватить японские торпеды, выпущенные по русским кораблям. В результате японцам удалось вывести из строя броненосцы «Ретвизан» и «Цесаревич» и крейсер «Паллада».

9 февраля 1904 г. другая японская эскадра (6 крейсеров и 8 миноносцев) блокировала в нейтральном корейском порту Чемульпо русские корабли — крейсер «Варяг» и канонерку «Кореец». Японцы потребовали выхода кораблей в море или капитуляции. Капитан «Варяга» В.Ф.Руднев решил принять неравный бой. В результате «Варяг» получил тяжелые повреждения и был затоплен своим экипажем, а канонерка «Кореец» взорвана.

Внезапность нападения в сочетании с беспечностью, проявленной русским командованием, дали возможность Японии достичь своих целей, заметно изменив соотношение сил на море в свою пользу. Через неделю японский флот блокировал Порт-Артур и установил мины на его внешнем рейде. Это позволило Японии провести запланированные операции по переброске войск на материк. В марте 1904 г. в Корее высадилась армия генерала Куроки Тамэмото численностью 60 тыс. чел.

8 марта 1904 г. в Порт-Артур прибыл адмирал С.О. Макаров, назначенный командующим флотом. Макаров имел репутацию выдающегося флотоводца и пользовался большим авторитетом среди как офицеров, так и низших чинов. Он был не только опытным командиром, но и признанным военным теоретиком. Интересно, что именно его идеи по тактике ведения морского боя использовал позднее японский адмирал Тōgō Хэйхатирō при разгроме русского флота в Цусимском сражении.

За недолгое время пребывания на посту командующего С.О. Макаров предпринял энергичные меры для подготовки флота к боевым действиям. Однако ему не повезло: 13 апреля 1904 г. при выходе на внешний рейд Порт-Артура флагманский броненосец «Петропавловск» подорвался на японских минах и затонул; Макаров погиб вместе с большинством команды. После гибели Макарова русский флот, командование которым принял Е.И.Алексеев, перешел к пассивной обороне.

Адмирал С.О. Макаров

Боевые действия на суше

В дополнение к неудачным действиям флота Россия вскоре стала терпеть поражения и на суше. К концу марта 1904 г. японская группировка в Корее достигла численности около 100 тыс. чел. 29 апреля — 1 мая 1904 г. армия Куроки Тамэмото атаковала войска под командованием генерала М.И.Засулича (20 тыс. чел.), выдвинутые к р. Ялуцзян для прикрытия Южной Маньчжурии. Засулич отступил, что дало возможность японцам высадить еще одну армию (66 тыс. чел.) в Южной Маньчжурии. Перейдя р. Ялуцзян, японская армия стала продвигаться по территории Китая.

Крупные бои развернулись на Ляодунском п-ове. В мае 1904 г. японские армии атаковали у Цзиньчжоу русские укрепления, прикрывавшие узкую часть Ляодунского п-ова в тылу Порт-Артура. Японцам, которые обладали многократным превосходством в силах (30 тыс. против 4 тыс. русских), удалось занять их и таким образом отрезать Порт-Артур от сухопутной маньчжурской армии. В конце мая японцы заняли незащищенный Дальний (Да-

лянь). Часть японских войск была оставлена для осады Порт-Артура, а основные силы направились в глубь Маньчжурии. Командующий русской армией генерал А.Н. Куропаткин направил на помощь Порт-Артуру корпус генерала Г.К.Штакельберга численностью около 30 тыс. чел., однако он не смог выполнить своей задачи и отступил.

Угроза Порт-Артуру с суши побудила русское командование принять решение о перебазировании флота во Владивосток. Первая попытка вывести эскадру в море, предпринятая 23 июня, закончилась неудачей. Во время второй попытки 10 августа состоялось морское сражение в Желтом море между русской эскадрой и главными силами японского флота под командованием адмирала Тōgō. Силы русских и японцев были приблизительно равны, но, хотя обе эскадры во время боя не потеряли ни одного корабля, русские проиграли сражение. Временно исполнявший обязанности командующего Ти-

Генерал А.Н. Куропаткин

хоокеанской эскадрой (командующий адмирал Алексеев выехал в Маньчжурию на совещание с Куропаткиным и оказался отрезанным от своих сил) контр-адмирал В.К.Виттеффт погиб, управление эскадрой было потеряно, и основные ее силы вернулись в Порт-Артур. Часть кораблей укрылась в нейтральных портах и была интернирована, прорваться удалось только крейсеру «Новик». Обойдя Японские о-ва со стороны Тихого океана, он попытался достичь Владивостока, но у южного побережья Сахалина с ним вступили в бой два японских крейсера. «Новик» получил значительные повреждения и был затоплен своей командой.

Японские сухопутные силы подошли к Порт-Артуру и 19 августа начали его штурм, который закончился полной неудачей. С 24 августа японцы были вынуждены перейти к осаде крепости, что приковало к Порт-Артуру крупные силы японской армии.

Боязнь того, что русские могут ударить в тыл осадной армии, побудило японское командование начать наступление против главных русских сил, сосредоточенных в районе Ляояна. 30 августа —

3 сентября 1904 г. там произошло крупное сражение. Японцы понесли большие потери (24 тыс. чел. против 17 тыс. у русских), но русский главнокомандующий генерал А.Н. Куропаткин неверно оценил ситуацию и отдал приказ об отходе раньше, чем это сделали японцы. Достигнутая было победа обернулась поражением.

В сентябре 1904 г. А.Н. Куропаткин предпринял попытку перейти в наступление. В тот момент русская армия имела численный перевес над японской (200 тыс. чел. против 170 тыс.). Однако японское командование также решило наступать. Развернулось встречное сражение у р. Шахэ. В его ходе явного успеха не удалось достичь никому. Обе стороны, потеряв по 40 тыс. чел., временно приостановили активные действия.

Оттеснив русские армии к Мукдену, японцы возобновили попытки взять Порт-Артур штурмом. Наиболее упорная борьба развернулась за господствующие высоты, игравшие важную роль в системе обороны крепости. Русские войска не ограничивались пассивной обороной и часто совершали контратаки, отбрасывая противника на исходные позиции. Японцы несли большие потери. Погиб и сын японского командующего — генерала Ноги Марэсукэ.

В ноябре японцы ценой огромных потерь овладели наиболее важными высотами, господствовавшими над Порт-Артуром, установили там 280-миллиметровые мортиры и с их помощью уничтожили большинство русских военных кораблей, стоявших на внутреннем рейде. Несмотря на то, что после этого положение защитников крепости резко ухудшилось, гарнизон был готов продолжать борьбу. Однако командующий обороной генерал А.М. Стессель решил иначе и, вопреки мнению военного совета, настаивавшего на продолжении сопротивления, 2 января 1905 г. сдал Порт-Артур противнику.

Пораженчество Стесселя было вызвано осознанием им того, что Куропаткин не собирался предпринимать немедленные действия по деблокированию осажденного гарнизона — после гибели Тихоокеанской эскадры Порт-Артур утратил ценность в глазах русского командования. Об этом свидетельствовали и полученные сообщения о том, что 2-я Тихоокеанская эскадра адмирала З.П. Рожественского, в то время медленно приближавшаяся к театру военных действий, направится не в Порт-Артур, а сразу во Владивосток.

Японцы были удивлены обилием боеприпасов и продовольствия, которое они обнаружили в крепости: им было непонятно, отчего гарнизон сдался. Этого не понимало и большинство русских офицеров и солдат. Так или иначе, порт-артурская эпопея завер-

шилась. Русские потери в ней составили 31 тыс. чел., японские — вдвое больше.

Фотография, сделанная после сдачи Порт-Артура. Во втором ряду: второй слева — Ноги Марасука, справа от него — А.М.Стессель

В 1907 г. Стессель, который за время обороны Порт-Артура успел побывать в глазах русской общественности и величайшим героем, и величайшим предателем, был предан суду военного трибунала и приговорен к расстрелу. Приговор не был приведен в исполнение, и в 1909 г. Николай II простил генерала.

В начале февраля к японским войскам в Маньчжурии присоединилась освободившаяся из-под Порт-Артура армия генерала Ноги. В ночь с 18 на 19 февраля 1905 г. японцы перешли в наступление. Началось наиболее крупное во всей кампании сухопутное сражение под Мукденом.

Японские силы уступали по численности русским (соответственно, 270 тыс. и 330 тыс. чел.). Однако русская армия проиграла битву — во многом потому, что Куропаткин опять, как ранее под Ляояном, отдал преждевременный приказ об отходе. Когда русские начали отступать, японцам удалось прорвать фронт восточ-

нее Мукдена, и правое крыло русских войск оказалось в окружении. Все же Куропаткину удалось вывести из него основные силы. Под Мукденом русская армия потеряла 89 тыс. чел. (в том числе 29 тыс. пленными), а японская — около 71 тыс. На этом активные действия в Маньчжурии завершились. 3 марта 1905 г. Куропаткин был смещен и заменен на посту командующего генералом Н.П.Линевичем.

Однако война между на Японией и Россией на этом не закончилась. Ее финальным аккордом стал поход 2-й Тихоокеанской эскадры русского флота и ее гибель в Цусимском морском сражении.

Заключительная фаза войны

Возможность отправки дополнительной эскадры на Дальний Восток стала обсуждаться военным руководством России сразу после того, как основные силы Тихоокеанской эскадры понесли потери и оказались запертыми в Порт-Артуре. На этом, в частности, активно настаивал адмирал С.О.Макаров, однако в начале войны решение по этому вопросу так и не было принято.

В апреле 1904 г. решение о формировании 2-й Тихоокеанской эскадры все-таки состоялось. В нее была включена часть кораблей Балтийского флота и новые корабли, вводившиеся в строй по программе 1898 г. 7 крейсеров предполагалось дополнительно закупить за границей (в Аргентине и в Чили). Командующим новой эскадрой был назначен начальник главного морского штаба вице-адмирал З.П.Рожественский.

Однако в скором времени появились сомнения в целесообразности принятого решения. Эскадра формировалась медленно, и стало ясно, что к тому времени, когда она будет готова, 1-я, порт-артурская, эскадра по-видимому перестанет существовать, и новое формирование останется один на один с японским флотом. Предлагалось, в частности, отложить отставку эскадры до будущего года, а тем временем значительно усилить ее. Окончательное решение по этому вопросу принял 23 августа 1904 г. сам Николай II — эскадра должна была отправиться немедленно по достижении готовности.

2-я Тихоокеанская эскадра вышла в море в октябре 1904 г. Ей предстоя-

Адмирал З.П.Рожественский

до выполнить огромный переход в 18 тыс. миль. Эскадра двигалась очень медленно. На всем пути следования она испытывала сложности с бункеровкой, поскольку Великобритания оказывала давление на нейтральные страны, чтобы заставить их отказаться снабжать русский флот. Кроме того, по пути эскадра занималась боевой учебой — подготовка экипажей находилась на низком уровне, многие офицеры были призваны из запаса или переведены из торгового флота.

О качестве подготовки и, еще более, о состоянии духа офицеров эскадры свидетельствовал «гулльский инцидент», когда 22 октября 1904 г., находясь еще в Северном море, эскадра расстреляла из орудий всех калибров флотилию рыболовных суденышек, промышлявших треску на Доггер-банке, приняв их за японские (!) торпедные катера. Рождественскому с трудом удалось остановить огонь. Этот инцидент, который, как потом утверждалось русской стороной, был следствием британской провокации, накалил и без того плохие русско-английские отношения и сильно затруднил дальнейший путь эскадры.

В феврале 1905 г. на усиление 2-й эскадры была послана спешно сформированная 3-я эскадра под командованием контр-адмирала Н.И.Небогатова. В ее состав вошли самые устаревшие корабли, оставшиеся на Балтике после создания эскадры Рождественского. Характеризуя ее, сам Рождественский писал в частном письме:

«Все эти калеки, которые, присоединившись к эскадре, не усилят ее, а скорее ослабят... Гниль, которая осталась в Балтийском море, была бы не подкреплением, а ослаблением... Думаю, что будет лишней обузой и источником слабости».

В середине мая 1905 г. обе эскадры соединились у берегов Индокитая и направились во Владивосток. Рождественский решил прорываться туда кратчайшим путем — через Корейский пролив. Днем 27 мая эскадра Рождественского встретила там с главными силами японского флота под командованием адмирала Тōgō. В состоявшемся Цусимском сражении японцы потеряли 3 миноносца; потери русских составили 8 броненосцев, 4 крейсера, вспомогательный крейсер, 5 миноносцев и несколько транспортов. 4 броненосца и миноносец сдались в плен. На борту одного из них находился тяжело раненный в голову еще в начале боя адмирал Рождественский, который был помещен в госпиталь в Сасэбо.

Адмирал Тōgō навел там своего поверженного противника. В качестве переводчика он взял с собой бегло говорившего по-фран-

Адмирал Тōгō Хэйхатирō

цузски 20-летнего лейтенанта, потерявшего в Цусимском бою два пальца на левой руке. По странному стечению обстоятельств это был Ямамото Исороку, будущий командующий японским Объединенным флотом, разгромивший в 1941 г. американскую военноморскую базу в Пирл-Харборе.

По возвращении в Россию адмиралы Рожественский, Небогатов и еще несколько офицеров были отданы под суд. Рожественский мужественно брал всю вину за случившееся на себя, но как тяжело раненый был освобожден от наказания; остальных приговорили к расстрелу, замененному затем длительными сроками заключения.

Внутреннее положение Японии во время войны

Внутренняя политика в период войны

После начала войны борьба парламентской оппозиции с правительством немедленно прекратилась. Уже после начала войны, 1 марта 1904 г. состоялись парламентские выборы, принесшие победу коалиции Сэйюкай и Кэнсэйхонтō. Накануне открытия парламентской сессии состоялось объединенное заседание этих партий, на котором было принято решение о поддержке правительства Кацура.

На парламентских сессиях 1904 и 1905 гг. политика правительства неизменно получала полное одобрение. Парламентские партии безоговорочно поддерживали все, даже самые непопулярные меры. За первый военный год налоги были увеличены на 50%, за второй год — на 100%. Была введена государственная монополия на табак и соль, повышены налоги на сою, сахар, масло, алкогольные напитки, хлопчатобумажные и шерстяные изделия и др. Земельный налог за время войны повышался дважды и в итоге увеличился с 3 до 17,5% цены земли. В качестве компенсации землевладельцам правительство в 1904/05 фин. г. повысило импортные пошлины на рис, пшеницу, бобы и другие сельскохозяйственные продукты. Это действительно несколько улучшило

положение производителей сельскохозяйственной продукции (в первую очередь, крупных), но одновременно привело к взвинчиванию цен на продукты питания.

Война тяжело отразилась на материальном положении японских трудящихся. К концу 1904 г. цены выросли в среднем на 12% по сравнению с предыдущим годом, а к концу войны — на 19,5%. Особенно подорожали товары первой необходимости: например, соль и сахар — почти в 2 раза по сравнению с 1901 г. Условия труда рабочих ухудшились, продолжительность рабочего дня на предприятиях нередко доходила до 16 час. В то же время реальная заработная плата снижалась. В деревне мобилизация в армию трудоспособного мужского населения привела к нехватке рабочих рук, в результате чего в 1905 г. сократились посевные площади основных зерновых и технических культур.

Антивоенное движение в Японии

Хотя под влиянием вызванных войной националистических настроений реальное противодействие политике правительства в парламенте прекратилась, это не означало полного исчезновения в Японии всякой оппозиционной деятельности. Постепенно в стране стало проявляться недовольство как ухудшением экономического положения, так и ростом числа жертв на фронте.

Но прекратилась стачечная борьба японских рабочих, которая, будучи направлена против увеличения тягот войны, приобрела, в известной мере, антивоенный характер. Так, в августе 1904 года забастовали трамвайщики в г. Иокогама, требовавшие сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы. Антивоенные настроения проявлялись и среди японского крестьянства. Там они были связаны с недовольством мобилизацией в армию, лишавшей деревню рабочих рук, и вызванным войной резким повышением земельного и других налогов.

Против войны выступили немногочисленные японские социалисты, группировавшиеся вокруг Социалистической лиги. Особой активностью отличалось общество Хэйминся (Общество простого народа), ведущую роль в котором играли Кётоку Дэндзирё и Сакаи Тосихико. Его цели в основном совпадали с программой запрещенной ранее Нихон сякай минсёто (Японской социал-демократической партии) и сводились к достижению демократии, социализма, всеобщего мира и «превращению всех людей в братьев» при «полном отрицании насилия». Большое влияние на членов общества оказало письмо пользовавшегося популярностью в Японии Л.Н.Толстого, в котором он выступил с осуждением войны. Письмо было переведено на японский язык Кётоку Дэндзирё.

В газете общества Хэйминся «Хэймин симбун» было опубликовано «Письмо к русской социал-демократической партии», в котором говорилось:

«Мы, социалисты, не признаем различия рас, национальностей, стран. Мы — товарищи, братья, сестры. У нас нет никаких причин для того, чтобы воевать друг с другом».

На конгрессе II Интернационала в Амстердаме в августе 1904 года лидеры японских и русских социалистов Катаяма Сэн и Г.В. Плеханов при встрече обменялись рукопожатиями, о чем тут же было сообщено в «Хэймин симбун». В обстановке, когда националистические страсти были накалены до предела, это требовало от издателей газеты большого мужества. Власти пытались представить их в качестве русских агентов, проводили обыски в домах социалистов под предлогом поимки «русских шпионов».

В марте 1904 г. против «Хэймин симбун» было возбуждено судебное преследование, поводом для которого стало опубликование в ней призыва к народу выступить против войны и вызванного ею роста налогов. В ноябре того же года, когда в газете был помещен полный перевод «Коммунистического манифеста», полиция конфисковала весь тираж. 16 ноября 1904 г. была запрещена Социалистическая лига, а в январе 1905 г. по приговору суда газета «Хэймин симбун» была закрыта. Социалисты попытались выпускать вместо нее еженедельник «Тёкугэн» («Рупор»), однако и он вскоре был запрещен, а Кётоку Дэндзирё очутился в тюрьме. В сентябре 1905 г. общество «Хэйминся» было распущено из-за отсутствия финансовых средств.

Истощение ресурсов Японии

Победа над Россией далась Японии ценой большого напряжения всех ее материальных, финансовых и людских ресурсов. Можно сказать, что русско-японская война истощила Японию во всех отношениях.

Первоначально призванный контингент численностью 425 тыс. чел. оказался недостаточным. Всего за время войны было мобилизовано 1185 тыс. чел., или около 2% всего населения страны. Это в 5 раз превышало предвоенную численность японской армии. Одни лишь потери убитыми и ранеными (230 тыс.) были больше, чем вся регулярная армия мирного времени. В армию были взяты молодежь призыва 1906 г., а также пожилые люди, уже выведенные из запаса.

В отличие от Японии, людские ресурсы России были лишь в незначительной степени затронуты войной. Россия отправила на

Дальний Восток армию, составлявшую по численности 0,55% ее населения. Надо отдать должное русскому командующему А.Н. Куропаткину: несмотря на ряд поражений и отступлений, ему не только удалось сохранить основные силы русской армии, но и постоянно наращивать их. Продолжение войны с большой вероятностью должно было привести к тяжелому поражению Японии на суше и к ее вытеснению с континента, с уже завоеванных ею позиций в Маньчжурии и Корее.

Понимая это, после сражения под Мукденом японские военные руководители потребовали от правительства скорейшего прекращения войны. В день мукденской победы начальник генерального штаба Ямагата Аритомо в докладе императору заявил:

«Во-первых, враг имеет на своей территории еще значительные воинские силы, наши же силы истощены; во-вторых, враг еще не имеет недостатка в офицерах, мы же с начала войны имеем огромную убыль офицеров и сейчас восполнить этот дефицит не сможем».

Положение Японии усугублялось тем, что ее финансы к концу войны были напряжены до предела. Общая сумма всех военных издержек, по разным оценкам, составила 1,5–2,0 млрд. иен. Около половины этих расходов Япония покрывала за счет иностранных займов. За время войны она получила 4 иностранных займа на сумму более 800 млн. иен, которые были размещены на лондонском и нью-йоркском рынках, и в середине 1905 г. была вынуждена прибегнуть к новому займу. Государственный долг по сравнению с довоенным вырос в 4 раза, составив к концу войны 2,4 млрд. иен, с перспективой уплаты ежегодных процентов до 110 млн. иен, из которых 90 млн. приходилось на проценты по военным займам.

В совокупности это означало невозможность вести дальнейшие военные действия на континенте, что и обусловило стремление Японии как можно скорее выйти из войны, сохранив за собой свои новые завоевания.

Портсмутский мирный договор

Начало поисков мира Японская стратегия в войне была рассчитана на достижение быстрой победы. К затяжным военным усилиям Япония была неготова. Поэтому добившись, как и предполагалось, значительных успехов уже в начале войны, захватив Ляодунский п-ов, Корею и часть Маньчжурии, Япония начала предпринимать шаги к прекращению вой-

ны и к международно-правовому закреплению плодов своих побед.

Еще в августе 1904 г. японское правительство сформулировало желательные для себя условия мира: признание Россией приоритета японских интересов в Корее, вывод русских войск из Маньчжурии, отказ России от использования КВЖД для любого рода военных перевозок, передача Японии Ляодунского п-ова. В варианте программы-максимум к этим требованиям добавлялись выплата Россией контрибуции для покрытия расходов Японии на войну, уступка Японии о-ва Сахалин и предоставление ей права на ведение рыбного промысла в водах Приморья.

После падения Порт-Артура, в феврале 1905 г. Япония предложила России начать мирные переговоры, но, поскольку она настаивала на том, чтобы просьба о мире исходила от России, русское правительство тогда отказалось от этого.

30 мая 1905 г., сразу после Цусимского сражения, кабинет Кацура Таро принял решение официально просить американского президента Т. Рузвельта выступить в качестве посредника в организации мирных переговоров между Японией и Россией. Рузвельт был готов к такому предложению и дал указание американскому послу в России Мейеру просить аудиенции у Николая II.

Российский император срочно созвал совещание для обсуждения вопроса о заключении мира с Японией. Большинство его участников считали положение угрожающим и высказывались за начало переговоров. Это настроение не изменилось и под влиянием сообщения военного министра Сахарова о вероятных условиях мира с японской стороны, достаточно близких к тем, что были в дальнейшем выдвинуты на самом деле. Причина заключалась в том, что в России ширились революционные выступления, и правящие круги хотели как можно скорее покончить с несчастливо складывавшейся войной и сосредоточиться на внутренних проблемах.

Точно так же оценивал ситуацию и сам Николай II. На следующий день император заявил Мейеру о своем согласии на переговоры. 10 июня 1905 г. русский министр иностранных дел В.Н. Ламздорф сообщил в Вашингтон о принятии Россией предложения Т. Рузвельта. Россия предложила сделать местом проведения переговоров Париж, но Рузвельт настоял на том, чтобы она состоялась в США.

**Подготовка
столкновения к переговорам**

11 июля 1905 г. император Николай II утвердил инструкцию русской делегации на переговорах с Японией, составленную

В.Н. Ламздорфом. Было понятно, что после тяжелых военных поражений Россия должна будет пойти определенные уступки. Поскольку внутреннее положение в Российской империи было весьма напряженным (страну сотрясали политические забастовки и демонстрации, то и дело происходили солдатские и матросские бунты), ради заключения мира правительство было готово заплатить довольно большую цену.

Не рассчитывая удержать арендованный у Китая Ляодунский п-ов с Порт-Артуром и Дальним, правительство рекомендовало переговорщикам отказаться от них пользу Японии, оговорив только условия, которые оградили бы Россию от претензий с китайской стороны. То же касалось и судьбы Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД). Однако КВЖД предлагалось во что бы то ни стало сохранить в «полном распоряжении» России.

По вопросу о Корее инструкция рекомендовала добиваться ее полной независимости. Тем не менее, Россия была готова признать «преимущественные права» Японии в Корее при условии отказа Японии от строительства военных укреплений в ее северной части и обеспечения свободы плавания русских судов через Корейский пролив.

В отношении требования Японии о передаче ей Сахалина инструкция рекомендовала по возможности свести вопрос к предоставлению Японии льгот в хозяйственном освоении острова, «которых она тщетно добивалась в течение последних лет».

Совершенно неприемлемыми признавались любые требования об уступке части русской территории, об уплате контрибуции, о лишении России права держать военный флот в Тихом океане. Однако при этом оговаривалось, что предъявление японской стороной подобных требований не должно служить основанием для прекращения переговоров.

Положение России на переговорах с Японией осложнялось тем, что она тогда фактически находилась в международной изоляции. В сущности, все «цивилизованное» мировое сообщество открыто или тайно радовалось постигнутому ее поражению, поскольку считало «русскую угрозу» наиглавнейшей. Союзная Россия Франция не оказала ей никакой поддержки. Ее интересовало лишь скорейшее окончание войны, и она рекомендовала царскому правительству пойти ради этого на любые уступки. Единственное, что Николай II смог противопоставить согласованным действиям правительств Японии, США и Великобритании, — это заключение союзного договора с Германией, который был подписан в Бьёрке 24 июля 1905 г. Однако этот договор был целиком сориентирован

на дела европейской политики и не мог служить подспорьем в дипломатической борьбе за улучшение условий мира с Японией.

Японский император утвердил инструкцию для своей делегации на переговорах с Россией на неделю раньше русского, 4 июля 1905 г. Условия мира, которые должны были быть предъявлены России, были поделены на три группы: абсолютно обязательные, относительно важные, и те, решения по которым могли приниматься самими уполномоченными. В первую группу требований входили: признание исключительных прав Японии в Корее, вывод русских войск из Маньчжурии, передача Японии русских арендных прав на Ляодунский п-ов и ЮМЖД. Вторая группа включала в себя возмещение военных расходов Японии, передача ей русских военных кораблей, укывшихся в нейтральных портах, передача Сахалина с прилегающими к нему островами, предоставление прав ведения рыбного промысла вдоль дальневосточного побережья России. Наименее обязательными требованиями были: ограничение военно-морских сил России на Тихом океане и ликвидация военной базы во Владивостоке.

Для усиления свих позиций на переговорах Япония провела широкий комплекс подготовительных мер. Прежде всего, в течение июля 1905 г. Япония оккупировала Сахалин. Эта операция японских вооруженных сил прошла гладко, поскольку русский гарнизон на острове был очень слаб и состоял в основном из дружин, набранных из ссыльных и каторжников.

Параллельно Япония предприняла ряд дипломатических акций для того, чтобы заручиться поддержкой своих требований к России (прежде всего, в отношении Кореи) со стороны США и Великобритании. В конце июля 1905 г. между Японией и США было заключено секретное соглашение, известное как «соглашение Тафт—Кацура», по которому Соединенные Штаты дали согласие на захват Кореи Японией взамен на обязательство последней не посягать на Филиппины. Тогда же начались переговоры о заключении нового союзного договора между Японией и Великобританией, который был подписан 25 августа 1905 г. Второй англо-японский договор, в частности, санкционировал протекторат Японии над Кореей, а Япония, в свою очередь, обязалась гарантировать границы Индии.

И «соглашение Тафт—Кацура», и второй англо-японский договор фактически обеспечили Японии благоприятное для нее решение по одному из важнейших вопросов, вынесенных на русско-японскую мирную конференцию, — корейскому — еще до начала переговоров. Это был несомненный успех японской дипломатии.

Первый этап переговоров

Мирные переговоры между Россией и Японией открылись в Портсмуте (штат Нью-Гемпшир) 9 августа 1905 г. Уполномоченными с русской стороны были С.Ю.Витте, крупный государственный деятель, находившийся с 1903 г. в опале и занимавший безвластный пост председателя комитета министров, и посол в США Р.Р. Розен; японскими уполномоченными были министр иностранных дел Комура Дзётаро и посланник в США Такахира Когорё.

С.Ю.Витте (справа) и Р.Р.Розен в Портсмуте

С.Ю.Витте показал себя умелым дипломатом. Чтобы добиться приемлемых условий мира, он разработал оригинальную тактику ведения переговоров, построенную на использовании объективных противоречий между Японией, США и Великобританией. Зная, что западные державы опасались, что Япония, заняв место России в Маньчжурии, начнет вытеснять их из Китая, Витте старался всячески подчеркнуть, что усиление Японии угрожает американским и британским интересам на Дальнем Востоке.

Параллельно Витте постарался расположить общественное мнение западных стран в пользу России. На протяжении всей войны американская и британская пресса изображала Россию агрессивной и милитаристской державой, а Японию — либеральной конституционной страной, защищающей свободу и независимость Китая и Кореи, что объяснялось прояпонской политикой этих стран. Чтобы переломить антирусские настроения, Витте стал активно работать с прессой.

В ходе конференции Витте охотно принимал корреспондентов, обстоятельно отвечал на их вопросы, открыто говорил о недостатках в русском управлении и о планах реформ. В первом же своем

выступлении по приезде в Америку он подчеркнул традиционные дружеские чувства русского народа к американскому, что вызвало много положительных откликов в американской печати. Но особенно благоприятное впечатление на общественное мнение и на прессу произвело предложение Витте о полной гласности ведения переговоров, которое он внес при открытии конференции: предложение, которое, как он правильно рассчитал, было отвергнуто японской стороной.

Понимая, что после поражения в войне Россия не могла претендовать на сохранение своего влияния в Корее и Китае, Витте постарался обратить демагогические заявления о ведении Японией «справедливой войны за свободу Китая и Кореи» в пользу России и, в свою очередь, стал при каждом удобном случае выступать в защиту независимости и суверенитета этих стран. На этом фоне японские требования территориальных присоединений (Корея, Ляодунский п-ов, Сахалин) и уплаты контрибуции вызывали негативную реакцию мирового общественного мнения.

Особенно активно эта тактика применялась русскими уполномоченными при обсуждении вопросов, непосредственно касавшихся судьбы Кореи, Маньчжурии и Ляодунского п-ова. С.Ю. Витте выступил за сохранение независимости Кореи, заявив, что государственный суверенитет является одним из основных принципов международного права. В ответ Комура Дзётаро сослался на соглашение, заключенное Японией с корейским королем, согласно которому внешние сношения Кореи ставились под контроль Японии. Тогда С.Ю. Витте предложил записать в протоколе конференции, что японские делегаты, несмотря на настояния русских уполномоченных, отказались признать суверенитет Кореи. После долгих пререканий было решено не упоминать в договоре о независимости Кореи, а сделать в протоколе оговорку, что те мероприятия, которые могут затрагивать ее суверенитет, будут приниматься по согласованию с корейским правительством.

В отношении уступки Японии прав на аренду Ляодунского п-ова русская делегация, в целом приняв японские требования, заявила, что это может быть сделано лишь по предварительному соглашению с Китаем «ввиду суверенных прав Китая на упомянутые территории». После долгих споров была одобрена русская редакция текста статьи, предусматривавшая получение согласия Китая на передачу Японии Ляодуна, а также русская поправка о том, что «права собственности русских подданных на вышеупомянутой территории будут вполне уважены». Таких же условий

(согласия Китая) Россия добилась и для передачи Японии части ЮМЖД.

Японские уполномоченные в Портсмуте Комура Дзётаро (справа) и Такахира Когоро

Наконец, несмотря на упорство японской стороны, русским уполномоченным удалось настоять на равных обязательствах Японии и России в отношении Северной Маньчжурии (вопрос о Южной Маньчжурии был выделен в особую статью). Оба государства обязались «совершенно и одновременно» вывести войска из Маньчжурии, за исключением Ляодунского п-ва, и возвратить «в исключительное управление Китая вполне и во всем объеме» все части Маньчжурии, занятые японскими или русскими войсками.

Наиболее острыми из рассматривавшихся на Портсмутской конференции были вопросы об уступке Японии Сахалина и о выплате Россией контрибуции. Разрешение первого из них в приемлемом для России духе крайне осложнялось, во-первых, японской оккупацией острова и, во-вторых, позицией хозяина конференции американского президента Т.Рузвельта, прилагавшего максимум усилий, чтобы японское требование было удовлетворено.

Делегации не смогли достичь соглашения по вопросу о Сахалине. После дискуссии о том, кому принадлежит приоритет в открытии и освоении острова, С.Ю.Витте поставил вопрос принципиально, заявив:

«Если рассматривать вопрос с точки зрения прочности мира, над установлением которого мы здесь работаем, то не подлежит сомнению, что владение Сахалином японцами будет угрожать миру больше, чем владение Россией. Русское самосознание никогда не примирится с тем, что территория, которой Россия владела много лет, от нее отнята».

В таком же непримиримом ключе развивалось и обсуждение вопроса о контрибуции. Японская сторона считала его даже более

важным, чем сахалинский, и ставила возможность смягчения своей позиции по Сахалину в зависимости от его разрешения на своих условиях.

Принципиальная позиция С.Ю.Витте по вопросу о контрибуции заключалась в том, что Россия «не побеждена», и потому не должна принимать условий, которые могут быть предъявлены только побежденным странам:

«Военные издержки уплачиваются только странами побежденными, а Россия не побеждена. Не может считать себя побежденною страна, территория которой почти не подвергалась нападению со стороны неприятеля... Только в том случае, если бы японские войска победоносно заняли внутренние области России, страна могла бы понять возбуждение вопроса о возмещении военных издержек».

Россия соглашалась только на возмещение расходов Японии, «послуживших не к ущербу, а к пользе подданных России», т.е. за содержание военнопленных, лечение больных и т.д. Япония на это не согласилась, и стороны вновь констатировали, что не могут прийти к соглашению.

Не было найдено компромисса и в отношении японского требования передаче Японии интернированных в нейтральных портах русских военных кораблей (по этому поводу Витте заявил, что «едва ли можно найти в практике международных отношений прецеденты, которые оправдали бы такую требовательность»), и об ограничении военно-морских сил России на Дальнем Востоке, которое русская делегация отмела как «несовместимое с достоинством России».

Казалось, что Портсмутская конференция зашла в тупик. Этому способствовала и жесткая позиция Николая II. Когда Витте направил в Петербург телеграмму, в которой предложил «ввиду бесконечной важности предмета» еще раз рассмотреть возможность уступок в отношении Сахалина, император начертал на ней:

«Сказано было — ни пяди земли, ни рубля уплаты военных издержек. На этом я буду стоять до конца».

Однако безрезультатность конференции не устраивала японскую делегацию. Хотя на деле С.Ю.Витте был склонен к компромиссу, он так ловко вел переговоры, что Комура Дзётаро стал всерьез опасаться, что русские действительно намерены уйти с конференции без подписания соглашения. Стремясь спасти конференцию от провала, 18 августа Комура выдвинул «компромиссное» предложение. Японская делегация выразила готовность от-

казаться от требований об ограничении русских военно-морских сил на Тихом океане и о выдаче Японии интернированных русских кораблей при условии, что вопрос о Сахалине будет решен следующим образом: северная часть острова, по 50° с.ш., останется за Россией, а южная отойдет к Японии. Но за «возвращение» северной части острова Россия должна будет уплатить 1200 млн. иен. Таким образом Япония получала и половину Сахалина, и контрибуцию, но в форме выплаты за «возвращение» северной части Сахалина.

Новое японское предложение не было предусмотрено инструкциями В.Н.Ламздорфа. Поэтому С.Ю.Витте оставил его без комментариев, заявив, что доложит о нем своему правительству. Но в своей телеграмме в Петербург с изложением новых японских условий он отметил, что с ними «нам не представляется возможным согласиться, так как это равносильно уплате военных расходов».

В тот же день, 18 августа, стороны пришли к соглашению о предоставлении японцам прав рыболовства в русских водах. Оно было принято в русской редакции, выражавшей согласие предоставить Японии право рыболовства только вдоль побережья Охотского, Японского и Берингова морей (японцы настаивали на распространении такого права еще и на «заливы, гавани, бухты и реки»). При этом оговаривалось, что за русскими и иностранцами сохраняются предоставленные им ранее права ведения рыболовного промысла.

Вскоре Витте получил новые инструкции из Петербурга. В них предписывалось «прекратить дальнейшие переговоры с японскими делегатами, если последние не будут уполномочены отказаться от тех чрезмерных притязаний, которые ими ныне предъявляются». При этом Витте предлагалось «дать понять Рузвельту, что Россия при иных, более благоприятных обстоятельствах была бы готова возобновить переговоры о мире с Японией».

Вмешательство

Т.Рузвельта

На этом этапе в ход русско-японских переговоров вмешались американцы. Президент США Т.Рузвельт, выступив в качестве посредника и пригласив русско-японскую мирную конференцию в свою страну, взял на себя определенную политическую ответственность за исход переговоров. Их провал означал бы серьезную неудачу его внешней политики. Поэтому Т.Рузвельт внимательно следил за ходом Портсмутской конференции.

18 августа американский президент получил от своего посла в Петербурге Мейера телеграмму, в которой сообщалось, что Ни-

колай II вновь подтвердил свое намерение не заключать мира, если Япония не снимет свои требования относительно контрибуции и уступки Сахалина. Рузвельт решил вмешаться, причем начал с оказания давления на Россию. Он пригласил к себе русского посла и одного из уполномоченных на переговорах Р.Р.Розена и предложил ему следующий проект: Япония снимает требования об ограничении русского флота и о передаче ей интернированных русских кораблей, а Россия уступает Японии Сахалин; что касается вопроса о контрибуции, то он будет передан на предварительное заключение третьей стороны, которая выступила бы в роли арбитра.

Предложение Т.Рузвельта, еще худшее, чем условия, выдвинутые Комура Дзётаро, было совершенно неприемлемо, однако президент горячо убеждал Р.Р.Розена согласиться с ним. Он утверждал, что японские войска все равно не уйдут с Сахалина, заявив в подтверждение своих слов: «Мы, американцы, тоже сидим в Панаме, и не уйдем». Пример неподходящий, — ответил ему Розен: Япония — не Америка, а Россия — не Колумбия.

Одновременно Т.Рузвельт попытался оказать давление непосредственно на русского императора. 23 августа Николай II принял Мейера, который вручил ему послание президента, в котором Рузвельт писал, что считает условия «компромисса», предложенные японской стороной, вполне приемлемыми, а мир, заключенный их основании, — «справедливым и почетным».

В начале беседы император решительно отвергал требования Японии, ссылаясь на свои публичные обещания не уступать территории и не платить контрибуции. Однако в конце концов он выразил намерение согласиться на раздел Сахалина без выплаты за это какой бы то ни было денежной компенсации, представив эту уступку «крайним пределом возможной со стороны России сговорчивости».

Такой ответ не удовлетворил Т.Рузвельта. Однако, беспокоясь за результат конференции и опасаясь поражения Японии в случае продолжения войны, он обратился с письмом теперь уже к японскому императору, чтобы побудить Японию отказаться от требования возмещения расходов на войну. Он писал, в частности, что «слышит со всех сторон недовольство, выражаемое друзьями Японии, в отношении возможности продолжения Японией войны ради большой контрибуции».

Здесь нашел отражение тезис, выдвинутый С.Ю.Витте, о том, что Япония, «очевидно, хочет во что бы то ни стало получить значительные деньги и потому склонна продолжать проливать кровь

Американская почтовая открытка, выпущенная во время Портсмутской конференции: Т. Рузвельт мирит японского и русского императоров. Подпись гласит: «Мы славно сражались, но теперь мы желаем мира»

Американская почтовая открытка, выпущенная во время Портсмутской конференции: Т. Рузвельт мирит японского и русского императоров. Подпись гласит: «Мы славно сражались, но теперь мы желаем мира»

лишь из-за денег». Это был ловкий ход. Мысль о том, что японское правительство готово воевать не ради каких-то возвышенных целей, а ради получения контрибуции, была подхвачена прессой и сильно повредила репутации Японии в глазах мирового общественного мнения.

Заключение мира

Получив телеграмму из Петербурга о запрещении дальнейших уступок, С.Ю.Витте решил, что заседание 26 августа, очевидно, будет последним. Перед началом этого заседания С.Ю.Витте и Р.Р.Розен информировали Комура Дзётаро о том, что не согласятся «ни на какую уплату, кроме уплаты за военнопленных», и предупредили японскую сторону, что они пришли на заседание, чтобы прервать переговоры. Комура попросил отложить заседание до 28 августа, поскольку он еще не получил окончательных инструкций. Затем японская делегация попросила еще об одном дне отсрочки.

Тем временем 27 августа в Токио было созвано совещание кабинета министров с участием *гэккё* и высшего военного командования страны, продолжавшееся до половины второго ночи. На следующий день оно было возобновлено в 8 час. утра, теперь уже в присутствии императора.

Японские военные были против продолжения войны: ресурсы страны были практически исчерпаны. Кроме того японские финансы находились в тяжелом состоянии, а получение новых иностранных займов было проблематичным. Поэтому совещание приняло окончательное решение о заключении мира без контрибуции. 29 августа перед началом заседания Комура Дзётаро сообщил С.Ю.Витте о согласии японского правительства с предложениями русской делегации. Таким образом, узловый спорный вопрос был разрешен, и мир достигнут.

Первой публичной реакцией С.Ю.Витте на решение японского правительства было восклицание, вырвавшееся у него в начале интервью, которое он дал корреспонденту «Ассошиэйтед пресс» сразу же после окончания утреннего заседания: «Мы не заплатили ни копейки». Витте действительно было чем гордиться — мир был заключен на условиях, предложенных русской стороной. Вместе с тем, сами эти условия сформировались в результате многочисленных уступок, сделанных Россией в ходе переговоров, самой существенной из которых был раздел Сахалина — вариант, который первоначально считался неприемлемым для России.

1 сентября 1905 г. между Японией и Россией было подписано перемирие, а 5 сентября состоялось официальное подписание Портсмутского договора. 14 октября он был одновременно ратифицирован обоими императорами. Русско-японская война завершилась.

Антиправительственные выступления в сентябре 1905 г.

Еще до начала войны в Японии была развернута разнузданная антирусская пропаганда. Она ставила своей целью мобилизовать все слои населе-

ния на достижение военной победы. Крича об «агрессивности России» и о защите Кореи и Китая от «русского порабощения», японские правящие круги стремились кроме того завуалировать собственные империалистические цели в войне, придать им в глазах собственного народа благородный и справедливый характер. Особую пропагандистскую активность проявляла специально созданная для этого организация под названием Антирусская лига (Тайро дōсикай).

По мере того, как тяготы и жертвы войны росли, одним из главных тезисов японской пропаганды стало утверждение, что победа в войне принесет неисчислимые блага Японии и оправдывает все трудности и лишения, понесенные ее народом. В результате ожидания грядущего величия и благоденствия широко распространились во всех слоях японского общества. Они подогревались смакованием в японской прессе совершенно нереалистических условий будущего мира с Россией (часть из них, впрочем, действительно вошла в японский проект мирного договора): контрибуции в 3 млрд. иен, присоединения к Японии Сахалина и Приморской области, передачи ей русских арендных прав в Маньчжурии, выдачи всех русских кораблей, находившихся в нейтральных портах, ограничения прав России иметь флот на Тихом океане и т.д.

Когда первые сведения о реальных условиях мирного договора достигли Японии, они вызвали там своего рода шок. О том, что Япония не может продолжать войну без риска потерять свои завоевания, знало только высшее руководство страны. Широкие массы постоянно слышали лишь сообщения о «великих победах» японских войск и при этом твердо усвоили, что для Японии «жизненно необходимы» Сахалин и русский Дальний Восток. Поэтому Портсмутский мир был воспринят значительной частью населения Японии как глупость или предательство. По иронии судьбы японским правящим кругам пришлось пожинать плоды собственной пропаганды.

Японские политики из числа крайних националистов постарались использовать недоумение и разочарование, охватившие японское общество, для того, чтобы усилить свои позиции. Антирусская лига была немедленно переименована в Лигу борьбы с мирным договором. Уже 3 сентября 1905 г. Лига собрала в Осака большой митинг, на котором была принята резолюция с требованием, чтобы правительство Кацура отказалось от мирного договора с Россией и продолжило войну. Такой же митинг Лига решила провести и в Токио.

Митинг был назначен на 5 сентября 1905 г. в парке Хибия, в центре города. С утра туда стал стекаться народ. Правительство, осведомленное о возбужденном настроении толпы, опасалось, как бы митинг не вышел за рамки, намеченные его устроителями. Поэтому приказом министра внутренних дел митинг был запрещен, и к парку было стянуто множество полицейских.

Несмотря на это, гигантская толпа (не менее 100 тыс. чел.) прорвалась в парк, и митинг все-таки состоялся, а затем его участники вступили в столкновение с полицией. Они осыпали полицейских градом камней, стали жечь полицейские будки и участки. Беспорядки быстро распространялись и вскоре охватили почти весь город. Возбужденные толпы атаковали министерство внутренних дел, где, по слухам, укрывались премьер-министр и начальник полиции. Были даже использованы тараны, с помощью которых пытались проломить стены министерства.

Беспорядки продолжились и на следующий день, 6 сентября. Тогда император издал указ о введении в столице и окрестностях чрезвычайного положения (впервые с 1868 г.). На помощь полиции были брошены войска императорской гвардии. Были произведены массовые аресты, и к 7 сентября волнения были подавлены.

В результате беспорядков в Токио были разрушены более 70% всех полицейских будок и 141 полицейский участок. Число убитых и раненых участников событий превысило 2 тыс. чел., из них около 1/4 — со стороны войск и полиции. Кроме полицейских учреждений объектами нападений стали иностранные миссии и христианские храмы. Дипломатические учреждения удалось защитить с помощью солдат, но 10 христианских церквей были полностью разрушены, а другим нанесен значительный ущерб.

Когда волнения в Токио удалось усмирить, беспорядки вспыхнули в других городах — 7 сентября 1905 г. в Осака, Нагоя, Кōбэ, а 12 сентября в Йокогама, где народ также вступал в столкновения с полицией, поджигал полицейские участки и т.д. В Кōбэ толпа сбросила в пьедестала статую Итō Хиробуми и проволокла ее через весь город. В Сасэбо была сделана попытка сжечь русских военнопленных в их бараках.

На первый взгляд, события в Токио и в других городах имели ярко выраженную националистическую окраску — люди требовали отказа от мирного договора с Россией, продолжения войны и т.п. Однако на деле беспорядки были формой проявления недовольства народных масс, уставших от войны и внезапно осознавших, что правительство им постоянно лгало, и что все их жертвы

были напрасны. Националистический митинг был лишь толчком, давшим волю этим горьким чувствам.

Это прекрасно сознавало и японское правительство. 2 сентября 1905 г. получивший сведения о возможных беспорядках премьер-министр Кацура Таро писал начальнику генерального штаба Ямагата Аритомо:

«Действия политиканствующих хулиганов (имелась в виду Лига борьбы с мирным договором.—Ред.) сами по себе не вызывают особого беспокойства. Однако дело в том, что они ... возбуждают людей низших классов, что ведет к переплетению политических и социальных проблем. В настоящее время буквально все, начиная от рикши и извозчиков и кончая мелкими торговцами, ведут разговоры об отсутствии средств к существованию».

Народные волнения способствовали оживлению деятельности парламентских партий. Впервые с начала войны они встали в оппозицию к правительству Кацура, обвиняя его одновременно в подавлении свободы слова, печати и т.д. и в неспособности справиться с беспорядками. При этом лидер партии Кэнсэйхонтё Окума Сигэнобу призвал к отставке кабинета.

8 сентября 1905 г. Кацура собрал в своей резиденции представителей обеих палат, объяснил им причины заключения мирного договора, сообщил о ходе подавления беспорядков и попросил о политическом сотрудничестве. В целом парламентские партии отнеслись с пониманием к действиям правительства и фактически одобрили Портсмутский мир. Только партия Кэнсэйхонтё продолжала требовать отставки кабинета, но не по внешне-, а по внутриполитическим соображениям. Как заявил Окума Сигэнобу:

«Беспомощность полиции, в результате которой был объявлен указ о введении чрезвычайного положения, отмена гарантированной конституцией свободы слова—это факты, неслыханные со времени основания конституционного правительства, и кабинет виновен в этом мрачном преступлении».

Кабинет Кацура на этот раз устоял. Хотя несколько министров, включая министра внутренних дел, подали прошения об отставке, ни одно из них не было удовлетворено императором, опасавшимся дальнейшей дестабилизации обстановки в стране из-за правительственного кризиса. В итоге в отставку ушел только начальник токийской полиции. Вместе с тем, политическая репутация Кацура оказалась в значительной мере подорванной, и через 3 месяца, когда отзвуки сентябрьских событий улеглись, его пер-

вый кабинет (один из самых стабильных в истории Японии) все же должен был сойти с политической сцены.

* * *

Русско-японская война занимает особое место как в истории Японии, так и в истории России. Для России она совпала с революционными событиями 1905 г., ознаменовавшими начало кризиса русской монархии, приведшего к ее падению и к гибели Российской империи. К тому же она как бы подвела черту под многовековой географической экспансией России — с этого момента она уже никогда не имела новых территориальных приобретений, в лучшем случае временно восстанавливая утраченное.

По-видимому, восприятие русско-японской войны как первого акта новой эпохи исторических потрясений привело к тому, что воспоминания о ней остались живы в народной памяти. Вряд ли кто-нибудь из русских будет отрицать, что для него война с Японией и такие ее символы, как крейсер «Варяг», Порт-Артур, сопки Маньчжурии и Цусима, гораздо сильнее эмоционально окрашены, чем события более близкой и несравненно более тяжелой для России первой мировой войны.

Для Японии победа в войне с Россией стала важнейшим этапом ее превращения в великую державу. Она привела к существенным изменениям в международных отношениях и надолго предопределила развитие международной обстановки на Дальнем Востоке. Япония приобрела статус одного из главных игроков на мировой арене и создала базу для своей дальнейшей империалистической экспансии. Не будет преувеличением сказать, что русско-японская война определила вектор японской внешней политики на последующие 40 лет, вплоть до поражения Японии во второй мировой войне.

Русско-японская война знаменательна еще с одной точки зрения. Увенчавший ее Портсмутский мир изменил линию границы между Россией и Японией, ранее установленную договорным путем. Это повлекло за собой цепь обоюдных территориальных претензий, не прервавшуюся и в наши дни: в этом же ряду находятся и территориальная проблема, осложняющая современные российско-японские отношения. Возникшая тогда неудовлетворенность существующей границей оказалась на удивление устойчивой. Пути ее устранения до сих пор неясны, поскольку любое решение может оказаться неокончательным. Поневоле вспоминаются слова С.Ю.Витте, сказанные им во время переговоров по сахалинскому вопросу в Портсмуте: присоединение чужой территории ведет не к миру, а к «продолжительной и неистребимой вражде».

РАЗДЕЛ II
ЯПОНИЯ В РОЛИ
ВЕЛИКОЙ ВОЕННОЙ ДЕРЖАВЫ

Часть 1

УТВЕРЖДЕНИЕ ЯПОНИИ В РОЛИ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ

Глава 1

ЯПОНИЯ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ МЭЙДЗИ (1905—1912)

После русско-японской войны 1904—1905 гг. в истории Японии открылась новая страница. Международный авторитет страны резко возрос, и фактически она была причислена к великим державам. В 1905—1908 гг. европейские государства, США и Россия возвели в ранг послов своих дипломатических представителей в Японии (до тех пор — посланников).

Другим свидетельством укрепления международных позиций Японии стал пересмотр ее торговых договоров с великими державами, которые сохраняли элемент неравноправности, поскольку ограничивали японский таможенный суверенитет. После русско-японской войны Япония стала устанавливать таможенные пошлины по своему усмотрению, а 10 июля 1910 г. (за год до истечения срока действия) Япония предупредила о том, что потребует пересмотра договоров. Первым 21 февраля 1911 г. был подписан новый, полностью равноправный договор Японии с США, за которым последовали договоры и с другими державами.

Плоды победы в русско-японской войне

В новом международном качестве Япония еще больше усилила свою колониальную экспансию, стремясь в полной мере воспользоваться плодами своей победы в русско-японской войне.

Аннексия Кореи По Портсмутскому мирному договору Россия была вынуждена предоставить Японии свободу действий в Корее. Великобритания и США согласились признать приоритет японских интересов там еще до Портсмута. Поэтому после русско-японской войны японцы приступили к поэтапному осуществлению полной аннексии Кореи.

17 ноября 1905 г. был подписан японо-корейский договор об установлении японского протектората над Кореей. При этом японцы применили необычную в дипломатической практике процедуру: командующий японскими войсками в Корее генерал Хасэ-

гава окружил королевский дворец в Сеуле, где проходили переговоры, своими солдатами и отказался выпускать членов корейского правительства из зала заседаний до тех пор, пока они не подпишут договор.

Текст договора был составлен Итô Хиробуми, возглавлявшим японскую делегацию. Он, в частности, гласил:

«Японское правительство через министерство иностранных дел в Токио будет впредь осуществлять контроль за внешними сношениями и делами Кореи и управлением ими. Дипломатическим и консульским представителям Японии будет поручена защита корейских подданных и интересов Кореи в иностранных государствах. ... Японское правительство обязуется наблюдать за выполнением договора, существующих ныне между Кореей и другими державами; корейское же правительство обязуется не заключать отныне никаких актов или обязательств, имеющих международный характер, иначе, как через посредство японского правительства».

В феврале 1906 г. японское правительство учредило в Сеуле должность генерального резидента (*тôкан*), который был уполномочен вмешиваться не только во внешние, но и во внутренние дела Кореи. В частности, в целях «охраны порядка и спокойствия в Корее» он мог отдавать распоряжения корейскому правительству о проведении тех или иных мер, а в случае необходимости применять военную силу (японские войска в Корее), чтобы обеспечить их выполнение. Генеральный резидент (им был назначен Итô Хиробуми) получил также право наказывать за нарушение изданных им приказов и распоряжений штрафами и заключением в тюрьму.

Бесцеремонные действия японцев вызвали тревогу у корейской правящей верхушки, которая стала опасаться за свою власть. В июне 1907 г. корейский император тайне от японцев послал своих представителей на международную конференцию в Гааге, чтобы попросить помощи в восстановлении независимости Кореи. Однако корейская делегация не была допущена на конференцию.

После этого японцы заставили императора Кореи отречься от престола в пользу сына и вынудили корейское правительство подписать 24 июля 1907 г. новый договор, еще более урезавший корейский суверенитет. Теперь японский генеральный резидент фактически стал полновластным правителем в стране. Корейское правительство должно было руководствоваться его инструкциями абсолютно во всех вопросах внутреннего управления, а также

было обязано по его рекомендации назначать японцев на государственные должности.

В августе 1907 г. японские власти приказали распустить корейскую армию, оставив лишь небольшой отряд личной охраны корейского императора. Однако корейская армия не подчинилась приказу о роспуске и подняла восстание. К военным присоединились тысячи патриотов-добровольцев. По всей стране началось антияпонское партизанское движение Ыйбён («Армия справедливости»). По официальным японским данным в 1907 г. в нем участвовало около 45 тыс., а в 1908 г. — около 70 тыс. корейцев. Японские власти зарегистрировали в 1907 г. 322 столкновения, а в 1908 г. — 1451 столкновение между своими войсками и корейскими отрядами.

После того, как восстание в Корее было в основном подавлено, Япония перешла к завершающему этапу полного подчинения этой страны своему господству. В апреле 1909 г. в Токио состоялось секретное совещание между премьером Кацура Тарō, генеральным резидентом в Корее Итō Хиробуми и министром иностранных дел Комура Дзётарō, на котором обсуждался план аннексии Кореи. Окончательное решение по этому вопросу было принято японским правительством 6 июля 1909 г.

В октябре 1909 г. Итō Хиробуми, который к тому времени оставил пост генерального резидента в Корее (его сменил Сонэ Арасукэ) и был назначен председателем тайного совета, отправился в Маньчжурию для переговоров с министром финансов России В.Н.Ковцовым. 26 октября они встретились в Харбине, но переговоры не состоялись: в тот же день Итō был убит молодым корейцем, отомстившим таким образом за унижение своей родины.

В июле 1910 г. вместо Сонэ генеральным резидентом был назначен военный министр Тэраути Масатакэ, который завершил процесс аннексии Кореи. 22 августа 1910 г. он добился от главы корейского правительства подписи под договором (опубликован 29 августа), согласно которому корейский король «полностью и на вечные времена» передал японскому императору свои суверенные

**Итō Хиробуми
с последним принцем
корейской королевской
династии**

права в Корее. Взамен за членами корейского королевского дома были сохранены их титулы, и им были назначены значительные пенсии.

Корея перестала существовать как независимая страна. Вместо нее возникла японская колония — генерал-губернаторство Тёсэн (*тёсэн сётокуфу*). Японцы проводили в Корее политику тотальной японизации: корейцы были лишены всех национальных, корейские дети должны были посещать японские школы, публичное использование корейского языка запрещалось. Одновременно из в Корею были направлены японские поселенцы. Аннексия Кореи стала важнейшим этапом японских колониальных завоеваний.

Экспансия Японии в Южной Маньчжурии

Помимо аннексии Кореи важнейшей целью внешней политики Японии после русско-японской войны стало усиление позиций в Южной Маньчжурии.

Портсмутский договор предусматривал согласие китайского правительства на передачу Японии в аренду Порт-Артура и Дальнего (Дайрена), а также железной дороги между Куаньчэнцзы и Порт-Артуром со всем принадлежащим ей имуществом. Для реализации этих пунктов договора в Пекин приехал японский министр иностранных дел Комура Дзётаро. 22 декабря 1905 г. там был подписан японо-китайский договор, подтверждавший признание Китаем Портсмутского договора, а также содержащий дополнительные статьи, расширявшие права Японии в Южной Маньчжурии.

В июне 1906 г. японцами была создана полугосударственная компания Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), которая стала собственницей дайренского порта, ряда рудников, шахт и промышленных предприятий, земельных и лесных угодий. Благодаря ее деятельности японский капитал занял господствующее положение в Южной Маньчжурии, главным внешнеторговым партнером которой теперь стала Япония.

Интересно, что сразу же после окончания русско-японской войны, в октябре 1905 г., американский железнодорожный магнат Э.Гарриман предложил создать синдикат для совместной с Японией эксплуатации ЮМЖД под японской юрисдикцией и даже подписал с премьером Кацура предварительное соглашение по этому вопросу. Однако из-за разногласий в японских правящих кругах эта сделка была вскоре аннулирована, и в ст. 2 императорского указа об учреждении акционерной компании ЮМЖД от 7 июня 1906 г. прямо указывалось:

«Акции компании распространяются по подписке, и ими могут владеть только японское и китайское правительства и подданные Японии и Китая».

Это стало отправной точкой обострения японо-американского соперничества, которое стало определяющим фактором развития внешнеполитических событий на Дальнем востоке в первой половине XX века.

Переход Южной Маньчжурии в сферу влияния Японии в результате русско-японской войны создал предпосылки для дальнейшей японской экспансии в Китае, причем не только экономическими средствами. Показательно, что после начала китайской революции 1911–1913 гг., свергнувшей династию Цин, в Японии обсуждалась возможность интервенции в Китае «в целях сохранения мира на Дальнем Востоке». Главными сторонниками немедленного военного вмешательства были Кацура Таро и Ямагата Аритомо. Однако правительство Сайондзи решило воздержаться от активных действий и проводить выжидательную, или, как ее окрестили в Японии, «негативную» политику.

Это решение отражало интересы влиятельных японских торгово-промышленных кругов, стремившихся к расширению торговли с Китаем, чему военные действия могли серьезно помешать. Таким образом уже тогда проявились различия в интересах тех группировок японского капитала, которые ориентировались на колониальный рынок и на государственные военные заказы, и тех, что успешно включились в систему свободной международной торговли. Первые поддерживали политику военных захватов, другие же были больше заинтересованы в сохранении стабильности в мире и в регионе. В дальнейшем, после первой мировой войны, эти различия заметно усилились, что сделало японскую внешнюю политику в первое послевоенное десятилетие весьма непоследовательной и противоречивой.

* * *

В 1913 г., когда у власти находился кабинет Ямамото Гоммёэ (Гомбэй) вопрос о военной интервенции в Китае вновь стал в повестку дня. Тогда во время столкновений в Нанкине пострадали трое японских подданных («нанкинский инцидент»), и сторонники вмешательства в гражданскую войну в Китае потребовали от правительства решительных действий.

Япония предъявила Китаю ультиматум, в котором требовала возмещения убытков, наказания виновных в «инциденте» (в том числе губернатора провинции) и принесения официальных изви-

нений. Когда он был отклонен, была устроена военная демонстрация, в ходе которой японские военные корабли прошли по реке Янцзы вплоть до Нанкина. Китайское правительство было вынуждено выполнить японские требования и дополнительно предоставило Японии концессии на постройку нескольких железных дорог в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии.

Отношения Японии с великими державами

В результате поражения России в русско-японской войне на Дальнем Востоке сложилось новое соотношение сил. Объективно возросла роль Японии и США, избавившихся от своего главного соперника. Вместе с тем Великобритания продолжала сохранять ключевые позиции в Китае и на Тихом океане, и возросшее международное влияние Японии во многом основывалось именно на англо-японском союзе.

Однако, несмотря на сокращение числа империалистических конкурентов, боровшихся за влияние на Тихом океане, какого-либо ослабления борьбы между ними не произошло. Она шла с прежней силой, только теперь в ее фокусе оказались противоречия не между Японией и Россией, а между Японией и США.

Усиление японо-американских противоречий

Усиление японской экспансии в Южной Маньчжурии и во всем Китае после русско-японской войны внесло большие изменения в японо-американские отношения.

Помогая Японии во время русско-японской войны, Великобритания и США стремились ее руками добиться ослабления России на Дальнем Востоке и таким образом укрепить свои империалистические позиции в Китае и в Маньчжурии. Предполагалось, что платой Японии за эту «услугу» станет Корея, поглотив которую, Япония ослабит противодействие США в Маньчжурии и Китае.

Однако после русско-японской войны Япония фактически вытеснила США и Великобританию с маньчжурского рынка и стала еще активнее конкурировать с ними во всем Китае. В результате Япония стала превращаться в главного соперника и конкурента США на Дальнем Востоке и Тихом океане.

Одновременно японо-американские отношения резко ухудшились в связи с дискриминационной политикой в отношении японских иммигрантов в США. В октябре 1906 г. власти штата Калифорния приняли постановление об исключении японских детей из общих школ и разрешили им учиться только в специальных школах для азиатов. В феврале 1907 г. американское правительство

запретило въезд в США японским эмигрантам с Гавайских о-вов, где японцы составляли около 40% населения, а в мае 1907 г. в Сан-Франциско произошел японский погром.

В результате к лету 1907 г. японо-американские отношения обострились настолько, что в обеих странах стали серьезно рассматривать возможность войны между ними. Однако в то время ни Япония, ни США еще не были готовы к вооруженному столкновению, и поэтому они пошли на временное урегулирование отношений.

В конце 1907–начале 1908 г. в результате японо-американских переговоров было заключено «джентльменское соглашение» об ограничении самой Японией эмиграции японских подданных в США. Кроме того в качестве шага доброй воли японское правительство официально пригласило посетить Японию военно-морскую эскадру США, совершавшую кругосветное плавание. Приглашение было принято, и 18 октября 1908 г. американские корабли вошли в порт Иокогама. Недельное пребывание американских моряков в Японии было обставлено как важнейшее общественное событие, а сами гости были, без преувеличения, потрясены радушием оказанного им приема.

30 ноября 1908 г. между американским государственным секретарем Э.Рутом и японским послом в США Такахира Когорô состоялся обмен нотами, получивший название «соглашение Рут–Такахира». В нем, в частности, говорилось, что политика обеих стран направлена на «защиту принципа равных возможностей для торговли и промышленности в Китае», и что они «питают твердое намерение уважать территориальные владения, принадлежащие каждой из них в названной области».

Таким образом, это соглашение содержало в себе взаимоисключающие положения, а именно согласие Японии с американской политикой «открытых дверей» в Китае и признание США принципа раздела Китая на сферы влияния, который отстаивала Япония. Неудивительно, что, хотя в обеих странах «соглашение Рут–Такахира» трактовалось как победа собственной дипломатии, оно не могло заложить основу долговременного урегулирования японо-американских противоречий.

В 1909 г. США предприняли новую попытку проникнуть в Маньчжурию. Государственный секретарь США Ф. Нокс под предлогом защиты принципа «открытых дверей» и обеспечения суверенитета Китая над Маньчжурией выдвинул план «интернационализации» ЮМЖД и КВЖД, согласно которому международный банковский консорциум с участием США, Великобрита-

нии, Франции и Германии должен был предоставить Китаю заем для выкупа обеих дорог, управление которыми затем было бы передано международному комитету. Однако план Нокса вызвал решительное противодействие Японии и России и в итоге остался нереализованным. Он лишь вновь обострил японо-американские отношения и подтолкнул Японию и Россию к сближению на антиамериканской основе.

Тенденции в англо-японских отношениях

Несмотря на сохранение англо-японского союза, после русско-японской войны стало намечаться охлаждение

и в японо-британских отношениях. В основе его лежали те же причины, что и в ухудшении отношений между Японией и США — обострение империалистического соперничества в Китае из-за усиления японской колониальной экспансии.

В отличие от США, Великобритания, как и Япония, поддерживала принцип раздела Китая на сферы влияния. Однако это не предотвратило развития японо-британского соперничества, поскольку каждая из сторон при малейшей возможности старалась посягнуть на «чужую территорию». Кроме того непрерывно росла японо-британская торговая конкуренция на китайском, а затем и на индийском и иных рынках.

Несмотря на это, в то время союз был еще нужен обеим сторонам. Япония надеялась на получение британской финансовой и моральной поддержки в случае столкновения с США, а Великобритания видела в союзе способ удержать Японию от переориентации на Германию, что в условиях все большего обострения англо-германских противоречий было для нее очень актуально. Поэтому 13 июля 1911 г. англо-японский договор был перезаключен в несколько измененной редакции: из него были исключены положения о британском признании японских интересов в Корее, которой к тому времени уже не существовало на политической карте, а также введена специальная статья, которая должна была отвести подозрения в антиамериканской направленности обновленного союза. Последнее было сделано по настоянию британской стороны, которая видела в Соединенных Штатах важного потенциального союзника в условиях, когда вероятность войны между Великобританией и Германией все более возрастала.

Вообще, перемены в политической интерпретации англо-японского союза отражали возросшую роль Японии в мире. Теперь его значение вышло далеко за региональные рамки и все больше связывалось с событиями в европейской политике. Потеряв после русско-японской войны свою прежнюю антирусскую направлен-

ность, англо-японский договор стал для Великобритании важным средством сколачивания антигерманского блока, который должен был объединить в себе прежних непримиримых противников.

Русско-японское сближение

В первое время после войны русско-японские отношения оставались враждебными.

Победа над Россией укрепила в японских правящих кругах позиции сторонников продолжения военной экспансии. Они (в частности, Ямагата Аритомо и Тэраути Масатакэ) требовали увеличения армии и флота, рассматривая это как необходимое условие для сохранения за Японией завоеванных международных позиций.

В декабре 1905 г. правительство Кацура Таро ушло в отставку, и новый кабинет возглавил Сайондзи Киммоти, что было воспринято как победа умеренных сил. Тем не менее японское правительство разработало и стало немедленно осуществлять 15-летнюю (1907–1921) программу перевооружения армии и флота, обосновывая ее «возможностью реванша» со стороны России. Вскоре Япония значительно увеличила численность армии, а ее военно-морские силы к 1909 г. выросли почти вдвое.

Такие действия Японин, естественно, вызвали беспокойство в России. В марте 1906 г. совет государственной обороны обсудил вопрос о военном положении на Дальнем Востоке и решил оборудовать базы в Забайкалье, Уссурийском крае и Сибири, а в декабре того же года он принял постановление «О приведении Приамурского военного округа в полную боевую готовность». В начале 1907 г. было решено создать Амурскую речную флотилию, укрепить Николаевск-на-Амуре и начать строительство стратегической Амурской железной дороги.

Вместе с тем, было понятно, что позиции России на Дальнем Востоке после поражения в войне были ослаблены, и в чисто военном отношении она была не в состоянии конкурировать с Японией без проведения очень основательной и дорогостоящей подготовки, которая потребовала бы от страны значительного напряжения сил. Перед Российской империей встала проблема определения приоритетов ее внешнеполитического курса.

В то время в центре мировой политики находилось противостояние Великобритании и Германии, каждая из которых старалась привлечь другие державы на свою сторону. Соответственно, в правящих кругах России образовались две группировки — прогерманская и проанглийская. Первая из них требовала заключения союза с Германией и Австро-Венгрией и продолжения борьбы против Великобритании на Среднем Востоке и Японии — на

Дальнем. Другая настаивала на укреплении западных границ ввиду германской угрозы и на достижении согласия с Великобританией и Японией, рассчитывая защитить интересы России в Азии невоенными средствами.

В итоге верх взяли сторонники проанглийской ориентации. Не последнюю роль в этом сыграло пришедшее в результате поражения в войне с Японией осознание того, что Россия не в состоянии вести активную политику одновременно на Дальнем Востоке, на Юге и на Западе. Вскоре русское правительство взяло курс на урегулирование отношений с Японией.

Положительный сдвиг в русско-японских отношениях наступил в 1907 г. 23 января министр иностранных дел России А.П.Извольский высказал японскому посланнику в Петербурге Мотоно Итирб «мысль о желательности общего соглашения между Россией и Японией, могущего прочно обеспечить мирное развитие взаимных отношений обеих держав». Мотоно выразил «готовность обсудить всякое конкретное предложение, которое будет ему сделано правительством по этому поводу».

Смягчение японской позиции произошло под воздействием со стороны Великобритании и Франции, заинтересованных в вовлечении России в антигерманский союз — Антанту. В качестве платы за это Россия потребовала от них содействия в обеспечении безопасности ее дальневосточных границ.

Чтобы добиться своих стратегических целей, правительства Великобритании и Франции решили оказать давление на Японию, используя ее финансовые затруднения после войны. Франция даже отказала Японии в предоставлении нового займа, пока не будет подписано русско-японское соглашение.

Другой причиной, подталкивавшей Японию к сближению с Россией, было обострение японо-американских отношений. Японские правящие круги понимали, что русский империализм временно выбыл из борьбы за господство на Дальнем Востоке, и пытались теперь использовать Россию в качестве противовеса экспансии США. Разумеется, Соединенные Штаты были не в восторге от такой перспективы, и американская дипломатия на этом этапе прилагала усилия, чтобы разжечь русско-японские противоречия.

Все же после длительных переговоров 30 июля 1907 г. в Петербурге была подписана русско-японская общеполитическая конвенция (так называемое соглашение Извольский—Мотоно). Соглашение состояло из двух частей — открытой и секретной. В первой декларировались принцип территориальной целостности

Китая и сохранение статус-кво на Дальнем Востоке. Секретная часть соглашения фиксировала раздел Маньчжурии на японскую (южную) и русскую (северную) сферы влияния. Кроме того, Россия признала особые права Японии в Корее, а Япония — специальные интересы России во Внешней Монголии.

Хотя конвенция подтверждала статьи Портсмутского договора, Японии удалось добиться уступок в вопросе о линиях разграничения сфер влияния в Маньчжурии, на которых ей не удалось настоять двумя годами ранее. На правительственном совещании, созванном 14 июня 1907 г. для обсуждения окончательного проекта соглашения с Японией, военный министр А.Ф.Редигер по этому поводу заявил, что «жертву эту следует признать совсем небольшой», если она поможет застраховаться от военной угрозы со стороны Японии. Совещание единодушно одобрило проект соглашения.

Почти одновременно были подписаны русско-японская рыболовная конвенция, которая предоставила японцам широкие права на промысел в русских водах (формально она просуществовала до 1928 г.), и торговый договор.

Русско-японские соглашения 1907 г. подверглись жесткой критике со стороны русской общественности за то, что при их заключении была проявлена «излишняя уступчивость». В Японии же по их поводу были организованы празднества. Но так или иначе обе державы добились на этом этапе своих целей: Россия уменьшила угрозу своим дальневосточным районам и развязала себе руки на западе, а Япония получила возможность разыгрывать «русскую карту» в своем противодействии американской экспансии.

В оставшиеся до начала мировой войны годы русско-японские отношения успели пройти еще через несколько фаз потепления и охлаждения. Активность американцев в Маньчжурии способствовала дальнейшему сближению между Японией и Россией. Так, инициатива государственного секретаря США Нокса об «интернационализации» маньчжурских железных дорог привела к тому, что 4 июля 1910 г. был заключен новый русско-японский договор о «дружественном содействии» улучшению железнодорожных линий и поддержании статус-кво в Маньчжурии. В секретной его части указывалось, что Япония и Россия могут предпринимать любые меры для защиты своих интересов в их сферах влияния и окажут друг другу поддержку в случае посягательства на них третьей стороны.

Вместе с тем, во время китайской революции 1911–1913 гг. произошло столкновение интересов Японии и России в связи с провозглашением независимости Внешней Монголии. Япония попыталась воспользоваться этим для пересмотра соглашения с Россией о разделе сфер влияния и потребовала признания ее «специальных интересов» в восточной части Внешней Монголии и во Внутренней Монголии, однако русское правительство отказалось это сделать.

В июне 1912 г. бывший премьер Кацура отправился в Европу с неофициальной миссией. Первым пунктом назначения его поездки был Петербург. Предполагалось, что он проведет там переговоры по вопросам раздела сфер влияния в Маньчжурии и Монголии. Однако в российской столице Кацура узнал о смерти императора Мэйдзи и срочно вернулся в Токио. Кстати, Россия не послала официальной делегации на похороны японского императора, что было признаком скверного состояния двусторонних отношений в тот период.

Все же 8 июля 1912 г. в Петербурге было заключено секретное русско-японское «соглашение Сазонов–Мотоно» (по именам подписавших его русского министра иностранных дел и японского посла) о разделе сфер влияния во Внутренней Монголии: в восточной ее части были признаны специальные интересы Японии, а в западной — России. Разделительная линия прошла по пекинскому меридиану, что соответствовало русскому предложению. Это свидетельствовало о том, что Россия к тому времени оправилась от поражения в русско-японской войне и стала проводить более активную и жесткую политику на Дальнем Востоке.

Однако, поскольку обстановка в Европе постепенно накалялась, страны Антанты, к числу которых теперь принадлежала и Россия, стремились сохранить баланс сил на Дальнем Востоке, что объективно стабилизировало русско-японские отношения.

Внутриполитическое положение

Имитация двухпартийной системы

В последние годы Мэйдзи в Японии установилась своего рода суррогатная «двухпартийная» система, когда правительства по очереди возглавляли Сайондзи Киммоти, пользовавшийся славой «либерала», и Кацура Таро, ставленник Ямагата Аритомо, известного своими милитаристскими взглядами.

Впрочем, и «либеральные», и «милитаристские» правительства проводили сходную политику модернизации и наращивания

японских вооруженных сил. Это объяснялось повышенным вниманием к ним как к инструменту государственной политики, закрепившимся в сознании японских правящих кругов в результате победы в русско-японской войне. Как сказал однажды Кацура Таро, только военная сила сделала Японию первостепенной державой, и этой установке следовали все японские государственные деятели.

Различие между двумя «партиями» заключалось в том, какие группировки в японских правящих кругах они представляли. Кацура, который так же, как и Ямагата, был выходцем из княжества Тёсю и профессиональным военным. Его правительства непосредственно проводили интересы военно-бюрократических кругов и связанных с ними производителей вооружения, зависевших от государственных заказов.

Что касается Сайондзи, то он происходил из придворной аристократии *кугэ*. В молодости он долгое время (1869–1880) жил во Франции, где стал свидетелем франко-прусской войны и Парижской коммуны. Несмотря на этот драматический опыт, он определенно тяготел к идеям западноевропейского либерализма (в отличие от германофила Кацура) и был приверженцем внедрения в Японии полноценной парламентской системы, хотя в практическом плане подходил к этому со свойственной ему осторожностью.

Сайондзи Киммоти

В 1903 г. Сайондзи возглавил партию Сэйюкай, сменив на посту ее председателя Итё Хиробуми. Сэйюкай была тесно связана с концернами «Мицуи» и «Сумитомо», также с «Фурукава» и «Ясуда» (один из лидеров партии Хара Такаси в 1906 г. вошел в совет директоров «Фурукава»). Таким образом, приход к власти кабинетов Сайондзи означал внедрение прямого представительства крупной буржуазии (со всем спектром ее экономических и политических интересов) в структуры исполнительной власти, а также некоторое усиление влияния парламента в политической жизни страны.

После того, как в декабре 1905 г. ушел в отставку руководивший страной с 1901 г. кабинет Кацура, возглавить правительство было поручено Сайондзи. 7 января 1906 г. он сформировал свой первый кабинет. В его состав были включены два представителя партии Сэйюкай, в том числе Хара Такаси, который занял пост министра внутренних дел. Министром иностранных дел был назначен Катō Такааки, зять Ивасаки Ятарō, главы концерна «Мицубиси», а министром финансов — Сакатани Ёсио, зять Сибусава Эйити, владельца крупнейшего в Японии банка «Дайити гинкō». Это было зримым выражением связей нового кабинета с крупным капиталом.

Следуя общей линии на укрепление японских вооруженных сил, правительство Сайондзи провело через парламент бюджет, предусматривавший создание трех новых дивизий в дополнение к имевшимся шестнадцати. Кроме того была начата разработка амбициозной программы увеличения военно-морского флота.

Это поставило под вопрос программу оздоровления государственных финансов, выдвинутую еще кабинетом Кацура после окончания войны. Тогда для того, чтобы уменьшить государственный долг, достигший 2400 млн. иен, правительство постановило выделять на его погашение более 100 млн. иен ежегодно. Несмотря на увеличение военных расходов, кабинет Сайондзи подтвердил это фактически невыполнимое решение и для его обеспечения провел в парламенте законопроект о сохранении высоких налогов военного времени.

В мае 1908 г. состоялись очередные выборы в парламент. Партия Сэйюкай получила на них 186 мест (из 379), Симпото — 75 мест. Однако победа Сэйюкай не укрепила позиций правительства. Японский парламент по-прежнему не мог оказывать определяющего влияния на определение политики страны. Это подтверждается той легкостью, с которой «партии» Ямагата-Кацура удалось добиться отставки кабинета Сайондзи.

Для того, чтобы спровоцировать правительственный кризис, было выдвинуто требование о выделении новых средств на стратегическое железнодорожное строительство. Из-за напряженного состояния государственных финансов, вызванного осуществлением военных программ и необходимостью выплачивать проценты по займам, министр финансов Сакатани отказался удовлетворить его и вышел в отставку, что повлекло за собой отставку всего кабинета в июле 1908 г.

Правительство вновь возглавил Кацура, который одновременно занял пост министра финансов. В новом кабинете не было

представителей парламентских партий, но по настоянию Ямагата Сайондзи обещал Кацура поддержку партии Сэйюкай. В оппозиции осталась партия Симпотё или, как она стала называться с марта 1910 г., Кокуминтё (Национальная партия).

В 1909 г. второй кабинет Кацура вновь постановил начать постепенное погашение государственного долга. Однако и на этот раз решение не было выполнено, главным образом, из-за высоких военных расходов. В 1910/11 фин. г. их доля в бюджете составила около 34%, что намного превышало долю военных ассигнований в других странах (в Германии — 20%, в России — 14%). Большие средства были выделены на постройку военных кораблей в рамках принятой в 1911 г. 6-летней (1911–1916) военно-морской программы.

Несмотря на обещания правительства не повышать налоги, рост военных расходов привел к увеличению налогового бремени. Непопулярность политики кабинета Кацура, усиление антивоенных и антиправительственных настроений привели к его отставке 30 августа 1911 г.

По решению *гэнрё* новый кабинет снова возглавил Сайондзи. Это было продиктовано тем, что он имел гораздо более прочные позиции в парламенте, чем Кацура, поскольку опирался на партию Сэйюкай, имевшую большинство. Предполагалось, что назначение премьером лидера ведущей парламентской партии разрядит политическую атмосферу.

В состав второго кабинета Сайондзи вошли 3 члена руководства Сэйюкай, в том числе Хара, который, как и прежде, занял пост министра внутренних дел. Министром финансов стал бывший президент Банка Японии Ямамото Тацуо, объявивший, что будет проводить политику жесткой экономии.

Действуя в русле этой политики, кабинет несколько сократил военные расходы. Это вызвало резкую критику со стороны партии Кокуминтё и сильное недовольство военных кругов. Ямагата и Кацура настаивали на выделении средств на формирование двух новых армейских дивизий, предназначенных для размещения в аннексированной Корее. Одновременно руководители военно-морского министерства требовали новых ассигнований для расширения флота в связи с обострением японо-американских отношений.

Отказ правительства одновременно удовлетворить требования соперничавших между собой представителей армии и флота привел к правительственному кризису. Военный министр Уэхара Юсаку в знак протеста против политики правительства подал в

отставку, а военные круги отказались выдвинуть нового кандидата на этот пост. Поскольку по закону его мог занять только генерал действительной службы, кабинет Сайондзи потерял возможность нормально функционировать и 3 декабря 1912 г. был вынужден уйти в отставку.

* * *

Несмотря на то, что в Японии происходила регулярная смена правительственных кабинетов, между которыми существовали определенные различия в формулировании целей национальной политики, сложившаяся система имела мало общего с какой-либо формой политической демократии.

Во-первых, правительства по-прежнему не были ответственны перед парламентом или каким-либо иным демократически избранным органом. Соответственно, все вопросы их смены решались негласно, кулуарно. В результате общественность просто ставилась перед фактом изменений в исполнительной власти.

Во-вторых, смена кабинетов определялась не сдвигами в соотношении политических сил, а личными договоренностями в чрезвычайно узком кругу высших государственных бюрократов, и отражала лишь те или иные подвижки в их среде.

В-третьих, японский парламент обладал весьма ограниченной представительностью из-за имущественных и иных ограничений избирательных прав. Поэтому даже опора правительства на парламентское большинство не подразумевала сколько-нибудь широкой общественной поддержки его политики. Японии предстояло пройти еще очень долгий путь до появления политической системы, которая могла бы называться демократической.

Радикальные тенденции в рабочем движении

Завершение русско-японской войны ознаменовалось известным оживлением рабочего движения. В конце

1905–1906 гг. произошли стачки горняков, судостроителей, трамвайщиков. Однако наивысшего подъема забастовочное движение достигло в 1907 г. При этом характерной особенностью забастовочной борьбы тех лет были многочисленные беспорядки и различные эксцессы.

Ярким примером такого рода были волнения, произошедшие в феврале 1907 г. на медных рудниках Асио, где рабочие потребовали улучшения условий труда, повышения денежной и отмены натуральной заработной платы, устранения надсмотрщиков. Когда администрация отвергла эти требования, рабочие устроили беспорядки, в ходе которых разгромили контору, сожгли служебные помещения, избили директора, выгнали с рудников полицию, захва-

тили склады с продовольствием. Похожие беспорядки произошли затем на медных рудниках Бэсси (о-в Сикоку), где забастовщики динамитом взорвали дома директора и надсмотрщиков, убили начальника полиции, подожгли контору. За ними последовала серия инцидентов с участием шахтеров на Хоккайдō, забастовки печатников в Токио и Осака, судостроителей в Нагасаки и т.д.

Росту насилия в ходе забастовок косвенно способствовала репрессивная политика властей. Закон 1900 г. о полицейских мерах по поддержанию общественного спокойствия, предусматривавший тюремное заключение за «подстрекательство» к забастовкам, фактически делал невозможной легальную организованную забастовочную борьбу. Это подталкивало рабочих к традиционным формам социального протеста в форме бунта со всеми вытекавшими из этого последствиями.

На этот раз властям удалось жесткими мерами подавить проявления социального недовольства. После того, как волнения в Асио и в других местах были подавлены при помощи войск, забастовочное движение фактически замерло на несколько лет. В 1908 году было официально зарегистрировано только 13 забастовок (800 участников), а в 1909 г. — 11 (300 участников).

* * *

Подъем рабочего движения после русско-японской войны подстегнул активность левых политических организаций. В феврале 1906 г. была создана Японская социалистическая партия (Нихон сякайтō). В ее программу был внесен пункт о «борьбе за социализм в рамках закона», что помогло новой партии избежать немедленного запрета, как это случилось с ее предшественницей в 1901 г.

Пропагандистом социалистических идей в тот период был ежемесячный журнал «Хикари» («Свет»), начавший издаваться в ноябре 1905 г. Одним из его активных сотрудников был Кōтоку Дэндзирō (Сюсуй). Вскоре за свои статьи он был арестован, а выйдя из тюрьмы, уехал в США.

В мае 1906 г. Кōтоку вернулся в Японию. К тому времени под влиянием организации «Индустриальные рабочие мира» (IWW), с деятельностью которой он познакомился в Соединенных Штатах, в его взглядах произошел сдвиг в сторону анархо-синдикализма. На страницах «Хикари» Кōтоку стал выступать за тактику «прямого действия», против парламентских методов борьбы, что привело к запрещению журнала. Однако взгляды Кōтоку завоевали заметную поддержку среди японских социалистов.

Кōтоку Дэндзирō

сты в 1908 г. основали в Токио газету «Сякай симбун», которую редактировал будущий основатель Коммунистической партии Японии Катаяма Сэн.

В июне 1910 г. Кōтоку и 25 его соратников (в том числе жена) были арестованы по обвинению в подготовке заговора с целью убийства императора. Расправа была жестокой: Кōтоку и еще 11 человек были приговорены к смертной казни и 24 января 1911 г. повешены; остальные получили различные сроки каторжных работ.

Катаяма Сэн и его сторонники продолжали свою деятельность, хотя периодически подвергались полицейским репрессиям. В августе 1911 г. вынуждена была закрыться их газета «Сякай симбун», потерпевшая финансовый крах из-за наложенных на нее штрафов. В январе 1912 г. Катаяма Сэн был арестован за организацию забастовки токийских трамвайщиков (в ней участвовало 6 тыс. чел.). После выхода из тюрьмы Катаяма жил под надзором полиции, а в августе 1914 г. эмигрировал в США.

* * *

Попытка японских левых возглавить рабочее движение не удалась. Однако само движение продолжало существовать. За упомянутой забастовкой токийских трамвайщиков последовали другие выступления. Весной 1912 г. состоялась массовая забастовка рабочих военно-морского арсенала в Курэ. Одновременно в Кōбэ, Ōсака, Иокогама и других портах Японии прошли забастовки моряков. В 1913 г. было зарегистрировано 47 забастовок с 5,2 тыс. участников, а в 1914 г. — 50 забастовок с 7,9 тыс. участников.

Наиболее дальновидные представители японского капитала понимали, что рабочее движение желательно ввести в легальные

рамки. В августе 1912 г. христианский социалист Судзуки Бундзи при материальной и моральной поддержке крупного финансиста Сибусава Эйити создал организацию под названием Юайкай (Общество братской любви), задачей которого была культурно-просветительная деятельность и организация взаимопомощи среди рабочих. В 1913 г., т. е. через год после создания, Юайкай насчитывало в своих рядах уже более 1300 членов, а в 1914 г. — около 6500 чел. Отделения Юайкай возникли во многих промышленных центрах Японии, и это общество стало как бы прообразом профсоюзного центра.

Особенности экономического развития

Хотя русско-японская война стоила Японии колоссального напряжения всех ресурсов, победа в войне существенно расширила поле для развития японского капитализма. После войны политическое влияние Японии в Корее, Маньчжурии и Китае заметно усилилось. Это открыло ей доступ к новым рынкам, новым источникам сырья и сферам приложения капитала, что в свою очередь дало сильный толчок развитию экономики и, прежде всего, промышленности. С 1906 г. в стране начался промышленный бум, и хотя мировой экономический кризис 1907–1908 гг. затронул и Японию (от кризиса пострадали главным образом экспортные производства легкой промышленности), бурное экономическое развитие продолжалось вплоть до начала первой мировой войны.

Состояние японских финансов

Русско-японская война стала тяжелейшим испытанием для японской экономики и, прежде всего, для ее финансов. К концу войны финансовая система Японии была напряжена до предела. Расходы на войну составили около 1500 млн. иен, и большая их часть была покрыта за счет заимствований за рубежом (причем на весьма невыгодных для Японии условиях). В результате всего лишь за три года (1903–1906) государственный долг вырос более, чем в 4 раза и достиг 2400 млн. иен.

После русско-японской войны Япония продолжала направлять огромные средства на военные приготовления, и это служило дополнительным стимулом развития промышленности, так как обеспечивало частные компании выгодными военными заказами, льготными кредитами и субсидиями. Перед первой мировой войной государственные расходы составляли уже около 600 млн. иен в год, при этом на военные нужды уходило более 1/3 этой суммы.

Однако, в отличие от предшествующего периода для покрытия государственных расходов выпуск займов практически не использовался. Размеры государственного долга, к концу русско-японской войны достигшего 2400 млн. иен, в последующие годы увеличились незначительно и накануне первой мировой войны составляли около 2560 млн. иен. Теперь расходы покрывались отчасти за счет доходов от эксплуатации колоний, но главным образом — за счет налогов. Этому способствовало, прежде всего, быстрое экономическое развитие страны, сопровождавшееся ростом национального дохода и расширением базы налогообложения. Но одновременно имело место и значительное усиление налогового бремени, лежавшего на плечах простых граждан, поскольку вновь введенные или повышенные в военные годы налоги по окончании войны не были ни отменены, ни понижены.

Сбалансированность бюджетных доходов и расходов позволила правительству поддерживать устойчивость денежного обращения, что выразилось, в частности, в стабилизации цен на основные виды товаров (в Токио, например, индекс оптовых цен за период 1906—1913 гг. увеличился лишь на 10 пунктов).

Развитие промышленности

Главной чертой экономического развития Японии после русско-японской войны безусловно был быстрый рост промышленности, сопровождавшийся существенным повышением уровня ее технической вооруженности.

Одним из важных показателей экономического прогресса любой страны является увеличение объемов производства и потребления электроэнергии. В Японии этот показатель был весьма впечатляющим: за 1907—1914 гг. производство электроэнергии возросло с 115000 кВт-час до 716000 кВт-час, т.е. более, чем в 6 раз. С целью максимального использования гористого рельефа Японии и обилия горных рек упор был сделан на строительство гидроэлектростанций. Доля гидроэнергии в энергетическом балансе страны поднялась за эти годы с 33% до 57%. Благодаря росту производства энергии во многих городах стали освещаться не только дома, учреждения, заводы и фабрики, но и улицы, а в наиболее крупных городах появились трамвайные линии.

Производство стали увеличилось за период 1906—1913 гг. в 3,7 раза и достигло 255 тыс. т, а производство чугуна — в 1,7 раза (до 243 тыс. т). Благодаря этому рывку перед первой мировой войной Япония уже могла удовлетворить за счет внутреннего производства свои потребности в чугуне и стали, соответственно, на 48% и 34%. При этом на частные компании приходилось лишь

34% выпуска чугуна и 15% выпуска стали, большая же часть производилась на государственных предприятиях.

Производство угля за 1905–1913 гг. увеличилось в 1,6 раза и достигло 22 млн. т, из которых более 3 млн. т шло на экспорт. Накануне войны в этой отрасли было занято около 170 тыс. чел. и насчитывалось около 100 предприятий, но основную часть добычи давали несколько крупных шахт.

Производство меди за 1900–1910 гг. возросло почти вдвое, при этом из 50 тыс. т, произведенных в 1910 г., около 35 тыс. т было экспортировано, и по этому показателю Япония вышла на второе место в мире. Почти 2/3 добычи и производства приходилось на 8 крупных шахт, принадлежавших четырем богатым семьям.

Быстро продолжало развиваться машиностроение и, прежде всего, важнейшая его подотрасль — судостроение. К 1913 г. в Японии насчитывалось уже 6 верфей, на которых можно было строить суда водоизмещением более 100 т. В 1913 г. на японских верфях было построено судов общей грузоподъемностью около 70 тыс. т, из них 20 тыс. т. пришлось на парусные суда, а 50 тыс. т — на суда с паровыми двигателями и двигателями внутреннего сгорания. Накануне войны в судостроении было занято 26 тыс. чел., а всего в машиностроительных производствах работало 86 тыс. чел.

В результате ускоренного развития ряда отраслей тяжелой промышленности произошли заметные сдвиги в отраслевой структуре производства: за 1905–1915 гг. доля тяжелой промышленности возросла с 28,5% до 33,8%, а доля легкой, напротив, снизилась с 71,5% до 66,4%. Но доля текстильной промышленности при этом возросла с 37,9% до 39,4%, и перед первой мировой войной она оставалась наиболее крупной отраслью японской индустрии. Достаточно сказать, что тогда в ней работало около 570 тыс. чел. или 60% общего числа занятых в промышленности.

Именно в текстильной промышленности наиболее выпукло проявились последствия быстрой модернизации экономики страны. С самого начала она стала отраслью, где сосуществовали два уклада — традиционная крестьянская экономика и капиталистическое производство. Отношения между ними были сложными и противоречивыми.

Для многих крестьянских семей возможность подработать на шелкопрядельной или хлопчатобумажной фабрике имела огромное значение, так как это позволяло им сводить концы с концами, вовремя уплачивать налоги и тем самым сохранять свои земель-

ные наделы. В этом смысле крестьянские семьи находились в сильной зависимости от хозяев крупных текстильных предприятий. Но зависимость эта не была односторонней.

Капиталистический сектор также зависел от крестьянской экономики и не только в плане поставок качественного сырья или обеспечения рабочей силой, но и в том смысле, что вся система производственных отношений на крупных предприятиях должна была строиться с учетом традиций и норм, по которым жило деревенское сообщество. Чтобы привлечь на фабрику крестьянских девушек, работодатели вынуждены были включать в условия контрактов (заключавшихся с их отцами или старшими братьями) некоторые специфические пункты. Как и в старой Японии, хозяин должен был обеспечить своих работников жильем и питанием, а иногда даже устраивать для них развлечения. Кроме того, предусматривалась выдача выходного пособия в случае увольнения работника, а также выплата 2 раза в год бонусов. Последнее правило было связано со старым обычаем, обязывавшим феодалов и хозяев лавок и мастерских дарить своим слугам и работникам подарки к Новому году и к Обон (дню поминовения усопших, отмечаемому 15 августа).

Разумеется, соблюдение этих правил на текстильных фабриках сочеталось с невероятно тяжелыми условиями труда. Рабочий день продолжался более 12 час., широко применялся детский труд, а оплата составляла около 6 сэн в день (в то время 1 сэн = 1 коп.).

Очевидно, что существовала прямая связь между условиями труда и быта промышленных рабочих и уровнем жизни в японских деревнях, и именно полунисенское существование многих крестьянских семей предопределяло тяжелое положение промышленных рабочих.

В целом же, несмотря на быстрый рост производства и повышение его технического уровня, к началу первой мировой войны текстильная промышленность Японии еще не успела превратиться в современную отрасль. Лишь о хлопкопрядении, где свыше 90% рабочих (около 100 тыс. чел.) работало на 73 фабрики с числом занятых от 500 чел., можно было говорить как о современном капиталистическом производстве.

Похожая картина наблюдалась и во всех других отраслях японской промышленности. В машиностроении, например, наряду с несколькими крупными предприятиями существовало множество мелких и мельчайших, которые по заказам крупных фирм производили для них различные детали.

Однако в целом к началу мировой войны степень концентрации производства в промышленности была существенно выше, чем несколькими годами ранее. Так, если в 1909 г. на крупные предприятия с численностью занятых от 500 чел. приходилось около 20% всех промышленных рабочих, то спустя 5 лет, в 1914 году, — уже более 25%, причем 17% из них трудились на крупнейших предприятиях с числом занятых от 1000 чел. Развитие государственного сектора также стимулировало процесс концентрации производства — на государственных предприятиях перед войной было занято более 100 тыс. чел. (около 10% всех промышленных рабочих). При этом в среднем на одно государственное предприятие приходилось около 1200 занятых, а на некоторых насчитывалось и по несколько тысяч работников.

Усиление японских монополий

В годы, последовавшие за русско-японской войной, на волне экономического подъема в промышленности, торговле, на транспорте было создано множество новых компаний, преимущественно акционерного типа. Так, в обрабатывающей промышленности за период 1905–1915 гг. число зарегистрированных компаний возросло с 2319 до 5299, в добывающей промышленности — со 130 до 190, в торговле — с 5630 до 9943, на транспорте — с 696 до 1225. Еще более важно то, что наряду с ростом числа компаний произошло и заметное их укрупнение. Так, например, в обрабатывающей промышленности средняя величина оплаченного капитала, приходившаяся на одну компанию, возросла в эти годы с 76,3 тыс. иен до 158,6 тыс. иен, а в добывающей промышленности — соответственно с 446,2 тыс. иен до 823,5 тыс. иен.

К началу мировой войны довольно далеко зашел уже и процесс централизации капитала. В 1913 г. на долю крупных компаний (с капиталом свыше 5 млн. иен), составлявших всего лишь 0,4% от общего числа компаний, приходилось около 40% оплаченного капитала всех акционерных обществ.

К тому времени уже вполне оформились и знаменитые японские *дзайбацу* — монополистические объединения типа концернов, в центре которых стояли холдинговые компании, контролировавшие множество дочерних, внучатых и просто зависимых компаний в различных отраслях хозяйства. Наиболее крупными *дзайбацу* были «Мицуй», «Мицубиси», «Сумитомо» и «Ясуда».

Однако вплоть до первой мировой войны основными сферами деятельности *дзайбацу* оставались кредитные и страховые операции, внешняя и внутренняя торговля, а также легкая промышленность (производство сахара, бумаги, хлопковой пряжи и т.д.). Что

же касается тяжелой промышленности, то в сферу их контроля к этому времени входили главным образом судостроение (находившееся в основном в руках группы «Мицубиси») и горнодобывающая промышленность, в которой наряду с «Мицуи» и «Мицубиси» действовали компании и других групп, прежде всего «Ясуда» и «Сумитомо».

Дальнейшее развитие получили и другие формы монополистических объединений — картель и синдикаты. К могущественному картелю «Бōсэки рэнгōкай», объединявшему крупных производителей хлопковой пряжи, добавились сахарный синдикат (1908 г.), цементный синдикат (1909 г.), картель по железнодорожному оборудованию (1909 г.), синдикат по продаже антрацита (1910 г.) и др.

Это свидетельствовало о том, что несмотря на относительную слабость японской индустрии, преобладание в ее структуре отраслей легкой промышленности и наличие множества мелких предприятий, в ней уже шли процессы, характерные для монополистической стадии развития капитализма.

Развитие транспорта Годы после русско-японской войны были отмечены также быстрым развитием железнодорожного и морского транспорта. Если в 1893 г. только 7% японского экспорта и 9% импорта перевозилось японскими судами, то в 1913 г. их доля во внешнеторговых перевозках поднялась до 52% и 47% соответственно.

Протяженность железных дорог за 1904–1914 гг. увеличилась в 1,5 раза и достигла 11400 км, а общий тоннаж морского флота — в 2,3 раза и превысил 1,5 млн. т. Однако, если морской транспорт находился в руках частного капитала, то на железнодорожном транспорте вскоре после русско-японской войны была проведена широкомасштабная национализация.

Учитывая исключительно важное военно-стратегическое значение железнодорожного транспорта, в 1906–1907 гг. правительство национализировало 17 частных компаний, в результате чего доля государственных железных дорог в их общей протяженности повысилась с 32% до 91%. При этом, чтобы не ущемить интересы частного капитала, государство выплатило этим компаниям огромную компенсацию — около 500 млн. иен.

В дальнейшем развитие железнодорожного транспорта осуществлялось главным образом за счет государственных средств. Вскоре после национализации была проведена техническая модернизация, в результате чего пропускная способность железнодорожной сети существенно возросла. С учреждением Южно-

Маньчжурской железнодорожной компании «Мантэцу» и национализацией железных дорог в Корее завершилось создание единой системы государственных железных дорог в метрополии и колониях, что имело значительный экономический эффект.

Положение в сельском хозяйстве

Несмотря на ощутимые результаты модернизации экономики, проявившиеся и в промышленности, и на транспорте и во многих других областях, в целом нака-

нуне первой мировой войны Япония все еще оставалась преимущественно аграрной страной. В 1913 г. в деревнях проживало 72% населения, и около 60% всех трудоспособных граждан были заняты в сельском хозяйстве (двадцатью годами ранее эти цифры составляли соответственно 84% и 75%).

Разумеется, определенный прогресс имел место и в сельском хозяйстве. Если в начале XX века, в 1900–1904 гг., среднегодовой урожай риса составлял 44,6 млн. *коку*, то в 1910–1914 гг. — 51,2 млн. *коку* или на 11,5% больше. Урожайность риса на 1 *тэ* за это время увеличилась с 15,6 *коку* до 17,1 *коку* или на 11,0%. Основной прирост урожайности был достигнут за счет создания более совершенных ирригационных систем, использования более качественных сортов семян, но главным образом — за счет расширения использования удобрений.

Правительство содействовало внедрению в сельское хозяйство новых культур и передовых методов производства: посылало экспертов за рубеж для изучения иностранного опыта, организовало сельскохозяйственные школы и колледжи, рассылало по стране инструкторов, обучавших крестьян новым методам работы и т.д. Но в целом к началу первой мировой войны никаких принципиальных изменений в технологии сельскохозяйственного производства не произошло. Сельскохозяйственные машины еще не появились, все операции по-прежнему производились вручную, и даже использование тягловых животных не получило большого распространения. Высокие налоги, арендная плата, съедавшая от 45% до 60% урожая риса, и очень высокий уровень процента по ссудам (до 20% в год), установленный помещиками и деревенскими ростовщиками, тормозили технический прогресс в деревне. Сдерживали его и крошечные размеры участков большинства крестьянских семей. В 1915 г. у 70% крестьян размеры участков не достигали 1 га.

Правда, хотя и медленно, но неуклонно шел процесс вымывания наиболее мелких крестьянских хозяйств (с наделами менее 0,5 га) и перехода их земли в руки богатых крестьян или помещи-

ков. За 7 лет (1908–1915 гг.) количество таких хозяйств сократилось на 27 тыс. (до 1989 тыс.), а их доля в общем числе хозяйств упала с 37,3% до 36,5%.

Продолжали расширяться и масштабы аренды. Накануне войны в аренду сдавалось уже около 45% всей пахотной земли, а к разряду арендаторов относился каждый третий крестьянин.

Уровень жизни большинства крестьянских семей был крайне низок, и даже относительно возросшие доходы от подсобных промыслов или работы на фабриках дела не меняли, так как значительная их часть шла на уплату налогов, аренды, процентов по ссудам. Конечно, часть крестьян смогла успешно использовать возможности, связанные с общим раскрепощением экономической жизни (например, заняться торговлей или расширить подсобные производства, продукция которых пользовалась спросом на мировом рынке). Но таких было немного, а уделом большинства был тяжкий труд от зари до зари и полунищенское существование.

Эксплуатация колоний

Хотя в годы перед первой мировой войной Япония лишь начала освоение своих колоний, направления их использования в интересах развития японской экономики уже были определены. Во-первых, колонии рассматривались как источник сырья и материалов, которыми сама метрополия не располагала, а также как поставщик некоторых видов сельскохозяйственной продукции для удовлетворения нужд быстро растущего населения страны. Во-вторых, они должны были стать стабильным рынком сбыта для японской продукции, в то время еще не обладавшей достаточной конкурентоспособностью, и тем самым не только способствовать развитию японской промышленности, но и помочь Японии решить проблему дефицита торгового баланса.

Для привлечения в колонии частных инвестиций использовалась целая система мер. Так, в первые годы колонизации правительство взяло на себя львиную долю расходов по созданию в колониях производственной инфраструктуры (развитию транспорта, связи, обустройству дорог и т.д.). В начальный период освоения Тайваня (1901–1905 гг.) и Кореи (1911–1915 гг.) на эти цели направлялось до 80% всех государственных инвестиций в эти страны.

Наряду с этим были созданы чрезвычайно благоприятные условия для инвестиций частных фирм (низкие налоги, гарантированные дивиденды, субсидии и т.д.). В целях снижения для частного капитала политического риска и гарантирования стабильной

прибыли использовалась и такая мера, как создание смешанных частно-государственных предприятий. В этот период крупнейшими из них стали Южно-Маньчжурская железнодорожная компания (1906 г.) и компания по добыче и переработке древесины в районе реки Ялуцзян (Китай, 1908 г.).

Всего за 1900—1915 гг. в форме долгосрочных инвестиций в тайваньскую экономику было вложено свыше 155 млн. иен, а в экономику Кореи за 1911—1915 гг. — 108 млн. иен; при этом доля государства была преобладающей и составляла соответственно 74,1% и 60,3% общих инвестиций. В Китае с 1900 г. по 1914 г. японские инвестиции увеличились с 2 млн. иен до 440 млн. иен, при этом капитал только Южно-Маньчжурской железнодорожной компании составлял более 200 млн. иен.

О резком усилении позиций Японии в колониях говорит тот факт, что накануне первой мировой войны доля Японии в экспорте Кореи составляла около 80%, а в импорте — более 60%; по Тайваню оба эти показателя находились на уровне около 60%. К этому времени Япония также заняла первое место во внешней торговле Китая, оттеснив Великобританию на второе место, а США — на третье.

Освоение колоний и быстрое экономическое развитие привели к значительному расширению объемов внешней торговли: с 1905 г. по 1913 г. экспорт увеличился в 2 раза, а импорт — в 1,5 раза (составив соответственно 632 млн. иен и 729 млн. иен). К началу войны основными товарами японского экспорта были шелк-сырец (30%), хлопковая пряжа, хлопчатобумажные и шелковые ткани (20%). Что же касается импорта, то около 1/3 его приходилось на хлопок-сырец (хлопковой пряжи и тканей при этом резко сократился). Другими важнейшими статьями импорта были машины и оборудование, а также чугун и сталь.

Глава 2

ОТ ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКИХ К «ПАРТИЙНЫМ»
КАБИНЕТАМ (1912–1918)

Отставка 3 декабря 1912 г. второго кабинета Сайондзи из-за обструкции со стороны военного министерства вызвала необычное возбуждение в стране. Японская общественность больше не хотела мириться с тем, что национальная политика делалась за ее спиной. В Токио и других крупных городах по инициативе парламентских партий состоялись многочисленные митинги. На первый план выдвинулось требование создания правительства, ответственного перед парламентом.

В широких кругах общественности росли враждебные настроения против *гэнрō* и военной верхушки, в частности против Ямагата, который, как считалось, фактически управлял страной. Общество больше не устраивала ситуация, когда, по выражению современника, люди, облеченные ответственностью, не имели власти, а люди, облеченные властью, не несли никакой ответственности.

Требования создания ответственного перед парламентом правительства, расширения избирательных прав, ликвидации негласного правления *гэнрō* стали особенно часто выдвигаться после смерти в 1912 г. императора Мэйдзи, чей непререкаемый авторитет освящал существовавшую политическую систему. Это ознаменовало собой наступление важного этапа становления гражданского общества в Японии, получившего название «демократия Тайсё».

«Демократия Тайсё»

После смерти императора Мэйдзи императорскую власть наследовал его сын Ёсихито, годы правления которого получили название Тайсё (1912–1926). В отличие от отца, он не принимал активного участия в политической жизни страны. Слабое здоровье (он страдал душевным недугом) было причиной того, что большую часть времени он проводил вне столицы на императорской вилле, а в 1921 г. передал власть сыну — наследному принцу Хирохито, ставшему регентом (*сэссё*) при отце. Тем не менее, именно годы Тайсё заняли особое место в истории Японии XX в., в формировании ее политической культуры, дав имя феномену, известному как «демократия Тайсё».

Правда, жизнь самого императора Тайсё была наполнена разнообразными нововведениями, затронувшими порядки в императорском дворце. После того, как в 1887 г. Ёсихито стал наследным принцем, традиционная система дворцового воспитания претерпела значительные изменения. За всю многовековую историю императорского дома он первым из наследных принцев получил открытое образование в Школе пэров (ныне университет Гакусюин), изучал «западные науки», равно как японскую и китайскую классическую литературу и историю, среди его учителей и воспитателей были англичане, французы и американцы.

Император Тайсё восхищался Вильгельмом II и стремился даже внешне походить на него

Реформирован был и строгий регламент жизни императорской семьи. С 1905 г. дети императора получили возможность жить вместе с отцом. В 1924 г. для императорского дома была принята форма моногамной семьи и отменен институт наложниц.

Но эти новшества были лишь незначительной частью разнообразных изменений, характеризовавших общую атмосферу того периода.

Перемены в японском обществе

Термин «демократия Тайсё», был введен японскими историками после второй мировой войны для обозначения политической ситуации, как бы промежуточной между мэйдзийским «абсолютизмом» и современной демократией. При этом речь шла о демократических тенденциях в рамках существовавшей политической системы, а не о каких-либо кардинальных ее реформах. Ее суть заключались в расширении участия различных социальных слоев в политической жизни, включении их в решение насущных общественных проблем, в стремлении к воплощению общественных идеалов, включавших в себя расширение избирательных прав, вплоть до введения всеобщего избирательного права для

мужчин, легализацию деятельности рабочих и крестьянских союзов, борьбу за повышение общественного статуса женщины. В этом смысле «демократия Тайсё» вполне точно отражала значение понятия «демократия», как оно понималось в то время.

Проявившиеся в годы Тайсё демократические тенденции коренились в глубоких изменениях, происходивших в японском обществе. Глубокие изменения в сфере образования, культуры, развитие новых средств массовой коммуникации, таких как радио и кино, расширили интеллектуальный и культурный горизонт японцев. Процесс модернизации, расширяясь и захватывая все новые сферы, вызывал сдвиги в общественном сознании. В результате наметилось нарастающее стремление широких слоев населения к участию в общественных движениях и в политической жизни.

Развитие процесса урбанизации, создание новых промышленных центров, рост индустрии и появление деловых кварталов в традиционной городской застройке — все это быстро меняло облик страны. Крупные города концентрировали значительную долю активного молодого поколения — управленческого персонала различных торговых и промышленных компаний, инженеров, техников, высококвалифицированных рабочих, а также многочисленных учителей, юристов, врачей, журналистов, писателей, художников и др. — интеллигенции, составлявшей творческую элиту общества. К 1925 г. в стране действовали 34 университета, 29 высших и 85 профессиональных школ. В течение периода Тайсё число средних школ для мальчиков увеличилось с 218 в 1900 г. до 491 в 1924 г., и для девочек — с 52 до 576.

Представители именно этих социальных слоев были создателями и активными участниками становления духовного потенциала страны в период ее вступления в ряды влиятельнейших мировых держав.

Развитие индивидуализма

Период «демократии Тайсё» характеризовался развитием широкого общественного движения, основывавшегося на совершенно новых для Японии ценностях. Речь шла о нетрадиционной постановка вопроса о взаимоотношении индивидуума и общества, о самоценности бытия человека, о почти закономерном противостоянии интересов личности и государства.

Вопрос об индивидууме как социальном явлении впервые был поднят под воздействием мэйдзайских преобразований. До этого в Японии основой общественной жизни было коллективное начало, и, как и в других традиционных обществах, человек был вписан в многовековую практику строго регламентированных отно-

шений. Главным в его характеристике была принадлежность к большой традиционной семье, не было даже специального слова для обозначения индивидуальности. Термин *кодзин* («индивидуум», «частный», «личный») появился в японских словарях лишь в конце XIX в. (1890 г.).

В период Тайсё проблема индивидуальности и общественной позиции личности затронула самые различные социальные слои. Возникали разнообразные по своему составу и программам организации и группы, среди которых можно было встретить как анархистские, так и крайне националистические. Однако характерным было то, что большинство из них отстаивало свои интересы, противопоставляя их политике государства. Это и было тогда самым важным: множество японцев почувствовало и осмыслило (хотя, подчас, довольно причудливым образом) свою личную ответственность за судьбу страны, превратившись, в результате, в граждан.

Начало формирования гражданского общества

В Японии проблемы человека в государстве, его правового положения впервые были выдвинуты в университетском, научном мире и

в дальнейшем активно в нем обсуждались.

Довольно быстро академические круги пришли к отказу от отождествления интересов индивидуума с интересами государства. Широкое распространение получила идея о том, что государство, как правило, не способствует раскрытию, воплощению заложенных природой в человеке способностей и талантов и препятствует самореализации личности. В связи с этим был поднят вопрос о расширении и утверждении правовых позиций человека в обществе.

Значительную известность получили работы профессора Токийского императорского университета Ёсино Сакудзё, посвященные анализу современной ему политической системы как социально-политического феномена. Сравнивая концепции суверенности императора и суверенности народа, он фактически высказался в пользу последней, оговорившись, впрочем, что рассуждает лишь в чисто теоретическом плане.

По его мнению, правительство должно было быть ответственным перед парламентом и исходить в своей деятельности из принципа *мимпонсюги*, т.е. руководствоваться в первую очередь благом народа. Соответственно, только народ через механизм выборов должен был давать оценку его политике. Ёсино Сакудзё выступал за максимально широкое применение принципа формирования органов власти на основе свободных выборов при одновре-

менном сокращении политического влияния невыборных структур.

Теоретические идеи Ёсино легли в основу широко распространенных политических представлений. В период Тайсё усиление позиций сформированного на основе демократического избирательного закона парламента воспринималось как важнейшая социально-политическая задача. Адекватное выражение интересов народа связывалось прежде всего с деятельностью политических партий, с активизацией нижней палаты парламента (*сёгунин*).

В качестве политического идеала выдвигалось создание правительства, сформированного партией, завоевавшей в конкурентной борьбе на выборах большинство мест в парламенте. Предполагалось, что такие кабинеты могли при поддержке *сёгунин* принимать самостоятельные решения даже вопреки позиции невыборных структур — государственных старейшин (*гэнрё*), палаты пэров (*кидзюкуин*), тайного совета (*сёмицзин*).

* * *

Созданию «народного», независимого от невыборных структур правительства мешал не только принцип формирования кабинетов, но и недостаточная представительность японского парламента. Из-за высокого имущественного ценза, ценза оседлости, возрастного ценза и многих других ограничений в 1913 г. избирательным правом обладали всего лишь 1,5 млн. чел., что составляло менее 3% населения Японии.

Практически борьба за расширение избирательного права началась с первого десятилетия существования японского парламента. Однако наибольшего накала оно достигло в 1919–1920 гг., при «партийном» правительстве Хара Такаси, несколько ослабившем ограничения свободы слова и печати. Тогда движение за всеобщее избирательное право стало важнейшей частью общедемократического подъема. Широкие дискуссии о необходимости демократических преобразований и социальных реформ стали одной из главных тем японской печати и многочисленных собраний и митингов.

Характерной приметой годов Тайсё, особенно первого десятилетия, стали массовые демонстрации, нередко перераставшие в беспорядки. Постепенно спектр требований общественности захватывал все новые сферы — предоставление трудящимся права на забастовки и создание своих организаций, принятие демократических законов о труде и т. д. Изменение в 1919 г. избирательного закона, почти вдвое увеличившее число избирателей, а затем и принятие парламентом в 1925 г. закона о всеобщих выборах,

отменившего имущественный ценз и поднявшего численность электората до 12,5 млн. чел., во многом произошли под давлением общественного демократического движения.

* * *

Эпоха «демократии Тайсё» стала очень важной ступенью в развитии процесса модернизации страны, начатого событиями реставрации Мэйдзи. Она была необходимым этапом в восприятии японским обществом идей политической демократии, прежде незнакомых ему, не выстраданных, не апробированных предшествующим опытом его исторического развития.

В годы Мэйдзи успех модернизации в значительной мере основывался на энергии и настойчивости небольшой группы реформаторов, внутри которой и циркулировали западные идеи. Особенностью годов Тайсё стало их проникновение в широкие массы, что привело к становлению в Японии типа социально-ответственной и социально-активной личности. Период Тайсё стал в японской истории временем, когда привнесенное извне проходило трудный путь широкой и конкретной апробации на японской почве. Демонстрации, беспорядки, социальные потрясения были высокой ценой адаптации идей демократии и индивидуализма, пока они сделались необходимой и органичной частью духовной и политической жизни нации.

По существу, успехи политической демократизации после второй мировой войны во многом были определены социально-политическим и социально-психологическим опытом, приобретенным страной как в послемэйдзийских преобразованиях, так и в годы «демократии Тайсё», когда формировалась новая японская политическая культура и массовые демократические движения. В этом смысле «демократия Тайсё» стала своеобразным мостом между духовными ценностями и социальной практикой мэйдзийского времени и современным японским обществом, основанном на демократических принципах.

Внутренняя политика накануне и во время мировой войны

Уход Кацура с политической сцены

Начало эры Тайсё после смерти императора Мэйдзи в 1912 г. было ознаменовано ростом напряженности и недовольства во всех слоях общества. Все же, несмотря на общественные протесты, военно-бюрократические круги добились того, что формирование правительства было в третий раз поручено Кацура.

Однако к тому времени обстановка в стране претерпела значительные изменения. На этот раз резкое недовольство насильственной отставкой Сайондзи выразили буржуазные круги. Рамки мэйдзийской политической системы становились все более тесными для крупного капитала. Государственный протекционизм укрепил экономические позиции японской буржуазии, и теперь она добивалась адекватной роли в формировании государственной политики. Сказались и прочные связи Сайондзи с представителями крупного капитала. Как лидер Сэйюкай он был тесно связан с концерном «Мицуи», а кроме того имел родственные связи с концерном «Сумитомо», глава которого был его родным братом.

Требования перехода к практике «партийных кабинетов», всеобщего избирательного права, открытые протесты против всевластия *гэнрō*, диктовавших состав правительств, и «кланового засилья» (т. е. фактической монополии выходцев из бывших княжеств Тёсю и Сацума на определенные государственные посты) вышли на страницы японской печати.

Приход к власти третьего кабинета Кацура (снова по рекомендации *гэнрō*) вызвал открытое противостояние правительству со стороны политических партий, прежде всего, Сэйюкай. Парламентская сессия, на которой депутаты резко выступали против Кацура как ставленника *гэнрō* Ямагата и военно-бюрократических кругов, прерывалась правительством несколько раз. В Токио, в здании театра Кабуки, 19 декабря 1912 г. состоялся большой митинг, организованный совместно партиями Сэйюкай и Кокуминтō. Выступавшие резко протестовали против назначения Кацура премьером, против всевластия *гэнрō*.

Несмотря на протесты, Кацура сформировал новое правительство без участия представителей парламентских партий. Чтобы снизить накал страстей в парламенте и ослабить оппозицию, Кацура создал свою партию Дōсикай, куда различными посулами переманил около 100 депутатов, в том числе многих членов Коку-

Ямагата Аритомо. 1916 г.

минто, находившейся в блоке с Сэйюкай. Однако создать правительство большинство ему не удалось.

Маневры Кацура не остались без ответа. Оппозиция (партия Сэйюкай и оставшаяся часть Кокуминтё) подготовила проект резолюции недоверия правительству, подписанный 234 депутатами. Тогда Кацура добился от императора указания о том, чтобы Сайондзи как лидер Сэйюкай потребовал от партии взять обратно проект резолюции недоверия правительству. Сайондзи был вынужден подчиниться воле императора. Однако возбуждение было столь велико, что депутаты ослушались своего лидера и отказались отозвать проект резолюции. В результате Сайондзи ушел с поста председателя партии, а его место занял Хара Такаси.

По инициативе представителей парламентских партий в разных городах Японии прошли многочисленные митинги. 10 февраля произошли кровавые столкновения у стен парламента. Толпа избивала выходивших из здания депутатов-сторонников Кацура. Демократы громили помещения редакций проправительственных газет и полицейские участки, опрокидывали трамвайные вагоны. Имелись убитые и раненые, сотни людей были арестованы. Одновременно массовые беспорядки произошли в Осака, Кōбэ, Хирокима, Киото, Нагасаки и других городах. 20 февраля правительство Кацура было вынуждено уйти в отставку.

Японская пресса писала тогда, что «народ сверг правительство Кацура». Собственно, так оно и было. Вскоре Кацура, государственная карьера которого закончилась столь бесславно, скоропостижно скончался.

Кабинет адмирала Ямамото

Казалось бы, события в стране дали ясную картину отношения общества к практике формирования военно-бюрократических правительств. Тем не менее, *гэнрō* снова выдвинули на пост премьер-министра представителя военной бюрократии (на этот раз из военно-морских кругов) адмирала Ямамото Гоннохэя (Гомбэй), ранее неоднократно занимавшего пост военно-морского министра.

Партия Сэйюкай, занимавшая большинство мест в парламенте, потребовала своего участия в правительстве. Ее лидеры даже предложили Ямамото вступить в нее и таким образом возглавить парламентское большинство. После переговоров глава Сэйюкай Хара Такаси уже по традиции занял пост министра внутренних дел, а один из лидеров партии Такахаси Корэкиё — пост министра финансов.

Правительство Ямамото, сразу же ассигновавшее крупные суммы на расширение военно-морского флота, продолжило солер-

ничество с армейскими структурами, по-прежнему требовавшими создания двух новых дивизий. Непрерывная борьба военного и военно-морского министерств за бюджетные деньги стала главной чертой парламентской деятельности.

Вступление руководства Сэйбикай в военно-бюрократический кабинет вызвало в партии раскол: из нее вышло несколько десятков депутатов во главе с Одзакэ Юкио, создавших новую парламентскую группу — Тёсэйкай, которая примкнула к оппозиционной партии Дёсикай. В результате оппозиционный парламентский блок партий Дёсикай и Кокуминтё, которые возглавляли, соответственно, Катё Такааки и Инукаи Цуёси, заметно усилился.

Поэтому положение правительства, несмотря на поддержку Сэйбикай, остававшейся самой крупной группировкой в парламенте, нельзя было назвать прочным. При обсуждении на очередной парламентской сессии правительственного проекта государственного бюджета последний был принят большинством всего в 5 голосов (186 против 181).

Финансовая политика правительства Ямамото, значительно увеличившая налоговое бремя, была крайне непопулярна. Оппозиция требовала снижения налогов и уменьшения ассигнований на вооружение, а также настаивала на отмене закона о назначении военного и военно-морского министров исключительно из числа генералов и адмиралов на действительной военной службе; выполнения последнего, исключительно важного требования оппозиции удалось добиться: закон был отменен. Это заметно ослабило возможности военных непосредственно воздействовать на политику правительства.

В начале 1914 г. в прессу проникли сведения о коррупции в высшем эшелоне военно-морского флота: японские адмиралы получили крупные взятки от германской фирмы «Сименс-Шукерт» за предоставление ей выгодных заказов. Это стало поводом для нового взрыва народного возмущения, прокатившегося по всей Японии. Снова вся центральная часть о-ва Хонсю (столичный район, Осака, Кобе, Нагоя, другие крупные города) были охвачены мощными антиправительственными выступлениями, вышедшими далеко за рамки цивилизованных форм — протестующие громили и поджигали правительственные учреждения, полицейские участки и т.д. На улицах возникали баррикады. В Токио народ окружил здание парламента, и министры были вынуждены выбираться оттуда по тайным ходам. Депутаты Сэйбикай, поддерживавшие правительство Ямамото, подвергались оскорблениям. Правитель-

ство Ямамото подавило беспорядки военной силой, но все же вынуждено было в марте 1914 г. уйти в отставку.

В этих событиях был важен не столько невиданный размах движения протеста, сколько то, что нация определенно осознала свое право добиваться изменения системы правления, при которой невыборные структуры (*гэккё*, тайный совет, палата пэров, военная — флотская и армейская — бюрократия) подчинялись своему жесткому диктату всю страну. И дважды подряд народные выступления, хотя бы частично, добивались своей цели.

Маневры правительства Окума

После отставки кабинета Ямамото пост премьера занял фактический лидер оппозиции Окума Сигэнобу, связанный с партией Дёсикай. Окума, ветеран японской политики, еще в 1882 г. создал партию Кайсинтё. В конце XIX в. он неоднократно занимал министерские посты в военно-бюрократических правительствах, когда, после серии успешных агрессивных акций (захвата о-вов Рёккё, насильственного «открытия» Кореи, японо-китайской войны) либерально-буржуазная оппозиция пошла на соглашение с военными кругами и бюрократией.

Выдвижение Окума на пост премьера было очередным маневром *гэккё* и высшей государственной бюрократии. Принадлежавший к отесненному от правительственных постов клану выходцев из княжества Хидзэн, Окума в течение всей своей карьеры занимал позицию активного борца с «клановыми» кабинетами. Его популярность опиралась на славу «либерала», поборника конституционных начал в политической практике, приверженца создания правительств на парламентской партийной основе. Поэтому его назначение, так же как ранее назначения Сайондзи, должно было, по мысли правящих кругов, успокоить взбудораженное общественное мнение.

В сформированном Окума 16 апреля 1914 г. кабинете министром иностранных дел стал лидер Дёсикай Катё Такааки, а министром финансов — видный член этой партии Вакацуки Рэйдзирё. В парламенте правительство Окума опиралось на партии Дёсикай, Кокуминтё и группу Одзаки (Тёсэйкай), находившиеся прежде в оппозиции.

Деятельность кабинета Окума подтвердила, что расчет сил, приведших его к власти, был весьма точен. Он выполнил самое важное условие военных — о создании двух новых дивизий — и легко шел навстречу их новым требованиям после начала в августе 1914 г. первой мировой войны.

Вместе с тем, правительство Окума, пришедшее к власти на гребне общественного недовольства политикой военно-бюрократических кабинетов, недолго смогло сохранять кредит народного доверия. Вступление Японии в мировую войну, немедленное увеличение ассигнований на ведение военных операций, жесточайшая цензура, распространявшаяся на освещение любых аспектов внешнеполитической деятельности государства — все это не могло не вызвать негативную реакцию в японском обществе.

Непростая ситуация сложилась для кабинета и в парламенте. С острой критикой китайской политики правительства выступила самая представительная парламентская партия Сэйбикай, требовавшая раскрыть обстоятельства вступления Японии в войну. Этот запрос был сделан в связи с правительственным предложением о принятии новой программы военных расходов, что повлекло за собой скандал в парламенте, а впоследствии и его роспуск 25 декабря 1915 г..

Впрочем, Сэйбикай и поддерживавшая ее Кокуминтō не представляли собой истинную оппозицию правительственному курсу и не были реальными проводниками антимилиитаристских настроений в японском обществе. Их выступления были не более, чем политическими играми, проявлением борьбы политических партий за власть.

Будучи напрямую связанными с военно-бюрократическими кругами, обе партии демагогическими приемами прикрывали свои подлинные планы и интересы. Так, лидер Сэйбикай Хара вместе с Инукаи (главой Кокуминтō) отказались поддержать ассигнования на две новые дивизии, что фактически вызвало развитие парламентского кризиса. Но одновременно они же обвинили правительство в недостаточно твердой позиции по китайскому вопросу в отношении союзной Великобритании, что, по существу, было требованием активизации и расширения агрессивных внешнеполитических действий Японии.

Несмотря на огромные усилия премьера Окума любой ценой, вплоть до попыток подкупить депутатов, провести законопроект об увеличении армии, он был отвергнут уже на первом этапе слушаний в парламенте.

На весенней сессии (май 1915 г.) парламентская оппозиция внесла вотум недоверия правительству Окума в связи с его внешней политикой, прежде всего в области японо-китайских отношений. Рост антияпонских настроений в Шаньдуне и развернувшийся там бойкот японских товаров, со временем охвативший и соседние провинции, рассматривались депутатами как прямое след-

ствие недалновидной политики кабинета. Хотя резолюция с выражением недоверия не была принята, правительство оказалось в неустойчивой ситуации, еще более осложнившейся несколько месяцев спустя.

В июне 1915 г. Ёкума удалось выполнить обещания, данные военным — был утвержден дополнительный бюджет с выделением средств на создание новых дивизий, в результате чего состав японской регулярной армии должен был увеличиться до 21 дивизии (примерно до 250 тыс. чел.). Но почти сразу же разразился скандал в связи с арестом нескольких депутатов, обвиненных в получении взяток при прохождении законопроекта о новых дивизиях.

Кабинет Ёкума оказался на грани скандального ухода, избежать которого удалось, лишь отправив в отставку в августе 1915 года трех министров, среди них — министра иностранных дел Като Такааки и министра внутренних дел Ёура Канэтакэ.

Удержавшись неимоверными усилиями на поверхности, Ёкума активизировал деятельность своего кабинета, прежде всего, во внешнеполитической сфере, где он рассчитывал найти средства для разрешения множества внутренних проблем путем организации экономической эксплуатации Китая. Такой курс выглядел привлекательно и для японского монополистического капитала, и для широких кругов буржуазии города и деревни, и для военных. Поэтому кабинет, несмотря на сокрушительную критику в стране и парламенте, оставался у власти вплоть до осени 1916 г.

Кабинет Тэраути Несмотря на несомненные дипломатические успехи и ловкость в парламентской борьбе, Ёкума как политик подвергался острой критике в самых разных кругах правящего класса. С одной стороны, недовольство выражали торгово-промышленные круги, которые в краткосрочной перспективе несли большой урон от сокращения товарообмена с Китаем, вызванного бойкотом там японских товаров. С другой стороны, военным казалось недостаточным развитие японской экспансии в Китае. При этом явное усиление в стране позиций военных кругов после вступления Японии в первую мировую войну давало им надежды вновь открыто прийти к власти.

Эти надежды помог реализовать гэнрō Ямагата Аритомо, открыто пренебрегший рекомендацией Ёкума, который, уходя в отставку в октябре 1916 г., представил в качестве кандидата на пост премьера Като Такааки. При поддержке Ямагата премьером стал выходец из клана Тёсё маршал Тэраути Масатакэ.

Основой деятельности нового кабинета стало всемерное расширение военной экспансии в Китае. Социально-политическая обстановка в этой стране и, прежде всего, усиление междоусобной борьбы в провинциях, создавали благоприятную обстановку для реализации планов японских военных.

На этом пути правительство Тэраути достигло определенных внешнеполитических успехов. Однако во внутренней политике пребывание у власти этого кабинета было отмечено самыми крупными беспорядками, случившимися в Японии в XX веке. Едва не переросшие в общенародное восстание, они получили название «рисовых бунтов».

«Рисовые бунты» В 1917 г. в Японии случился неурожай риса. В городах, население которых сильно увеличилось за годы войны, начал ощущаться недостаток продовольствия. Предвидя резкое повышение цен, спекулянты начали активно скупать рис. Положение усугубилось тем, что одновременно правительство Тэраути ввело пошлины на его импорт.

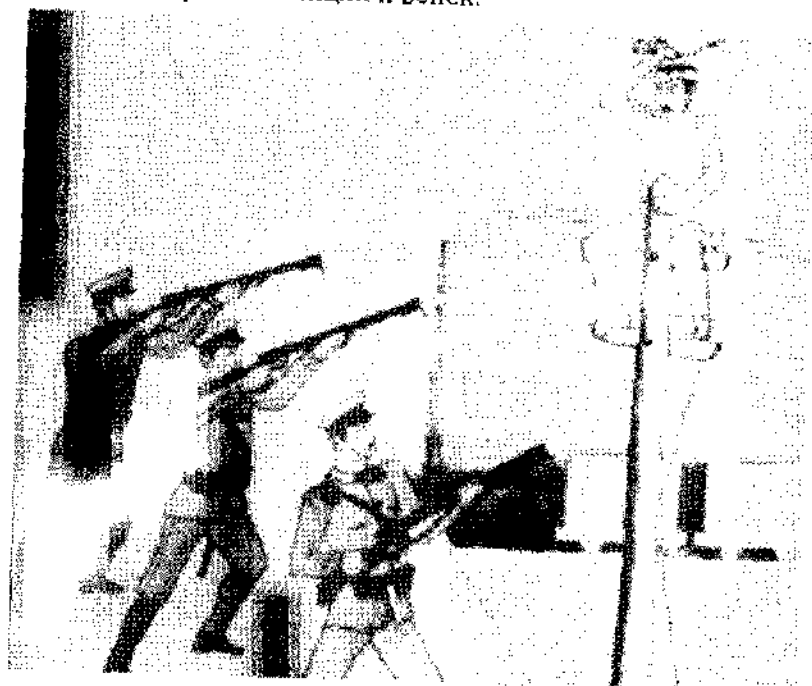
В результате цены на рис стали быстро расти. Перед войной 1 сё (1,5 кг) очищенного риса стоил 15 сэн, в июле 1918 г. — 30–40 сэн, в августе — 50 сэн, а кое-где даже 60 сэн. Такое повышение цен послужило толчком к социальному взрыву среди городской и, частично, сельской бедноты, вынужденной влачить полуголодное существование из-за крайней дороговизны. В августе 1918 г. в Японии вспыхнули «рисовые бунты».

Как это часто бывает, беспорядки начались с ничтожного инцидента. 3 августа в рыбацком поселке Нисимидзухаси в префектуре Тояма жены и дочери рыбаков, находившихся в то время на промысле, собравшись, потребовали от местных властей и от торговцев продавать рис только местным жителям и по пониженной цене. Затем между прибывшей полицией и женщинами произошла драка, в которой многие женщины были ранены.

На следующий день беспорядки распространились на соседний город, а затем дальше, на другие города и деревни. В итоге они охватили 266 городов, в том числе 49 крупных, и 231 деревню в 42 (из 47) префектурах, и в них приняло активное участие свыше 1 млн. чел. Особенно массовые и ожесточенные столкновения, в которых участвовало по несколько десятков тысяч человек, произошли в Осака, Нагоя, Кёбэ.

В «рисовые бунты» включились рабочие. Они устраивали забастовки, которые переходили в восстания. Особенно яростно они проходили в шахтерских районах. На шахтах Минэдзи и Ми-

икэ (о-в Кёсё), Убэ (префектура Ямагути) и др. шахтеры вели настоящие бои против полиции и войск.

Шахтер с шахты Минадзи, забравшись на телеграфный столб, бросает динамитные щайки в солдат. В дальнейшем он отказался сдаться и был застрелен. Рисунок очевидца

Помимо рабочих, в восстаниях участвовали рыбаки, городская беднота, студенты. Восставшие грабили рисовые склады, громили полицейские участки, магазины, дома рисоторговцев. В Кёбэ несколько десятков тысяч человек осадили здание крупной торговой компании «Судзуки» и дом главы этой компании и затем подошли к нему. Всего в городе ими было сожжено около 30 зданий, в том числе городской почтамт. Бунтовщики разрушали здания заводов, судоверфи, между ними и войсками происходили кровавые бои.

К октябрю «рисовые бунты» были подавлены. До конца 1918 г. за участие в восстании были приговорены к тюремному заключению 7813 чел. Неизвестное число восставших было убито без суда и следствия.

* * *

«Рисовые бунты» носили сугубо стихийный, неорганизованный характер, и не было никакой организации или партии, кото-

рая попыталась бы их возглавить. Премьер-министр Тэраути, который с большим опасением следил за революцией в России, специально настаивал на том, чтобы полиция и следственные органы выявили «красных» агитаторов, поднявших народ на восстание. Однако все усилия, предпринятые в этом направлении, оказались тщетными: ни одного подстрекателя выявлено не было. Немногие социалисты и анархисты, участвовавшие в беспорядках, были просто вовлечены в водоворот событий.

«Рисовые бунты» стали, по всей видимости, последним в Японии массовым движением социального протеста, проходившим в традиционных формах. В поведении бунтовщиков явно прослеживались параллели с действиями их дедов и прадедов во время крестьянских восстаний (*икки*) в домэйдзийской и раннемэйдзийской Японии. Главное отличие заключалось в том, что на этот раз в бунтах участвовало главным образом городское население, в том числе десятки тысяч промышленных рабочих. Это свидетельствовало о том, что в Японии того времени формы организации общественной жизни, присущие индустриальному обществу, еще не устоялись, что препятствовало адекватному разрешению вполне современных по сути трудовых и иных социальных конфликтов.

Несмотря на свою архаичность и внешнюю бессмысленность, «рисовые бунты» принесли вполне конкретные экономические и политические плоды. Во-первых, 21 сентября 1918 г. Тэраути подал в отставку, приняв на себя политическую ответственность за кровавые беспорядки. На смену ему пришло парламентское правительство, которое возглавил лидер Сэйбикай Хара Такаси, т.е. случилось то, чего годами безуспешно добивались японские демократы как в стенах парламента, так и за их пределами. Во-вторых, новый кабинет немедленно предпринял энергичные меры, такие как отмена импортных пошлин и продажа риса из государственных запасов, в результате чего в течение года удалось сбить цены на рис почти вдвое. Правда, такая политика правительства ухудшила положение крестьян-рисоводов и усугубила хронический кризис в японском сельском хозяйстве, но это была уже другая проблема, вышедшая на первый план только в следующем десятилетии.

Таким образом, и коррекция экономической политики правительства, и важный шаг в развитии японской политической системы были сделаны в результате не парламентских дебатов или организованных политических действий, а протекавшего в совершенно недемократических формах стихийного народного бунта с не вполне ясными для самих его участников целями.

Глава 3

УЧАСТИЕ ЯПОНИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1914—1918)

Первая мировая война стала для Японии важным этапом на пути становления ее как великой державы со сложившимся курсом агрессивной внешней политики.

Военные действия Японии против Германии

Причины вступления Японии в войну

Официально японское правительство объясняло свое вступление в войну против Тройственного союза (Германия, Италия, Австро-Венгрия) на стороне Антанты (Великобритания, Франция, Россия) выполнением союзнического долга в рамках англо-японского союза.

В действительности дело обстояло не так просто, как это пытались представить японские правящие круги. Ко второй половине 1914 г. противоречия между крупными империалистическими державами достигли предельной напряженности не только в Европе, но и на Дальнем Востоке. И к моменту, когда обострение англо-германских отношений достигло наивысшего уровня, союзнические отношения Великобритании и Японии были в значительной мере подорваны.

Главной причиной этого было столкновение их интересов в Китае. Японцы пытались ослабить позиции англичан, успешно конкурируя с ними в торговле и активно проникая даже в «вотчину» английского капитала — в бассейн реки Янцзы. Правда, разорвать союзнические отношения с Великобританией и выступить на стороне Германии, с которой правительственные, особенно военные, круги имели тесные связи, Япония не решалась.

Решающее значение в этом смысле имела оценка перспектив военного противостояния двух военно-политических блоков: Япония стремилась оказаться в числе победителей, что укрепило бы ее позиции как великой державы. Она намеревалась использовать англо-германский конфликт для того, чтобы осуществить свои давние планы территориальных захватов. Участие в военных действиях против незначительных сил Германии на Дальнем Востоке рассматривалось Японией как чрезвычайно выгодная ситуация для расширения ее проникновения в Китай.

Понимая намерения японского правительства, Великобритания поспешила предупредить действия своего союзника, послав 7 августа 1914 г. ноту Японии, освобождавшую ее от выполнения союзнического долга. Это была попытка оградить от японских притязаний как территорию Китая, так и германские островные владения на Тихом океане — разумеется, в собственных, британских интересах.

Однако японский министр иностранных дел Катō Такааки настойчиво добивался от Великобритании признания «общих оснований» для вступления Японии в войну, что должно было обеспечить полную «свободу рук» для японской политики в Китае.

Несмотря на попытки британского правительства сдерживать натиск японской дипломатии, ему пришлось уступить. Высказанные при этом надежды, что Япония ограничит сферу военных действий пределами китайских вод, территорией германских владений и защитой торговых путей в Тихом океане были, скорее, похожи на просьбы, на выполнение которых не особенно рассчитывали.

Начало боевых действий 15 августа 1914 г. японское правительство предъявило Германии ультиматум, срок которого истекал 23 августа. Весь германский военный флот должен был быть выведен из территориальных китайских и японских вод, оставшиеся суда — разоружены. Важнейшей частью ультиматума было требование передачи к 15 сентября Японии «безо всяких условий или компенсаций» арендованной Германией китайской территории Цзяочжоу с расположенной там военно-морской базой Циндао.

На другой день после предъявления ультиматума японские военные корабли уже курсировали в китайских территориальных водах. Задолго до окончания срока ультиматума японские военные корабли произвели высадку десанта на германских территориях в Тихом океане — Маршалловых, Каролинских и Марианских островах. Понимая, что подобные действия не могут не вызвать реакции держав, прежде всего США и Великобритании, японская дипломатия предприняла упреждающий маневр.

Премьер-министр Окума Сигэнобу выступил с несколькими пространными успокоительными заявлениями и обращением к мировому общественному мнению, прежде всего, к американскому народу. Он торжественно заявил, что Япония не имеет «скрытых побуждений», каких-либо территориальных притязаний и надеется стать «защитницей мира на Востоке».

Несмотря на эти торжественные обещания от имени японского народа, действия Японии вызвали большую тревогу у Китая. Не рассчитывая на «понимание» Японии, китайское правительство в начале августа обратилось к воюющим державам с просьбой не развигивать военных действий на китайской территории, арендованной Германией, Россией, Великобританией и Японией, а также в китайских водах. 6 августа правительство Китая официально объявило о нейтралитете своей страны.

Но это не остановило осуществление военных планов Японии. 23 августа, в день истечения срока японского ультиматума начались бомбардировки Циндао.

Взятие Циндао Хотя крепость Циндао была вполне современным укреплением, ее гарнизон был невелик — всего 1500 солдат. Не имела она и серьезной защиты с моря. Основные соединения дальневосточного флота Германии были расположены на ее островных владениях в Тихом океане.

По тому, как готовились японские армия и флот к военной операции по взятии Циндао, можно было предположить, что масштабы действий будут гораздо шире, чем были обозначены в многократных заверениях японского правительства.

И действительно, японские войска были введены на территорию провинции Шаньдун более, чем на 150 миль севернее Циндао, а операция по взятию самой крепости, в которой принимало участие около 30 тыс. японских солдат, была растянута на два с половиной месяца.

Это время было использовано японцами для захвата значительной части провинции с ее минеральными богатствами, рудниками, текстильными фабриками, путями сообщения, в том числе с одной из важнейших железных дорог Циндао—Цзинань, построенной с участием германского и китайского капитала.

К завершению военных операций в Циндао в конце 1914 г. японским правительством была уже подготовлена программа широкого проникновения в Китай и завоевания там господствующих позиций.

Японские притязания в Китае

После того, как боевые действия на европейском театре приняли затяжной характер, для Японии создалась исключительно благоприятная международная ситуация. Отсутствие военных сил великих держав на Дальнем Востоке предоставило Японии полную свободу действий.

Укрепив свое положение в Шаньдуне, Япония сразу же отказалась от политики «успокоения» мирового общественного мнения, и уже открыто, устами министра иностранных дел Катō, заявила, что никому не давала никаких обещаний в отношении будущего этой территории.

Одновременно началась форсированная подготовка переговоров с Китаем для обсуждения вопроса о «японских правах» в Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии. Это был первоначальный набор японских претензий, которые позднее в значительно расширенном виде вошли в группу требований, предъявленных Китаю в январе 1915 г.

7 января 1915 г. китайское правительство официально объявило о том, что Шаньдун перестал быть зоной военных действий, и потребовало вывода японских войск с территории провинции, за исключением базы Циндао.

Япония проигнорировала это требование. Затем, при вторичном требовании Китая вывести японские войска из пров. Шаньдун и из китайских территориальных вод «оскорбленная» японская сторона предъявила документ, вошедший в историю под названием «21 требование».

«21 требование» Японский посланник Хиоки передал этот документ не министру иностранных дел, как это положено по дипломатическому протоколу, а непосредственно президенту Китая Юань Шикаю. Этот шаг содержал в себе элемент прямого шантажа — в условиях междоусобной борьбы политических клик в Китае президент получал или лишался поддержки японцев в зависимости от его позиции в отношении японских требований.

«21 требование» подразделялись на 5 групп. Первая группа относилась к Шаньдуну. Она предусматривала признание Китаем всех соглашений, которые могли быть заключены между Германией и Японией относительно Шаньдуна, и неотчуждение частей территории провинции. Предусматривались также передача Японии прав на постройку там железных дорог и открытие для Японии главных городов и портов.

Вторая группа требований касалась Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии. Япония требовала продления срока аренды Порт-Артура, Дайрена, Южно-Маньчжурской и Аньдун-Мукденской железных дорог на 99 лет, предоставления японцам права приобретения и аренды земель, права проживать, передвигаться и заниматься любым видом деятельности на данной территории, приглашения японцев в качестве советни-

ков по политическим, финансовым и военным вопросам, а также предоставления Японии в аренду на 99 лет Гирин-Чаньчуньской железной дороги.

Третья группа предлагала превратить в смешанное японо-китайское предприятие Ханьпинский промышленный комбинат, объединявший рудники и железоделательные заводы.

Четвертая группа запрещала Китаю отчуждать и сдавать в аренду гавани, бухты и острова вдоль китайского побережья.

Наконец, пятая группа предусматривала приглашение японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным вопросам при центральном правительстве Китая, признание права земельной собственности в Китае для японских храмов, больниц и школ, создание японо-китайских военных заводов при научно-технической помощи Японии, предоставление Японии прав на постройку железных дорог на китайской территории, консультации с Японией по вопросам строительства железных дорог, рудников и портов в провинции Фудзянь, предоставление японцам права религиозной пропаганды в Китае.

«21 требование» представляли собой, таким образом, программу политического, экономического и военного подчинения Китая Японии. Документ, который был предъявлен Китаю японским правительством, был настолько наглым и безнравственным, что даже его авторы воспринимали его как беспрецедентное нарушение норм международного права. Поэтому они пытались скрыть «21 требование» фактически ото всех — от широких слоев населения Китая, от Великобритании, которой обязаны были сообщить о них согласно условиям договора о союзе, от других великих держав, наконец, от собственного народа.

Тем не менее, через несколько дней сведения о демарше японцев в Китае попали на страницы мировой печати. В конце января 1915 г. одновременно в Вашингтоне и Токио было опубликовано официальное заявление, отрицавшее факт предъявления Китаю каких-либо требований. Когда стало ясно, что это не соответствовало действительности, последовали опровержения МИД Японии по поводу содержания отдельных требований — нарушения принципа территориальной целостности Китая, прав иностранцев, наконец, по поводу предъявления пятой группы требований, которую японцы после ее опубликования пытались представить как просто «пожелания» Китаю.

С начала февраля до середины апреля шли японо-китайские переговоры по «21 требованию», на которых китайские представители пытались отстоять независимость страны. Их упорство

дало определенные результаты, отдельные пункты были изменены, но в целом документ остался почти прежним.

Япония, продолжавшая жестко проводить свою линию, 7 мая предъявила ультиматум о принятии требований. Еще до этого, на начальном этапе переговоров японское правительство в целях демонстрации силы ввело свои войска в Южную Маньчжурию и Шаньдун. Позднее оно объявило мобилизацию.

Серьезное влияние на результаты переговоров могла бы оказать позиция стран Антанты. «21 требование» наносило значительный ущерб позициям империалистических соперников Японии в Китае. Однако, будучи заняты военными действиями в Европе, державы во время осады Циндао и последующего захвата Шаньдуня, несмотря на многочисленные протесты Китая, не реагировали на действия японцев и не пошли дальше формальных протестов, полагая, что финансовая слабость Японии не позволит ей осуществить объявленные планы.

Исключением была относительно твердая позиция США. После принятия Китаем японского ультиматума 7 мая, американским правительством были отправлены ноты обеим странам с предупреждением о непризнании любых японо-китайских соглашений, нарушающих права США и их граждан, а также провозглашенный в 1899 г. принцип «открытых дверей и равных возможностей» держав в Китае и политическую и территориальную целостность Китайской республики.

Все же Китай не мог оказать действенного сопротивления Японии. «21 требование» (за исключением пятой группы требований, вызвавшей открытое возмущение западных держав) было принято китайским правительством и стало основой широкой программы ограбления этой страны японским империализмом.

Не будучи удовлетворены переговорами с Китаем по «21 требованию», когда не удалось провести пятую группу требований и пойти на уступки еще в нескольких вопросах, японцы стремились найти предлог, чтобы усилить давление на Китай. Таким предлогом стал инцидент в Чжэнцзятуне, где в августе 1916 г. произошло столкновение между японскими и китайскими войсками.

Япония предъявила Китаю претензии, в значительной мере восполнявшие «недополученное» в рамках «21 требования». Она потребовала ввода подразделений японской военной полиции в отдельные районы Южной Маньчжурии и восточной части Внутренней Монголии для «защиты» японских подданных, а также обязательного присутствия в китайских войсковых частях и воен-

ных школах в этих районах японских военных советников и инструкторов.

Проблема Шаньдуна в японо-китайских отношениях стала перерастать в узел сложнейших противоречий между двумя странами. Только в 1922 г. международная конференция в Вашингтоне разрешила эту проблему, вернув Китаю его исконную территорию.

Маневры японской дипломатии в вопросе о сепаратном мире

19 октября 1915 г. Япония присоединилась к Лондонской декларации Великобритании, Франции и России от ноября 1914 года, главным содержанием которой было обязательство не заключать с противником сепаратного мира и вести войну до победного конца. Союзники настойчиво побуждали ее к этому почти год, так как опасались захвата своих дальневосточных владений в случае неожиданного перехода Японии на сторону Германии.

Впрочем, было понятно, что декларация не могла стать безусловной гарантией соблюдения Японией своих союзных обязательств. В японском парламенте правительству прямо были высказаны претензии по поводу того, что из-за присоединения к Лондонской декларации Япония лишилась возможности заключить сепаратный мир. В действительности же правительство Окума, оставаясь на стороне Антанты, весьма умело играло на опасениях и интересах главных противников в войне. Германия продолжала предлагать Японии заключение сепаратного мира, а японское правительство, делая вид, что оно собирается принять такое предложение, шантажировало союзников и добивалось от них уступок.

В такой ситуации 3 июля 1916 г. было подписано соглашение между Японией и Россией. Основное содержание этого документа, состоявшего из открытой и секретной частей, заключалось в установлении союзных отношений и поддержке друг друга в случае возникновения каких-либо политических обстоятельств, способных нанести ущерб договаривавшимся сторонам. Заключая соглашение, Россия стремилась, прежде всего, обезопасить свои дальневосточные границы, а также обеспечить поставки японского оружия для использования его на германском фронте.

Секретные статьи русско-японского соглашения косвенно свидетельствовали о нарастании империалистических противоречий на Дальнем Востоке. Декларированное в них стремление к тому, чтобы «Китай не подпал под владычество какой-либо третьей державы, враждебной России или Японии» было, конечно, не прояв-

лением заботы о суверенитете Китая, а неявной констатацией прогрессирующего обострения японо-американских отношений и свидетельством намерения Японии найти поддержку у России в своем соперничестве с США.

Весьма ловко действовала японская дипломатия и при реализации плана в отношении бывших германских территорий на Дальнем Востоке и Тихом океане.

Летом 1916 г. Япония предложила британскому правительству заключить секретное соглашение, обусловливавшее официальную передачу ей бывших германских островов на Тихом океане. А в январе 1917 г. Япония, используя напряженное положение на фронтах в Европе, потребовала от Великобритании формальных обязательств по передаче ей прав на бывшие германские арендованные владения в Шаньдуне на мирной послевоенной конференции.

В середине февраля 1917 г. японское правительство получило от Великобритании, а вслед за тем от Франции и России секретные обязательства поддержать ее требования на будущей мирной конференции. Эта договоренность Японии со странами Антанты не была известна Соединенным Штатам до самого начала мирной конференции в Версале.

Японо-американские трения по китайскому вопросу

В апреле 1917 г. США объявили войну Германии и обратились к другим странам, занимавшим позицию нейтралитета, в числе которых был и Китай, с предложением присоединиться к блоку стран Антанты.

Япония, совсем недавно препятствовавшая вступлению Китая в войну, поддержала это предложение. Ее позиции в дальневосточном регионе к тому времени значительно укрепились. Получив тайные обязательства стран Антанты поддержать передачу ей Шаньдуна и бывших германских территорий в Тихом океане, Япония была уверена в благоприятных для нее решениях мирной конференции. Тем более, что фактически она уже осуществляла широкое экономическое проникновение в различные районы Китая.

После смерти Юань Шикая (1916) в Китае вспыхнули междоусобные войны. Военные губернаторы провинций боролись друг с другом и за независимость от центрального правительства. Со своей стороны Япония постаралась извлечь максимальные выгоды из этой ситуации.

Японцы фактически взяли на содержание китайского премьера Луань Шижя, а также губернаторов нескольких провинций.

Они регулярно оказывали им финансовую помощь в виде «нисихаровских займов» (по имени Нисихара Камэдзё, доверенного лица японского премьера Тэраути Масатакэ). Под предлогом оказания помощи экономическому развитию Китая — строительству железных дорог, развитию промышленности и разработке минеральных ресурсов, — за 150 млн. иен «нисихаровских займов» Япония получила разнообразные концессии — золотоносные прииски, соляные копи, угольные и рудные шахты и пр. При этом Япония стимулировала войны между военными правителями провинций, ослаблявшие Китай и помогавшие его закабалению.

Однако деятельность Нисихара вызвала протест не только среди китайского населения, но и в японском парламенте, где оппозиция, исходя из защиты интересов «обиженных компаний», обойденных при захвате китайского рынка, заявила, что поддержка войн в Китае, разрушавших общий китайский рынок, наносит ущерб интересам японского капитала.

Еще более неприятной для японского правительства оказалась резкая реакция США. Чтобы снизить напряженность в отношениях двух стран японцы отправили в Соединенные Штаты специальную миссию во главе с видным дипломатом Исии Кикудзирё.

2 ноября 1917 г. после длительных переговоров было подписано соглашение, получившее название «соглашение Лансинг-Исии» (Р.Лансинг был тогда государственным секретарем США).

Документ был откровенно компромиссным по содержанию. Помимо декларативного признания необходимости соблюдения суверенитета и территориальной целостности Китая в нем констатировались собственные интересы договаривавшихся сторон, имевшие, в значительной мере, взаимоисключающий характер. С одной стороны, это было признание принципа «открытых дверей» и «равных возможностей» для политики держав в Китае, что было задачей первостепенной важности для США, с другой — признание «специальных интересов» Японии в той части Китая, «с которой граничат ее владения».

Обтекаемость фраз, недостаточная ясность формулировок, в частности, о территории Китая, на которую распространялось положение о «специальных интересах» Японии, давали возможность каждой из сторон толковать текст соглашения в соответствии со своими интересами и в момент его заключения, и в будущем.

Так оно и случилось. Японское правительство, используя соглашение, значительно усилило свое экономическое и политическое вмешательство как в дела отдельных районов Китая, так и в деятельность его центрального правительства. В мае 1918 г. были

заключены два японо-китайских договора (военный и военноморской), предоставившие Японии возможность не только контролировать китайские вооруженные силы, но и использовать территорию Китая для подготовки агрессивных акций против соседних стран.

Япония на Парижской мирной конференции

Одной из важнейших задач, стоявших перед кабинетом Хара Такаси, была подготовка к предстоявшей мирной конференции в Версале. Несмотря на некоторое снижение напряженности в японо-американских отношениях после заключения «соглашения Лансинг—Исии», Япония опасалась усилившихся за время войны США. Она спешила до начала конференции активизировать начатые правительством Тэраути переговоры с Китаем и добиться от него принятия ряда дополнительных требований к договору 1915 года и военному соглашению 1918 г.

Сфера этих дополнений была весьма обширна — расширение японских прав в Маньчжурии и Шаньдуне, фактический контроль над китайскими армией и флотом, формирование в них института советников. В преддверии конференции японцы стали также добиваться согласия китайского правительства на представление их интересов японской делегацией на будущем международном форуме.

Однако осуществить это намерение не удалось. Даже подкупленные, прояпонски настроенные чиновники китайского правительства не решились пойти на такой шаг — слишком велико было в стране недовольство действиями японцев.

Не добилась Япония и удобного ей состава китайской делегации (из представителей клики Дуань Цижуня и японских военных советников): в нее вошли профессионалы из китайского министерства иностранных дел во главе с известными дипломатами Веллингтоном Ку и Альфредом Ши.

18 января 1919 г. открылась Парижская конференция (по скольку заседания проходили и в Версале, подписанные на ней договоры называют Версальскими). Почти сразу же японская делегация (ее возглавлял Сайондзи) заявила о своих требованиях — передаче всех германских прав в Шаньдуне и всех германских островов в Тихом океане.

Японский делегат Макино Нобуаки осуществил на конференции своеобразный маневр, предъявив одно за другим несколько предложений от имени японского правительства.

Первое предложение касалось устава Лиги Наций, в то время еще проходившей стадию формирования, — дополнение о равноправии иностранцев в странах-членах Лиги Наций независимо от их расы или национальности. С одной стороны, это было попыткой добиться отмены ограничений на «желтую» иммиграцию, существовавшую в США и в английских доминионах, с другой — стремлением занять позицию принципиального и бескорыстного «защитника» всей «желтой расы».

У Макино не было никаких иллюзий относительно того, насколько трудно будет решить эту проблему, поставленную неожиданно и без предварительной подготовки. США и британские доминионы не собирались соглашаться с такой формулировкой. По замыслу японских дипломатов, основные силы и время участников конференции должны были быть потрачены на бесконечные дискуссии, на фоне которых, как полагала японская сторона, шаньдунский вопрос мог бы пройти достаточно легко, без особого ажиотажа.

Второе, главное предложение Макино сделал в конце апреля, потребовав удовлетворить претензии Японии и предъявив секретные обязательства стран Антанты в поддержку требований в отношении Шаньдуна и тихоокеанских островов. Смысл этого демарша японской делегации был в том, чтобы поставить американского президента В.Вильсона перед фактом практически решенной проблемы.

Было приготовлено и завершающее заявление. В случае отказа удовлетворить японские претензии делегация, согласно инструкциям своего правительства, должна была покинуть конференцию. Последнее стало бы весьма чувствительным ударом по планам Вильсона относительно создания Лиги Наций. Уход Японии, одной из главных держав на конференции, сорвал бы подписание договора об учреждении этой международной организации.

В итоге президент США был вынужден уступить. 30 апреля 1919 г. главный орган конференции — Совет трех (в него входили представители США, Франции и Великобритании) — принял требования Японии по поводу Шаньдуна. В начале 1919 г. Япония получила от Верховного совета Антанты мандат на бывшие германские владения в Тихом океане — острова, лежащие к северу от экватора.

Таким образом, Япония в целом осуществила свои планы в отношении Китая. Получив права на Шаньдун и утвердившись в этой провинции, стратегическое положение которой было удобным для развития экспансии в Северном и Северо-Восточном Ки-

тае, Япония начала успешно распространять там свое влияние, проводя в жизнь планы экономического и политического подчинения крупнейшей страны дальневосточного региона.

Ответом народа Китая на решения Парижской конференции стали антияпонские демонстрации и бойкот японских товаров. Возвращение китайской делегации, отказавшейся подписать Версальский договор, было встречено массовыми выступлениями в Пекине и протестами по всей стране. Тогда же во Франции прошли демонстрации протеста обучавшихся там китайских студентов.

Влияние мировой войны на японскую экономику

Мировая война 1914–1918 гг. оказала чрезвычайно сильное влияние на экономическое развитие Японии.

В первые месяцы войны положение страны резко осложнилось: во-первых, были подорваны возможности регулирования финансовых расчетов через лондонский рынок (традиционно обслуживание внешнеторговых расчетов и государственного долга Японии осуществлялось через Лондон). Во-вторых, из-за невозможности использовать ряд традиционных морских путей внешняя торговля страны была дезорганизована.

Однако уже в начале 1915 г. стало очевидным, что помимо отрицательных сторон война может принести Японии и массу неожиданных плюсов. Прежде всего, оказалось, что без своих традиционных поставщиков, занятых войной, остались мировые рынки, в том числе и громадный азиатский рынок. Кроме того, вскоре после начала войны союзные державы начали размещать в Японии заказы на военное снаряжение и другую продукцию. И наконец, резко возросли потребности в морских перевозках, что создавало исключительно благоприятные возможности для развития торгового флота Японии. Сочетание всех этих благоприятных обстоятельств привело к тому, что в стране начался небывалый экономический бум, продолжавшийся до весны 1920 г.

Прежде всего, резко возросли масштабы производства в отраслях тяжелой промышленности. Общий объем промышленного производства за 1914–1919 гг. увеличился на 80%, а численность фабричных рабочих — в 1,7 раза (до 2025 тыс. чел.). Производство чугуна и стали за эти годы почти удвоилось, а добыча угля возросла в 1,5 раза. Более, чем вдвое увеличилось производство и потребление электроэнергии. Однако наиболее впечатляющими были темпы развития судостроения.

Уже к 1915 г. все судостроительные компании Японии были завалены заказами отечественных и иностранных компаний. Началось строительство десятков новых верфей, и к концу войны количество только наиболее крупных из них, на которых сооружались суда водоизмещением более 1 тыс. т, возросло до 57 (в 1914 году их было всего 6). Тоннаж спущенных на воду судов увеличился с 65 тыс. т в 1913 г. до 612 тыс. т в 1919 г., и японское судостроение заняло 3-е место в мире.

Отсутствие конкуренции со стороны западных стран и высокий спрос на вооружение создали благоприятные условия для развития машиностроения, прежде всего производства промышленного оборудования, а также некоторых видов химических производств.

В годы войны продолжился предвоенный бум в шелкоткацкой и хлопкопрядильной промышленности; война дала также толчок развитию производства шерстяных тканей, использовавшихся для пошива военного обмундирования.

Военные годы были отмечены не только существенным расширением объемов промышленного производства, но и ростом его технического уровня. При общем увеличении числа фабрик (т.е. промышленных предприятий с 5 и более занятыми) за 1914–1919 годы с 31859 до 44087, количество фабрик, оснащенных различного рода двигателями, возросло с 14578 до 26947, а их доля — соответственно с 45,8% до 61,1%. При этом совокупная мощность установленных на них электромоторов увеличилась в 3,7 раза — с 279 до 992 тыс. л.с.

Сопровождавший экономический бум рост цен на рис и другие продукты питания привел к расширению сельскохозяйственного производства (на 16% за 1914–1919 гг.), а среднегодовой сбор риса в этот период был на 11,2% выше, чем в предвоенные годы. При этом численность занятых в сельском хозяйстве за 1914–1920 гг. сократилась на 1240 тыс. чел., а их доля в трудоспособном населении страны снизилась соответственно с 58,1% до 52,4%.

Огромные заказы стран Атланти и практически свободный доступ на мировые рынки создали чрезвычайно благоприятные условия для развития японской внешней торговли. Экспорт страны за период 1914–1919 гг. вырос в 3,5 раза (с 591 млн. иен до 2099 млн. иен), что привело к небывалому росту положительного сальдо платежного баланса. Если в 1911–1914 гг. отрицательное сальдо в среднем составляло 65 млн. иен, то в 1915–1919 гг. положительное сальдо составило в среднем 270 млн. иен.

За время войны вдвое увеличился общий тоннаж торгового флота Японии (с 1,5 млн. т в 1914 г. до 3 млн. т в 1919 г.). При этом на японские суда приходилось уже не только 80% внешне-торгового оборота самой Японии, но и существенная часть мировых грузопотоков. Японские пароходные линии протянулись во все части света, а чистые доходы от фрахта выросли с 40 млн. иен в 1914 г. до 380 млн. иен в 1919 г.

Всего за 1914—1919 гг. по невидимым статьям платежного баланса (таким, как судоходство) Япония получила 1800 млн. иен, а по торговому балансу — более 1200 млн. иен. Эти деньги использовались, прежде всего, для наращивания золотых резервов страны — к декабрю 1920 г. они достигли 2178 млн. иен (в декабре 1914 г. они составляли всего лишь 342 млн. иен).

Итак, военные годы стали для Японии периодом беспрецедентного процветания: промышленность, внешняя торговля и другие отрасли экономики переживали настоящий бум, было организовано множество новых компаний, банки резко увеличили объемы кредитования, товарно-сырьевая биржа и рынок ценных бумаг демонстрировали невиданный взлет деловой активности, росли денежные доходы населения и еще более быстрыми темпами — прибыли компаний. Однако это процветание было в определенной степени фиктивным, ибо экономический рост сопровождался все более убыстрявшейся инфляцией. Ее механизм в самых общих чертах выглядел следующим образом.

Как уже говорилось, основная часть внешнеторговых и других международных расчетов Японии традиционно осуществлялась через Лондон. Но поскольку война осложнила использование этих каналов, Банк Японии был вынужден расширить кредитование банков, имевших лицензии на операции с иностранной валютой (объем предоставленных им кредитов вырос с 20 млн. иен в декабре 1915 г. до 440 млн. иен в июне 1918 г.). Ситуация еще более осложнилась в сентябре 1917 г., когда США ввели эмбарго на экспорт золота, и доходы японских экспортеров стали все больше оседать в Нью-Йорке. Расширение кредитной экспансии Банка Японии и значительный рост денежной эмиссии вели к раскручиванию инфляционной спирали. В результате индекс оптовых цен в марте 1920 г. составил 322 (1913 г. = 100).

Из-за инфляции реальные доходы страны перераспределялись в пользу наиболее обеспеченных слоев населения. В промышленности, например, весь реальный прирост доходов пришелся на класс предпринимателей, в то время как наемные работники не получили ничего. Так, за 1914—1918 гг. при росте номинальной

заработной платы промышленных рабочих на 64% стоимость жизни возросла на 74%.

В то же время за счет военных заказов, правительственных субсидий и спекулятивных операций на бирже произошло еще большее усиление крупных компаний. Если в 1914 г. капитал крупнейших акционерных обществ (с оплаченным капиталом свыше 5 млн. иен) составлял 40% капитала всех акционерных компаний, то в 1919 г. — уже 56,3%. Особенно заметно усилились позиции финансово-промышленных групп *дайбацу*, главным образом за счет создания в каждой из них крупных предприятий тяжелой промышленности (судостроительных, машиностроительных, металлургических и др.).

Благодаря значительному росту доходов как японского государства, так и корпораций в военные годы резко вырос вывоз капитала в колонии. Так, за 1916–1920 гг. объем японских долгосрочных инвестиций в Корею составил 340,6 млн. иен, а на Тайване — 173 млн. иен, что в 3 раза превысило объемы инвестиций в эти страны в предшествующие 5 лет. Кроме того, еще в период войны Япония, овладев богатой Шаньдунской провинцией и всем находившимся в ней германским имуществом, существенно увеличила вывоз капитала в Китай..

Таким образом, экономический рывок, совершенный Японией во время войны благодаря благоприятному для нее стечению обстоятельств, а также существенное расширение границ ее колониальных владений (помимо германских концессий в Шаньдуне в качестве «подмандатных территорий» Япония получила Каролинские, Маршалловы и большую часть Марианских островов) позволили ей выдвинуться в число ведущих империалистических держав. Тем не менее, разрыв в уровнях экономического и, прежде всего, промышленного развития между Японией и другими империалистическими странами был все еще весьма значителен, и ей предстояло проделать еще немалую работу, чтобы стать равной среди равных.

Часть 2

**«ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ»
ИМПЕРСКОЙ ЯПОНИИ**

Первая мировая война стала важной вехой мирового развития. Она разрушила существовавшую систему международных отношений и перекроила политическую карту мира. Рухнули Германская, Австро-Венгерская и Российская империи.

Важные перемены произошли и в идеологии международных отношений. Этому способствовало чрезвычайное экономическое и политическое усиление Соединенных Штатов и фактическое перемещение экономического центра мира из старого света в новый. Укоренившиеся в США идеи либерализма и фритредерства стали идейной основой построения нового мирового порядка.

Однако попытка подвести новую идейную базу под международные отношения была бессильна изменить основу национальных и блоковых интересов. Возникшие после войны договорные системы, такие как Версальская и Вашингтонская, вовсе не преследовали декларируемые цели «достижения вечного мира», а просто обслуживали интересы победителей за счет побежденных. Поэтому они фактически заложили основу будущих международных конфликтов.

Что касается Японии, то ее политика в течение 10 лет после первой мировой войны приобрела новые направления и методы, но при этом сохранила и прежние. Усилившаяся вовлеченность в мирохозяйственные связи толкала ее на активное участие в организации системы международных отношений, способствовавших развитию свободной торговли. Но при этом Япония сохранила свою колониальную империю, что обуславливало борьбу за военно-политическое разграничение зон влияния на азиатском континенте. В результате внешняя политика Японии в 20-е годы отличалась двойственностью и противоречивостью в постановке стратегических целей.

Сходное положение сложилось в 20-е годы и в японской внутренней политике. В результате развития рыночных отношений усилилось вовлечение в политику образованного городского населения, оформилось рабочее движение, стали актуальными идеи организации общества на демократических началах. Однако засилье монополий в японской экономике в сочетании со слабостью «среднего класса» и традиционно значительной регулирующей ролью государства способствовали формированию олигархической

системы, когда интересы крупнейших концернов были непосредственно представлены в органах исполнительной власти.

Следствием этого была непоследовательность во внедрении демократических норм и процедур в японскую политическую практику. С одной стороны, проявилась тенденция к расширению участия населения в политическом процессе, с другой — все кардинальные вопросы государственной политики решались в результате закулисной борьбы между влиятельными группировками внутри японских правящих кругов.

Либеральные политические тенденции 20-х годов еще не были укоренены в структуре японского общества. Поэтому все они быстро разрушились под воздействием внешних обстоятельств: мирового экономического кризиса, вызвавшего коллапс фритредерства, победы в Японии линии на создание самодостаточной сферы колониальной экономики, усиления имперской идеологии и, как следствие, потери интереса японских правящих кругов к либеральным идеям и демократическим институтам.

Глава I

ПОДЪЕМ И СПАД ЛИБЕРАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ ВО ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКЕ (1919–1930)

Тенденции внутриполитического развития в 20-е годы

Первая мировая война была для японского капитализма, особенно для крупных компаний, временем откровенной наживы, спекулятивных махинаций, формирования слоя нуворишей, делавших состояния на дивидендах в 50–60 и более процентов.

Важнейшим следствием обогащения японской буржуазии стала тенденция к усилению ее политических позиций, к политической активизации монополистического капитала, требовавшего политического влияния, адекватного его экономической мощи.

«Партийный кабинет» Хара Такаси

После беспорядков в августе 1918 г. («рисовых бунтов») находившийся у власти кабинет Тэраути Масатакэ вынужден был уйти в отставку. Военно-

бюрократические круги предполагали разрешить кризисную ситуацию, вновь предложив пост премьерера Сайондзи Киммоти. Однако тот твердо отказался от предложения и выдвинул в качестве кандидата в премьеры Хара Такаси (Кэй, Сатоси) — лидера партии Сэйюкай. Настойчивость Сайондзи заставила *гэнрō*, прежде

всего Ямагата, уступить. В результате после 20-летнего перерыва в Японии к власти пришло «партийное» правительство, которое возглавил не бюрократ, а человек, представлявший политическую партию и пришедший к власти как ее представитель.

Появление «партийного» правительства и репутация либерала, которой пользовался новый премьер-министр, вызвали большие ожидания в японском обществе. Однако внутри- и внешнеполитический курс «народного премьера», как называли Хара, оказался весьма далек от возлагавшихся на него либеральных надежд. Главной отличительной чертой политики кабинета была двойственность, характерная для японской политики на всем протяжении 20-х годов.

Прежде всего правительство Хара, рекламировавшееся как «символ укрепления позиций демократических сил в Японии», при некоторых элементах либерализма в его политике в действительности осталось представительством правительственной бюрократии. На практике оно продолжило политику империалистической агрессии, колониальной экспансии и подавления демократического движения внутри страны. Единственным существенным отличием стала его более откровенная ориентация на интересы монополистического капитала.

Приход к власти Хара по существу означал появление прямого представительства монополистов в правительстве. Сам «народный премьер» был тесно связан с концерном «Фурукава». Министр финансов Такахаси Корэкиё также представлял финансовые круги, в том числе непосредственно интересы концерна «Ясуда». Помещичьи слои выдвинули агрария Токонома на должность министра внутренних дел, а военные круги — генерала Танака Гити на пост военного министра.

Правда, правительство Хара пошло на определенные уступки развивавшейся и захватывавшей все более широкие сферы жизни демократизации японского общества. Оно ослабило жесткие ограничения свободы слова и печати, разрешило устные и печатные дискуссии о демократии и собрания, на которых обсуждались проблемы общественного развития и даже выдвигались требования законодательно утвердить политические и экономические права трудящихся.

Кроме того правительство Хара пошло навстречу требованиям движения за расширение избирательного права. В 1919 г. кабинет предложил закон о более, чем втрое (с 10 до 3 иен) снижении имущественного ценза для участия в выборах, основывавшегося на размере уплаты прямых налогов. Это, конечно, был шаг

вперед, хотя в результате размеры электората расширились явно недостаточно: общее число избирателей увеличилось с 1,5 до 2,8 млн. чел. (в Японии тогда насчитывалось 56 млн. жителей). Фактически, реформа не предоставила избирательных прав даже значительной части городской мелкой буржуазии, а низшие деревенские слои и рабочие остались по-прежнему политически бесправными.

Хара Такаси

Двойственность характеризовала и внешнеполитический курс кабинета Хара. С одной стороны, он продолжил экспансионистскую политику предыдущих военно-бюрократических кабинетов на азиатском континенте, с другой — предпринимал усилия по созданию договорной системы международной безопасности на Дальнем Востоке и на Тихом океане. В этой двойственности отразились различия во взглядах внутри японских правящих кругов и в интересах торгово-промышленных групп, часть которых ориентировалась на методы

колониальной эксплуатации, а часть — на развитие свободных внешнеэкономических связей.

В рамках первой внешнеполитической линии к продолжению агрессивной политики в Китае и интервенции на русском Дальнем Востоке и в Сибири прибавились карательные акции японцев в Корее, за 10 лет до того ставшей японской колонией. 1 марта 1919 года на многолюдной мирной демонстрации в Сеуле была зачитана декларация о независимости Кореи. Японские солдаты и жандармы разогнали эту демонстрацию, и мирное выступление корейцев переросло в восстание с требованием национальной независимости. Оно продолжалось с марта по октябрь 1919 г. и было потоплено в крови. Сотни корейских сел были сожжены, население многих городов подверглось расправе. Но широкое народное движение заставило правительство Хара изменить структуру управления колонией — военный режим был заменен гражданским, а в специально созданный при японском генерал-губернаторе совещательный орган были допущены представители социальной верхушки Кореи.

В рамках другой линии внешней политики важнейшей задачей правительства Хара была длительная и серьезная подготовка вопросов, вынесенных на созванную в конце 1921 г. Вашингтонскую конференцию. В ходе конференции японской делегации пришлось пойти на определенные уступки ради достижения соглашения по более важным вопросам, и это вызвало возмущение японских ультранационалистов.

Еще до завершения Вашингтонской конференции, 4 ноября 1921 г., Хара был заколот у южного выхода Токийского вокзала террористом, недовольным «сдачей позиций Японии», хотя на деле результаты конференции стали серьезным успехом японской дипломатии.

«Великое землетрясение» 1923 г.

После гибели Хара принцип формирования правительства по «партийному» признаку был временно нарушен, и в 1922–1923 гг. у власти находились кабинеты, которые возглавляли бывший глава японской делегации на Вашингтонской конференции Катō Томосабурō, а после его смерти в конце августа 1923 г. — адмирал Ямамото Гоннохōэ (Гомбэй). Журналисты окрестили этот период временем правления «маринистской клики».

Ямамото вынужден был уйти в отставку после того, как 27 декабря 1923 г. анархист Намба Дайсукэ стрелял в принца-регента Хирохито, когда тот направлялся на открытие 48-й сессии парламента («инцидент в районе Тораномон»). После Ямамото премьером стал Киёура Кэйго, председатель тайного совета, видный представитель придворной бюрократии. Правительство, возглавляемое им, состояло исключительно из членов палаты пэров парламента.

Политика этих трех кабинетов, продолживших развитие тесных связей с крупным капиталом, была не особенно выразительной. Наиболее важным событием тех лет стало катастрофическое землетрясение в районе Токио–Йокогама 1 сентября 1923 г. (тогда погибло около 100 тыс. чел.). Парадоксальным образом оно способствовало оживлению в промышленности после депрессии 1920–1922 гг., что было связано с проведением больших восстановительных работ. В первые же дни после землетрясения правительство Ямамото Гоннохōэ оказало помощь крупным предпринимателям, отсрочив все виды платежей и выплатив компенсацию за понесенный ущерб. Для строительной, металлургической, судостроительной и других отраслей промышленности и торговли эта помощь стала базой восстановления и дальнейшего расширения.

Законы «о всеобщих выборах» и «о поддержании общественного спокойствия»

В июне 1924 г. представители партийных кругов взяли своего рода реванш над государственной бюрократией. На выборах победила коалиция «партий-защитниц конституции» (Сэйюкай, Кэнсэйкай и Какусин курабу), после чего был создан коалиционный кабинет во главе с председателем Кэнсэйкай Катō Такааки, зятем главы концерна «Мицубиси» барона Ивасаки. Министром иностранных дел в кабинете стал другой зять Ивасаки — Сидэхара Кидзюро. Это было подтверждением политической роли крупнейших *дзайбацу*, недаром кабинет Катō называли кабинетом «Мицубиси».

Подъем общественного движения за расширение избирательного права был использован публичными политиками для укрепления своего влияния. В 1925 г. правительство Катō Такааки провело закон о всеобщем избирательном праве.

Законопроект с поправками тайного совета содержал ряд ограничений, препятствовавших участию в выборах значительной части населения. По-прежнему не имели избирательных прав женщины. Возрастной ценз для лиц, пользовавшихся активным (правом избирать) и пассивным (правом быть избранным) избирательным правом, был определен, соответственно, в 25 и 30 лет. Устанавливался ценз оседлости в 1 год, что существенно ограничивало избирательные права рабочих, вынужденных в поисках работы часто менять место жительства, а также крестьян, с этой же целью переезжавших в города. Были лишены права участия в выборах все получавшие частное или общественное пособие, т.е. по существу, все неимущие. Одна из статей избирательного закона устанавливала высокий денежный залог (2 тыс. иен) за каждого выдвигавшегося кандидата.

Вместе с тем при всех ограничениях новый избирательный закон резко увеличил численность избирателей — с 3,2 млн. до 12,5 млн. чел. Поэтому японская общественность рассматривала его как важное демократическое завоевание, как появление легальной возможности воздействовать на курс государственной политики.

Но, осуществив некоторое расширение избирательных прав, правительство Катō параллельно провело закон о поддержании общественного спокойствия, красноречиво прозванный «законом об опасных мыслях». Причем, если введение избирательного закона было отсрочено на 3 года (до выборов в 1928 г.), то введение в действие «закона об опасных мыслях» было осуществлено не-

медленно, в апреле 1925 г. Закон предусматривал наказание до 10 лет каторжных работ за любые антимонархические и антигосударственные идеи или действия, а также за организацию, участие в организации или подстрекательство к участию в акциях, направленных против института частной собственности.

В этом также проявилась двойственность японской политики 20-х годов. Почти одновременное принятие закона о всеобщих выборах и закона о поддержании общественного спокойствия означало сочетание призыва к общественной консолидации на новой, демократической основе и угрозы репрессиями тем, кто не откликнется на этот призыв.

Скандал с Формозским банком

После смерти в начале 1926 г. Катō Такааки председателем партии Кэнсэйкай и премьер-министром стал Вакацуки Рэйдзирō. Таким образом, пребывание у власти Кэнсэйкай продолжилось. Это не устраивало другую крупную партию — Сэйгōкай, — лидеры которой стали искать возможность спровоцировать политический кризис и заставить правительство уйти в отставку. Удобный случай для этого представился приблизительно через год.

Весной 1927 г. в Японии разразился финансовый кризис. Многие банки, особенно мелкие, оказались в кризисном положении. Начались многочисленные банкротства.

Одним из самых громких дел было банкротство крупной фирмы «Судзуки», чьи векселя держал полуправительственный Формозский банк. Сразу после «великого землетрясения» 1923 г. правительство Ямамото дало директиву Банку Японии предоставлять кредиты фирмам для проведения восстановительных работ. На этом основании Формозский банк передал векселя фирмы «Судзуки» Банку Японии, который весной 1927 г. в связи с общей кризисной финансовой ситуацией потребовал их оплаты. Тогда же выяснилось, что кредит был незаконен — фирма не имела отношения к восстановительным работам, связанным с землетрясением.

Для выхода из сложившейся ситуации правительство предложило Банку Японии выпустить экстраординарный заем с государственной гарантией на сумму 200 млн. иен. Проект императорского указа на этот счет должен был получить одобрение тайного совета. Однако ряд членов совета уже давно выражал недовольство «излишне либеральной» политикой кабинета Вакацуки и воспользовался случаем, чтобы вызвать правительственный кризис, отказавшись утвердить проект указа. В результате 17 апреля 1927 г. правительство Вакацуки ушло в отставку.

Политика кабинета Танака

Правительство партии Кэнсэйкай сменил кабинет, во главе которого стал незадолго до этого ушедший в отставку с действительной военной службы и ставший председателем партии Сэйюкай генерал Танака Гиити.

Танака был весьма заметной, неординарной фигурой на японской политической сцене. Он был твердо убежден в своей миссии государственного деятеля, призванного помочь усилению Японской империи. Именно этим определялось его понимание методов разрешения внутренних проблем и формирования и осуществления внешнеполитического курса.

Ради укрепления позиций империи Танака считал необходимым расширять «жизненное пространство» Японии за счет территорий на азиатском материке. Поэтому период его пребывания у власти ознаменовался оживлением интервенционистской политики Японии в Китае, где в 1928 г. была осуществлена военная экспедиция на Шаньдунский п-ов. «Негативной» политике прежнего кабинета, предполагавшей тактику широкого, но мирного экономического проникновения в Китай, правительство Танака противопоставило свою «позитивную», т. е. силовую линию.

* * *

С именем Танака была связана скандальная история, так до сих пор и не проясненная до конца. Речь идет о секретном «меморандуме Танака», якобы представленном премьером императору 25 июля 1927 г. Этот документ был ни чем иным, как программой завоевания Японией мирового господства. В число намеченных в нем целей входило нападение на СССР и отторжение от него дальневосточных районов, полное подчинение Китая, а будущее японо-американских отношений было определено четко и безапелляционно — Японии следовало «сокрушить США».

В результате, как утверждалось, утечки информации «меморандум Танака» стал достоянием общественности и вызвал понятное возмущение во всем мире. Несмотря на то, что японские официальные круги отрицали его подлинность, в течение ряда лет меморандум служил документальным подтверждением агрессивной сущности японской политики.

Однако после поражения Японии во второй мировой войне, несмотря на все старания, оригинал «меморандума Танака» обнаружить не удалось. Вопрос о его происхождении остается открытым по сей день. Судя по всему, «меморандум Танака» никогда не был представлен императору как официальный документ, но, возможно, он существовал в качестве рабочего проекта, выработан-

ного в каком-то государственном учреждении; не исключено также, что он был фальшивкой, сфабрикованной политическими противниками японского правительства внутри или вне Японии. В последнем случае прозорливость его авторов заслуживает восхищения, поскольку на протяжении 15 лет со времени появления «меморандума Танака» японская внешняя политика, в основном, развивалась по направлениям, обрисованным в этом документе.

Всеобщие выборы 1928 г. В период пребывания у власти правительства Танака были проведены первые всеобщие выборы по избирательному закону 1925 г. Они проходили в обстановке коррупции, откровенного подкупа депутатов, полицейского нажима и прямых репрессий в отношении демократически настроенной части японского общества.

Несмотря на это в избирательной кампании участвовали легальные левые партии. Полиция разгоняла их предвыборные митинги, проводила аресты и высылку агитаторов. Особенно рьяно она препятствовала предвыборной агитации Рёнбётё (Рабоче-крестьянская партия), связанной с КПЯ. Широко была распространена практика «предупредительных» арестов, когда представителей Рёнбётё в течение длительного времени держали в полицейских участках без предъявления обвинений.

По итогам выборов, состоявшихся 20 февраля 1928 г., львиную долю мест в парламенте получили две крупнейшие политические партии — Сэйюкай (219 мест) и Минсэйтё (217 мест). Какусинтё (Партии реформ) досталось 4 места, Дзицугё дёсикай (Товариществу предпринимателей) — 4 места, Сякай минсётё (Социалистической массовой партии) — 4 места, Рёнбётё (Рабоче-крестьянской партии) — 2 места, Нитирётё (Японской рабочей партии) — 1 место и 1 место занял независимый кандидат.

Несмотря на запугивание и произвол, левые получили на выборах в совокупности около полумиллиона голосов и завоевали 7 парламентских мест. Успех левых сил на выборах показал, что в стране выросла независимая от властных институтов политическая сила, способная вести борьбу против политики правительства. В марте 1928 г. депутатами от левых партий был создан комитет совместных действий, фактически парламентская фракция в нижней палате. Правда, представительство левых в парламенте скоро уменьшилось при трагических обстоятельствах.

В июне 1928 г. императорским указом были внесены изменения в закон о поддержании общественного спокойствия. Наказание в виде 10-летнего тюремного заключения за выступление против существующего строя и частной собственности было заменено

но смертной казнью. По этому поводу один из двух депутатов от Рабоче-крестьянской партии (Рбнбтō), ученый-биолог Ямамото Сэндзи, выступил в парламенте с протестом. На следующий день после выступления он пал от руки наемного убийцы.

Левые активизировались и за пределами парламента. Борьба против интервенции в Китае, создание Всеяпонской лиги невмешательства в дела Китая, массовая борьба за принятие законов по рабочему вопросу, участие Коммунистической партии в выборной кампании — все это побудило кабинет Танака принять жесткие меры.

Еще готовясь к началу военной акции в Китае, Танака осуществил мощную «чистку тыла», т. е. серию арестов политических противников. Теперь он провел новую полицейскую операцию, получившую название «буря 15 марта».

На рассвете 15 марта 1928 г. одновременно были проведены аресты в крупнейших городах (Токио, Ōсака, Киото), а затем и по всей стране. Эти полицейские репрессии официально были направлены против Коммунистической партии, но в действительности среди нескольких тысяч арестованных наряду с членами КПЯ (1600 чел.) было немало сочувствующих, профсоюзных активистов и т.п.

* * *

Приход к власти правительства Танака принес с собой заметное ужесточение внутренней и внешней политики Японии. Тем удивительнее был повод, приведший к его отставке.

В конце августа 1928 г. Япония присоединилась к «пакту Бриана-Келлога» об отказе от применения силы при разрешения международных споров. Участники пакта подписывали его «от имени своих народов», и эта формулировка была использована оппозицией, чтобы обвинить Танака в нарушении прерогатив императора, который, согласно японской конституции, заключал международные договоры от своего имени, а не от имени народа. Таким образом, премьер, слывший «реакционером», вынужден был закончить свою политическую карьеру из-за обвинений в излишнем либерализме и пацифизме.

Развитие рабочего движения

Подъем забастовочного движения в 1918–1922 гг.

Послевоенная экономическая депрессия 1920–1921 гг. обострила социальные противоречия в стране и вызвала подъем забастовочного движения. Это явление во

многим было подготовлено изменениями в экономике и социальной структуре страны в предшествующие годы. Значительно выросла тяжелая индустрия, и, соответственно, увеличилась численность промышленных рабочих, который стали ядром забастовочного движения в 1919–1921 гг.

Вместе с тем уровень организованности рабочего класса оставался все еще весьма низким: текстильщики, горняки и рабочие некоторых других отраслей промышленности были чрезвычайно слабо охвачены профсоюзными организациями. На государственных предприятиях нередко создавались профсоюзы, действовавшие в тесном сотрудничестве с руководством, а не отстаивавшие интересы рабочих. Все же к 1918 г. в стране насчитывалось 107 профсоюзных рабочих организаций, деятельность которых с каждым годом активизировалась.

По данным японского министерства внутренних дел рост числа забастовок выглядел следующим образом:

Годы	Количество забастовок	Число бастующих (в тыс. чел.)	Число участников на одну забастовку
1914	50	7,9	158
1917	393	47,3	144
1918	417	66,5	159
1919	97	63,1	127
1920	185	169,4	878

В ходе забастовок выдвигались и политические требования. Так, в 1920 г. 25 тыс. рабочих-металлургов наряду с требованиями увеличения зарплаты выдвигали лозунги создания своих организаций. Осенью 1921 г. на верфях Кавасаки и Мицубиси в Кббэ произошли рабочие беспорядки. Рабочие требовали свободы вступать в профсоюзы, организации заводских комитетов, 8-часового рабочего дня, увеличения зарплаты.

Репрессии против стачечников побуждали рабочих к сплочению профсоюзов. Движение за создание единого профсоюзного центра завершилось созданием в начале 1920 г. Объединенной лиги профсоюзов (Рбдō кумий дōмэйкай).

Параллельно резко возросла активность крестьянского движения. В 1920 г. произошло 420 арендных конфликтов, а в 1922 г. их число составило около 4 тыс. Инициаторами выступления крестьян в ряде случаев были солдаты, возвратившиеся из Сибири, а также рабочие, вернувшиеся в деревню из-за безработицы.

Появление коммунистических организаций

В подъеме рабочего движения 1920–1922 гг. определенную роль сыграли японские социалисты, хотя социалистические организации, возникшие в Японии в конце XIX в., в то время были еще слабо связаны с рабочими организациями.

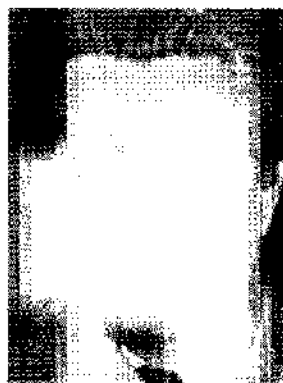
Социалистическое движение характеризовалось наличием множества мелких обособленных организаций, практически неизвестных в стране. Однако под влиянием революции в России их деятельность постепенно активизировалась. В декабре 1918 г. в Токийском университете студентами были созданы 3 просветительские организации, занимавшиеся пропагандой социализма.

Первые активные контакты социалистических кружков с рабочими организациями относятся к весне 1919 г. Под влиянием социалистов члены профсоюзов кроме чисто экономических требований стали выдвигать политические лозунги. В конце 1920 г. была создана Социалистическая лига, в которую вошло около 1 тыс. чел. Она представляла собой достаточно искусственное объединение идеологически разнородных групп и организаций (социалисты, анархисты, коммунисты). Власти усмотрели в Лиге «опасную» организацию, и в мае 1921 г. она была распущена.

После роспуска Лиги возникло много новых социалистических групп и обществ. Наибольшую известность среди них получили Суйёкай (Общество среды), куда входил Токуда Кёити, впоследствии генеральный секретарь Коммунистической партии Японии, и общество Мокуёкай (Общество четверга).

В январе-феврале 1922 г. в Москве прошел I съезд коммунистических и революционных организаций народов Дальнего Востока. На нем присутствовали Катаяма Сэн, Токуда Кёити и другие японские революционеры. Было принято решение о необходимости объединения всех революционных сил Японии. 15 июля 1922 г. в Токио представители Суйёкай, Мокуёкай и Гёминкай (Общество трудящихся) провозгласили создание Коммунистической партии Японии (КПЯ). На этом учредительном съезде были приняты временный устав партии и решение о текущих задачах.

1 сентября 1923 г. в Японии произошло сильнейшее землетрясение. В обстановке всеобщего замешательства в Токио произошли беспорядки и корейские погромы.

Катаяма Сэн

Власти безосновательно обвинили в поджогах и беспорядках левых радикалов и провели аресты коммунистов, социалистов и анархистов. Несколько арестованных были зверски убиты в полицейских участках. Левое движение было подорвано, и в марте 1924 г. компартия Японии самоликвидировалась.

В январе 1925 г. в Шанхае партийное совещание с участием представителей Коминтерна поставило задачу скорейшего воссоздания японской компартии. Для его подготовки было создано Центральное бюро, которое, в частности, должно было вести борьбу за «идейную чистоту», т. е. против «реформистов» и приверженцев парламентских методов борьбы. С самого начала своей деятельности коммунистов стали проявлять непримиримость к позиции других партий и организаций. Такая политическая линия противоречила социально-психологическому стереотипу *ва* (равновесие, гармония), важнейшему для социальной практики японцев, и потому не оставляла коммунистам, воссоздавшим свою партию 4 декабря 1926 г., надежды на быстрый рост их влияния.

Образование левых политических партий

Новый всплеск забастовочной борьбы пришелся на 1924–1926 гг. Забастовки тех лет отличались упорством, продолжительностью и многочисленностью участников. В 1924 году в 88 стачках участвовало более 20 тыс. чел., а в 1926 г. в одной только стачке токийских трамвайщиков — 10 тыс. рабочих. Напряженная ситуация была и в деревне. Продолжавшийся со времени первой мировой войны хронический кризис сельского хозяйства привел к дальнейшему ухудшению положения крестьянства, к активизации крестьянских союзов и росту числа арендных конфликтов.

В те годы японское правительство, стараясь направить ситуацию в законное русло, неоднократно предпринимало неудачные попытки принять закон о профсоюзах. В 1925 г. с проектом такого закона (причем довольно прогрессивным) выступило министерство внутренних дел. В 1926 г. правительство представило в парламент новый, ужесточенный вариант, которому также не было суждено преодолеть парламентские слушания, хотя он выносился на обсуждение несколько раз. Все-таки в 1926 г. была отменена ст. 17 закона о полицейских мерах по поддержанию общественного спокойствия 1900 г., фактически делавшая невозможным создание легальных профсоюзов.

Одной из основных проблем рабочего движения в тот период было преодоление разобщенности разнообразных организаций трудящихся. Активная деятельность рабочих организаций и создание Всеяпонского объединения крестьянских союзов подгото-

вили базу для организации легальной партии, спиравшейся на профессиональные и крестьянские союзы. 1 декабря 1925 г. была создана Крестьянско-рабочая партия (Нōмин рōдōтō). Но так как ее почти сразу же запретили, в марте 1926 г. она возродилась под названием Рабоче-крестьянская партия (сокращенно Рōнōтō). Основной опорой Рōнōтō стало левое профсоюзное объединение Хōгикай и Объединение крестьянских союзов. Тогда же другое, более умеренное профсоюзное объединение Сōдōмэй образовало Социал-демократическую партию (Сякай минисътō). К концу 1926 года в Японии было 3 легальных партии трудящихся — кроме Рōнōтō, Социал-демократическая партия (88 тыс. членов) во главе с Абэ Исоо и Японская рабоче-крестьянская партия (около 20 тыс. членов), возглавляемая Асō Хисаси.

* * *

Эпоха «партийных» кабинетов (1918–1921 и 1924–1932 гг.) формально приблизила политическую жизнь Японии к классическим образцам парламентской демократии, когда формирование правительства поручается партии, завоевавшей наибольшее число мест в законодательном органе. Принятие закона о всеобщих выборах, в несколько раз увеличившего численность японского электората и соответственно повысившего представительный характер парламента, еще больше увеличило это сходство. Впечатление, что в Японии успешно шел процесс политической демократизации, усиливалось и тем, что реформы проводились под давлением массовых народных движений, таких как движение за всеобщее избирательное право, рабочее и крестьянское движение, национально-освободительное движение в колониях и др.

Однако на деле изменения происходили лишь в политической практике и не затрагивали основ японской государственной системы. Поэтому позже, в начале 30-х годов, для правящих кругов не составило труда вернуться к прежнему принципу формирования кабинетов, когда представительство в парламенте тех или иных политических сил не имело существенного значения.

Последствия «либерального десятилетия» оказались более стойкими не в публичной политике, а в функционировании японской государственной машины. В 20-е годы прежде всевластная профессиональная бюрократия столкнулась с новой для себя ситуацией: ей пришлось действовать в условиях частой смены кабинетов, представлявших интересы различных олигархических группировок. Министерские чиновники быстро приспособились к новым условиям и сумели извлечь из них пользу для себя. Из-за некоторого ослабления централизованного бюрократического на-

чала усилилась политическая автономия отдельных министерств, получивших возможность проводить собственную политику независимо от политического руководства. Так, во время пребывания Сэйюкай в оппозиции министерство торговли и промышленности проводило линию этой партии на развитие тяжелой и химической индустрии, опираясь при этом на поддержку крупного бизнеса. Еще ярче тенденция к ведомственной независимости, доходившей до настоящего сепаратизма, проявилась в военном и военно-морском министерствах, где она так и не была изжита даже в период войны на Тихом океане.

Японская экономика в 20-е годы

Послевоенные годы стали для Японии периодом довольно быстрого, хотя и неравномерного развития.

Послевоенная депрессия Прекращение военных действий в ноябре 1918 г. означало окончание бума военных лет, хотя в течение еще нескольких месяцев после этого экономика продолжала развиваться довольно быстро под влиянием инфляционных тенденций, подогревавших деловую активность. Спад начался в марте 1920 г. с резкого падения цен. С марта 1920 г. по апрель 1921 г.) индекс оптовых цен упал с 322 до 190 (1913=100). Особенно значительным было падение цен на шелк-сырец и рис, что поставило японское крестьянство в крайне тяжелое положение. Резкое снижение цен привело к спаду производства во многих отраслях промышленности, который продолжался до конца 1922 г. Объем экспорта упал на 30–40% по сравнению с предкризисным уровнем, а торговый баланс вновь стал сводиться с большим дефицитом (за 1920–1922 гг. его размеры составили более 1 млрд. иен). Значительно сократились и размеры положительного сальдо по статьям «невидимой» торговли.

Однако, к концу 1922 г. депрессия в целом была преодолена, хотя некоторые отрасли, процветавшие в период войны, не смогли еще восстановиться полностью. Выход из депрессии был ускорен благодаря политике правительства по стимулированию экономического роста. В частности, были значительно расширены объемы кредитования частного сектора и облегчены его условия, а также существенно увеличены субсидии частным фирмам.

«Восстановительный бум» Деятельность государства в этом направлении еще более активизировалась после землетрясения 1923 г., нанесшего экономике ущерб в 5,5 млрд. иен. Так, Банку Японии было поручено учитывать под

правительственные гарантии векселя частных финансовых институтов, нанесших убытки в результате землетрясения (их общая сумма составила около 100 млн. иен). Кроме того, с целью облегчения восстановительных процессов Промышленный банк и Ипотечный банк начали выдавать специальные ссуды под весьма низкие проценты. Одновременно существенно возросли и прямые государственные расходы — на восстановление экономики, помощь местным органам власти, освоение колоний и т.д., что благотворно сказалось и на деятельности частного сектора. В стране начался «восстановительный» бум, продолжавшийся вплоть до «великой депрессии» 1929–1932 гг. Правда, в отличие от бума военных лет он захватил далеко не все отрасли японской экономики.

Этот период был отмечен, прежде всего, дальнейшим ростом текстильной промышленности, сопровождавшимся и важными техническими изменениями. К концу 20-х годов шелкопрядание уже практически полностью было механизировано, и лишь 4% шелковых нитей производилось на ручных прялках. При почти двукратном росте производства за период 1920–1929 гг. количество фабрик сократилось, но при этом число станков, приходящееся на одну фабрику, в среднем утроилось. В производстве же шелковых тканей по-прежнему наблюдалось своеобразное разделение труда: на тысячах мельчайших предприятий производился шелк для внутреннего рынка, а на относительно крупных механизированных фабриках — шелк, направлявшийся на экспорт.

В другой крупнейшей подотрасли текстильной промышленности — хлопкопрядении — в 20-е годы также продолжался бурный рост с тенденцией ко все большей концентрации производства. Производственные мощности за период 1920–1929 гг. возросли в 1,7 раза, при этом в 1929 г. уже более половины хлопковой пряжи производилось семью крупнейшими компаниями. Все возрастающая часть продукции приходилась на комбинированные прядильно-ткацкие фабрики, и даже мелкие предприятия во все больше стремились сочетать оба этих процесса. Повысилась и степень механизации производства. К концу 20-х годов не только все крупные фабрики были оснащены высокопроизводительными ткацкими станками (в среднем на одну фабрику их приходилось более 50), но и на мелких и мельчайших предприятиях ручные ткацкие станки были почти полностью вытеснены механическими.

Растущий спрос населения на европейскую одежду поддерживал расширение производства шерстяных тканей. Развитие этой подотрасли, находившейся в руках нескольких крупных компаний, шло столь успешно, что к концу 20-х годов иностранные про-

изводители почти полностью были вытеснены с внутреннего рынка шерстяных тканей.

В целом же в конце 20-х годов текстильная промышленность все еще оставалась важнейшей отраслью японской экономики — здесь была занята почти 1/4 всех работающих в промышленности, а из общего числа занятых на фабриках (предприятиях с 5 и более работниками) на текстильную промышленность приходилась почти половина.

Что касается развития других отраслей промышленности, то там картина была весьма пестрой.

В 20-е годы довольно быстро продолжала развиваться металлургическая промышленность — за 1920–1929 гг. производство чугуна возросло в 2,1 раза, а производство стали — в 3,8 раза. Однако даже в конце 20-х годов Япония все еще продолжала сильно зависеть от импорта этих продуктов: за счет импорта удовлетворялось 30% потребностей страны в стали и 40% потребностей в чугуне. Особенно сильна была зависимость Японии от импорта высококачественных сталей, так как ни доминировавший в отрасли государственный комбинат «Явата», ни построенные во время и после войны крупные частные предприятия, несмотря на налоговые льготы и щедрое правительственные субсидии, были пока не в состоянии наладить их производство. Хотя в конце 20-х годов металлургия была одной из крупнейших отраслей тяжелой промышленности, стоимость ее продукции составляла лишь 1/4 от стоимости продукции текстильной промышленности.

В крайне тяжелом положении в 20-е годы оказалось судостроение. После войны оно вступило в полосу глубокого кризиса, так как из-за высоких издержек производства оказалось неспособным конкурировать с продукцией западных стран. В 1919–1929 гг. количество занятых в судостроении (на верфях, где строились суда водоизмещением свыше 1000 т) сократилось почти на 2/3, а объем производства — почти в 4 раза.

Значительно более медленными темпами, чем прежде развивалась горнодобывающая промышленность — за 1919–1929 гг. объем угледобычи возрос лишь на 10% (до 34 млн. т). Хотя часть угля по-прежнему направлялась на экспорт, Япония постепенно превратилась в нетто-импортера угля, поскольку из года в год возрастал импорт коксующихся углей, необходимых для быстро развивающейся металлургии.

В добыче и производстве меди в эти годы наблюдалась стагнация, поскольку себестоимость японской меди оказалась выше, чем добытой на зарубежных рудниках. В результате к концу 20-х

годов основная часть потребностей в меди удовлетворялась уже за счет импорта.

По-разному сложилась в 20-е годы судьба различных машиностроительных производств. Многие предприятия, возникшие в военные годы в условиях отсутствия конкуренции со стороны западных стран и высокого спроса на вооружение, по окончании войны прекратили свое существование. Однако ряд производств, таких как производство двигателей, электрооборудования, оборудования для текстильной промышленности и т.д., продолжали успешно развиваться и после войны. К концу 20-х годов машиностроение стало крупнейшей отраслью тяжелой промышленности Японии, хотя стоимость его продукции составляла лишь 2/3 от стоимости продукции текстильной промышленности.

Среди машиностроительных производств наиболее успешно развивалось производство велосипедов, бывших в 20-е годы основным видом городского транспорта. К концу 20-х годов Япония уже полностью обеспечивала себя как велосипедами, так и запчастями к ним. Значительный прогресс был достигнут также в производстве промышленного электрооборудования, и к концу 20-х годов страна уже вполне могла обеспечить большую часть спроса за счет отечественного производства.

Однако, несмотря на эти успехи, Япония все еще продолжала оставаться крупнейшим импортером машиностроительной продукции. При этом отечественное производство, как правило, удовлетворяло спрос на наиболее простые типы машин и оборудования, а более сложные их виды импортировались из США, Великобритании, Германии. В целом же по сравнению с развитыми странами к концу 20-х годов тяжелая промышленность Японии была развита слабо, и никто не мог предположить тогда, что со временем именно тяжелая промышленность будет составлять основу экономической и технической мощи страны.

Структура японской промышленности

В конце 20-х годов в японской промышленности по-прежнему можно было обнаружить сосуществование как бы нескольких эпох. Наряду с новыми отраслями, возникшими и развившимися в результате импорта западной техники и технологии, а также некоторыми традиционными отраслями (текстильной, производством фарфора), претерпевшими существенные изменения с точки зрения технологии производства и номенклатуры выпускаемой продукции, в Японии и в конце 20-х годов продолжали существовать многие виды традиционных производств, на которые все большее вовлечение страны в мирохозяйственные

связи не оказало практически никакого воздействия. Среди них можно назвать производство *гета* (деревянной обуви) и *татами* (циновок), японской национальной одежды, предметов быта, продовольствия и т.д.

В результате японская промышленность конца 20-х годов являла собой причудливое сочетание небольшого числа крупных, оснащенных по последнему слову техники заводов и фабрик со множеством мелких и мельчайших предприятий, в массе своей использовавших старые методы и орудия производства.

Используя данные японской статистики о составе занятых в промышленности, можно примерно оценить значимость каждого из этих укладов. В 1930 г. в промышленности работало 5,2 млн. чел., из них 1875 тыс. чел. или 36% — на фабриках (т.е. предприятиях с 5 и более занятыми); основная же часть — 3325 тыс. чел. или 64% — были заняты на мельчайших предприятиях, которые даже не учитывались фабрично-заводской статистикой. Они-то и формировали основу традиционного сектора японской промышленности. Что касается другого полюса — крупных предприятий (с числом работников 500 и более), — то в 1930 г. на них работало 480 тыс. чел. или 9% всех занятых в индустрии. Таков был облик японской промышленности на рубеже 20–30-х годов.

Особенностью экономического развития Японии в 20-е годы был также сравнительно быстрый рост отраслей третичной сферы (транспорт, связь, торговля и сфера услуг). В конце 20-х годов здесь было занято около 8,5 млн. чел., в том числе 7,5 млн. — в торговле и сфере услуг. Именно они, а не промышленность, где занятость практически не увеличилась, поглощали основную массу прибывавших из деревни людей. Подавляющая часть предприятий сферы услуг и торговли была представлена мелкими и мельчайшими, часто семейными фирмами, и уровень производительности труда был здесь крайне низок.

Положение в сельском хозяйстве 20-е годы оказались весьма сложным периодом для сельского хозяйства Японии.

Число крестьянских хозяйств несколько увеличилось — с 5485 тыс. в 1920 г. до 5600 тыс. в 1930 году, но их структура с точки зрения размеров земельных участков почти не изменилась: в 1930 г. более 90% хозяйств были мелкими и мельчайшими (от 0,25 до 5 акров), и лишь около 10% имели наделы более 5 акров.

Рис по-прежнему оставался основной сельскохозяйственной культурой — под него было отведено более половины пахотной земли. Несмотря на расширение использования удобрений, уро-

жайность риса в конце 20-х годов лишь незначительно превышала уровень военных лет (соответственно 18,71 коку с 1 *тё* в 1925–1929 гг. и 18,46 коку с 1 *тё* в 1915–1919 гг.). Техника практически не использовалась, и все операции по-прежнему производились вручную. К числу нововведений можно отнести лишь появление в эти годы первых птицеферм, а также освоение производства некоторых новых видов овощей и фруктов.

Главной проблемой, негативно сказывавшейся на развитии сельского хозяйства в 20-е годы, была крайняя нестабильность цен. Причем особой нестабильностью отличались цены на основные товарные продукты — рис, который производили практически все крестьянские хозяйства, и коконы, разведением коконов занимались более 40% дворов. Между тем в 20-е годы уровень товарности крестьянских хозяйств заметно повысился и составлял уже около 60%, т. е. около 60% всего, что производилось крестьянской семьей, шло на продажу. В результате крестьянское хозяйство стало особенно чувствительным к колебаниям цен, так как от их уровня напрямую зависело, сможет ли крестьянин приобрести инвентарь и удобрения, заплатить налоги, вернуть долги, купить в городе необходимую одежду и т. д.

По окончании военного бума началось резкое падение цен на рис — в течение 1921 г. они упали в 2 раза. С целью поддержать крестьянство, оказавшееся в крайне тяжелом положении, правительство приняло специальный закон, наделявший министра сельского хозяйства правом «регулировать спрос и предложение» путем создания запасов риса, когда цены на него были слишком низки, и продажи этих запасов, когда цены оказывались слишком высоки. Однако эти усилия не увенчались большим успехом: к 1925 г. цены на рис возросли и почти достигли уровня 1920 г., но затем вновь началось их снижение, и в начале 30-х годов они составляли всего лишь 44% от уровня 1925 г. Не лучше обстояло дело и с ценами на коконы: с 1925 г. по 1929 г. они снизились более, чем на 30%, а с началом «великой депрессии» и вовсе «обвалились» и в 1931 г. составляли всего лишь 30% от уровня 1925 г.

Из-за падения цен снизились валовые и чистые доходы крестьянских хозяйств, и в конце 20-х годов уже 2/3 их чистого дохода уходило на уплату налогов, арендной платы и другие выплаты. Чтобы поддержать валовой денежный доход, крестьяне даже в условиях падения цен продолжали увеличивать производство (так, например, с 1925 г. по 1931 г. при падении цен на коконы на 2/3 их производство возросло на 25%), что еще больше осложняло ситуацию.

Банковский кризис 1927 г.

Наиболее серьезным потрясением в японской экономике вплоть до конца 20-х годов был банков-

ский кризис 1927 г. Его глубинные причины коренились в особенностях выхода японской экономики из послевоенной депрессии. В результате действий правительства по стимулированию экономического роста реальные стоимостные пропорции не были восстановлены в полном объеме (прежде всего, остались сильно завышенными финансовые активы компании и банков). Кроме того, эффективной работе банковской системы страны мешало существование огромного числа мелких банков. Последние в основном и стали жертвами банковского кризиса, в ходе которого общее число банков сократилось с 1359 до 1030.

Годом позже, в 1928 г., был пересмотрен закон о банках, усиливший контроль правительства за банковской сферой. Кроме того, вдвое был повышен минимальный уровень собственного капитала банков (в Токио и Осака — до 2 млн. иен, в других районах — до 1 млн. иен), в результате чего число банков сократилось еще больше (до 913 в 1930 г.).

Развитие внешней торговли

В 20-е годы довольно быстро продолжала развиваться внешняя торговля: в 1921–1929 гг. импорт вырос на 40%, а экспорт — на 70%

(оценивая эти показатели, следует иметь в виду, что с середины 20-х годов произошло понижение цен на сырьевые товары).

К началу 30-х годов почти 20% внешнеторгового оборота Японии приходилось на торговлю с колониями. Из Японии туда отправлялись в основном промышленные товары, в том числе оборудование для разработки ресурсов, а в Японию поступали сырье и продовольствие. При этом Корея поставляла рис, бобы, морепродукты и удобрения, а Тайвань — сахар и рис.

Что же касается торговли с остальным миром, то и в экспорте, и в импорте произошли изменения, наглядно отражавшие особенности и успехи японского типа индустриализации.

В экспорте и в конце 20-х годов преобладали различные виды текстильной продукции. В совокупности на них приходилось 2/3 стоимости экспорта, в том числе на шелк-сырец — 37%, на хлопковые ткани — 20%, и на шелковые ткани — 10%. Основным экспортным рынком были США — сюда направлялось 41,8% японского экспорта (прежде всего шелк-сырец). Индия и страны ЮВА (второй по значимости экспортный рынок) приобретали в основном хлопковые ткани, одежду и некоторые другие готовые товары. В целом на экспорт промышленные изделия во второй поло-

вине 20-х годов приходилось уже 40–50% японского экспорта, а экспортная зависимость обрабатывающей промышленности составляла 25–35%.

Еще более ярко прогресс индустриализации отразился в изменении структуры импорта Японии. Ввоз готовой продукции в 1925–1930 гг. практически не увеличился, хотя внутренний спрос на нее вырос многократно. Напротив, объем импорта сырья и полуфабрикатов значительно возрос: в конце 20-х годов только на необработанное сырье приходилось более половины стоимости импорта. Важную роль играл импорт в удовлетворении внутреннего спроса на продовольствие (в конце 20-х годов примерно 16% продовольствия ввозилось из-за рубежа, главным образом из колоний). При этом все большая часть импорта оплачивалась доходами от экспорта готовой продукции, а не за счет заимствований за рубежом, как это делалось до мировой войны.

Экономика японских колоний

В 20-е годы быстрыми темпами шло освоение колоний: за 1921–1930 гг. в форме долгосрочных инвестиций в экономику Тайваня было вложено около 340 млн. иен, а в экономику Кореи — более 1 млрд. иен. Ввиду расширения частных инвестиций доля государства в общем объеме японских капиталовложений несколько снизилась (на Тайване — до 28%, в Корее — до 57%). Основная часть государственных инвестиций (50–60%) по-прежнему направлялась на развитие инфраструктуры; существенная доля (20–30%) шла на развитие сельского хозяйства (строительство ирригационных сооружений, содействие распространению среди крестьян передовых методов производства и т.д.), поскольку с самого начала за колониями была закреплена роль поставщиков продовольствия для быстро росшего населения Японии. Частные же компании осваивали в основном более прибыльные сферы с короткими сроками окупаемости (главным образом создавали предприятия по переработке промышленного и сельскохозяйственного сырья).

Нельзя отрицать, что благодаря японским инвестициям в 20-е годы экономическое развитие колоний ускорилось. Так, в Корее в 1923–1932 гг. среднегодовые темпы роста сельскохозяйственного производства составляли около 3%, а промышленного производства — 6,5%, а на Тайване — соответственно, 4,2% и 7,0%. Поскольку в самой Японии в этот период эти показатели равнялись 1,2% и 7,1%, то можно сделать вывод, что развитие промышленности в колониях шло примерно теми же темпами, что и в метрополии, а развитие сельского хозяйства — даже заметно быстрее.

Разумеется, оценивая эти цифры, нужно иметь в виду и те огромные моральные и материальные издержки, которые понесли эти страны из-за отсутствия свободы в выборе собственного пути экономического и социального развития, из-за их все более усиливавшейся ориентации на обслуживание интересов метрополии. Так, уже в конце 20-х годов доля Японии в экспорте Кореи составляла 91%, а в ее импорте — 72%; по Тайваню соответствующие показатели составляли 78% и 68%.

Усиление японских монополий

20-е годы были отмечены также значительным усилением экономической мощи промышленно-финансовых групп *дзайбацу*. Если в период войны границы *дзайбацу* расширялись, главным образом, за счет отраслей тяжелой промышленности, то в последующие годы заметно возросла их активность в торговле и финансовой сфере. При этом в орбиту их влияния попадали не только мелкие и средние, но и крупные предприятия, оказавшиеся по тем или иным причинам в затруднительном положении (этот процесс особенно ускорился в периоды экономических потрясений).

От монополистических союзов других стран *дзайбацу* отличали не только масштабы сосредоточенной в их руках финансовой и промышленной мощи, но и чрезвычайно широкий отраслевой состав входивших в них предприятий. В сфере их интересов находились горнодобывающая промышленность и металлургия, электро- и общее машиностроение, производство тканей и бумаги, цементное и стекольное производство, судостроение и судоходство, внутренняя и внешняя торговля, банковская сфера и страхование.

По некоторым оценкам в конце 20-х годов *дзайбацу* контролировали уже около 30% банковского и промышленного капитала Японии. Этому способствовали не только тесные связи *дзайбацу* с бюрократией, но и полное отсутствие в Японии каких-либо законодательных ограничений в отношении монополий.

Роль государства в экономике

Рост частного сектора и, прежде всего, значительное усиление позиций *дзайбацу* привели к относительному снижению доли государства в национальном богатстве. Если в довоенные годы она составляла около 50%, то к концу 20-х годов снизилась до 30%. Но в целом роль государства в экономическом развитии оставалась весьма значительной.

Продолжали существовать государственные монополии в производстве соли, табачных изделий и камфары. По-прежнему в руках государства находилась большая часть железных дорог, военные заводы и верфи. Ему принадлежал также солидный парк тор-

говых судов (после войны, когда у многих частных компаний суда стали простаивать, была создана специальная государственная компания, задачей которой являлось приобретение этих бездействующих судов). И наконец, в руках государства находился крупнейший металлургический комбинат «Явата» и несколько других крупных промышленных предприятий.

Наряду с прямым владением собственностью, государство активно вмешивалось в управление экономикой. Через специальные банки (в частности, Промышленный банк Японии) оно направляло средства на поддержку стратегически важных отраслей. В 20-е годы помимо тяжелой промышленности в эту группу входили и некоторые предприятия, созданные в колониях (крупнейшим из них была Южно-Маньчжурская железнодорожная компания).

Для регулирования экономического развития по-прежнему широко использовались субсидии. В 20-е годы они предоставлялись предприятиям, занятым в судостроении и судоходстве, производителям сахара, частным железным дорогам, некоторым химическим производствам, а также производителям специальных сталей.

Предметом особой заботы правительства в те годы было сельское хозяйство. Правительство не только пыталось поддерживать цены на рис и шелк-сырец в периоды их «обвала», но и направляло большие средства на развитие ирригационной системы, проведение дренажных работ, а также на оказание материальной помощи арендаторам в приобретении земли.

Заслуживает внимания и другой аспект государственной экономической политики, а именно создание при государственной поддержке предпринимательских организаций для содействия развитию той или иной отрасли, повышения качества и проведения стандартизации продукции и т.д. В частности, в 1925 г. был принят закон о гильдиях экспортеров и промышленников, который предусматривал создание таких организаций в экспортных производствах и наделял их правом контроля за качеством продукции. Государство поддерживало также создание крестьянских кооперативов для совместных закупок удобрений, инвентаря и т.д. и организации сбыта продукции, предоставляя им дешевые кредиты и субсидии.

* * *

Итак, в 20-е годы экономика Японии развивалась в целом довольно быстро, хотя и не без проблем и осложнений, если не считать банковского кризиса 1927 г. Но уже в начале следующего десятилетия ей предстояло столкнуться с серьезными испытаниями.

Глава 2

ПРОТИВОРЕЧИЯ ЯПОНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
В 1918–1930 гг.

Внешняя политика Японии в 1918–1930 гг. отличалась заметной противоречивостью. С одной стороны, Япония активно участвовала в международных переговорах, призванных заложить основу «вечного мира», а с другой — продолжала уже ставшую традиционной политику военной экспансии (интервенция на русском Дальнем Востоке, интервенционистские акции в Китае). Причем, если первая внешнеполитическая линия была направлена достижение максимального взаимопонимания с другими великими державами, то вторая носила конфронтационный характер по отношению к ним же, поскольку прямо затрагивала их собственные империалистические интересы.

Такая непоследовательность внешнеполитической стратегии отражала двойственность интересов японских правящих кругов. Рост вовлеченности Японии в международные торговые связи во время первой мировой войны стимулировал поиск политических средств обеспечения стабильности этих связей и, соответственно, участие в системах международной безопасности. Но одновременно значительная роль военных в политической жизни страны, интересы производителей вооружения и присущие националистам автаркические экономические представления диктовали экспансионистский внешнеполитический курс, опиравшийся на военные средства.

Японская интервенция на русском Дальнем Востоке

С первыми известиями об октябрьской революции в России японское правительство стало разрабатывать планы захвата русских дальневосточных территорий. Для этого японское правительство приняло активное участие в совещаниях стран Антанты, вырабатывавших планы военной интервенции. Япония добивалась, чтобы проведение интервенции было поручено японским вооруженным силам, чтобы заполучить контроль над русским Дальним Востоком и Восточной Сибирью.

Начало интервенции 12 января 1918 г. японский крейсер «Ивами» вошел в бухту Владивостока для «защиты интересов и жизни проживающих на российской земле японских подданных». При этом утверждалось, что япон-

ское правительство не намерено «вмешиваться в вопрос о политическом устройстве России». Через несколько дней во Владивосток прибыли военные корабли США, Японии и Китая.

18 февраля 1918 г. верховный военный совет Антанты принял решение об оккупации японскими войсками Владивостока и Харбина, а также Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Однако США, опасавшиеся чрезмерного усиления Японии в северо-западной части Тихого океана в результате захватов русской территории, с подозрением следили за активностью Японии в Приморье и потребовали от Японии обязательства не предпринимать широких операций без ведома и согласия Антанты, а также вывести свои войска после достижения целей интервенции. 16 марта японское правительство дало такие заверения.

4 апреля 1918 г. во Владивостоке произошло убийство двух японских служащих коммерческой компании. На следующий день, не дожидаясь расследования дела, японцы высадили в городе десант под предлогом защиты японских подданных. Вслед за японцами высадились английские интервенты. 29 июня 1918 г. с помощью мятежных чешских военнопленных во Владивостоке была свергнута советская власть.

2 июля 1918 г. верховный военный совет Антанты принял решение расширить масштабы интервенции в Сибири. Вскоре были высажены новые крупные десанты английских и японских войск. В августе к интервентам присоединились американские, канадские и французские контингенты. К октябрю 1918 г. численность японских войск достигла 72 тыс. чел. (американский экспедиционный корпус насчитывал 10 тыс. чел., войска других стран — 28 тыс.). Они оккупировали Приморье, Приамурье и Забайкалье. Главнокомандующим союзными войсками на Дальнем Востоке был назначен японский генерал Отани.

Для того, чтобы отторгнуть дальневосточные территории от России, японцы вынашивали план создания на них буферного «государства» под протекторатом Японии. Предполагалось включить в его состав и Восточную Сибирь вплоть до Байкала. В 1919 г. японский представитель вел переговоры с атаманом Семеновым о том, чтобы он возглавил такое «государство».

Тем временем Япония, которая к 1919 г. затратила на интервенцию 160 млн. иен, старались воспользоваться оккупацией русского Дальнего Востока для захвата ключевых позиций в экономике края. После ликвидации в июне 1918 г. советской власти на Дальнем Востоке японцы начали скупать у вернувшихся русских

собственников земельные участки, заводы и фабрики, приобретать различного рода концессии.

Эксплуатация природных ресурсов оккупированных территорий шла полным ходом. Так, в апреле 1920 г. в Японии было зарегистрировано 29 новых лесопромышленных компаний с капиталом в 27 389 тыс. иен, образованных для эксплуатации лесных богатств Сибири. Все лучшие рыболовные участки на тихоокеанском побережье также были захвачены японскими рыбопромышленниками.

Действия интервентов вызвали сопротивление русского населения, принявшее форму широкого партизанского движения. Весной 1919 г. в Приамурье действовали 20 партизанских отрядов, насчитывавших (по японским оценкам) 25 тыс. бойцов, которые сковывали значительные силы японских интервентов. Огромные масштабы приобрело партизанское движение и в Приморье. Возникли целые партизанские районы, где была восстановлена советская власть.

Разгром армии адмирала Колчака (именно на него делали политическую ставку США) Красной Армией в начале 1920 г., огромный размах партизанского движения на Дальнем Востоке, а также признаки разложения в собственных войсках заставили американских и других интервентов вывести свои силы. В начале апреля 1920 г. эвакуация иностранных войск (кроме японских) с русского Дальнего Востока была завершена (американские военные корабли оставались во Владивостоке до 1922 г.). Однако численность японских войск продолжала там увеличиваться.

Подозрения США относительно аннексионистских намерений Японии в Приморье и в Восточной Сибири все росли. Последовали американские протесты против действий Японии. 9 февраля 1921 г. американский консул во Владивостоке опубликовал декларацию правительства США, в которой осудил нарушения территориальной целостности России. 31 мая 1921 г. США снова направили Японии ноту с предупреждением, что они не признают никаких притязаний и прав, являющихся следствием японской оккупации Сибири.

«Николаевский инцидент» Для того, чтобы обосновать продолжение своей оккупации, японцы использовали кровавые события в Николаевске-на-Амуре («николаевский инцидент»). Этот город был занят японскими войсками еще в сентябре 1918 г. В начале 1920 г. его осадил красный партизанский отряд под командованием некоего Тряпицына. 28 февраля в результате переговоров между партизанами и командо-

ванием японского гарнизона было заключено соглашение «О мире и дружбе японцев и русских», по которому партизаны мирно вошли в город. Однако ночью 12 марта 1920 г. между японскими войсками и партизанами вспыхнули столкновения. В результате японцы были разбиты, часть их попала в плен, а остатки японского гарнизона забаррикадировались в своих казармах. Партизаны обстреляли их из пушек, здания загорелись, и оборонявшиеся погибли в огне.

После этого в конце мая 1920 г. в Николаевск был направлен крупный японский контингент. Вынужденный отступить Тряпицын приказал расстрелять всех пленных (белогвардейцев и японцев), а также всех жителей, которые откажутся покинуть город вместе с ним. 27 мая город был подожжен партизанами и почти полностью сгорел (впоследствии за эти действия Тряпицын был расстрелян красными).

Этот инцидент был немедленно использован японскими правящими кругами. 31 марта 1920 г. японское правительство опубликовало заявление о том, что сложившаяся на Дальнем Востоке обстановка не позволяет ему вывести свои войска из края. Затем Япония оккупировала Северный Сахалин и заявила, что ее войска останутся там вплоть до образования «общепризнанного правительства в России», а также «благоприятного» разрешения «николаевского инцидента» (японцы требовали признания русскими своей полной ответственности за него).

Образование ДВР Советское правительство искало возможности добиться вывода японских войск из Сибири и с Дальнего Востока, чтобы сохранить эти территории в составе России. Какая-либо военная акция при этом исключалась. Председатель Совета народных комиссаров В.И. Ленин писал по этому поводу:

«Вести войну с Японией мы не можем и должны все сделать для того, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям сейчас непосильна».

Выход был найден в создании на востоке страны отдельного, буферного государства — Дальневосточной республики (ДВР).

Мысль о создании буферного государства вынашивалась в японских правящих кругах с самого начала интервенции. Поэтому Япония согласилась с этой идеей, надеясь со временем превратить новое государство в свой протекторат. Советское правительство, с своей стороны, рассчитывало утвердить в ДВР свое влия-

яние и в дальнейшем воссоединить восточные территории с Россией. При этом создание ДВР должно было предотвратить прямое военное столкновение с Японией.

Образование ДВР было провозглашено 6 апреля 1920 г. Ее суверенитет вначале распространялся лишь на Забайкалье, но 29 октября в Чите было объявлено об объединении в Дальневосточную республику всех областей Дальнего Востока. Однако 26 мая 1921 г. во Владивостоке и в других оккупированных японцами местностях произошел переворот, приведший к свержению власти ДВР. Новое «правительство» возглавили крупные торговцы — братья Меркуловы, опиравшиеся на японские войска.

Провал японской интервенции

К лету 1922 г. 15 капиталистических государств признали РСФСР де-факто или де-юре, что значительно улучшило ее международное положение. Это не благоприятствовало продолжению японской оккупации.

Нарастало и внутреннее противодействие продолжению интервенции. Летом в Японии 1922 г. возникло общество «Руки прочь от России!», проводившее многочисленные митинги протеста против продолжения интервенции. В сентябре 1922 г. была создана Кансайская (район Японии, где расположены города Осака, Киото, Кōбэ) лига борьбы против интервенции в России. Идеи солидарности с «борющимся народом трудовой России» были характерны и для крупной профсоюзной организации Сōдōмэй, которая, несмотря на некоммунистическую, социал-демократическую ориентацию, наиболее активно протестовала против «сибирской экспедиции» японских войск.

Недовольство выражали и многие влиятельные политики и предприниматели. В то время, когда Россия разваливалась, и была надежда превратить ее в объект колониальной эксплуатации наподобие Китая, интервенция, в целом, пользовалась поддержкой японских промышленников. Однако, когда ситуация в России относительно стабилизировалась, а гражданская война фактически завершилась победой большевиков, эти надежды растаяли. Между тем интервенция стоила Японии больших расходов — около 600 млн. иен. Поэтому оппозиционная партия Кэнсэйкай, представлявшая торгово-промышленные круги, неоднократно выступала за вывод японских войск из Сибири.

Наконец, свою роль в изменении японской политики сыграло соперничество между армией флотом за военные ассигнования. Если генералы выступали за продолжение интервенции, то адмиралы — за перераспределение военных расходов в пользу военно-

морских сил, что было невозможно при сохранении огромного экспедиционного корпуса в России. При этом «морская» группировка пользовалась поддержкой со стороны японских судостроительных компаний, имевших значительное влияние на прессу и правительство.

Все это оказало значительное влияние на внешнеполитический курс Японии, которая объявила о намерении вывести свои вооруженные силы из Приморья к 1 ноября 1922 г. 25 октября 1922 г. японские войска покинули Владивосток. Однако японская оккупация Северного Сахалина продолжалась еще 3 года, вплоть до установления дипломатических отношений между СССР и Японией.

7 ноября 1922 г. во Владивостоке была провозглашена советская власть. 15 ноября 1922 г. «по просьбе Народного собрания ДВР» Дальневосточная республика была объявлена нераздельной частью РСФСР «в теперешних ее пределах, включая оккупированную иностранными войсками зону».

Помимо больших человеческих жертв, японская интервенция нанесла огромный ущерб народному хозяйству русского Дальнего Востока. Кроме того, так и остался нерешенным вопрос о судьбе части золотого запаса России (более 40 т золота), переданного белогвардейцами Японии «на сохранение».

Установление дипломатических отношений между СССР и Японией

После окончания японской интервенции на русском Дальнем Востоке советское правительство неоднократно предлагало Японии установить нормальные дипломатические отношения. Японское правительство не спешило с ответом. Однако стабилизация обстановки в СССР и дипломатические успехи Советского государства, установившего отношения с рядом ведущих стран, побудили Японию к нормализации советско-японских отношений.

После длительных переговоров 20 января 1925 г. в Пекине была подписана советско-японская конвенция об основных принципах взаимоотношений. Конвенция устанавливала дипломатические и консульские отношения между обоими государствами. К 15 мая 1925 г. Япония обязалась вывести свои войска с Северного Сахалина. Япония и СССР заявили о своем стремлении поддерживать мирные и дружественные отношения на основе принципа взаимного невмешательства во внутренние дела. Конвенция оставила в силе договор, заключенный между Японией и Россией в Портсмуте 5 сентября 1905 г., но специальная советская декларация, приложенная к конвенции, подчеркивала, что это «никоим

образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение указанного договора».

Советско-японской конвенцией были определены и основы экономических взаимоотношений обеих стран. Был оговорен пересмотр русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., что стало основанием для подписания в 1928 г. новой конвенции. Была достигнута договоренность о предоставлении японским предпринимателям концессии на разведку и добычу нефти и угля на Северном Сахалине.

Нормализация советско-японских отношений представляла собой важный факт оздоровления обстановки на Дальнем Востоке. Но и после подписания конвенции отношения между двумя странами остались довольно напряженными. Япония не отказалась от своей антисоветской политики, рассчитанной на провоцирование конфликтов с Советским Союзом. Так, по вине японской стороны было сорвано заключение торгового договора, и в дальнейшем японское правительство чинило всевозможные препятствия для развития торговли с СССР.

Фактически не выполнялась также одна из важнейших статей конвенции — взаимное обязательство не допускать присутствия на территории, находящейся под их юрисдикцией, организаций или групп, «претендующих стать правительством на какой-либо части территории одной из договаривающихся сторон». Само появление этой статьи свидетельствовало об изначальном взаимном недоверии в советско-японских отношениях. Япония подозревала СССР в организации подрывной коммунистической деятельности, а СССР Японию — в поддержке многочисленных белоэмигрантских организаций, нашедших приют в Маньчжурии и в Японии. И те, и другие подозрения были небезосновательны, хотя справедливости ради нужно сказать, что японское правительство обладало гораздо большими возможностями в этом плане хотя бы потому, что белоэмигрантские вооруженные отряды неизмеримо превосходили по численности и агрессивности любые марксистские группы на территории Японской империи.

Вашингтонская конференция

Переустройство мирового порядка по итогам войны 1914–1918 гг., не могло обойти проблемы Восточной Азии и тихоокеанского региона, где переплелись интересы мощных империалистических держав — США, Великобритании и Японии.

Проблемы послевоенного урегулирования на Дальнем Востоке

За время первой мировой войны Соединённые Штаты превратились в могущественную державу. Из страны-должника США сделали мировым кредитором. К ноябрю 1922 г. Великобритания задолжала им 4,7 млрд. долл., Франция — 3,8 млрд., Италия — 1,9 миллиарда. Одновременно США стали крупным экспортером капитала.

Следствием этого было, в частности, обострение англо-американского и японо-американского соперничества в Китае. Великобритания и Япония укрепляли свои позиции в там путем раздела этой страны на «сферы влияния». Сферой английского преобладания являлись главным образом район р. Янцзы и Южный Китай. В противовес этому США выдвинули лозунг «открытых дверей», который давал им возможность, используя свое экономическое превосходство, вытеснять из Китая своих империалистических конкурентов.

Империалистическое соперничество отражалось в гонке морских вооружений. В 1916 г. США приняли гигантскую судостроительную программу, направленную на то, чтобы закрепить за ними положение первой военно-морской державы мира. Кроме того в 1919 г. флот США был переведен с атлантического побережья на тихоокеанское.

Великобритания для защиты своих интересов также хотела усилить свои военные позиции на Дальнем Востоке, но в тот момент была не в силах это сделать. К востоку от Мальты она не имела ни морских, ни топливных баз, необходимых для активного функционирования флота. Поэтому был выдвинут план сооружения новой британской военно-морской базы в Сингапуре.

Этот план требовал огромных ассигнований, а финансовая и экономическая база страны была сильно подорвана длительной войной. Великобритания была вынуждена не увеличивать, а сокращать свой флот. Через год после Парижской конференции, в 1920 г., Лондон отказался от давнего принципа своей морской политики — иметь флот, равный флотам двух самых сильных морских держав («two powers standard»), и вынужден был заменить его принципом равенства одному крупнейшему иностранному флоту («one power standard»).

В результате Великобритания, впадшая за годы войны в финансовую зависимость от США, перестала быть для них прямым конкурентом. Первостепенную важность для обеих держав теперь приобрело соревнование с Японией, расширявшей масштабы военно-морского строительства. Интересы Великобритании и США

временно совпадали и в том, чтобы не дать Японии утвердить свое господство на Дальнем Востоке.

Получение Японией мандата на управление бывшими германскими островами в Тихом океане по решению Парижской мирной конференции значительно приблизило ее владения к Австралии, Новой Зеландии и Юго-Восточной Азии, фактически поставило под ее контроль морские пути в Тихом океане, в том числе и коммуникации США с Филиппинами и Китаем.

Однако, несмотря на обостренность отношений с Японией, американская сторона не была заинтересована в открытом столкновении с ней, и фактически не была готова к нему. Как держава, достигшая мирового первенства в гонке морских вооружений, Соединенные Штаты, скорее, стремились зафиксировать на максимально возможный срок достигнутую позицию с тем, чтобы использовать флот как средство осуществления своей внешней политики.

Поэтому США выступили с предложением созвать конференцию по ограничению морских вооружений. 8 июля 1921 г. они послали предложение принять в ней участие Великобритании, Франции, Италии и Японии. Но еще до этого, 5 июля 1921 г. после завершения Британской имперской конференции, так и не принявшей окончательного решения по вопросу об англо-японском союзе, британский министр иностранных дел Керзон обратился к президенту США с предложением о созыве конференции по дальневосточным и тихоокеанским вопросам и связанным с ними проблемам вооружений. Так из объединения двух встречных предложений и родилась идея созыва конференции в Вашингтоне.

* * *

Открытие Вашингтонской конференции состоялось 12 ноября 1921 г. Главными на ней были вопросы морских вооружений, англо-японский союз, шаньдунский вопрос, вопрос о политике держав в Китае.

На конференцию собрались делегации США, Великобритании, Японии, Китая, Франции, Италии, Нидерландов, Бельгии и Португалии. Помимо них, отдельно были представлены британские доминионы и Индия; поэтому считалось, что в конференции участвуют 14 стран. Делегацию США возглавлял государственным секретарь Ч.Хьюз (Юз). Он же был избран и председателем конференции. Во главе британской делегации стоял А.Бальфур, французской — премьер-министр А.Бриан, а японской — Катō Томосабурō. Германия, у которой по Версальскому договору были отняты все владения на Тихом океане, приглашена не была. РСФСР

также не получила приглашения под предлогом того, что «не существует единого русского правительства». Советское народный комиссариат иностранных дел направил по этому поводу ноту протеста в адрес Великобритании, Франции, США, Японии, и Китая, в которой, в частности говорилось:

«Российское правительство торжественно заявляет, что оно не признает никакого решения, принятого упомянутой конференцией, поскольку это совещание состоится без его участия».

В ноте содержался также протест против неприглашения на конференцию Дальневосточной республики (ДВР), созданной в качестве буфера между РСФСР и Японией в апреле 1920 г. Уже после начала конференции делегация ДВР по своей инициативе прибыла в Вашингтон безо всякого приглашения. Она была принята Хьюзом, который пообещал ей постараться добиться вывода японских войск с территории Приморья, но допустить делегацию на конференцию отказался.

Вашингтонская конференция сопровождалась шумной рекламной кампанией. Ее работа была объявлена публичной, выступления делегатов на пленарных заседаниях немедленно публиковались, что должно было продемонстрировать полную открытость для общественности этого международного форума. Однако уже с первых дней конференции стало очевидно, что ведущую роль в работе конференции играла «большая тройка» — США, Великобритания и Япония. Поэтому все важнейшие решения фактически принимались за пределами зала заседаний.

Ликвидация англо-японского союза

Судьба англо-японского союза затрагивала взаимоотношения не только Японии, Великобритании, но и США, причем каждая из трех стран имела в отношении него свои планы. Пользуясь тем, что они председательствовали на конференции, США постарались уделить главное внимание именно этой проблеме, и до завершения ее обсуждения другие вопросы, по существу, не имели перспективы разрешения.

Позиция Великобритании по данной проблеме складывалась из многих факторов. Англо-японский союз, открытый направленный против интересов Германии и России на Дальнем Востоке, имел 20-летнюю историю и долгое время был полезен обеим сторонам. Однако затем у Великобритании появилось немало оснований для его аннулирования. Несмотря на раздел «сфер влияния» в Китае, в экономической сфере было достаточно свидетельств открытого наступления японского капитала на британ-

ские позиции в этой стране. Особенно страдали английские торговцы текстилем, испытывавшие усиливавшуюся конкуренцию со стороны японцев.

В то же время существовали важные обстоятельства, которые не позволяли британскому правительству решительно разорвать союз с Японией. Главное из них заключалось в активизации борьбы между великими державами за влияние на Тихом океане, где у Великобритании и Японии, помимо соперничества имелись и общие, антиамериканские интересы.

Все это, а также усиливавшаяся экономическая и внешнеполитическая самостоятельность доминионов ставили британское правительство в положение, когда оно опасалось разрыва англо-японского союза. Это привело бы к прямому военно-морскому соперничеству с Японией, которое Великобритании было бы нелегко выдержать.

Наследный принц Хирохито с английским королем Георгом V.
Лондон, 1921 г.

Что касается Японии, то она стремилось продлить союз, видя в нем одно из средств противодействия США. Бесспорным свидетельством этого была поездка кронпринца Хирохито в Великобританию. Несмотря на то, что формально это был частный визит, обеим сторонам было ясно, что он являлся политической акцией. Ранее ни один император или наследник престола не покидали страну ради визита к «варварам».

Тем не менее, несмотря на широкую рекламную кампанию в японской и британской прессе, ожидаемого результата поездка Хирохито не дала. Британское правительство не смогло получить поддержки доминионов для однозначного положительного решения о союзе. Великобритания, Австралия и Новая Зеландия, которые в случае разрыва англо-японского союза могли оказаться перед лицом японской военной угрозы, были за его продление. Но Канада и Южно-Африканский союз вследствие укрепления их экономических и политических связей с США (особенно у Канады) заняли совершенно противоположную позицию. В случае продления союза они были даже готовы разорвать свои связи с метрополией.

Официальная позиция США в отношении англо-японского союза сложилась уже к началу 1920 г. Длительное нарастание (особенно в годы войны) напряженности в японо-американских отношениях привело к тому, что Соединенные Штаты стали решительными и активными противниками продления союза.

Из-за острого столкновения интересов обсуждение вопроса об англо-японском союзе на Вашингтонской конференции проходило почти целиком секретно, на заседаниях «большой тройки». Очевидно державы опасались выносить его на пленарные заседания, чтобы не обнаружить непримиримость своих противоречий.

В ходе переговоров Соединенные Штаты отклонили идею тройственного союза — США, Великобритании и Японии, — поскольку опасались, что в его рамках старые партнеры смогут договориться между собой и вместе оказывать давление на США, и настаивали на включении в договор Франции. В результате 13 декабря 1921 г. был подписан «договор 4-х держав» — США, Великобритании, Франции и Японии. Стороны договорились уважать права друг друга на островные владения в районе Тихого океана, а возникающие споры разрешать на общих конференциях. Но главным пунктом соглашения была ст. 4, которая гласила, что после его ратификации англо-японский союзный договор 1911 г. теряет силу. Хотя формально договор был не аннулирован, а заменен «договором 4-х держав», т. е. двусторонний пакт уступил место четырехстороннему, это была очевидная победа американской дипломатии.

Шаньдунский вопрос Шаньдунский вопрос был одним из важнейших факторов, обостривших японо-американские противоречия. Как известно, по Версальскому миру бывшие германские владения в Китае (Циндао, Шаньдунский п-ов) не были возвращены Китаю, а отошли к Японии. В ре-

зультате Китай не подписал Версальского договора, а в дальнейшем передача Шаньдуну Японии стала одной из основных причин отказа американского сената ратифицировать Версальский мир.

После Парижской мирной конференции шаньдунский вопрос был объектом безрезультатных переговоров между Японией и Китаем. При этом продолжавшееся хозяйничанье японцев в Шаньдуне приводило к подъему антияпонского движения в Китае и к бойкоту там японских товаров, что сильно ударило по японской внешней торговле (особенно в период экономического кризиса 1920–1921 гг.). Это определило позицию части японской буржуазии, требовавшей скорейшего разрешения шаньдунского вопроса.

В целом, вынесение шаньдунского вопроса на Вашингтонскую конференцию отвечало интересам как Японии, которая рассчитывала добиться на ней сохранения части захваченных ею привилегий в Китае, так и США, которые стремились к укреплению своего влияния в Шаньдуне. Кроме того, США предполагали использовать обсуждение шаньдунского вопроса в качестве разменной монеты, для того чтобы добиться уступок Японии по другим проблемам.

Еще до начала конференции между США и Великобританией было достигнуто соглашение о том, что шаньдунский вопрос будет рассмотрен не на пленарных, а на отдельных японо-китайских заседаниях. Тем самым Великобритания и США предоставили Японии возможность добиваться от Китая принятия ее требований за закрытыми дверями, без свидетелей.

На Вашингтонской конференции китайская делегация поставила вопрос о возвращении Китаю его владений. Американская дипломатия поддержала это требование. В конце концов Япония вынуждена была отказаться от Циндао и Шаньдунской провинции и вернуть их Китаю.

6 февраля 1922 г. участники Вашингтонской конференции подписали «договор 9-ти держав» о политике в Китае. Формально он обязывал уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность Китая и соблюдать принцип «открытых дверей», т.е. «равенство открывающихся в Китае возможностей для торговли и промышленности всех наций». Это также было американской дипломатической победой, поскольку признание принципа «открытых дверей» подрывало принцип «раздела сфер влияния», который отстаивали Великобритания и Япония. В случае последовательного проведения в жизнь, принцип «открытых дверей» автоматически обеспечивал США господство на китайском рынке из-за их экономического превосходства.

Вместе с тем, надо иметь в виду, что частичное отступление Японии в шаньдунском вопросе диктовалось не столько американским нажимом, сколько внутри- и внешнеполитической обстановкой, сложившейся для Японии перед Вашингтонской конференцией. Отказ от бывших германских владений в Китае был уступкой с японской стороны, на которую она была бы вынуждена пойти независимо от хода обсуждения шаньдунского вопроса на конференции из-за бойкота японских товаров и роста антияпонского движения в Китае. При этом Японии удалось добиться сохранения своих экономических привилегий в Шаньдуне. Кроме того, возвращение Китаю Японией прав на Шаньдун сразу прекратило многолетний антияпонский бойкот и антияпонские выступления в разных районах Китая.

Согласие Японии на подписание «договора 9-ти держав» и ее признание доктрины «открытых дверей» также были лишь незначительными уступками, ибо она еще раньше формально признала эту доктрину в рамках «соглашения Лансинг-Исин». Кроме того, в договоре не было упоминания об отмене «специальных интересов» Японии в Китае. Вопрос об отказе от них вообще не был поставлен США, поскольку они не хотели дальнейшего обострения отношений с Японией.

Не были аннулированы и «21 требование». Выступая от имени японской делегации, Сидэхара Кидзёрёб заявил, что «21 требование» были «подписаны и скреплены печатями в законном порядке уполномоченными представителями обоих правительств», что они были ратифицированы и сохраняют полную силу. Впрочем, Сидэхара обещал не настаивать на преимущественном праве Японии назначать своих советников и инструкторов по политическим, финансовым, военным или полицейским делам в Южной Маньчжурии, что вызвало удовлетворение американской стороны.

Что касается требований относительно пересмотра неравноправного статуса Китая, с которыми выступила на конференции китайская делегация, то они были фактически не были рассмотрены по существу. Торжественная декларация держав о целостности и независимости Китая не содержала для него никаких конкретных гарантий. Фактически, «договор 9-ти держав» был сделкой США, Великобритании и Японии за счет Китая и закреплял возможность совместной эксплуатации этой богатейшей страны империалистическими державами.

* * *

Поскольку РСФСР и ДВР не были приглашены в Вашингтон, при обсуждении вопроса о выводе японских войск из Сибири кон-

ференция удовлетворилась словесными обещаниями японцев. 23 января на заседании дальневосточной комиссии с длинной речью по «сибирскому вопросу» выступил Сидэхара. Он заявил об уважении Японией территориальной целостности России и в принципе подтвердил обязательство вывести японские войска из Приморья. На этом обсуждение «сибирского вопроса» закончилось. Вопрос о конкретных сроках вывода японских войск даже не был поставлен.

Провокационный характер носила попытка обсуждения на конференции вопроса о КВЖД, фактически преследовавшая цель отнять эту дорогу у ее законного собственника — русского народа. США выдвинули идею «интернационализации» этой железной дороги, согласно которой КВЖД впредь должна была функционировать под руководством международного финансового консорциума, ведущая роль в котором принадлежала американским банкам. Это вызвало возмущение даже у пекинского правительства. В результате решительных протестов РСФСР и Китая, а также из-за разногласий среди участников конференции, американское предложение не было принято, и статус КВЖД остался неизменным.

Вопрос о морских вооружениях

В начале Вашингтонской конференции Соединенные Штаты предложили установить лимит тоннажа крупных военных кораблей по 500 тыс. т для Великобритании и США и в 300 тыс. т — для Японии. Было также предложено установить лимиты и для легких военных кораблей и подводных лодок. Появление этого предложения было вызвано тем, что США были заинтересованы в том, чтобы временно приостановить строительство своего флота, поскольку они еще не имела для него ни необходимых кадров, ни баз.

Великобритания легко согласилась с американскими предложениями. Из-за финансовых трудностей сокращение флота представлялось для нее только желательным. При этом она собиралась сохранить в составе флота только наиболее технически совершенные корабли. Таким образом, британское правительство было готово пойти на количественное сокращение своих военно-морских сил, чтобы повысить их качество.

Японский представитель Катō также заявил о готовности принять предложение о сокращении военно-морских сил. Однако японская делегация предложила иную пропорцию соотношения тоннажа крупных кораблей флотов США, Великобритании и Японии — 10:10:7 вместо 5:5:3. В ответ американцы пригрозили, что если Япония будет упорствовать, то они начнут строить по 4 сво-

их корабля на каждый японский. Тогда японцы согласились принять американскую пропорцию при условии, что США не будут строить военно-морских баз на Тихом океане.

В результате длительного закрытого обсуждения были приняты следующие цифры максимального тоннажа крупных военных кораблей: США и Великобритания — по 525 тыс. т, Япония — 315 тыс. т.

Параллельно на конференции обсуждался вопрос о сокращении сухопутных сил. Однако по нему делегации не смогли прийти к какому-либо соглашению. Не удалось договориться и по сокращению подводного флота.

6 февраля 1922 г. между США, Великобританией, Японией, Францией и Италией был подписан договор об ограничении морских вооружений («договор 5-ти держав»). Он установил соотношение тоннажа линейных кораблей 5:5:3:1,75:1,75 соответственно.

Одновременно на Вашингтонской конференции было решено запретить строительство новых укреплений и военно-морских баз, т.е. зафиксировать *status quo*. Из этого общего правила были сделаны исключения, наиболее существенными из которых были Гавайские о-ва для США и Сингапур для Великобритании.

«Договор 5-ти держав» ограничил линейный флот Японии, однако принятие на конференции требования японской делегации об ограничении строительства военно-морских баз и укреплений на Тихом океане почти сводило на нет эту уступку. Британский или американский флоты с учетом отдаленности их баз от Японии и Китая не могли использовать свое численное превосходство. Япония же, поступившись численностью флота, уменьшила для себя военную угрозу со стороны США, которым воспрещалось укреплять Филиппины и Гуам.

* * *

Решения Вашингтонской конференции завершили послевоенный передел сфер влияния империалистических держав на Тихом океане и Дальнем Востоке. Соединенным Штатам удалось добиться ряда важных уступок со стороны Великобритании и Японии. Однако она не смогла устранить противоречий между державами и привести к прочному миру в дальневосточном и тихоокеанском регионах. Очень скоро неудовлетворенность ее итогами проявилась не только в Японии и в Великобритании, но и в самих США. Так же, как и Парижская конференция в Европе, Вашингтонская конференция создала договорную систему, чреватую дальнейшими международными конфликтами.

Победа экспансионизма во внешней политике**«Чрезвычайный инцидент в Маньчжурии» 1928 г.**

В Японии второй половины 20-х годов выработка политики в отношении Китая проходила в противоборстве двух курсов, которые на политическом жаргоне тех лет получили название «негативной» и «позитивной» политики. «Негативная» политика (ее главным идеологом был министр иностранных дел Сидэхара Кидзёрё) предполагала тактику мирного экономического проникновения в Китай и включала в себя, в частности, «четыре принципа политики в отношении Китая»:

- невмешательство в гражданскую войну;
- сосуществование и совместное процветание на основе экономических соглашений;
- терпимость и сочувствие по отношению к современному положению в Китае;
- рациональную защиту национальных интересов.

Противостоявшая ей «позитивная» политика предполагала возобновление открытой колониальной экспансии в Китае с опорой на военную силу.

С приходом к власти кабинета Танака Гиити в правящей группировке взяли верх элементы, придерживавшиеся «позитивной» политической доктрины. Ее осуществление началось с высадки японских войск в Шаньдуне весной 1928 г., что было актом открытой вооруженной интервенции Японии в Китае. В мае японские части блокировали продвижение на север Китайской национальной армии Чан Кайши, а затем заняли столицу провинции г. Цзинань.

4 июня армейскими офицерами был взорван специальный поезд, в котором ехал маршал Чжан Цзолинь, военный правитель Маньчжурии, считавшийся японским ставленником. Причина устранения Чжан Цзолиня заключалась в следующем. Когда войска армии Чан Кайши, совершавшие «северный поход» (гоминьдановское правительство в Нанкине стремилось подчинить себе северные провинции, и тем самым завершить процесс объединения Китая), были на подходе к Пекину, японское правительство через своего посланника в Пекине рекомендовало Чжан Цзолиню отвести свои войска к северу, за Великую китайскую стену. Однако вместо этого Чжан Цзолинь выступил с заявлением, предложив гоминьдановскому правительству объединить усилия, чтобы «противостоять внешнему врагу».

Это стоило маршалу жизни. На Токийском процессе свидетель, генерал Танака Рюкити по этому вопросу показал:

«Убийство Чжан Цзолина планировалось старшим штабным офицером Квантунской армии полковником Кавамото. ... Целью было избавиться от Чжан Цзолина и учредить новое государство, независимое от нанкинского правительства...»

Поставленный перед фактом император Хирохито был возмущен произволом армейского командования и потребовал от премьер-министра Танака Гиити наказать ответственных за инцидент офицеров. Однако военные отказались выполнить распоряжение премьера на основании того, что такое наказание «нанесет ущерб» престижу армии, и что по конституции вооруженные силы подчиняются не гражданскому правительству, а исключительно верховному главнокомандующему — императору.

Таким образом, «чрезвычайный инцидент в Маньчжурии» дал, по-видимому, первый серьезный пример самовольных, несанкционированных правительством действий японских военных. Он же продемонстрировал своеобразное понимание ими своей лояльности, когда они оставляли за собой право интерпретировать правительственные распоряжения с точки зрения их собственных представлений о государственных интересах.

Несмотря на все усилия, осуществление планов Танака в Китае продвигалось с трудом. Используя своего консула в Мукдене и специальную миссию во главе с известным военным и политиком Хаяси Сэндзюбэ, японцы стремились удержать под своим влиянием наследника Чжан Цзолина, его сына Чжан Сюэляна, и, следовательно, продолжать контролировать всю территорию Маньчжурии. Но в декабре 1928 г. Чжан Сюэлян выразил лояльность южно-китайскому, нанкинскому правительству. Кроме того в Китае поднялось широкое антияпонское движение. В результате намерение японцев остановить поход гоминдановских войск на север, в сторону Шаньдуна, оказалось неосуществимым, и японское правительство вынуждено было пойти на переговоры с китайцами о выводе своих войск из провинции Шаньдун, что и было сделано в марте 1929 г.

Несмотря на свой очевидный неуспех, японская интервенция в Шаньдуне свидетельствовала о сдвиге в японской внешней политике в пользу традиционных методов колониальной экспансии. В этом смысле она стала предвестником решительной победы этой тенденции, произошедшей в 1931 г. под влиянием мирового

экономического кризиса, нарушившего систему международных торговых связей.

«Пакт Бриана-Келлога» и отставка Танака

Китайская политика правительства Танака вызвала все усиливающуюся критику оппозиции. Бесконечный поток претензий лоббистов интересов монополий в парламенте был вызван расширявшимся год от года бойкотом японских товаров в Китае. Руководство партии Минсэйтō (возникшей 1 июня 1927 г. в результате слияния партий Кэнсэйкай и Сэйюхонтō) жаждало отставки кабинета, сформированного Сэйбōкай, и ожидало удобного момента, чтобы спровоцировать правительственный кризис.

Скоро такой случай представился. Летом 1928 г. был подписан «пакт Бриана-Келлога». По инициативе государственного секретаря США Келлога и министра иностранных дел Франции Бриана несколько стран подписали договор, обязывавший их решать все возникающие спорные проблемы и конфликты без применения военной силы.

В конце августа 1928 г. к «пакту Бриана-Келлога» присоединилась Япония. Это стало поводом для резкого выступления оппозиции против ратификации документа в парламенте, причем с весьма неожиданной для правительства аргументацией.

Формулировка, использованная в тексте пакта, согласно которой правительства подписывали его «от имени своих народов», была использована оппозицией, чтобы обвинить премьера в нарушении конституции и посягательстве на прерогативы императора. По японской конституции заключение международных договоров совершалось императором, и только от своего имени, а не от имени японского народа.

Хотя процесс ратификации предусматривал оговорку о нераспространении упомянутой формулировки на Японию, оппозиция продолжала яростно атаковать правительство и добилась в конце концов отставки.

Конечно, среди набора разнообразных ухищрений, применявшихся в парламентских сражениях, обвинение правительства в нарушении конституции было достаточно рутинным приемом. Парадоксальность ситуации заключалась в том, что Танака, стоявший у истоков жесткого милитаристского курса, оказался тем японским политическим деятелем, который впервые в истории страны подписал документ, запрещающий применение военной силы. Это и стало началом его карьеры. Причем в качестве его противников выступили те политические силы, которые противодействовали империалистской политике кабинета Танака в Китае.

Танака Гинти (справа) и его преемник на посту премьер-министра Хамагути Осати (Юко). 1929 г.

Из этого следуют два важных вывода. Во-первых, «либерализм» японских парламентских партий того времени не имел под собой сколько-нибудь прочной идеологической основы, и для достижения сиюминутных политических целей они были готовы использовать средства из любого, в том числе и глубоко антилиберального идейного арсенала. Во-вторых, стала проявляться тенденция к отходу японских торгово-промышленных кругов (а именно их интересы представляла Минсэйтō) от ориентации на систему свободных международных торговых отношений, невозможную без поддержания прочного мира.

Главное и самое серьезное обвинение кабинету и лично Танака не было выражено открыто. Это было подспудное, негласное обвинение в пацифизме. Обязательства по «пакту Бриана—Келлога» противоречили стремлениям наметившегося блока военщины и монополистического капитала (прежде всего, производителей вооружений), интересы которого сомкнулись в программе широкого развития военной экспансии, в частности, в Китае, что вскоре продемонстрировали события 1931–1932 гг. в Маньчжурии.

Несмотря на то, что в тактическом плане политика Танака в целом соответствовала ожиданиям этого блока, в отношении внешнеполитической стратегии премьер не оправдал его ожиданий. Поэтому он был вынужден покинуть политическую сцену. 2 июля 1929 г. Танака подал в отставку, в сентябре он скоропостижно скончался.

Япония на Лондонской конференции 1930 г.

Лондонская конференция продолжила процесс ограничения вооружений, начатый на Вашингтонской конференции в 1921 г. В Вашингтоне между пятью великими морскими державами было достигнуто соглашение о соотношении тоннажа линейных кораблей. Попытка договориться по остальному составу флотов, сделанная на конференции в Женеве в 1927 г., не увенчалась успехом из-за столкновения позиций Великобритании и

США. На Лондонской конференции 1930 г. было решено вновь попытаться прийти к соглашению по этому вопросу.

Японию на конференции представляли бывший премьер-министр Вакацуки Рэйдзирō, военно-морской министр Такарабэ Такаэси и японские послы в Лондоне и в Брюсселе. Несмотря на то, что на конференции были представлены Великобритания, США, Япония, Франция и Италия, из-за итало-французских противоречий решения конференции были приняты только первыми тремя участниками и касались только их.

В то время министерство иностранных дел Японии возглавлял Сидэхара Кидзюрō, занявший этот пост в 1924 г. Проводившийся им курс «международного сотрудничества» был подчеркнута миролюбив. Вместе с тем японских лидеров не покидала мысль о том, чтобы добиться военного превосходства над Великобританией и Соединенными Штатами на Дальнем Востоке.

Правда, это стремление ограничивалось возможностями японского бюджета. Поэтому Япония выдвинула на конференции требование предоставить ей право иметь флот, достигающий 70% от американского. Эта квота значительно превосходила предоставленную Японии в свое время по Вашингтонскому соглашению (5:3, т.е. 60%), однако требования Японии были в основном удовлетворены.

Предельный тоннаж согласно решениям Лондонской конференции:

СТРАНА	Суммарный тоннаж, тыс. т		
	крейсера	эсминцы	подводные лодки
Великобритания	339	150	52,7
С Ш А	323	150	52,7
Япония	209	105	52,7

Внутриполитическая борьба вокруг Лондонского соглашения

Лондонское соглашение о сокращении морских вооружений было подписано 22 апреля 1930 г. и, спустя некоторое время, передано на рассмотрение тайного совета. Однако из-за разногласий в японских правящих кругах оно было ратифицировано только 1 октября.

При обсуждении соглашения между правительством и военными возникла дискуссия, известная как «вопрос о прерогативах верховного главнокомандующего». На следующий день после одо-

брения кабинетом министров проекта соглашения начальник главного морского штаба Катō Хирохару представил императору доклад и одновременно опубликовал заявление, где выражал свое несогласие с этим решением. Его аргументация состояла в том, что правительство отправляло инструкции японским представителям на конференции без согласия главного морского штаба, что являлось «нарушением прерогатив верховного главнокомандующего», который «осуществляет высшее командование» (ст. 11 конституции 1889 г.) и «определяет организацию и численность регулярного состава армии и военно-морского флота» (ст. 12).

Со своей стороны правительство Хамагути утверждало, что поскольку на Лондонской конференции рассматривались вопросы паритета морских вооружений, то их решение вполне укладывалось в прерогативы правительства, и посылка инструкций никак не нарушало прерогатив императора.

В поддержку позиции кабинета выступил член верхней палаты парламента, профессор Токийского императорского университета Минобэ Тацукити. Еще в конце периода Мэйдзи он получил скандальную известность, выдвинув концепцию, согласно которой суверенитет принадлежит государству, а император является его «высшим органом». Традиционалисты, считавшие императора прямым потомком богов, никак не могли согласиться с определением монарха как «государственного органа», вследствие чего профессор подвергся их острым нападкам. Теперь государственно-правовая дискуссия вновь оживилась, приняв политический характер. Общественное возбуждение было столь велико, что уже после ратификации Лондонского соглашения, 14 ноября 1930 г., премьер Хамагути был смертельно ранен террористом-«патриотом».

Отход Японии от политики ограничения вооружений

Несмотря на давление со стороны военных и террор ультранационалистов, правительство продолжило курс на сокращение вооружений. Немалую роль в этом сыграла поддержка, оказанная правительству последним *гэнрō* Сайондзи Киммоти.

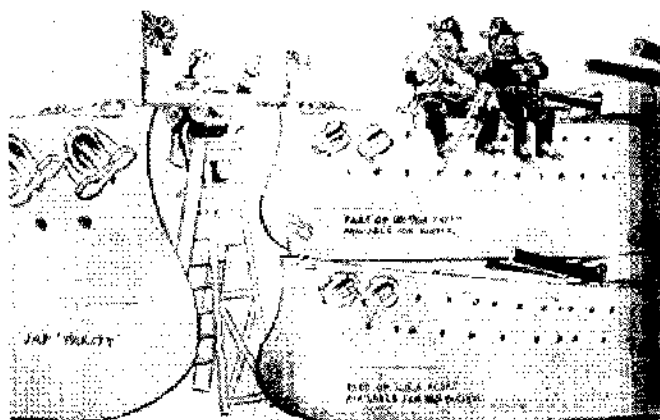
Тем не менее, на практике курс «сокращения вооружений» вылился в политику «реорганизации и перевооружения». Так, несмотря на то, что сумма военных ассигнований в бюджете 1930 г. по сравнению с предшествующим годом сократилась, ее удельный вес возрос до 28,5%, выведя Японию на ведущие позиции в мире по этому показателю (в 1930 г. доля военные расходов в бюджете составляла: в США — 21%; в Великобритании — 14%; во Франции — 22%; в Италии — 24%). При этом наряду с развитием чис-

то военной промышленности заметно интенсифицировался перевод мирных отраслей на производство продукции двойного назначения. Таким образом, с начала 30-х годов началась перестройка структуры японской экономики в соответствии с требованиями подготовки к большой войне.

* * *

В 1934 г. при формировании кабинета Окада армия и флот выдвинули свои политические требования. В частности, военно-морские круги потребовали аннулирования решений Вашингтонской конференции и настаивали на равном с США тоннаже военно-морского флота.

Правительство Окада, хотя и не было согласно с такой заранее неприемлемой для других участников переговоров позицией, выдвинуло на подготовительной конференции по сокращению морских вооружений в Лондоне (октябрь 1934 г.) предложение о равенстве своего флота с флотами США и Великобритании. Более того, оно предложило всем странам-участницам встречи аннулировать Вашингтонские соглашения и, встретив отказ, 29 декабря 1934 г. заявило об одностороннем их расторжении.

Карикатура 1936 г. Слева — японский флот, справа — британский и американский флоты в Тихом океане. «Мы за ограничения на основе равенства», — говорит японский адмирал

Несмотря на выход из Вашингтонского соглашения, Япония приняла участие в конференции по ограничению морских вооружений в Лондоне в декабре 1935 г. Однако после того как японское предложение о равенстве флотов было отклонено, японская делегация покинула конференцию.

Глава 3

ВОЗДЕЙСТВИЕ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
НА ЯПОНИЮ (1929—1931)**Мировой экономический кризис и японская экономика**

Мировой экономический кризис 1929—1933 гг., начавшийся в октябре 1929 г. с биржевого краха в США, в силу тесных связей между японским и американскими рынками уже в 1930 г. нанес серьезный удар экономике Японии. Это усугублялось также исключительно высокой долей США общем объеме японского экспорта и импорта (соответственно, 41,8% и 30,9% в 1928 г.), и тяжелыми последствиями финансового кризиса 1926—1927 гг. Немалое значение имело переплетение кризиса в промышленности с хроническим аграрным кризисом.

Кризисные явления в японской экономике

Кризис в США привел к значительному сокращению ввоза японского шелка, на который до 1930 г. приходилось около 30% стоимости всего японского экспорта. В результате в 1930 г. цены на шелк-сырец в Японии по сравнению с предыдущим годом упали на 50%, объем его вывоза сократился более, чем наполовину (при общем уменьшении японского экспорта на 27%). Вслед этим начался «обвал» цен и на другие товары, и в 1931 г. индекс оптовых цен составил 70%, а стоимостной объем экспорта — лишь половину от уровня 1929 г. Поскольку на внешний рынок работало около 1/4 японской промышленности, это сокращение привело к резкому увеличению запасов продукции и, соответственно, к падению производства. Начались массовые банкротства мелких и даже средних предприятий.

В наиболее тяжелом положении оказалось сельское хозяйство, которое играло в экономике Японии более важную роль, нежели в странах Запада. Снижение цен на шелк-сырец поставило многие крестьянские хозяйства на грань банкротства, а сокращение экспорта шелка и хлопка лишило работы многих крестьянских дочерей. Ситуация в сельском хозяйстве осложнялась и резким падением цен на рис (прежде всего из-за высокого урожая 1930 г. и расширения импорта из Кореи). В результате упала совокупная стоимость продукции сельского хозяйства. Если в 1929 году этот показатель составлял 4,3 млрд. иен, то в 1931 г. он снизился до 2,6 млрд. иен, т.е. на 40%. При этом чистые доходы крестьянских хозяйств за 1929—1931 гг. сократились более, чем на

половину. В деревне начались волнения, брожение затронуло и армию, состоявшую в основном из крестьянских сыновей.

Японская промышленность, благодаря развитию новых для Японии машиностроительной и химической отраслей, пострадала не так сильно. Правда, в 1929 г. совокупная стоимость промышленной продукции равнялась 7,4 млрд. иен, а в 1931 г. — 5 млрд. иен, т.е. снижение составило 32,5%. Однако из-за свертывания ряда производств падение цен в промышленности оказалось не столь значительным, как в сельском хозяйстве. В результате разрыв, существовавший между ценами на промышленные товары и сельскохозяйственную продукцию, значительно увеличился, что еще больше ухудшило положение деревни.

Выход из кризиса предприниматели искали, прежде всего, в «рационализации производства», которая сопровождалась сокращением рабочих мест, повышением интенсификации труда и снижением зарплаты. Усиление концентрации производства и капитала способствовало разорению мелких предприятий; в результате возросла безработица. Согласно японской статистике того времени, занятость в 1931 г. уменьшилась на 25% по сравнению с 1926 г. Число безработных, по разным данным, достигало 2–3 млн. чел.

Финансовые меры по стабилизации экономики

К концу 1929 г. в мире наметился некоторый рост цен, но в Японии они продолжали падать. В результате увеличение разницы между японскими и американскими ценами сделало невозможным дальнейшее поддержание курса иены без экспорта золота или без иностранных займов.

По этой причине Иноуэ Дзюнносукэ, министр финансов в правительстве Хамагути Осати, решил пойти на отказ от эмбарго на вывоз золота, введенного после первой мировой войны. По его расчетам это должно было привести к стабилизации внутренних цен, к повышению конкурентоспособности японских товаров на мировом рынке и, соответственно, к увеличению экспорта и накоплению капитала. Кроме того, правительство Хамагути надеялось, что этот шаг позволит получить кредиты от Запада и, в частности, от США. В январе 1930 г. оно объявило об отмене эмбарго на вывоз золота из страны.

Однако попытки стабилизировать экономику путем изменения финансовой политики не привели к ожидаемым результатам. Действительно, в ноябре 1929 г. Япония получила кредиты от США и Великобритании на общую сумму в 100 млн. иен. Но одновременно в связи с резким падением цен на серебро, а также

из-за антияпонского бойкота, почти прекратился вывоз японских товаров в Китай, который был одним из основных потребителей японского экспорта. В результате снятие эмбарго на вывоз золота привело к быстрому сокращению золотых резервов страны (только в течение 1931 г. — почти на 1/4), что подорвало надежды на экономическую стабилизацию. В итоге, в сентябре 1931 г., на третий день после начала японской интервенции в Маньчжурии, Иноуэ, министр финансов теперь уже в правительстве Инукаи Цуёси, принял курс на «контролируемую инфляцию» и вновь ввел эмбарго на вывоз золота.

Отказавшись поддерживать валютный курс иены, Япония смогла широко использовать политику демпинга на внешнем рынке. Одновременно правительство увеличило денежную эмиссию, что позволило укрепить бюджет за счет займов, обеспечив тем самым военные ассигнования.

* * *

Вплоть до начала 30-х годов японская промышленность развивалась естественным путем: от отраслей легкой промышленности к развитию отраслей тяжелой промышленности и химического производства. Однако начало военной интервенции в Маньчжурии потребовало значительного увеличения расходов. В условиях экономического кризиса японские политики нашли выход из положения в увеличении бюджетных ассигнований через финансовый дефицит. Курс «контролируемой инфляции» с некоторыми изменениями стал финансовой политикой японских правительств практически вплоть до начала тихоокеанской войны.

Последствия мирового кризиса для японской политики

Осложнения, вызванные экономическим кризисом, значительно обострили внутривнутриполитическую ситуацию в Японии. В обществе зрело недовольство существующим положением, возникло стремление к переменам. Однако, поскольку японское общество тех лет было весьма неоднородным, направленность недовольства в нем также была различной.

Рост социального недовольства с странс

Резкое ухудшение положения трудящихся масс в годы кризиса привело к расширению движения социального протеста в стране. 1930–1931 гг. — время наибольшей остроты кризиса в Японии — стали рекордными по числу трудовых и арендных конфликтов. Наиболее активно бастовали металлисты, прядильщики, ткачи. Крупными общественными событиями тех

лет были двухмесячная забастовка прядильщиц компании «Канэгафути» (на 36 фабриках в 18 префектурах бастовало около 40 тыс. работниц), забастовка 13 тыс. токийских трамвайщиков в 1930 г., длительная забастовка, сопровождавшаяся многочисленными столкновениями с полицией, на металлообрабатывающем заводе «Сумитомо» в Осака, новые выступления трамвайщиков в 1932 г.

Если в 1930 г. для забастовочной борьбы было характерно выдвижение экономических требований, то в 1931 г. стали все активнее выдвигаться требования политического характера. Так, важной отличительной чертой рабочего движения этого периода было проведение антивоенных демонстраций.

Стачечная борьба трудящихся шла на фоне постоянно расширявшегося движения арендаторов и мелких собственников в деревне и активных выступлений безработных. Участились случаи протеста против сгона арендаторов с земли, стали выдвигаться требования снижения долговых обязательств. В деревне участились активные конфликты с помещиками, с представителями судебных и полицейских властей. В течение 1931 г. было отмечено 2689 арендных конфликтов. В сентябре 1931 г. в префектуре Тотиги около 500 крестьян организовали нападение на полицейских, сумев отбить у них арестованных активистов, постоянно отстаивавших интересы крестьян в конфликтах с помещиками.

Чтобы подавить социальное недовольство, власти усилили полицейские репрессии. Летом 1931 г. был начат показательный судебный процесс против компартии с целью дискредитировать КПЯ и представить коммунистов кучкой экстремистов и заговорщиков. Материалы этого процесса широко распространялись в стране и за ее пределами. В сентябре того же года, стремясь ликвидировать антивоенные настроения в стране и обезглавить антивоенное движение, правительство арестовало несколько тысяч политических активистов и предполагаемых сочувствующих.

Рост социального недовольства не ограничивался лицами наемного труда и беднейшими слоями населения. Кризис привел к массовому разорению мелкой и средней буржуазии, не выдержавшей конкуренции с крупными концернами. Нараставший в течение ряда лет аграрный кризис подрывал положение мелких и средних помещиков и богатых крестьян, терпевших убытки от падения цен на сельскохозяйственную продукцию. В этих слоях росло недовольство «антинародной» деятельностью крупных монополий, или, другими словами, «старых» концернов — «Мицуи», «Мицубиси», «Ясуда», «Сумитомо». Разумеется, подвергалась

критике и политика правительств, формировавшихся из представителей крупных парламентских партий — Минсэйтō и Сэййūkай, связанных все с теми же концернами.

Сдвиг в настроениях правящих кругов

Требования пересмотра политического курса раздавались также со стороны «новых» концернов, возникших главным образом в период первой мировой войны в военных отраслях промышленности (цветная металлургия, самолетостроение и т.д.). Поднявшиеся на гребне военной конъюнктуры, заинтересованные в ней и тесно связанные с военными кругами, «новые» концерны, однако, имели слабую финансовую базу. Это определяло их зависимость от государственного финансирования и, соответственно, превращало их в лоббистов такого политического курса, который предполагал бы максимальный уровень военных расходов. Одновременно, поскольку их участие во внешнеторговой деятельности было незначительным, их мало занимал возможный ущерб мировым экономическим связям от вооруженных конфликтов.

Одновременно наметился сдвиг и в позиции «старых» концернов, которые были широко вовлечены во внешнеторговую деятельность и делали капиталовложения в основном в невоенные отрасли хозяйства, а также в позиции связанных с ними политических кругов. Дело в том, что кризис, поразивший экономику развитых стран, привел к резкому обострению торговых противоречий Японии с Великобританией и США. В начале 30-х годов они вылились в настоящую торговую войну. Япония была обвинена в демпинговой политике, и против ее товаров был применен комплекс протекционистских мер.

Это усугубило положение в японских экспортных отраслях, и так серьезно пострадавших из-за «обвала» цен на мировых рынках, и заставило задуматься о том, как избавить национальную экономику от неблагоприятного воздействия хозяйственных неурядиц в других странах. Простые протекционистские меры здесь не годились, поскольку Япония была вынуждена импортировать колоссальные объемы сырья для своей промышленности. Поэтому естественным выходом представлялось создание замкнутой хозяйственной сферы, что предполагало установление японского политического контроля в сырьевых районах, а также в районах сбыта японской продукции. Собственно говоря, в этом и была суть концепции «восточноазиатской сферы совместного процветания», которая стала основой японской внешней и внешнеэко-

номической политики вплоть до окончания второй мировой войны.

Таким образом на повестку дня вновь встал вопрос о расширении японской колониальной империи. Но теперь уже вся японская финансовая олигархия стала превращаться в движущую силу японской экспансии и начала смыкаться с военщиной по своим интересам и целям во внешней и внутренней политике Японии.

* * *

Затруднения, вызванные экономическим кризисом, а также боязнь нарастания социальных конфликтов толкали японские правящие круги на поиски выхода из тупика. Такой выход они увидели в скорейшем развязывании захватнической войны на азиатском материке. При этом первая цель агрессии — Северо-Восточный Китай — рассматривался японцами не только как объект империалистических притязаний, но и как удобный плацдарм для захвата других районов Китая и возможного ведения войны против Монгольской Народной Республики и Советского Союза.

То, что в затеянной политической игре разыгрывалась анти-русская, антисоветская карта, давало японцам определенные надежды на то, что западные державы не будут серьезно препятствовать им в осуществлении агрессии против Китая. Эти расчеты в целом оправдались. В ночь на 18 сентября 1931 г., организовав очередной «инцидент», японская армия вторглась в Маньчжурию, не встретив никакого сопротивления со стороны китайских войск, а также сколько-нибудь действенной, решительной реакции со стороны западных держав.

Часть 3

ЯПОНИЯ НА ПУТИ ВОЕННЫХ АВАНТЮР

Глава 1

РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АВАНТЮРИЗМА (1931–1936)

Рост влияния националистов в японской политике

К началу 30-х годов на политической сцене Японии действовали три главные политические силы. Одной из них были парламентские партии. Именно они выражали интересы крупнейших японских концернов («Мицуи», «Мицубиси», «Ясуда» и др.), приобретавших, таким образом, непосредственное влияние на ведение государственных дел. Эту силу условно можно оценить как консервативную, — в позитивном смысле этого слова, поскольку парламентские партии, как правило, выступали оппонентами военных экстремистов в политической борьбе.

Другой политической силой была государственная бюрократия в совокупности с придворными кругами. Эта группировка, как считалось, выражала волю императора, и поэтому зачастую выступала в роли арбитра в споре между претендентами на власть. Наиболее ярко это проявилось в деятельности «государственных старейшин» (*гэнрō*), которые, исходя из прагматических соображений, допускали к проведению государственной политики ту или иную из противостоявших группировок.

Третьей политической силой были военные. Обычно историография характеризует их как радикалов и экстремистов, хотя на деле картина была более сложной. Во всяком случае, среди них имелись радикалы различных оттенков.

Конечно, за каждой политической силой стояли еще и определенные промышленные и финансовые интересы. Кроме того, каждая из них не была монолитной: среди парламентских политиков имелись радикалы, и среди военных встречались свои консерваторы и прагматики.

Роль военных в японской политике

В истории Японии военное сословие всегда находилось на самом верху социальной пирамиды. Военные диктаторы-сёгуны с перерывами правили от имени императора в течение семи веков. Без преувеличения можно сказать, что традиции правления «от имени» императора были в Японии очень глубоки.

После *Мэйдзи исин* (реставрации Мэйдзи) в рамках созданной в Японии конституционной монархии армия и флот заняли особое положение, фактически неподконтрольное ни парламенту, ни правительству. Военный и морской министры имели право доклада императору, минуя премьера. Так как вопросы войны и мира согласно конституции 1889 г. решались императором самостоятельно, армия могла вести войну, не нуждаясь в санкциях парламента и даже в согласии правительства.

В 1910–1912 гг. были приняты законы, по которым военным министром мог быть только генерал, а морским министром — только адмирал действительной службы, что давало военным мощный рычаг воздействия на формирование кабинета. Отказываясь выдвинуть своего кандидата, военная верхушка имела возможность отвести негодный ей состав правительства или добиться отставки действующего кабинета.

Правда, согласно императорскому указу от 1882 г. военным запрещалось заниматься политической деятельностью. Однако особое место военных в структуре государства не могло не породить у них соблазна встать над парламентом и правительством, подчинить их своей воле.

Годы «демократии Тайсё» несколько ослабили позиции военных. По настоянию парламентариев от партии Сэйёкай портфели военного и морского министров стали предоставляться не только генералам и адмиралам действительной службы, но и военным в отставке, которые, не будучи связаны военной дисциплиной, были более свободны в принятии решений.

С наступлением в 20-х годах периода «партийных кабинетов» военные были вынуждены делить власть с буржуазией, которая для упрочения своих позиций стремилась к расширению политической роли парламента и введению всеобщего избирательного права (для мужчин). В то же время, приход к власти генерала Танака Гииги, возглавившего крупнейшую парламентскую партию Сэйёкай, показал, что военные продолжали держать руку на пульсе политической жизни страны. Впрочем, в компромиссном союзе военных и буржуазии в тот период были заинтересованы обе стороны. Буржуазия нуждалась в политической поддержке и покровительстве старых влиятельных кланов, которые представляли армия и флот, а последним нужна была экономическая мощь буржуазии.

Противоречия в японских военных кругах

На протяжении нескольких десятилетий в Японии продолжалось противостояние двух крупнейших кла-

нов, состоявших из выходцев из бывших княжеств Сацума и Тёсю, сыгравших в свое время ведущую роль в реставрации Мэйдзи. При создании японских вооруженных сил соперничество между ними разрешилось компромиссом, по которому высшие командные посты в армии предоставлялись преимущественно представителям клана Тёсю, а на флоте, соответственно, клана Сацума. Компромисс оказался непрочным, и противостояние двух некогда могущественных феодальных домов переросло в соперничество армии и флота, что нередко сказывалось на политике Японии.

К концу 20-х годов положение в военной среде стало меняться. Происходившие в стране социальные изменения не могли обойти и вооруженные силы. Военная реформа, начатая в 1922 г., привела к вытеснению старого дворянского руководства более молодым поколением офицеров, представлявшим уже иные социальные слои — среднюю и мелкую буржуазию и помещиков-дзинуси. По закону о вольноопределяющихся (1927) выходцы из этих социальных групп получили широкий доступ в офицерские училища. Влияние прежних кланов стало ослабевать.

Новые офицерские кадры по своему демократическому происхождению лучше, нежели старое дворянство, подходили для выполнения командных функций в реформированных вооруженных силах. Вместе с тем, они привнесли в армию дух социального недовольства, вызванного обнищанием и разорением социальных слоев, выходцами из которых они были. Это положило начало процессу распространения в вооруженных силах политического радикализма в форме антимонополистических и крайне националистических настроений.

Примерно в то же время появился термин «молодые офицеры». Вначале он обозначал офицерский корпус нового поколения, но к концу 20-х годов, по мере переноса деятельности праворадикальных организаций в военную среду, под ним стало пониматься политическое движение фашистского толка в вооруженных силах.

Процесс обновления затронул и высшие слои японского офицерства. Генералы из некогда всесильных кланов Сацума и Тёсю вынуждены были уступать место менее родовитым преемникам.

Одним из первых генералов нового поколения был военный министр Угаки Кадзусигэ — вдохновитель и официальный руководитель реорганизации армии, который не принадлежал ни к клану Сацума, ни к клану Тёсю. Он был тесно связан с группой титулованной буржуазии, преуспевшей в годы первой мировой войны, тяготевшей к партии Минсэйтё. Именно благодаря поддержке этих кругов генерал Угаки возглавлял военное министерство в

пяти кабинетах вплоть до 1930 г., когда был заменен более молодым генералом Минами. Последний представлял лагерь «модернистов», оппонировавших «молодым офицерам». Эту группу составляли бывший начальник генштаба генерал Судзуки, командующий ВВС генерал Ватанабэ, шеф военной жандармерии генерал Хата и другие высшие офицеры.

Группе Минами противостояла «группа Сага» (по названию префектуры), которую возглавлял член высшего военного совета генерал Мутō. В нее входили сменивший Минами на посту военного министра генерал Араки Садао, командующий Квантунской группировкой войск в Маньчжурии генерал Хондзэ Сигэру, начальник оперативного управления генштаба генерал Мадзаки Дзиндзабурō, а также ряд полковников генштаба (Исивара, Итагики, Нагата, Доихара и Окамура), которые сблизились с главным организатором фашистского движения Окава Сյōмэй и его идеологом Кита Икки. Вскоре эти офицеры были произведены в генерал-майоры и впоследствии заняли ведущие посты в армии.

Офицеры, входившие в «группу Сага», делали карьеру, в основном, после первой мировой войны. У них отсутствовали прочные связи со старыми аристократическими кругами, и поэтому члены группы делали ставку на «молодых офицеров», о которых они писали как о «мозге» и о «главном богатстве» нации и армии.

Идейным лидером «группы Сага» был генерал Араки Садао, в связи с чем ее часто называют в исторической литературе «группой Араки». Широко афишируя отсутствие связей с «воротилами финансовых концернов, продажными чиновниками и партийно-парламентскими авантюристами», он заявлял, что только армия, свято хранящая моральные принципы самурайской доблести *бусидō*, сможет сменить «разложившиеся и подкупленные капиталистами» политические партии у руля государственной политики и «бескорыстно, не зная никаких других интересов, кроме интересов родины и империи», вывести страну из кризисного состояния. Такая «антикапиталистическая» риторика имела немалый успех среди мелкой и средней буржуазии города и деревни и, конечно же, у «молодых офицеров».

В начале 30-х годов генералы Араки Садао и Мадзаки Дзиндзабурō вместе с несколькими офицерами (в основном из «группы Сага»), создали новую группировку Кōдōха (Группа императорского пути), идеология которой — «государственный социализм» — была очень близка популярной среди гражданских фашистских групп концепции «национального социализма». В противовес

группе аракистов генералы Нагата, Тōдзё, Мутō создали другую группировку — Тōсэйха (Группа контроля).

Обе группировки объединяло стремление создать в Японии политическую систему «государства военного времени», или, другими словами, государства, способного вести «большую войну». Различие между ними касалось выбора средств, методов и путей для создания такой политической системы. По этому критерию группу Кōдōха можно определить как ультрарадикальную, а Тōсэйха — как умеренно-радикальную.

В Тōсэйха были представлены, в основном, высшие офицеры старшего поколения, сохранявшие строгую лояльность государству. Поэтому эта группа отвергала экстремистские действия, предпочитая путь постепенного установления контроля (отсюда ее название) над существующими государственными институтами. Иначе говоря, приверженцы Тōсэйха стремились произвести концентрацию власти в своих руках конституционным путем.

В противоположность «умеренным», радикалы из группы Кōдōха собирались прийти к власти путем военного переворота, приостановки действия конституции и установления диктатуры. Несмотря на широкозвучающие заявления о «почитании императора», они, по меткому определению японских журналистов, собирались реставрировать политическую систему сёгуната — разумеется, в обновленном варианте. Другими словами, сторонники этой группы собирались править от имени императора, фактически узурпировав его полномочия.

В своей борьбе с оппонентами группа Араки умело использовала фашистские организации Кита Икки и Окава Сёмэй и «молодых офицеров», чьими руками совершались террористические акты. Выступления фашистов в армии позволяли аракистам обвинять противостоявшую им группировку «умеренных радикалов» в высшем руководстве вооруженных сил в «неспособности наладить дисциплину», а террористические акты фашистов в отношении гражданских политических деятелей давали им пищу для нападок на правительство, которое «было не в состоянии поддерживать порядок в империи». Последний аргумент, кстати, часто использовался против политических партий обеими противоборствовавшими армейскими группировками.

Становление фашистского движения в Японии

Говоря о японском фашизме, следует четко разделять понятия «фашистский режим» и «фашистское движение». Фашистский режим — это сформированная на основе идеологического монизма тоталитарная политическая структура,

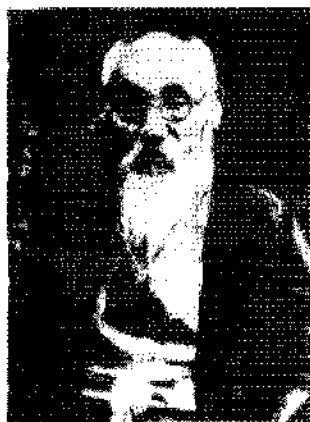
для которой характерна абсолютная концентрация власти в руках ее лидеров. А фашистское движение — это оппозиционное националистическое движение, как правило носящее террористический характер и стремящееся к установлению диктатуры в той или иной форме. Далее речь пойдет именно о фашистском движении.

Предшественниками японского фашистского движения были организации ультра националистов, сформировавшиеся во второй половине XIX в., и выдвигавшие, в основном, внешнеполитические лозунги, такие как *тайрику синсюцу* (продвижение на материк). Их целью было усиление влияния Японии в сопредельных странах и расширение границ империи.

Позднее идеологи националистического движения восприняли идеи социального протеста, получившие большую популярность на волне революционных процессов в Европе, и выдвинули отвечающие духу времени лозунги «национального» или «государственного» социализма (очень близкие по сути). Новые идеи придали националистическому движению в Японии новое качество: оно приобрело признаки фашистского (мессианство, борьба за власть и стремление к диктатуре).

Однако неверно было бы относить все японские правые организации к фашистским. Среди них можно выделить 3 течения. Прежде всего, это возникшие еще в период Мэйдзи организации ультра националистического толка — Гэнъёся (Общество черного океана, основано в 1881 г.), Кокурёкай (Общество черного дракона, 1901) и др., созданные на их основе. Это течение положило начало организованному правому движению в Японии и было наиболее консервативным, т.е. наименее восприимчивым к социальным идеям новой эпохи. Его лидерами были Тояма Мицуро и Утида Рёхэй.

Другим крылом японского правого движения было национал-социалистическое (государственно-социалистическое) течение, которое возглавляли Кита Икки и Окава Сёмэй. Оба они в свое время были членами группы Кокурёкай, но социалистические взгляды, которые проповедовал Кита Икки, не были восприняты консервативными националистами, что привело к обособлению национал-социалистического течения. Впрочем, противоречия

Тояма Мицуро

между ними не носили непримиримого характера и не мешали в дальнейшем проводить совместные акции. Основными национал-социалистическими организациями были Юдзонся (Общество критикующих, 1919), Гётися (Общество действия, 1925) и др.

Промежуточную позицию занимало третье течение, которое условно можно обозначить как центристское. Оно было представлено обществом Кокухонся (Общество государственных основ, 1918) и теми организациями, которые вокруг него группировались. Основателем Кокухонся был барон Хиранума Киитирё, во главе общества стояла группа государственных деятелей высокого ранга. Течение отражало взгляды националистических элементов в высших слоях государственной бюрократии, которые были обеспокоены ширившимся вовлечением больших масс населения страны в политическую борьбу.

Из всех вышеперечисленных фашистскими в точном смысле слова были только организации национал-социалистического (государственно-социалистического) течения. Только там достаточно отчетливо проявились основные признаки фашистского движения.

Несомненным лидером национал-социалистического движения в Японии был Кита Икки (настоящее имя — Кита Тэрудзирё). Он родился 3 апреля 1883 г. на о-ве Садо в семье богатого хозяина пивоваренного завода. В юности он изучал труды Маркса, Лассалля, Бебеля, Бернштейна, Дарвина. Первая его работа «Теория кокутай и чистый социализм», в которой он изложил свои социал-дарвинистские взгляды на японскую историю, была запрещена за критику теории кокутай. В качестве представителя Кокурёккай Кита активно участвовал в Синхайской революции в Китае.

Наиболее известна его вышедшая в 1919 г. работа под названием «Основные положения проекта реконструкции Японии» (в 1923 г. она была переиздана под названием «План реконструкции Японии»). Эта книга стала своего рода библией японских национал-социалистов. «План реконструкции» Кита заключался в построении «государственного социализма», под которым он понимал военную диктатуру, уничтожение всех демократических институтов и установление тоталитарного режима. После стабилизации внутреннего положения, по плану Кита, Япония должна была начать войну за передел мира.

Высказывания Кита Икки были близки нацистской идее о предропределенности господства «высшей расы», делавшей «справедливыми» войны за его установление. Как программная работа «План реконструкции Японии» соответствовал по духу «25 пунктов НСДАП» и книге «Моя борьба» А.Гитлера. Его можно назвать

настоящей программой фашистского движения, программой создания тоталитарного общества.

Если Кита Икки был идеологом фашистского движения, то ведущим его организатором стал Окава Сёмэй. Сын врача из деревни Нисинарэ (префектура Ямагата), Окава родился 6 декабря 1886 года. По окончании школы он решил посвятить себя индийской философии, однако после заинтересовался современной политикой. В 1916 г. он познакомился с Тояма Мицуру, Утида Рёхэй и другими представителями течения *коккасюги* («государственников»). Благодаря своей энергии и личным способностям, Окава в 1919 г. возглавил редакционный отдел департамента исследования экономики Восточной Азии Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), а вскоре стал и директором департамента.

Первой организацией фашистского типа можно назвать общество Юдзонся, образованное в августе 1919 г. Его организаторами были Окава Сёмэй, Мацукава Комэтаро и Кита Икки, которые надеялись реализовать на практике идеи Кита. В декларации по поводу образования общества утверждалось, что «японское государство является единственным, которое может претворить в жизнь революционные идеи», но для решения поставленных задач необходима «реконструкция государства» с целью создания «революционной Японии». Идеиные установки общества характеризовались откровенным национализмом, мессианством и стремлением к насильственному изменению социального порядка путем установления диктатуры во главе с императором.

Несмотря на то, что общество Юдзонся не пользовалось существенным влиянием в политической жизни страны, оно стало своеобразным идеологическим центром японского фашистского движения. Основой его деятельности была агитационно-пропагандистская работа. В середине 1923 г. общество распалось, но это не привело к забвению идей Кита Икки. Можно сказать, что Юдзонся выполнило свою пропагандистскую миссию.

Продолжателем принципов Юдзонся стала созданная в конце 1924 г. при участии Окава новая организация Гётися (Общество действия). После того, как Окава стал во главе организации (1927), деятельность общества стала быстро расширяться, в ряде городов (Осака, Киото и др.) были созданы его отделения, в него стала активно вовлекаться молодежь. Гётися взяло на вооружение тактику «прямого действия». При нем были созданы нелегальные боевые отряды, налажены тесные связи с «молодыми офицерами» в армии и на флоте. По мнению Окава, только таким

путем можно было содействовать «укреплению императорской власти», «подрываемой» парламентскими партиями.

Приблизительно тогда же Окава сблизился с офицерами генерального штаба, которые учились в Токийском императорском университете — Итагаки Сэйсирō, Коисо Куниаки, Доихара Кэндзи и др. В недалеком будущем им предстояло стать ведущими фигурами в стране. Хотя Окава разошелся с Кита по организационным вопросам, он продолжал поддерживать его идеи и знакомить с ними своих новых друзей — будущих членов «группы Сага», а позже — группы Кōдōха.

Тем временем Кита вместе со своими последователями в 1924 году создал боевую организацию Хакурōкай (Общество белого волка). В отличие от Окава, Кита считал, что главная задача заключалась в создании не широких массовых организаций, а небольших замкнутых групп, которые при помощи террора сумеют повлиять на политику правительства.

Японское фашистское движение тесно связано с именем еще одного сподвижника Кита Икки, бывшего армейского лейтенанта Нисиды Мицугу. Один из лидеров Гётися, ярый сторонник идей Кита Икки, Нисида занимался изучением социальных проблем; особенно привлекала его кемалистская революция в Турции. В 1928 г. он вышел из организации Хакурōкай и, не порывая связей с Кита, создал свое общество Сириносō (Собрание самураев). Эта организация сочетала пропаганду паназиатских и национал-социалистических идей с тактикой «прямого действия». Основным направлением своей деятельности Сириносō избрала работу с офицерской молодежью и с членами Императорского союза резервистов (Тэйкоку дзайгōгундзин кай). Деятельность Нисиды и его общества среди «молодых офицеров» активизировали создание организаций фашистского типа в армии и на флоте.

Фашистское движение в вооруженных силах

На начальном этапе основным направлением деятельности гражданских фашистских организаций была агитация и пропаганда, и они практически не совершали актов террора. В дальнейшем, по мере переноса акцента на террористические методы, появилась потребность не просто в боевиках, а в специалистах. Поэтому лидеры фашистского движения активизировали свою деятельность среди военных.

Военно-фашистское движение, как правило, ассоциируется с появлением такой организации, как Сакуракай (Общество вишни). Оно было создано в сентябре 1930 г. группой офицеров военного министерства во главе с подполковником Хасимото Кингорō,

побывавшим в Турции и восторгавшимся диктатурой Кемаля Ататюрка. В эту группу входил также генерал-лейтенант Татэкава Ёсичугу, создавший вскоре аналогичную организацию из офицеров действительной службы — Кодзакуракай (Малое общество вишни). Несколько позже на базе этого общества была создана организация под названием Сэйэйкай (Общество избранных), объединявшая офицеров армии и флота. На учредительном собрании последнего присутствовало только 187 офицеров, но уже через 2 года в это общество входило около 4 тыс. чел., или примерно 1/6 всех офицеров действительной службы.

Немаловажной причиной быстрого роста военно-фашистского движения стали итоги Лондонской конференции 1930 г. На основании подписанного на ней соглашения Япония должна была несколько сократить свой военно-морской флот, что, соответственно, сопровождалось урезанием расходов на ВМФ, увольнением в запас немалого числа офицеров, а также сокращением жалования офицерам действительной службы. Поэтому Лондонское соглашение было воспринято офицерством крайне враждебно. Профессиональные военные обвиняли правительство и политические партии, «которые экономят на армии и флоте, но покрывают скандальные прибыли спекулянтов-финансистов», в «подрыве могущества империи».

Сближение военных с фашистскими организациями, распространение фашистских идей в армии и на флоте и появление «военно-фашистского движения» представляло собой закономерный процесс. По времени он пришелся на годы экономического кризиса, который лег тяжким бременем, в первую очередь, на плечи крестьян. Из деревни тогда рекрутировалась подавляющая часть младшего офицерства, которое поэтому стало питательной средой радикализма и антикапиталистических настроений. Молодые офицеры, считавшие виновниками всех бед парламентские партии и «паразитирующие на народе» монополии, активно вступали в имевшиеся фашистские организации и создавали новые.

Первые военные заговоры Рост влияния фашистских группировок на руководство армии пришелся на время, когда военным министром стал Минами Дзирё. Тогда же военные стали постепенно укреплять свои политические позиции, оттесняя лидеров политических партий, ставленников финансовых кругов.

Так, в марте 1931 г. группа военных во главе с Минами потребовала отставки премьера Хамагути Осати. Одновременно готовился и антиправительственный переворот («мартовский инци-

дент»), который, однако, был раскрыт полицией. В полицейском отчете в качестве руководителей готовившегося «мартовского заговора» прямо назывались генералы Угаки и Минами, а исполнителями должны были стать организации Гётися, Дайкёся, Сиринасё и Сакуракай. Заговорщики ставили целью вооруженный захват здания парламента, узлов связи и редакций либеральных газет.

Поскольку в заговоре было замешано руководство армии, правительство Хамагути постаралось замаять скандал. Практически никто из участников не был серьёзно наказан: лишь несколько человек, в том числе руководители общества Сакуракай, были переведены в Квантунскую армию.

Безнаказанность вдохновила военных заговорщиков. 17 октября 1931 г. полиция раскрыла новый антиправительственный заговор, участниками которого были в основном те же лица, что готовили переворот в марте: руководители и активисты организации Сакуракай (Хасимото Кингорё, Нэмото Хироси), а также члены организации Гётися во главе с Окава Сёмэй. Заговорщики ставили своей задачей убийство премьер-министра Вакацуки Рэйдзирё, министра иностранных дел Сидэхара, министра двора Макино Нобуаки (Синкэн), после чего предполагалось объявить в столице военное положение и ввести войска. По их планам новым премьер-министром должен был стать генерал Араки, министрами — Окава, Хасимото, Нага и др.

На этот раз по приказу военного министра руководители заговорщиков Хасимото и Нага были арестованы, и заговор предотвращен. В то же время, наказание опять ограничилось понижением в должности руководителей заговора и переводом их на новое место службы. Правда, после октябрьского провала общество Сакуракай распалось.

Спустя всего полмесяца, 3 ноября 1931 г., группа генерала Араки, а также ряд группировок, входивших в Кокухонся, в том числе и люди генерального секретаря Социал-демократической партии Японии (Сякайминеёто) Акамацу Кацумаро, подготовили новый переворот. Начать его должен был митинг резервистов в день рождения императора Мэйдзи 3 ноября, который затем должен был перерасти в шествие перед императорским дворцом. Одновременно социал-демократы должны были вывести на улицу рабочих и организовать погромы редакций ведущих газет. Вызванные для разгона толпы солдаты и императорские гвардейцы вместо подавления бунта должны были соединиться с рабочими, а затем вместе с резервистами собраться перед дворцом, подать петицию с просьбой об объявлении военного положения. После заня-

тия министерств, отделений ведущих политических партий Минсэйтō и Сэйиūkай, а также Банка Японии и других финансовых учреждений, по всей стране должна была быть установлена диктатура во главе с императором.

Заговор провалился, но как и прежде, каких-либо значительных мер к организаторам заговора принято не было: после ареста участников лишь один из заговорщиков — полковник Нэмото — был отправлен в Маньчжурию, а все остальные отпущены. Такая безнаказанность в отношении заговорщиков объяснялась прежде всего тем, что задачи, которые ставили перед собой заговорщики, находили отклик среди как представителей высшего командования армии, так и парламентариев и даже членов правительства. Националистические идеи были весьма популярны в японском обществе, и официальная пропаганда не осуждала и даже зачастую превозносила заговорщиков как «радетелей нравственности», «хранителей чистоты японских традиций».

Радикально настроенные военные активно использовали для обвинения «партийных правительств» в «недостатке патриотизма» договор об ограничении морских вооружений, подписанный на Лондонской конференции в 1930 г. Ратификация Лондонского соглашения вызвала ярость фашистских групп. Утром 14 ноября на платформе Токийского вокзала выстрелом из пистолета был тяжело ранен премьер-министр Хамагути. Преступником оказался молодой человек Сагоя Томэо, член организации Айкокусэ (Общество патриотов), руководимой Ивата Айносукэ.

* * *

Премьер-министр Хамагути так и не смог оправиться после покушения, и 13 апреля 1931 г. подал в отставку (26 августа он скончался от последствий ранения). Уже на следующий день, 14 апреля, было сформировано новое правительство во главе с Вакацуки Рэйдзирō. Большая часть членов предыдущего правительства вошла и в новый кабинет, в том числе министр иностранных дел Сидэхара Кидзюрō, министр финансов Иноуэ Дзюнносукэ и военный министр Минами Дзирō.

Развитие японской агрессии в Китае

Ситуация в Маньчжурии постепенно менялась не в пользу Японии. Ежегодный прирост населения там составлял примерно 1 млн. чел., в основном за счет миграции из собственно Китая. Среди переселенцев были как крестьяне, стремившиеся на «свободные земли», так и рабочие, и ремесленники. В немалой степени

сюда перемещался и китайский национальный капитал, привлеченный стремительным ростом маньчжурской экономики, в основном за счет развития сырьевых и добывающих отраслей.

Перед лицом японской экспансии национальный капитал оказывал помощь Чжан Сюэляну, сыну убитого японцами маршала Чжан Цзолиня, стремясь подтолкнуть его на путь объединения усилий с правительством Гоминьдана. Поэтому, вопреки надеждам японских генералов, Чжан Сюэлян стал проводить политику сближения с Чан Кайши. В декабре 1928 г. Чжан Сюэлян признал власть нанкинского правительства и поднял над своим дворцом национальный флаг Китайской республики. Это не могло не встревожить японскую армию.

«Маньчжурский инцидент» На совещании командиров дивизий 4 августа 1931 г. военный министр Минами заявил о необходимости решить военной силой «вопрос о Маньчжурии и Монголии». Его выступление было широко опубликовано. Надо сказать, что средства массовой информации весьма активно поддерживали «патриотические стремления» военных, подготавливая общественное мнение к будущим «активным шагам» в Маньчжурии. В период экстенсивного развития народного хозяйства в японском обществе существовало ощущение ограниченности «жизненного пространства», которое умело подогревалось идеологической обработкой. Поэтому планы экспансии по расширению территории империи за счет соседей на азиатском материке находили отклик среди населения Японии.

В такой обстановке в августе 1931 г. в одном из отдаленных пунктов на северо-западе Маньчжурии местными китайскими войсками были убиты двое японских военнослужащих, которые, переодевшись в гражданскую одежду, занимались сбором разведывательной информации.

Для японских военных, которые искали только подходящего случая для того, чтобы начать активные действия, этот инцидент был хорошим предлогом. Командование немедленно предъявило ультиматум Чжан Сюэляну, а в самой Японии началась мощная антикитайская пропагандистская кампания.

18 сентября в 10 час. вечера в Лютяогоу, севернее Мукдена (ныне Шэньян), произошел новый инцидент — взрыв на железной дороге. Относительно этого события есть несколько версий. В отчете комиссии Лиги Наций под председательством лорда Литтона взрыв был назван «незначительным и случайным», поскольку он не помешал своевременному прибытию в Чанчунь следовавшего всего через 15–20 мин. после него поезда. А тогдашний государ-

ственный секретарь США Стимсон в своих мемуарах утверждал, что никакого взрыва вообще не было, просто «японская армия пришла в движение согласно заранее разработанному стратегическому плану». Так или иначе, обвинив во взрыве китайскую сторону, японская армия, расположенная в Маньчжурии, напала на казармы китайских войск. Утром 19 сентября над Мукденом уже развивался японский флаг. В течение последующих пяти дней все важнейшие населенные пункты маньчжурских провинций Мукден и Гириин были оккупированы японскими войсками.

Известие о молниеносной акции японской армии в Маньчжурии повергло мир в изумление. В не меньшей растерянности от такого самоуправства армии было и японское правительство. На экстренном заседании кабинета 19 сентября было решено не допустить дальнейшего расширения инцидента в Маньчжурии. На заседании кабинета 21 сентября предложение военного министра Минами послать в Маньчжурию подкрепления вызвало возмущения министра иностранных дел Сидэхара и министра финансов Иноуэ. Тем не менее, в тот же день японские войска, дислоцированные в Корее, без императорского приказа, по личному распоряжению генерала Хаяси Сэндзюрё перешли китайскую границу и вступили в пределы Маньчжурии.

Правительство Вакацуки потеряло контроль над ситуацией, и ему ничего не оставалось, как 22 сентября санкционировать действия армии задним числом. Правда, в официальном заявлении, опубликованном 24 сентября, говорилось, что правительство стремится не допустить дальнейшего расширения конфликта и желает уладить его как можно скорее. Однако Квантунская армия, фактически вышедшая из-под контроля правительства, продолжала расширять свои действия. Много позже, давая показания Токийскому трибуналу, Сидэхара заявил, что кабинет министров принял решение пресечь «незаконные и самовольные» действия Квантунской армии, но приказы военного министра не выполнялись его подчиненными.

21 сентября Китай официально внес на заседании Лиги Наций вопрос об агрессивных действиях Японии. На следующий день Лига направила Японии и Китаю одинаковые телеграммы с предложением приложить усилия для ограничения масштабов инцидента и немедленно отозвать войска обоих государств. В ответ японское правительство заявило, что Япония не имеет никаких территориальных претензий в Маньчжурии и в кратчайший срок отведет свои войска из зоны железной дороги. Однако события развивались независимо от обещаний японских дипломатов. 8 ок-

тября Квантунская армия подвергла бомбардировке г. Цзинь-чжоу, что вызвало новое заявление со стороны Лиги Наций.

Беспомощность японского правительства усугублялась тем, что военные получали поддержку со стороны как значительной части общественности, так и ведущих политических партий. Так, в специальной резолюции партии Сэйюкай было заявлено, что армия «поступила правильно», и в инциденте виновата «слабая» политика правительства, которая привела к агрессивным действиям китайских войск против Японии. В заявлении партии Минсэйто говорилось, что Япония проявила исключительное терпение в отношении Китая, который в течение последних лет проводил «антияпонскую» политику, и что японцам пришлось «обороняться» от китайских войск, которые первыми на них напали. Поэтому, несмотря на вызывающие действия армейского командования, правительство Вакацуки продолжало удовлетворять все возрастающие финансовые запросы военных.

Немецкая карикатура тех лет наглядно объясняет причины попустительства западных держав в отношении японской агрессии: самурай вышвыривает вон «русского медведя».

В то же время реакция международного сообщества не была подкреплена реальной силой: позиции имеющих непосредственные интересы в Маньчжурии Великобритании и США оставались довольно пассивными. Правда, государственный секретарь США Стимсон 7 января 1932 г. обратился к Японии и Китаю с идентичными нотами, в которых говорилось, что США не намерены признавать положение, входящее в противоречие с Парижским договором 1928 г., подписанным как США, так и Японией и Китаем. Однако Великобритания не поддержала позицию США. 11 января 1932 г. британское правительство заявило о своем стремлении продолжать политику «открытых дверей» и о том, что оно «не считает необходимым направлять японскому правительству какую-либо официальную ноту».

Комментируя это решение британского правительства, газета «Таймс» писала, что Япония не может считаться с Китаем, который даже не представляет собой целостного государства:

«Эта целостность не существовала в 1922 г., не существует она и сегодня. Со времени подписания договора 9-ти держав не было ни одного случая, когда центральное правительство Китая продемонстрировало бы свою реальную административную власть над обширными и разнообразными районами его громадной территории».

Пассивная позиция ведущих западных держав объяснялась их обеспокоенностью усилением советского влияния на Дальнем Востоке и, прежде всего, в Китае, где благодаря советской поддержке все более укреплялись политические и военные позиции местных коммунистов. По мнению держав, японские войска в Маньчжурии должны были стать противовесом «советской экспансии». Кроме того, Великобритания, чьи интересы были особенно велики в центральном Китае, рассчитывала, что, направив агрессию японской военщины в северном направлении, она сумеет избежать столкновения с ней.

Таким образом, агрессия Японии в Маньчжурии не вызвала серьезного противодействия. Поэтому всего за 3 месяца Квантунская армия полностью овладела тремя провинциями на северо-востоке Китая.

«Шанхайский инцидент» Легкость, с какой армия провела операции в Маньчжурии, и значительные ассигнования, полученные ею на «чрезвычайные военные расходы», не могли оставить безучастным постоянного соперника армии — японский флот. Уже 23 января 1932 г. под предлогом защиты японских резидентов в Шанхае началась высадка на берег контингента японской морской пехоты (всего 2800 солдат).

Японцы потребовали от шанхайского муниципалитета вывести из города китайские войска и в одностороннем порядке стали расширять границы японского селтльмента, что привело к вооруженному столкновению японского десанта с китайскими войсками. Начались бои, в которых японцы применили морскую авиацию. В Шанхай стали перебрасываться новые подкрепления.

В шанхайской операции участвовали войска, в 2 раза превышавшие по численности контингент, осуществивший захват Маньчжурии. Но в отличие от Маньчжурии, где японцы имели дело с войсками Чжан Сюэяна, в Шанхае японцы встретили хорошо организованное сопротивление армии Гоминьдана и жителей города. К тому же Великобритания и США, имевшие интересы в этом

районе, заявили резкий протест против действий японцев и направили в Шанхай свои военные корабли.

Однако прекратить военные действия удалось только 3 марта 1932 г., когда командование японских войск в Шанхае опубликовало заявление о прекращении операций. 5 марта было подписано соответствующее соглашение, после чего японские войска были выведены из Шанхая.

Создание Маньчжоуго К началу января 1932 г. Квантунская армия практически завершила оккупацию Маньчжурии; далее встал вопрос о статусе оккупированных областей. С самого начала маньчжурского конфликта правительство Вакацуки заявило, что не имеет никаких территориальных притязаний в отношении Маньчжурии. И, действительно, Маньчжурия не была включена в состав Японской империи. Ей была уготована судьба марионеточного государства.

Идея образования «независимого государства в Маньчжурии» выдвигалась задолго до «маньчжурского инцидента». В качестве первых шагов по ее реализации сначала в Мукдене, а затем и в других занимаемых японскими войсками городах создавались автономные правительства, номинально возглавляемые местными деятелями, сотрудничавшими с японскими военными властями. Для организации центральной власти в Мукден был доставлен из Тяньцзиня Пу И — последний император из маньчжурской династии Цин, свергнутой Синхайской революцией 1911 г.

Под охраной военного конвоя Пу И был доставлен в Маньчжурию, где 1 марта 1932 г. было объявлено о создании государства Маньчжоуго, в котором Пу И отводилась роль «правителя». В июне на заседании нижней палаты японского парламента единогласно была принята резолюция о немедленном признании Маньчжоуго, которая была предложена совместно партиями Минсэйтō и Сэйбōкай. Было также решено учредить в Маньчжурии должность японского посла, в задачу которого входила координация деятельности всех японских учреждений в Маньчжурии, а также функции командующего Квантунской армией и начальника Квантунской области. Соответственно, послом в Маньчжурии был назначен командующий Квантунской армией Мутō Нобуёси.

15 сентября 1932 г. был подписан японо-маньчжурский протокол, в котором было два пункта: Маньчжоуго признает права и интересы Японии и японских граждан в Маньчжоуго; Япония и Маньчжоуго осуществляют совместную оборону страны, а японские войска остаются на территории Маньчжоуго. Таким образом, Япония официально признала государство Маньчжоуго.

Выход Японии из Лиги Наций

В начале 1932 г. при рассмотрении маньчжурского вопроса Лига Наций согласилась с доводами Японии об особом положении в Маньчжурии, но для вынесения окончательного решения направила туда комиссию международных наблюдателей во главе с англичанином Литтоном, которая в апреле прибыла в Маньчжурию.

Осенью 1932 г. комиссия представила Совету Лиги Наций доклад, в котором говорилось, что японская сторона «имела точно составленный план поведения на случай возможных военных действий между ними и китайцами». В тоже время комиссия констатировала, что китайские войска не имели намерения нападать на японцев и не угрожали жизни и имуществу японских подданных. Далее отмечалось, что Маньчжурия является «китайской страной»; однако Япония осуществляла в ней в течение долгого времени полицейские и административные функции во всей зоне, прилегавшей к Южно-Маньчжурской железной дорогой. Это создало ненормальное положение, которое привело к японо-китайскому конфликту в Маньчжурии. Комиссия рекомендовала Лиге Наций воздержаться от признания Маньчжоуго и созвать конференцию для обсуждения этого вопроса.

Между тем, несмотря на увещевания Лиги Наций, японская военщина продолжала наступление на северо-востоке Китая. После оккупации маньчжурских провинций Мукден, Гирин и Хэйлунцзян Квантунская армия продолжила наступление на запад, в населенную преимущественно монголами провинцию Жэхэ. Столь неуступчивая политика Японии в маньчжурском вопросе заставила Лигу Наций занять более твердую позицию. На основании доклада комиссии, сессия Лиги вынесла 24 февраля 1933 г. резолюцию о японо-китайском конфликте, в которой при признании «особых прав и интересов» Японии в этом районе Китая захват Маньчжурии признавался незаконным и объявлялся нарушением Японией «договора 9-ти держав» от 6 февраля 1922 г.

Соединенные Штаты согласились с выводами комиссии Литтона, Великобритания заявила о своем несогласии с резолюцией, заметив, что «не намерена предпринимать какие-либо шаги против Японии». Советское правительство на приглашение присоединиться к резолюции Лиги Наций ответило, что оно «с самого начала японо-китайского конфликта, желая по мере сил воспрепятствовать дальнейшему расширению военного конфликта ..., встало на путь строгого нейтралитета», и потому не находит возможным сделать это.

После одобрения рекомендаций по докладу комиссии Литтона, был создан консультативный комитет для разработки мероприятий Лиги Наций по японо-китайскому конфликту. Лига обратилась к Соединенным Штатам и Советскому Союзу с просьбой принять участие в работе комитета. США направили своего наблюдателя, а Советский Союз отказался от участия в работе комитета.

Японское правительство решительно отвергло доклад и предложения комиссии Литтона. Посол и главнокомандующий в Маньчжурии генерал Мутō по-солдатски прямо заявил, что «Япония будет твердо продолжать свою политику в Маньчжурии независимо от выводов комиссии Литтона». Аналогичную позицию занял и японский представитель в Женеве. В итоге Япония вышла из Лиги Наций. В официальном извещении по этому поводу японская позиция мотивировалась следующим образом:

«Поскольку Китай не является единым государством, а его внутреннее положение и международные связи отличаются крайней сложностью, запутанностью и своеобразием, общепринятые принципы и обычаи международного права, являющиеся всеобщими нормами в международных отношениях, к нему не применимы... Доклад комиссии не учитывает того, что у Японии нет иных намерений, кроме обеспечения мира на Востоке, и является крайне ошибочным в оценке фактов и оснований на них выводах... Учитывая все это, императорское правительство считает невозможным дальнейшее участие Японии в Лиге Наций и ... заявляет о своем выходе из последней».

Надо сказать, что японское общественное мнение усиленно подготавливалось к такому решению средствами массовой информации: в печати раздавались призывы к осуществлению «независимой политики», широко популяризировались лозунги типа: «Азия для азиатов», «Повернемся лицом к Востоку» и др. Когда японский представитель в Лиге Наций Мацуока Ёсукэ возвращался в Японию, ему была устроена восторженная встреча.

Чан Кайши старался избегать крупных столкновений с японскими войсками; тем более, что среди руководства Гоминьдана все чаще стали высказываться мнения о необходимости поскорее уладить конфликт с Японией. В результате 31 мая 1933 г. между японским и китайским командованием в городе Тангу было подписано соглашение, предусматривавшее взаимный отвод войск в Северном Китае и создание между ними демилитаризованной зоны. К августу отвод войск обеих сторон был завершен, и в Северном Китае установилось непрочное перемирие. Таким образом,

японская армия утвердилась не только в Маньчжурии, но и в прилегающих районах Северного Китая.

**Пу И — император
Маньчжурии**

1934 год стал, пожалуй, единственным в истории маньчжурских событий, когда Япония не предпринимала военных действий в отношении Китая. 1 марта 1934 г. правитель Маньчжурии Пу И был объявлен императором, а Маньчжоуго (Маньчжурское государство) было переименовано в Маньчжоудиго (Маньчжурскую империю). В своей речи в японском парламенте в январе 1935 г. министр иностранных дел Хирота Кёки призвал не выступать с угрозами и не осуществлять агрессии в отношении Китая и настаивал на заключении японо-китайского соглашения. В мае 1935 г. Япония и Китай даже обменялись послами.

Тем не менее, напряженность в отношениях между Японией и Китаем сохранялась. Летом 1935 г. в японском селтльменте города Тянь-

цзиня были убиты несколько сотрудничавших с японцами журналистов. Генерал Умэдзу Ёсидзирё, командующий японской армией в Китае, предъявил китайской стороне ряд требований, среди которых были вывод китайских войск из провинции Хэбэй, ликвидация партийных органов Гоминьдана и запрещение всякой партийной и антияпонской деятельности на всей территории провинции. Примерно в то же время аналогичные требования были выдвинуты и в адрес властей провинции Чахар, с которыми было подписано соглашение, предусматривавшее ликвидацию анти-японских организаций в провинции и отвод китайских войск от границ Маньчжурии.

События в Маньчжурии и советско-японские отношения

28 октября 1931 г. японское правительство обратилось к правительству СССР с нотой протеста по поводу советской помощи китайским войскам в Маньчжурии. В ответной ноте советская сто-

рона отвергла протест Японии на том основании, что он «не имеет

никакой почвы» под собой и «основывается на измышлениях и слухах».

В середине ноября 1931 г. японские войска перерезали Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД). Этот инцидент вызвал обмен дипломатическими заявлениями, в ходе которого помощник министра иностранных дел Японии заверил, что японской армии дан приказ никакого ущерба КВЖД не причинять.

Тем не менее инциденты продолжались. Обеспокоенный военной активностью Японии в Маньчжурии Советский Союз, имевший немалые интересы в этом районе, стремился предотвратить столкновение с Японией. Первое предложение советского правительства о заключении пакта о ненападении было сделано 31 декабря 1931 г. После долгой паузы Токио официально отклонил его 13 сентября 1932 г. В ноябре 1932 г. советское правительство повторило свое предложение (через японского представителя в Лиге Наций Мацуока). Более того, Советский Союз был готов создать в Москве генеральное консульство Маньчжоуго, с тем чтобы японский посол по совместительству выполнял функции генерального консула этого «государства».

Между тем ситуация на КВЖД оставалась напряженной. В июле 1932 г. войска Маньчжоуго при поддержке японцев захватили перевалочную пристань КВЖД, постоянно арестовывали и истязали советских служащих, осуществляли налеты на железную дорогу. В апреле 1933 г. власти Маньчжоуго закрыли сообщение между КВЖД и советскими железнодорожными магистралями в пунктах Маньчжурия и Пограничная (недалеко от современного г. Уссурийска).

Советское правительство, стремясь разрядить обстановку, 2 мая 1933 г. предложило Японии проект досрочного выкупа КВЖД. 26 июня 1933 г. в Токио начались переговоры. Советская сторона предлагала продать КВЖД за 250 млн. руб., представители Маньчжоуго настаивали на сумме в 50 млн. иен (1 руб. = 1,04 иены). К концу сентября переговоры зашли в тупик.

Переговоры по поводу досрочного выкупа Маньчжурией у Советского Союза КВЖД, которые велись в Токио от имени Маньчжурии фактически японскими представителями, продолжались почти 2 года и завершились 23 марта 1935 г. подписанием соглашения. Выкупная цена железной дороги была определена в 140 млн. иен; 1/3 этой суммы подлежала оплате деньгами, а 2/3 — товарами. Кроме того, 30 млн. иен правительство Маньчжоуго обязалось уплатить в качестве компенсации советским рабочим и

служащим в связи с их увольнением. Финансовым гарантом соглашения выступала Япония.

Однако и после разрешения вопроса о КВЖД различного рода инциденты на советско-маньчжурской границе не прекращались. В ответ на неоднократные заявления и ноты советского правительства японские дипломаты либо отрицали факты нарушения границы, либо ссылались на ее неопределенность на местах.

Закат эпохи «партийных кабинетов»

Образование кабинета Инукаи

21 сентября 1931 г. Великобритания заявила об отмене золотого стандарта. Это вызвало цепную реакцию в мире и переполох на финансовых рынках, отразившийся и на японской экономике. Ожидая изменений в финансовой политике правительства, японские банки стали лихорадочно вкладывать капиталы в валютные ценности, что привело к сильному расстройству финансов и углублению кризиса в промышленности, которая и так уже находилась в состоянии депрессии.

Кроме того, обесценивание китайского серебра на фоне мирового экономического кризиса нанесло серьезный удар японским промышленникам, вложившим капиталы в текстильную промышленность, работавшую на экспорт, в первую очередь, в Китай. Поэтому эта часть японского капитала настойчиво добивалась введения запрета на вывоз золота и осуществления демпинговой политики, основанной на низком валютном курсе. И, наконец, начав военные действия в Маньчжурии, армия требовала увеличения ассигнований.

Все это привело к тому, что ряд политиков, недовольных деятельностью кабинета Вакацуки, в частности, несоответствием внешнеполитического курса Сидэхара развитию маньчжурских событий, а также финансовым положением страны, потребовали создания коалиционного правительства. Эту группу возглавили министр внутренних дел в кабинете Вакацуки, член партии Минсэйтō Адати Кэндзō и один из руководителей партии Сэйбōкай Кухара Фусаносукэ.

Действия Адати привели к расколу внутри Минсэйтō и повлекли за собой правительственный кризис. 11 декабря правительство Вакацуки ушло в отставку. 13 декабря 1931 г. было сформировано новое правительство во главе с Инукай Цуёси, которому суждено было стать последним «партийным» кабинетом. Пост военного министра в новом составе занял генерал Араки Са-

дао, а министра финансов — Такахаси Корэкиё. В первый же день после прихода к власти правительство Инукаи ввело эмбарго на вывоз золота и взяло курс на проведение инфляционной экономической политики.

Разгул терроризма в стране Провал японской интервенции в Шанхае и негативное отношение к действиям Японии в Китае со стороны Лиги Наций способствовали активизации антиправительственных террористических сил. Обвиняя правительство в нерешительности, националисты видели выход в дальнейшей активизации тактики «прямого действия». Значительно расширилась социальная база таких организаций, как Кэцумэйдан (Лига кровавого братства), которую многие исследователи считают ядром антиправительственного террористического движения.

Своим появлением эта организация была обязана последователю секты Нитирэн Иноуэ Ниссё (Химэси). Иноуэ еще в 1910 г. эмигрировал в Маньчжурию. Здесь он, работая в штате ЮМЖД, вплоть до конца 1921 г. занимался содействием секретным агентам японской армии. По возвращении в Японию Иноуэ вступил в буддийскую секту «Белый лотос». В префектуре Ибараки, недалеко от города Мито он основал свой Храм защиты отечества, где воспитывал учеников в духе собственной трактовки учения дзэн, готовя их к скорой смерти и давая читать националистические журналы и брошюры.

В результате Иноуэ удалось сплотить вокруг себя несколько сот человек, сторонников идеи «второй реставрации» (или «реставрации Сёва») методами «прямого действия». В 1930 г. при своем храме он создал специальную группу Кэцумэй (Братство крови), целью которой была борьба «с продажными политическими партиями, связанными с плутократией», путем индивидуального террора. Лозунг группы гласил: «*хитори итисисюги*» («один человек — одно убийство»). Она стала основой новой организации Кэцумэйдан (Лига кровавого братства), которая была разбита на ячейки по 5 чел. и организационно подготовлена для осуществления террористических акций.

Фактическое попустительство правительства подстегнуло активность террористических организаций. 9 февраля 1932 г. активист Кэцумэйдан Онума Масаси выстрелом из пистолета убил бывшего министра финансов в кабинетах Хамагути и Вакацуки и одного из лидеров партии Минсэйтё Иноуэ Дзюнносукэ, когда тот выступал перед избирателями в помещении начальной школы в Токио. Онума был схвачен и на первом же допросе заявил, что

«Иноуэ имеет непосредственное отношение к бедствиям, переживаемым деревней».

5 марта того же года в управлении концерна «Мицуи» был убит управляющий акционерной компанией «Мицуи гомэй» барон Дан Такума. Полиция арестовала 14 членов Кэцумэйдан во главе с их лидером Иноуэ Ниссё. Арестованные не скрывали, что активисты общества ставили целью убийство *гэнрô* Сайондзи, а также ряда других политических и финансовых деятелей. На этот раз реакция властей была жесткой — террористы были приговорены к каторжным работам (сам Иноуэ и трое его сподвижников — к пожизненным). Но политическая ситуация в стране оставалась напряженной. Вот как описывал то время один из руководителей концерна «Мицуи» Икэда Сэйхин в своих воспоминаниях:

«Недовольство масс, вызванное событиями в Маньчжурии и скачком долларова, а также недовольство деятельностью банка «Мицуи» и моими действиями особенно возросли в октябре 1931 года. 2 ноября группа в 20 человек, возглавляемая Акамацу Кацумаро из Социал-демократического союза молодежи, проникла в здание, где размещалось управление банка, и пыталась учинить беспорядки. 21 декабря несколько десятков человек-членов социал-демократической партии ворвались к Мицуи Хатирôзмон и Ивасаки Хисая прямо в грязной обуви и потребовали, чтобы прибыли, полученные от скупки долларов, были использованы на оказание помощи голодающим крестьянам на северо-востоке страны и на выдачу пособия миллионам безработных.

Но это были только внешние, можно сказать, безобидные формы проявления недовольства, к которым прибегали Социал-демократический союз молодежи или социал-демократы. Мы опускали на себе куда большее давление со стороны сил, действовавших скрытно. Не проходило и дня, чтобы тебя не называли по телефону бандитом; возле дома бродили шайки каких-то подозрительных типов, бесконечным потоком поступали анонимные письма. Этот поток непрерывно усиливался, особенно в сентябре и октябре, и не ослабевал вплоть до декабря... В феврале 1932 г. был убит Дан Такума. Обстановка усложнялась... Все это время мы жили в непрерывном страхе».

«Инцидент 15 мая 1932 года»

15 мая 1932 г. группой экстремистов была совершена серьезная попытка путча. В ней участвовали молодые офицеры армии и флота, группа боевиков из Айкôдзюку (Школа любви к родной земле), Дзиммукай (Общество императора Дзимму) и Кэцумэйдан. Разделившись на четыре отряда, путчисты напали на резиденцию премьер-министра Инукаи (он был смертельно ранен), на министерство внутренних дел, штаб-квартиру партии Сэйтôкай, дом хранителя государственной печати Макино, Банк Японии, банк «Мицубиси», полицейское управление, электростанцию.

Налетами руководили морские офицеры Кōга Киёси (Сэйси), Накамура Ёсио и Хитоси Даётакэ. Путчисты распространяли листовки с призывами бороться против парламентских партий и финансовых клик за «реставрацию Сёва», за передачу власти военным, которые установят порядок в стране. В одной из листовок, в частности, говорилось:

«Мы против политических партий, которые заботятся только о власти и собственных интересах, мы против капиталистов, которые находятся в блоке с политическими партиями, чтобы угнетать своих соотечественников, мы против мягкотелой дипломатии, против опасных мыслей, за крестьян и рабочих, которые терпят крайнюю нужду».

У организаторов путча нашли список приговоренных к смерти лиц, среди которых, кроме Инукаи, были: *гэнрō* Сайондзи, хранитель государственной печати Макино, председатель палаты пэров Токугава, член тайного совета Итō, ряд лидеров партий Сэйюкай и Минсэйтō и руководители концернов «Ясуда», «Окура», «Мицуи», «Мицубиси», «Сумитомо» и др.

После совершения акций участники путча явились в жандармерию с повинной. Во время процесса над террористами в Токио в суд шел поток петиций от крестьянских общин и союзов, в которых выражалось сочувствие подсудимым как к «истинным патриотам и верноподданным императора» и ходатайства об их оправдании. Адвокаты заключенных предоставили суду 111 тыс. писем, с просьбой о помиловании.

«Кабинет национального единства» адмирала Сайто

После гибели премьер-министра Инукаи кабинет немедленно ушел в отставку. Встал вопрос об образовании нового правительства. Лидеры страны были сильно встревожены последними событиями, тем более, что в попытке путча участвовали офицеры военно-морского флота, всегда считавшегося более лояльным к существующим государственным институтам, нежели армия.

Проведя консультации, *гэнрō* Сайондзи Киммоти предложил императору кандидатуру адмирала Сайтō Макото, бывшего генерал-губернатора Кореи. Принимая во внимание радикальные настроения в армии и утрату политическими партиями поддержки в обществе, Сайондзи исходил из того, что кандидатура Сайтō, представителя военно-морского флота, занимавшего умеренную позицию, смягчит противоречия между вооруженными силами и правительством и поможет избежать в будущем событий, подобных «инциденту 15 мая».

25 мая 1932 г. адмирал Сайтō образовал «кабинет национального единства». В его правительство вошли представители военных кругов, бюрократии и 7 представителей политических партий. Характерно, что ответственный за майские события генерал Араки был оставлен на посту военного министра: предполагалось, что он сможет осуществлять контроль над армией и сдерживать фашиствующие группы «молодых офицеров».

Сайтō Макото (слева) и Такахаси Корэкиё
на вилле Такахаси в Хаяма, близ Токио. 13 августа 1933 г.

Кабинет Сайтō представлял собой сложный конгломерат различных соперничавших политических сил: высших сановников (*дзюсин*), представителей партий, бюрократии и военных. У такого кабинета не было прочной политической опоры. Вынужденный балансировать между различными политическими интересами кабинет Сайтō, в целом, был довольно пассивен. Вместе с тем, новое правительство сделало для себя из майских событий определенные выводы. По флоту был издан приказ об укреплении воинской дисциплины, запрещавший военнослужащим вмешиваться в политику. В армии было запрещено создание каких-либо организаций военнослужащих. Поскольку одним из основных лозунгов путчистов был призыв «помочь деревне», для стабилизации положения правительство предложило на обсуждение парламенту проект «возрождения деревни», предусматривавший финансовую помощь селу, а также ассигнования на строительные работы.

Одновременно концерны «Мицуи» и «Мицубиси» выделили на борьбу с безработицей и на общественные нужды по 3 млн. иен каждый, а концерн «Сумитомо» — 1 млн. иен. Таким образом, новое правительство, обеспокоенное тревожным положением внутри страны, пыталось предпринимать меры для стабилизации социальной обстановки.

**Падение кабинета Сайтō.
Правительство Окада**

Агрессия в Маньчжурии требовала постоянного увеличения расходов на армию. Флот также не оставался в стороне, и в 1934 г. его командование, заявив о необходимости пересмотра Лондонского соглашения, потребовало огромных дополнительных ассигнований, поставив финансы страны в сложное положение.

Несмотря на призывы к «единству нации» в «чрезвычайное время» кабинет Сайтō не смог преодолеть противоречий между соперничавшими политическими силами. Попытки найти выход в компромиссном союзе с партиями также не увенчались успехом. Уровень доверия к «партийным политикам» со стороны населения оставался низким, и уже давало знать о себе формировавшееся вокруг представителей армии политическое течение, выступавшее против возрождения «партийных кабинетов».

Назревал правительственный кризис. В сентябре 1933 г. ушел в отставку министр иностранных дел Утида Кōсай (Ясуя), политика которого была связана с признанием независимости Маньчжурии и выходом из Лиги Наций. Ему на смену пришел Хирота Кōки, бывший до этого послом в Москве. Новый министр сразу заявил о намерении правительства развивать дружественные отношения с такими странами, как США, Советский Союз и Китай.

Возможная смена политического курса вызвала у военных беспокойство. В связи с этим военный министр Араки внес на рассмотрение кабинета предложение, согласно которому все внешнеполитические инициативы должны были выдвигаться правительством при непременно согласовании с военным и военноморским министрами.

Это вызвало беспокойство теперь уже у бюрократии — принятие предложения Араки означало бы непомерное усиление влияния военных. На заседаниях правительства выявились разногласия между представлявшими бюрократию министрами Такахаси и Хирота с одной стороны и военным министром Араки и его сторонниками с другой. На этот раз военные не смогли одержать верх, победила линия Такахаси–Хирота. В январе 1934 г. Араки

Араки Садао осматривает образцы военной техники
в парке Сумида в Токио. Август 1932 г.

ушел в отставку (официально — по болезни), и пост военного министра занял Хаяси Сэндзёбё.

Обновленное правительство приняло следующую программу:

- содействие здоровому развитию Маньчжоуго, связанному неразрывными узами с Японией;
- совершенствование обороноспособности страны в пределах, обеспечивающих ее полную безопасность, с учетом финансовых возможностей;
- проведение такого внешнеполитического курса, в основе которого лежало бы стремление к международному сотрудничеству и развитию дружественных отношений со всеми странами и в особенности с соседними — Китаем, Америкой и Россией;
- обновление всей политики в соответствии с международным положением и обстановкой внутри страны и мобилизация национального духа

Отставка генерала Араки означала поражение радикального крыла военных. Но, как показали дальнейшие события, оно не было окончательным. Воспользовавшись скандалом с компанией искусственного шелка, оппозиция обвинила министра финансов Такахаси в коррупции, и 3 июля 1934 г. правительство Сайтё вынуждено было подать в отставку.

Сайтё предложил в качестве своего преемника адмирала в отставке Окада Кэйсукэ. В этом его поддержал *гэнрё* Сайондзи. После назначения ведущих министров Окада предложил партиям Сэйюкай и Минсэйтё занять оставшиеся министерские посты. Минсэйтё согласилась на сотрудничество, а Сэйюкай отказалась.

Давление военных привело к значительному росту ассигнований на нужды армии и флота, которые в проекте бюджета 1935 г. составили 46,6% его расходной части. По этой причине государственная помощь деревне с этого года была прекращена. Для сбалансирования бюджета новый министр финансов Фудзии Масанобу попытался ввести налог на сверхприбыли в промышленности, что вызвало сильные возражения других членов кабинета, и в результате Фудзии был вынужден подать в отставку, а его место вновь занял Такахаси.

Дискуссия о «сущности императорской власти»

К началу 1935 г. вновь возобновилась дискуссия по поводу теории профессора Минобэ о «сущности императорской власти», согласно которой суверенитет принадлежал государству, а император осуществлял его только в качестве высшего государственного органа.

Дискуссия по поводу теории Минобэ была лишь внешним проявлением борьбы, которая велась между группировками радикалов и «умеренных» в военных кругах. Один из лидеров радикальной армейской группы Кёдбёх, генеральный инспектор военного обучения Мадзаки Дзиндзабурё выступил с резкой критикой теории Минобэ. Позицию другой, «умеренной» армейской группы Тёсэйха выразил военный министр Хаяси:

«Теория профессора Минобэ распространяется уже в течение ряда лет, и нет доказательств, что это учение оказывает вредное влияние на армию».

Ситуация обострилась после того, как в этот спор включилась партия Сэйёкай, которая, поддерживая радикалов, стремилась свалить правительство. Борьба разворачивалась следующим образом. Генерал Мадзаки распорядился проводить занятия с личным составом армии на тему о сущности государственного строя. Это распоряжение вызвало негативную реакцию со стороны правительства и высших сановников, и военный министр Хаяси добился отставки Мадзаки.

В ответ группа Кёдбёх обвинила Хаяси в том, что он вместе с бюрократией, *дзайбацу* и высшими сановниками порочит императорскую армию и посягает на права верховного командования. Один из лидеров группы подполковник Айдзава Сабурё 12 августа 1935 г. проник в военное министерство и зарубил саблей начальника отдела кадров генерала Нагата Тэцудзан — одного из лидеров группы Тёсэйха. Это привело к отставке военного министра

Хаяси, пост которого занял сторонник группы Кёдбха генерал Кавасима Ёсиюки.

* * *

Срок полномочий парламента, избранного в 1932 г., истекал, и когда в январе 1936 г. партия Сэйюкай собралась поставить вопрос о доверии правительству, последнее приняло решение распустить парламент. Новые выборы были назначены на 20 февраля 1936 г.

Чтобы обеспечить спокойное проведение выборов, еще в середине 1935 г. правительство выдвинуло лозунг «очищения политических кругов», т.е. проведения кампании против различного рода радикальных и преступных элементов, чтобы, помимо прочего, поставить под контроль правые организации. Особенность этой акции состояла в том, что она проводилась не просто как полицейская операция, но как общегосударственный курс. В частности, во всех префектурах были созданы комитеты по укреплению порядка, возглавленные, как правило, губернаторами.

Предвыборная кампания не была острой, поскольку и Минсэйтё, и Сэйюкай понимали невозможность формирования «партийного» кабинета. В целом, выборы 1936 г. также прошли вяло. Сэйюкай, имевшая ранее большинство в парламенте, получила лишь 175 мест, а Минсэйтё — 205 мест. Результаты выборов для других партий оказались следующими: союз Сёвакай (отколовшаяся часть Сэйюкай) — 20 мест, Социалистическая массовая партия — 18, Народный союз — 15, Лига защиты государства — 3, другие — 32 места. Таким образом, большинство в парламенте перешло к партии Минсэйтё.

Путч 26 февраля 1936 г. К середине 1935 г. борьба между «умеренными» и опиравшимися на фашистские группировки радикальными силами в руководстве армии достигла своей кульминации. Суд над подполковником Айдзава стал прологом нового, самого крупного выступления — путча 26 февраля 1936 г., превратившегося в завершающий акт фашистского движения в Японии.

Идеологом путча, как и всего фашистского движения, был Кита Икки. Правда, до сих пор не найдены документы, которые свидетельствовали бы о его непосредственном участии в мятеже. Тем не менее, именно его программная работа «План реконструкции Японии» стала настольной книгой для мятежных офицеров. Об этом свидетельствовали высказывания одного из организаторов мятежа, бывшего интенданта I ранга Исобе Асаити, изгнанного годом ранее из армии за создание подпольной организации в воен-

ном училище. По его мнению, основной задачей реставрации Мэйдзи 1868 г. было превращение Японии в конституционное государство, в котором император выступал бы «в качестве политического центра». Вместо этого в Японии установилась «диктатура *гэнрō*, дворян, военной верхушки, политических партий и *дзай-бацу*». Поэтому, как считал Исобэ, долгом каждого патриота было провести новую «реставрацию Сёва» и освободить императора от влияния этих «привилегированных классов».

Исобэ и его соратники планировали, организовав путч, при помощи военного министра Кавасима склонить императора к назначению на пост премьер-министра генерала Мадзаки, разделявшего, как не без основания считали мятежники, их взгляды. Это должно было стать переходной ступенью к установлению непосредственной власти мятежных офицеров.

Рано утром 26 февраля 1936 г. около 1400 солдат 1-го и 3-го полков 1-й дивизии и 3-й полк гвардейской дивизии, поднятые по тревоге, напали на резиденции премьер-министра, министров финансов, внутренних дел, двора и генерал-инспектора военного обучения. Мятежниками были убиты хранитель императорской печати Сайтō Макото, министр финансов Такахаси Корэкиё, генерал-инспектор военного обучения Ватанабэ Дзётарō, был тяжело ранен главный камергер двора Судзуки Иситарō. Премьер-министр Окада, предупрежденный о нападении начальником своей канцелярии полковником Кобаяси Мацуо, сумел спрятаться и избежал смерти.

Мятежники захватили полицейское управление, редакцию газеты «Асахи» и пытались проникнуть в военное министерство и генеральный штаб. К концу дня под контролем путчистов оказались центральные кварталы Токио, включая резиденцию премьера и здание парламента.

Интересно, что одним из главных противников «реставрации Сёва» был сам император Сёва (Хирохито). Утром 26 февраля, получив сообщение об офицерском бунте, император сказал своему старшему адъютанту:

«Они убили моих советников и сейчас пытаются надеть шелковую удавку на мою шею. Я никогда им этого не прошу. И не имеет значения, какими мотивами они руководствуются».

После чего он отдал распоряжение военному министру Кавасима «подавить путч немедленно».

В течение всего 26 февраля, несмотря на распоряжение императора, против мятежников не было предпринято никаких дей-

ствий. Укрепившись в центральной части Токио, путчисты послали петицию на имя Кавасима, требуя «немедленно распустить парламент, назначить премьером генерала Мадзаки и сформировать новое правительство». Позже их требования смягчились и свелись к назначению Мадзаки командующим Квантунской армией.

27 февраля император вызвал командующего императорской гвардией генерала Хондзэ Сигэру и в резкой форме заявил ему, что, если не будут начаты активные действия против путчистов, он примет на себя командование императорской гвардией и подавит их. В это время высшее армейское руководство продолжало вести переговоры с восставшими (в частности, через того же генерала Мадзаки Дзиндзабурō), всячески увещевая их и стараясь склонить к прекращению мятежа.

Поскольку объектами покушений были адмиралы Сайтō, Судзуки и Окада, для подавления мятежа ставка была сделана на флот. В Токийский залив вошла 1-я эскадра военно-морских сил, и в столицу были доставлены наземные части ВМС из Сибаура.

К утру 29 февраля были перекрыты все дороги, ведущие в Токио, а населению центральных районов было предложено эвакуироваться. После обращения военного министра к мятежникам по радио солдаты и унтер-офицеры стали постепенно возвращаться в свои казармы, а сами мятежные офицеры — приходить в резиденцию военного министра, где их разоружали и арестовывали.

Перед судом военного трибунала предстали 17 офицеров, включая Исобэ, а также двое гражданских, одним из которых был Кита Икки. Все были приговорены к смерти и повешены на площади Ёёги в Токио; 15 человек — 12 июля, а остальные — 19 августа 1936 г. Был казнен и убивший генерала Нагата подполковник Айдзава. Верный своим взглядам Кита единственный из всех отказался крикнуть перед казнью «банзай» императору. 7 членов высшего военного совета вынуждены были уйти в отставку, в их числе Араки, Мадзаки, Хаяси и Абэ, которые совсем покинули воинскую службу.

* * *

Разгром февральского путча 1936 г. фактически стал концом фашистского движения в Японии. Консервативная политическая система отвергла ультрапатриотическую инициативу снизу и сумела подавить потенциал социального недовольства, накопившийся в вооруженных силах страны. Важную роль в этом сыграла стабилизирующая роль монархии, а также позиция самого императора, который не сделал никаких шагов навстречу национал-радикалам, хотя последние постоянно апеллировали к нему.

Вместе с тем, нельзя сказать, что дело фашистских заговорщиков оказалось полностью проиграно. Японские правящие круги восприняли многие из их идей и позднее претворили их в жизнь. Это касалось как планов внешней экспансии, так и перестройки японского общества в тоталитарном духе. Можно сказать, что в последующие годы руками бюрократии были отчасти воплощены мечты бунтаря Кита Икки о «государственном социализме».

Японская экономика в первой половине 30-х годов

Начало нового промышленного подъема

В целом, японская экономика (прежде всего, промышленность) пережила «великую депрессию» легче, чем другие капиталистические страны, и вышла из нее быстрее, чем они. Уже с 1932 г. в Японии вновь начался промышленный подъем, движущими силами которого стали быстрое расширение экспорта и рост военных расходов.

Толчком к нарастанию объемов экспорта стала девальвация иены: с ноября 1931 г. по ноябрь 1932 г. она подешевела в 2,4 раза (с 0,494 долл. до 0,207 долл. за 1 иену); затем после девальвации доллара в 1933 г. она поднялась до уровня 0,30 долл. за 1 иену и оставалась на этой отметке до конца 30-х годов.

За 6 лет (1931–1937) объем японского экспорта вырос в 2,8 раза. В его структуре по-прежнему лидировала текстильная продукция, хотя ее доля снизилась до 53% (в конце 20-х годов на нее приходилось 2/3 стоимости экспорта). В этот период Япония значительно увеличила объемы вывоза металлов и металлоизделий, машин и инструментов, а также многих видов продукции легкой промышленности (игрушки, посуда, бижутерия, электролампы, рыбные консервы и т.д.). Японский экспорт стал носить более диверсифицированный характер, а доля готовых изделий к 1937 г. поднялась в нем почти до 60%. Но международная конкурентоспособность японских промышленных товаров (прежде всего, машин и оборудования) была все еще относительно низка, и ее позиции в мировом экспорте оставались весьма скромными (около 4% в 1937 г.). При этом в США (доля которых в японском экспорте сократилась до 22%) направлялись шелк-сырец, рыбные консервы, чай и посуда; машины, оборудование и прочая продукция тяжелой промышленности шли в основном в Маньчжурию и Корею, а всевозможные потребительские товары — в континентальную Азию и страны Южных морей.

В не меньшей степени, чем бурный рост экспорта, промышленное развитие стимулировало расширение государственных военных расходов, предпринятое новым правительством, сменившим правительство Минсэйтё. За 1930/1931–1936/1937 фин. годы государственные расходы возросли с 1558 млн. до 2282 млн. иен, или почти на 50%, а доля расходов на армию и флот увеличилась в них соответственно с 31% до 47%. Для их покрытия был значительно расширен выпуск государственных займов, и за этот период объем внутреннего долга почти удвоился и достиг 8520 млн. иен. В то же время, чтобы не сдерживать деловую активность, правительство решило не увеличивать налогообложение физических и юридических лиц, и дело обошлось лишь введением умеренного налога на сверхприбыли предприятий.

В результате проведения «политики контролируемой инфляции», разработанной министром финансов Такахаси Корэкиё, экономическое положение в стране стало улучшаться. Рост капиталов акционерных компаний в 1934 г. по сравнению с предыдущим годом составил огромную для Японии цифру в 1 млрд. иен, т.е. превысил докризисный уровень в два с лишним раза, а такой показатель, как стоимость произведенной промышленной продукции, превысил докризисный уровень уже в 1933 г.:

Год	Млн. иен
1929	7419
1931	5178
1933	7871
1934	9389

Изменения в структуре японской промышленности

Вплоть до конца 20-х годов, несмотря на значительный прогресс, общие направления развития японской промышленности оставались в целом теми же, что и в начале индустриализации — производст-

во и экспорт специализировались главным образом на текстиле. Однако в 30-е годы после выхода экономики из депрессии в этой области произошли знаменательные перемены. При общем росте числа фабричных рабочих с 1825 тыс. чел. в 1929 г до 2937 тыс. чел. в 1937 г. (на 60%), доля занятых в текстильных производствах сократилось с 50,4 до 35,2%, а доля занятых в машиностроении, напротив, возросла с 13,8 до 20,5%, в металлургии — с 6,2 до 10,6%, в химической промышленности — с 6,4 до 11%.

Наиболее быстрыми темпами развивались в 30-е годы отрасли тяжелой промышленности, важные не только с точки зрения удовлетворения нужд гражданских отраслей, но и для форсирования военных приготовлений. Так, если общий рост промышленного производства за 1931–1936 гг. составил 63%, то производство потребительских товаров возросло на 33%, а товаров производственного назначения — на 83%.

Быстро нарастали объемы выпуска чугуна и стали. Производство чугуна за 1929–1936 гг. почти удвоилось, а выпуск стали возрос более, чем в 2 раза при значительном расширении номенклатуры выпускаемых изделий. Средняя мощность доменных печей за этот период удвоилась, значительно повысились мощность и эффективность сталеплавильных печей, а расход топлива на производство 1 т стали сократился почти на 40%. В эти же годы был освоен выпуск ряда специальных сталей, и в 1936 г. их экспорт даже превысил импорт.

В машиностроении наблюдалась та же картина: значительный рост масштабов производства, улучшение качества продукции при существенном расширении ее ассортимента. В результате к 1937 г. Япония была уже в состоянии собственными силами удовлетворять большую часть потребностей отечественной промышленности в машинах и оборудовании. Решающую роль в этом сыграло повышение качества сталей, выпускавшихся японскими металлургическими комбинатами.

Особо следует отметить прогресс, достигнутый в судостроении. Тоннаж спущенных на воду судов увеличился с 54 тыс. т в 1932 г. до 446 тыс. т в 1937 г. В результате к середине 1937 г. общий тоннаж торгового флота Японии достиг 4500 тыс. т, и по этому показателю она вышла на 3-е место в мире.

Быстрыми темпами набирала силу химическая промышленность, особенно производство взрывчатых веществ, красителей, химических удобрений. Численность занятых в ней за период 1929–1937 гг. увеличилась в 2,7 раза, и к 1937 г. она стала крупнейшей отраслью японской промышленности. В 1937 г. на химические производства приходилось уже 25% стоимости фабричной промышленной продукции (на машиностроение — 22,6%, металлургию — 13%, текстильные производства — 14,3%).

Несмотря на относительное снижение значения текстильной промышленности существенный прогресс был достигнут и здесь. Во многих подотраслях заметно выросла производительность труда, наблюдался массовый переход от производства дешевой продукции к выпуску более дорогих и качественных тканей. Исклю-

чение составляло лишь производство шелка-сырца: в 1929–1936 гг. число занятых здесь сократилось на 200 тыс. чел. (более, чем на 60%), а стоимость продукции упала более, чем в 2 раза (при том, что физический объем производства сократился незначительно).

В 30-е годы во всех текстильных производствах были внедрены различные технико-организационные новшества. В хлопкопрядении, например, в результате внедрения автоматических станков выработка на одного занятого возросла на 33%, а в ткацких производствах за счет различных усовершенствований выработка на одного занятого увеличилась на 36%. Всего за 1930–1936 гг. производство текстиля возросло на 25%, в том числе производство синтетических волокон — в 7,4 раза.

Иными словами, 30-е годы стали для Японии периодом значительного наращивания промышленного потенциала. Рост масштабов производства и расширение номенклатуры продукции сопровождались укрупнением заводов и интенсивным обновлением технической базы производства. Западные специалисты, посещавшие Японию в те годы, с удивлением отмечали также значительное повышение квалификации японских рабочих и инженерно-технического персонала.

Роль государства в экономике

Хотя к началу 30-х годов государство оставалось крупнейшим собственником, в его руках находились главным образом объекты инфраструктуры. Так, в 1930 г. на его долю приходилось 98,2% телеграфно-телефонных услуг, 81,9% объема железнодорожных перевозок; ему принадлежало 72,5% мощностей портового хозяйства, 95% — авиатранспорта, 50,9% — парка судов, 48,2% — автомобильного парка. Промышленность же за исключением нескольких крупных предприятий находилась в руках частного капитала, и ее регулирование осуществлялось в основном косвенными методами (через кредитование, субсидирование, льготное налогообложение).

Однако с начала 30-х годов началось ужесточение государственного контроля в промышленности и энергетике. Так, в 1931 г. на основании специального закона было проведено принудительное объединение всех частных электроэнергетических предприятий в 5 региональных концернов. Упорядочив таким образом организационную структуру и ликвидировав конкуренцию, государство затем установило прямой контроль над тарифами и ввело строгое квотирование поставок электроэнергии.

В том же году был принят закон о контроле над основными отраслями промышленности, легализовавший и фактически поощ-

ривший создание картелей в отраслях, имевших военно-стратегическое значение. При этом правительство ставило перед картелями общие задачи по достижению определенных объемов выпуска продукции, а непосредственное регулирование производства, продаж и цен оставалось в ведении самих картелей. В 1936 г. этот закон был пересмотрен в сторону расширения прав министерств вмешиваться в дела картелей и проводить принудительное картелирование предприятий.

Дальше всего дело зашло в металлургии. Ввиду особой стратегической важности этой отрасли в январе 1934 г. на основании специального закона было произведено слияние государственного комбината «Явата сэйтэцу» и шести частных металлургических компаний. Образованная в результате компания «Нихон сэйтэцу» сразу же заняла монопольные позиции в отрасли: в 1934 г. на ее долю пришлось 96% производства чугуна и 52% выплавки стали. Доля государства в ее капитале составляла более 80%, благодаря чему акции этих компаний стали котироваться значительно выше их номинальной стоимости.

Аналогичные тенденции имели место и в других отраслях экономики. Так, правительством была создана компания по добыче жидкого топлива «Тэйкоунэнрё», проведена реорганизация Банка Японии, сделаны правительственные вклады в Промышленный банк и др.

Продолжение кризиса в сельском хозяйстве

Начавшийся с 1932 г. экономический подъем затронул только промышленность Японии, в сельском хозяйстве в то время продолжалась депрессия. Цены на рис лишь к 1935 г. вернулись на уровень 1929 г., что же касается цен на шелк-сырец, то в 1935 г. они были вдвое ниже, чем в 1929 г. В 1935 г. правительство даже было вынуждено принять специальную программу сокращения числа хозяйств, занятых выращиванием коконов. Оно также контролировало через выдачу лицензий создание новых частных шелкопрядильных фабрик, но оказывало при этом поддержку крестьянам в организации кооперативных шелкомотальных мастерских, чтобы ослабить зависимость крестьян от скупщиков коконов.

Депрессия в сельском хозяйстве выталкивала избыточную рабочую силу в города, что в целом отрицательно сказывалось на общих условиях найма. Так, несмотря на экономический подъем, средняя реальная заработная плата в 1936 г. находилась на уровне 1929 г., а в текстильной промышленности, куда нахлынули тысячи крестьянских девушек, лишившихся работы в деревне, она

составляла лишь 70% от уровня 1929 г. Стабилизация реальной заработной платы на низком уровне стала еще одним мощным фактором промышленного подъема 1932–1936 гг. так как позволила компаниям сэкономить огромные деньги на издержках на труд и получить дополнительные средства для расширения капиталовложений.

Для ликвидации аграрного кризиса на заседании палаты представителей 13 июня 1932 г. по предложению правительства Сайто было принято решение об оказании материальной помощи деревне. Эти «чрезвычайные ассигнования» были выделены под лозунгом «спасения деревни — основного резерва армии». Однако в бюджетах последующих 1933 и 1934 гг. в результате роста военных расходов «чрезвычайные ассигнования» были сокращены, а в бюджете 1936 г. для них вовсе не нашлось места.

Экономика японских колоний

Важные изменения произошли в 30-е годы и в развитии японских колоний. Расширение военных приготовлений требовало значительного увеличения мощностей тяжелой промышленности, но поскольку ресурсные возможности самой Японии были ограничены, решено было использовать для этих целей колонии. Разумеется, имелось в виду не проведение комплексной индустриализации этих стран, а развитие на их территориях лишь тех производств, которые дополняли бы и облегчали бы развитие тяжелой промышленности в метрополии.

Из отраслей тяжелой промышленности в колониях получили развитие главным образом металлургия и химия, а также электроэнергетика (необходимая для обеспечения энергоемких металлургических и химических производств). Кроме того, для перевода рабочей силы в самой Японии из легкой в тяжелую промышленность, в колониях был построен также ряд предприятий легкой промышленности (прежде всего текстильных), продукция которых отправлялась в Японию. И, разумеется, в плане реализации автаркической идеи «самообеспеченности в пределах империи» в них продолжалась разработка минеральных ресурсов, необходимых метрополии, а также производство продуктов питания для быстро растущего японского населения (так, в конце 30-х годов Тайвань обеспечивал более 90% японского импорта сахара, а Корея — 98% импорта риса).

В 30-е годы особое место среди японских колоний заняла Маньчжурия. Там создавались в основном предприятия, имевшие непосредственное отношение к военным приготовлениям (металлургические, химические, машиностроительные, горнодобываю-

шие и т.д.). С самого начала развитие промышленности было поставлено под жесткий государственный контроль, и подавляющая часть созданных предприятий принадлежала либо государственным, либо полугосударственным компаниям. Маньчжурия быстро превратилась в экономический придаток Японии: если в начале 30-х годов на Японию приходилось лишь 39% ее экспорта и 41% импорта, то в конце 30-х годов — соответственно 65% и 85%.

Темпы развития японских колоний в 30-е годы были весьма впечатляющи, особенно в промышленности. В Корее среднегодовые темпы роста промышленного производства составили 10,3% (в химических производствах — 17,4%, в машиностроении — 10,5%), на Тайване — 6% (в металлургии — 10%), в Маньчжурии — около 5% (в металлургии — 22%, в текстильных производствах — 7%).

* * *

Итак, с начала 30-х годов промышленный потенциал Японии, дополняемый возможностями ее колоний, быстро нарастал, и параллельно ему усиливался натиск японских товаров на мировые рынки. Однако внешнеэкономическая экспансия не отвечала утвердившимся представлениям об экономической самодостаточности, автаркии как о залого национальной безопасности. Эти представления были не беспочвенными: на рубеже 20-х–30-х годов под влиянием мирового экономического кризиса широкое распространение получили протекционистские меры, разрушавшие свободу мировой торговли. Поэтому в Японии постепенно набирали силу группы, которые подталкивали ее на путь территориальных захватов с целью создания обширной самообеспеченной колониальной империи. Многочисленные ограничения, которые различные страны воздвигали на пути японских товаров, они использовали для обоснования такой политики.

Между тем, к началу 1936 г. все признаки экономического подъема были налицо, и тогдашний министр финансов Такахаси Корекиё пришел к выводу, что для избежания «перегрева» конъюнктуры необходимо изменить финансовую политику и, прежде всего, сократить государственные расходы. Однако такой поворот событий не устраивал набиравшие силу милитаристские круги, требовавшие еще большего увеличения военных расходов. После гибели Такахаси и смены правительства в результате февральского путча 1936 г. милитаристы получили то, чего добивались: в 1936–1937 гг. государственные расходы (прежде всего на армию и флот) были резко увеличены.

В июле 1937 г. началась война Японии с Китаем, и страна вступила в новый период — период военной экономики.

Глава 2

БОРЬБА ЗА «НОВЫЙ ПОРЯДОК»
В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (1937–1941)

Подготовка «тотальной мобилизации»

Планы создания «тотального государства»

Сразу же после подавления февральского путча 1936 г. правительство Окада подало в отставку, взяв на себя ответственность за происшедшие события. Новое правительство было поручено сформировать бывшему министру иностранных дел Хирота Кёки.

Довольно либеральная программа деятельности правительства равно как и список кандидатов на посты министров, предложенные Хирота, были подвергнуты резкой критике со стороны военных. Кандидат в военные министры Тэраути Хисаити (его отец занимал этот пост во время русско-японской войны 1904–1905 гг., а затем, в годы первой мировой войны, был премьер-министром) довел до сведения премьера, что если он собирается сотрудничать с армией, то должен полностью изменить как состав кабинета, так и свою внешне- и внутривластную программу.

Хирота Кёки

В результате тяжелых 4-дневных переговоров военные добились удовлетворения всех своих требований. Состав кабинета был объявлен 9 марта 1936 г. Из первоначально намеченных кандидатов министром не стал никто. Лишь после настоятельных увещаний Хирота, твердившего, что не следует бросать вызов парламенту, 4 портфеля в кабинете были предоставлены политическим партиям: 2 — Сэйбёкай и 2 — Минсэйтё. Остальные 10 портфелей были распределены согласно пожеланиям армии.

Программа нового кабинета «Основные принципы национальной политики» включала в себя следующие положения:

- широкая программа вооружений с целью обеспечить Японии положение стабилизирующей силы в Восточной Азии;
- усиление национальной обороны в Маньчжурии;

- проведение коренных преобразований внутри страны в области политики, экономики и административного управления, с целью создания благоприятных условий для консолидации общественного мнения, быстрого вооружения и самообеспеченности ресурсами и материалами, необходимыми для военной промышленности.

Таким образом, наряду с продолжением агрессивного внешне-политического курса, правительством ставилась задача свертывания существовавших элементов демократии и создания в стране «унифицированного общества».

Выступая перед парламентариями, генерал Тэраути изложил свои планы создания «тотального государства» как предпосылки для «тотальной мобилизации японского народа». Эти термины на практике подразумевали полное исключение политических партий и прочих «чуждых японскому народу элементов» — парламента, избирательной системы и т.д. — из сферы принятия государственных решений. По настоянию военных был также восстановлен существовавший до 1913 г. порядок назначения на посты военного и военно-морского министров только офицеров действительной службы в чине не ниже генерал-лейтенанта и вице-адмирала.

Планы создания «тотального государства» сопровождались уточнением ориентиров японской внешней политики. Отношение японских военных к Германии традиционно было очень теплым. Как писали газеты того времени, «японские сухопутные силы обязаны Германии в военном отношении слишком многим, чтобы не считать должным выражать это». В немецком опыте японский генералитет привлекал «успех социальных и национальных реформ» Гитлера, у которого они хотели бы перенять «важные принципы национального обновления сегодняшней Германии». Поэтому сразу же после формирования кабинета было принято решение начать переговоры с Германией.

Со стороны Германии эти переговоры вел фон Риббентроп, в то время посол в Великобритании, который был вызван для этого в Берлин. Результатом переговоров стал «антикоминтерновский пакт», заключенный 25 ноября 1936 г. сроком на 5 лет. Его содержание сводилось к двум основным пунктам: (1) стороны обязались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него борьбу, а также (2) принимать необходимые меры против тех, кто прямо или косвенно действует в пользу Коминтерна. Таким образом, этот документ давал сторонам возможность, широко толкуя п. 2, оправдывать свои агрессивные действия в отношении любой страны. 6 ноября 1937 г. к этому пакту присоединилась и Италия.

* * *

Несмотря на свои внутри- и внешнеполитические амбиции, правительство Хирота оказалось недолговечным, став жертвой экономических проблем. При обсуждении в парламенте плана бюджета на 1937/1938 фин. г. главным объектом критики стал рост государственного долга, который из-за увеличения военных расходов перешагнул уже отметку в 10 млрд. иен. Кроме того, финансовая политика правительства Хирота сопровождалась повышением налогов, обостряя тем самым и без того непростое социальное положение в стране.

Политический кризис разразился на заседании сессии парламента в январе 1937 г. Выкрики депутатов, порой оскорбительные, во время выступления премьер-министра Хирота переросли в резкую критику вмешательства армии в политическую жизнь страны. Возражения военного министра Тэраути были встречены открытой обструкцией. Требование Тэраути срочно распустить парламент не было удовлетворено, и 22 января 1937 г. он подал в отставку. На следующий день кабинет Хирота также вышел в отставку в полном составе.

Попытка упразднить политические партии

Формирование нового правительства было поручено генералу Хаяси Сэндзирō. Пресса характеризовала его как довольно аполитичного профессионального офицера, сторонника компромиссов. В январе 1934 г. он был назначен военным министром вместо слишком радикального генерала Араки в расчете на то, что он сможет сдерживать принимавшую опасные размеры радикализацию армии. В сформированном Хаяси 2 февраля 1937 года «надпартийном» кабинете пост военного министра занял генерал Сугияма Хадзимэ (Гэн), военно-морского министра — адмирал Ёнаи Мицумаса.

Через неделю премьер-министр Хаяси опубликовал декларацию, в которой призывал «стать на путь обновления». Лозунг «обновления» возник еще после «инцидента 15 мая 1932 г.», но в то время не нашел достаточной поддержки. Так же, как и лозунг «тотального государства», он предполагал ликвидацию всех демократических институтов и переход к «государству военного времени», в котором не было места плюрализму и политическим партиям. Теперь же сторонники «обновления» выдвинули идею создания «единой политической партии» по германскому или итальянскому образцу.

31 марта 1937 г. правительство заявило, что не удовлетворено позицией политических партий, и поэтому распускает парламент

и приступает к созданию «единой политической партии». Как заявил премьер Хаяси, новая политическая система, к которой придет Япония в результате «обновления», будет «парламентаризмом, очищенным от западного влияния и больше отвечающим японскому духу». Хаяси предложил возглавить будущую партию председателю верхней палаты Коноэ Фумимаро, но Коноэ отклонил это предложение, посчитав, что для такого шага условия еще не созрели.

Новые выборы в парламент состоялись 30 апреля 1937 г. Противники правительства завоевали на них 85% мест. Однако Хаяси заявил, что это окажет влияния на состав его кабинета, а его возможная отставка будет зависеть от «более серьезных факторов», нежели поражение на выборах.

Слова Хаяси были не лишены основания. Заявление премьера достаточно ярко характеризовало японскую «полупарламентскую» политическую систему того времени, в рамках которой отсутствовал институт конституционной ответственности правительства перед избранным парламентом. Все же, 31 мая 1937 г., спустя лишь 4 месяца после своего формирования, кабинет Хаяси ушел в отставку.

Первый кабинет Коноэ

По рекомендации гэнрō Сайондзи император поручил сформировать новый кабинет председателю верхней палаты парламента принцу Коноэ Фумимаро, представителю древнего рода Фудзивара.

После крайне непопулярной фигуры Хаяси появление на посту премьера Коноэ было положительно воспринято в политических кругах. Если раньше назначение военного и военно-морского

Хаяси Сэндзюро

министров редко обходилось без долгих дискуссий между премьером и военными, то на этот раз и армия, и флот безо всяких условий первыми представили премьеру своих кандидатов.

Состав нового кабинета был утвержден императором 4 июня 1937 г. Министром иностранных дел был назначен Хирота Кёки, занимавший этот пост в кабинете Окада вплоть до февральских событий 1936 г. и ставший премьером после февраля 1936 г. Это назначение было встречено неоднозначно, поскольку с именем Хирота и с его политикой в отношении Китая многие связывали возникновение тех внешне- и внутривластных трудностей, решение которых был призван найти кабинет Коноэ.

Коноэ
Фумиаро

При вступлении на пост премьера Коноэ заявил, что основой его руководства будет «сплочение всех политических сил страны». В своей правительственной программе он обещал проведение социальных и политических реформ, в области внешней политики — сохранение мира и смягчение международной изоляции Японии путем налаживания дружественных отношений с Китаем и сближения с Великобританией. Однако армия и на этот раз внесла свои коррективы в планы правительства. 7 июля 1937 г., всего через месяц после формирования кабинета Коноэ, японские войска начали активные действия в Северном Китае.

Развязывание японо-китайской войны

Оккупация Маньчжурии и создание на ее территории марионеточного государства Маньчжоуго стали важными шагами в укреплении стратегических позиций Японии на азиатском материке. Перемирие в Тангу, заключенное в мае 1933 г., наряду с соглашениями лета 1935 г., позволили японской армии контролировать положение в северных провинциях Китая. Этот район, который японцы называли «независимым государством Восточный Хэбэй», являлся перевалочным пунктом ввоза японских товаров в Китай, минуя китайские таможи.

Тем не менее, японские военные все еще не были удовлетворены ситуацией с точки зрения стоявших перед ними стратегических задач. По мнению генерала Тодзё Хидэки, в то время начальника штаба Квантунской армии, «если рассматривать теперешнюю обстановку в Китае с точки зрения подготовки войны с Советским Союзом, то наиболее целесообразной политикой являет-

ся нанесение прежде всего удара ... по нанкинскому правительству, что устранило бы угрозу нашему тылу».

Начало военных действий

Военные действия начались с «инцидента у Люкоуцзяо» (называемым еще «инцидентом на мосту Марко Поло»). Японские войска, проводя маневры, 7 июля 1937 г. обстреляли китайский гарнизон в этом районе. Китайцы также ответили огнем. Началось сражение, которое продолжалось до 9 июля, после чего было заключено перемирие. Однако этим конфликт не был исчерпан.

10 июля японский генеральный штаб принял решение перебросить две бригады из Маньчжурии и одну дивизию из Кореи в Северный Китай. Поставленный перед фактом происшедшего инцидента премьер Коноэ 11 июля утвердил это решение генштаба. В результате, в районе Пекина и Тяньцзиня были сосредоточены 20 тыс. военнослужащих и большое количество военной техники.

14 июля японские войска возобновили боевые действия и 26 июля предъявили ультиматум с требованием, чтобы в течение 48 часов все китайские войска были выведены из Пекина. Китайские власти отклонили это требование, и на следующий день — 27 июля 1937 г. — началась, по сути дела, полномасштабная война, которая не прекращалась 8 лет, вплоть до конца второй мировой войны.

* * *

7 июля 1937 г. стало датой начала японо-китайской войны, которая традиционно называется в японской историографии «китайским инцидентом». Это отражает первоначальное представление японских генералов о предполагаемом характере военных действий в Китае. Японская военщина готовилась к «большой войне» с Советским Союзом. Раздираемый гражданской войной Китай не считался серьезным противником, а потому и «настоящая» война с Китаем не принималась в расчет в военных планах. Действия против него рассматривались как вспомогательная операция. Например, высадка японского десанта в Шанхае в 1937 г., которая тоже поначалу носила название «второго шанхайского инцидента», не предполагала проведение потрясших человечество акций, вроде «нанкинской резни», а имела целью лишь поддержать престиж японского флота.

Неожиданно упорное сопротивление гоминьдановского правительства заставило японское командование усиливать военную группировку и расширять боевые действия. Постоянное ожидание того, что, война в Китае вот-вот завершится победой, — стоит лишь немного напрячь силы, — постепенно изматывало японскую

экономику. Когда японским военным стало ясно, что «китайский инцидент» на севере и «шанхайский инцидент» на юге превратились в одну большую затяжную войну, было уже слишком поздно. Война имеет свою логику развития, и ее почти невозможно остановить на полдороге.

«Все дальше и глубже». Карикатура в английской газете «Evening Standard» от 19 января 1938 г. Военные увлекают японских политиков и предпринимателей все дальше и болото войны в Китае

Японо-китайская война неожиданно поставила под сомнение всю предыдущую стратегию Японии на азиатском материке. Оккупация Маньчжурии, создание государства Маньчжоуго, находившегося под полным контролем японцев, с военно-стратегической точки зрения были шагами, главный смысл которых заключался в создании плацдарма на рубежах СССР. Крупномасштабная война в Китае превратила прекрасную в военном отношении стратегическую позицию, повернутую фронтом к советскому Дальнему Востоку, в опасный тыл, поставив под вопрос все те политические и экономические права и преимущества, которые Япония с трудом завоевала себе ценой конфронтации с ведущими мировыми державами и выхода из Лиги Наций.

Новая агрессия Японии привела к неблагоприятным для нее изменениям во внутри- и внешнеполитическом положении Китая. Уже в августе 1937 г. гоминьдановское правительство согласилось на предложение китайских коммунистов о создании единого национального фронта борьбы против японских агрессоров, а 21

августа 1937 г. был подписан договор о ненападении между СССР и Китайской республикой.

Эскалация конфликта Военные действия в Китае принимали все более широкие масштабы. Оккупировав Пекин, японские войска начали мощное наступление по трем направлениям: вдоль Пекин-Тяньцзиньской железной дороги на Шаньдун, на юг по направлению к Ханькоу, а также в северо-западном направлении на Суйюань. К августу 1937 г. военные действия были перенесены в район Шанхая. Почти 3 месяца ожесточенных сражений понадобилось японской армии численностью около 100 тыс. чел., чтобы занять этот город. В ноябре японские войска вошли в Шанхай, а в декабре — и в столицу Китая Нанкин. Занятие его сопровождалось страшными погромами и насилием над мирным населением, продолжавшимися около шести недель. «Нанкинская резня» вошла в историю в ряду наиболее страшных военных преступлений.

Вот как описывались события в Нанкине в приговоре Международного военного трибунала для Дальнего Востока:

«К моменту вступления японской армии в город утром 13 декабря 1937 года всякое сопротивление прекратилось. Японские солдаты бродили толпами по городу, совершали различного рода зверства... Многие солдаты были пьяны, они проходили по улицам, без разбору убивая китайцев: мужчин, женщин и детей, пока площади, улицы и переулки не были завалены трупами. Насиловали даже девочек-подростков и старух. Многих женщин, изнасиловав, убивали, а их тела обезображивали. После ограбления магазинов и складов японские солдаты часто поджигали их. Улица Пайпин-роуд, главный торговый квартал, а также другие кварталы торговой части города были уничтожены пожаром».

В 1937 г. мир, который еще не знал ни о фашистских концлагерях, ни о зверствах немцев на оккупированных территориях, был потрясен чудовищными преступлениями японцев. На Токийском трибунале фигурировал любопытный документ, в котором немецкий дипломат ставил в известность правительство Германии о «зверствах и преступных акциях, совершенных не отдельными лицами, а целой армией, а именно японской», которая была названа в этом докладе «дьявольской машиной».

К концу сентября в Китае воевала японская армия численностью в 350 тыс. чел. Китайское правительство обратилось за помощью в Лигу Наций, которая передала китайский запрос на рассмотрение специальной конференции держав, подписавших Вашингтонский договор 1922 г. Эта конференция открылась 3 ноября 1937 г. в Брюсселе. В ней приняли участие также все государ-

ства, заинтересованные в положении дел на Дальнем Востоке, в том числе и Советский Союз. Несмотря на двукратное приглашение, Япония отказалась от участия в конференции под предлогом, что она действует в Китае в порядке «самозащиты» и потому не нарушает «договор 9-ти держав».

Государственный департамент США признал Японию нарушителем Вашингтонского договора. Однако ни США, ни Великобритания, ни Советский Союз не пошли на применение каких-либо решительных мер к японскому агрессору, и конференция завершилась лишь признанием факта нарушения Японией «договора 9-ти держав». В заключительной резолюции выражалось только пожелание, чтобы Япония пересмотрела свою позицию в отношении Китая и нашла способ мирно уладить конфликт.

* * *

26 мая 1938 г. Коноэ объявил о реорганизации своего правительства. В новом кабинете два наиболее важных поста — военного министра и его заместителя — были отданы представителям Квантунской армии: генералам Итагаки Сэйсиро и Тодзё Хидэки. На пост министра иностранных дел был назначен Угаки Кадазусигэ — бывший генерал, министром просвещения стал Араки Садао — также бывший генерал, ушедший из армии после февральского путча 1936 г., министром финансов — Икэда Сэйхин, один из руководителей концерна «Мицуй», на посту министра внутренних дел остался адмирал Суэцугу.

Угаки
Кадазусигэ

Таким образом, представитель аристократии, близкий к придворным кругам, придал своему кабинету ярко выраженный военный характер. Можно сказать, что военные круги добились практически безраздельного господства в политической жизни Японии.

Советско-японский конфликт у оз. Хасан

Напряженность в отношениях между СССР и Японией, особенно возросшая после заключения советско-китайского договора о ненападении в августе 1937 г., не спадала.

Стычки на советско-маньчжурской границе, отказ Японии от своих обязанностей финансового гаранта при решении вопроса об уплате последнего взноса за КВЖД (практически это вылилось в отказ японских властей от его выплаты) — все эти шаги привели в конце концов к прямому военному столкновению.

15 июля 1938 г. японский поверенный в делах в Москве посетил народный комиссариат иностранных дел и потребовал, чтобы

советские войска были отведены с западного берега оз. Хасан с тем, чтобы расположенная на этом берегу часть территории с расположенной на ней сопкой Заозерной отошла к Маньчжурии. Советское правительство предоставило в ответ официальную договорную карту, на которой эта территория была ясно обозначена как советская.

Японский демарш преследовал цель утвердиться на доминирующих высотах на границе. В докладе, представленном штабом Квантунской армии в генеральный штаб, утверждалось:

«Переговоры не нужны, можно обойтись и небольшим военным столкновением. Больших военных действий не потребуются. В настоящее время в результате репрессий Красная Армия и войска ГПУ не представляют собой значительной силы».

Против позиции Квантунской армии, которую разделял военный министр Итагаки, возражали министр военно-морского флота и министр иностранных дел. О разногласиях было доложено императору, который согласился с доводами последних. В результате было решено воздержаться от военных действий и обойтись мирными переговорами.

Однако, вопреки приказу командующего японскими войсками в Корее Коисо Куниаки, командир 19-й дивизии генерал-лейтенант Суэтакэ Камэдзэ 28 июля самовольно начал боевые действия. 30 июля японцы стали наступать также в направлении сопки Заозерной. На помощь советским пограничникам пришли части 1-й (Приморской) армии. Отброшенные на территорию Маньчжурии японские войска в начале августа попросили о прекращении военных действий. Согласно достигнутой договоренности, японские войска были отведены на южный берег р. Туманной (Туманган).

Создание марионеточного китайского правительства

Осенью 1937 г. японское правительство обратилось к германскому послу в Китае Траутману с просьбой о посредничестве в переговорах с Гоминьданом.

3 декабря японской стороне был передан ответ Чан Кайши, в котором сообщалось, что китайское правительство согласно на переговоры.

На состоявшемся в Токио расширенном совещании кабинета министров были выработаны следующие требования к Китаю:

- отказ Китая от прокоммунистической и антияпонской политики и сотрудничество с Японией и Маньчжоуго в борьбе с коммунизмом;

- создание демилитаризованных зон по указанию Японии под управлением специальных административных органов;
- установление тесного экономического сотрудничества между Японией, Маньчжоу и Китаем; выплата контрибуции.

27 декабря 1937 г. эти условия были переданы правительству Китая. Кроме того, 11 января 1938 г. на расширенном совещании с участием императора было решено, что, если Китай примет эти условия, Япония согласится вести переговоры в соответствии с ними; в противном случае Япония приложит усилия к созданию другого правительства, с которым и будет сотрудничать.

В гоминьдановском правительстве не было единства по поводу японских условий. За их принятие выступал, в частности, председатель центрального политсовета гоминьдана Ван Цзинвэй. Тем не менее, после горячих дискуссий было решено не соглашаться на японские условия. Получив отрицательный ответ китайской стороны, Япония приняла решение прекратить всякие отношения с гоминьдановским правительством, о чем 16 января 1938 г. объявил премьер-министр Коноэ в специальной декларации.

Еще в декабре 1937 г. в Северном Китае японцы стали создавать «временное правительство Китая», подобное марионеточным правительствам императора Пу И в Маньчжурии и принца Дэвана во Внутренней Монголии. Однако если на севере Китая сделать это было относительно легко, то на юге, особенно после «нанкинской резни», дело обстояло намного сложнее.

Для решения этой задачи 16 декабря 1938 г. при японском правительстве был создан Совет по китайским делам под председательством премьер-министра. В одном из документов этого правительственного органа давались следующие наставления:

«Руководство должно ограничиваться общим внутренним контролем со стороны японских советников... Образование нового правительства будет произведено быстро. Всякое враждебное влияние будет ликвидировано путем физических и моральных репрессий».

Ставка была сделана на прояпонски настроенного Ван Цзинвэя. Начальник разведки Квантунской армии полковник Доихара Кэндзи связался с ним и от имени правительства Японии предложил ему возглавить «временное правительство». 18 декабря 1938 года Ван Цзинвэй бежал из Чунцина, где базировалось гоминьдановское правительство, в Ханой, а оттуда через Шанхай был доставлен японцами в Токио. Там он принял все японские условия, и, спустя год, 30 марта 1940 г., возглавил марионеточное «центральное правительство Китая» в оккупированном японцами Нанкине.

«Новый порядок в Восточной Азии»

После падения Нанкина военные действия продолжались не столь успешно для японской армии. В апреле 1938 г. японские войска потерпели поражение под Тайэрчжуанем. В течение пяти месяцев велись боевые действия, чтобы овладеть стратегически важным пунктом Сюйчжоу, и только 20 мая японская армия смогла его взять. На оккупированной территории Китая широко разворачивалось партизанское движение.

К осени 1938 г. Японская армия перенесла военные действия на юг Китая, начав непосредственно угрожать интересам Великобритании и США. 22 октября 1938 г. японцы заняли один из крупнейших городов юга Китая Кантон (Гуанчжоу). Спустя несколько дней китайские войска были вынуждены оставить и Ханькоу. Таким образом, под контролем Японии оказалась большая часть промышленно развитых районов Китая, и была перерезана последняя железнодорожная линия, связывавшая гоминьдановское правительство с Гонконгом, через который в основном шло снабжение китайских войск.

В этой ситуации 3 ноября 1938 г. правительство Коноэ опубликовало официальное заявление, подписанное императором, о том, что на данном этапе задачей Японии является установление «нового порядка в Восточной Азии». По словам одного высокопоставленного дипломата, Япония отныне ставила перед собой «задачу распространить на весь Китай форму осуществления своего господства, найденную в процессе создания Маньчжоуго и успешно применяемую на практике». Это означало попытку установить японскую экономическую и политическую гегемонию во всем Китае и потребовать признания такого положения другими державами.

Здесь перед Японией вставал ряд проблем. В продолжение всей истории «освоения» империалистическими державами Китая основой урегулирования противоречий между ними было исключение возможности монопольного возвышения какой-либо одной из них. Стремление закрепить такое положение нашло выражение сначала в провозглашении принципа «открытых дверей», а затем было подтверждено в «договоре 9-ти держав» 1922 г. Провозглашением же «нового порядка» Япония противопоставляла себя всем остальным странам, имевшим интересы в Китае. В официальном японском разъяснении было прямо сказано, что всякое использование западными странами гарантированных в прошлом экономических прав в Китае будет ставиться в зависимость от

признания ими военной и политической гегемонии Японии в этой стране.

Американская дипломатия уже 6 ноября 1938 г. отреагировала на этот шаг Японии довольно резкой нотой протеста. Ответная нота японского правительства от 18 ноября явилась по сути завуалированным отказом от «договора 9-ти держав». Японские политики сравнивали претензии на гегемонию Японии в Азии с американской «доктриной Монро» и обосновывали их «борьбой против коммунизма». Кроме того, «договор 9-ти держав» объявлялся отныне «несовместимым» с «независимостью нового Китая». В то же время, памятуя о том, что потребности военной экономики Японии в топливе и сырье более чем на половину удовлетворялись ввозом из районов мира, находившихся под контролем англичан и американцев, японская дипломатия постаралась быть мягкой в формулировках.

Совещание кабинета в присутствии императора 30 ноября наметило план проведения в жизнь «нового порядка в Восточной Азии», который включал, в частности, условия урегулирования отношений с «новым Китаем». Эти «условия», опубликованные 22 декабря 1938 г., включали в себя:

- признание Маньчжоуго;
- присоединение Китая к «антикоминтерновскому пакту»; превращение Внутренней Монголии в «особый антикоминтерновский район»;
- предоставление Японии преимущественных прав и особых привилегий в разработке естественных ресурсов Китая и Внутренней Монголии.

Американский государственный департамент в ноте от 31 декабря 1938 г. заявил, что американское правительство отвергает «новый порядок в Восточной Азии» и настаивает на сохранении всех прав США и американских граждан в Китае. Однако, делая ставку на уступчивость Великобритании и «понимание» со стороны США, японские политики надеялись, что никаких экономических санкций в отношении Японии эти страны не предпримут.

Война в Китае и японская экономика

После начала войны в Китае в Японии была проведена мобилизация. Собранный в сентябре 1937 г. на чрезвычайное заседание парламент вынужден был откорректировать бюджет. Согласно запросу военных для проведения операций, связанных с «китайским инцидентом», на ближайшие 4 месяца была утверждена сумма в 2,04 млрд. иен (для сравнения — первый год Маньчжурской экспансии обошелся японской казне не

более, чем в 200 млн. иен). Дальнейшие расходы предполагалось утвердить на следующей декабрьской сессии.

Даже первоначальный, еще невоенный, бюджет (2,8 млрд. иен) был обеспечен доходами лишь на 1/3 (остальную часть предполагалось покрыть за счет новых государственных займов); с учетом же возникших дополнительных расходов на ведение войны в Китае покрытие бюджета могли обеспечить только какие-то чрезвычайные меры. К тому же составлявший немалую часть экспортных поступлений вывоз японских товаров в Китай из-за военных действий, а также из-за бойкота китайскими торговцами японской продукции, практически упал до нуля.

Чтобы выйти из создавшегося положения, на сентябрьской чрезвычайной сессии парламента были приняты законы о контроле над военным хозяйством, над торговым судоходством, над производством и распределением искусственных удобрений, над поставками риса для вооруженных сил и над предоставлением лошадей для нужд армии, и, кроме того, законы о регулировании цен. Среди них важнейшее место занимал закон о контроле над военными финансами, по которому всякое изменение основного капитала отныне могло производиться только с позволения государственных органов. Этот закон, ликвидируя один из важнейших признаков рыночной экономики — свободу перемещения капитала, — стал важным шагом на пути к формированию системы государственного регулирования и переводу экономики на военные рельсы.

В 1938 г. японская экономика переживала значительные трудности. В связи с военными действиями в Китае японский экспорт в этом году сократился по сравнению с предыдущим на 20%, но при этом важнейший для Японии вывоз приносящей валюту продукции — почти на 40%. Вследствие этого Япония была вынуждена оплачивать импортные поставки стратегического сырья для военного производства за счет золотого запаса, который за прошедший год сократился почти на 30%.

Что касается невоенной промышленности, то она вынуждена была сильно сократить свое производство. Поэтому прирост промышленной продукции Японии в 1938 г. составил лишь 3%, в то время, как в предыдущие годы этот показатель достигал почти 10%. Развитие шло, в основном, за счет тяжелой промышленности (металлургия, машиностроение, химия), работавшей большей частью на военное производство.

Трудности в экономике, неутешительные результаты военных действий в Китае привели к тому, что 3 января 1939 г. Коноэ, заявив, что для установления «нового порядка в Восточной Азии» нужны «люди с новым запасом энергии», ушел в отставку. Премьером был назначен Хиранума, бывший до этого председателем тайного совета. Большая часть министров кабинета Коноэ (в частности, министр иностранных дел Арита Хатирё, военный министр генерал Итагаки Сэйсирё, военно-морской министр адмирал Ёнаи Мицумаса, министр образования бывший генерал Араки Садао) осталась на своих постах. Что касается самого Коноэ, то, оставшись в правительстве министром без портфеля, он стал председателем тайного совета.

На парламентской сессии в январе 1939 г. Хиранума заявил, что будет продолжать политику Коноэ. А военный министр Итагаки прямо сказал, что война в Китае не окончится вплоть до установления «нового порядка в Восточной Азии».

От «китайского инцидента» к тихоокеанской войне

Осложнение отношений с Великобританией и США

Японские войска продолжали расширять сферу военных действий в Китае. 10 февраля 1939 г. они высадились на о-ве Хайнань, имевшем важное стратегическое значение, поскольку он находился на коммуникациях между двумя британскими базами — Гонконгом и Сингапуром. В конце марта были оккупированы о-ва Спратли, лежащие между Индокитайским п-овом и английской частью о-ва Борнео и Филиппинами. Военные действия шли на границе Гонконга, поэтому время от времени взрывы раздавались и на территории этой английской колонии.

Протесты со стороны правительств Великобритании, США и Франции оставались практически безрезультатными. 14 мая 1939 года японцы установили блокаду британской и французской концессий в Тяньцзине под тем предлогом, что там скрывались четверо китайцев, обвиняемых в убийстве. На предложение британского правительства начать переговоры по поводу данного инцидента, правительство Японии 29 июня выдвинуло следующие требования:

- выдача обвиняемых четырех китайцев;
- недопущение на территории концессии антияпонской деятельности;
- передача пекинскому «всероссийскому правительству» средств правительства Китая, хранившихся в английских банках в Тяньцзине;

- запрет обращения на территории концессии денег гоминьдановского правительства.

Правительство Чемберлена приняло эти требования, и 24 июля 1939 г. в Токио японским министром иностранных дел Арита и британским послом Крейги было заключено англо-японское соглашение. Британский премьер по этому поводу заявил, что его правительство признает современное положение в Китае и не имеет намерений содействовать каким-либо мероприятиям, мешающим выполнению японской армией своих задач.

В отличие от такой уступчивой позиции американское правительство в ответ на провокационные действия японских войск в Китае 27 июля 1939 г. заявило о денонсации торгового договора с Японией 1911 г. Согласно этому заявлению, договорные торговые отношения между двумя странами должны были закончиться 26 января 1940 г.

Необъявленная война на Халхин-Голе

В обстановке неоднократных пограничных столкновений на монголо-маньчжурской границе, особенно после попытки японской армии значительными силами перейти монгольскую границу в феврале 1936 г., между Монголией и СССР 12 марта 1936 г. было подписано соглашение о взаимопомощи. Однако ни заявление И.В.Сталина о помощи МНР в случае нападения на нее со стороны Японии, ни подписание соглашения не остановили японских генералов. В мае 1939 г. японские войска вновь предприняли ряд нарушений монгольской границы. Формальным основанием было утверждение японской стороны, что граница между Монголией и Маньчжурией должна пролегать вдоль р. Халхин-Гол, а не восточнее ее, как она в то время проходила на советских, да и на японских картах.

Как и при конфликте у оз. Хасан, в этом случае имела место самовольная акция командования Квантунской армии. Не поставив в известность Токио, они разработали план захвата части монгольской, а затем и советской территории с выходом к транссибирской магистрали.

11 мая 1939 г. части японской армии предприняли нападение на монгольские заставы, расположенные примерно в 20 км восточнее р. Халхин-Гол. Правительство СССР по соглашению от 12 марта 1936 г. оказало монгольской армии немедленную военную помощь.

Бои с перерывами продолжались до августа 1939 г. 20 августа советские и монгольские войска начали наступление по всей ли-

Халхин-Гол. Командующий 1-й армейской группой генерал Г.К. Жуков (справа) и монгольский лидер Х.Чойбалсан

нии фронта. К концу августа японо-маньчжурские войска были окружены и разгромлены. Японские потери в результате этих боев составили около 55 тыс. убитыми, ранеными и взятыми в плен, было потеряно также большое количество боевой техники.

По соглашению, подписанному 15 сентября 1939 г. в Москве народным комиссаром иностранных дел СССР В.М. Молотовым и послом Японии в СССР Тōгō Сигэнори, с 16 сентября войска обеих сторон прекращали военные действия, оставаясь на позициях, которые занимали 15 сентября, и производили обмен пленными. Кроме того, обе стороны договорились об организации смешанной 4-сторонней комиссии (представители от СССР, МНР, Маньчжурии и Японии) для урегулирования спорных вопросов.

* * *

23 августа 1939 г. Германия заключила с Советским Союзом пакт о ненападении, а спустя 3 недели и договор о дружбе и границах. Сообщение об этом было неожиданностью для Японии, поскольку действия Германии шли вразрез со ст. 2 секретного приложения к «антикоминтерновскому пакту», где говорилось:

«Высокие Договаривающиеся Стороны не будут заключать без взаимного соглашения никаких политических договоров с Союзом Советских Социалистических Республик, которые не соответствуют духу настоящего соглашения».

Министр иностранных дел Арита 26 августа поручил японскому послу в Берлине Ōсима Хироси передать германскому правительству протест довольно резкого содержания (что Ōсима исполнил только 18 сентября). Более того, премьер-министр Хира-нума, заявил, что берет на себя ответственность за заключение «вероятным противником» — Советской Россией — договора с Германией, и 28 августа 1939 г. подал прошение об отставке. Это был уникальный случай, когда правительство Японии ушло в от-

ставку по причине международных событий, в которых страна напрямую не участвовала.

**Попытки смягчить
японо-американ-
ские противоречия**

Новое правительство возглавил отставной генерал Абэ Нобуюки. При вступлении в должность 4 сентября 1939 г. он заявил, что главной задачей правительства будет разрешение китайского конфликта. При этом было подчеркнуто, что новое правительство будет проводить политику невмешательства в европейские дела.

Заключив соглашение с Советским Союзом о прекращении военных действий на границе с Монголией, правительство Абэ обратилось к Соединенным Штатам с предложением о «восстановлении дружественных отношений». Начались переговоры между японским министром иностранных дел Номура Китисабурō и американским послом в Токио Дж.Грю.

В ответ на японское предложение Грю передал японскому правительству послание президента США Ф.Рузвельта, в котором Вашингтон требовал от Японии извинений, а также возмещения ущерба, вызванного многочисленными случаями посягательств на американские права в Китае, в чем, по мнению американской стороны, были виновны японские армия и флот. Кроме того, американское правительство потребовало гарантий, что подобные инциденты больше не повторятся, и в Китае вновь будут соблюдаться международные договоры и принцип «открытых дверей и равных возможностей». Только после выполнения всех этих требований американское правительство было согласно возобновить торговый договор 1911 г. Невыполнение их, как заявил Грю, повлечет за собой экономические санкции в отношении Японии со стороны США.

Практически выполнение американских требований означало для Японии отказ от всех завоеванных позиций в Китае, ликвидацию «дружественных» режимов, а также многочисленных государственных трестов, созданных на оккупированной территории, что было с японской точки зрения неприемлемым. Однако на долю США приходилось около 35% всего японского импорта и 70% импорта военно-стратегических материалов, так что невозобновление торгового договора было бы весьма чувствительным ударом по японской экономике. К тому же начавшаяся в Европе война сильно сужала возможности внешнеторговой переориентации. Поэтому в ходе переговоров японские дипломаты стремились найти компромиссное решение.

Правительство Абэ провело реорганизацию командования в Китае. Главнокомандующим японскими вооруженными силами там был назначен генерал Нисиро Тосидзё, а его начальником штаба — бывший военный министр Итагаки Сэйсирё. Тем не менее, положение на фронтах Китая было неутешительным. Начавшееся в конце сентября 1939 г. наступление японских войск на г. Чанша не увенчалось успехом. Развернувшееся в конце ноября наступление в пров. Гуанси и последующий захват г. Наньнин было остановлено контрнаступлением китайских войск.

«Китайский инцидент» тянулся уже около трех лет и повлек за собой потери около 1 млн. убитыми и ранеными. За это время военные расходы составили около 18 млрд. иен. Военный бюджет страны на 1939/1940 фин. г. увеличился в 15 раз по сравнению с бюджетом 1931/1932 г. Государственный долг вырос с 10 до 24 млрд. иен. В стране стали наблюдаться сложности с продовольственным обеспечением. Несмотря на нормирование основных продуктов питания, имели место перебои в снабжении рисом промышленных районов, что вызывало социальное недовольство.

Другой большой проблемой кабинета Абэ были претензии армии на установление контроля над внешней торговлей. Такие планы возникли еще при кабинете Хироита (1936—1937), но не были реализованы из-за сильных возражений со стороны министерства иностранных дел. На заседании правительства в сентябре 1939 г. было, наконец, принято решение создать министерство внешней торговли, после чего военные стали полностью игнорировать дипломатов.

В результате поставленный перед лицом всеобщей забастовки сотрудников министерства иностранных дел Абэ Нобуюки был вынужден подать в отставку, о которой было объявлено 14 января 1940 г. На смену ему пришел адмирал Ёнаи Мицумаса, сформировавший кабинет 16 января 1940 г.

Кабинет Ёнаи был компромиссным и опирался, в основном, на поддержку двора. Новый премьер-министр продолжил политику неучастия в европейской войне своего предшественника, как и попытки восстановить отношения с США и Великобританией. На

Ёнаи Мицумаса

пост министра иностранных дел был возвращен Арита, поддерживавший курс премьера в отношении Китая.

Этот курс подвергался резкой критике со стороны военных, которые, считая, что Япония не должна «упустить свой шанс», требовали расширения экспансии в сторону Индокитая и скорейшего подписания договора с Германией. Ёнаи же считал весьма опасным, не завершив «китайский конфликт», начинать новую агрессию. Он считал также, что договор с Германией, памятуя ее отношение к своим обязательствам по предыдущему «антикоминтерновскому пакту», преждевременен.

В июне 1940 г. в Европе уже капитулировали Франция и Голландия. Японские военные спешили оккупировать Французский Индокитай и Голландскую Индию (Индонезию), пока там не высадились британские или американские войска. Но премьер-министр Ёнаи, довольно последовательно проводя свою линию, игнорировал требование военного командования отдать приказ японским войскам, сосредоточенным у границ Индокитая, вступить на территорию этой французской колонии.

В такой ситуации военные пришли к выводу о необходимости смены премьер-министра. Узнав о таких настроениях, Ёнаи вызвал военного министра Хата и потребовал у него объяснений. Хата, в конце концов обмолвился, что он также придерживается мнения, что кабинету было бы лучше уйти в отставку. Дело завершилось тем, что начальник генерального штаба отдал письменное распоряжение генералу Хата покинуть пост военного министра. На двукратное обращение Ёнаи рекомендовать новую кандидатуру военное руководство ответило отказом. 16 июля 1940 г. все правительство было вынуждено уйти в отставку.

«Новая политическая структура» Коноэ

После отставки Ёнаи формирование кабинета было вторично поручено Коноэ. Состав нового кабинета был объявлен 22 июля 1940 г. Пост министра иностранных дел (и по совместительству министра колоний) занял Мацуока Ёсукэ, военного министра — Тодзё Хидэки, морского — Ёсида Дзэнкити, которого позже (5 сентября) сменил Оикава Косирё.

На заседании 26 июля была принята «Основная программа национальной политики», в которой перед кабинетом в области внешней политики ставились задачи пресечь помощь, оказываемую Чан Кайши, и завершить «китайский инцидент», и затем, обеспечив за Японией район Южных морей, построить «великую восточно-азиатскую сферу совместного процветания».

Правительство понимало, что такой курс вызовет противодействие Великобритании и США. Поэтому намечалось укрепить связи с Германией и Италией вплоть до заключения военного соглашения. Границы района Южных морей определялись в пределах «к востоку от Индии и к северу от Австралии и Голландской Индии». Для обеспечения господства Японии в этом регионе предусматривалось применение вооруженной силы.

Во внутренней политике ставилось целью завершить построение «оборонеспособного государства» путем «создания сильной новой политической структуры для органического объединения всех сфер государственной политики».

Сразу же после формирования своего второго кабинета, 23 июля 1940 г. Коноэ выступил по радио с разъяснением основных принципов «новой политической структуры». Он заявил, что она призвана обеспечить «сотрудничество и единство действий власти и народа, ... самоотверженное служение государству каждого подданного на своем рабочем месте». По словам Коноэ, «общественные позиции партий как либерального, так и демократического или социалистического направлений уже несовместимы с новой государственной структурой».

С лета 1940 г. политические партии, готовясь к созданию «новой политической структуры», стали заявлять о своем самороспуске. 6 июля была распущена Сякайтэйсёто (Социалистическая массовая партия), к концу того же месяца было заявлено о самороспуске партии Сэйёкай, 15 августа последней была распущена партия Минсэйто.

Лидеры распущенных партий создали Инициативный комитет сторонников новой структуры (Синтайсэй сокусин дōсикай) и 17 августа опубликовали «Программу новой структуры». В ней заявлялось, что создаваемая структура предусматривает «полное уничтожение существовавшей в прошлом системы индивидуализма в политической, экономической и культурной областях и базируется на единой государственной идеологии, помогающей народу целиком посвятить себя служению императору».

По мнению членов Инициативного комитета, воплощением «новой политической структуры» должна была стать «новая партия», которая будет играть роль «руководящей силы народа, органически объединяющей воедино правительство и военные круги», и «выполнять роль посредника, доводящего мнение верхов до низов и мнение низов до верхов, органически объединяя их». Предполагалось, что инструментом проведения такого курса станут

создаваемые повсеместно «соседские организации», которыми «партия» будет руководить.

Таким образом, бывшие лидеры партий стремились насколько возможно сохранить свое политическое влияние в государственной системе. Но уже на первом заседании созданного правительством Комитета по подготовке новой структуры (28 августа) Коноэ в своем выступлении разбил их надежды. Он заявил:

«Движение носит... политический характер в самом высоком значении этого слова. Однако оно ни в коем случае не представляет собой так называемого партийного движения... Нельзя допустить, чтобы это движение приняло форму движения по так называемому принципу «в одном государстве — одна партия». Нужно прямо заявить, что, как бы ни были хороши результаты такого положения в других государствах, немедленное перенесение этого принципа в Японию нарушило бы характер нашего национального государственного строя, при котором император и народ едины. В нашей стране народ должен посвятить себя служению трону, и ни в коем случае нельзя допустить, чтобы какой-либо человек или партия, используя власть, монополизировали выполнение этого долга».

Для реализации плана «новой политической структуры» 27 сентября 1940 г. было создано Движение помощи трону, ядром и руководящим органом которого стала Ассоциация помощи трону (Тайсэй ёкусан кай). Официально она была учреждена 12 октября 1940 г. Примечательно, что одним из первых актов, принятых Ассоциацией, стало выработанное совместно с правительством решение «О запрещении заниматься политической деятельностью культурным и идеологическим организациям».

Будущие отношения между Ассоциацией и государственными бюрократическими структурами были предметом долгих дискуссий и завершились тем, что министерство внутренних дел взяло все в свои руки, опубликовав 11 сентября решение об учреждении поселковых и городских собраний и «соседских групп» в качестве низовых организаций создаваемой структуры. Ввиду столь высокой ответственности, возлагаемой на министерство внутренних дел, 6 декабря 1940 г. в состав кабинета был введен барон Хиранума, который несколько позже возглавил это министерство. Поменялись и некоторые другие члены кабинета.

Перемены в составе правительства повлекли за собой изменения в расстановке политических сил. Ассоциация помощи трону оказалась у правительства в роли пасынка. Постепенно Ассоциация лишилась почти всех прав, которыми была вначале наделена. На заседании бюджетной комиссии палаты представителей Хира-

нума заявил, что Ассоциация является не политической, а общественной организацией. После этого заявления 27 марта 1941 г. все члены управления Ассоциации подали заявление об отставке. Ассоциация помощи трону была реорганизована и окончательно превратилась во вспомогательный орган государственно-бюрократической системы. К тому же она финансировалась из бюджета; в первый год ее существования правительство выделило на нее 8 млн. иен.

7 декабря 1940 г., на другой день после введения в кабинет Хиранума, правительство приняло «Основные принципы организации новой экономической структуры». Были созданы контрольные ассоциации по различным видам производства, которые, действуя от имени государства, осуществляли функции надзора, снабжения, регулирования и др. Председателями этих ассоциаций были назначены представители крупнейших концернов. По сути дела, это означало введение государственного регулирования экономики страны в рамках ее перевода на рельсы подготовки к «большой войне».

«Новая политическая» и «новая экономическая» структуры стали основными столпами политической и экономической жизни Японии военного времени. В их рамках позднее были созданы Общества служения отечеству на производстве (Дайнинпон сангё хёкоку кай), Союз помощи трону депутатов парламента (Сёнэн-дан) при Ассоциации помощи трону и др.

* * *

Появление политических парламентских партий в любом обществе связано с потребностью различных социальных групп в защите и выражении своих интересов. В Японии «отцы» японской парламентской системы — Итё Хиробуми и др. — видели в партийно-парламентской системе противовес политическому сепаратизму феодальных кланов. В дальнейшем ведущие *дзайбацу*, такие как «Мицуи», «Мицубиси», «Ясуда» и др., действуя через парламентские партии, добились для себя доли участия в руководстве страной, которое ранее было исключительно военно-бюрократическим.

По мере постепенного вползания Японии в большую войну появилась необходимость все большего государственного вмешательства в экономику с целью эффективной мобилизации ресурсов. Одновременно в условиях развития торгового протекционизма произошла частичная переориентация *дзайбацу* с основанной на свободной торговле внешнеэкономической деятельности на экономическую эксплуатацию колоний.

Все это, наряду со все более укреплявшимися прямыми связями *дзайбачу* с военными через производство современного вооружения, уменьшило интерес концернов к политическим партиям. Поэтому когда после разгрома февральского путча военные, отодвинув внутренние противоречия, встали на путь полного устранения политических партий с политической сцены, этот процесс прошел относительно безболезненно и завершился дисциплинированным самороспуском партий.

Вплоть до настоящего времени в научной литературе обсуждается вопрос: можно ли охарактеризовать политический режим, сложившийся в Японии к началу 40-х годов, как фашистский? В целом, различные точки зрения по этой проблеме можно свести к двум концепциям.

Согласно первой из них, после целого ряда попыток фашистского переворота «снизу», со стороны фашистского движения, в Японии был сформирован фашистский режим «сверху». Другими словами, правящие круги Японии вкупе с военными создали режим фашистской диктатуры. Эта позиция широко представлена в советской, а также в японской историографии, где она доминирует и по сей день.

Согласно другой точке зрения, сложившийся в предвоенной Японии политический режим нельзя считать фашистским, поскольку в нем отсутствовали едва ли не все основные признаки, присущие фашистскому режиму (внедрение новой идеологии, создание массовой партии и т.п.). Такая точка зрения наиболее широко представлена в западной историографии.

По-видимому, вторая точка зрения находится ближе к истине. В 30-е годы в Японии под влиянием изменений во внешнеполитической и внешнеэкономической ситуации произошла реставрация системы военно-бюрократического управления, находившейся в целом в рамках мэйдзийской традиции. К ней добавились элементы государственно-экономического регулирования, характерные для любой воюющей страны.

В сочетании с многочисленными реверансами в сторону нацистской Германии и фашистской Италии это действительно создавало впечатление фашизации Японии. Однако смысл событий был несколько иным. Если раньше японская правящая элита искала эффективную модель управления современным государством в странах Запада с сильными либеральными традициями, то теперь она увидела перед собой новую, тоталитарную модель, добившуюся в Европе больших успехов. Поскольку германский или итальянский опыт гораздо лучше соответствовал реалиям японской по-

литической жизни того времени, чем либеральные институты и процедуры, попытки его заимствования были для Японии совершенно естественными. Однако при этом правящая элита продолжала сохранять свою преемственность, и традиционалистское ядро правящего режима осталось незатронутым.

Заключение «тройственного пакта»

В начале 1938 г. Япония, Германия и Италия начали переговоры о заключении нового договора, в развитие «антикоминтерновского пакта». Ставилась задача конкретизировать союзные отношения между тремя государствами.

Уже в марте 1939 г. правительство Хиранума предложило германскому правительству заключить военный союз, направленный против СССР. В ходе переговоров выяснилось, что Германия представляет себе такой союз несколько иначе, — не только против Советского Союза, но и против Великобритании, Франции и США. Переговоры были прерваны, поскольку партнеры не смогли прийти к общему мнению.

К лету 1940 г. ситуация в мире сильно изменилась. Уже шла война в Европе, уже капитулировали Франция и Голландия, и акценты политических интересов как Японии, так и Германии, стали другими. Предыдущие японские правительства балансировали между желанием заключить военный союз с Германией и попытками избежать столкновения с Великобританией и США. Теперь позиции Японии в глобальном соперничестве держав определились гораздо яснее. В русле реализации правительственной программы второго кабинета Коноэ переговоры о заключении военного союза с Германией были возобновлены. Если «антикоминтерновский пакт» был в первую очередь антисоветским, то будущий договор должен был быть направлен прежде всего против Великобритании и США как реальных противников в настоящий момент.

Наиболее активными сторонниками японо-германского договора были творцы «антикоминтерновского пакта» — бывший японский посол в Берлине Ёсима Хироси и советник японского министерства иностранных дел Сиратори Тосио, а также министр иностранных дел Мацуока Ёсукаэ. Сразу же после своего назначения на пост министра иностранных дел он предложил германскому министру иностранных дел Риббентропу продолжить прерванные переговоры.

В то же время определенные сомнения в целесообразности подписания пакта с Германией продолжали существовать. На императорском совещании 14 сентября 1940 г., посвященному во-

просу обеспеченности Японии стратегическими материалами, заместитель начальника главного морского штаба выразил сомнение в победе Японии в случае войны с Соединенными Штатами. Тем не менее, в конечном счете верх одержало мнение, что ухудшения отношений с Америкой можно будет избежать.

Специальный посол Германии Г.Штаммер, прибыв в Токио, 9 и 10 сентября встречался с Мацуока. На этих встречах были определены основные цели военного союза. Процедура подписания «тройственного пакта» проходила в Берлине, в имперской канцелярии 27 сентября 1940 г. Документ содержал 6 статей, в которых стороны признавали «руководящее положение» Германии и Италии в Европе и Японии в Азии; предусматривалось оказание взаимной помощи, «если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению» со стороны какой-либо державы, не участвующей в настоящее время в военных действиях. Отдельная статья была посвящена Советскому Союзу, который выводился за рамки данного пакта.

Таким образом, подписав «тройственный пакт», Япония окончательно противопоставила себя Великобритании и Соединенным Штатам. В ответ на этот шаг правительство США 25 сентября ввело запрет на вывоз в Японию металлов и лома, а Великобритания вновь открыла 10 августа бирмано-китайскую дорогу. Кроме того, в октябре 1940 г. обе страны подписали соглашение о совместной обороне западного полушария и тихоокеанских владений.

Советско-японский пакт о нейтралитете Поражения японской армии в пограничных столкновениях у оз. Хасан и р. Халхин-Гол, а также подписание пакта о ненападении между Германией и СССР и начавшаяся война в Европе вызвали изменения в политике Японии по отношению к Советскому Союзу. После подписания «тройственного пакта» японское правительство приняло решение о заключении с СССР пакта о нейтралитете.

В октябре 1940 г. посол Японии в Москве Татэкава Ёсицугу обратился к советскому правительству с предложением о заключении такого пакта. Одновременно японское правительство обратилось к Германии с просьбой о содействии в переговорах с СССР.

Несколько ранее рассматриваемых событий, 4 сентября 1940 года, на совещании в Токио по поводу заключения «тройственного пакта» с участием Коноэ, министра иностранных дел Мацуока, военного министра Тōдзё и морского министра Оикава было принято решение, в котором, среди прочего, говорилось:

«Япония, Германия и Италия будут сотрудничать в поддержании мира с Советским Союзом, заставят Советский Союз сочетать свою политику с политикой договаривающихся сторон... Мир будет разделен на четыре большие части — Восточную Азию, Советский Союз, Европу и Американский континент... Сдерживать Советский Союз на востоке, западе и юге, принуждая его, таким образом, действовать в направлении, выгодном для общих интересов Японии, Германии и Италии... а именно — в направлении Персидского залива (возможно, что в случае необходимости придется согласиться с экспансией Советского Союза в направлении Индии)».

Несомненно, что этот план обсуждался на предварительных переговорах представителями Японии и Германии, поскольку немного позже, накануне подписания «тройственного пакта», 19 сентября 1940 г., ту же мысль Риббентроп внушал Муссолини: «Нужно отвлечь Россию к Персидскому заливу и к Индии». Приглашение для переговоров по этому поводу было направлено В.М.Молотову, который прибыл в Берлин 12 ноября 1940 г. Однако переговоры не принесли результата, поскольку советская сторона выдвинула встречные, неприемлемые для Германии, условия.

Так или иначе, подписанием пакта о нейтралитете с Советским Союзом предполагалось завершить процесс создания 4-стороннего блока. Конкретный проект пакта был разработан, а затем, по предложению Мацуока, принят на заседании совета связи представителей ставки и правительства 3 февраля 1941 г. и оформлен в документе «Принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом».

В соответствии с принятыми на этом заседании решениями, Мацуока выехал 12 марта в Европу и во время своей остановки в Москве предложил рассмотреть вопрос о заключении японо-советского пакта о ненападении. Молотов, в свою очередь, предложил заключить пакт о нейтралитете. После предварительных переговоров в Москве, Мацуока отбыл в Берлин.

В это время Германия стремилась добиться выхода Великобритании из войны, и поэтому подталкивала Японию к развязыванию военных действий в направлении Сингапура. На переговорах в немецкой столице в ответ на настойчивые требования Германии Мацуока дал обещание развернуть военные действия против этой важнейшей британской военной базы. Кроме того, во время берлинских переговоров Мацуока был поставлен в известность о немецких планах нападения на СССР.

Подписание советско-японского пакта о нейтралитете. Слева направо: С.А.Лозовский, В.М.Молотов, Мацуока Ёсуке (подписывает пакт), И.В.Сталин, А.Я.Вышинский

Тем не менее, возвращаясь в Японию, Мацуока вновь сделал остановку в Москве, где 13 апреля 1941 г. подписал советско-японский пакт о нейтралитете. Документ содержал всего 4 статьи, в которых стороны обязались «поддерживать мирные отношения», а в случае, если одна из сторон окажется объектом военных действий со стороны третьих стран, другая договаривающаяся сторона обязывалась соблюдать нейтралитет. В ст.3 говорилось, что пакт «сохраняет силу в течение пяти лет», «если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует пакт за год до истечения срока».

Выбор направления японской агрессии

Хотя Китай потерял более 2 млн. чел. (за 1937–1940 гг.) и около 90% промышленности, сломить сопротивление перебравшегося в Чунцин гоминьдановского правительства японцам не удалось. Главным источником обеспечения военных действий для правительства Чан Кайши была иностранная помощь,

прежде всего американская. Великобритания, сама находившаяся в трудном положении, стремилась не углублять англо-японские противоречия и порою шла на уступки требованиям Японии. Так, в июле 1940 г. английское правительство под нажимом Японии пошло на временное закрытие бирманско-китайской дороги, по которой поступала значительная доля иностранной помощи чунцинским властям.

1 августа 1940 г. японское правительство направило администрации Французского Индокитая меморандум. В нем в обмен на «уважение суверенитета» Индокитая со стороны Японии вишистскому правительству Франции предлагалось признать «приоритет интересов Японии в экономической и политической областях на Дальнем Востоке». 29 августа было подписано соглашение, по которому французское правительство принимало все японские требования. Однако это не помешало Японии 23 сентября 1940 г. ввести свои войска в северные районы Индокитая. Таким образом, Япония перерезала еще одну артерию снабжения правительства Китая.

Денонсация Соединенными Штатами торгового соглашения, запрещение американским правительством вывоза в Японию стратегического сырья поставили военную экономику Японии в трудное положение. Эквивалентную замену в случае потери американского рынка японские военные и политики видели в подчинении экономики стран Южных морей и, прежде всего, Голландской Индии (Индонезии). Еще 27 августа туда со специальной миссией был послан министр торговли и промышленности Кобаяси Итидзё, который передал просьбу японского правительства о предоставлении Японии неограниченного права на импорт и экспорт товаров и сырья, на горные и рыболовные концессии, а также на осуществление неограниченной японской иммиграции в Индонезию. Однако эти переговоры, продолжавшиеся в течение девяти месяцев, закончились безрезультатно. Поэтому на совещании правительства 25 октября 1940 г. была принята «Программа мероприятий по экономическому развитию Голландской Индии», целью которой был, фактически, ее военный захват.

Расширение японской экспансии в сторону стран Южных морей не могло не вызвать реакции со стороны США. Понимая это, Коноэ все же надеялся найти приемлемую для обеих сторон формулу отношений. С этой целью 9 ноября 1940 г. в качестве полномочного посла Японии в США был направлен адмирал Номура Китисабурё, у которого были хорошие личные отношения с американским президентом Ф.Рузвельтом.

Переговоры Номура с государственным секретарем США К. Хэллом начались 8 марта 1941 г. Номура предложил рассмотреть в качестве основы соглашения проект, который назывался «Достижение взаимопонимания между Японией и Америкой». По мнению Хэлла, он «почти не давал надежды»:

«Над всем районом Тихого океана, по существу, устанавливалось своего рода совместное японо-американское господство... Права и интересы других стран почти совсем не принимались во внимание».

Все-таки Хэлл согласился начать переговоры. Американская сторона 31 мая 1941 г. предложила свой контрпроект, в основе которого лежали несколько смягченные положения «четырех принципов», выдвинутых Грю на переговорах с Номура в 1939 г.

Американские предложения были отправлены на рассмотрение в Токио. В это время ситуация в Европе сильно изменилась: Германия напала на Советский Союз, и были опубликованы декларации британского и американского правительств об оказании помощи СССР. Премьер Коноэ предложил правительству изучить вопрос о пересмотре «тройственного пакта», имея ввиду отказ от него. Задачи «тройственного союза», по мнению Коноэ, состояли в урегулировании отношений с Советским Союзом и в том, чтобы помешать Америке вступить в войну; в сложившейся же ситуации этот пакт практически потерял свое значение. Однако с такой позицией Коноэ не согласились министр иностранных дел Мацуока и военный министр Тодзё.

2 июля 1941 г. состоялось императорское совещание, на котором речь шла о выборе стратегического направления дальнейшей японской экспансии. Рассматривались два варианта: «северный», т.е. война с Советским Союзом (за что выступала армия, поскольку этот вариант предполагал военные действия в основном на материке), и «южный», который предполагал военное столкновение с Великобританией и США. Это направление было связано со значительными морскими операциями, поэтому его поддерживал военно-морской флот.

В результате, была принята «Программа национальной политики империи в связи с изменением обстановки», согласно которой отклонялась установка на немедленное начало войны против СССР и принималось решение «в случае необходимости» «не останавливаться перед войной с Англией и Америкой». Выбор «южного» направления агрессии был продиктован, в первую очередь, большой заинтересованностью Японии в топливно-сырьевых ресурсах Голландской Индии и Юго-Восточной Азии.

Это, однако, не означало, что Япония отказалась от планов нападения на СССР. Речь шла лишь об отсрочке (как тогда предполагалось, двухмесячной) до тех пор, пока Советский Союз не рухнет под ударами нацистской Германии. Интересно, что на этом особенно настаивал начальник генерального штаба Сугияма Хадзимэ: после боев на оз. Хасан и у р. Халхин-Гол японские военные стали более реалистично оценивать мощь советской армии. При этом все участники совещания согласились с тем, что «северный вопрос» (т.е. вопрос о нападении на СССР) должен рассматриваться в духе «тройственного пакта» и без учета только что подписанного советско-японского пакта нейтралитета. Эту позицию наиболее четко выразил председатель тайного совета Хара Ёсимити:

«Некоторые думают, что Японии не следует нападать на СССР ввиду существования пакта о нейтралитете; но Советский Союз постоянно совершает предательские действия. Если мы атакуем его, то никто не расценит это как вероломство. Я с нетерпением жду возможности напасть на Советский Союз».

О решениях императорского совещания от 2 июля 1941 г. стало известно американцам. Тем не менее, 4 июля президент Рузвельт через американского посла передал послание премьеру Коноэ, в котором предложил провести переговоры «для поддержания мира в районе Тихого океана и предотвращения вспышки японо-советской войны». 15 июля японцы согласились с этим предложением.

Последние шаги на пути к войне на Тихом океане

16 июля 1941 г. из-за разногласий между премьер-министром Коноэ и министром иностранных дел Мацуока кабинет всем составом подал в отставку. На совещании высших сановников (*дзёсик*) было решено вновь назначить премьером Коноэ. Уже 18 июля третий кабинет Коноэ приступил к исполнению своих обязанностей. Большая часть министров сохранила свои портфели. Министром иностранных дел был назначен Тоёда Тэйдзирō, который поддерживал позицию Коноэ, считавшего необходимым избежать столкновения с Соединенными Штатами.

Между тем, получив у императора санкцию на оккупацию Южного Индокитая, армия и флот активно готовились к военным действиям. Переговоры с внештатным правительством о размещении японских войск в южной части Французского Индокитая на-

чались 14 июля, а 23 июля было подписано японо-французское соглашение о совместной обороне.

24 июля японский посол Номура встретился с американским президентом, и Рузвельт предложил Японии заключить соглашение, по которому Французский Индокитай признавался бы нейтральной страной по типу Швейцарии. Однако японское правительство уже не могло пойти на такое решение, прежде всего, из-за жесткой позиции армии в этом вопросе. 26 июля текст японо-французского соглашения был опубликован, а 29 июля 1941 г. началась оккупация Южного Индокитая.

Этот шаг Японии сильно осложнил и без того непростые переговоры с США. После опубликования 26 июля текста соглашения о совместной обороне, Великобритания и США заявили о замораживании японских капиталов. Одновременно Великобритания денонсировала англо-японский торговый договор 1911 г., японо-индийский торговый договор 1934 г. и японо-бирманский торговый договор 1937 г. 1 августа Соединенные Штаты ввели запрет на экспорт в Японию всех товаров, прежде всего нефти, за исключением хлопка и продовольствия. Япония оказалась в очень трудном положении. Командование флотом заявило, что если не удастся обеспечить Японию нефтью, то менее, чем через два года военно-морской флот будет парализован.

Ответ американскому президенту был передан только 6 августа 1941 г. В японском обращении говорилось, что Япония не намерена продвигаться дальше Индокитая, но не было ни слова о нейтралитете последнего. 8 августа госсекретарь Хэлл передал ответ американского правительства, выдержанный в весьма холодных тонах.

Оказавшись в трудном положении, Коноэ решился на личную встречу с американским президентом. Морской и военный министры не без колебаний согласились с таким шагом премьера, а затем была получена и санкция императора. При этом Коноэ предполагал, что, если возникнут затруднения с военными по поводу возможного вывода японских войск из Индокитая, он по телеграфу запросит санкцию непосредственно у императора.

Однако этой встрече не суждено было состояться. В то время, когда Коноэ посылал телеграмму послу Номура, Рузвельт находился на Атлантической конференции, а по возвращении он принял японского посла и передал ему памятную записку, в которой резко критиковались действия Японии. На просьбу Коноэ о встрече Рузвельт ответил согласием, потребовав в то же время, чтобы

японское правительство обнародовало свою позицию и планы на будущее.

Повторные попытки прийти к соглашению о встрече Коноэ и Рузвельта закончились ничем. Японо-американские переговоры зашли в тупик. В конце концов, 2 октября госсекретарь Хэлл от имени президента предложил японскому правительству еще до встречи глав двух государств «принять программу достижения взаимопонимания», в противном случае эта встреча «грозит окончиться провалом».

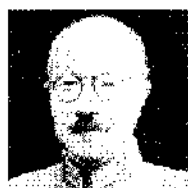
Понимая, что в сложившейся ситуации военные не пойдут на какие-либо шаги для достижения такого «взаимопонимания», Коноэ воспринял такой ответ американского президента как крах его надежд на встречу с Рузвельтом. Тем не менее, он предпринял попытку продолжить переговоры. Однако японские военные, отказываясь идти на какие-либо компромиссы, усиленно завершали приготовления к войне против Великобритании, США и Голландии.

12 октября 1941 г. в резиденции Коноэ в Огикубо (окраина Токио) состоялось совещание ключевых министров (военного, военно-морского и иностранных дел) с главой кабинета. Коноэ пытался убедить их в возможности продолжения переговоров с США, но ничего не добился: военный министр Тōдзё от лица армии выдвинул требование прекратить переговоры. Более того, 14 октября он, отказавшись встречаться с Коноэ, порекомендовал кабинету подать в отставку. Это означало, что армия выражает правительству недоверие. 16 октября Коноэ официально заявил об отставке своего кабинета.

И Коноэ, и Тōдзё сошлись на том, что следующее правительство должен возглавить родственник императора принц Хигасикуни Нарухико, человек умеренных взглядов, пользовавшийся тем не менее авторитетом в военных кругах. Однако этому решительно воспротивился советник императора, хранитель императорской печати Кидо Кōити, считавший, что формирование кабинета, который с большой вероятностью начнет войну, нельзя поручать члену императорского рода — ведь в случае поражения это может создать непосредственную угрозу монархии. В результате на совещании высших сановников 17 октября 1941 г. было решено поручить формирование нового кабинета генералу Тōдзё Хидэки, который сохранил при этом пост военного министра.

Новый кабинет был сформирован 18 октября. 5 ноября 1941 г. на императорском совещании были приняты «Принципы осуществления государственной политики империи». Суть этого доку-

мента сводилась к тому, что Япония, продолжая переговоры с Соединенными Штатами, одновременно приняла решение начать против них, а также против Великобритании и Голландии войну, как только будут закончены приготовления. Был установлен срок окончания переговоров — 25 ноября. На совещании командование флота и армии заявило, что проведение переговоров никак не мешает подготовке к военным действиям. Таким образом были поставлены все точки над «i». Война стала практически неизбежной.

Тōдō Хироаки

Благодаря тому, что в руки американцев попали шифры японской дипломатической связи, Вашингтон был в курсе многих секретных решений, принимавшихся японским правительством. Активная подготовка Японии к развязыванию войны, как и установленная дата окончания переговоров, не были для них секретом. Однако американское правительство старалось продолжать переговоры и не дать Японии повода сорвать их. К тому же, 5 ноября 1941 г. начальник генерального штаба Маршалл представил президенту доклад, в котором рекомендовалось избегать войны с Японией вплоть до полной готовности американских вооруженных сил.

Тем не менее, 26 ноября 1941 г. в ответ на японский проект соглашения, принятый на императорском совещании 5 ноября, госсекретарь Хэлл вручил японскому послу Номура ноту, выдержанную в весьма резкой тональности. Содержание «ноты Хэлла» сводилось к тому, что американская сторона требовала от Японии вернуться к положению, существовавшему до начала «маньчжурского инцидента».

Японское правительство расценило этот документ как американский ультиматум. Однако это уже никак не повлияло на дальнейшие события. 26 ноября, в день вручения японской делегации «ноты Хэлла», японская эскадра уже вышла из бухты Бидокап на Курилах для того, чтобы атаковать Пирл-Харбор — американскую военно-морскую базу на Гавайских о-вах. В воскресенье 7 декабря, спустя час после нападения на Пирл-Харбор, посол Номура Китисабурō и его помощник Курусу Сабурō вручили К.Хэллу меморандум японского правительства, в котором оно объявляло Соединенным Штатам войну. Великобритании и Голландии ноты об объявлении войны вообще вручены не были.

Глава 3

ЯПОНИЯ В ТИХООКЕАНСКОЙ ВОЙНЕ (1941–1945)

После того, как императорское совещание 2 июля 1941 г. фактически выбрало курс на войну против США и Великобритании, генеральные штабы армии и флота разработали общий стратегический план, согласно которому в начальном периоде военных действий (ориентировочно 4–5 мес.) предполагалось захватить Филиппины, Британскую Малайю (совр. Малайзия и Сингапур), Голландскую Индию (совр. Индонезия), Бирму (совр. Мьянма), оккупировать Таиланд и овладеть рядом тихоокеанских островов. В Китае активные действия на это время не планировались.

5 ноября, после принятия императорским совещанием решения начать войну в декабре 1941 г., император Хирохито утвердил планы операций, представленные начальником генерального штаба армии маршалом Сугияма Хадзимэ и начальником генерального штаба флота адмиралом Нагано Осами. Вскоре были отданы приказы о непосредственной подготовке японских вооруженных сил к предстоявшим боевым действиям.

Начальный этап войны

7 декабря 1941 г. вооруженные силы Японии без объявления войны совершили нападение на основные базы США и Великобритании на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. Японское авианосное соединение нанесло мощный удар по кораблям Тихоокеанского флота США в Пирл-Харборе. В тот же день японская авиация, базировавшаяся на о-ве Тайвань, совершила налеты на аэродромы Филиппин.

**Нападение на
Пирл-Харбор**

Подготовке гавайской операции было уделено особое внимание. Ее план был разработан под руководством командующего Объединенным флотом адмиралом Ямамото Исороку. Для удара по Пирл-Харбору было сформировано мощное авианосное соединение, в которое вошли 6 тяжелых авианосцев, 2 линкора, 3 крейсера, 11 эсминцев, 3 подводные лодки. Ему был также придан передовой отряд из 27 подводных лодок.

7 ноября авианосное соединение получило приказ сосредоточиться в районе о-ва Итуруп (Эторофу). 11 ноября начали выдвигаться к Гавайским о-вам подводные лодки передового отряда. Основные силы под командованием адмирала Нагумо Тэйти скрыт-

но покинули залив Бидокап (Хитокаппу) на Итурупе и направились к Пирл-Харбору 26 ноября. К тому времени японские подводные лодки уже заняли позиции у Гавайских о-вов.

Соединение Нагумо направилось к Гавайям через редко посещаемые торговыми судами районы в северной части Тихого океана. Чтобы затруднить действия американских патрульных самолетов, корабли следовали вместе с медленно перемещавшимся погодным фронтом, характерным для этого времени года. Во время перехода соблюдалось полное радиомолчание, а японские военные корабли, находившиеся вблизи метрополии, вели ложный радиообмен, чтобы создать впечатление, что ударное авианосное соединение маневрировало в районе о-ва Кюсю.

Дата начала военных действий против США, Великобритании и Голландской Индии была окончательно определена японским руководством 1 декабря. При этом было решено, что формальное объявление войны США «не является необходимым». Ночью 2 декабря соединение Нагумо получило по радио условный сигнал «Восхождение на гору Нинтака 1208», означавший, что 8 (по гавайскому времени — 7) декабря назначено днем начала войны.

Не встретив на своем пути ни одного судна, японские авианосцы к 7 декабря вышли в район нанесения удара. В 6 час. утра, когда оно находилось на расстоянии 230 миль к северу от Пирл-Харбора, с них поднялись самолеты первой волны (140 торпедоносцев и бомбардировщиков и 43 истребителя). Через 55 мин. на американские военные корабли и аэродромы посыпались торпеды и бомбы. В 9 утра последовала вторая атака. Отбомбившись, самолеты удалялись в разных направлениях, поэтому американцы не смогли определить точного местонахождения японских авианосцев.

В Пирл-Харборе в это время находились 8 линкоров, 8 крейсеров и 29 эсминцев. 7 декабря было воскресенье, и более трети личного состава получило увольнение на берег. Противовоздушная оборона Гавайев оказалась не готовой к отражению нападения. Самолеты на аэродромах стояли ровными рядами, представляя собой удобную мишень для японской авиации.

В результате ударов по Пирл-Харбору были уничтожены или выведены из строя все линейные корабли, 6 легких крейсеров, эсминец и 272 самолета. Потери в людях составили 3400 чел., в том числе 2402 убитыми. Японцы потеряли 29 самолетов.

Правда, в одном отношении американцам повезло. Все 3 их авианосца, базировавшихся в Пирл-Харборе, были выведены оттуда на учения и потому не пострадали.

Ф.Рузвельт подписывает декларацию о вступлении США в войну

Утром 8 декабря президент Ф.Рузвельт выступил на совместном заседании обеих палат американского конгресса с сообщением о японском нападении. Ранее среди американских законодателей, как и в американском обществе, были сильны настроения «изоляционизма», т. е. стремление не допустить вступления США в войну. Однако японская атака на Пирл-Харбор резко переломила эти настроения, и конгресс немедленно принял резолюцию об объявлении войны Японии. Опрос общественного мнения показал, что это решение поддержало 96% населения США.

11 декабря союзники Японии — Германия и Италия — объявили войну Соединенным Штатам. В связи с этим Рузвельт, обратившись к

посланием к конгрессу, заявил о готовности США присоединиться к тем народам мира, «которые полны решимости оставаться свободными», и объединенными усилиями добиться победы «над силами дикости и варварства».

Помимо США войну Японии объявили Великобритания, Канада, Голландия, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз и ряд государств Латинской Америки. Китай также объявил войну Японии и ее европейским союзникам. До тех пор, несмотря на то, что боевые действия японской армии на китайской территории продолжались уже более четырех лет, обе страны формально не находились в состоянии войны друг с другом. Мировая война распространилась на огромные пространства Тихого и Индийского океанов, Юго-Восточной Азии, Индию, район Южных морей, Австралию, и в нее оказалось вовлеченным большинство населения земного шара.

С нападением Японии на Пирл-Харбор связана одна из загадок второй мировой войны. Дело в том, что американской разведке удалось раскрыть японский дипломатический шифр, и американцы читали все радиogramмы из Токио, передававшиеся японскому посольству в Вашингтоне. Хотя перехваченные сообщения не содержали конкретной информации относительно направления основных ударов японских вооруженных сил и времени их нанесения, американское руководство знало о высокой вероятности японского нападения. Тем не менее, американские вооруженные силы на Тихом океане не были приведены в боевую готовность.

Кроме того, британская разведка раскрыла военно-морской код Японии, и была хорошо информирована о конкретных планах действий японских вооруженных сил. Она сообщала эти сведения британскому политическому руководству, но то не передало их своему американскому союзнику.

После войны все это дало почву для многочисленных обвинений в адрес Рузвельта и Черчилля. Первого подозревали в том, что он сознательно пожертвовал жизнями американских военнослужащих, чтобы заставить изоляционистски настроенный американский конгресс санкционировать вступление Соединенных Штатов в войну, предполагаемая победа в которой обеспечила бы США доминирующие позиции в мире. Что касается британского премьера, то он, якобы, также сделал все, чтобы втянуть США в войну, чтобы облегчить тем самым положение собственной страны.

Эти обвинения выглядят довольно правдоподобно с политической и исторической точек зрения. Однако до сих пор не обнаружены документальные свидетельства существования подобных интриг с участием лидеров западных стран.

Захват Филиппин Одновременно с атакой на Пирл-Харбор японские вооруженные силы начали Филиппинскую операцию. Японская авиация внезапными ударами по американским аэродромам и военно-морской базе на о-ве Лусон уничтожила половину американских тяжелых бомбардировщиков и более трети истребителей, не успевших подняться с земли. Таким образом, японцам сразу удалось захватить господство в воздухе. 10 декабря они высадили на Лусон свои передовые части, а 22–24 декабря — главные силы под командованием генерала Хомма. Американо-филиппинские войска, которыми командовал генерал Д. Макартур, начали отступать. 2 января 1942 г. японцы вступили в столицу Филиппин Манилу.

**Ликование японских солдат
после победы на п-ове Батаан**

На п-ове Батаан 12,5 тыс. американских и 67 тыс. филиппинских солдат продолжали сопротивление еще 3 мес., тщетно надеясь на прибытие помощи. 11 марта 1942 г. по приказу Рузвельта Макартур покинул свои войска и отправился в Австралию, чтобы принять командование союзными силами в юго-западной части Тихого океана. В начале апреля японская армия полностью овладела полуостровом. 7 мая японцы захватили последний очаг сопротивления американцев на Филиппинах — остров-крепость Коррехидор, взяв в плен 12 тыс. солдат и офицеров.

Падение Сингапура

Кроме действий против американских вооруженных сил Япония провела Малайскую операцию, в которой ее противником были британские войска. Ее целью был захват Британской Малайи, богатой стратегическим сырьем.

Для этого японское командование выделило 70-тысячную армию во главе с генералом Ямасита Томоюки, 9 крейсеров, 16 эсминцев, 16 подводных лодок и около 600 самолетов. Им противостояли силы под командованием генерала А.Персиваля (около 100 тыс. чел.), которые поддерживал британский Восточный флот.

Перед японскими войсками стояли непростые задачи. Им предстояло, в частности, взять Сингапур, где перед войной было завершено строительство мощной военно-морской базы.

Японские десанты были высажены в ночь на 8 декабря одновременно в Британской Малайе и в Южном Таиланде. На рассвете японская авиация совершила налеты на британские аэродромы. В течение первых двух дней боев японцы уничтожили 1/3 британской авиации, а оставшиеся самолеты британское командование перебросило в Сингапур.

Для борьбы с японским десантом 9 декабря из Сингапура вышли линкор «Принс оф Уэлс» и линейный крейсер «Рипалс». Корабли следовали без прикрытия с воздуха. Они были обнаружены японскими самолетами-разведчиками, и утром 10 декабря япон-

ская авиации потопила их. Британские войска остались без поддержки с моря и были разбиты.

Японская армия быстро продвигалась на юг, наступая одновременно вдоль восточного и западного побережья п-ова Малакка. Попытки британских войск остановить японское наступление не увенчались успехом. 31 января британские и малайские части отошли в Сингапур, куда тем временем были доставлены подкрепления — 45 тыс. чел. и 141 самолет.

Несмотря на то, что в Сингапуре были сосредоточены большие силы и имелось значительное количество боеприпасов и продовольствия, британское командование потеряло надежду удержать свою главную цитадель в Юго-Восточной Азии. В связи с тяжелой обстановкой в Малайе командование британских сил на Дальнем Востоке было переведено из Сингапура в Коломбо (о-в Цейлон).

8 февраля японцы высадились на о-в Сингапур и захватили аэродромы и водохранилища. 15 февраля британский гарнизон безоговорочно капитулировал. Сингапур утратил свое имя — он был переименован японцами в Сёнан.

Общие потери британских войск составили 140 тыс. чел., включая попавших в плен в Сингапуре (100 тыс. чел.), среди которых был и генерал Персиваль. 40 тыс. этих пленных в скором времени очутились в бирманских джунглях на затеянном японцами строительстве стратегической железной дороги, соединявшей Бирму и Таиланд, где не менее 16 тыс. из них погибли. Японцы потеряли 3507 чел. убитыми и 6150 ранеными.

С захватом японцами п-ова Малакка и падением Сингапура рухнул фронт стратегической обороны союзников («малайский барьер»), проходивший от Индии до Австралии. Создались благоприятные условия для дальнейшего развития наступления японских вооруженных сил как на север — на Бирму, так и в юго-восточном направлении — на Суматру и Яву.

Развитие первых японских успехов Нанеся первые сокрушительные поражения американским и британским вооруженным силам, японцы постарались немедленно развить свой успех. В середине февраля 1942 г. японские воздушный и морской десанты захватили нефтепромыслы на о-ве Суматра (Голландская Индия). После этого японские войска высадились на о-в Бали, расположенный восточнее Явы, и перебазировали туда свою авиацию.

Чтобы исключить возможность доставки союзниками подкреплений на Яву, авианосное соединение адмирала Нагумо 19 фев-

раля совершило налет на порт Дарвин (Австралия), уничтожило все находившиеся там суда и разрушило портовые сооружения. Вслед за этим японцы захватили о-в Тимор. Выйдя на ближние подступы к Яве, они перекрыли выходы из Яванского моря и блокировали там объединенную эскадру союзников под командованием голландского адмирала Доормана (5 крейсеров и 10 эсминцев), которая была почти полностью уничтожена в ходе морского сражения в Яванском море 27–28 февраля. Сам Доорман погиб. Разгромив флот союзников, японцы высадили десант на Яву и к 15 марта овладели всей Голландской Индией.

Адмирал Нагумо Тōйити

Одновременно на севере японское командование проводило Бирманскую операцию, целью которой было создание плацдарма для последующего вторжения в Индию. Кроме того, овладение Бирмой позволяло Японии перерезать пути снабжения Китая оружием и боеприпасами и в перспективе заставить правительство Чан Кайши капитулировать.

Еще в середине января японское командование, считая судьбу Малайи предрешенной, отдало своим войскам приказ перейти бирманскую границу и начать наступление на Рангун (совр. Янгон). Японцам противостояли англо-индийские войска под командованием британского генерала Хаттона. Сюда же были переброшены 3 китайские армии. Этим силам удалось ненадолго задержать противника, но японцы вынудили их отступить и 8 марта овладели Рангуном. После этого японское командование начало наступление к китайской границе. 29 апреля японцы перерезали бирмано-китайскую дорогу, а затем вступили на территорию Китая, в провинцию Юньнань.

На западном участке бирманского фронта англо-индийские войска не смогли остановить противника и, бросив технику и вооружение, ушли через горы в Индию. Из 35 тыс. солдат британской группировки до Индии добрались лишь около 12 тыс. Потери японцев, по их данным, составили 1280 убитых и 3158 раненых.

Одновременно с наступлением в Бирме японский флот провел успешную операцию по нарушению британских морских коммуникаций. 26 марта 1942 г. авианосное соединение адмирала

Нагумо (5 авианосцев, 4 линкора, 3 крейсера, 8 эсминцев) вышло в Индийский океан, чтобы уничтожить британский Восточный флот, базировавшийся на Цейлоне.

Командующий Восточным флотом адмирал Сомервилл, получив сведения о готовящемся ударе, попытался перевести основные силы на Мальдивские о-ва. Однако японские самолеты обнаружили часть этих сил на переходе и уничтожили авианосец, 2 тяжелых крейсера и 2 сторожевых корабля. Затем массированными ударами соединение Нагумо разрушило британские базы в Коломбо и Тринкомали на Цейлоне. Британский Восточный флот был вынужден перебазироваться на восточное побережье Африки, и территория Индии осталась без прикрытия с моря.

В результате действий японцев союзники были отброшены к границам Индии и Австралии, а Япония получила в свое распоряжение богатейшие сырьевые ресурсы, позволившие ей значительно укрепить свою экономическую базу.

Борьба за стратегическую инициативу

Итоги первых месяцев войны превзошли самые оптимистические ожидания японского командования. К весне 1942 г. японские вооруженные силы выполнили все задачи, намеченные на первый период войны, захватив территорию в 3,8 млн. кв. км с населением почти в 150 млн. чел. При этом потери Японии были незначительными, тогда как союзники лишились почти всех соединений, принимавших участие в боевых действиях. Соотношение сил сторон резко изменилось в пользу Японии.

Однако, несмотря на все успехи, перспективы Японии в войне не были безоблачными. Хотя США и Великобритания были вынуждены вступить в войну с Японией, когда еще не были вполне к ней готовы, они многократно превосходили Японию по экономической мощи, что в затяжной войне имело решающее значение.

Военное преимущество Японии неумолимо приближалось к концу. Накапливание американских сил на Тихом океане шло ускоренными темпами. К октябрю 1942 г. на этом театре было развернуто 5 воздушных армий (против Германии с британской территории действовала тогда 1 воздушная армия США). Одновременно США развернули массовое строительство боевых кораблей.

При всем своем авантюризме японское руководство хорошо понимало грозившую опасность. Его расчет на победу строился на том, чтобы, не давая противнику опомниться, продолжать наносить удары и сохранять стратегическую инициативу. Учитывая

успехи Германии на европейском театре военных действий, Япония рассчитывала, что со временем союзники будут если не полностью побеждены, то настолько истощены борьбой на два фронта, что заключат мир на японских условиях.

Как ни странно, существенное влияние на дальнейшие действия японского командования оказала откровенно демонстративная американская акция 18 апреля 1942 г., когда 16 бомбардировщиков Б-25, поднявшись с авианосца, совершили налет на Токио. Это вызвало в стране настоящую истерию. Адмирал Ямамото, одетый в парадную форму, явился во дворец, чтобы принести извинения за «осквернение» императорской столицы. После этого японцы, наряду с подготовкой запланированного ранее вторжения в Австралию, форсировали операцию по захвату расположенного в центральной части Тихого океана атолла Мидуэй, так как почитали, что бомбардировщики вылетели именно оттуда.

Сражение у атола Мидуэй

Нападение на Мидуэй было запланировано на 4 июня 1942 г. На сутки раньше должна была начаться японская десантная операция

в западной части Алеутской гряды, которая, как предполагалось, должна была отвлечь силы американского флота на север.

К проведению операции были привлечены основные силы японского флота. Непосредственно к Мидуэю направились ударное авианосное соединение адмирала Нагумо Тёити (4 тяжелых авианосца, 2 линкора, 3 крейсера, 12 эсминцев) и десантное соединение под командованием адмирала Кондо Нобутаке, состоявшее из 15 транспортов (5 тыс. чел. десанта), легкого авианосца, 2 авиатранспортов, 2 линкоров, 10 крейсеров, 21 эсминца.

Для захвата Алеутских о-вов (Ату и Кыска) предназначалось соединение адмирала Хосогая Босирё, включавшее 2 легких авианосца, 6 крейсеров, 12 эсминцев, 6 подводных лодок, 2450 чел. десанта.

Главные силы японского Объединенного флота под командованием адмирала Ямамото Исороку разворачивались в 600 милях к

Адмирал Ямамото Исороку

северо-западу от Мидуэя и должны были одновременно поддерживать операции на центральном и на северном направлениях. В их состав входили 7 линкоров, легкий авианосец, 3 крейсера, 21 эсминец, 2 авиатранспорта.

Американцы раскрыли японский военно-морской шифр и заблаговременно знали о готовившихся действиях противника. Однако для отражения атаки они смогли выставить значительно меньшие силы — 3 тяжелых авианосца (233 самолета), 8 тяжелых крейсеров и 14 эсминцев под общим командованием адмирала Ф. Флетчера. Кроме того на Мидуэе имелось около 120 самолетов, а на подходах к атоллу заняли позиции 19 американских подводных лодок. Для обороны Алеутских о-вов было выделено 5 крейсеров, 14 эсминцев, 6 подводных лодок и самолеты берегового базирования. Общее руководство всеми американскими силами осуществлял из Пирл-Харбора адмирал Ч. Нимиц.

Боевые действия, как и планировало японское командование, начались на алеутском направлении. Высадка японских десантов на острова Кыска и Атту прошла без помех. Только через четверо суток американская авиация обнаружила японские войска на островах и начала периодически их бомбить. Эта отвлекающая японская операция вызвала сильную тревогу у американской общественности — впервые нога японского солдата ступила на землю Соединенных Штатов.

Ф. Флетчер

3 июня в 600 милях к западу от атолла Мидуэй американский самолет-разведчик обнаружил японский десантный конвой. В воздух была поднята американская авиация. Неожиданно в 150 милях от Мидуэя были обнаружены японские самолеты, а в 180 милях — авианосцы. Японским самолетам все же удалось прорваться к острову, однако главной цели — уничтожения американской авиации на земле — они не достигли, так как та уже была в воздухе и направлялась для нанесения удара по японским кораблям.

После ряда безуспешных атак пикирующим бомбардировщикам, поднявшимся с тяжелых авианосцев «Энтерпрайз» и «Йорктаун», менее чем за 5 минут удалось уничтожить 3 (из 4) японских тяжелых авианосца с находившимися на них 137 самолетами. Американцы потеряли при этом 69 самолетов.

Четвертый тяжелый авианосец («Хирё») из соединения адмирала Нагумо в то время находился значительно севернее и не был обнаружен американцами. Поднятые с него самолеты атако-

вали авианосец «Йорктаун» (флагманский корабль Флетчера) и нанесли ему тяжелые повреждения. 6 июня его торпедировала японская подводная лодка, и на следующий день он затонул.

В тот момент, когда самолеты с авианосца «Хирё» атаковали «Йорктаун», сам «Хирё» был атакован американской авиацией, получил тяжелые повреждения и 5 июня был потоплен своим эсминцем. Авианосное соединение адмирала Нагумо, в течение полугода с лишним громившее флоты и базы союзников в Тихом и Индийском океанах, перестало существовать.

В результате соотношение сил флотов на Тихом океане существенно изменилось в пользу США. У японцев оставался 1 тяжелый и 4 легких авианосца, в то время как американцы имели 3 тяжелых. При этом в Японии в постройке находилось 6 авианосцев, а в США — 13 тяжелых и 15 эскортных авианосцев. Возможности Японии проводить стратегические наступательные операции резко сократились.

Борьба на подступах к Австралии

С весны 1942 г. японцы стремились усилить свой плацдарм для вторжения в Австралию. В начале мая они попытались захватить австралийскую базу на Новой Гвинее Порт-Морсби. В случае успеха Япония получила бы удобный пункт для базирования своего флота и авиации. Однако в результате морского сражения в Коралловом море 6–8 мая американскому флоту (им командовал Ф.Флетчер) несмотря на большие собственные потери удалось сорвать японскую десантную операцию.

Несмотря на быстрое изменение соотношения сил в пользу США и их союзников после сражения у атолла Мидуэй, японское командование не оставило надежды на удержание Новой Гвинеи и Соломоновых о-вов, которые рассматривались им теперь, скорее, не как плацдарм для вторжения в Австралию, а как линия стратегической обороны японских завоеваний начального периода войны.

Со своей стороны, союзники стали готовиться к наступлению, чтобы овладеть стратегической инициативой. 7 августа 1942 г. 11 тыс. американских морских пехотинцев беспрепятственно высадились на о-ве Гуадалканал. Затем последовала высадка 5-тысячного десанта о-в Тулаги. Получив сведения об этом, японское командование срочно отправило в район десанта 5 тяжелых и 2 легких крейсера и эсминцев. К этому времени американский десант прикрывали 6 тяжелых крейсеров и 6 эсминцев.

В ночь на 9 августа у о-ва Саво состоялся первый из множества морских боев у Гуадалканала, который был начисто проигран

союзниками: 4 их тяжелых крейсера были потоплены и 1 получил серьезные повреждения. При этом лишь 2 тяжелых японских крейсера были повреждены. Однако несмотря на это борьба за Гуадалканал продолжилась с возрастающим ожесточением. Обе стороны стали наращивать свои силы на острове, высаживая там подкрепления.

Японские солдаты в джунглях о-ва Гуадалканал

Хотя в морских сражениях в районе Гуадалканала успех чаще сопутствовал японскому флоту, он не смог решить главную задачу — обеспечить наращивание японских сил на самом острове. Японцы смогли сосредоточить там 30 тыс. чел., тогда как американцам к концу 1942 г. удалось довести численность своих войск до 58 тыс. чел.

31 декабря 1942 г. на совещании в присутствии императора было решено прекратить бесперспективную операцию и вывести японские войска с Гуадалканала. 7 февраля 1943 г. эвакуация была завершена. Утром следующего дня американцы обнаружили, что противника перед ними нет.

Военные действия на Тихом океане в 1943 г.

Хотя в 1943 г. инициатива на тихоокеанском театре перешла в руки союзников, они не вели там крупных наступательных операций. Военные действия в основном сводились к затяжным боям местного значения и к эпизодическим столкновениям военно-морских сил на коммуникациях. Тем не менее, их ход выявил неспособность Японии удержать захваченные территории.

После того, как в июне 1942 г. японцы захватили острова Алеутской гряды Атту и Кыска, американская общественность...

должала проявлять беспокойство по поводу продолжавшейся оккупации части территории США войсками противника. Хотя провал японского наступления в центральной части Тихого океана сделал местный успех японцев в этом районе практически бессмысленным, американское командование решило отвоевать острова. Для этого был сформирован 11-тысячный десант и соединение поддержки в составе 3 линкоров, эскортного авианосца, 6 крейсеров и 19 эсминцев.

Бои на Атту продолжались с 11 до 30 мая 1943 г. Японский гарнизон (около 2,5 тыс. чел.) оказал ожесточенное сопротивление и был почти полностью истреблен. Американцы потеряли убитыми 550 чел. С потерей Атту о-в Кыска оказался в тылу американских сил, и японское командование решило оставить его. 29 июля 2 крейсера и 10 эсминцев под прикрытием тумана подошли к острову, за 45 мин. приняли на борт весь его гарнизон (5,1 тыс. чел.) и удалились.

Американцы не заметили эвакуации и продолжали готовить штурм Кыски. 16 августа после многодневной авиационной и артиллерийской подготовки на него высадились 34 тыс. американских солдат. Оборудовав плацдарм, они на следующий день продолжили наступление и лишь через сутки обнаружили, что на острове нет ни одного японца. На этом активные действия в северной части Тихого океана прекратились.

Летом и осенью 1943 г. союзники провели серию десантных операций по овладению Соломоновыми о-вами. Несмотря на большое превосходство американцев, бои приняли затяжной характер. В конце концов американским авиацией и флоту удалось настолько затруднить снабжение японских войск, что императорская ставка приняла решение эвакуировать свои силы и перебросить их на о-в Бугенвиль. Хотя американцы пытались препятствовать эвакуации, она в целом успешно завершилась ко 2 октября 1943 г.

В конце ноября 1943 г. американцы, собрав самую крупную военную группировку из всех, ранее создававшихся на Тихом океане (13 линкоров, 19 авианосцев, 17 крейсеров, 42 эсминца, 22-тысячный десант и около 1100 самолетов), овладели о-вами Гилберта (атоллами Макин и Тарава), которые обороняли около 5,5 тыс. японцев. Это укрепило позиции союзников в центральной части Тихого океана и обеспечило благоприятные условия для наступления на Маршалловы и Каролинские о-ва.

1943 г. ознаменовался еще одной американской боевой операцией, которая, хоть и была совсем невелика по масштабам, имела

большой резонанс. В середине апреля американской разведке удалось перехватить и расшифровать сообщение, в котором содержались сведения о маршруте и сроках инспекционной поездки командующего Объединенным флотом адмирала Ямамото на о-в Бугенвиль. 18 апреля американские истребители сбили оба самолета, на которых следовал Ямамото со своим штабом. Японцам удалось найти останки своего знаменитого флотоводца, и 5 июня Ямамото был торжественно похоронен в Токио.

Военные действия в Китае

К концу 1941 г. Япония захватила 800 китайских уездов с населением около 215 млн. человек. В руках японцев оказались самые раз-

витые районы страны, главным образом приморские китайские провинции, где находились наиболее крупные города, морские порты и промышленные предприятия, основные железнодорожные магистрали и водные пути.

Оккупированными территориями формально управляли марионеточные власти: в Северо-Восточном Китае — правительство Маньчжоуго во главе с императором Пу И, в Нанкине — прояпонское правительство Ван Цзинвэя, во Внутренней Монголии — правительство князя Дэвана, в Пекине — политический совет Северного Китая во главе с Ван Итаном.

Правительство Чан Кайши сохраняло свою власть в западных районах страны с центром в г. Чунцин. Гоминьдановское командование располагало войсками численностью около 2,6 млн. чел., боеспособность которых была невысокой. Им не хватало подготовленных командных кадров, остро ощущался недостаток боевой техники, почти не было танков и авиации.

В армии Гоминьдана имелись и другие проблемы. Китайские военнослужащие почти не получали довольствия. Главным их занятием стала торговля, так как иначе они не могли бы существовать. Одновременно в китайской армии процветало воровство. Офицеры наживались за счет солдат, которые зачастую голодали. Слаба была дисциплина, особенно в армиях провинций. Их генерал-губернаторы нередко не выполняли боевых приказов Чан Кайши. Кроме того, в главном штабе в Чунцине было сильно влияние прояпонских элементов.

На северо-западе Китая было создано временное (коммунистическое) правительство Пограничного (Особого) района Шэньси-Ганьсу-Нинся. Его местопребыванием стал уездный город Яньань, где размещались ЦК Коммунистической партии Китая (КПК) и военный совет Народной Революционной армии (НРА). Кроме того, на оккупированной японцами территории существовало не-

сколько «освобожденных районов» и партизанских баз, которые контролировали коммунисты. На территории «освобожденных районов» Северного Китая действовала 8-я, а в восточной части Китая — Новая 4-я армия. Их численность (вместе с партизанскими отрядами) к январю 1942 г. достигала 650 тыс. чел., которые были вооружены в основном трофейным стрелковым оружием.

Антияпонская борьба в Китае значительно затруднялась из-за острого соперничества в борьбе за власть между ведущими политическими силами китайского общества — Гоминьданом и КПК, — которое проходило, в том числе, в форме вооруженной борьбы. Японцы активно использовали это обстоятельство, натравливая китайцев друг на друга и укрепляя таким образом собственные позиции.

* * *

После начала войны на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии ограниченный характер военных действий в Китае не изменился. Японское командование, намеревавшееся зимой 1941—весной 1942 г. удерживать линию фронта, сложившуюся к началу декабря 1941 г., провело несколько операций местного значения. Со своей стороны гоминьдановское командование придерживалось стратегии пассивной обороны. При этом, несмотря на формальное провозглашение единого антияпонского национального фронта, продолжалась вооруженная борьба между силами Гоминьдана и коммунистами.

В связи с началом войны правительства США и Великобритании стремились побудить Чан Кайши активизировать боевые действия, чтобы сковать в Китае как можно больше японских сил. Однако способность гоминьдановских войск развернуть активные действия во многом зависела от материальной помощи Соединенных Штатов и, соответственно, от положения в Бирме, через которую осуществлялись военные поставки союзников Китаю.

В начале 1942 г. в Китай был направлен американский генерал Дж. Стиллуэлл, который должен был согласовывать с Чан Кайши вопросы участия китайских войск в операциях в Бирме и в Индии, а также следить за тем, чтобы поступающие из США по ленд-лизу военные материалы расходовались по прямому назначению — для борьбы против Японии. Стиллуэлл стал главным военным советником Чан Кайши, начальником штаба и командующим китайскими экспедиционными войсками в Бирме.

С захватом японцами части бирманско-китайской дороги США и Великобритания потеряли возможность оказывать Чан Кайши эффективную военно-экономическую помощь. Снабжение Китая во-

енными материалами стало осуществлялось воздушным путем через Индию в ограниченных масштабах (в среднем не более 13 тыс. т грузов в месяц).

Под влиянием поражений союзников на начальном этапе войны с Японией среди части генералов гоминьдановской армии усилились капитулянтские настроения, и они стали переходить со своими войсками на сторону нанкинского «правительства» (т.е. японцев). Только с января по апрель 1942 г. к противнику ушли 8 дивизий и 3 отдельные бригады.

В 1942 г. активизировались действия американской авиации с китайских аэродромов. Японская императорская ставка в своей директиве от 30 апреля 1942 г. потребовала от главнокомандующего экспедиционными войсками в Китае маршала Хата Сюнроку в кратчайшие сроки уничтожить аэродромы, находившиеся в провинции Чжэцзян.

**Хата
Сюнроку**

Операция японских войск началась 15 мая. Основные силы японской 13-й армии перешли в наступление из района Ханчжоу. В течение второй половины мая и июня они разгромили противостоявшие им китайские войска и соединились в середине июня с частями японской 11-й армии в Хэнфэне. В результате была захвачена Чжэцзян-Хунаньская железная дорога. Однако затем по приказу верховного командования обе армии (11-я и 13-я) к концу августа вернулись на исходные позиции.

В конце 1942–начале 1943 г. правительство Чан Кайши продолжало придерживаться пассивной линии в ведении войны с Японией и было занято в основном решением внутриполитических проблем: Гоминьдан стремился уменьшить влияние компартии, а также подорвать авторитет нанкинского марионеточного правительства. Что касается боевых действий между японскими и чунцинскими войсками, то они имели ограниченный характер и не оказали существенного влияния на ход войны.

Внешняя политика Японии в период военных успехов

Главными целями японской внешней политики в начальный период войны на Тихом океане было обеспечить благоприятные условия для включения захваченных территорий в состав своей колониальной империи. Для этого предполагалось поддерживать союзные отношения с Германией и Италией и проводить актив-

ную политику в отношении азиатских народов. Никаких попыток вести переговоры по вопросам заключения мира с военными противниками на этом этапе не предпринималось: японцы продолжали надеяться на поражение антифашистской коалиции в Европе и, соответственно, на заключение мира с позиции силы.

Отношения Японии со своими союзниками

В целом японо-германские союзные отношения с началом тихоокеанской войны получили дальнейшее развитие. «Тройственный пакт» был дополнен двумя соглашениями военного характера. Первое из них было заключено 11 декабря 1941 года, в день вступления Германии и Италии в войну с Соединенными Штатами. Япония, Германия и Италия брали обязательство вести войну против США и Великобритании до победы, не заключать сепаратного перемирия или мира без полного взаимного согласия и после победы «тесно сотрудничать в установлении справедливого нового порядка в духе тройственного пакта, заключенного 27 сентября 1940 г.».

Второе соглашение было подписано 18 января 1942 г. Оно касалось разделения зон военных операций как на суше, так и на море. По нему в зону операций и соответственно влияния Японии отходили все территории восточнее 70° восточной долготы, т.е. большинство восточных районов Советского Союза.

Впрочем, реальной коалиционной стратегии выработано не было. Соглашение от 18 января 1942 г. осталось, по существу, лишь декларацией. То же самое можно сказать и о заключенных годом позже (20 января 1943 г.) японо-германских экономических соглашениях. Из-за расширения масштабов военных действий и в целом неблагоприятного их развития для стран оси сообщение между Японией и Германией было крайне затруднено. Реально сотрудничество свелось к обмену разведывательной информацией, предоставлению документации по технологии производства отдельных видов вооружений и т.п. Кроме того, германский и японский генеральные штабы информировали друг друга о ходе военных действий и о планах некоторых операций.

Уже с 1942 г. между Японией и Германией наметились серьезные расхождения, осложнившие их отношения. Они касались перспективы вступления Японии в войну с СССР на стороне Германии.

Вопрос об участии Японии в войне против СССР

После начала тихоокеанской войны политика Японии по отношению к Советскому Союзу продолжала оставаться столь же враждебной, как и раньше. Япон-

ская сторона, не считаясь с советско-японским пактом о нейтралитете, продолжала готовить войну против СССР.

В течение всей зимы 1941/42 г. продолжалась интенсивная подготовка к нападению на советский Дальний Восток весной 1942 г. Однако оно не состоялось. Начало военных действий было отложено на 6 мес., а затем перенесено на весну 1943 г. Такая осторожность была обусловлена поражениями вермахта зимой 1941/42 г. на советско-германском фронте. Разгром гитлеровских армий под Москвой показал, что, несмотря на тяжелые потери первых месяцев войны, боеспособность советских вооруженных сил возросла, и победа Германии уже не казалась предопределенной.

Развитие событий на советско-германском фронте повлияло и на позицию Германии, которая решила активно добиваться вовлечения Японии в войну против СССР. 23 марта 1942 г. германский министр иностранных дел И.Риббентроп в беседе с японским послом в Берлине Ёсима Хироси заметил, что, «если бы в этом году Япония была достаточно сильной, чтобы напасть на Россию, это способствовало бы быстрому и окончательному уничтожению России, учитывая ее все ухудшающееся положение». В ответ германофильски настроенный Ёсима заверил, что «сделает все возможное, чтобы убедить свое правительство предпринять наступление против Владивостока и Восточной Сибири в этом году, так как такой хороший случай больше не представится».

Несмотря на успехи, достигнутые гитлеровскими войсками на восточном фронте в ходе летней кампании 1942 г., японское правительство не торопилось со вступлением в войну против СССР. Поэтому Риббентроп 9 июля 1942 г. вновь встретился с Ёсимой и разъяснил германскую позицию по этому вопросу:

«До сих пор Гитлер считал, что Япония, достигнув таких больших успехов, должна сначала укрепиться на новых территориях, а затем уже осуществить нападение на Россию... Однако сейчас ввиду успешного осуществления военных действий в России... он также принял к выводу, что наступил благоприятный момент для того, чтобы Япония вступила в общую борьбу с Россией в том случае, если она считает себя достаточно сильной. Если Япония стремительным ударом захватит Владивосток, а возможно, и территорию Советского Союза вплоть до озера Байкал, положение русских на обоих фронтах будет необычайно тяжелым. Таким образом конец войны будет предreshen».

Однако 30 июля Ёсима сообщил Риббентропу, что, по мнению Токио, «выступление Японии приведет к чересчур большому распылению сил Японии», вследствие чего правительство «предпола-

гает в сложившейся ситуации ограничиться военными операциями на юге и в Китае». Далее он отметил, что «увеличивающееся давление на США и Великобританию» со стороны Японии способствуе^т «ведению совместной войны».

Такое решение японского правительства было вызвано двумя факторами. Во-первых, летом 1942 г. Япония постепенно начала утрачивать стратегическую инициативу в войне. Сражение у о-ва Мидуэй показало, что японский флот больше не был полным хозяином в Тихом океане. Во-вторых, не меньшую роль сыграло неверие японских правящих кругов в прочность успехов гитлеровских войск на советско-германском фронте.

Надо сказать, что Япония «способствовала ведению совместной войны» не только своим «давлением на США и Великобританию», но и давлением на СССР. Япония продолжала поддерживать численность и высокую боеготовность своих сил (в первую очередь Квантунской армии) в Маньчжурии и Корее. Хотя советское руководство на основании разведывательных данных и аналитической работы дипломатов и специалистов-востоковедов пришло к выводу, что японское нападение отсрочено на неопределенное время, и перебросило часть войск из Сибири и Дальнего Востока на советско-германский фронт, на протяжении всего периода войны с Германией оно было вынуждено считаться с фактором существования мощной японской военной группировки в непосредственной близости от советских границ. Это, безусловно, играло на руку Германии, что отмечалось и ее руководством. Так, Риббентроп в телеграмме в Токио 15 мая 1942 г., в очередной раз призывая японское правительство совершить нападение на Советский Союз, в то же время признал, что «нейтралитет» Японии сам по себе является формой активной помощи Германии в войне против СССР, «поскольку во всяком случае Россия должна держать войска в Восточной Сибири в ожидании русско-японского столкновения».

Тем временем дела у вермахта на восточном фронте шли все хуже и хуже. В конце 1942 г. в связи с тяжелой для немцев обстановкой под Сталинградом руководство Германии усилило попытки вовлечь Японию в войну, но гибель немецкой 6-й армии в Сталинградской битве поставило на этих планах крест. Ждать «благоприятной» ситуации для нападения на СССР стало для Японии бессмысленным. К тому же она к тому времени основательно завязла в оборонительных боях на островах Тихого океана. 6 марта 1943 г. в очередной беседе с Риббентропом Осима заявил:

«Предложение германского правительства о нападении на Россию детально и исчерпывающим образом обсуждалось на совещании японского правительства с императорской ставкой. В результате было принято следующее решение: ...Японское правительство полностью осознает опасность, которая исходит от России, и прекрасно понимает желание своего союзника — Германии, — чтобы Япония также вступила в войну против России. Однако ввиду сложившейся в настоящее время военной обстановки японское правительство не может вступить в войну, оно скорее убеждено в том, что в общих интересах не начинать в настоящее время войны против России. В то же время, японское правительство никогда не будет игнорировать русского вопроса».

Беседы в Берлине. Слева направо: Ёсиаки Хироги, И. фон Риббентроп, посол Италии Д.Альфиери. Сентябрь 1942 г.

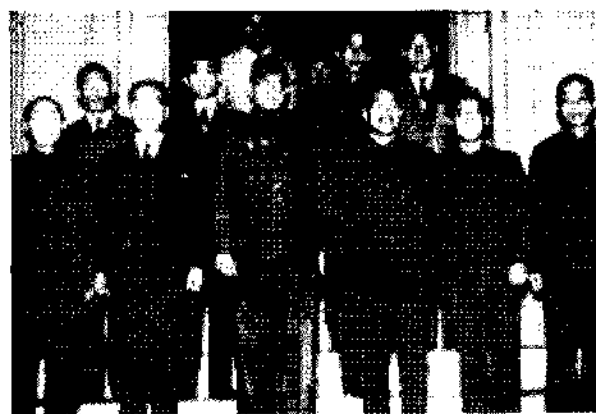
Риббентроп все же попытался еще раз воздействовать на японское правительство. 18 апреля 1943 г. при встрече с Ёсиаки Хироги он заявил, что для Японии «этот год представляет самую удобную возможность напасть на Россию, которая никогда больше не будет такой слабой, какой она является теперь». Однако японские политики и военные к тому времени прекрасно понимали, что решение открыть боевые действия еще на одном фронте стало бы для Японии самоубийственным. Поражение немцев на Курской ду-

ге в июле 1943 г. подвело черту под японскими планами войны против СССР.

Политика Японии в отношении ази- атских народов

Политика Японии в отношении азиатских народов отличалась определенным своеобразием. Японские правящие круги стремились использовать в своих целях националистические и антиколониальные настроения в азиатских странах, и поэтому стремились представить свою агрессию как расовую войну между азиатами и европейцами. Широко пропагандировался лозунг «Азия для азиатов». Была выдвинута доктрина «сферы совместного процветания великой Восточной Азии», свободной от «англо-американского рабства», в которой Японии, разумеется, должна была принадлежать главенствующая роль.

Такая пропаганда отчасти возымела действие. Так, действия японских войск в Бирме в начальный период войны облегчались тем, что японцы пообещали бирманскому народу независимость. В результате вместе с японскими войсками на территорию страны вступила армия независимости Бирмы (АНБ), сформированная из бирманцев в Таиланде. Она была поддержана населением, и в ряды армии стали вступать добровольцы.

Группа участников конференции стран Восточной Азии (ноябрь 1943 года). Третий слева на переднем плане — руководитель «Свободной Индии» Субхас Чандра Бос

Такую же политику японцы проводили и в отношении Индии. Им удалось привлечь на свою сторону видного деятеля индийского национально-освободительного движения Субхаса Чандра Боса, который возглавил т. н. индийскую национальную армию (ИНА), созданную при помощи японцев в Сингапуре из военнопленных и индийцев, проживавших за границей. Когда в 1942 г. Япония готовила вторжение на территорию Индии, эти индийские силы были использованы в антибританской пропагандистской

кампании, а затем и в реальных боевых действиях против союзных войск.

Значительного успеха японская пропаганда добилась в Голландской Индии, где многие поверили в «освободительную» миссию японской армии. В результате вторжение японских войск получило поддержку в виде стихийных народных выступлений против голландских колониальных властей. Точно так же обещание предоставления независимости позволило японцам найти опору в руководстве Национальной партии Филиппин и даже добиться определенной поддержки католической церкви в этой стране.

Несколько иначе действовали японцы в Таиланде, который всегда сохранял свою независимость. С военной точки зрения Таиланд был важным плацдармом для ведения операций в Малайе и Бирме. Поэтому еще за неделю до нападения на Пирл-Харбор Япония в ультимативной форме потребовала от правительства Таиланда дать согласие на проход японских войск через территорию страны. 7 декабря после длительных дебатов японский ультиматум был принят. Фактически Таиланд капитулировал перед Японией.

Вскоре, 21 декабря 1941 г., Япония подписала с Таиландом договор «о союзе». Он формально провозглашал взаимное уважение суверенитета и независимости договаривающихся сторон, оказание друг другу военной, экономической и политической помощи в случае конфликта с третьей державой, отказ обеих сторон от сепаратного заключения перемирия или мира в случае вступления в войну. Договор содержал секретный протокол, касавшийся взаимопомощи обоих государств в войне против США и Великобритании. 25 января 1942 г. правительство Таиланда под давлением Японии объявило войну Великобритании и США.

В дальнейшем японцы поставили задачу создать из своих стран-сателлитов т. н. восточно-азиатский блок, который обеспечил бы полный политический и экономический контроль Японии над захваченными территориями. В его состав должны были войти, помимо Японии, Маньчжоуго, Китай, Индокитай, Таиланд, Малайя, Филиппины и острова Южных морей. Предполагалось, что состав блока в дальнейшем может быть расширен за счет захвата новых территорий. В организационном отношении восточно-азиатский блок был оформлен на конференции стран Восточной Азии (*дайтоа кайги*), состоявшейся 5–6 ноября 1943 г. в Токио.

Особую проблему для Японии представляло вовлечение в ее «сферу совместного процветания» Китая. Одержать полную победу над Чан Кайши никак не удавалось, поэтому японцы сделали

ставку на марионеточное нанкинское правительство Ван Цзинвэя.

С конца 1942 г. Япония начала осуществлять в отношении Китая «новую политику». В Токио рассчитывали, что установление «равноправных» отношений с режимом Ван Цзинвэя может втянуть оккупированную часть Китая в войну на стороне Японии. В дальнейшем японцы надеялись укрепить позиции прояпонской группировки внутри Гоминьдана и добиться заключения сепаратного мира с Китаем и вывода его из войны.

В конце декабря 1942 г. Ван Цзинвэй был приглашен в Токио, где ему устроили официальную встречу как «главе китайского правительства». 9 января 1943 г. нанкинский режим объявил войну США и Великобритании. Японский премьер-министр Тодзё Хидэки в этой связи заявил, что «отношения между Японией и китайским национальным правительством в Нанкине отныне будут строиться на новой, равноправной основе», и сообщил о решении Японии отказаться от своих концессий на оккупированной территории Китая. Однако расчет японцев на то, что таким образом удастся выбить почву из под ног Чан Кайши и побудить его прекратить сопротивление, не оправдался. Война в Китае продолжилась.

* * *

Политика Японии, направленная на создание в Юго-Восточной Азии, странах Южных морей, а также в оккупированной части Китая военного, политического и экономического блока полностью зависимых от нее «государств», в 1942–1943 гг. достигла определенных результатов. Вместе с тем, проводившийся курс на японизацию и экономическое ограбление оккупированных территорий очень быстро рассеяли иллюзии оказавшихся в сфере влияния Японии народов относительно обретенной ими «независимости». Поэтому вскоре Японии пришлось столкнуться с массовым сопротивлением населения захваченных стран, в том числе и в форме партизанского движения.

Закат могущества Японской империи

С начала 1943 г. в японские правящие круги стали терять уверенность в благоприятном для Японии исходе войны. В течение весны и лета 1943 г. происходили дальнейшие изменения в соотношении сил на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. К осени 1943 г. на тихоокеанском театре союзники значительно превосходили японцев в военно-морских силах. Кроме того, последовавшие в 1943 г. новые тяжелые поражения вермахта на со-

ветско-германском фронте, начало стратегического воздушного наступления союзников против Германии, выход Италии из войны осложнили военно-политическое положение Японии. Стало ясно, что перспективы войны как для Японии, так и для ее союзников выглядят достаточно мрачно. Сложившаяся обстановка заставила японскую императорскую ставку переосмыслить свои стратегические установки.

Новая японская стратегическая концепция была утверждена на императорском совещании 30 сентября 1943 г. Вооруженным силам ставилась задача во что бы то ни стало удержать стратегически важную для Японии зону, включавшую в себя Марианские, Каролинские, Курильские острова, о-ва Бонин (Огасавара), западную часть Новой Гвинеи, Зондские о-ва и Бирму. Для дальнейшего ведения войны предполагалось также мобилизовать весь экономический потенциал страны для удовлетворения нужд армии и флота.

Хотя в утвержденном на совещании документе декларировалось намерение в конечном счете захватить инициативу в войне, можно сказать, что в сентябре 1943 г. фактически завершился переход Японии к стратегической обороне. Понимая превосходство противника, японское командование на 1944 г. планировало вести упорную оборону важнейших стратегических позиций, прежде всего островов в центральной части Тихого океана и Филиппин. Оно рассчитывало, втянув американцев в борьбу за бесчисленные острова, нанести им большие потери и воспрепятствовать их дальнейшему продвижению к метрополии.

Операции в центральной части Тихого океана

Сосредоточив крупные силы, союзное командование в конце 1943 г. развернуло наступление на Маршалловы о-ва, закрывавшие доступ к японским базам на о-вах Трук и к Филиппинам. 1 февраля 1944 г. американские войска высадились на острова Кваджалейн (Меньшикова), Рой и Маджуро. Это создало серьезную угрозу для гарнизонов на Каролинских и Марианских о-вах и особенно на о-вах Трук, где базировались основные силы японского Объединенного флота.

Развивая успех, американская десантная группа захватила атолл Эниветок. Оставшиеся в руках японцев атоллы из группы Маршалловых о-вов подвергались непрерывным ударам авиации. Поэтому снабжение их гарнизонов осуществлялось только подводными лодками.

Захват основных японских баз на Маршалловых о-вах вынудил японское командование перебазировать Объединенный флот

с о-вов Трук на о-ва Палау. Это значительно ухудшило положение японских войск на архипелаге Бисмарка и на Новой Гвинее. Американцы же получили новые базы в 3900 км западнее Гавайских о-вов. Создались условия для прорыва японской стратегической оборонительной линии на Тихом океане.

11 июня 1944 г. главные силы 5-го флота США (7 тяжелых и 8 легких авианосцев, 7 линкоров, 21 крейсер и 66 эсминцев) нанесли удары по японским авиабазам на Марианских о-вах. В результате были выведены из строя аэродромы, уничтожены и серьезно повреждены 215 японских самолетов. Это обеспечило американцам господство в воздухе.

Утром 15 июня после мощной артиллерийской и авиационной подготовки американцы высадились на о-в Сайпан. Основные силы американского десанта насчитывали до 70 тыс. чел. К 9 июля им удалось сломить организованное сопротивление японцев. Гарнизон на Сайпане был почти полностью истреблен — из 43,5 тыс. чел. погибла 41 тыс. (потери американцев составили 3,5 тыс. чел. убитыми). Японские командующие предпочли самоубийство сдаче в плен. Среди них был и адмирал Игумо Тэйти, который после потери своего авианосного соединения в сражении у Мидуэя командовал на Сайпане 7-тысячным отрядом военных моряков. Оставшиеся в живых японские военнослужащие, укрывшись в горах, вплоть до середины марта 1945 г. продолжали предпринимать вылазки против американских войск. Бои за Сайпан знаменательны еще и тем, что там американская авиация впервые применила напалм.

Кроме Сайпана крупные американские десанты были высажены на острова Гуам и Тиниан. Как и на Сайпане, их защитники были почти полностью истреблены. Так, на Гуаме японцы потеряли убитыми 18,4 тыс. чел., а пленными — только 1250.

Овладение группой Марианских о-вов позволило американцам создать на них передовые военно-морские базы и аэродромы, с которых их тяжелые бомбардировщики осенью стали совершать налеты на территорию Японии. Кстати, именно с Тиниана годом позже поднялся бомбардировщик Б-29, сбросивший атомную бомбу на Хиросиму.

В сентябре 1944 г. американцы провели десантные операции в обширном Каролинском архипелаге, насчитывающем 936 островов, разбросанных в океане на площади около 2 млн. кв. км. Наиболее крупные из них — о-ва Палау — расположены в западной части архипелага. 15 сентября 1944 г. на них был высажен американский десант общей численностью 48 тыс. чел. Японские вой-

ска понесли тяжелый урон. Из 25 тыс. защитников островов погибли 16 тыс.

Овладение западными Каролинскими о-вами еще на шаг приблизило американцев к японской метрополии. Американский флот мог теперь базироваться на атолл Улити, расположенный более чем в 1800 милях западнее Энтиветока, который до этого был основной передовой базой военно-морских сил США в центральной части Тихого океана. Это облегчило действия американцев в районе Филиппин.

* * *

Одновременно с операциями в центральной части Тихого океана вооруженные силы США вели наступление в юго-западной его части — на Новой Гвинее и других островах. В результате боев за Палау японская авиация в этом районе была практически уничтожена. На Новой Гвинее насчитывалось не более 70 японских боевых самолетов. Лишенные поддержки авиации и флота, японские войска, действовавших в районе Новой Гвинеи, к осени оказались блокированными.

Таким образом, осенью 1944 г. сложилась весьма благоприятная обстановка для высадки американских войск на Филиппины. Овладение ими позволило бы американцам перерезать главную морскую коммуникацию Японии, по которой она получала из Голландской Индии и Бирмы нефть, каучук, олово и другие материалы, крайне необходимые для ведения войны.

Военные действия в Бирме в 1944 г.

Намереваясь удержать Бирму во что бы то ни стало, японское командование решило провести упреждающую операцию (операция «У»), чтобы сорвать предполагаемое наступление союзников. Японцы наметили вторгнуться на территорию Индии и, развивая наступление на запад, перерезать вражеские коммуникации и разрушить аэродромы, обслуживавшие воздушный мост с Китаем.

Японские войска перешли в наступление 8 марта 1944 г. К началу апреля они вышли на Импахальскую равнину и блокировали индийский город Импхал. Создалась непосредственная угроза авиационным базам союзников.

Надеясь использовать в своих интересах антибританские настроения среди индийцев, японцы включили в состав своих сил формирования индийской национальной армии (ИНА) численностью около 7 тыс. чел. Предполагалось, что появление этих войск, а также «национального правительства» на занятой ими территории Индии приведет к восстанию во всей северо-восточной части

страны. Однако эти расчеты не оправдались. Подтянув дополнительные силы, союзникам удалось остановить продвижение японцев. Бои приняли затяжной характер, и японские войска были вынуждены перейти к обороне.

Несмотря на то, что провал Импхальской операции стал очевиден, японское командование тянуло с ее прекращением. Только 10 июля главнокомандующий Южной группой армий Тэраути Хисаити, в подчинении которого находился бирманский фронт, издал приказ об отводе войск. Но это решение было запоздалым. К тому времени британские войска отрезали японской армии удобные пути отхода, вынудив ее отступать по бездорожью.

В сезон муссонных дождей остатки японских войск и дивизии ИНА, побросав оружие и боеприпасы, пробивались по размокшим джунглям. Многие умерли от голода и болезней. Из 100 тыс. чел., участвовавших с японской стороны в Импхальской операции, было убито и вышло из строя свыше 72 тыс. К 19 августа 1944 г. японских войск на территории Индии не осталось.

Союзники также понесли потери. Причем, если в боях было убито и ранено менее 17 тыс. чел., то за полгода действий в горах и джунглях Бирмы и на границе Индии от болезней вышло из строя 288 тыс. чел. В целом же военные действия в Бирме в 1944 году закончились тяжелым поражением японских войск.

Наступление японских войск в Центральном Китае

Терпя неудачи на тихоокеанском театре, японское командование решило добиться стратегического успеха в Китае и превратить эту страну в базу дальнейшего ведения войны. Оно поставило цель разгромить гоминьдановские войска в Центральном и Южном Китае, захватить находившиеся там американские военно-воздушные базы (к июню 1944 г. там было 547 самолетов, в том числе 339 истребителей, 79 средних и 39 тяжелых бомбардировщиков) и обеспечить прямое сообщение по суше между японскими войсками в Китае и в Юго-Восточной Азии.

Активные боевые действия в Центральном Китае начались во второй половине апреля 1944 г. Войска Гоминьдана, превосходя противника по численности, уступали ему в вооружении, были хуже подготовлены и не смогли оказать серьезного сопротивления. В результате в руках японцев оказалась большая часть территории провинции Хэнань и вся железнодорожная линия от Пекина до Ханькоу. Таким образом, они сделали важный шаг к созданию прямых наземных коммуникаций между Китаем и Индокитаем и создали реальную угрозу американским авиабазам.

27 мая японские войска перешли в наступление из района Уханя в южном направлении. В середине июня японцам удалось прорвать оборонительные позиции с фронта и одновременно основными силами обойти китайские войска. Опасаясь окружения, гоминьдановцы стали в беспорядке отходить. 19 июня японские войска вступили в г. Чаншу.

Успехи противника встревожили военного советника Чан Кайши генерала Стилуэлла, который предложил Чан Кайши вступить в переговоры с руководством Коммунистической партии Китая и добиться согласованных действий 8-й и Новой 4-й армий с гоминьдановскими войсками против японцев. Однако Чан Кайши, боясь усиления влияния компартии, отверг это предложение и потребовал от правительства США отозвать Стилуэлла, вместо которого в октябре 1944 г. был прислан генерал А.Ведемейер.

Между тем к концу октября японские войска достигли района Гуйлина. 10 ноября защитники города капитулировали. Вскоре японцы захватили Лючжоу и Наньнин. Путь в Индокитай был открыт.

К концу 1944 г. стратегическая цель японского командования была достигнута — у Японии появилась сквозная сухопутная коммуникация от Пекина до границы с Индокитаем. Это позволяло даже в условиях американского господства на море продолжать вывозить из Юго-Восточной Азии в Японию стратегическое сырье и продовольствие и, в конечном счете, давало шансы японским правящим кругам на затягивание войны. Была решена и другая важная задача — ликвидация части американских авиабаз в Китае.

В ходе операций японских войск в апреле–декабре 1944 г. гоминьдановцы потеряли около 1 млн. чел., 10 крупных авиабаз, 36 аэродромов. Японцы установили контроль почти над всеми китайскими железными дорогами. Все это поставило армию Чан Кайши на грань катастрофы.

И все же японское командование не смогло добиться полного разгрома гоминьдановцев. Поражения на Тихом океане и в Бирме вынудили японцев в конце 1944 г. прекратить крупные наступательные операции в Китае, чтобы привлечь дополнительные силы для обороны метрополии.

Филиппинское морское сражение

Утром 17 октября 1944 г. передовой американский отряд высадился на небольшие острова, расположенные у входа в залив Лейте на Филиппинах. 20 октября после мощной авиационной и артиллерийской подготовки началась высадка на сам о-в Лейте.

Получив сообщение о начале высадки, японское командование решило попытаться разгромить американцев на море. Японский флот должен был действовать тремя группами. Центральная группа под командованием вице-адмирала Курита Такэо (5 линкоров, 12 крейсеров, 15 эсминцев) направилась к проливу Сан-Бернардино, чтобы атаковать американский флот в заливе Лейте с севера. Одновременно южная группа под командованием вице-адмирала Нисимура Сёдзи (2 линкора, крейсер, 4 эсминца) должна была нанести удар с юга. Третьей группе под командованием вице-адмирала Одзава Дзисабурё в составе 4 авианосцев (108 самолетов), 2 линкоров, 3 крейсеров и 8 эсминцев ставилась задача отвлечь американское авианосное соединение от залива Лейте до окончания боя в районе высадки десанта.

В ночь на 23 октября американские подводные лодки обнаружили японскую центральную группу и потопили 2 крейсера, в том числе флагманский корабль. Эта атака стала началом крупнейшего во второй мировой войне Филиппинского морского сражения, в ходе которого были разгромлены главные силы японского Объединенного флота.

Утром 24 октября американские авианосные группы, находившиеся к востоку от Филиппинских о-вов, были атакованы японской авиацией. В результате был сильно поврежден авианосец «Принстон».

В свою очередь, американцы нанесли страшные удары по японскому флоту. Японская южная группа погибла, встретив крупные американские силы (6 линкоров, 8 крейсеров, 28 эсминцев, 39 торпедных катеров): от нее остался только эсmineц. Адмирал Нисимура был убит. Американские самолеты также нанесли удар по центральной группе, после чего летчики доложили, что они потопили множество японских кораблей и вынудили оставшиеся лечь на обратный курс.

На этом основании американское командование решило, что центральная группа японского флота разгромлена. В действительности же она сохранила боеспособность. Когда атаки американской авиации прекратились, вице-адмирал Курита вновь повернул на восток, продолжив выполнение своей задачи. Его корабли ночью 25 октября прошли пролив Сан-Бернардино и направились к заливу Лейте.

Сообщение о ее появлении стало для американцев полной неожиданностью. Сложилась критическая ситуация, так как японцы могли почти беспрепятственно уничтожить эскортные авианосцы, а затем нанести удар по десантным судам.

Однако Курита, в свою очередь, совершил ошибку. Он принял эскортные авианосцы за группу ударных авианосцев американского 3-го флота, в состав которой входили линкоры и крейсеры, и не решился атаковать. Внезапно для американцев японские корабли прекратили огонь и удалились. Выйдя из боя, они в течение нескольких часов маневрировали под ударами американских самолетов, не решаясь следовать к заливу Лейте. Гибель трех крейсеров и повреждение других кораблей окончательно подорвали веру японского адмирала в успех и заставили его отказаться от выполнения своей главной задачи — уничтожения десанта.

В это время командующий третьей, авианосной группой вице-адмирал Одзава, решив, что его задача по отвлечению сил американского флота выполнена, двинулся к берегам Японии. На переходе его корабли были атакованы американскими самолетами и подводными лодками. Погибли 2 эсминца, легкий крейсер и все 4 японских авианосца. Это означало конец японского авианосного флота.

В Филиппинском морском сражении 23–26 октября японцы впервые применили *камикадзе* (летчиков-смертников). Однако это не помогло им добиться успеха.

Подготовка к вторжению на Японские о-ва

К началу 1945 г., несмотря на ожесточенное сопротивление, японские войска не смогли удержаться на назначенных рубежах на островах Тихого океана. Ухудшились их позиции и в Юго-Восточной Азии. Стало очевидным, что союзники вскоре выйдут на ближние подступы к метрополии, а затем предпримут вторжение на Японские о-ва.

Кроме того, развитие военных действий на европейском театре ясно показывало, что нацистская Германия доживает последние месяцы. Япония оказалась перед перспективой остаться один на один со всей военной мощью союзников.

Вместе с тем, под властью Японии все еще находилась огромная территория. Японская армия добилась успеха в Китае, где в результате кампании 1944 г. ей удалось установить сообщение по суше с Индокитаем, а через Малайю — с Сингапуром. Это в известной мере компенсировало утрату контроля над морской коммуникацией Сингапур–Япония, по которой в метрополию поступали стратегически важные материалы и сырье из стран Южных морей.

Поэтому японское руководство не расценивало стратегическую обстановку как безнадежную, и собиралось продолжать сопротивление. 20 января 1945 г. японская императорская ставка

утвердила «Основы оперативного плана императорской армии и военно-морского флота». Новый план исходил из того, что противник попытается высадиться на Японские о-ва, и был направлен на то, чтобы сорвать такую высадку, максимально затянуть войну и избежать безоговорочной капитуляции.

Во исполнение «Основ оперативного плана» в Японии была проведена серия мобилизаций. В итоге к середине августа в метрополии была создана крупная группировка сухопутных войск в составе 58 пехотных, 2 танковых и 8 авиационных дивизий общей численностью почти 2,4 млн. чел. Правда, хотя эти формирования были укомплектованы личным составом, полностью обеспечить их оружием и боевой техникой не удалось.

В 1944 г. японский флот понес настолько большие потери, что восполнить их в обозримые сроки было невозможно. Поэтому в 1945 г. военно-морское командование Японии сделало упор на массовое производство карликовых подводных лодок и специальных катеров, управлявшихся смертниками. Из-за нехватки опытных летчиков ставка на смертников была сделана и в авиации. Поэтому в Японии была развернута широкая пропагандистская кампания по привлечению молодежи в ряды *камикадзе*.

Хотя в начале 1945 г. США и Великобритания считали своей первоочередной задачей завершение разгрома Германии, параллельно они развернули активную подготовку к решительному наступлению на Японию. 29 марта 1945 г. комитет начальников штабов утвердил план под кодовым наименованием «Даунфол», предусматривавший высадку американских войск на Японские о-ва. Ее предполагалось провести в два этапа: сначала, 1 ноября 1945 г., в южной части о-ва Кюсю (операция «Олимпик»), а затем, 1 марта 1946 г., на о-в Хонсю (операция «Коронет»). Завершение военных действий против Японии планировалось на конец 1946 г.

По расчетам американского командования, для выполнения плана «Даунфол» требовалось не менее 5 млн. чел. Весной 1945 г. США имели для ведения войны против Японии 1385 тыс. солдат и офицеров сухопутных войск и 473 тыс. морских пехотинцев. Поэтому после разгрома Германии Соединенные Штаты немедленно приступили к переброске войск из Европы на Тихий океан. К середине августа 1945 г. американское командование успело довести общую численность сухопутных войск под командованием Макартира, ставшего к тому времени

Генерал
Д.Макартур

главнокомандующим всеми силами армии США на Тихом океане, до 1,8 млн. солдат и офицеров.

Таким образом, в 1945 г., несмотря на объективно безнадежное стратегическое положение Японии, война на Тихом океане продолжилась и вступила в особенно ожесточенную и кровопролитную фазу.

* * *

В интересах выполнения плана «Даунфол» в начале 1945 г. вооруженные силы США высадились на крупнейший в Филиппинском архипелаге о-в Лусон, на котором расположена столица Филиппин Манила.

Общее командование американскими силами осуществлял генерал Д.Макартур. Всего в операции по захвату Лусона участвовало около 275 тыс. чел., до 2200 самолетов и около 1000 боевых, транспортных и десантных кораблей. Соотношение сил было в пользу американцев: по численности личного состава сухопутных войск — 1,1:1, по авиации — 5,5:1. На море в районе Филиппин японцам было нечего противопоставить американскому флоту.

9 января 1945 г. американские десантные силы начали высадку в заливе Лингаен. Преодолевая сопротивление японских войск, американцы повели наступление на Манилу и 5 февраля достигли столицы Филиппин.

В течение февраля американские войска вели ожесточенные уличные бои в Маниле. Город сильно пострадал, погибло около 100 тыс. мирных жителей. Только 3 марта остатки 17-тысячного японского гарнизона прекратили сопротивление. До начала марта не сдавался и 5-тысячный гарнизон острова-крепости Коррехидор, расположенного у входа в Манильскую бухту.

После взятия Манилы американцы развернули наступление в южных районах Лусона и к 30 июня фактически овладели всем островом. Потери американцев составили 37,8 тыс. убитыми и ранеными. Японцы, по американским данным, потеряли убитыми 205,5 тыс. чел. К концу июня 1945 г. американцы также практически завершили разгром японских войск и на других островах Филиппинского архипелага, где в марте–апреле они высадили 38 десантов, в основном небольших.

5 июля штаб Макарура официально объявил о том, что операции на Филиппинах закончены. Вооруженные силы союзников приобрели новый стратегический плацдарм для дальнейших действий против Японии. С аэродромов и военно-морских баз, созданных на Лусоне, Тавитави и других островах, флот и авиация могли наносить эффективные удары по японским коммуникациям

в Южно-Китайском море, у берегов Индокитая и Малайи и поддерживать свои войска, действовавшие в юго-западной части Тихого океана.

Еще в ходе боев за Филиппины американское командование наметило захват о-ва Иводзима, входящий в группу о-вов Волкано архипелага Нампо. Такой интерес к небольшому (площадью 20,3 кв. км) острову объяснялся тем, что он расположен на расстоянии 1200 км от Токио и пригоден для базирования авиации. К тому времени американцы совершали налеты на японскую метрополию с Марианских о-вов (Сайпан, Гуам, Тиниан), которые отстояли от Японии более чем на 2,5 тыс. км. Даже для тяжелых бомбардировщиков В-29 это был почти предельный радиус действия, и поэтому они несли неполную бомбовую нагрузку. Кроме того, В-29 приходилось действовать без истребителей сопровождения. С захватом Иводзимы американцы получили бы передовые аэродромы, с которых могли более эффективно и с меньшими потерями действовать против Японии.

Адмирал
Р. Спруэнс

Для захвата Иводзимы американское командование выделило крупные силы: 111,3 тыс. чел., 1522 самолета и более 680 боевых, транспортных и десантных кораблей. Американские войска имели почти пятикратное превосходство в людях и абсолютное — в самолетах и кораблях. Общее руководство десантной операцией осуществлял адмирал Ч. Нимиц, а непосредственное командование — адмирал Р. Спруэнс.

Утром 19 февраля 1945 г. началась высадка десанта. Организованное сопротивление японцев удалось сломить лишь к 16 марта, но стычки на острове продолжались еще 10 дней. 26 марта 300 японцев предприняли последнюю контратаку, в которой были почти все уничтожены. За 36 дней боев на Иводзиме была взята в плен всего 1 тыс. японских солдат и офицеров, остальные 22 тыс. погибли.

После захвата Иводзимы американцы разместили там истребители дальнего сопровождения П-51 «Мустанг», которые стали прикрывать бомбардировщики во время налетов на Японию.

Битва за Окинаву Последней и самой крупной десантной операцией американских вооруженных сил в ходе второй мировой войны была операция «Айсберг» по захвату о-ва Окинава. По своим масштабам она уступала только операции «Оверлорд» (высадка в Нормандии).

Окинава рассматривалась американским командованием как база для развертывания военных действий на территории собственно Японии. Чтобы овладеть довольно большим (1254 кв. км) и населенным (445 тыс. чел.) островом, к тому же расположенным относительно близко (на расстоянии около 600 км) к военно-морским и военно-воздушным базам главных островов Японии, американское командование выделило огромные силы. В общей сложности в боях за Окинаву приняли участие свыше 2400 самолетов, более 1500 боевых кораблей, десантных и вспомогательных судов, в том числе 59 ударных и эскортных авианосцев, 22 линкора, 36 крейсеров и более 140 эскадренных и эскортных миноносцев. Общая численность личного состава сухопутных войск, флота и морской пехоты составляла около 550 тыс. чел., причем непосредственно в состав десанта было включено 183 тыс. Общее руководство операцией осуществлял адмирал Ч.Нимиц.

Адмирал
Ч.Нимиц

Этим силам противостояли 77 тыс. солдат и офицеров японской армии и около 10 тыс. военных моряков — личный состав во-

Японские взрывающиеся катера

енно-морской базы. Кроме того в ходе боев японское командование пополняло свои силы за счет мобилизации населения. На острове имелось 5 аэродромов, на которых базировалось 250 самолетов. Предполагалось также использовать авиацию с о-ва Тайвань (420 самолетов, из них 220 смертников-камикадзэ), из метрополии —

(550 самолетов, из них 330 *камикадзэ*) и несколько сот самолетов военно-морского флота. Особые надежды возлагались на *камикадзэ*, с помощью которых японское командование рассчитывало уничтожить крупные американские корабли и таким образом лишить десант авиационной и артиллерийской поддержки. Из военных кораблей на Окинаве имелись отряд торпедных катеров, группа карликовых подводных лодок и около 700 специальных катеров, управлявшихся смертниками.

За несколько дней до высадки американцы провели массированные бомбардировки оборонительных сооружений и аэродромов Окинавы, совершив до начала операции 3 тыс. самолето-вылетов. В результате к 29 марта японская авиация на Окинаве была почти полностью уничтожена. Японцы также потеряли половину специальных катеров.

Утром 1 апреля 1945 г. американские войска начали высадку. Уже через 3 часа были заняты аэродромы Ёнтан и Кадэна. К наступлению темноты на берегу сосредоточилось около 50 тыс. чел. и большое количество танков и артиллерии.

Японское командование попыталось нанести удар по десанту, послав эскадру в составе линкора «Ямато» (самого крупного в мире), легкого крейсера и восьми эсминцев. Корабли следовали без авиационного прикрытия. 6 апреля, уже через 2 часа после выхода с базы Токуяма на о-ве Хонсю, они были обнаружены американскими подводными лодками, и на следующий день их атаковали почти 400 самолетов. В «Ямато» попало 10 торпед и 5 бомб, он опрокинулся и затонул. Были потоплены также крейсер и 4 эсминца. Погибло около 3700 японских моряков (в т.ч. на «Ямато» — 2498). Американцы потеряли 10 самолетов.

Линкор «Ямато»

Гибель «Ямато» фактически означала конец некогда могучего японского флота. После войны бывший командующий Объединенным флотом адмирал Тоёда Соэму говорил, что у него не было иллюзий относительно судьбы линкора, и поэтому в целях экономии дефицитного горючего «Ямато» был заправлен топливом только в один конец. Все же японцы рассчитывали, что бывший флагман адмирала Ямамото сумеет нанести американскому флоту

тяжелые потери. Однако он даже не сумел дойти до места предполагаемого морского сражения.

К 12 апреля завершилась высадка всех эшелонов десанта, и численность американских войск на острове достигла расчетной цифры (183 тыс. чел.). Но к этому времени американцы достигли главной полосы японской обороны, преодоление которой заняло у них больше месяца. В связи с серьезными потерями американскому командованию пришлось неоднократно проводить пополнение и замену своих частей.

Только в ночь на 14 мая американские войска смогли вклиниться в японскую оборону. В ходе дальнейших боев, с 15 по 31 мая, американцы захватили основные опорные пункты японцев, в том числе столицу Окинавы г. Наха.

Однако боевые действия на острове на этом не закончились. Борьба продолжалась до 22 июня, когда японские войска прекратили организованное сопротивление. 23 июня японский командующий генерал Усидзима Мицуру, не пожелав сдаться в плен, совершил ритуальное самоубийство *сэппуку* (харакири). 2 июля американское командование официально объявило об окончании боевых действий на о-вах Рюкю, хотя и после этого отдельные группы японцев еще долгое время не складывали оружия.

Генерал Макартур назвал битву за Окинаву самым тяжелым сражением за всю войну на Тихом океане. Особенно трудной оказалась борьба с *камикадзе*. В период боев на Окинаве они, действуя с баз на территории Японии, совершили 10 массированных налетов на корабли американского флота (в одном из них участвовало 355 самолетов). Атаки *камикадзе* вызывали страх у американских моряков, и для поддержания морального духа своих войск американское командование долгое время запрещало любые публичные сообщения об их действиях.

Потери американских вооруженных сил составили 49,1 тыс. чел., из них 12,5 тыс. убитыми (погиб и командовавший войсками десанта генерал С.Бакнер). Было потоплено 33 и повреждено 370 кораблей и вспомогательных судов (большинство — в результате атак с воздуха). Авиация потеряла более 1 тыс. самолетов. С японской стороны в ходе боев за Окинаву было убито около 100 тыс. солдат и офицеров и 7,8 тыс. взято в плен, потеряно свыше 4200 самолетов, потоплено 16 кораблей и судов, в том числе линкор, легкий крейсер и 4 эсминца. Меньшие потери японского флота объяснялись его малочисленностью — он был уничтожен практически полностью. Во время боев погибло также примерно 10% населения острова.

В результате битвы за Окинаву американское командование добилось своей стратегической цели — был создан плацдарм для вторжения на Японские о-ва. Еще в начале мая 1945 г. на Окинаву и другие острова архипелага Рюкю начала перебазироваться американская авиация, что позволило резко расширить масштабы воздушного наступления против Японии.

Воздушное наступление на Японию

В начале войны японское командование было уверено, что массированные воздушные налеты на Японию невозможны, и не уделяло большого внимания организации противовоздушной обороны. И действительно, до осени 1944 г. города Японии не подвергались авиационным ударам, если не считать демонстративной бомбардировки Токио 18 апреля 1942 г. и нескольких налетов на северную часть о-ва Кюсю с американских аэродромов в Центральном и Южном Китае.

Захват американцами Марианских о-вов летом 1944 г. принципиально изменил ситуацию. Япония оказалась в пределах досягаемости американской стратегической авиации. На островах Сайпан, Гуам и Тиниан было построено несколько крупных аэродромов, и удары по Японии стали регулярными.

Весна 1945 г. стала поворотным пунктом в воздушной войне против Японии. Если в 1942–1944 гг. американская авиация провела 76 налетов, в которых приняли участие 2079 самолетов, то только в марте 1945 г. она бомбила японские города 91 раз, а число участвовавших самолетов составило 3509.

Япония оказалась совершенно неподготовленной к отражению налетов американской авиации. Ее противовоздушная оборона не имела достаточного количества зенитных орудий, средств обнаружения и оповещения. Когда число объектов бомбардировок расширилось, служба ПВО вообще оказалась беспомощной. Так, американские самолеты часто вели бомбометание со средних высот (порядка 2 тыс. м), почти не встречая противодействия со стороны зенитной артиллерии.

Очень слабой была и организация гражданской обороны. В городах почти полностью отсутствовали бомбоубежища для населения. Поэтому единственным средством уменьшения потерь среди мирных жителей от бомбардировок стала массовая эвакуация, которая дезорганизовала экономику и транспорт. Число эвакуированных достигло 8,3 млн. чел.

Тем временем американцы стали прибегать к тактике воздушного террора. Если раньше целью воздушных налетов были, как правило, военные объекты, по которым старались нанести при-

цельный удар, то с марта 1945 г. бомбардировки все чаще велись по площадям.

Налеты проводились как правило ночью, причем широко использовались зажигательные бомбы. Поскольку японские города плотно застроены деревянными домами (каменные здания составляли не более 10%), то на земле немедленно возникали катастрофические пожары. Результатом было огромное число жертв среди населения. Только во время налета в ночь на 10 марта 1945 г. в Токио погибло свыше 83 тыс. чел.

За время войны в Японии американскими бомбардировками было разрушено 98 городов, причем в 72 из них не было никаких военных объектов. Пожары уничтожили 50% домов в районе Токио–Йокогама, 52% — в Нагоя и 57% — в Осака. Всего было уничтожено 2210 тыс. домов, что составляло 1/4 жилого фонда страны. Осталось без крова 9,2 млн. чел. (12% населения).

Вместе с тем, американцам не удалось нанести японской военной промышленности смертельный удар с воздуха. Хотя индекс военного производства (1941 г.=100) снизился с 291,9 в январе 1945 г. до 156,6 в июле, главными факторами кризиса военной экономики Японии были не бомбардировки, а нарушение снабжения стратегическим сырьем и топливом из-за морской блокады и недостаток квалифицированной рабочей силы, вызванный мобилизацией в армию.

Борьба на морских коммуникациях

Зависимость Японии от ввоза стратегического сырья всегда была ее уязвимой стороной. С захватом многочисленных территорий у нее появилась необходимость защищать коммуникации на огромном пространстве от Алеутских о-вов до Новой Гвинеи и Голландской Индии.

Япония производила перевозки войск, военных материалов и стратегического сырья по океанским линиям общей протяженностью свыше 40 тыс. км. Наибольшее значение имели коммуникации с базами в юго-западной части Тихого океана, и линии доставки в метрополию стратегического сырья из Китая, Индокитая, Филиппин, Голландской Индии.

В отличие от союзников, которые, учитывая опыт борьбы в Атлантике, придавали важное значение мерам по защите своих и нарушению вражеских коммуникаций, военно-морское командование Японии полагало, что уничтожение флота противника само по себе позволит достичь этих целей.

Опыт первого года войны, казалось, подтвердил правильность такого подхода: японцам временно удалось завоевать господство

на море и нанести серьезный ущерб судоходству союзных и нейтральных стран. За первые 13 мес. войны они потопили 665 судов водоизмещением свыше 1,7 млн. т и потеряли 209 судов водоизмещением 846 тыс. т. С учетом пополнения своего флота Япония фактически стала располагать даже несколько большим торговым тоннажем, чем в начале войны.

Однако уже в 1943 г. стал очевиден сделанный просчет: потери торгового флота Японии составили 1803 тыс. т. Японская судостроительная промышленность смогла восполнить лишь 62% потерь. В 1944 г. положение стало еще хуже — тоннаж вновь построенных транспортов составил около 36% потерянных.

В ноябре 1943 г. в Японии для защиты океанских коммуникаций был создан Объединенный эскортный флот. Несмотря на громкое название, он был весьма слаб и так и не смог обеспечить защиту японского судоходства. Его корабли и самолеты были в основном устаревшими, недостаточно оснащенными гидроакустическими и магнитными приборами для поиска подводных лодок, не имели радиолокаторов.

К началу 1944 г. в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и в западной части Тихого океана одновременно действовало 30–35 американских подводных лодок. С захватом Маршалловых о-вов их базы на 2300 км приблизились к основным японским коммуникациям, что намного увеличило время пребывания на боевых позициях. Из-за слабости японской противолодочной обороны потери американцев были невелики. С декабря 1943 г. по май 1944 г. США потеряли на Тихом океане всего 6 лодок, в то время как Япония — 26.

Одновременно американская авиация, получив новые аэродромы на захваченных к тому времени островах, стала наносить удары по судам противника в районах Борнео, Целебеса и южной части Филиппин. Это привело к таким потерям в японском транспортном флоте, что японское командование было вынуждено использовать для снабжения островных гарнизонов подводные лодки.

Целью №1 для американских подводных лодок и авиации были японские танкеры. За первое полугодие 1944 г. их было уничтожено 43. В результате ввоз нефти в Японию в мае 1944 г. по сравнению с январем сократился с 1 млн. до 600 тыс. баррелей.

С мая 1943 г. по май 1944 г. тоннаж торгового флота Японии упал с 5630 тыс. до 4308 тыс. т. В 1944 г. ввоз стратегического сырья и продовольствия в метрополию уменьшился до 10,1 млн. т (в 1943 г. — 16,4 млн. т). В Японии таяли стратегические запасы нефти, цветных металлов, угля, каучука, бокситов.

Япония, со своей стороны, не смогла создать угроз коммуникациям союзников. Океанские перевозки США через Тихий океан к районам боевых действий и вдоль тихоокеанского побережья Америки осуществлялись практически беспрепятственно. В июне–сентябре 1944 г. японским подводным лодкам не удалось потопить ни одного боевого корабля или судна союзников в Тихом океане. За октябрь–декабрь они уничтожили 2 эсминца, танкер и 2 торговых судна. Столь скверные результаты объяснялись тем, что большинство японских лодок не имели радиолокаторов и не могли своевременно обнаруживать противника.

В 1945 г. Япония продолжала расплачиваться за прежние ошибки в организации защиты своих коммуникаций. За 7 месяцев 1945 г. японский торговый флот смог обеспечить доставку 2743 тыс. т различных грузов, т.е. в 3,7 раза меньше, чем за 1944 год. За тот же период японцы построили 473 тыс. т торгового тоннажа, сумев восстановить лишь 1/3 потопленного.

Военная экономика Японии

Война стоила Японии колоссального напряжения всех видов ресурсов — финансовых, производственных, людских. Приоритетным направлением экономического развития стала военная промышленность, а функционирование всех других сфер хозяйства во все большей степени ориентировалось на обслуживание нужд армии и флота. Война также поставила на повестку дня вопрос о создании механизма государственного регулирования экономики, адекватного требованиям военного времени.

Бюджетно-финансовая политика

Разумеется, и во время войны главным рычагом государственного регулирования оставался бюджет. Через него государство аккумулировало существенную часть национального дохода страны и направляло полученные средства на военные нужды, выступая на рынке как предъявитель огромного спроса на продукцию военного назначения, что обеспечивало чрезвычайно выгодные условия контрактов. За 1936/37–1945/46 фин. гг. государственные расходы Японии выросли с 2,3 млрд. до 103,8 млрд. иен и в целом составили 293,1 млрд. иен. Из них на войну было израсходовано 221,9 млрд. иен (75,7%).

Пропорционально росту государственных расходов нарастали и размеры бюджетного дефицита — с 0,6 млрд. иен в 1936/37 до 75,6 млрд. в 1945/46 фин. гг. Покрытие дефицита осуществлялось главным образом за счет внутренних займов, и к концу вой-

ны размеры государственного долга достигли астрономической суммы 113,4 млрд. иен. При этом использовалась практика принудительного размещения облигаций государственных займов. Так, в первые месяцы войны Банк Японии принял решение осуществлять кредитование коммерческих банков только в том случае, если они приобретают определенное количество государственных облигаций. Дважды в месяц представители 45 крупнейших банков страны приглашались в Банк Японии, где они получали задания по покупке облигаций. Регулярное приобретение государственных облигаций было вменено в обязанность и всем прочим финансовым институтам (сберегательным банкам, местным коммерческим банкам, трастовым и страховым компаниям).

Правительство стремилось сделать облигации полнокровным финансовым инструментом; хотя их свободная продажа была запрещена, они принимались в качестве залога под ссуды. Кроме того, Банк Японии при выдаче кредитов предоставлял владельцам облигаций определенные льготы (снижение процента, увеличение сроков кредита и т.д.).

Около 30% всех выпущенных во время войны облигаций было размещено в системе почтовых сбережений министерства финансов, где хранили деньги наименее состоятельные граждане. Во время войны была введена система принудительных сбережений, по которой рабочие и служащие были обязаны помещать определенную часть своих доходов на счета почтово-сберегательных касс. Так, в 1943 г. на них в принудительном порядке было переведено около 2/3 годовых бонусов рабочих и служащих промышленных компаний.

Одновременно значительно усилилось и налоговое бремя, причем основная его тяжесть легла на плечи рядовых граждан, так как в отношении компаний в период войны действовала разветвленная система всевозможных налоговых освобождений, льгот, скидок и т.д. Среднедушевая сумма налоговых сборов выросла с 26,5 иен в 1935 г. до 85,3 иен в 1941 г. и 201,6 иены в 1944 г. В 1944/45 фин. г. налоги увеличились на 2,9 млрд. иен и составили 13,7 млрд. иен. В то же время из-за резкого роста объемов государственных займов доля налоговых поступлений в доходной части бюджета снизилась с 58% в 1936/37 фин. г. до 26% в 1943/44 фин. г.

Государственное регулирование экономики

Другими ее составляющими были государственное пред-

Бюджет был лишь частью сложившейся в военные годы системы государственного регулирования экономики.

принимательство, кредитно-финансовое регулирование и прямое административное вмешательство государственных органов в деятельность частного сектора.

В годы войны размеры государственной собственности увеличились незначительно, и доля его в совокупном предпринимательском капитале страны составляла около 20%. В собственности государства по-прежнему находилась большая часть железных дорог, авиатранспорта, средств связи, около половины парка судов и автомобилей, а также несколько крупных предприятий и военные арсеналы. В то же время специфические условия военного времени породили различные формы смешанных государственно-частных компаний, где государству принадлежала лишь часть капитала, но деятельность которых находилась под жестким правительственным контролем.

В целом эту группу предприятий можно разделить на две категории: государственно-частные компании, в которых существенная, а иногда и львиная доля капитала принадлежала государству; и частно-государственные компании, в капитале которых государство имело незначительную (часто символическую) долю, но которые были созданы по инициативе правительства и находились под его покровительством и контролем. Среди предприятий первой категории наиболее известным был металлургический комбинат «Нихон сэйтэцу», созданный еще в довоенные годы. Среди предприятий второй категории можно назвать железнодорожную компанию «Нихон дзун», компанию по производству жидкого топлива «Тэйкоку нэнрё», компанию международной электросвязи «Кокусай дэнки цусин» и т.д.

Наконец, во время войны в Японии возникла и такая уникальная форма предпринимательства, когда при сохранении права собственности на капитал за частными владельцами права управления компанией передавались государству (по принципу «частная собственность — общественное управление»). Именно на таких условиях под государственное управление были переданы частные авиастроительные компании «Накадзима хикёки» и «Каваниси какёки», а также частная электроэнергетическая компания «Нихон хассёдэн», созданная по инициативе правительства путем объединения почти всех компаний, занятых в производстве электроэнергии.

Частные или полугосударственные компании, находившиеся под правительственным контролем (получившие название «компании государственной политики»), пользовались значительными привилегиями, которые предоставлялись им в качестве компенса-

ции за утраченную независимость. Прежде всего, они освобождались от всех государственных и большей части местных налогов и пользовались приоритетом при получении государственных субсидий. Кроме того, правительство гарантировало их акционерам определенный уровень прибыли и дивидендов (при этом в смешанных компаниях государство отказывалось от своей части прибыли на капитал, чтобы обеспечить более высокую прибыль частным владельцам). Наконец, этим компаниям предоставлялись исключительно благоприятные условия кредитования и право выпуска собственных облигаций (под гарантии правительства) на сумму, в 10–15 раз превышавшую размеры их собственного капитала.

К началу войны на Тихом океане в Японии и ее колониях насчитывалось уже более 100 «компаний государственной политики», причем большинство из них были созданы в отраслях, имевших важное военно-стратегическое значение (разработка ресурсов, инфраструктура, энергетика, тяжелая промышленность).

Однако наибольшая часть экономики в течение всего военного периода оставалась в частных руках и вне сферы прямого государственного контроля. Для использования ее потенциала для решения военно-стратегических задач государство использовало широкий набор средств кредитно-фискальной политики, а в определенные моменты — и жесткое административное регулирование.

Для облегчения государственного контроля над частным сектором было проведено объединение предприятий с тем, чтобы государство имело дело не с каждым предприятием в отдельности, а с их объединениями или ассоциациями. Еще в марте 1938 г. был принят закон о всеобщей мобилизации, в котором, помимо прочего, шла речь о создании объединений предприятий и оговаривалось право правительства на вмешательство в этот процесс. Всего к 1941 г. было создано более 20 тыс. всевозможных промышленных, торговых и иных объединений. Некоторые из них возникли на базе старых картелей, другие были образованы заново.

Дальнейшим шагом в упорядочении этой системы стал выход в августе 1941 г. императорского указа, вводившего в действие закон об ассоциациях в главных отраслях промышленности. В соответствии с ним в 18 ведущих отраслях должны были быть созданы «контрольные ассоциации» и «контрольные союзы». «Контрольные ассоциации» объединяли в масштабах отрасли все крупные предприятия, а «контрольные союзы» — мелкие и средние. С 1943 г. все «контрольные союзы» должны были объединиться в единый отраслевой союз и перейти в подчинение соответствующей отраслевой «контрольной ассоциации».

Ключевые посты в «контрольных ассоциациях» заняли представители *дзайбацу*. К февралю 1943 г. было создано 22 «контрольных ассоциации», которые возглавили директора крупнейших промышленных компаний и торговых фирм.

Контрольные органы были созданы и в сельском хозяйстве (в 1943 г. здесь действовало уже 50 «контрольных компаний» и 100 «контрольных союзов»), и в сферах торговли и финансов.

Все эти организации представляли собой органы частномонополистического регулирования, находившиеся в подчинении соответствующих министерств и ведомств и действовавшие в тесном контакте с ними. Руководство ими со стороны правительственных учреждений сводилось к постановке конкретных задач (например, достижение определенных объемов производства тех или иных видов продукции), а вопросы квотирования производства, распределения сырья, оборудования, выдачи лицензий на новые капиталовложения, организации сбыта продукции и т. д. находились в ведении самих ассоциаций и союзов.

Такая система регулирования частнопредпринимательского сектора сохранялась до 1943 г. Однако эскалация военных действий потребовала ужесточения государственного контроля над экономикой. В начале 1943 г. были изданы императорские указы об особых правах правительства в военное время, в марте были назначены 7 советников правительства в ранге министра, которыми стали представители крупнейших военно-промышленных корпораций. Совместно с кабинетом министров они составили высший экономический совет, имевший право давать рекомендации премьер-министру в отношении руководства военной экономикой. Наконец, в сентябре 1943 г. было создано министерство вооружений с чрезвычайно широкими полномочиями.

С его образованием роль «контрольных ассоциаций» и «союзов» в ведущих отраслях промышленности существенно уменьшилась. В их ведении осталась лишь 1/3 предприятий этих отраслей, а основная часть перешла в непосредственное подчинение министерству вооружений. В январе 1944 г. были подчинены министерству вооружений и стали получать государственное финансирование 150 компаний, связанные преимущественно с самолетостроением, а в апреле — еще 424 компании. На их предприятиях была введена военная дисциплина, многие фабрики и заводы переведены на круглосуточную работу.

Логическим продолжением усиления государственного контроля стало принятие на последнем этапе войны (в конце 1944 г.) закона о компаниях по производству вооружений и введение на

его основании системы «выделенных компаний». К февралю 1945 года в эту категорию вошли 677 компаний, в том числе все авиастроительные предприятия, а также крупнейшие компании в угольной промышленности, в производстве цветных металлов, черной металлургии и судостроения. Все они пользовались приоритетом в обеспечении сырьем, оборудованием и рабочей силой. Правительство приняло также на себя обязательство компенсировать их владельцам все убытки, связанные с бомбардировками или эвакуацией предприятий, и гарантировало им получение твердых дивидендов (не менее 5%) независимо от реальных результатов деятельности.

Для обеспечения этих компаний необходимыми финансовыми средствами было издано распоряжение о выделении специальных банков, осуществлявших их приоритетное финансирование. В начале 1945 г. таких банков насчитывалось 57. В эту категорию вошли головные банки *дайбацу* и крупнейшие из местных коммерческих банков. В последние месяцы войны через них проходило 70–80% всех кредитных ресурсов страны, львиная доля которых предоставлялась «выделенным компаниям».

Перевод экономики на военные рельсы потребовал и вмешательства государства в святая святых рыночного механизма — процесс ценообразования — для создания такой системы цен, которая делала бы выгодными, высокоприбыльными военное и связанные с ним производства.

Вначале была сделана попытка организовать «добровольные соглашения» между производителями определенных товаров о поддержании цен на заданном уровне. Поскольку эта попытка провалилась, в 1938 г. было решено создать центральный комитет по ценам (с подчиненными ему местными комитетами), в задачу которых входило установление максимального уровня цен на более чем тысячу основных товаров. Решения комитета имели силу закона, а контроль за их исполнением возлагался на экономическую полицию и инспекторов по ценам.

Однако быстрый рост цен на товары, оставшиеся вне контроля, вынудил правительство принять чрезвычайные меры. В октябре 1939 г. был издан указ, по которому цены на все товары, а также арендная плата, плата за фрахт и заработная плата фиксировались на уровне, существовавшем на день публикации указа, и могли быть повышены только с разрешения государственных органов.

Введение этих мер вызвало огромный рост спекуляции и возникновение «черного рынка», что подтолкнуло правительство к следующему шагу — введению системы rationирования. В пер-

вую очередь она коснулась сырья и полуфабрикатов, использовавшихся для производства вооружений и промышленного оборудования. Затем было введено rationирование основных предметов потребления, а в 1940 г. был завершен перевод населения на карточное снабжение.

Однако ни государственный контроль над ценами, ни попытки удержать их путем щедрого субсидирования предприятий не смогли предотвратить их быстрого роста, и под давлением рыночных сил само государство вынуждено было периодически пересматривать их уровень. Дело в том, что в военные годы под обеспечение государственных облигаций резко увеличились масштабы денежной эмиссии: общая сумма денег в обращении возросла с 1400 млн. иен в июле 1937 г. до 5934 млн. иен в конце 1941 г. и 26200 млн. иен в июне 1945 г. Поскольку увеличение масштабов эмиссии происходило при одновременном сокращении производства в гражданских отраслях, с первых же лет войны в стране началась инфляция. В результате по сравнению с 1936 г. индекс оптовых цен к 1941 г. поднялся до 184, а розничных цен — до 204; в 1944 г. эти показатели составляли уже, соответственно, 325 и 390.

Японская промышленность в годы войны

Благодаря жесткому и всеобъемлющему контролю над экономикой японскому государству удалось сосредоточить значительную часть национальных ресурсов в отраслях, прямо или косвенно обслуживавших нужды армии и флота, и на протяжении почти всего периода военных действий поддерживать военный потенциал страны на достаточно высоком уровне. Однако обратной стороной такой политики стало крайне неравномерное и однобокое хозяйственное развитие, перекосы в отраслевой структуре (раздутые мощности военной промышленности и сократившиеся производственные возможности гражданских отраслей, резкий рост доли тяжелой промышленности и сокращение доли легкой), нарушение нормальных пропорций между потреблением и накоплением, приведшее к резкому снижению жизненного уровня населения, деградация ряда важнейших отраслей народного хозяйства.

Наиболее яркий пример такого рода явила текстильная промышленность. Вмешательство государства в ее развитие началось с первых же лет войны. На первых этапах оно ограничивалось распоряжениями об обязательном примешивании к пряже искусственных волокон (30% от общего объема) при производстве тканей для внутреннего рынка, введением некоторых ограничений на импорт сырья и экспорт готовой продукции. Однако со второй по-

ловины 1941 г. начала осуществляться программа насильственной концентрации текстильного производства, перепрофилирование предприятий, массовое их закрытие и уничтожение основных фондов. В результате к середине 1943 г. были закрыты почти все мелкие и средние предприятия, а из крупных продолжали действовать лишь около 30%. С 1942 г. началось массовое уничтожение прядильных и ткацких станков, которые превращались в лом для металлургической промышленности. К концу войны из 13782 тыс. веретен осталось лишь 2713 тыс. (около 20%), а из 338,5 тыс. ткацких станков — лишь 109 тыс. (около 1/3).

Похожей была судьба и другой крупнейшей отрасли — химической промышленности. Поскольку в годы, предшествовавшие войне, она развивалась очень быстро, имевшихся мощностей с лихвой хватало на удовлетворение потребностей армии и флота во взрывчатых и отравляющих веществах и в ряде других продуктов. В то же время спрос на продукцию отрасли со стороны гражданских отраслей и населения резко уменьшился. В результате произошло обвальное снижение объемов выпуска всех основных видов химической продукции. Так, производство искусственного шелка сократилось в 15 раз, штапельных волокон — в 2 раза, сульфата аммония — в 2,4 раза, каустической соды — в 2,6 раза.

Характерно, что даже в отраслях, выделенных с самого начала войны в разряд приоритетных (к ним были отнесены угольная промышленность, черная металлургия, производство цветных металлов, самолетостроение и судостроение) дела обстояли отнюдь не лучшим образом. Из 5 приоритетных отраслей лишь 2 — производство цветных металлов и самолетостроение — развивались очень успешно: выпуск самолетов за 1937–1944 гг. увеличился с 2,7 тыс. до 28,4 тыс. в год (в 10,5 раз); производство алюминия возросло с 14 тыс. т в 1937 г. до 141 тыс. т в 1943 г. (в 1944 г. оно снизилось до 110,4 тыс. т, так как основные поставщики в Японию бокситов — страны Южных морей — оказались отрезанными от нее); производство магния увеличилось с 232 т в 1935 г. до 4800 т в 1944 г.

Что касается судостроения, то несмотря на обильные субсидии, освобождение от налогов, льготное финансирование и прочие меры поддержки до 1943 г. производство находилось в стагнации: в 1937 г. на воду было спущено судов общим водоизмещением 451 тыс. т, а в 1942 г. — 424 тыс. т. И только с 1943 г., когда стало очевидно, что потери японского флота достигли катастрофических масштабов, началось быстрое наращивание объемов выпуска (до 1124 тыс. т в 1943 г. и 1584 тыс. т в 1944 г.).

На протяжении всего военного периода довольно сложным оставалось положение в черной металлургии и угольной промышленности. Несмотря на огромные субсидии (на производство специальных сталей, на проведение НИОКР, за использование руд с низким содержанием металла и т.д.), монопольное положение полугосударственного комбината «Нихон сэйтэцу» и строгий государственный контроль, производство черных металлов все время отставало от потребностей в них военной экономики. За 1937–1943 гг. выпуск стали увеличился с 5,8 млн. т до 7,8 млн. т, а чугуна — с 2,4 млн. т до 4,4 млн. т, но уже в 1944 г. произошло резкое его снижение — соответственно до 5,9 млн. т и 2,8 млн. т.

Еще более скромными были успехи угольной промышленности: несмотря на всестороннюю государственную помощь и поддержку угольных компаний (вплоть до организации массового завоза на шахты рабочей силы из Кореи и Китая), добыча угля увеличилась с 45,3 млн. т в 1937 г. до 55,5 млн. тонн в 1943 г. и упала до 49,3 млн. т в 1944 г.

Сельское хозяйство военного времени

До 1943 г. сельскохозяйственное производство в самой Японии и ввоз продовольствия с оккупированных территорий позволяли в основном удовлетворять потребности вооруженных сил и населения страны (при нормированном снабжении). В 1942 году в метрополии было выращено 10,7 млн. т риса (в 1941 г. — 8,8 млн. т) и ввезено почти 2,6 млн. т (довоенное потребление риса составляло 12–13 млн. т).

В 1943 г. положение стало ухудшаться: в метрополии было произведено около 9,4 млн. т и ввезено 1,2 млн. т риса. В селе стала остро ощущаться нехватка рабочей силы. В феврале 1944 г. правительство было вынуждено освободить сельскохозяйственных рабочих от трудовой мобилизации и привлечь к работе старшеклассников из сельских школ и учащихся средних сельскохозяйственных учебных заведений. Несмотря на это, Япония в 1944 году произвела и ввезла в страну всего 9 млн. т риса, а посевная площадь уменьшилась с 3079 тыс. до 2950 тыс. га.

В целом, война нанесла тяжелый урон сельскому хозяйству страны. Шелководство было сильно подорвано, применение удобрений резко сократилось, производство всех основных видов продукции заметно снизилось. Всего за 1937–1945 гг. производство риса сократилось более, чем на 40%, овощей — на 20%, фруктов — на 40%, коконов — на 75%. Из-за реквизиции рыболовных судов (для обнаружения минных постановок и дозорной

службы), сокращения районов рыболовства и уменьшения численности рыбаков уменьшился вылов рыбы.

Социальные последствия войны

Война резко ухудшила условия жизни рядовых японцев. В городах наблюдалась острая нехватка промышленных потребительских товаров и продовольствия, а воспользоваться услугами «черного рынка» могли немногие.

Осложнилось положение трудящихся. Продолжительность рабочего дня в 1942 г., по официальным данным, составляла 12–13 часов. В январе 1942 г. была принята программа чрезвычайных мероприятий по трудовой мобилизации населения, согласно которой рабочие военно-промышленных компаний закреплялись за теми предприятиями, где они трудились.

Наряду с этим правительство осуществило широкую мобилизацию на военное производство женщин и учащихся. В марте 1942 г. вступил в действие новый закон о трудовой повинности мужчин и женщин в возрасте от 12 до 70 лет. После этого число мобилизованных в военную промышленность стало быстро расти и к концу года достигло 623385 чел. (в 1940 г. — 311734 чел.).

Положение мобилизованных в военную промышленность мало отличалось от положения заключенных. Они жили в общежитиях под надзором полицейских и под постоянной угрозой наказания и лишения продовольственного пайка. Еще хуже приходилось рабочим из колоний и оккупированных стран (главным образом, из Кореи и Китая), которых десятками тысяч принудительно ввозили в Японию для работы на шахтах и вредных производствах.

Основная масса населения сидела на голодном пайке: если в 1941 г. дневное потребление калорий на душу населения составляло 2105, то к 1945 г. оно упало до 1793, или на 15%. В 1942 г. система нормированного распределения риса была распространена на всю страну. В том же году произошла частичная замена в пайке риса пшеницей и ячменем, а в 1943 г. — картофелем. Рыба, являвшаяся одним из основных продуктов питания, выдавалась в мизерном количестве.

Из-за снижения производства и ввоза риса в 1944 г. уменьшились нормы выдачи продовольствия по карточкам. Лица в возрасте от 11 до 60 лет получали лишь по 330 г риса в день. К рису стали подмешивать гаолян, кукурузу, ячмень. Систематическое недоедание вело к физическому истощению людей.

Кризис военной экономики Японии

Вплоть до 1944 г. рост военной продукции в Японии обеспечивался увеличением ввоза стратегического сырья с за-

хваченных территорий и сокращением невоенных отраслей промышленности. Тогда этапе промышленность производила для японской армии в основном достаточное количество оружия.

Начиная с 1944 г. основные отрасли промышленности Японии стали испытывать серьезные трудности. Несмотря на рост потребностей в основных видах промышленной продукции, соответствующим образом увеличить ее выпуск не удалось. Производство электроэнергии, угля, чугуна, стали, цветных металлов, достигнув в 1943 г. высшей точки, пошло на убыль.

По сравнению с предыдущим финансовым годом в 1944/45 фин. г. добыча угля на территории Японии снизилась с 55,5 млн. до 49,3 млн. т, выработка электроэнергии — с 34,8 млрд. кВт·ч до 32,2 млрд., выплавка стали — с 7,8 млн. т до 5,9 млн., производство проката — с 4,1 млн. т до 2,6 млн., алюминия (включая Корею и Тайвань) — со 141,1 тыс. т до 110,4 тыс.

Правда, несмотря на трудности, японскому правительству в основном удалось обеспечить потребности военной промышленности в стали и других металлах и увеличить производство вооружения. Если в 1943/44 фин. г. общая стоимость его составила 11 млрд. иен (в ценах 1945 г.), то в 1944/45 фин. г. — 15,8 млрд. иен. Авиационная промышленность Японии с января по декабрь 1944 г. выпустила более 28 тыс. самолетов, тогда как годом ранее их число не доходило до 17 тыс.

Однако к концу 1944 г. кризис коснулся и чисто военных отраслей. Индекс производства вооружения, достигший в сентябре наивысшего за всю войну уровня — 332,5, в декабре снизился до 314,9 (1941 г. = 100). Производство самолетов продолжало расти до сентября 1944 г. включительно, а затем пошло на убыль. Подъем производства различных видов вооружения для военно-морского флота продолжался лишь до лета — осени 1944 г., после чего оно также стало снижаться. В первой половине 1944 г. выпуск полевой артиллерии оставался на уровне предшествовавшего полугодия (около 3200 орудий за 6 мес.), а производство танков и минометов уменьшилось на 35%.

Снижение выпуска вооружения и боевой техники было вызвано прежде всего уменьшением поступления стратегического сырья. В 1944 г. его ввоз в Японию значительно сократился, и его резервы в метрополии быстро уменьшались. Несмотря на то, что был принят ряд законов, жестко регламентировавших производство и потребление металла, запасы железного лома с апреля 1943 г. по март 1944 г. понизились с 3099 тыс. т до 1437 тыс., бокситов с декабря 1943 г. по март 1944 г. — с 297 тыс. т до 238

тыс. Возросшее в связи с войной потребление нефти и нефтепродуктов также пришлось удовлетворять за счет стратегических запасов: еще в 1942/43 фин. г. из них было использовано 10664 тыс. баррелей (в 1941/42 фин. г. — 688 тыс. баррелей).

Экономика японских колоний и оккупированных территорий

После занятия японскими войсками значительной части Юго-Восточной Азии и стран Южных морей был организован массовый захват ценных экономических объектов японскими компаниями. Судоверфи Сингапура перешли во владения «Мицубиси дзёкё», судоверфи и склады Гонконга были переданы концернам «Мицуи» и «Мицубиси», «Мицуи» достались медные рудники на Филиппинах.

Происходил интенсивный ввоз стратегического сырья и продовольствия из колоний и с оккупированных территорий. В 1941/42 фин. г. добыча и импорт железной руды в Японии составили 7412 тыс. т, причем ввоз почти в 2 раза превышал добычу. В том же году из Индокитая, Таиланда и Бирмы было вывезено 1424 тыс. т, а из Кореи и Тайваня — 1157 тыс. т руда.

В годы войны в Корею и Маньчжурии (и, отчасти, на Тайване) в качестве придатка военной экономики метрополии получили заметное развитие добывающая промышленность, металлургия, а также некоторые производства военного машиностроения. В странах Южных морей упор был сделан на развитие нефтепромыслов и лесопереработки.

Для увеличения площадей под продовольственные культуры японские оккупационные власти заставляли местное население сокращать плантации каучука в Малайе, кофейные — на Яве и сахарного тростника — на Филиппинах. Важнейшей продовольственной базой Японии должна была стать Маньчжурия. Предполагалось направить туда поток японских колонистов и организовать там крупные хозяйства фермерского типа. Однако из-за недостатка средств и времени этот план не был полностью реализован.

В марте 1942 г. был создан полуправительственный Банк развития стран Южных морей, в задачи которого входил выпуск оккупационных «военных денег» и финансирование японских предприятий, эксплуатировавших сырьевые ресурсы захваченных районов. Параллельно под предлогом «реорганизации» валютной системы были ликвидированы все местные банки. Таким образом была подорвана и полностью подчинена Японии валютная система оккупированных стран.

Война привела к истощению ресурсов не только Японии, но и ее колоний. При этом, если до 1943 г. из Японии в колонии все

еще продолжались поставки некоторых видов товаров, то с 1943 года они практически прекратились, и начался по существу открытый грабеж колоний, ограниченный лишь неблагоприятным для Японии ходом военных действий и тяжелыми потерями ее торгового флота.

Внутреннее положение в Японии в годы войны

К началу тихоокеанской войны в Японии уже существовали «новая политическая» и «новая экономическая» структуры, направленные на обеспечение «тотальной мобилизации» японского народа для ведения войны. Довоенные политические партии и профсоюзы были распущены, вся политическая жизнь страны регулировалась государственно-бюрократической Ассоциацией помощи трону, существовали серьезные ограничения политических свобод.

Вместе с тем, конституция 1889 г. не была изменена, а ее действие не было каким-либо образом ограничено. В Японии продолжал действовать парламент, осуществлялись обычные политические процедуры, менялись и реорганизовывались кабинеты министров, даже проводились выборы. Японская государственно-политическая система оказалась вполне приспособленной для проведения в жизнь любых чрезвычайных мер военного времени без внесения в нее каких-либо формальных изменений.

Деятельность японского парламента в годы войны

Деятельность японского парламента в 1941–1945 гг. в основном сводилась к утверждению многочисленных правительственных законопроектов, направленных на обеспечение военных действий. Через 9 дней после нападения на Пирл-Харбор, 16 декабря 1941 г., открылась 78-я чрезвычайная сессия парламента, созванная специально для утверждения срочных правительственных мероприятий, связанных с войной. Она, в частности, приняла новый закон, жестко ограничивавший свободу слова, печати и собраний и предусматривавший получение специальных разрешений на деятельность не только для новых, но и уже существующих общественных организаций. На основании этого закона были закрыты несколько сот различных обществ.

Следующая, регулярная сессия, работавшая с 26 декабря 1941 года по 26 марта 1942 г., утвердила военный бюджет Японии на 1942/43 фин. г., а также еще 84 правительственных законопроекта. Среди них был закон о трудовой повинности, предоставив-

ший правительству право призывать гражданских лиц мужского и женского пола в возрасте от 12 до 70 лет для работы в любой отрасли промышленности и в любом районе Японии вне зависимости от постоянного местожительства.

В конце января 1942 г. кабинет министров назначил новые парламентские выборы — первые после самороспуска политических партий. Всю подготовку к ним провела Ассоциация помощи трону. В частности, была создана специальная организация, которая рекомендовала кандидатов для избрания в нижнюю палату. Таким образом заранее обеспечивалась лояльность будущего депутатского корпуса по отношению к правительственной политике. В результате на выборах, состоявшихся 30 апреля 1942 г., из 466 избранных депутатов 381 чел. (около 82%) был рекомендован Ассоциацией.

Однако даже такой состав парламента не полностью удовлетворил правительство Тōдзэ, и оно сделало попытку усовершенствовать «новую политическую структуру». 20 мая 1942 г. с одобрения премьера было основано Общество политического содействия трону (Ёкусан сэйдзи кай) во главе с бывшим премьер-министром Абэ Нобуюки. Программа общества предусматривала сплочение всех политических сил страны для достижения победы в войне, создания «сферы совместного процветания» в Восточной Азии и построения «нового порядка» во всем мире. После его создания все сохранившиеся до тех пор политические организации объявили о своем самороспуске.

Последующие сессии парламента продолжали исправно утверждать военные бюджеты и правительственные законопроекты, направленные на тотальную мобилизацию материальных и людских ресурсов Японии для ведения войны. Максимум, что позволяли себе депутаты — это запросы по поводу неотложных мер для ликвидации нехваток продовольствия в стране.

* * *

Ближе к концу войны, когда положение Японии сильно ухудшилось, японские правящие круги стали искать новые политические средства для того, чтобы еще больше сплотить нацию для «решающих военных усилий». Одним из них стало создание новой всеяпонской политической организации, которая объединила в себе функции Ассоциации помощи трону и Общества политического содействия трону (т.е. идеологию и политику).

30 марта 1945 г. состоялся учредительный съезд новой организации, получившей название «Политическое общество Великой Японии» (Дайниппон сэйдзикай). Ее руководителем стал генерал

Минами Дзирō. Задачей Политического общества была прямая поддержка всех военных и политических мероприятия правительства. По сути, это была попытка сцементировать японский народ, в котором к тому времени стали проявляться признаки брожения, путем создания массовой политической организации. Такое решение не соответствовало японским традициям и было свидетельством кризиса японской политической системы и замешательства правящих кругов страны.

Другим признаком политического кризиса было беспрецедентное решение 86-й парламентской сессии (26 декабря 1944 г. — 26 марта 1945 г.) о резервировании специальных мест в парламенте для представителей Кореи и Тайваня (Кореи предоставлялось 7 мест в верхней палате и 23 места в нижней, Тайваню — 3 места в верхней и 5 мест в нижней). Правда, оно так и не было реализовано, так как выборы предполагалось провести лишь 28 сентября 1946 г.

Последней сессией японского императорского парламента до капитуляции стала 87-я чрезвычайная, прошедшая 9–13 июня 1945 г. Одним из важнейших ее решений стало принятие законов о чрезвычайных мерах военного времени и о добровольной военной службе населения. Правительству были предоставлены полномочия призвать в армию любого подданного (мужчин в возрасте от 15 до 60 лет и женщин — от 17 до 40 лет). Сессия также утвердила закон о предоставлении правительству права без одобрения парламента осуществлять любые меры военного характера и издавать декреты, имеющие силу закона. Тем самым кабинет министров получил диктаторские полномочия.

Проявления недовольства войной По мере того, как война затягивалась, и достижение победы становилось проблематичным, в Японии стали все отчетливее проявляться настроения недовольства.

В стране, где отсутствовали легальные политические партии и организации, а профсоюзы были распущены, протест против невыносимых условий жизни, созданных войной, принимал причудливые формы. Одной из них были массовые прогулы рабочих промышленных предприятий. Так, в 1943 г. около 10% всех рабочих Японии не являлись на работу без уважительных причин.

С течением времени количество прогулов все возрастало. В 1944 г. 15% рабочих, занятых на 761 заводе, под различными предложениями уклонились от явки на работу. При этом на некоторых заводах количество прогульщиков достигало 40%. Массовые прогулы большей частью охватывали предприятия военной про-

мышленности, что было связано, по-видимому, с большим числом отбывающих трудовую повинность на таких предприятиях.

К концу войны число невыходов на работу драматически возросло. Если в июле 1944 г. процент не вышедших на работу на предприятиях, производивших оружие, составлял 18, в судостроительных доках — 24 и на авиазаводах — 21, то в июле 1945 г. он соответственно повысился до 40, 52 и 51. В первую очередь, это объяснялось массовым недоеданием в результате нищенских зарплат и недостаточного снабжения по продовольственным карточкам. Рабочие стремились под различными предлогами не выходить на работу, пытаясь найти способы выживания — уезжали в деревню, чтобы выменять продовольствие и т.п.

Помимо массовых прогулов, в Японии во время войны случались и обычные забастовки и характерные для довоенной Японии арендные конфликты. Например, осенью 1942 г. бастовали рабочие предприятий «Фурукава» (префектура Тотиги) и «Хитати» (Токио). Ежегодно возникали 300–400 трудовых конфликтов на промышленных предприятиях и 2–3 тыс. арендных конфликтов в деревне.

Политика «духовной мобилизации» народа

С началом войны на Тихом океане в Японии были усилены репрессии против «ненадежных элементов» — пацифистов, предполагаемых коммунистов, вообще всех несогласных с политикой правительства. Уже на второй день войны по всей Японии было арестовано 3 тыс. чел. Репрессии коснулись также и профсоюзов.

Взамен распущенных профсоюзных организаций насаждались «патриотические» профсоюзы, входившие в Общество служения отечеству на производстве (Дайниппон сангё хёкоку кай), созданное с целью увеличения выпуска военной продукции и достижения «социального мира». Из-за принудительного характера членства его ряды постоянно росли: с 3,5 млн. чел. в апреле 1940 года до 5,8 млн. чел. в июне 1943 г.

К идеологической обработке населения были привлечены и многие деятели культуры и искусства. Активно велась радиопропаганда, выпускались кинофильмы, прославлявшие японские победы. В ноябре 1942 г. в Токио был созван съезд писателей «Великой Восточной Азии», на котором обсуждались вопросы «духовной мобилизации» народов для победоносного завершения войны.

Наряду с пропагандой и с проведением политики вовлечения людей в организации, находившиеся под правительственным контролем, власти прибегали к репрессиям в отношении тех, кто про-

являл признаки недовольства. Летом 1943 г. премьер-министр Тōдзё на конференции губернаторов префектур прямо указал, что «народ не должен выражать нетерпения и недовольства» и что антиправительственные митинги должны немедленно разгоняться. В стране свирепствовала цензура. В частности, летом 1944 г. «за пропаганду пацифизма» были закрыты популярные общественно-политические журналы «Кайдзō» и «Тōккōрон».

Кроме того в стране насаждались шпионизация и повальная полицейская слежка. Проводились даже многодневные «учения

Открытие II съезда писателей «великой Восточной Азии».
Токио, август 1943 г.

по поимке шпионов», когда полиция и жандармерия проводили повальные проверки документов на улицах городов. Под наблюдением находились все бывшие профсоюзные деятели, руководители и члены давно распущенных левых партий и организаций, ученые, деятели культуры и т.п. Жандармерия ежемесячно привлекала к ответственности за распространение «вредных слухов» более 6 тыс. чел. В 1944 г. в палате пэров рассматривался вопрос о создании специального комитета, призванного бороться с «непатриотическими» настроениями населения.

Сторонники прекращения войны в правящих кругах

Начало поисков компромиссного мира видными японскими политиками относится еще к 1942 г., когда хранитель императорской печати Кидо Кёити в беседе с бывшим послом в Лондоне Ёсида Сигэру обсуждал вопрос о поездке Коноэ Фумимаро в Европу, чтобы «проложить дорогу к заключению мира».

В 1943 г. под влиянием неудач Японии в сражениях на Тихом океане, а также общих изменений стратегической обстановки не в пользу стран «оси», идея заключения компромиссного мира оформилась уже вполне четко. Ее главными проводниками в правящих кругах Японии были Коноэ и Кидо. Оценивая перспективы войны как неблагоприятные, они пришли к выводу, что необходимо, пока не поздно, найти пути выхода из войны. В этом они видели возможность спасти Японию от тяжелых условий капитуляции и сохранить ее как великую державу.

К Коноэ и Кидо примыкали бывшие премьер-министры Вакацуки, Хиранума и Окада. По свидетельству Кидо, идею о скорейшем прекращении войны разделял и император Японии Хирохито. В русле попыток прекратить войну (по крайней мере, на одном фронте) находилась и «новая политика» в отношении Китая, главным архитектором которой был министр иностранных дел Сигэмицу Мамору.

Кидо Кёити

В первой половине 1944 г. деятельность группы Коноэ–Кидо заметно активизировалась. 6 января 1944 г. Кидо сформулировал условия, на которых он считал возможным начать мирные переговоры с США и Великобританией:

- Тихоокеанская проблема должна быть урегулирована державами, расположенными в бассейне Тихого океана;
- должна быть создана смешанная комиссия в составе Японии, Советского Союза, Китая, США и Великобритании;
- районы, оккупированные Японией, и острова Тихого океана должны быть превращены в демилитаризованные зоны;
- независимые государства, расположенные в этом районе (за исключением Маньчжоу-го), должны обрести нейтральный статус; другие оккупированные районы должны управляться вышеупомянутой смешанной комиссией;

— экономическая политика в этих районах должна основываться на принципе взаимного благоприятствования и равных возможностей.

Однако высшее японское командование не желало расставаться с захваченными территориями и настаивало на продолжении войны любыми средствами. Поэтому попытка вступить в переговоры с США и Великобританией так и не состоялась.

Отставка правительства Тōдзё

К началу 1944 г. опасное ухудшение стратегического положения Японии стало очевидным. Выступая на 84-й сессии парламента, премьер-министр Тōдзё вынужден был признать итоги военных операций на тихоокеанском театре неудовлетворительными и потребовал санкции парламента на проведение новой, еще более «тотальной» мобилизации ресурсов для ведения войны.

В феврале 1944 г. Тōдзё реорганизовал свой кабинет. В частности, в дополнение к постам премьера, военного министра и министра вооружений он занял еще и пост начальника генерального штаба армии, сместив с него маршала Сугияма. Таким образом, Тōдзё фактически взял на себя полную ответственность за ход боевых действий.

В июле 1944 г. Япония потеряла о-в Сайпан. Воспользовавшись этим предлогом, 17 июля часть бывших премьер-министров — *дзюссин* (Коноэ, Окада, Вакацуки и ХираNUMA), особые совещания которых после смерти в 1940 г. последнего *гэнрō* Сайондзи пришли на смену системе «государственных старейшин», приняли резолюцию, требовавшую отставки Тōдзё, поскольку, «когда нация в опасности», «частичные реорганизации кабинета не имеют смысла».

Тōдзё попытался принять меры к сохранению своей власти. Он немедленно составил меморандум правительству от лица военного министерства, в котором обвинил группу бывших премьер-министров в антиправительственном заговоре.

18 июля Тōдзё отказался от поста начальника генерального штаба, назначив на него командующего Квантунской армией генерала Умэдзу Ёсидзирō, рассчитывая после этого сохранить за собой посты премьера и военного министра. Однако в тот же день весь состав правительства подал в отставку. Тōдзё ничего не оставалось, как отправиться во дворец с аналогичным прошением.

«Чрезвычайная» политика кабинета Коисо

20 июля 1944 г. император поручил Коисо Куниаки и Ёнаи Мицумаса сформировать новое правительство. Для Коисо, который занимал перед

этим должность генерал-губернатора Кореи, новое назначение было совершенно неожиданным. Только во время аудиенции у императора он узнал о том, что назначен премьером, а Ёнаи — его заместителем и военно-морским министром; военным министром стал Сугияма, а пост начальника генерального штаба сохранил Умэдзу.

22 июля Коисо сделал официальное заявление о программе своей деятельности. Он признал, что положение страны стало чрезвычайно опасным, но подчеркнул, что никаких принципиальных изменений во внешней политике страны не произойдет, и война будет продолжена до полной победы.

В начале августа 1944 г. Коисо создал высший совет по руководству войной (сайкб сэнсб сидб кайги) в составе премьера, министра иностранных дел, военного и военно-морского министров и начальников генеральных штабов армии и флота. Таким образом Коисо надеялся сосредоточить в своих руках всю полноту военной и гражданской власти. Однако он натолкнулся на решительное сопротивление руководителей армии и флота, которые возражали против его вмешательства в вопросы ведения войны на том основании, что он находился в отставке.

Коисо Куниаки

Основой своей программы кабинет Коисо сделал «тотальную мобилизацию» ресурсов для ведения войны. В военной сфере было, в частности, развернуто движение смертников-камикадзе в японских вооруженных силах. Кроме того с конца 1944 г. была начата подготовка к созданию специальных отрядов из гражданского населения для обороны Японии в случае вражеского вторжения.

Однако, несмотря на «чрезвычайный» характер всех проводившихся им мер, Коисо так и не смог сделаться авторитетным лидером страны. О слабости его позиций свидетельствовали и унижительные препирательства с военными, и частые реорганизации кабинета, и открытая критика деятельности правительства в

парламенте и в печати. Несмотря на все чрезвычайные меры, кабинет Коисо оказался бессильным справиться с создавшимся положением и был вынужден уйти в отставку.

Япония на пороге поражения

Последнее японское правительство военного времени

7 апреля 1945 г. к власти пришел кабинет адмирала Судзуки Кантаро, последний японский кабинет военного времени. Главные министерские посты в нем заняли: министра иностранных дел и министра по делам Восточной Азии — Тогō Сигэнори; военного министра — генерал Анами Корэтика; военно-морского министра — адмирал Ёнаи Мичумаса; министра вооружений — адмирал Тоёда Тэйдзирō.

Формально кабинет Судзуки провозгласил продолжение войны против США и Великобритании до полной победы, однако всем было понятно, что главной его задачей должен стать поиск путей для приемлемого завершения войны.

В своем первом выступлении в качестве премьера 7 апреля 1945 г. Судзуки признал, что империя находится перед лицом величайшего кризиса. Далее он заявил о необходимости крепить «боевой дух народа» и «самоотверженно защищать родину». Этот призыв отражал мнение военных кругов, в частности, военного министра Анами, что только отчаянное сопротивление может дать надежду избежать безоговорочной капитуляции и сохранить японский государственный строй.

Одновременно, находясь в почти полной международной изоляции, Япония стремилась каким-либо образом вступить в переговоры относительно условий прекращения войны.

Попытки Японии избежать безоговорочной капитуляции

Критическое военное и внешнеполитическое положение Японии побудило наиболее дальновидных представителей японских правящих кругов к поиску пути, который мог бы привести к достижению компромиссного мира. К числу «миротворцев» принадлежали видные государственные деятели, бывшие премьер-министры Вакацуки, Окада, Коноэ, министры иностранных дел Тогō, Сигэмицу и др.

Зондирование велось по трем направлениям: во-первых, Япония стремилась заключить сепаратный мир с чанкайшистским Ки-

Судзуки Кантарō

таем: во-вторых, пыталась начать переговоры о мире непосредственно США и Великобританией; в-третьих, старалась использовать Советский Союз в качестве посредника в таких переговорах или хотя бы удержать его от вступления в войну.

Попытка достичь сепаратного мира с Китаем была сделана в марте 1945 г., когда в Японию был приглашен Мяо Бин — один из высокопоставленных чиновников марионеточного правительства Ван Цзинвэя, который тем не менее продолжал поддерживать тесные связи со многими деятелями чунцинского правительства.

На основании имевшейся у него информации Мяо Бин ознакомил японского премьер-министра Коисо Куниаки с примерными условиями, выполнение которых могло бы побудить Чан Кайши к заключению сепаратного мира с Японией. Они включали в себя вывод японских войск из Китая, признание правительства Чан Кайши и его переезд в Нанкин, проведение переговоров о статусе Маньчжурии и заключении мира между Японией и западными союзниками. Эти условия рассматривались на заседаниях японского высшего совета по руководству войной, однако были признаны неприемлемыми.

Еще осенью 1944 г. японское правительство попыталось установить связь с руководителями Великобритании и США путем неофициальных контактов со шведским посланником в Японии В.Багге. Эти попытки продолжались вплоть до мая 1945 г., когда из-за разногласий в японских правящих кругах по вопросу об условиях начала мирных переговоров министр иностранных дел Японии Тōгō не смог отправить Багге, уже вернувшемуся в то время на родину, официального подтверждения просьбы японского правительства о посредничестве Швеции. В результате связь по этой линии прервалась. Не получили развития и контакты, которые японцы установили с А.Даллесом в Швейцарии и с сотрудниками американской миссии в Лиссабоне. В данном случае помешала неуступчивость японской стороны в вопросе о сохранении за Японией территорий, захваченных ею до начала второй мировой войны.

Идея каким-то образом разыграть «советскую карту» имела в японской дипломатии относительно долгую историю. Еще в сентябре 1943 г. Токио выступил с дипломатической инициативой о посредничестве между СССР и Германией в мирных переговорах.

Японское предложение по-видимому преследовало несколько целей. Во-первых, японские правящие круги рассчитывали в случае его принятия советской стороной и достижения перемирия на советско-германском фронте облегчить стратегическое положение

ние своего основного союзника — гитлеровской Германии. Во-вторых, японское предложение содержало в себе элемент «дипломатической провокации»: согласно советского правительства вести подобные переговоры, даже если бы они окончились безрезультатно, означало бы нарушение им своих союзнических обязательств и, возможно, привело бы к развалу антигитлеровской коалиции. Наконец, в обоих случаях Япония надеялась обезопасить себя от вступления СССР в тихоокеанскую войну на стороне США и Великобритании, чего японские правящие круги стали к тому времени серьезно опасаться.

Тогда СССР отверг японское предложение и немедленно поставил в известность своих союзников о дипломатических маневрах Японии. Тем не менее, в сентябре 1944 г. японское правительство попыталось возобновить переговоры по данному вопросу. К тому времени военное положение как Японии, так и Германии драматически ухудшилось, поэтому в основе японской инициативы помимо тех же причин, что и в 1943 г., лежало стремление в случае успеха миссии найти для себя путь к заключению компромиссного мира с США и Великобританией при содействии СССР. Во главе миссии в Москву и Берлин предполагалось поставить Хирота Кёки. Однако советское правительство снова ответило на японское предложение отказом.

5 апреля 1945 г. советское правительство объявило о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете. В тот день народный комиссар иностранных дел В.М.Молотов заявил послу Японии в Москве Сатё Наотакэ:

«Пакт о нейтралитете между Советским Союзом и Японией был заключен... до нападения Германии на СССР и до возникновения войны между Японией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Штатами Америки, с другой. С того времени обстановка изменилась в корне. Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза. При таком положении пакт о нейтралитете между Японией и СССР потерял смысл, и продление этого пакта стало невозможным... В соответствии со статьей 3-й упомянутого пакта, предусматривающей право денонсации за один год до истечения пятилетнего срока действия пакта, советское правительство настоящим заявляет... о своем желании денонсировать пакт от 13 апреля 1941 г.».

Несмотря на это безрадостное для Японии событие, японские правящие круги не оставили надежды втянуть Советский Союз в свою дипломатическую игру. На этот раз речь шла только о воз-

можном посредничестве СССР в достижении мира между Японией с одной стороны и США и Великобританией — с другой. 20 апреля 1945 г. министр иностранных дел Тōгō «неофициально» высказал советскому послу в Токио Я.А.Малику пожелание о встрече с Молотовым при его возвращении с учредительной конференции ООН в Сан-Франциско. После того как и эта попытка не дала результата, Тōгō поручил Хирота, который считался специалистом по Советскому Союзу, поскольку в 30-х годах занимал пост посла Японии в СССР, вновь встретиться с Маликом и выяснить его позицию.

Эти встречи состоялись в июне 1945 г., однако остались без каких-либо практических последствий. Поэтому в июле 1945 г. Тōгō сделал попытку организовать поездку в Советский Союз официальной миссии. После консультаций было решено, что ее возглавит Коноэ Фумимаро.

13 июля 1945 г. японский посол в СССР Сатō Наотакэ посетил заместителя народного комиссара иностранных дел С.А.Лозовского и вручил ему письмо на имя Молотова, в котором сообщалось, что японский император изъявил желание командировать в СССР Коноэ в качестве своего официального представителя. Было передано также послание императора, в котором указывалось, что он хочет «положить скорее конец войне».

18 июля Лозовский передал послу ответ советского правительства:

«Высказанные в послании императора Японии соображения имеют общую форму и не содержат каких-либо конкретных предложений. Советскому правительству представляется неясным также, в чем заключаются задачи миссии князя Коноэ... Ввиду вышеизложенного советское правительство не видит возможности дать какой-либо определенный ответ по поводу послания императора, а также по поводу миссии Коноэ».

Когда 30 июля Сатō вновь посетил Лозовского, чтобы выяснить советскую позицию относительно миссии Коноэ, Лозовский сообщил ему, что ввиду отсутствия в Москве председателя совета министров и министра иностранных дел советское правительство не может дать окончательного ответа. Однако фактически ответ уже имелся. 26 июля 1945 г. была опубликована Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая, требовавшая от Японии немедленной безоговорочной капитуляции.

Потсдамская декларация

Проект совместной декларации союзных держав был подготовлен

Соединенными Штатами еще до начала конференции в Потсдаме. По идее демарш трех держав должен был побудить Японию капитулировать. Однако подготовка декларации имела для американцев еще один, скрытый, смысл. В случае отказа Японии принять ее условия США получали формальный повод применить против нее ядерное оружие. Характерно, что текст декларации был передан Черчиллю и Чан Кайши только 24 июля — после того, как Трумэн одобрил приказ командующему стратегической авиацией генералу Спаатсу об атомной бомбардировке Японии.

Потсдамская декларация была выработана без непосредственного участия СССР. Ее текст был направлен советской делегации одновременно с его передачей для объявления по радио. Вместе с тем, в ней в целом были учтены советская позиция и советские интересы, что позволило СССР в дальнейшем солидаризироваться с ее духом и основными положениями.

В Потсдамской декларации были подытожены прежние заявления и соглашения, касавшиеся совместной борьбы против Японии. В ней содержались не только конкретные условия капитуляции, но и принципы основных послевоенных преобразований, которые должны были быть проведены в этой стране.

В декларации указывалось, что «навсегда должны быть устранены власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии, заставив его идти по пути всемирных завоеваний»; что «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдō, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем»; что «японское правительство должно устранить все препятствия к возрождению и укреплению демократических тенденций среди японского народа». «Мы призываем правительство Японии, — говорилось в ней в заключение, — провозгласить теперь же безоговорочную капитуляцию всех японских вооруженных сил... Иначе Японию ждет быстрый и полный разгром».

Правительство Японии в течение двух дней не могло решить, как реагировать на Потсдамскую декларацию. Колебания были связаны главным образом с тем, что под ней отсутствовала подпись Советского Союза, и Японии не была ясна его позиция. Министр иностранных дел Тōгō предлагал не отвергать условия декларации и продолжить ее изучение, а самое главное — выяснить точку зрения СССР. Руководители же армии и флота требовали отклонить декларацию, поскольку они считали, что в то время, когда японские войска еще оккупируют огромные территории за

пределами собственно Японии, говорить о капитуляции преждевременно.

На состоявшемся 27 июля совещании высшего совета по руководству войной японские руководители решили поручить послу в Москве Сатō выяснить намерения СССР, а до тех пор опубликовать Потсдамскую декларацию в сокращенном виде, а в комментариях намекнуть, что Япония, по-видимому, оставит ее без внимания. Однако под давлением генералитета премьер-министр Судзуки уже 28 июля выступил с заявлением, в котором говорилось, что правительство «игнорирует» декларацию и «будет неоступно продолжать движение вперед для успешного завершения войны». Это заявление фактически предрешило атомную бомбардировку Японии.

Атомные бомбардировки японских городов

10 июля 1945 г. в пустынном районе штата Нью-Мексико, недалеко от авиабазы Аламогордо, был произведен первый экспериментальный ядерный взрыв мощностью 15–20 тыс. килотонн. Продолжавшийся 4 года атомный «Манхэттенский проект» завершился полным успехом.

Еще в апреле только что вступивший в должность после смерти Рузвельта президент Трумэн был проинформирован о ходе создания атомной бомбы. Он сразу оценил возможности, которые предоставляло новое оружие. С самого начала Трумэн рассматривал атомную бомбу не столько как средство достижения военной победы над Японией, сколько как средство добиться уступок от СССР в вопросе о послевоенном устройстве мира.

К тому времени приготовления к боевому применению атомного оружия уже зашли довольно далеко. В конце 1944 г. в качестве базы для проведения атомной бомбардировки Японии был избран о-в Тиниан в Марианском архипелаге. Одновременно несколько бомбардировщиков Б-29 были переоборудованы для использования атомных бомб, и их экипажи начали специальные тренировки. В апреле 1945 г. «атомные» бомбардировщики были переброшены на Тиниан.

В апреле же были отобраны цели для атомной бомбардировки: японские города Хиросима, Кокура, Ниигата и Киото. С согласия президента США командующий ВВС генерал Арнольд дал указание не подвергать эти города обычным налетам, чтобы получить более точное представление о результатах использования нового оружия.

Намерение правительства США применить атомную бомбу вызвало протест многих ее создателей. Ученые призвали Трумэна

отказаться от атомной бомбардировки и предложили вместо нее устроить показательный взрыв перед японскими представителями в какой-нибудь необитаемой местности. Однако американское руководство полагало, что для достижения наибольшего эффекта в давлении на СССР следует продемонстрировать реальное боевое применение атомной бомбы. Кроме того оно надеялось добиться капитуляции Японии до вступления в войну Советского Союза, и таким образом отстранить СССР от участия в послевоенном переустройстве на Дальнем Востоке.

В конце июля крейсер «Индианаполис» доставил атомные бомбы на Тиниан. 5 августа экипаж самолета Б-29 под командованием полковника П.Тиббетса получил боевое задание, и утром 6 августа атомная бомба была сброшена на г. Хиросима. Сразу после этого Белый дом опубликовал официальное заявление, в котором предупреждал Японию, что в случае отказа от капитуляции ее ожидают невиданные разрушения.

Американское руководство надеялось, что Япония немедленно капитулирует. Однако никакого заявления со стороны японского правительства не последовало. Поэтому американцы постарались как можно скорее сбросить вторую (последнюю из имевшихся у них тогда) бомбу, чтобы продемонстрировать Японии и всему миру, что США могут продолжать атомные удары. 9 августа вторая атомная бомба примерно такой же мощности, как и первая (около 20 килотонн), была сброшена на г. Нагасаки, который был запасной целью.

И в Хиросима, и в Нагасаки десятки тысяч людей погибли сразу; еще больше было ранено и поражено радиацией, многие из пораженных впоследствии умерли. Точное число жертв атомных бомбардировок неизвестно до сих пор, однако от них пострадало не менее 500 тыс. чел.

* * *

Вопрос об оправданности применения ядерного оружия против Японии до сих пор вызывает споры. Если за пределами Соединенных Штатов атомные бомбардировки обычно считают варварским актом, не имеющим никакого оправдания, то в США распространено мнение, что они послужили главной, если не единственной, причиной капитуляции Японии и потому оправданы с военной, а с учетом того, что они, предположительно, помогли сохранить множество жизней американских солдат, и с моральной точки зрения.

На деле применение Соединенными Штатами атомной бомбы преследовало главным образом политические, а не военные цели.

Желание продемонстрировать в действии новое оружие огромной разрушительной силы, а также стремление добиться капитуляции Японии до вступления в войну СССР объясняют торопливость, с которой США пошли на применение ядерного оружия.

Что касается капитуляции Японии, то она была вызвана лавинообразным развитием событий в начале августа 1945 г. (6 августа — первый ядерный удар, 8 августа — объявление Советским Союзом войны Японии, 9 августа — новая атомная бомбардировка), которое продемонстрировало японскому руководству невозможность дальнейшего затягивания войны.

Вступление СССР в войну с Японией

Вопрос о вступлении Советского Союза в войну с Японией поднимался задолго до того, как поражение гитлеровской Германии стало очевидным. Соединенные Штаты еще в декабре 1942 года пытались добиться согласия на создание на советском Дальнем Востоке своих военно-воздушных баз под предлогом оказания помощи Советскому Союзу в случае японского нападения.

Принятие этого предложения привело бы к крайнему обострению советско-японских отношений и, с большой вероятностью, к войне, что заставило бы СССР вести борьбу на два фронта. Поэтому Сталин ответил Рузвельту отказом.

Однако по мере улучшения ситуации на советско-германском фронте проекты участия Советского Союза в войне против Японии стали вызывать интерес у советского руководства. Сталин видел во вступлении в войну шанс существенно укрепить международные позиции СССР на Дальнем Востоке, а также изменить пограничную линию с Японией, определенную условиями Портсмутского договора (советское правительство никогда не признавало Портсмутский договор справедливым и всегда стояло за изменение его условий путем переговоров).

Впервые Советский Союз заявил о своем намерении вступить в войну против Японии во время Тегеранской конференции. На пленарном заседании 28 ноября 1943 г. во время обсуждения хода военных действий на Тихом океане Сталин заявил, что для проведения успешных наступательных операций против японских войск Советский Союз должен увеличить свои силы на Дальнем Востоке по крайней мере в 3 раза, что стало бы возможным после капитуляции Германии. «Тогда — общим фронтом против Японии», — заключил Сталин.

Заявление советского руководителя имело большое военно-политическое значение. Позиция, занятая СССР, приближала перспективу окончания тихоокеанской войны и обещала уменьшить

предполагаемые потери американских и британских войск (по оценке американского военного министра Г.Стимсона потери американцев в случае высадки в Японии должны были превысить потери в войне против Германии и составить более 1 млн. чел.). Поэтому руководители союзных держав ухватились за советскую инициативу. Черчилль в беседе со Сталиным 30 ноября 1943 г. подчеркнул, что заявление о присоединении СССР к борьбе против Японии после разгрома Германии является «историческим» и открывает широкие перспективы в войне с Японией. Рузвельт, желая поскорее перевести предварительную договоренность на конкретную основу, 29 ноября послал Сталину записку с предложением условиться о предварительном планировании возможных операций против Японии, когда Германия будет выведена из войны.

Более конкретные решения относительно вступления СССР в войну с Японией были приняты 11 февраля 1945 г. в ходе Крымской конференции, когда было подписано соглашение трех держав по вопросам Дальнего Востока. Советское правительство обязалось выступить против Японии примерно через 2–3 месяца после окончания войны в Европе на следующих условиях:

1. Сохранение status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);
2. Восстановление принадлежащих России прав, нарушенных всероменным нападением Японии в 1904 г., а именно:
 - а) возвращение Советскому Союзу южной части о-ва Сахалин и всех прилегающих к ней островов;
 - б) интернационализация торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР;
 - в) совместная эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;
3. Передача Советскому Союзу Курильских островов.

Советское обещание имело особое значение для США в связи с их планами вторжения на Японские о-ва. Дело в том, что американцы не были уверены в немедленном победоносном завершении войны даже в случае завоевания метрополии. Они не исключали возможность объединения Квантунской армии с экспедиционными войсками в Китае с целью продолжения войны на азиатском континенте. Поэтому американское командование было заинтересовано в том, чтобы «изгнанием японской армии с материка заня-

лись русские». Макартур даже утверждал, что американские войска «не должны высаживаться на острова собственно Японии, пока русская армия не начнет военные действия в Маньчжурии».

Однако до того, как все планы и обещания воплотились в жизнь, в позиции США по вопросу о вступлении СССР в войну с Японией возникли колебания, связанные с успешным завершением «Манхэттенского проекта» — программы создания ядерного оружия.

Еще до первого испытательного атомного взрыва в Аламогордо некоторые высокопоставленные сотрудники американской администрации высказывали мнение, что наличие атомной бомбы позволит США отказаться от помощи Советского Союза в разгроме Японии и тем самым ограничить его участие в решении дальневосточных проблем. С таким подходом в целом был согласен и президент США Г. Трумэн. Однако до тех пор, пока атомная бомба не прошла испытаний, не было абсолютной уверенности в том, что она окажется эффективным оружием. Поэтому Трумэн решил все-таки добиваться личных гарантий Сталина о вступлении СССР в войну.

Во время Потсдамской конференции советская делегация подтвердила, что СССР выполнит заключенное в Ялте соглашение. Началось согласование, в частности, с китайской стороной, связанных с этим технических вопросов, обсуждались условия оккупации Японии.

Тем временем Трумэн получил подробный отчет о результатах экспериментального взрыва атомной бомбы, который произвел на него сильнейшее впечатление. Стало понятно, что США стали единственным обладателем невиданного в истории сверхоружия. Это вновь вернуло американского президента к мысли, что лучше закончить войну с Японией без участия СССР. Правда, он не считал возможным в один день изменить свою позицию на 180°. Теперь он решил как можно скорее применить атомную бомбу, чтобы добиться капитуляции Японии еще до вступления Советского Союза в войну.

* * *

В начале мая 1945 г., т.е. ко времени окончания войны в Европе, дальневосточные границы СССР прикрывала группировка численностью около 1,2 млн. чел., оснащенная более чем 20 тыс. орудий и минометов, 2,3 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 4,3 тыс. самолетов.

Еще до окончания боев на западном фронте Советский Союз начал подготовку к военным действиям на Дальнем Востоке. В

конце февраля — марте 1945 г. советский генеральный штаб утвердил планы по развертыванию там войск. В мае 1945 г. началась стратегическая перегруппировка для нанесения удара по Японии, и к 9 августа советские силы насчитывали там более 1,7 млн. чел., около 30 тыс. орудий и минометов, 5,2 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок, 5,1 тыс. самолетов. Они превосходили противостоявшие им японские силы в людях в 1,8 раза, в танках — в 4,8, в авиации — в 1,9 раза.

8 августа 1945 г. Молотов, приняв японского посла, сделал следующее заявление:

«После разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны. Требования трех держав... о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву».

Сказав далее о присоединении СССР к Потсдамской декларации, и о том, что такая политика «является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий», Молотов в заключение заявил, что «с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией».

Союзники СССР официально приветствовали вступление Советского Союза в войну. Так, британское правительство в своем заявлении от 8 августа указывало:

«Война, объявленная сегодня Советским Союзом Японии, является доказательством солидарности, существующей между основными союзниками, и она должна сократить срок борьбы и создать условия, которые будут содействовать установлению всеобщего мира».

Что касается японского правительства, то для него вступление СССР в войну означало потерю последней надежды отсрочить свое поражение как военными, так и дипломатическими средствами. 10 августа 1945 г. Тōгō сообщил Малику, что японское правительство «готово принять условия декларации от 26 июля сего года, к которой присоединилось и советское правительство». Одновременно аналогичные заявления были переданы через Швецию правительствам США, Великобритании и Китая.

* * *

Вступление Советского Союза в войну против Японии является непростым эпизодом в истории советско-японских (а «по на-

следству» и российско-японских) отношений. До сих пор в Японии можно услышать обвинения в адрес СССР в вероломстве, в нарушении обязательств, взятых на себя по советско-японскому пакту о нейтралитете, в то время как Япония, со своей стороны, эти обязательства выполняла.

Безусловно, под претензиями в адрес Советского Союза есть формальные основания. Советское правительство имело право расторгнуть советско-японский пакт о нейтралитете и сделало это в полном соответствии с буквой этого документа. Однако оно было обязано в течение года после этого придерживаться его условий, а война Японии была объявлена уже через 5 месяцев.

В последующие годы в оправдание решения о вступлении в войну против Японии в СССР приводились разные соображения: намерения Японии самой нарушить пакт и напасть на СССР, многочисленные инциденты с советскими судами в Тихом океане по вине японской стороны, тесное партнерство Японии с гитлеровской Германией и т.п. Все это правда, и все это не меняет того факта, что первым условия советско-японского пакта о нейтралитете нарушил Советский Союз.

Вместе с тем, не следует давать оценку действиям советского правительства без учета исторического контекста советско-японских отношений в первой половине 40-х годов. В соперничестве с максимальными ставками, развернувшемся тогда на мировой арене, любой договор воспринимался его участниками как эпизод борьбы, а не как моральное обязательство. В условиях, когда целью государственной политики было полное уничтожение противника, действовал принцип «победителей не судят». И Япония, и Советский Союз были готовы нарушить пакт о нейтралитете при благоприятных обстоятельствах. Япония так и не дождалась удобного момента, а СССР пошел на это, исходя из сложившейся в 1945 г. международной обстановки.

Борьба вокруг условий капитуляции

Утром 9 августа состоялось экстренное заседание высшего совета по руководству войной. Открывая его, премьер-министр Судзуки заявил, что атомная бомбардировка и вступление в войну СССР привели его к заключению, что не осталось ничего другого, кроме как принять условия Потсдамской декларации и прекратить военных действия.

В ходе обсуждения выявились два противоположных мнения. Одна группа (министр иностранных дел Тōгō и военно-морской министр Ёнаи) предлагала принять Потсдамскую декларацию при условии, что это не изменит «законного статуса» императора.

Другая группа (военный министр Анами и начальники генеральных штабов армии и флота Умэдзу и Тоёда) настаивали на том, чтобы принять Потсдамскую декларацию, только если союзные державы пообещают сохранить японскую монархию, предоставить Японии право разоружиться самостоятельно, позволить японцам самим наказать военных преступников, а также откажутся от продолжительной оккупации Японии и не введут свои войска в Токио.

Длительные споры не привели представителей обеих группировок к единому мнению. На их позиции не повлияло даже полученное во время заседания сообщение о второй атомной бомбардировке. Стороны сошлись лишь в одном: в признании необходимости во что бы то ни стало сохранить монархию.

В тот же день состоялось чрезвычайное заседание кабинета министров. На нем вновь развернулись ожесточенные споры: выступили Тōгō, Анами, Ёнаи, Тоёда и др. Значительное место на заседании заняло обсуждение экономической ситуации. Министр земледелия и торговли заявил, что следует ожидать голода, а министр путей сообщения и связи выразил сомнение, что удастся сохранить морское сообщение с Кореей и Маньчжурией.

При голосовании за капитуляцию при условии сохранения монархии проголосовали 9 чел., 5 членов кабинета воздержались. Поскольку примирить точки зрения двух основных группировок не удалось, Судзуки обратился к Хирохито с просьбой созвать императорское совещание.

Оно началось около полуночи 9 августа в дворцовом бомбоубежище. Вначале был зачитан полный текст Потсдамской декларации. Затем обе группировки изложили свои позиции, причем Анами призвал «вести войну до последней возможности», «даже если вся нация погибнет».

Поскольку голоса вновь разделились, заседание было прервано и возобновлено в 2 часа ночи 10 августа. После новых дебатов Судзуки попросил Хирохито высказать его точку зрения. Император присоединился к предложению Тōгō, после чего Судзуки констатировал принятие решения о прекращении войны. Созвз же

Тōгō Сигэнори

после закрытия совещания состоялось заседание правительства, которое единогласно утвердило это решение.

Утром 10 августа японское правительство сообщило через нейтральные страны, что оно согласно принять условия Потсдамской декларации в случае, если союзники согласятся не ущемлять «прерогативы императора как суверенного правителя Японии» и попросило точного уведомления по этому поводу.

11 августа 1945 г. государственный департамент США передал японскому правительству через Швейцарию совместный ответ правительств США, СССР, Великобритании и Китая, в котором говорилось:

«С момента капитуляции власть императора и японского правительства в отношении управления государством будет подчинена верховному командующему союзных держав... Императору будет предложено санкционировать и обеспечить подписание правительством Японии и японской императорской генеральной штаб-квартирой условий капитуляции, необходимых для выполнения условий Потсдамской декларации, и он должен будет дать от себя приказы всем японским военным, военно-морским и авиационным властям и всем находящимся в их подчинении вооруженным силам... прекратить боевые действия и сдать их оружие».

Ответ правительств СССР, США, Великобритании и Китая снова вызвал разногласия в японском правительстве. Министр иностранных дел Тōgō рекомендовал императору признать ответ союзников удовлетворительным, а председатель тайного совета Хиранума высказал противоположное мнение. Тем временем военный министр Анами по собственной инициативе обратился с воззванием к военнослужащим, в котором говорилось, что «в создавшейся ситуации для нашего народа выход может быть только один: решительное продолжение священной войны за защиту нашей божественной земли».

Умэдзу Ёсидзирō

Для выработки официального ответа союзникам 13 августа было созвано заседание высшего совета по руководству войной. На нем за безоговорочную капитуляцию проголосовало 13 министров, против — трое. Поскольку военный министр Анами и начальники генеральных штабов Умэдзу и Тоёда отказались поста-

вить свои подписи и заявили, что они апеллируют к императору, окончательное решение принято не было.

14 августа в 10 утра было созвано новое расширенное императорское совещание. Анами, Умэдзу и Тоёда предлагали потребовать от союзников уточнить «двусмысленные» пункты, а в случае отказа — продолжить войну, чтобы закончить ее «на лучших условиях». Но все остальные участники совещания высказались за безоговорочную капитуляцию. Император, присоединившись к большинству, предложил правительству подготовить проект императорского указа об окончании войны и опубликовать специальное обращение к народу.

В тот же день Япония сообщила правительствам четырех держав об издании императорского указа, в котором объявлялось о капитуляции и о готовности императора приказать всем японским вооруженным силам прекратить боевые действия и сдать оружие. В нем содержался также призыв к нации «вынести невыносимое» и направить все усилия «на созидание будущего».

Узнав о том, что император записал на пленку обращение к народу, в котором объявил о принятии условий Потсдамской декларации и прекращении войны, группа офицеров-фанатиков во главе с майором Хатанака Кэндзи в ночь на 15 августа подняла мятеж. Они пытались не допустить передачи обращения императора в эфир и склонить вооруженные силы свергнуть «капитулянтское» правительство Судзуки, чтобы создать новое во главе с военным министром генералом Анами. Большие монархисты, чем сам монарх, они, подобно мятежникам 1936 года, открыто пошли наперекор воле императора во имя сохранения основ священной императорской власти.

Путчисты убили отказавшегося поддержать их генерала Мори — командира охранявшей императорский дворец 1-й гвардейской дивизии. Затем, отдав от его имени ложные приказания, они проникли во дворец, но обнаружить пленки с записью речи Хирохито им не удалось. Другие отряды мятежников напали на резиденции премьер-министра Судзуки Кантаро, хранителя печати Кидо Кобити, председателя тайного совета Хиранума Киитиро, но не смогли их найти. Неудачей закончился и налет на токийскую радиостанцию.

Анами Корэтика

Так как войска токийского гарнизона не поддерживали заговорщиков, они вскоре сдались, а их руководители покончили с собой.

15 августа рескрипт императора Хирохито о принятии условий капитуляции был передан по радио.

В драматические дни второй декады августа 1945 г. многие высшие военные и политические деятели страны приняли решение свести счеты с жизнью. 11 августа неудачно попытался застрелиться бывший премьер-министр Тōдзё Хидэки. 15 августа покончили с собой военный министр генерал Анами Корэтика, создатель корпуса *камикадзе* вице-адмирал Ёниси Такидзирō, маршал Сугияма Хадзимэ, несколько командующих фронтами, один из бывших командующих Квантунской армией генерал Хондзё Сигэру и многие другие военные и политики.

15 августа, после оглашения императорского рескрипта, кабинет Судзуки в полном составе ушел в отставку. Кидо и ХираNUMA рекомендовали императору поручить возглавить кабинет принцу Хигасикуни Нарухико, который 17 августа закончил формирование нового правительства. Заместителем премьера и министром без портфеля стал Коноэ, министром иностранных дел и министром по делам Восточной Азии — Сигэмицу, военно-морским министром — Ёнаи. Пост военного министра Хигасикуни оставил за собой.

Император издал обращение к военнoслужашим, призвав их обеспечить спокойствие в стране. Однако обстановка продолжала оставаться напряженной. Группа офицеров собиралась воспрепятствовать высадке американских сил в районе Токио. Императору пришлось направить к ним своего брата, принца Такамацуномиа, чтобы убедить их отказаться от своего намерения.

Операции советских войск на Дальнем Востоке

Заявление японского правительства о принятии условий Потсдамской декларации еще не означало прекращения войны. Продолжались боевые действия между советскими и японскими войсками. Они начались в ночь на 9 августа сразу на нескольких направлениях. Соединения Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов при активном содействии авиации и Тихоокеанского флота вступили на территорию Маньчжурии одновременно с востока и с запада.

В первый же день советские войска добились значительных успехов. Так, соединения Забайкальского фронта продвинулись на расстояние 50–70 км, а 6-я гвардейская танковая армия, наступавшая на Чанчунь, — даже на 150 км. Японское командование под ударами советских войск спешно отводило свои силы в глубь

Маньчжурии. Оно собиралось организовать оборону на рубеже железных дорог Тумынь–Чанчунь и Чанчунь–Дальний, однако продвижение сил Забайкальского фронта к жизненно важным центрам Маньчжурии было настолько быстрым, что планы командования Квантунской армии оказались сорванными.

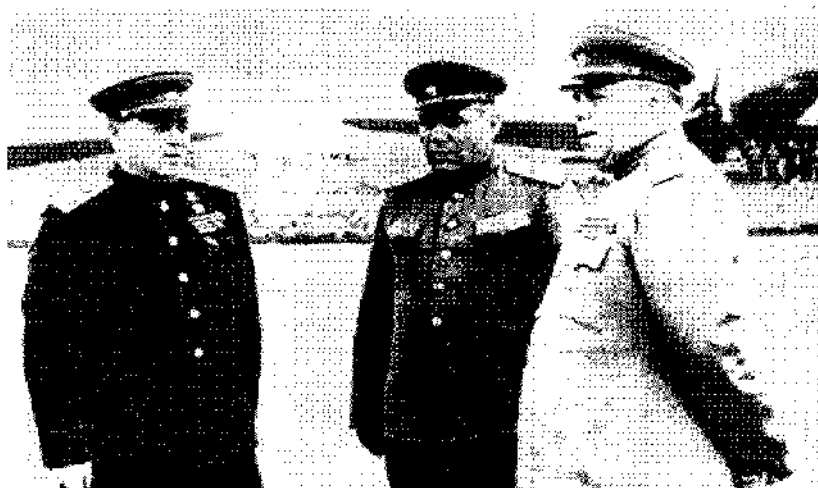
В течение первых пяти суток 6-я гвардейская танковая армия Забайкальского фронта продвинулась более чем на 450 км. В результате боев 9–14 августа войска Забайкальского фронта вышли на Маньчжурскую равнину, в глубокий тыл японских войск, создав предпосылки для окружения и полного разгрома основных сил Квантунской армии.

Продвижение войск 1-го Дальневосточного фронта было не столь быстрым, поскольку его частям пришлось преодолевать наиболее мощные линии обороны. Тем не менее к исходу 14 августа они углубились на территорию Маньчжурии на 120–150 км и вступили в бой за г. Муданьцзян. Японцы оказали там ожесточенное сопротивление. Поскольку бои приняли затяжной характер, советское командование, стараясь поддержать высокий темп наступления, приняло решение обойти Муданьцзян с юга и прорваться в район Гирина. Тем временем Квантунская армия оказалась отрезанной и от Японии, и от Кореи, поскольку десанты советского Тихоокеанского флота овладели портами на побережье Японского моря.

Войска 2-го Дальневосточного фронта к 14 августа прорвали оборону японцев в районе Хэйхэ, преодолели горный хребет Малый Хинган и продвигались к Цицикару. Основная группировка войск фронта вела бои за овладение опорными пунктами в районе городов Цзямусы и Баоцин, которые прикрывали подступы к Харбину. Таким образом, войска этого фронта за 6 дней наступления продвинулись примерно на 120 км и завязали бои за выход в Центральную Маньчжурию.

15 августа по радио был передан императорский указ о принятии условий капитуляции. С этого дня боевые действия между американскими, британскими и японскими вооруженными силами были прекращены. Однако части Квантунской армии, противостоявшие советским войскам, приказа о капитуляции не получили и продолжали сопротивление. Поэтому 16 августа Генеральный штаб Красной Армии дал специальное разъяснение, согласно которому «капитуляцию вооруженных сил Японии можно считать только с того момента, когда японским императором будет дан приказ своим вооруженным силам прекратить боевые действия и сложить оружие, и когда этот приказ будет практически выпол-

няться». Поэтому советские войска продолжали наступательные операции.

Слева направо: командующий 1-м Дальневосточным фронтом К.А.Меретсков, командующий Забайкальским фронтом Р.Я.Малиновский, главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке А.М.Василевский. Далянь (Дальний, Дайрен), август 1945 г.

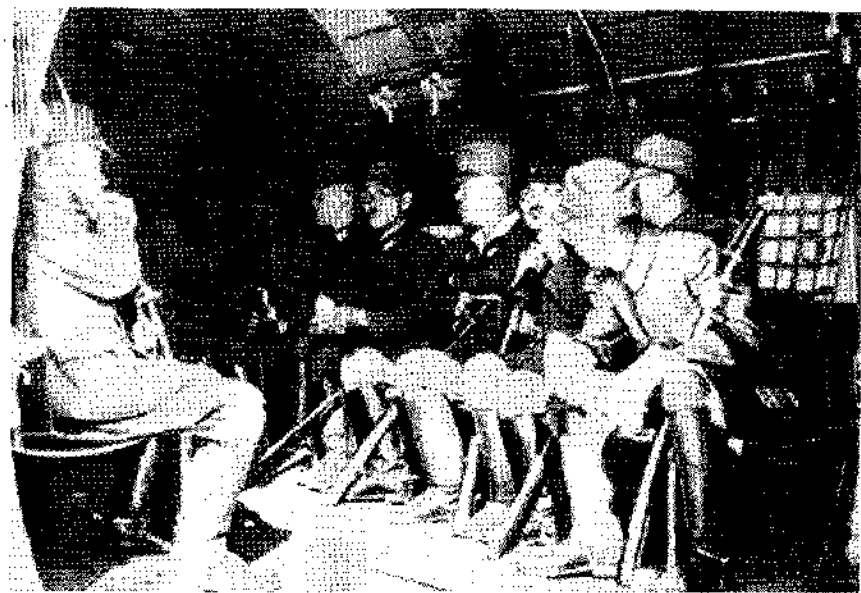
С 15 по 20 августа 1945 г. проходил второй этап маньчжурский наступательной операции. В это время войска Забайкальского фронта продвинулись в глубь Маньчжурии на 360–600 км, а войска 1-го Дальневосточного фронта, преодолев свыше 500 км, достигли центральных районов Маньчжурии и продолжали движение на соединение с Забайкальским фронтом. Основная для 2-го Дальневосточного фронта сунгарийская наступательная операция завершилась к 20 августа с прибытием кораблей Амурской флотилии в Харбин, где 18 августа уже был высажен воздушный десант.

Находясь перед фактом военного разгрома, японское командование обратилось к главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке маршалу А.М.Василевскому с предложением начать переговоры о прекращении военных действий. 17 августа командующий Квантунской армией генерал Ямада Отодзё уведомил советскую сторону о том, что он отдал приказ войскам о немедленном прекращении боевых действий и сдаче оружия. Однако фактически на многих участках фронта японские войска про-

должали сопротивление. Поэтому Василевский передал Ямада в тот же день следующую радиogramму:

«Штаб японской Квантунской армии обратился по радио к штабу советских войск на Дальнем Востоке с предложением прекратить военные действия, причем ни слова не сказано о капитуляции японских вооруженных сил в Маньчжурии. В то же время японские войска перешли в контрнаступление на ряде участков советско-японского фронта. Предлагаю командующему Квантунской армии с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдаться в плен... Как только японские войска начнут сдавать оружие, советские войска прекратят боевые действия».

18 августа генерал Ямада передал войскам приказ прекратить сопротивление. 19 августа он подписал в Чанчуне акт о безоговорочной капитуляции.

Пленные японские генералы перед отправкой в тыл советских войск

Только тогда началась организованная сдача в плен японских войск в Маньчжурии. Она продолжалась до конца месяца. Однако даже это не означало, что боевые действия полностью прекратились. Только 22 августа после мощной артиллерийской и авиационной подготовки удалось штурмом овладеть Хутоуским узлом сопротивления, 3-тысячный гарнизон которого был почти полно-

стью истреблен. Еще более упорное сопротивление советским войскам пришлось преодолеть при ликвидации Дуннинского укрепленного района, остатки гарнизона которого сдались лишь 26 августа.

В ходе военных действий в Маньчжурии советскими войсками было взято большое число пленных (почти 600 тыс.) и захвачены многочисленные трофеи: 686 танков, 861 самолет, 1836 орудий, 2361 автомашина, множество боеприпасов.

Одновременно с Маньчжурской разворачивалась Южно-Сахалинская операция, начавшаяся 11 августа. Там советские войска встретили ожесточенное сопротивление. Прорвать полосу обороны японцев удалось лишь 17 августа. Действия советских наземных сил затруднялись недостаточной — из-за нелетной погоды — поддержкой авиации. 20 августа был высажен морской десант в районе порта Маоска (совр. Холмск), а 25-го числа был занят последний опорный пункт японцев на острове — военно-морская база Отомари (совр. Корсаков).

Напряженные бои шли и в ходе Курильской десантной операции, которая началась 18 августа десантом на о-в Шумшу и завершилась высадкой на о-в Кунашир 1 сентября. Всего на Курильских о-вах было взято в плен до 60 тыс. японских солдат и офицеров.

В обращении к советскому народу по случаю подписания Японией акта о безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. говорилось:

«Поражение русских войск в 1904 г. в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжелые воспоминания... Сегодня Япония признала себя побежденной и подписала акт безоговорочной капитуляции. Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу, и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии».

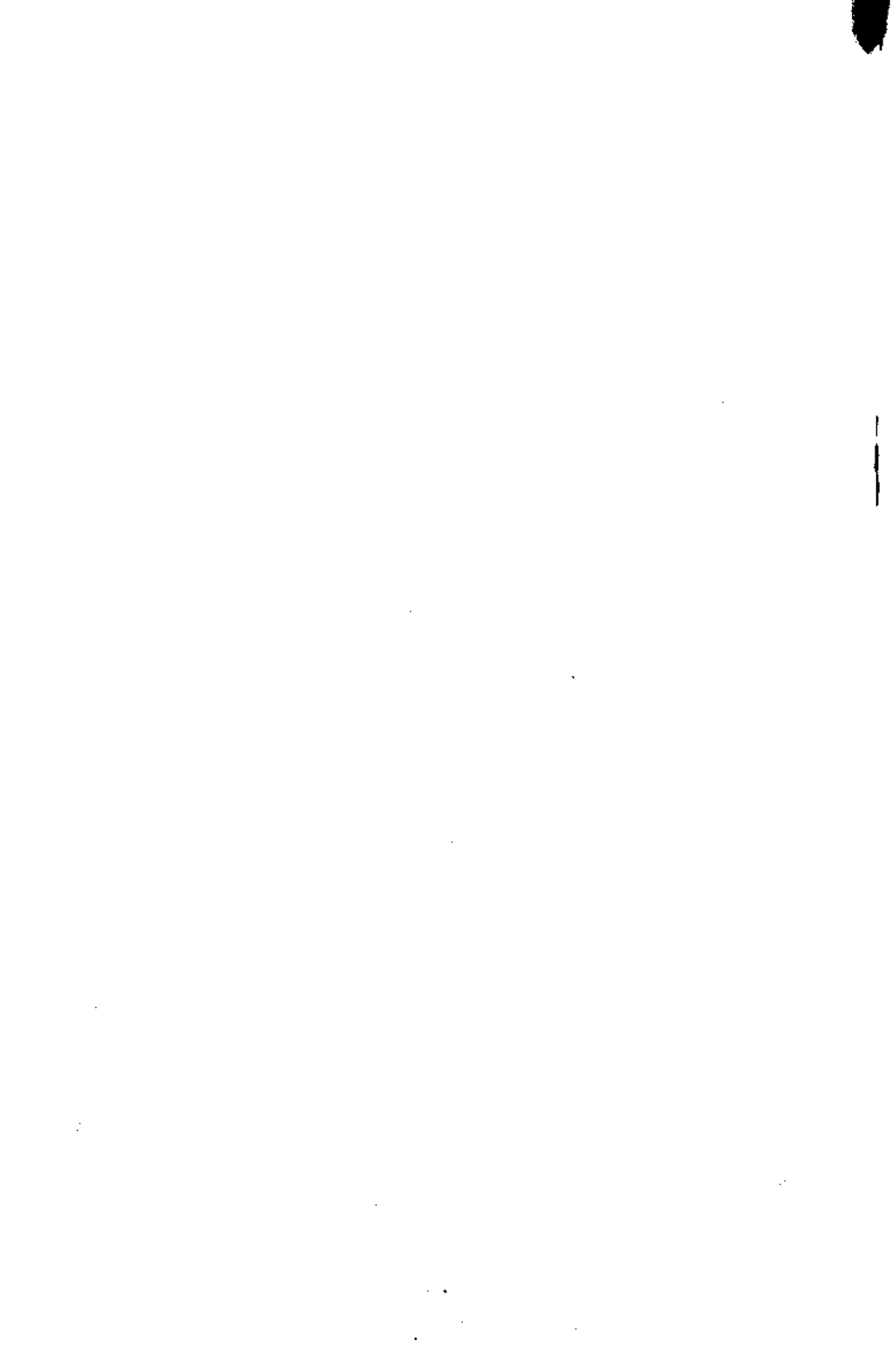
* * *

После принятия Японией условий Потсдамской декларации вся подготовительная работа по организации официального подписания акта о капитуляции проводилась штабом Макартура в Маниле. Там 20 августа японским представителям был вручен акт о капитуляции, согласованный союзными державами. Церемония его подписания была назначена на 2 сентября 1945 г. Этот день принято считать датой окончания второй мировой войны.

РАЗДЕЛ III

ЯПОНИЯ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ

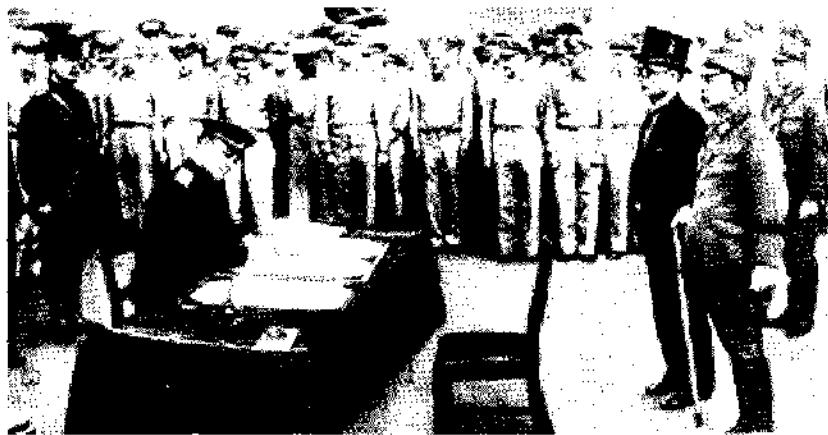

Часть 1

ЯПОНИЯ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ

В девять часов утра 2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури», вошедшего в Токийский залив, был подписан акт о капитуляции Японии. От Японии это сделали министр иностранных дел Сигэмицу Мамору и генерал Умэдзу Ёсидзирō, представлявшие, соответственно, правительство и императорскую ставку. От имени всех держав-победительниц акт подписал главнокомандующий союзными оккупационными войсками генерал Д.Макартур, от США — адмирал Ч.Нимиц, от Китая — генерал Су Юнчан, от Великобритании — адмирал Б.Фрейзер, от Советского Союза — генерал К.Н.Деревянко. За ними последовали подписи представителей Австралии, Франции, Голландии, Новой Зеландии и Канады.

Генерал К.Н.Деревянко ставит подпись под актом о капитуляции

Любивший театральные эффекты Макартур выставил на борту «Миссури» взятый из музея американский флаг, под которым коммодор Перри приплыл в 1854 г. «открывать» Японию. Ему хотелось подчеркнуть своеобразную преемственность американской политики диктата в отношении Японии. Однако смысл происшедших событий был иным.

Глава I

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОРАЖЕНИЯ ЯПОНИИ

Непосредственные итоги войны для Японии

Международные последствия поражения Японии Поражение Японии ознаменовало собой кардинальное изменение соотношения сил в Азии и на Тихом океане. Со времени японо-китайской войны (1894—1895) Япония выступала там как региональная, а после Портсмутского мира (1905) и как великая держава. Ни одна международная проблема в этом регионе не могла решаться без ее участия или, во всяком случае, без тщательного учета японских интересов. Японская империя включила в сферу своего влияния территории, население которых значительно превосходило население собственно Японских о-вов.

После капитуляции Японская империя как фактор международной политики перестала существовать. На огромных пространствах Восточной и Юго-Восточной Азии и Тихого океана образовался вакуум, который стремились заполнить новые силы.

В новых условиях резко усилились позиции США. Во-первых, именно они сыграли главную роль в военном разгроме Японии, что автоматически обеспечило им мощное военное присутствие на территории и в сфере влияния бывшего противника. Во-вторых, метрополии других стран, традиционно имевших интересы и колониальные владения в этом районе мира (Великобритания, Франция, Голландия), были серьезно ослаблены в результате войны в Европе и не могли составить полноценную конкуренцию американцам. В-третьих, Китай в то время не мог претендовать на роль новой региональной державы, поскольку также был разорен войной и находился в состоянии внутренней нестабильности, вылившейся в многолетнее вооруженное противоборство сил правительства Чан Кайши и коммунистических повстанческих армий под руководством Мао Цзэдуна.

На востоке Азии остались только две силы, способные противодействовать американской политике. Это был, во-первых, Советский Союз, позиции которого на Дальнем Востоке в 1945 г. чрезвычайно укрепились после размещения там мощной военной группировки и прямого военного участия в разгроме Японии. Другой такой силой было национально-освободительное движение народов колониальных стран Азии. В нем также имелась

коммунистическая составляющая, что делало его потенциальным резервом роста советского влияния. Со своей стороны, и Соединенные Штаты стремились использовать его для укрепления собственных позиций и вытеснения из Азии своих европейских конкурентов. Американская пропаганда подчеркивала, что, в отличие от Великобритании, Франции и Голландии, США не имели колоний и выступали за политическое освобождение азиатских народов.

Таким образом, все новые районы мира втягивались в глобальную конфронтацию США и СССР. На Восточную и Юго-Восточную Азию распространилось то же советско-американское противостояние, которое наметилось в Европе после разгрома гитлеровской Германии. Правда, возможности США были здесь в тот момент более предпочтительными. Что же касается Японии, то она не играла больше никакой активной роли ни в мировых, ни даже в региональных делах.

Внутриполитические последствия поражения в войне

С военным поражением и капитуляцией императорской Японии начался относительно короткий (сентябрь 1945 г.—апрель 1952 г.), но насыщенный очень важными событиями период японской истории.

Главным политическим инструментом японского монархического строя была фактически неподконтрольная общественности бюрократическая машина, добивавшаяся от граждан подчинения всеми, в том числе и репрессивными, методами. В свое время утверждение такого типа политической организации помогло Японии мобилизовать внутренние ресурсы, чтобы отстоять свою независимость, провести модернизацию и даже выйти в разряд мировых держав.

Вместе с тем такой режим был несовместим с тенденцией к расширению гражданских прав и политических свобод, которая отражала реальные изменения в социально-экономической структуре японского общества. Появившиеся было в 20-е годы надежды на постепенную демократизацию в рамках политического строя, определенного конституцией 1889 г., оказались иллюзорными. Напротив, произошел рост экспансионистских устремлений, усилилась милитаризация всех областей жизни, и Япония вступила в долгую полосу военных авантюр.

Поэтому поражение Японии во второй мировой войне означало одновременно окончательный крах веры японцев в неизбежность прежних государственных устоев, полное банкротство ее прежней политической системы.

Экономические и социальные последствия войны

Помимо проведения демократических реформ перед Японией стояли неотложные задачи восстановления деформированного и разрушенного войной народного хозяйства, перевода милитаризованной экономики на мирные рельсы, разрешения многочисленных социальных проблем.

Поражение в войне лишило Японию всего, что принесли ей военные успехи прежних лет, начиная с победы в японо-китайской войне 1894–1895 гг. Она потеряла все свои колонии и сферы влияния в Азии, со всем находящимся в них имуществом (промышленными предприятиями, рудниками, земельными участками и т.д.). В ходе войны прекратились зарубежные поставки в Японию сырьевых и топливных ресурсов, была потеряна большая часть грузовых судов. В результате в стране ощущалась острая нехватка сырья, топлива и продуктов питания.

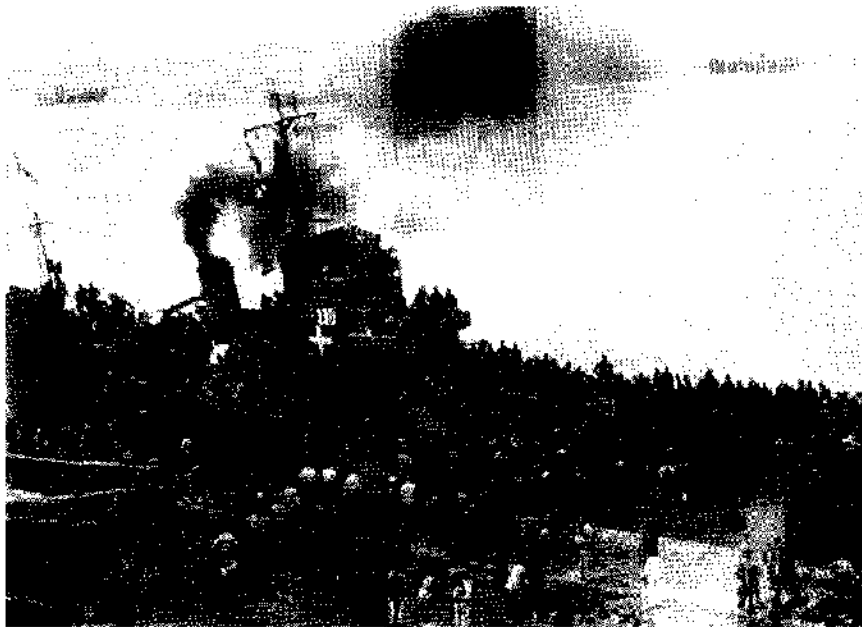
Самый драматический характер приобрела продовольственная проблема. Япония, из-за отсталости ее сельского хозяйства, и до войны не могла обеспечить себя полностью собственными продуктами питания. Зависимость от импорта главного вида продовольствия — риса — приближалась к 20%. К концу войны собственное производство риса резко сократилось (в 1945 г. — до 5,8 млн. т, т.е. до 57% от уровня 1939 г.). При этом ввоз риса из Кореи и с оккупированных территорий был затруднен, а в августе 1945 г. — полностью прекращен. Введенная в 1939 г. государственная система распределения риса и «замещающих продуктов» предусматривала нормы, не удовлетворявшие физиологические потребности человека. На этом фоне после войны расцвел продовольственный «черный рынок», цены которого были недоступны для большинства населения.

Огромные потери Япония понесла от американских «ковровых» бомбардировок. Было разрушено 98 из 206 городов. Страна лишилась четверти всего жилого фонда. Пострадала и японская промышленность — четверть производственных мощностей в станкостроении, автомобилестроении, паровозо- и вагоностроении, производстве меди и алюминия перестали существовать.

Правда, в большинстве ключевых отраслей все же сохранилось до 70-80% производственного оборудования. Однако оно было сильно изношено из-за сверхнормативной загрузки в военные годы. Кроме того, промышленность была ориентирована на военное производство, и чтобы эффективно использовать ее в мирное время, требовалась широкомасштабная конверсия. В полный упадок пришли отрасли, производившие потребительские товары, на-

пример, текстильная промышленность. В конце войны дело доходило до скрапирования машин и оборудования на сырье для производства оружия.

Экономическое положение осложнялось миграционными процессами. После войны в Японию вернулось 5,38 млн. демобилизованных и репатриантов из колоний. Их нужно было накормить, обеспечить жильем, работой. К тому же к прежним местам жительства возвращались и многие насильно призванные на работу в военную промышленность (их было более 6 млн. чел.). На де-

**Солдаты бывшей японской императорской армии
прибывают в порт Хаката из Кореи**

кабрь 1945 г. насчитывалось 13,2 млн. чел., искавших новое место работы. В апреле 1946 г. число фактически безработных превышало 10% трудоспособного населения, а вместе с занятыми лишь частично — 20%.

Преодолению нищеты и восстановлению народного хозяйства мешала прогрессирующая инфляция. В военное время финансирование военных расходов нельзя было обеспечить только за счет налогов, и правительство широко прибегало к государственным займам. К концу 1944 г. накопленный государственный долг в 2

раза превышал размер годового валового национального продукта (ВНП).

Наконец, Япония была поставлена перед необходимостью выплаты колоссальных репараций странам, пострадавшим в результате оккупации или в ходе военных действий. Тяжелое положение экономики углублялось и неопределенностью политического будущего страны.

Особенности оккупации Японии

Механизм осуществления оккупации

В середине августа 1945 г., непосредственно после заявления Японии о капитуляции, между И.В.Сталиным и президентом США Г.Трумэном состоялся обмен письмами по поводу определения районов сдачи японских войск, соответственно, советским и американским вооруженным силам, а также по вопросам, связанным с последующей оккупацией японской территории. В своем письме от 16 августа Сталин заметил, что поскольку «японцы в 1919–1921 гг. держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток», то «русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели бы района оккупации в какой-либо части собственно японской территории».

Однако в условиях уже явно наметившегося противоборства между СССР и западными союзниками в вопросе о послевоенном мировом устройстве правительство США стремилось осуществить оккупацию Японии только своими силами. В своем ответе Сталину от 18 августа Трумэн отклонил предложение Советского Союза об участии его войск в оккупации северной части Хоккайдō, заметив, что генерал Д.Макартур (в тот момент — командующий вооруженными силами США на Тихом океане) будет использовать «символические союзные вооруженные силы, которые, конечно, будут включать и советские вооруженные силы» для «временной оккупации» «части собственно Японии». Такой вариант не устроил Сталина, и вопрос об участии советских войск в оккупации Японии был закрыт.

Накануне подписания акта о капитуляции главнокомандующим союзными оккупационными войсками (в них, помимо американцев, реально входил лишь небольшой британский контингент) был назначен генерал Макартур. Штаб главнокомандующего, учрежденный 28 августа 1945 г. в Иокогаме, 15 сентября переместился в Токио.

Гарри Трумэн и Дуглас Макартур

6 сентября 1945 г. Трумэн одобрил разработанные совместно госдепартаментом, военным и морским министерствами «Основные принципы политики США в отношении Японии в начальный период оккупации». Этот документ был направлен Макартуру в виде директивы (в Японии опубликован 22 сентября). В нем были

указаны конечные цели оккупации: во-первых, «обеспечить, чтобы Япония не стала вновь угрозой для Соединенных Штатов или для мира и безопасности во всем мире»; во-вторых, «создать миролюбивое и ответственное правительство, которое уважало бы права других государств и поддерживало бы американские цели, отраженные в идеалах и принципах хартии Объединенных наций».

Главкомандующего оккупационными войсками ориентировали действовать «через японское правительство, включая императора и другие органы». За японским народом признавалась «свобода перемены формы правления в Японии, если подобная перемена не будет противоречить безопасности американской армии и осуществлению целей оккупации». Стремление Вашингтона обеспечить приоритет национальных интересов США нашло отражение в указании главнокомандующему «следовать американской политике» в тех случаях, когда «между главными союзными державами возникнут разногласия».

В результате, для оккупационного режима в Японии были характерны два момента. Во-первых, оккупация осуществлялась американскими войсками, выступавшими от имени союзных держав. Во-вторых, назначенный правительством США главнокомандующий оккупационными войсками, определяя направление преобразований в Японии, издавал обязательные для исполнения рекомендации (меморандумы и директивы главнокомандующего) и передавал их правительству Японии, которое проводило их в жизнь от своего имени, под свою ответственность и во многих случаях при необходимом законодательном оформлении.

С большим трудом, главным образом из-за советско-американ-

ских разногласий, продвигалось учреждение странами-союзницами по второй мировой войне совместного механизма контроля над осуществлением условий капитуляции Японии. По компромиссному решению, достигнутому в декабре 1945 г. на Московском совещании министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, были созданы два таких органа: Дальневосточная комиссия и Союзный совет для Японии.

Дальневосточная комиссия учреждалась в Вашингтоне из представителей СССР, США, Англии, Китая, Франции, Голландии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, Индии и Филиппин (позже также Бирмы и Пакистана). Она должна была «формулировать политическую линию, принципы и общие основания, в соответствии с которыми может осуществляться выполнение Японией ее обязательств по условиям капитуляции». Решения комиссии принимались большинством при совпадении голосов представителей СССР, США, Англии и Китая (принцип единогласия великих держав). Было определено, что директивы правительства США главнокомандующему оккупационными войсками в Японии должны соответствовать политической линии, установленной Дальневосточной комиссией, а по особо важным вопросам, включая изменение конституции, даваться с согласия комиссии.

Союзный совет для Японии учреждался в Токио как совещательный орган из представителей США, СССР, Китая и еще одного члена Совета, представляющего Великобританию, Австралию, Новую Зеландию и Индию. Главнокомандующий должен был консультироваться с Советом «до дачи приказов по вопросам, имеющим существенное значение». Предусматривалось право каждого члена Совета приостановить действия главнокомандующего и передать спорную проблему на обсуждение Дальневосточной комиссии.

Этапы оккупационной политики

Весь период оккупации Японии можно разделить на два этапа — 1945–1948 и 1949–1951 гг. Главным содержанием первого из них стали охватившие все стороны жизни страны реформы, которые открыли возможность для ее развития по новому, демократическому пути. Второй период характеризовался, прежде всего, стремлением стабилизировать общественно-политическую жизнь Японии при одновременном фактическом отказе от некоторых наиболее радикальных преобразований в сфере экономики и политики, за что он получил в публицистической и научной литературе название «обратного курса».

Чтобы понять причины изменений в оккупационной политике, нужно обратиться к анализу сил, определявших ее направленность, и обстоятельств, в которых она осуществлялась.

Главным фактором, определявшим направление развития Японии, была, конечно, оккупационная администрация, в которой, как уже говорилось, полностью доминировали американцы. Таким образом, несмотря на формальное представительство в ней других стран-победительниц, можно считать, что ее деятельность была отражением внешней политики США. Соответственно, на развитие событий в Японии исключительно сильное воздействие оказывали глобальные цели, которые преследовала эта формировавшаяся сверхдержава, уже выдвинувшая свои претензии на мировое лидерство.

Непосредственно после войны правящие круги США стремились упрочить американские позиции в Азии, как бы наследуя бывшую сферу влияния Японской империи. Об этом свидетельствует их высокая военно-политическая и дипломатическая активность в Китае, Корее, на Филиппинах и на островах Тихого океана (а позднее и в Юго-Восточной Азии, где США стали постепенно брать на себя роль ослабленных в результате войны Франции, Голландии и Великобритании). В Китае и на Корейском полуострове геополитические устремления американцев столкнулись с планами Советского Союза, также старавшегося включить в сферу своего влияния долю японского наследия, оказывая поддержку быстро укреплявшимся там коммунистическим силам. Это сделало неизбежным возникновение важнейшей в то время зоны советско-американского противостояния вне Европы и предопределило усиление антикоммунистической направленности американской политики.

В дальнейшем борьбу вокруг определения целей и задач оккупационной политики определяли три взаимосвязанных фактора.

Во-первых, нарастание глобального противоборства между США и СССР и развитие «холодной войны». Этот процесс сопровождался поляризацией сил на мировой арене, постепенным вовлечением большинства стран мира в противостояние в качестве «клиентов» одной из двух сверхдержав. Это касалось и Японии, где США старались всячески упрочить свое влияние, а Советский Союз — по мере возможности их влияние подорвать.

Во-вторых, заметная радикализация политических сил в самой послевоенной Японии. На фоне всеобъемлющего социально-экономического кризиса, на волне отрицания милитаризма и прежней имперской политики выросло влияние наиболее радикальных

критиков «проклятого прошлого» — левых социалистов и коммунистов. Их роль была тем более значительной, что они сумели занять прочные позиции в профсоюзном движении. Хотя эти силы поначалу в целом лояльно сотрудничали с оккупационными властями, в дальнейшем их антиамериканский потенциал стал проявляться все более отчетливо. Любопытно, что в своем неприятии «американского империализма» японские левые стали, возможно, самыми громкими защитниками японских «национальных ценностей» в обстановке, когда даже мелкие проявления национализма решительно осуждались.

В-третьих, в результате успеха коммунистов в гражданской войне в Китае существенно изменилась международная ситуация. Это привело к пересмотру важнейших стратегических установок американской политики в Азии. Если в первые послевоенные годы США ориентировались на правительство Чан Кайши в качестве своего главного военно-политического союзника в этом районе мира, делая ставку на его победу над силами Мао Цзэдуна, то позже эта роль стала переходить к Японии. Соответственно, примерно в середине 1948 г. подвергся корректировке и курс оккупационных властей. Японский «государственный пацифизм» стал невыгоден Соединенным Штатам, так же как и полное подавление японского военно-промышленного потенциала. Это проявилось особенно отчетливо, когда «холодная война» перешла в «горячую» фазу на Корейском п-ове.

Глава 2

ПЕРВЫЙ ЭТАП ОККУПАЦИИ (1945–1948)

Задачи первого этапа оккупации

Пока главным партнером Соединенных Штатов в первые послевоенные годы оставался гоминдановский Китай, в отношении Японии нее проводилась, скорее, политика нейтрализации возможного конкурента. Преобладающее внимание уделялось тому, как исключить на будущее военную угрозу со стороны Японии и не допустить возрождения ее военного потенциала. В экономической сфере предполагалось обеспечить развитие японской экономики до уровня самоудовлетворения социальных потребностей, исключая возможность превращения ее в конкурента США на внешних рынках. В области общественно-политической ставилась задача создать в стране демократический режим, подобный существующим на Западе, который возглавляли бы лояльные Соединенным Штатам политики. С одной стороны, это отвечало идеологическим установкам американских правящих кругов, с другой — считалось, что такой режим служил бы гарантией против реанимации милитаризма и призывов к внешней экспансии.

Вопрос о «коммунистической угрозе» в начальный период оккупации в практическом плане еще не стоял — отчасти потому, что советско-американские отношения не успели обостриться до крайности; отчасти, поскольку коммунистического движения в Японии в начале осени 1945 г. попросту не существовало, оно было полностью разгромлено еще в предвоенные годы. Поэтому оккупационные власти считали возможным стимулировать в Японии любую «позитивную», т.е. антимилитаристскую и демократическую политическую активность — в частности, развитие профсоюзного движения.

Впрочем, оккупационный режим в Японии обеспечивал внутрисполитическую стабильность на время формирования и упрочения новой системы государственной власти и преодоления наиболее острой фазы послевоенного экономического кризиса. Это предоставило возможность последовательно проводить реформы, не слишком опасаясь того, что радикальным политическим элементам какого-либо толка удастся дестабилизировать положение в стране.

Кроме того, тот факт, что большая часть демократических реформ проводилась в то время, когда политическая жизнь в Японии еще не столь ощутимо, как в последующие годы, испытывала влияние логики глобальной конфронтации двух систем, благоприятно сказался на качестве и темпах преобразований. В результате политика оккупационной администрации Макартура в значительной степени совпала с чаяниями другой мощной силы, стимулировавшей процесс реформ — широкого демократического движения японского народа.

Требование Потсдамской декларации отстранить от власти и ликвидировать влияние сил, толкнувших Японию на путь безответственного милитаризма, нашло живой отклик в стране. Хотя реформы проводились под руководством и при активном участии оккупационной администрации, японское общество не было лишь пассивным объектом реформаторской деятельности, и это сказалось на характере и темпах перемен. Надо отдать должное авторам Потсдамской декларации, потребовавшим снять все препятствия «к возрождению демократических тенденций среди японского народа». Слово «возрождение», включенное в текст, как утверждается, по предложению британского правительства, свидетельствует о понимании того, что успехи будущих реформ во многом зависели от опоры на демократические тенденции, вызревшие в ходе исторического развития самого японского общества.

В результате, в начальный период оккупации были предприняты шаги, чтобы включить в процесс демократических преобразований самые разнообразные общественные силы, чья политическая деятельность прежде искусственно ограничивалась и подавлялась. Одновременно были удалены с политической сцены военные круги, наиболее одиозные реакционные политики, а также распущены суррогатные структуры, подменявшие партии и профсоюзы.

Было бы также неверно недооценивать роль государственных деятелей Японии периода оккупации в осуществлении реформ. Избранная победителями косвенная (в отличие от Германии) система управления для оккупированной Японии оставляла им немалые возможности проявить свое политическое лицо и не быть простыми марионетками в руках оккупационных властей.

В соответствии с актом о капитуляции японское правительство обязалось «честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения, предпринимать те действия, которые в целях осуществления этой декларации потребует верховный командующий союзных держав». В целом японские кабинеты

периода оккупации следовали этому обязательству. Японские политики, большинство из которых проявило себя еще в предвоенные годы, сумели осознать, что провозглашенные Потсдамской декларацией цели демократизации и демилитаризации Японии независимо от того, чем руководствовались государства-победители, были приемлемы для Японии, объективно отвечая ее долгосрочным национальным интересам.

Демократизация общественно-политической жизни

Подготовка условий для демократизации

Среди первых шагов оккупационных властей наибольшее значение имели принятые ими решительные меры, направленные на устранение многочисленных преград на пути демократизации японского общества. Необходимо было преодолеть сопротивление и консерватизм японских правящих кругов.

Образованное 17 августа 1945 г., на второй день после капитуляции Японии, правительство во главе с принцем Хигасикуни Нарухико, в целом, не было нацелено на крупные реформы. Стараясь по мере возможности сохранить прежние основы государственного строя, кабинет Хигасикуни (его называли «правительством императорской семьи») не имел намерения активно сотрудничать с победителями в осуществлении требований Потсдамской декларации. Его обещания демократических свобод сопровождались разного рода условиями и оговорками при отсутствии конкретных дел. Поэтому инициатива в деле демократизации общественно-политической жизни Японии на этом этапе целиком оказалась в руках оккупационных властей.

В сентябре 1945 г. главнокомандующий оккупационными войсками направил правительству серию меморандумов, касавшихся свободы слова, правил работы газет и радио. В них содержались требования обеспечить независимость суждений средств массовой информации (но в части информации и оценок, касавшихся оккупационных властей, вводились ограничения).

4 октября штаб главнокомандующего вручил правительству «Меморандум об отмене политической полиции», включавший следующие требования:

- гарантировать свободу мысли (в том числе свободу дискуссии об императоре и императорском дворе), свободу совести, собраний, слова;
- отменить Закон об охране общественного порядка и другие законы, указы, министерские приказы и правила, подавляющие свободы; немедленно приостановить их действие;

- освободить политических заключенных;
- упразднить политическую полицию (*токко*) и органы надзора за общественным мнением;
- отстранить от службы министра внутренних дел и чиновников, причастных к деятельности политической полиции и преследованиям за политические убеждения.

Политика кабинета Хигасикуни была основана на использовании авторитета императора для того, чтобы предотвратить эксцессы, связанные со сдачей войск, и возможные общественные беспорядки (голодные бунты и т.п.). Полная отмена ограничений на политические, гражданские и религиозные свободы была несовместима с такой линией. 5 октября Хигасикуни объявил об отставке кабинета министров под предлогом, что он выполнил свою задачу.

При неофициальном одобрении штаба главнокомандующего оккупационными войсками император назначил премьер-министром Сидэхара Кидзёрё. Это был более приемлемый для американцев политик. Занимая во второй половине 20-х годов в ряде довоенных правительств посты министра иностранных дел, Сидэхара считал желательным достижение согласия с США и Великобританией (выражение «дипломатия Сидэхара» в смысле «примирительная, прозападная дипломатия» было нарицательным на рубеже 20–30-х годов). После того, как в 1931 г. Япония оккупировала Маньчжурию, он отошел от активной политической деятельности. В сформированном им 9 октября правительстве осталось несколько человек из предыдущего, в том числе министр иностранных дел Ёсида Сигэру — видный дипломат, пользовавшийся доверием американцев.

11 октября Макартур при личной встрече с новым премьер-министром указал на необходимость либерализации конституции и проведения реформ с целью гарантировать права человека. Главными направлениями таких реформ были названы обеспечение участия женщин в политике, поощрение деятельности профсоюзов, свободное школьное образование, исключение проявлений абсолютизма и политических притеснений, ограничение монополии в промышленности и внешней торговле, а также демократизация экономического механизма.

Правительство Сидэхара начало осуществление этой программы.

10 октября началось освобождение политических заключенных: из тюрем вышло около 3 тыс. чел. Затем последовала отмена

ряда реакционных законов, в том числе Закона об охране общественного порядка.

Лидеры японских коммунистов выходят из тюрьмы Футий (октябрь 1945 года). Крайний слева — Токуда Кёити, на переднем плане — Сяга Ёсиро. Оба провели в заключении по 18 лет. Арестованный вместе с ними Итикава Сёити не дожидаясь освобождения полгода

Отмена законов и многие другие важные действия правительства осуществлялись без участия парламента на основе специального императорского указа от 29 сентября 1945 г. Этим указом для осуществления требований оккупационных властей допускалось принятие не законов, а императорских, а также правительственных указов и министерских приказов. Примечательно, что введение управления на основе такого рода указов, которые стали называть «потсдамскими», оправдывалось положениями конституции 1889 г. о законодательстве в чрезвычайных обстоятельствах.

За короткий срок в октябре–декабре 1945 г. по «потсдамским указам» были ликвидированы не только наиболее одиозная политическая полиция, но и полиция безопасности (жандармерия), министерство внутренних дел, а также военное и морское министерства.

Преследование военных преступников и «нежелательных лиц»

Большое внимание оккупационные власти уделяли устранению одиозных деятелей прежнего режима от руководящих постов в государственных и общественных органах и даже в экономической сфере. Предполагалось, что это должно облегчить демократические преобразования, предотвратить возможность ремилитаризации Японии. Для этого использовались как судебное преследование (суды, формировавшиеся государствами-победителями), так и административные ме-

ры (отстранение от должностей, осуществлявшееся японским правительством по указанию штаба главнокомандующего оккупационными войсками).

Скамья подсудимых на Токийском процессе

11 сентября штаб Макартура опубликовал первый список подозреваемых в военных преступлениях «класса А». В него были включены бывший премьер-министр Тодзё Хидэки, многие министры и другие видные деятели военного времени. В конечном счете перед Международным военным трибуналом для Дальнего Востока, учрежденным из представителей 11 государств, пострадавших от японской агрессии, предстало 28 обвиняемых в качестве главных военных преступников.

Токийский процесс, длившийся с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г., осудил агрессивные войны Японии в 1937–1945 гг., установил преступный характер политики японского руководства, принесшей громадные жертвы и лишения народам многих стран и

народу самой Японии. 7 подсудимых, в том числе бывшие премьер-министры Тодзё, Хирота и военный министр Итагаки, были приговорены к смертной казни и повешены, 16 человек были осуждены на пожизненное тюремное заключение и двое — на меньшие сроки. Двое подсудимых — Мацуока и Нагано — умерли до вынесения приговора, еще один — Окава — был признан невменяемым.

Помимо Токийского процесса главных военных преступников, в Сингапуре, Маниле, Гонконге, на о-ве Гуам, в Иокोगаме военные трибуналы рассматривали дела подозреваемых «класса В» и «С» (зверства и негуманное отношение к военнопленным и т.п.). По этим делам к смертной казни приговорили 937 чел., к пожизненному заключению — 358, к другим наказаниям более 3 тыс. чел.

В Советском Союзе значительно позже, в 1949 г., состоялся Хабаровский судебный процесс над бывшими военнослужащими японской армии, обвинявшимися в подготовке и применении бактериологического оружия. К различным срокам тюремного заключения были приговорены 12 чел., в том числе командующий Квантунской армией Ямада.

Куда более широкие масштабы приняло административное преследование «нежелательных лиц». Вслед за начавшимся по указанию штаба Макартура увольнением сотрудников репрессивных органов японскому правительству специальным меморандумом было поручено устранить из сферы образования профессиональных военных и милитаристски настроенных лиц, а также восстановить тех, кто в предвоенные и военные годы был уволен за либеральные и пацифистские убеждения. В результате из сферы образования было удалено около 7 тыс. чел.

В соответствии с еще одним меморандумом (от 4 января 1946 года) к «нежелательным лицам» дополнительно были отнесены влиятельные члены Ассоциации помощи трону, Политической ассоциации Великой Японии и сотрудничавших с ними организаций, а также руководящие деятели предприятий и финансовых органов, имевших отношение к колониальной политике. В дальнейшем этот перечень был расширен, в него были включены руководители местных филиалов Ассоциации помощи трону, влиятельных промышленных компаний военного времени, экономических организаций, средств массовой информации и т.п. Всем этим лицам было запрещено занимать любые общественные должности.

По официальной статистике всему спектру репрессивных мер (включая отстранение с занимаемых постов и запрет на занятие общественных должностей) подверглись свыше 200 тыс. чел. Тем самым был нанесен чувствительный удар по управленческим кад-

рам, выдвинувшимся при прежней системе. Произошло значительное обновление и омоложение штатов правительственных учреждений и руководящего состава предприятий. Вместе с тем кампанейский характер отстранения «нежелательных лиц» вел к тому, что под репрессии зачастую попадали люди, не бывшие ревностными сторонниками прежней системы, преследование нередко использовалось в карьерных интересах.

Возрождение политических партий После роспуска 14 сентября 1945 г. Политической ассоциации Великой Японии в стране началось образование настоящих, неподконтрольных государству политических партий.

Главные из них оформились за короткое время в последние месяцы 1945 г. 2 ноября была создана Социалистическая партия Японии (СПЯ), некоммунистическая партия социалистической ориентации, которая объявила себя объединением трудящихся классов, стремящимся к учреждению демократической системы и обеспечению гражданских свобод. Она заявила, что отвергает капитализм и ставит целью путем построения социализма обеспечить стабилизацию и подъем жизни народа. Социалисты выступили также противниками милитаризма и поборниками вечного мира на основе сотрудничества всех народов.

Освобожденные из тюрем коммунисты немедленно начали восстановление своей партии, практически полностью разгромленной еще к 1935 г. жестокими репрессиями со стороны правительства. В декларации и программе действий Коммунистической партии Японии (КПЯ), принятых на ее IV (декабрь 1945 г.) и V (февраль 1946 г.) съездах, выдвигались требования демократических преобразований, строгого соблюдения Потсдамской декларации, ликвидации монархического строя, учреждения демократической республики, искоренения милитаризма и наказания военных преступников, роспуска монополий, народного контроля над банками и базовыми отраслями промышленности.

9 ноября 1945 г. политики из довоенной буржуазной партии Сэйюкай образовали Либеральную партию. Ее лидером был избран Хатояма Итиро.

16 ноября 1945 г. была учреждена Прогрессивная партия, ядро которой составили бывшие деятели Политической ассоциации Великой Японии. Председателем партии стал Матида Тюдзи, в нее вошел и премьер-министр Сидэхара. Основными лозунгами Прогрессивной партии были антикоммунизм и сохранение государственности. В нее вошло наибольшее число депутатов палаты представителей императорского парламента, но в феврале

1946 г. 260 из 274 ее депутатов, включая лидера партии Матида, попали под запрет занимать общественные должности как «нежелательные элементы» (такая же судьба постигла и 30 депутатов из 43 от Либеральной партии).

18 декабря 1945 г. была создана Японская кооперативная партия, руководители которой проповедовали идеи кооперации и сотрудничества между трудом и капиталом.

Первые послевоенные парламентские выборы Поскольку запланированный пересмотр конституции должен был осуществить парламент, оккупационные власти заблаговременно приняли шаги к изменению его состава. Надеяться на прежнюю палату представителей при засилье в ней «бывших» было бы опрометчивым.

В октябре 1945 г. по рекомендации Макарура правительство Сидэхара разработало проект закона о выборах, который 14 декабря был принят парламентом. К участию в выборах палаты представителей впервые наравне с мужчинами допускались женщины, возраст активного избирательного права снижался с 25 до 20 лет, а пассивного (т.е. права быть избранным) — с 30 до 25 лет. Шансы откровенных реакционеров на избрание в палату представителей снижались также осуществлением упомянутых выше указаний оккупационных властей о запрете им на занятие общественных должностей.

Кабинет Сидэхара принял решение назначить выборы в палату представителей по новому закону на 10 апреля 1946 г. Перспектива скорых выборов в парламент стимулировала стремительный рост числа партий, появившихся, как грибы после дождя.

Первые послевоенные парламентские выборы прошли при большой активности всех слоев населения. Лучших результатов на них добилась Либеральная партия (140 депутатских мандатов из 485), далее следовали Прогрессивная партия (94), СПЯ (93), Японская кооперативная партия (14), КПЯ (4). Остальные места достались мелким партиям и независимым кандидатам. Палата представителей стала многопартийной.

Правительство Сидэхара, опиравшееся на Прогрессивную партию, по совместному требованию остальных крупных партий ушло в отставку. Его последним актом стало опубликование 17 апреля текста новой конституции.

Через месяц император назначил (разумеется, с ведома оккупационных властей) новым премьер-министром Ёсида, возглавившего Либеральную партию вместо Хатояма, внесенного штабом Макарура в список «нежелательных лиц» (иностранцы журна-

листы напомнили о довоенном сочинении Хатояма, в котором он восхвалял Гитлера).

Легализация профсоюзов Поначалу оккупационные власти активно поощряли образование профсоюзов и законодательное оформление их прав. В штабе Макартура считали, что введенное в законное русло профсоюзное движение станет активным участником процесса демократизации во всех сферах жизни общества. В то же время, законодательное признание профсоюзов диктовалось тем, что после роспуска по указанию оккупационных властей «обществ служения отечеству на производстве» (30 сентября 1945 г.) на предприятиях уже начался бурный процесс формирования профсоюзных организаций.

Критическое материальное положение рабочих и других людей наемного труда подталкивало их к организованным действиям. К концу 1945 г. было создано 509 профсоюзов, годом позже их стало более 17 тыс. с 4,9 млн. членов (39,5% общего числа рабочих). Как правило, они были организованы по принципу «каждому предприятию свой профсоюз» с включением в него всего состава наемных работников — производственных и управленческих. Создавались также отраслевые профсоюзы. В создании профсоюзов активную роль играли довоенные активисты профдвижения, связанные с различными пролетарскими партиями, а также освобожденные из тюрем коммунисты. Вместе с тем, в профсоюзы во многих случаях преобразовывались местные отделения Общества служения отечеству на производстве.

Подталкиваемое штабом Макартура правительство Сидэхара спешно разработало и передало на рассмотрение императорского парламента закон о профсоюзах. Опубликованный 22 декабря 1945 г. и введенный в действие 1 марта 1946 г. закон легализовал организацию и самостоятельную деятельность профсоюзов, направленную на защиту интересов работников наемного труда.

Запрещая нарушение прав рабочих на создание своих организаций, закон содержал конкретный перечень незаконных действий нанимателя в отношении профсоюзов и устанавливал наказания за них. Профсоюзы освобождались от гражданской и уголовной ответственности за законные действия в пользу рабочих при трудовых конфликтах. Трудовым соглашениям придавалась законная сила. Для содействия мирному разрешению трудовых конфликтов вводился институт комиссий по трудовым отношениям, наделенных необходимыми полномочиями.

Однако гармония в отношениях между оккупационными властями и профсоюзами скоро нарушилась. По мере роста числа ор-

ганизаций и активизации борьбы рабочих на своих предприятиях за улучшение условий труда и против увольнений рабоче движение становилось также главной силой более широких народных выступлений, прежде всего с требованием ускорить решение продовольственной проблемы. Такой характер в 1946 г. имели апрельские массовые митинги, первомайские демонстрации (в Токио на площади перед императорским дворцом собралось около 500 тыс. демонстрантов), «продовольственная маевка» — митинги с требованием риса (в Токио в нем участвовало 250 тыс. чел.).

Отставка Сидэхара и формирование кабинета министров во главе с Ёсида происходили на фоне выражения им массового недоверия. Оккупационные власти были обеспокоены политизацией рабочего движения. 20 мая 1946 г. Макартур охарактеризовал «тенденцию к организованному насилию» как угрозу будущему развитию Японии и предупредил, что, если японский народ не отвергнет ее, то необходимые меры примут оккупационные войска.

Добиваясь формирования национального профсоюзного центра, руководители довоенного «легального» профдвижения 1 августа 1946 г. учредили Японскую федерацию профсоюзов (Сёбёмэй). В нее вошли профсоюзы, объединявшие более 850 тыс. членов. Этот профцентр имел тесные связи с Социалистической партией. Чуть позже, 19–21 августа 1946 г. состоялся учредительный съезд другого национального объединения — Всеяпонского конгресса производственных профсоюзов (Самбэцу кайги), руководящую роль в котором стали играть коммунисты. В него вошел 21 отраслевой профсоюз с 1,6 млн. членов.

Борьба профсоюзов начинала принимать заметную политическую окраску. Когда в октябре 1946 г. по стране прокатилась волна забастовок, руководство Всеяпонского конгресса производственных профсоюзов приложило большие усилия, чтобы придать им характер «классовой политической борьбы», политического наступления на правительство Ёсида. Действия прокоммунистического Самбэцу кайги вызвали возражения социалистов и стали причиной обострения его отношений с Японской федерацией профсоюзов, которая, не отказываясь в принципе от забастовочной борьбы за выполнение экономических требований, делала акцент на «движении за экономическое возрождение», предполагавшее сотрудничество труда и капитала.

Под нажимом профсоюзов условия труда на частных предприятиях несколько улучшились. Без существенных изменений оставалось положение работников государственных и коммунальных предприятий и учреждений. Выработав единые требования к пра-

вительству по зарплате и другим условиям труда, профсоюзы работников государственного сектора создали в ноябре 1946 г. Объединенный комитет совместной борьбы, представлявший интересы более 2 млн. чел. Его деятельность получила поддержку многих других профорганизаций, в том числе входивших в Японскую федерацию профсоюзов.

В конце декабря 1946 г. в Японии был опубликован документ Дальневосточной комиссии с изложением директив относительно принципов деятельности японских профсоюзов, что было воспринято как моральная поддержка их борьбы. Натиск профсоюзов усиливался: в январе 1947 г. Объединенный комитет был преобразован во Всеяпонский комитет совместной борьбы профсоюзов, в который вошли организации общей численностью до 4,5 млн. членов.

КПЯ призывала зажечь «огонь народной борьбы за свержение предательского правительства Ёсида». Всеяпонский конгресс производственных профсоюзов также выдвинул политические требования, призвав учредить «демократическое правительство».

Всеяпонский комитет совместной борьбы профсоюзов наметил на 1 февраля 1947 г. проведение всеобщей забастовки. По настоянию коммунистов ее подготовка продолжалась и после того, как штаб Макартура официально предупредил ее организаторов, что она будет рассматриваться как акция, препятствующая целям оккупационных войск, а правительство заявило о готовности пойти на уступки требованиям профсоюзов.

Судьбу готовившегося выступления решили оккупационные власти. 31 января 1947 г. Макартур публично заявил о недопустимости всеобщей забастовки как «оружия, смертельного в условиях нищеты и слабости Японии» и запретил ее проведение. Руководство Всеяпонского комитета совместной борьбы профсоюзов было вынуждено отменить забастовку.

События конца 1946—начала 1947 гг. стали кульминационным моментом рабочего движения первых послевоенных лет. Их внутривнутриполитические последствия оказались довольно значительными.

Во-первых, они четко обозначили пределы американской поддержки свободного развития демократического процесса в Японии. США все более откровенно отказывались в нем от роли арбитра в пользу роли партнера приемлемых для себя политических сил. В этом, конечно, был и положительный момент — решительная позиция оккупационных властей предотвратила возможное нарушение гражданского мира с неясными последствиями. Таким образом, отчетливо проявилась стабилизирующая (с точки зрения внутривнутриполитической ситуации в Японии) роль режима оккупации.

Во-вторых, срыв «забастовки 1 февраля» стал поражением революционных иллюзий в рабочем движении, началом кризиса инициатора политизации профсоюзной деятельности, наиболее крупной и влиятельной силы рабочего движения того времени — Всеяпонского конгресса производственных профсоюзов.

Конституционная реформа Одной из своих важнейших задач оккупационные власти считали закладку юридического фундамента демократических преобразований путем пересмотра конституции, причем формально инициатива должна была исходить от японской стороны. Это придало бы реформам устойчивость и необратимость после окончания оккупации. А легитимность изменения конституции 1889 г. могла быть достигнута при соблюдении ее 73-й статьи, допускавшей рассмотрение изменений в императорском парламенте по «высочайшему повелению императора».

Коноэ осенью 1945 г.

Еще при правительстве Хигасикуни 4 октября 1945 г. Макартур зондировал возможность самостоятельных японских шагов к пересмотру конституции на неофициальной встрече с одним из приближенных императора, министром внутренних дел Коноэ Фумимаро. Эту же тему Макартур чуть позже поднял в беседе с Сидэхара сразу же после назначения последнего премьер-министром.

Результатом встреч стала разработка почти одновременно двух проектов реформирования конституции. Один из них создавался по поручению императорского двора группой ученых во главе с Сасаки Сбити, почетным профессором университета Киото. 22 ноября 1945

года Коноэ доложил императору его содержание, но дальнейшего хода этот проект не получил. Вскоре сам Коноэ был объявлен военным преступником и покончил с собой, не дожидаясь ареста.

Сидэхара ответил на запрос Макартура тем, что провел в кабинете министров решение о создании специального комитета для изучения проблемы пересмотра конституции во главе с государственным министром Мацумото Сёдзи.

Работа комитета по изучению конституционной проблемы, начавшаяся 27 октября 1945 г., продвигалась трудно. Руководитель комитета, а также некоторые привлеченные для работы в нем ученые вообще сомневались в ее необходимости. Так, даже известный до войны своими либеральными взглядами профессор Минобэ считал демократические преобразования возможными и при существующей конституции. Тем временем 11 ноября 1945 г. свои соображения об основах новой конституции опубликовала компартия Японии, а 27 декабря — Общество изучения конституции. В начале 1946 г. Макартур потребовал ускорить работу правительственного комитета.

4 февраля 1946 г. проект, разработанный комитетом Мацумото, получил одобрение кабинета министров. 7 февраля он был доложен императору, 8 февраля его содержание и пояснительная записка в переводе на английский язык были представлены в штаб Макарура.

Проект оказался даже более консервативным, чем проект Коноэ-Сасаки. Его основой оставалась прежняя конституция. В нем, например, предусматривалось сохранение тайного совета в качестве консультативного органа при императоре, стоящего над правительством и парламентом. Естественно, что такой проект не мог быть признан оккупационными властями удовлетворительным.

Вместе с тем правительство США, штаб главнокомандующего и сам Макартур пришли к убеждению, что сохранение императора в системе государственной власти Японии необходимо для осуществления целей оккупации. Прямая атака на монархию спровоцировала бы сопротивление оккупационному режиму, а какая-либо форма участия императора в решении задач демократизации и демилитаризации, напротив, могла бы придать этому процессу легитимность.

К этому времени статус императора в Японии претерпел кардинальные изменения. 15 декабря 1945 г. оккупационные власти вручили японскому правительству директиву об отделении синтоистского культа от государства, т. е. о ликвидации «государственного синто». Еще более решительный шаг был сделан в новогоднем обращении императора к нации, в котором он отрекся от своего «божественного» происхождения. Таким образом, были созданы предпосылки для превращения императора из «живого бога» в «символ нации», что и было закреплено в дальнейшем в японской конституции 1947 г.

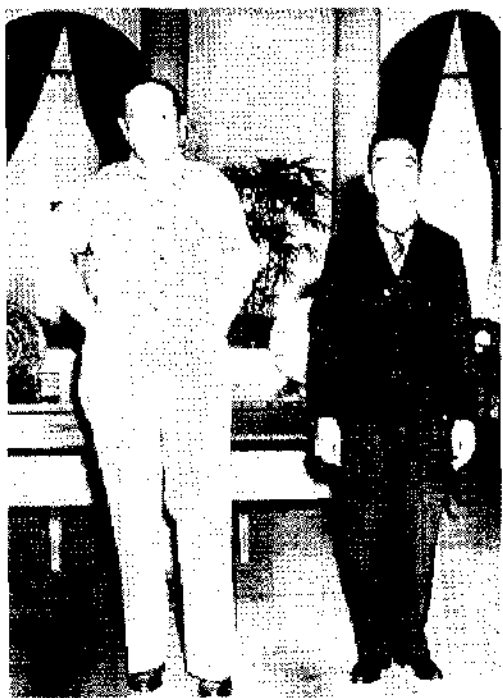
Стремясь предупредить возможные споры об императоре в Дальневосточной комиссии (в частности, советские представите-

ли настаивали на ликвидации японской монархии и признании императора Хирохито военным преступником), начало работы которой было намечено на 26 февраля 1946 г., Мак-артур принял меры для ускорения пересмотра конституции, но уже по собственному сценарию.

2 февраля 1946 г., еще до получения проекта Мацумото, в штабе главнокомандующего по личному указанию Макартура приступили к написанию проекта новой конституции. Уже 13 февраля он был передан японской стороне. При этом представители штаба Макартура в форме, не терпящей возражений, подчеркнули, что правительству следует составить собственный проект пересмотра конституции на основе переданного им документа.

Последовал ряд встреч представителей обеих сторон, в том числе между Макартуром и Сидэхара, и правительство Японии согласилось следовать в пересмотре конституции американскому проекту.

Надо отдать должное оккупационным властям — они не пытались принудительно трансплантировать на японскую почву американские и иные западные стереотипы общественного устройства. По свидетельству Ёсида, при подготовке новой японской конституции они внимательно выслушивали японских экспертов и официальных лиц, ответственных за эту работу, и во многих случаях принимали предложения японской стороны. В частности положение об отказе от войны было включено в конституцию по предложению Сидэхара.

Встреча Макартура и Хирохито
26 сентября 1945 г.

6 марта японское правительство опубликовало «Основы пересмотра конституции», в главных, принципиальных моментах соответствовавшие проекту штаба Макартура. Этот документ был представлен общественности как созданный самостоятельно, об американском директивном участии в его составлении не упоминалось.

В июне 1946 г. проект конституции, одобренный тайным советом, правительство передало на рассмотрение парламента. Основные принципы новой конституции были поддержаны Ёсида, занявшим к тому времени пост премьер-министра, а также единодушно одобрены Дальневосточной комиссией.

Поскольку коренной пересмотр конституции отвечал долгосрочным национальным интересам Японии, он получил поддержку разнообразных политических сил в парламенте, обновленном на выборах по новой избирательной системе. Поправки, внесенные в ходе обсуждения в палате представителей и палате пэров, большей частью носили дополняющий, редакционный характер. 7 октября 1946 г. парламент утвердил коренным образом пересмотренную, а, точнее, заново написанную конституцию. Тайный совет согласился с решением парламента. Дальневосточная комиссия квалифицировала принятие новой конституции как свободный выбор японского народа.

3 ноября 1946 г. новая конституция Японии была опубликована, ее введение в действие было назначено на 3 мая 1947 г.

Принятие новой конституции стало эпохальным событием в истории Японии. В новом основном законе страны можно найти отзвуки конституции 1889 г., но в целом это совершенно новый документ. Принципиальные отличия конституции 1947 г. (по моменту введения в действие) заключались в следующем.

Во-первых, утверждался принцип народовластия: «Народ является носителем суверенной власти». Правда, монархия была сохранена. Как и прежде, первая глава новой конституции определяла статус императора, но принципиально по-иному: «Император является символом японской нации и единства японского народа». Наделение императора множеством важных функций (созыв парламента, роспуск палаты представителей и т.п.) приобрело формальный характер: действия, связанные с государственными делами, император отныне мог предпринимать лишь «по совету и с одобрения кабинета министров».

Новая конституция предусматривала парламента в составе двух избираемых палат — представителей и советников (в прежнем императорском парламенте на началах всеобщего избира-

тельного права для мужчин формировалась только нижняя палата). Исключительно ему передавалась законодательная власть. Исполнительная ветвь власти — кабинет министров — теперь несла коллективную ответственность перед парламентом.

Во-вторых, в конституции 1947 г. были окончательно утверждены и конституционно закреплены принципы господства права и разделения властей, которые были перенесены на всю правовую систему. Верховный суд, как в США, был наделен полномочиями контролировать конституционность законов. Утверждался широкий круг прав граждан, примат этих прав и судебная защищенность.

Были определены гарантии соблюдения декларируемых новой конституцией гражданских прав и свобод (под гарантиями понималось провозглашение этих прав ненарушаемыми и вечными, в то время как права подданных по конституции Мэйдзи могли ограничиваться текущим законодательством, т. е. сопровождалась оговорками и изъятиями вроде «в пределах закона» и т.п.). Провозгласив равенство всех людей перед законом, конституция запретила политическую, экономическую и социальную дискриминацию по мотивам расы, религии, пола, социального положения и происхождения. Были провозглашены принципы подлинно всеобщего избирательного права, введен институт избираемых населением муниципальных собраний.

Впервые были провозглашены социальные права, в том числе право на образование, на труд, на создание организаций трудящихся, их коллективные переговоры и прочие коллективные действия, на поддержание минимального уровня здоровой и культурной жизни.

В-третьих, в конституцию было включено феноменальное положение об отказе японского народа «на вечные времена от войны как суверенного права нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров». Более того, в той же, ст. 9 конституции было записано, что «никогда впредь не будут создаваться» сухопутные, морские, воздушные и прочие военные силы. Отказ навеки от создания вооруженных сил поставил Японию в уникальное положение и даже породил проблему определения суверенитета в международно-правовом плане.

Новая конституция стала, таким образом, юридическим фундаментом демократизации государственного строя и всей общественной жизни Японии. С ее принятием у японского общества появилась возможность по уровню демократичности войти в число передовых стран мира.

Конституция как бы облекла в реальную форму демократический порыв, которым было охвачено японское общество, перевела идеалы прогрессивного переустройства в плоскость практического воплощения, подкрепила их силой закона. Одно это изменяло общественное сознание, помогало широким массам понять значение проводившихся реформ.

Для обеспечения стабильности конституции 1947 г. большое значение имела ее легитимность — принятие прежними конституционными органами власти при формальном соблюдении процедур, установленных прежней конституцией. Этому способствовало и то, что использование в конституции достижений демократии передовых стран мира сочеталось с учетом национальных традиций, сохранением привычных для японцев форм государственного устройства.

Несмотря на активную роль американцев в подготовке ее проекта, политическая система, созданная новой конституцией, была ориентирована скорее на японскую традицию парламентской демократии в британском стиле, нежели на американский образец. На примере новой конституции проявилась извечная тяга японцев к тому, чтобы, заимствуя полезные нововведения из самых разных источников, сохранять собственные приоритеты, ориентированные на поддержание национальной традиции.

Реформа законо- После принятия новой конституции в Японии
нодательства резко активизировалось законотворчество, что объяснялось необходимостью привести текущее законодательство в соответствие с ее положениями. Можно утверждать, что основы современного японского права сформировались именно в оккупационный период.

Некоторые законы были приняты еще старым императорским парламентом. Их введение в действие 3 мая 1947 г., одновременно с конституцией, обеспечило немедленный старт деятельности законодательных и исполнительных органов власти в центре и на местах на новых, демократических конституционных принципах.

Особенно серьезно было реформировано в направлении демократизации конституционное право. Закон о парламенте утверждал верховенство парламента, приоритет палаты представителей, самостоятельность палат, личные гарантии депутатов, центральную роль комиссий палат, что соответствовало требованиям новой конституции. Пересмотренный закон о выборах в палату представителей допускал женщин к управлению государством, снижал возрастной ценз, смягчал ограничения на проведение избирательной кампании. Закон о выборах на публичные должности

детально определял нормы проведения избирательных кампаний и процедуру выборов, обеспечивая подлинную состязательность кандидатов и их юридическую защиту.

Важнейшим шагом японских законодателей было создание не существовавшего в довоенный период института выборного местного самоуправления. Принцип местной автономии, признанный новой конституцией, получил развитие в соответствующем законе, разработанном с участием специалистов из штаба Макартура. В нем нашел отражение передовой зарубежный опыт местного самоуправления, но одновременно была сохранена и национальная специфика организации власти на местах.

Основным содержанием нового закона стала демократизация порядка формирования и функционирования местной власти в рамках практически прежней структуры: префектур, городов, поселков и деревень с соответствующими местными собраниями и исполнительными органами во главе с губернаторами, мэрами, старостами. Демократичность местного самоуправления обеспечивалась прямыми выборами членов собраний и глав администраций, расширением прав местных собраний, механизмом противовесов в отношениях между представительной и исполнительной ветвями власти.

Кроме того, закон предусматривал расширение полномочий органов местной власти, ослабление их зависимости от правительства. Исполнительные органы местного самоуправления были выведены из прямого подчинения государственным структурам, получили самостоятельность. В то же время за государством были сохранены средства административного и финансового воздействия на местную власть, а зачастую и на конкретные ее решения — через парламент (законодательство), правительство и судебные органы.

Вслед за определением основ местного самоуправления довольно быстро, в 1947–1950 гг., были приняты другие необходимые для его функционирования законы, в том числе касающиеся источников и механизма финансирования. Органы местного самоуправления муниципального уровня были наделены правом устанавливать местные налоги и принимать обязательные постановления (*дзёрёй* — нормативные акты местного значения). В результате они смогли быстро включиться в эффективную работу по преодолению трудностей послевоенного времени.

В области административного права были приняты законы о государственных и местных публичных должностных лицах, за которыми признавался статус наемных работников. В соответст-

вии с конституцией, публичные должностные лица стали рассматриваться не как императорские чиновники, а как слуги народа.

Большое развитие получили нормы, регулирующие отношения между исполнительной властью и гражданином, в том числе предусматривающие порядок рассмотрения исков граждан против органов управления, условия компенсации гражданам ущерба, понесенного из-за неправомерных действий этих органов, и т.п.

Естественным продолжением конституционной реформы стали изменения, внесенные в гражданский кодекс и юридическую систему. Но здесь, наряду с принятием новых законов, сохранялись — с изменениями или без них — некоторые довоенные: так, в модернизированном виде продолжают действовать гражданский кодекс 1898 г. и уголовный кодекс 1907 г.

В области гражданского права были полностью пересмотрены части гражданского кодекса, посвященные семейному и наследственному праву. Во вступительной части кодекса был провозглашен принцип уважения личности и равенства полов. Фактически были заново переписаны разделы семейного и наследственного права, изъяты положение о недееспособности замужних женщин, понятие «глава семьи». Были также отменены исключительные права старшего сына, всем детям предоставлены равные права наследования, гарантирована свобода брака. Таким образом, были созданы юридические предпосылки разрушения традиционной системы семейных отношений (из).

Изменения в области уголовного права состояли больше в отмене старых законов, нежели в принятии новых. Была отменена серия репрессивных актов — закон об охране военной тайны, закон об охране тайны военных ресурсов, закон о режиме государственной обороны, закон о поддержании общественного спокойствия, закон о полицейских мерах по обеспечению общественного спокойствия. В особенной части уголовного кодекса были отменены гл. 1 (преступления против императорской фамилии) и гл. 7—II (преступления против общественного спокойствия и порядка). Значительным изменениям подверглась гл. 3 (преступления, относящиеся к нападению на Японию извне). Были усилены наказания за злоупотребление властью. Состав нанесения ущерба чести был изменен так, чтобы им не ограничивалась свобода выражения мнений. Было отменено наказание за прелюбодеяние незамужних женщин.

Основное содержание всех этих изменений состояло в приведении уголовного права в соответствие с отказом от суверенитета императора и признанием суверенитета народа, с наделени-

ем граждан политическими правами и свободами, с принятием конституционного принципа пацифизма.

Был принят уголовно-процессуальный кодекс, который соответствовал нормам послевоенной конституции относительно прав подозреваемого и обвиняемого в уголовном процессе, а также учел результаты реформы юстиции и демократизации полицейской деятельности.

Большие изменения произошли в области правового регулирования организации правоохранительных служб. Были отменены законы о военных и военно-морских трибуналах и приняты закон о судах, закон о прокуратурах, закон о полиции, закон об адвокатах. Судебная система обрела самостоятельность, выйдя из подчинения министерству юстиции. Прокуратура отделилась от судебной системы. Полиция была децентрализована (хотя новый закон о полиции 1954 г. предусматривал известный возврат к централизации, она все же не стала абсолютной).

С появлением тройки законов — о профсоюзах, о регулировании трудовых отношений и о трудовых стандартах — было завершено сооружение каркаса современного трудового законодательства. Новая конституция требовала от государства принимать участие в законодательном определении норм заработной платы и условий труда. Поэтому закон о трудовых стандартах (апрель 1947 г.) устанавливал, в частности, 8-часовой рабочий день. Кроме того, в соответствии с конституционным правом на жизнь были приняты также законы о страховании рабочих для получения пособий по травматизму, об обеспечении занятости, о пособиях по безработице и закон о защите жизни. Последний провозгласил, что государство оказывает необходимую защиту всем гражданам, испытывающим жизненные лишения, и обеспечивает им минимальный уровень жизни, и, вместе с тем, способствует их самостоятельности.

Было реализовано конституционное положение о равном праве на образование. Этому предшествовала работа миссии специалистов из США, которая подготовила свои рекомендации. Принятие основного закона об образовании и закона о школьном образовании (март 1947 г.) стало главным событием в области правового регулирования просвещения. В Японии вводилась единая система школьного обучения (6 лет начальной школы, 3 года неполной средней и 3 года полной средней школы). Обязательное бесплатное обучение расширялось с шести до девяти лет. Были установлены принципы совместного обучения юношей и девушек

и всестороннего образования. Каждая префектура получила возможность иметь не менее одного университета.

В результате реформы открылись возможности для получения образования всеми слоями населения. Кроме того, реформа предусматривала демократизацию процесса обучения. Были приняты меры, препятствовавшие использованию системы образования в целях пропаганды реакционного национализма и шовинизма.

Экономика Японии в начальный период оккупации

Одновременно с реформой политической системы и государственного управления перед Японией стояла задача коренных преобразований в сфере экономики. Здесь можно выделить три основных направления деятельности японских властей.

Первое — текущая экономическая политика, направленная на решение множества проблем в охваченной кризисом послевоенной японской экономике. Большую часть решений в этом плане японское правительство принимало самостоятельно.

Второе — радикальная аграрная реформа. Ее необходимость была осознана в Японии задолго до войны, однако приступить к ней не решались, поскольку она неизбежно должна была затронуть интересы политически влиятельных землевладельцев. Давление и поддержка оккупационных властей дали возможность успешно ее осуществить.

Третье — роспуск *дзайбацу* и принятие антимонопольного законодательства. Этот блок реформ был инициирован штабом Макартура и был призван обеспечить претворение в жизнь американской политики, направленной на подрыв военно-экономического потенциала Японии. Полного успеха эти меры не принесли — главным образом из-за смены приоритетов американцев, которые стали рассматривать Японию в качестве потенциального военно-политического союзника.

Экономическая политика правительств Сидохара и Ёсида

Экономическое положение Японии в течение первых двух лет оккупации продолжало оставаться очень тревожным. Рост производства был очень медленным.

Даже в сельском хозяйстве, где восстановление шло относительно быстрыми темпами, в 1948 г. объем производства все еще значительно не достигал довоенного уровня.

Росла только инфляция. К январю 1946 г. стоимость прожиточного минимума в Токио по сравнению с 1937 г. выросла почти в 15 раз, а номинальная заработная плата — примерно в 4,5 раза.

Индекс оптовых цен (1936=1) поднялся до 15 в апреле 1946 г. и до 197 в марте 1949 г.

Такая ситуация сохранялась до начала 1949 г. Разумеется, правительство предпринимало усилия по восстановлению экономики. Массовые выступления трудящихся и активизация рабочего движения побуждали его ускорить разработку программы преодоления послевоенных экономических трудностей.

Правительство Сидэхара предложило проведение «комплексной антиинфляционной политики» (февраль 1946 г.). Ее главным элементом стали чрезвычайные меры в сфере денежного обращения: замораживание вкладов в банках и других кредитных учреждениях, обмен старых денег на новые с установлением предельных норм их обмена, определение норм и условий последующих выплат с замороженных вкладов. Условия были очень жесткими. Все наличные деньги старого образца население должно было обязано положить на счет в банке. Главе семьи ежемесячно выдавалось с него на руки 300 иен плюс 100 иен на содержание семьи. Работающие по найму получали наличными не более 500 иен в месяц, весь заработок сверх этой суммы поступал на замороженный банковский счет.

Чрезвычайные меры примерно на два месяца затормозили рост цен на товары личного потребления. Но остановить инфляцию они не могли, дефицит государственного бюджета продолжал нарастать, вынуждая правительство и Банк Японии увеличивать денежную массу. Правительственные кредиты предприятиям базовых отраслей на цели восстановления, выплата компенсаций по военным обязательствам, а также колоссальный рост расходов в рамках программы контроля над ценами на продовольствие и товары повседневного спроса только подстегнули инфляцию.

Вместе с тем чрезвычайные меры принесли определенную пользу, предотвратив банкротство финансовых учреждений, что имело большое значение для перехода в дальнейшем к финансовой политике активного стимулирования подъема экономики.

Поиск путей выхода из критического экономического положения при следующем правительстве, которое возглавил Ёсида, также начинался в условиях мощного давления со стороны рабочего движения. Видя беспомощность администрации предприятий, отсутствие у предпринимателей четкого курса на экономическое возрождение, рабочие все чаще требовали передать трудящимся контроль над производством. Спонтанно возникшее движение коммунисты и радикальные активисты профсоюзов поощряли как ростки всестороннего «народного контроля».

Правительство Ёсида предупредило, что, поскольку «незаконное давление масс» угрожает общественному порядку, оно будет жестко пресекаться. Идея «народного контроля» осуждалась как «разрушительная» и вносящая беспорядок в народное хозяйство. Вместе с тем правительство призвало предпринимателей пересмотреть свою позицию. Для наращивания производства в условиях «надлежащего порядка» на предприятиях предлагалось учреждать двусторонние консультативные совещания, принимать меры для предупреждения трудовых конфликтов.

В основу экономического курса правительства Ёсиды были положены не антиинфляционные меры, а активная политика поощрения производства. Основными элементами этой политики, представленной в июле 1946 г. парламенту министром финансов Исибаси Тандзан, должны были стать:

- приоритетное внимание ключевым отраслям промышленности (наращивание производства угля с целью решения энергетической проблемы, удобрений для сельского хозяйства и т.п.);
- мощная финансовая поддержка частных инициатив, направленных на восстановление экономики (предоставление кредитов на капиталовложения по линии Японского банка поощрения промышленности и Банка Японии и т.д.);
- рационализация промышленности;
- меры по преодолению безработицы (выделение средств на создание рабочих мест, организация коммунальных предприятий, общественных работ по восстановлению разрушений военного времени).

В рамках структуры правительства были учреждены штаб экономической стабилизации и управление цен (август 1946 г.).

Конкретизируя концепцию «приоритетных производств», правительство в декабре 1946 г. постановило направлять ресурсы в первую очередь в угольную промышленность и металлургию. В финансовой политике главными средствами поощрения стали дотации предприятиям на покрытие разницы между себестоимостью и устанавливаемыми ценами на продукцию, а также предоставление кредитов на восстановление.

Правительственная политика поддержки «приоритетных производств» встретила беспрецедентное единодушное одобрение парламента.

Земельная реформа Среди различных реформ, инициированных американской администрацией, наиболее значимой с точки зрения социально-экономических результатов стала аграрная реформа.

Сельское хозяйство, в котором была занята примерно половина населения Японии, находилось в состоянии упадка. В нем господствовала система помещичьего землевладения. Большая часть земель принадлежала крупным и мелким помещикам, которые преимущественно сдавали их для обработки арендаторам на кабальных условиях. В 1946 г. из 5698 тыс. крестьянских хозяйств лишь 1869 тыс. (около 1/3) не прибегали к аренде земли, причем 1637 тыс. дворов (около 29%) вообще не имели своих наделов.

Такая система землевладения тормозила расширение сельскохозяйственного производства, что оказывало негативное воздействие на всю экономику страны. Нищета деревни была важнейшим фактором социального недовольства, отсутствие собственной земли у основной массы сельских тружеников — причиной постоянных арендных конфликтов. С другой стороны, господствующее положение крупных землевладельцев в деревне обеспечивало им большое влияние на государственную политику, служило препятствием любым демократическим преобразованиям.

Неотложность перестройки системы землевладения хорошо понимали специалисты японского министерства сельского и лесного хозяйства, которые еще в период войны подготовили основные положения аграрной реформы. В октябре 1945 г., еще до появления соответствующей директивы оккупационных властей, под руководством возглавлявшего в правительстве Сидэхара это министерство Мацумура Кэндзō был разработан «План реформы землевладения». Предусматривалось принудительное отчуждение в пользу арендаторов земель, принадлежавших абсентеистам — «отсутствующим помещикам» (т. е. не занимавшимся сельским хозяйством и не жившим в деревне). Но при обсуждении этого плана в кабинете министров число земельных владений, подлежащих полному или частичному изъятию, было сокращено в 10 раз. Тем не менее, даже столь основательно исправленный план встретил сильное сопротивление в императорском парламенте, где многие политики опирались на помещичьи слои.

Недостаточность «первой земельной реформы» (так и не осуществленной) вызвала недовольство в штабе Макартура, который передал правительству Японии 9 декабря 1945 г. «Меморандум о земельной реформе». Это побудило парламент ускорить принятие закона.

Между тем аграрный вопрос стал предметом обсуждения в Союзном совете для Японии. Советский представитель предлагал провести безвозмездную конфискацию земель у крупных землевладельцев и распределить их среди крестьян-арендаторов. Это

радикальное предложение не было принято. В основу рекомендаций японскому правительству был положен более умеренный план, предложенный британским представителем и согласованный с американцами.

17 июня 1946 г. штаб оккупационных войск вручил правительству Японии «Рекомендации относительно второй земельной реформы». Руководствуясь ими, правительство, которое к этому времени возглавлял уже Ёсида, разработало соответствующие законопроекты. В октябре 1946 г. они были приняты императорским парламентом, состав палаты представителей которого резко изменился в результате первых послевоенных выборов. Крупнейшая реорганизация аграрных отношений началась.

Согласно новым законам о земельной реформе государство выкупало у «отсутствующих помещиков» все принадлежащие им земли, а у «обрабатывающих помещиков» — земли, превышающие площадь в 3 *тё* (на Хоккайдō — более 12 *тё*; 1 *тё* = 0,992 га). Из этого земельного фонда участки земли продавались по твердым ценам крестьянам-арендаторам. Устанавливались максимальные размеры участка, который крестьянский двор мог приобрести в собственность: в среднем по стране не более 3 *тё* на одно хозяйство, на Хоккайдō — до 12 *тё*. Институт земельной аренды сохранялся, но устанавливались предельные нормы арендной платы непременно в денежной, а не в натуральной форме. Для практического осуществления реформы на местах создавались выборные земельные комитеты. На все преобразования отводилось 2 года (по плану «первой реформы» — 5 лет).

Для арендаторов известие о том, земли будут конфискованы в их пользу, казалось чудом. Но множество небогатых землевладельцев восприняло реформу с горечью, поскольку она лишала их главного достояния. Это приводило к эксцессам. Так, когда один крестьянин, воевавший в Китае и вернувшийся домой в префектуру Нагано в 1946 г., выяснил, что он должен расстаться с большей частью своей земли, он застрелил троих членов земельного комитета. Там же, в Нагано, шестеро братьев и сестер в возрасте от 9 до 18 лет, незадолго до того потерявшие родителей, совершили коллективное самоубийство, когда узнали, что у них отбирают почти всю их семейную собственность. Но поскольку значительное большинство сельских жителей выгадали от реформы, землевладельцы фактически не имели возможности сопротивляться. За время проведения реформы произошло только 110 инцидентов и было подано около 4 тыс. гражданских исков, связанных с пере-

распределением земли — цифры ничтожные, если учитывать масштабы преобразований.

Неотъемлемым элементом аграрных преобразований стало также государственное поощрение кооперирования в сельском хозяйстве. В упомянутом выше «Меморандуме о земельной реформе» отмечалась необходимость «программы развития и поощрения кооперативного движения в деревне, свободного от господства некрестьянских элементов и ставящего целью экономический и культурный прогресс японского крестьянства».

В разгар земельной реформы, в ноябре 1947 г., были приняты законы о роспуске прежних «сельскохозяйственных ассоциаций» и формировании сельскохозяйственных кооперативов. Тем самым был заложен прочный юридический фундамент для развертывания широкого кооперативного движения. Создание демократических сельскохозяйственных кооперативов вместо прежних их суррогатов, служивших орудием мобилизации сельского хозяйства на нужды агрессивной политики, стало важной мерой обеспечения жизнеспособности хозяйств новых крестьян-собственников. Участие практически всех крестьянских хозяйств в различных формах кооперации стало одним из факторов подъема сельскохозяйственного производства, а также решения многих социальных проблем крестьянства.

Земельная реформа была завершена, в основном, в 1949 г. Ее ускорению способствовали как сравнительно низкие выкупные и продажные цены, так и бурная инфляция первых послевоенных лет. Денежная компенсация, выплаченная правительством помещикам за отчужденную землю, быстро обесценилась, и в результате помещики лишились не только земли, но и каких-либо финансовых рычагов влияния на жизнь деревни. Крестьяне же, напротив, оказались в выигрыше, так как инфляция привела к существенному уменьшению реальной величины их выплат за приобретенную землю. Арендаторы в короткий срок смогли рассчитаться за приобретенную землю, по сути, символическими денежными суммами. Если накануне реформы 45,9% сельскохозяйственных площадей сдавались в аренду, то к 1950 г. этот показатель упал до 9,9%. При этом за 1946–1949 гг. число хозяйств крестьян-собственников (не прибегавших к аренде) увеличилось почти на 1700 тыс., а число хозяйств безземельных крестьян-арендаторов, напротив, сократилось на 1150 тыс.

Земельная реформа радикально изменила ситуацию в сельском хозяйстве страны. Главным ее результатом стало формирование многочисленного слоя крестьян-собственников. Им пред-

стояло хозяйствовать на малых по размерам земельных площадях. Но хотя основная часть хозяйств (4630 тыс., или 3/4 общего числа дворов) владела наделами до 1 га, упразднение помещичьей эксплуатации повысило заинтересованность крестьян в результатах своего труда, привело к росту их доходов и создало возможность накопления на производственные нужды, открывало путь к расширению производства, совершенствованию его методов, росту урожайности и т.д.

Коренные преобразования в сельском хозяйстве помогли снизить остроту послевоенной проблемы нехватки продовольствия, способствовали ускорению восстановления разрушенной экономики. Аграрная реформа превращала деревню из постоянного источника потрясавших страну социальных конфликтов в фактор политической стабильности. Становясь собственниками земли, крестьяне выходили из-под влияния радикальных политических сил.

Роспуск дзайбацу В числе важнейших задач американской политики в начальный период оккупации значилось осуществление экономической реформы, имевшей целью предотвратить возможность восстановления военного потенциала Японии. В частности, все арсеналы, военные верфи и часть военных заводов были переведены под юрисдикцию американской армии, а на оставшихся заводах был проведен демонтаж оборудования. Кроме того, для еще большего ослабления Японии были закрыты многие промышленные предприятия (их оборудование предполагалось демонтировать и вывезти в счет репараций), а также введены жесткие ограничения на размеры производственных мощностей в ряде ключевых отраслей промышленности.

Действуя в русле этой политики, правительство США ориентировало Макартура на необходимость «разработки программы роспуска промышленных и банковских объединений, которые осуществляют контроль над большей частью промышленности и торговли Японии», и о замене их организациями предпринимателей, которые могут обеспечить «более широкое распределение доходов и собственности на средства производства и торговли».

Постановка такой задачи определялась, прежде всего, той ролью, которую семейные финансовые группы (дзайбацу) играли в имперской Японии. К концу войны экономическое могущество дзайбацу возросло в огромной степени. Тяжелая промышленность, получившая в военные годы преимущественное развитие, находилась в основном в их руках. Они занимали главенствующие позиции и практически во всех контрольных ассоциациях — созданных во время войны органах частномонополистического ре-

гулирования. Кроме того, война способствовала значительному усилению позиций головных банков *дзайбацу*, через которые проходила основная часть кредитов военной и тяжелой промышленности.

Вполне естественно, что американцы, исходя из господствовавших тогда в США представлений о способах обеспечения свободной конкуренции, центральное место в планах по монополизации экономики Японии отдали проблеме роспуска *дзайбацу*. Кроме того, обладая огромной экономической мощью, *дзайбацу* оказывали большое влияние на определение государственной политики и не могли не нести ответственности за вступление страны на путь агрессивных войн. Поэтому преодоление милитаризма предполагало и разрушение основ их господства.

Потребовав в октябре 1945 г. от правительства Сидэхара «демократизации экономической системы», оккупационные власти добивались роспуска *дзайбацу*, разработки и принятия антимонополистического законодательства, осуществления мер по «исключению чрезмерной экономической концентрации».

Надежды на активные самостоятельные действия японского правительства и деловых кругов в этом направлении не оправдывались. Все мероприятия проводились по настоянию и с непосредственным участием штаба Макартура. В конце 1945–начале 1946 г. по указанию оккупационных властей и на основе «потсдамских указов» правительства Сидэхара было заморожено имущество *дзайбацу* и создана комиссия по упорядочению холдинговых компаний. Затем, при правительствах Ёсида и Катаяма, с октября 1946 г. по сентябрь 1947 г. производился роспуск *дзайбацу*. Все активы их холдинговых компаний, пакеты ценных бумаг, вся собственность и права собственности в дочерних компаниях в принудительном порядке должны были быть проданы специально созданным ликвидационным комиссиям (оплата производилась государственными облигациями с правом их продажи только по прошествии 10 лет). В свою очередь ликвидационные комиссии должны были организовать продажу этих активов (через выпуск акций) населению.

Всего расформированию подлежали 83 холдинговые компании. Однако действительность внесла существенные коррективы в эти планы, и в результате из 83 намеченных реально были расформированы только 16 холдинговых компаний (26 компаний были распущены с последующей реорганизацией, 11 — реорганизованы без роспуска, а до 30 компаний дело так и не дошло).

Одновременно с роспуском *дзайбацу* и расчленением крупнейших компаний была проведена «чистка» высшего руководства 500 крупнейших компаний (и государственного аппарата управления в сфере экономики). Со своих постов в частных компаниях были смещены около 5 тыс. чел., в течение 10 лет им запрещалось занимать какие-либо руководящие должности.

Принятие антимонопольного законодательства

Весной 1947 г. парламент принял закон о запрещении частной монополии и обеспечении честных сделок и другие сопутствующие акты, разработанные при непосредственном американском участии. За образец было взято американское антитрестовское законодательство. Были запрещены организация холдинговых компаний и разного рода картелей, слияние фирм и создание монополистических объединений. Ограничивались права компаний на владение акциями других компаний, запрещались продажи по необоснованно высоким или низким ценам. Для контроля над соблюдением установленных правил при премьер-министре учреждалась комиссия по обеспечению честных сделок. Американское влияние в области правового регулирования предпринимательства проявилось также в частичном пересмотре закона о компаниях, обеспечивавшего защиту акционеров и определявшего юридические обязанности директората, и в принятии закона о реорганизации корпораций.

В 1948 г. были законодательно установлены рамки разрешенной деятельности предпринимательских организаций. Еще в 1946–1947 гг. на месте прежних организаций предпринимателей, которые были распушены или преобразованы, появилась действующая до настоящего времени «четверка» влиятельных национальных объединений: Ассоциация корпоративных руководителей (*Кэйдзай дōбайкай*), Федерация экономических организаций (*Кэйданрэн*), Японская торгово-промышленная палата (*Ниссё*) и Федерация предпринимательских организаций (*Никкэйрэн*).

Антимонополистические законы и прочие шаги, предпринятые в целях разрушения системы господства *дзайбацу*, были усилены мерами по рассредоточению права собственности, разделению и разукрупнению промышленных и торговых компаний. В мае 1947 года по американскому предложению Дальневосточная комиссия приняла «План ликвидации чрезмерной экономической концентрации в Японии». Следуя его рекомендациям, в декабре 1947 г. парламент утвердил закон, предписывавший, наряду с роспуском холдинговых компаний *дзайбацу*, расчленение наиболее крупных фирм, находившихся в сфере их влияния, а также полугосударст-

венных компаний, созданных в 30–40-е годы с целью усиления государственного контроля над экономикой, в том числе полугосударственной металлургической «Ниппон сэйтэцу», машиностроительного гиганта «Мицубиси дзёкёгё» и др.

Однако и в этом случае реальные результаты оказались намного скромнее планировавшихся. Так, из первоначально назначенных к разукрупнению 325 компаний действительно расчленены были только 11, а еще 7 в принудительном порядке вынуждены были продать часть своих акций. Этим дело и ограничилось.

Тем не менее, несмотря на то, что эти мероприятия были проведены в сильно урезанном варианте, их значение для последующего развития японской экономики трудно переоценить. Во-первых, их результатом стало крупнейшее перераспределение прав собственности, и к 1949 г. в личной собственности граждан оказалось около 70% всего акционерного капитала страны. Во-вторых, в Японии была создана качественно новая — конкурентная — экономическая среда, так как не только возросло общее число независимых производителей, но и доступ во многие монополизированные прежде отрасли был существенно облегчен.

Коалиционные правительства Каяяма и Асида

Политические последствия выборов 1947 г.

Конституционная реформа естественным образом ставила в повестку дня формирование новой власти через народное волеизъявление. В основу порядка выборов нового парламента (палаты представителей и палаты советников, в которую преобразовывалась палата пэров) был положен принцип избрания его депутатов относительным большинством по многомандатным избирательным округам. Такой порядок выборов благоприятствовал формированию многопартийного парламента. Выборы нескольких депутатов по каждому избирательному округу затрудняют для какой-либо одной партии завоевание подавляющего большинства в представительном органе и увеличивают шансы избрания кандидатов партий, имеющих опору в различных классах и слоях общества.

В канун введения в действие конституции состоялись выборы палаты советников (20 апреля 1947 г.) и палаты представителей (25 апреля). В палату советников было избрано 108 независимых депутатов, от СПЯ — 47, от Либеральной партии — 38, от Демократической партии (образованной путем слияния Прогрессивной партии с частью Либеральной партии и Народно-кооперативной

партии) — 29, от Народно-кооперативной партии — 10, от КПЯ — 4, от мелких партий и групп — 13. В палате представителей первой по числу депутатов стала СПЯ (143), на втором месте оказалась Либеральная партия (131), на третьем — Демократическая партия (124). Народно-кооперативная партия получила 31 мандат, КПЯ — 4.

Такой состав парламента сделал невозможным образование однопартийного правительства. Избранный парламентом премьер-министром социалист Катаяма Тэцу образовал правительство из представителей Социалистической, Демократической и Народно-кооперативной партий. Кабинет министров Катаяма сумел удержаться только 8 месяцев (июнь 1947 г. — февраль 1948 г.), его сменил коалиционный кабинет министров того же партийного состава, но во главе с лидером Демократической партии Асида Хитоси (март — октябрь 1948 г.).

Недолговечность коалиционного правительства Катаяма во многом определялась специфичностью его положения. С одной стороны, это правительство должно было действовать в соответствии с политическим соглашением четырех партий (трех, участвовавших в кабинете, и Либеральной, которую возглавлял Ёсида), достигнутого их лидерами до избрания премьер-министра. С другой стороны, Катаяма, опиравшийся на правое крыло социалистов, не мог рассчитывать на полную поддержку собственной партии. Он был вынужден уйти в отставку после того, как левое крыло социалистов фактически отказалось от сотрудничества с правительством, и на съезде СПЯ в январе 1948 г. было принято решение об аннулировании четырехстороннего соглашения.

Повод для отставки кабинета Асида был более прозаичен — разоблачение фактов коррупции политиков и правительственных чиновников, незаконного получения ими пожертвований на партийную деятельность от компании «Сёва дэнкё». В число обвиняемых в причастности к коррупции попали, в частности, заместитель премьер-министра, видный деятель правого крыла СПЯ Нисио, а после отставки правительства — и лидер Демократической партии Асида.

Экономическая политика коалиционных кабинетов

В сфере экономики коалиционные кабинеты Катаяма и Асида практически продолжали курс, определенный при правительстве Ёсиды. Большие споры в парламенте вызвал инициированный социалистами законопроект о государственном контроле над предприятиями угольной промыш-

ленности, принятый в итоге в компромиссном, сильно смягченном варианте.

Политика расширения производства путем предоставления дотаций предприятиям приоритетных отраслей промышленности и кредитования восстановления экономики давала определенные позитивные результаты. Начался рост производства угля, стали, хотя ожидаемые результаты не были достигнуты. За счет конверсии предприятий военной промышленности, среди которых было множество мелких, налаживался выпуск товаров народного потребления.

Правительственная финансовая политика имела и оборотную сторону. Из-за принятия Банком Японии обязательств по крупным капиталовложениям на восстановление экономики росли объемы денежной массы, что мешало укротить инфляцию. А механизм государственных дотаций и установления твердых цен не ослаблял функционирования «черного рынка», рост цен на котором вел к быстрому увеличению стоимости жизни.

Профсоюзы требовали повышения зарплаты; увеличение зарплаты вело к росту себестоимости производимой продукции; правительство было вынуждено пересматривать официальные цены и тарифы.

Естественно, что беспомощность правительства в борьбе с инфляцией вела к разочарованию профсоюзов и тех слоев населения, которые возлагали надежды на участие социалистов в правительстве.

Помимо того, именно на долю правительств с участием социалистов пришлось реализовать требования оккупационных властей пересмотреть закон о государственных служащих, чтобы ограничить их права на защиту условий труда. В соответствии с письмом Макартура премьер-министру Асида, правительство в июле 1948 г. издало «потсдамский указ» № 201, лишивший работников государственных учреждений и предприятий права на коллективные переговоры с администрацией и проведение забастовок.

* * *

Первый период оккупации, окончание которого можно условно отнести ко второй половине 1948 г., принес в жизнь Японии громадные перемены.

Примерно за год-полтора, начиная с сентября 1945 г., в соответствии с директивами оккупационных властей была осуществлена демилитаризация страны, ликвидированы политическая полиция, ультранационалистические, шовинистические и правые организации, арестованы и преданы суду Международного трибу-

нала главные военные преступники. Были также освобождены политические заключенные, легализованы политические партии, провозглашена свобода критики императорской системы, проведена чистка государственных учреждений от лиц, связанных в прошлом с милитаристской деятельностью.

Принятие новой конституции и других законодательных актов заложило основу коренной перестройки и демократизации политического строя в Японии. Начали функционировать необходимые элементы гражданского общества, присущие демократическим государствам: политические партии разной идейно-политической ориентации, профсоюзы и предпринимательские объединения, иные общественные организации, органы местного самоуправления, свободные от цензуры средства информации.

В ходе земельной реформы были разрушены отсталые производственные отношения, мешавшие прогрессу сельского хозяйства и выходу деревни из нищеты и создававшие социальную базу политического экстремизма. Благодаря роспуску *дзайбачу* и введению антимонопольного законодательства включился механизм рыночной экономики с ее принципом свободной конкуренции. Одновременно принятие трудового законодательства на уровне передовых демократических стран дало наемным работникам возможность отстаивать свои социальные права, добиваться улучшения условий труда, материального положения.

Вместе с тем многие из начатых реформ в те годы не были еще доведены до конца, а работа по восстановлению разрушенного войной народного хозяйства не принесла достаточно ощутимых для народных масс результатов. Конкретная политика экономического возрождения продолжала оставаться в стадии разработки и корректировки.

Глава 3

«ОБРАТНЫЙ КУРС» В ПОЛИТИКЕ ОККУПАЦИИ (1948–1952)

Новый курс американской политики в Японии

Переход американских оккупационных властей от политики поощрения профсоюзов как важного элемента демократизации к сдерживанию их выступлений и ограничению прав значительной их части в государственном секторе был одним из признаков того, что ледяные ветры «холодной войны» со всей силой вторглись на Японские о-ва. Основные события второй половины оккупационного периода разворачивались под прямым или косвенным воздействием обострявшейся конфронтации между США и Советским Союзом на международной арене.

Обострение «холодной войны» С окончанием второй мировой войны США стали самой могущественной страной капиталистического мира, его экономическим центром и военно-политическим лидером. Американские правящие круги претендовали на переустройство международных отношений под своим руководством и в соответствии с представлением о «мире по-американски» — «Pax Americana». В Вашингтоне был разработан внешнеполитический курс на обеспечение национальных интересов США в любой точке мира с опорой на военную силу, в том числе с учетом монопольного обладания ядерным оружием.

В то же время и руководство СССР, сыгравшего главную роль в разгроме гитлеровской Германии, стремилось использовать победу для расширения советского влияния в Восточной и Центральной Европе и создания там политических режимов по собственному образцу, а также активизировало поддержку различных национально-освободительных движений, в первую очередь, в Азии.

Противоречия между США и Советским Союзом, прежними союзниками по антигитлеровской коалиции, а на последнем этапе — и в войне с Японией, переросли в глобальную конфронтацию, что проявлялось буквально в каждой из возникавших международных проблем на всех континентах. В США была разработана политика «сдерживания» Советского Союза и предупреждения

«коммунистической опасности». На таком фоне начался пересмотр и американской политики в отношении Японии.

Во-первых, американские правящие круги и оккупационные власти в Японии взяли курс на сворачивание демократических реформ, стремясь не допустить использования политических свобод коммунистическим движением. Прямая поддержка умеренно консервативных политических сил стала сопровождаться поощрением их борьбы с левыми радикальными политическими течениями и рабочим движением, вплоть до применения репрессий. Совместная деятельность американских оккупационных властей и японского правительства в этом направлении названа в японской историографии «обратным курсом».

Во-вторых, ухудшение отношений между США и Советским Союзом, а также перспектива прихода к власти в Китае коммунистов вынудили американцев изменить свой подход к Японии. В Вашингтоне пришли к решению содействовать экономической стабилизации и возрождению Японии как передовой промышленной страны, неуязвимой для коммунистического проникновения и служащей витриной капиталистического мира на Дальнем Востоке.

В-третьих, американская политика демилитаризации Японии сменилась поощрением ее перевооружения. Более того, была поставлена задача сделать Японию военно-политическим союзником, надежной опорой в проведении на Дальнем Востоке глобальной внешнеполитической стратегии США.

Пересмотр американского курса в отношении Японии не был разовым актом, он происходил по мере изменения международной обстановки, в первую очередь, на азиатском континенте, а также на основе тщательного изучения положения в самой Японии. Реализация нового подхода происходила при опоре на японское правительство, главным образом на третий кабинет Ёсида.

Образование третьего кабинета Ёсида

Отставка кабинета Асиды в связи со скандальным «делом „Сёва дэнкё“», нанесшим сильный удар по престижу партий правящей коалиции, дала шанс на образование правительства Демократическо-либеральной партии во главе с Ёсидой Сигэру. Однако положение второго кабинета Ёсида было непрочным. В декабре 1948 г. оппозиция добилась выражения парламентского недоверия правительству, на что Ёсида ответил применением конституционного права на роспуск палаты представителей и назначение новых выборов.

Выборы палаты представителей, состоявшиеся в январе 1949 года, создали новую расстановку политических сил в парламенте.

Демократическо-либеральная партия, имевшая ранее в этой палате 151 место, получила 264 места, т. е. твердое большинство. Резко сократился депутатский корпус партий, участвовавших в правящей коалиции при правительствах Катаяма и Асида: Демократической и, особенно, Социалистической и Народно-кооперативной. В совокупности их представительство уменьшилось с 242 до 139 депутатских мест. На этом фоне выделялся заметный успех коммунистов, неизменно остававшихся оппозиционной силой. Число их депутатов возросло с 4 до 35. В целом же результаты выборов свидетельствовали о серьезном консервативном повороте в настроениях электората.

Ёсида Сигэру (1948 г.)

Третий кабинет Ёсида, образованный 16 февраля 1949 г., вплоть до конца оккупационного периода опирался на прочное парламентское большинство. Важным было и то, что Ёсида своей прежней политической деятельностью в период оккупации (на постах министра иностранных дел, а затем премьер-министра) заслужил полное доверие американцев. Не случайно, как выяснилось позднее, американские спецслужбы помогали раскручивать «дело „Сёва дэнко“», чтобы спо-

собствовать падению коалиционного правительства Асида и расчистить путь партии Ёсиды к власти.

Ёсида признавал преимущества западного демократического устройства, но не был сторонником его слепого копирования. С американскими правящими кругами его сближали неприятие социалистической идеологии, готовность в борьбе с «коммунистическим проникновением» применять «двойной стандарт», отступаясь от принципов демократии.

Как политик Ёсида опирался на богатый профессиональный опыт дипломатической работы и был последовательным прагма-

тиком. Он предпочитал определять политический курс страны в соответствии со складывавшейся международной обстановкой, стремясь использовать ее в национальных интересах Японии. В условиях обострявшейся советско-американской конфронтации Ёсида осознанно встал на сторону США, поскольку рассчитывал извлечь из тесного сотрудничества с ними выгоды, необходимые для экономического возрождения собственной страны. В этом он видел единственно возможный путь и к восстановлению политической самостоятельности Японии.

Конкретизация новой американской политики в Японии

В течение 1948 г. центр тяжести усилий оккупационных властей переместился с институциональных и политических реформ на вопросы восстановления экономики. Стало очевидно, что обнищавшая и разрушенная Япония отнюдь не отвечает стратегическим интересам Вашингтона на Дальнем Востоке. Кроме того, помощь, которую США вынуждены были оказывать ей, ложилась довольно тяжелым бременем на плечи американских налогоплательщиков.

Весной 1948 г. для изучения обстановки на месте в Японию прибыли Кеннан, известный как разработчик концепции «сдерживания», и Дрейпер, представлявшие, соответственно, госдепартамент и министерство армии. Их рекомендации были учтены в основах новой американской политики в отношении Японии, одобренных в октябре 1948 г. Советом национальной безопасности.

Новый курс предполагал усиление японских полицейских сил, ограничение полномочий администрации главнокомандующего оккупационными войсками за счет их передачи правительству Японии, свертывание реформ, отказ от практики отстранения активных сторонников прежней милитаристской политики от занимаемых ими должностей, завершение судов над военными преступниками и т.п. В сфере экономики намечалось продолжить помощи Японии, но в сокращенных размерах, поощряя при этом частное предпринимательство путем снятия имевшихся ограничений для внешней торговли и восстановления промышленности, сокращения масштабов трудовых конфликтов, сдерживания инфляции и достижения сбалансированности японского государственного бюджета.

В ноябре 1948 г. штаб Макартура опубликовал «три принципа рационализации» — запретить повышение заработной платы, отменить дотации, ведущие к дефициту государственного бюджета и

росту цен, добиваться разрешения проблем собственными усилиями предприятий.

В развернутом виде программа экономической политики для Японии была сформулирована (с учетом мнения японского правительства) в форме «девяти принципов экономической стабилизации» — совместного заявления штаба главнокомандующего оккупационными войсками в Японии, госдепартамента и министерства армии США. План экономической стабилизации включал следующие требования («принципы»):

- сбалансировать государственный бюджет;
- увеличить налоговые сборы, строго пресекая уклонение от их уплаты;
- объекты субсидирования ограничить предприятиями, вносящими вклад в экономическое возрождение;
- стабилизировать заработную плату;
- усилить ценовое регулирование, расширить его сферу;
- усилить контроль над внешней торговлей и валютными операциями, передать его японской стороне;
- улучшить систему распределения материалов, необходимых для расширения экспорта;
- расширить производство важнейших видов местного сырья и товаров;
- повысить эффективность системы поставок продовольствия.

«Линия Доджа» В декабре 1948 г. Макартур передал правительству Японии план экономической стабилизации, а в феврале 1949 г. для руководства его осуществлением в Японию в качестве специального посла президента Г. Трумэна прибыл банкир Д. Додж, принимавший ранее участие в проведении западногерманской денежной реформы и имевший отношение к разработке «девяти принципов» для Японии.

«Линия Доджа», как стали называть мероприятия по проведению американского плана экономической стабилизации, хотя и включала в себя некоторые элементы прежней экономической политики японского правительства, существенно отличалась от нее. Она носила исключительно жесткий характер, в частности, предусматривая освобождение в течение года цен на большинство видов товаров, установление жесткого контроля Банка Японии над бюджетными расходами и денежной эмиссией, замораживание заработной платы на ряде крупных предприятий, введение единого фиксированного курса иены.

Принятый кабинетом Асиды план экономического возрождения, основывавшийся на концепции поэтапной стабилизации, был отменен, поскольку расходился с «линией Доджа» на едино-

временную, быструю экономическую стабилизацию путем своего рода «шоковой терапии».

В соответствии с ориентирами, выдвинутыми штабом Макартура, Д.Додж настоял на разработке японским правительством государственного бюджета на 1949/50 фин. г. на принципах обязательного постатейного сбалансирования с превышением доходов над расходами. Было решительно отвергнуто правительственное субсидирование восстановления экономики, которого настойчиво домогались промышленные круги. Теперь правительство оказывало финансовую поддержку частным банкам, которым вменялось в обязанность кредитование под собственную ответственность компаний в важнейших отраслях промышленности.

Формировался новый механизм японо-американских экономических отношений, который должен был уменьшить зависимость Японии от американской помощи.

Начиная с сентября 1945 г., США предоставляли продовольствие, удобрения и другие товары первоочередной необходимости из фондов ГАРИОА (Правительственные ассигнования для оказания помощи на оккупированных территориях) и ЭРОА (Экономическое восстановление оккупированных территорий). По этой, действовавшей до 1951 г. включительно, линии в Японию поступило американских товаров, преимущественно продовольствия (пшеницы), на общую сумму около 2 млрд. долл. Чтобы сократить размеры американской помощи, а также повысить ее эффективность, в государственном бюджете Японии с 1949 г. вводился специальный счет возвращения долга. Средства, получаемые от продажи в Японии американских товаров, теперь не растворялись в государственном бюджете, а поступали в «эквивалентный фонд», предназначенный для долгосрочного кредитования частных предприятий под непосредственным контролем оккупационных властей.

В апреле 1949 г. меморандумом главнокомандующего оккупационными войсками был установлен согласованный с японским правительством единый обменный курс иены (360 иен за 1 долл. США). Для японской промышленности того времени такой курс означал покупку сырья по высоким ценам и продажу переработанной продукции по низким, но вносил во внешнюю торговлю Японии необходимый фактор стабильности.

С началом реализации плана экономической стабилизации в мае 1949 г. в Японию прибыла группа специалистов для обследования японской налоговой системы во главе с профессором Колумбийского университета К.Шоупом. Длительная и обстоятель-

ная работа «миссии Шоупа» завершилась подготовкой аргументированных рекомендаций. В сентябре 1949 г. они были опубликованы и использованы при составлении дополнительного бюджета 1949 г. и бюджета 1950 г., а также в ходе налоговой реформы, осуществленной в 1950 г.

Будучи звеном нового курса американской политики, работа «миссии Шоупа» имела свои отличительные черты. Она была направлена на реформирование архаичной японской налоговой системы исходя из долговременной перспективы. Главной целью разработчиков рекомендаций было достижение эффективности налогообложения. Они предлагали установить распределение налогового бремени, которое было бы справедливым по существу (одинаковый вклад в государственный бюджет при примерно одинаковых совокупных доходах от любых источников доходов — труда, собственности, предпринимательства) и именно таким, справедливым, воспринималось бы налогоплательщиками.

Американские оккупационные власти были заинтересованы в том, чтобы «линия Доджа» была поддержана крупным японским капиталом. Этому способствовало осуществленное в 1949 г. смягчение антимонопольного законодательства в той его части, которая касалась образования картелей и слияния предприятий. Таким образом, США отказались от ранее поддержанного ими плана Дальневосточной комиссии, направленного на исключение чрезмерной экономической концентрации в Японии.

В то же время, в марте 1949 г., «потсдамским указом» японского правительства были созданы условия для привлечения зарубежных инвестиций и предпринимательской деятельности иностранцев в Японии.

В мае 1949 г. правительство США отказалось и от собственных предложений, сделанных в 1947 г. в Дальневосточной комиссии по программе «промежуточных репараций» (передача части японского производственного оборудования Китаю, Филиппинам, Индонезии и Великобритании). Оно заявило, что «изъятие дальнейших репараций серьезно угрожало бы успеху программы стабилизации Японии».

«Линия Доджа», или японский вариант политики «шоковой терапии», которую Токио проводил под американским нажимом и контролем, стала тяжелым испытанием для Японии.

До начала осуществления «линии Доджа», когда правительство поощряло расширение производства, стремясь мягко, поэтапно обуздать инфляцию, экономический рост шел, хотя и медленно, но непрерывно. К 1949 г. промышленное производство в

целом было восстановлено на 70-80% от довоенного уровня. Потребление также стало приближаться к довоенному, особенно в деревне.

Принятые в соответствии с американским планом экономической стабилизации жесткие меры по сокращению расходов государственного бюджета выявили большую эффективность в сдерживании инфляции. Но эти же меры в начальный период осуществления плана стабилизации оказали негативное влияние на производственную деятельность. В 1949/50 фин. г. рост производства в обрабатывающей промышленности практически прекратился. Более всего пострадало машиностроение.

Застой в промышленном производстве происходил как от недостатка капиталовложений, так и от неготовности японской промышленности с ее отсталыми технологиями и устаревшим производственным оборудованием вступить в жесткую конкуренцию во внешней торговле при неблагоприятных для Японии условиях единого обменного курса иены.

Японии не оставалось ничего другого, как перейти на режим «затягивания поясов» — сдерживания зарплат на прежнем низком уровне, массовых увольнений, строжайшей экономии всех ресурсов, одновременно ускоряя перестройку промышленности, и, с учетом снятия прежних ограничений во внешней торговле, ориентируя ее на производство продукции для зарубежных рынков.

В мае 1949 г. путем слияния нескольких министерств и управлений было создано министерство внешней торговли и промышленности, призванное добиваться органичного взаимодействия внутренней промышленности и внешнеторговой политики. В сентябре 1949 г. кабинет Ёсида принял курс «рационализации промышленности», главной целью которого было сближение внутренних и мировых цен на японскую продукцию. Правительство брало на себя задачу создать благоприятные условия для проявления инициативы, творчества и умения частных предпринимателей, активно содействовать повышению производительности труда и внедрению передовой техники и технологии.

Социальные последствия плана экономической стабилизации

Американская помощь в восстановлении японской экономики сопровождалась требованием к правительству Японии добиваться преодоления многих «препятствий, связанных с расточительными политическими конфликтами, несправедливой борьбой рабочего класса и разрушительными идеологическими давлениями». «Это потребует, — писал генерал Макартур, излагая „план экономической стабилиза-

ции», — перестройки мышления и действий японцев, усиления режима экономии во всех отраслях жизни и временного отказа от некоторых привилегий и свобод, присущих свободному обществу».

Кабинет Ёсида действовал в духе указаний главнокомандующего оккупационными войсками. По его инициативе парламент, невзирая на возражения депутатов от СПЯ, КПЯ и Рабоче-крестьянской партии, принял законодательные акты, переводившие на постоянную основу некоторые временные, введенные ранее, ограничения прав работников учреждений и предприятий государственного и коммунального секторов на коллективную защиту их интересов.

В мае 1949 г. был пересмотрен закон о профсоюзах, принятый в 1946 г. Этот шаг был предпринят для того, чтобы воспрепятствовать политизации профсоюзного движения, привить «деловой унионизм американского типа», исключить договорную практику и правовые нормы, мешавшие подъему производства и повышению его эффективности.

На ограничение конституционных политических прав был нацелен «потсдамский» указ правительства «о контроле над организациями» (апрель 1949 г.). Политические организации были обязаны представлять списки своих членов, сведения об идеологическом и политическом направлении деятельности, они могли быть распущены приказом начальника юридического управления кабинета министров. Формально указ предназначался для сдерживания правых и левых радикалов, а фактически был направлен против компартии и организаций, находившихся в сфере ее влияния.

С того же времени прекратилась практика отстранения от должностей и запретов на политическую и общественную деятельность для лиц, активно участвовавших в годы войны в проведении милитаристской политики. Началась их реабилитация в созданной штабом Макартура апелляционной комиссии (в начале 1951 г. ее функции были переданы японским властям).

Экономическая стабилизация по американскому плану, предполагавшая неизбежную консервацию бедности значительной части трудящихся, вызвала сопротивление японских профсоюзов. Главным организатором акций протеста, особенно в связи с массовыми увольнениями на государственных железных дорогах, начавшимися в 1949 г., стал Всеяпонский конгресс производственных профсоюзов, в руководстве которым продолжали главенствовать коммунисты. Японская федерация профсоюзов также выражала протест по поводу сокращения рабочих мест, урезания зарплаты, ухудшения других условий труда, но стремилась отмеже-

ваться от имевших откровенно политическую окраску массовых выступлений, к которым призывали коммунисты. Внутри Всеяпонского конгресса производственных профсоюзов также было немало противников засилья коммунистов в его руководстве, и они начали объединяться в Лигу за демократизацию профсоюзов.

В результате жесткой и последовательной реализации «линии Доджа—Шоупа» в течение одного года в Японии была достигнута финансовая стабилизация; денежная эмиссия была практически прекращена, инфляция подавлена, большинство цен либерализовано, и введен единый обменный курс иены. Обратной стороной такой политики стало падение производства в ряде отраслей, рост безработицы и числа банкротств предприятий, однако втянуться в глубокую депрессию японской экономике «помешала» начавшаяся в июне 1950 г. корейская война.

Война в Корее и Япония

Развитие корейского кризиса

В конце 40-х годов правящие круги США потерпели серьезное поражение на азиатском континенте. В Китае гражданская война между сторонниками коммунистической партии и получавшим американскую поддержку гоминдановским правительством завершилась победой коммунистов. 1 октября 1949 г. в Пекине было провозглашено образование Китайской Народной Республики. Гоминдановцы смогли сохранить свою власть лишь на территории Тайваня, бывшей японской колонии. 14 февраля 1950 г. между СССР и КНР был заключен Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Попытки США помешать советско-китайскому сближению, в котором они видели угрозу американским национальным интересам, остались безрезультатными.

Одновременно происходил рост напряженности на Корейском п-ове. После того, как СССР и США в ходе войны против Японии ввели свои войска, соответственно, в северную и южную части Кореи, обе державы, исходя из собственных политических и стратегических интересов, содействовали тому, чтобы там фактически образовались два государства с разными социально-экономическими и политическими системами. Граница между ними по 38-й параллели разъединила корейскую нацию.

Руководство обоих корейских государств, спекулируя на стремлении нации к воссоединению, выдвигало заведомо неприемлемые друг для друга предложения об «объединении», что вело лишь к нагнетанию напряженности. Обе стороны прибегали к уг-

розам применения силы. В накалившейся обстановке взаимных провокаций вспыхнула полномасштабная война.

Начавшееся 25 июня 1950 г. наступление войск КНДР по всей линии границы на третий день привело к захвату Сеула. США экстренно организовали международное осуждение «северокорейской агрессии» и добились оказания прямой военной помощи одной из воюющих сторон — Южной Корее — под флагом ООН.

Непосредственными участниками сражений на Корейском полуострове на стороне Юга стали американские войска (участие других стран в «войсках ООН» было незначительным), а несколько позже на стороне Севера — китайские. КНДР получала разнообразную военную помощь от Советского Союза. Война грозила выйти за пределы Кореи. Генерал Макартур, на которого было возложено общее руководство американскими войсками, участвовавшими в корейской войне, публично требовал от правительства США приступить к бомбардировкам Китая и применить ядерное оружие. Дальнейшая эскалация войны могла привести к превращению ее из локальной в мировую. Осознание этого привело противоборствующие стороны за стол переговоров о мирном урегулировании. Президент США Г. Трумэн 11 апреля 1951 г. вынужден был заменить Макартура на посту главнокомандующего. Длительные и трудные переговоры завершились подписанием 27 июля 1953 г. соглашения о перемирии.

Токийский аэропорт Ханэда. 16 апреля 1951 г.
Макартур навсегда покидает Японию

Война в Корее и японская экономика

Как страна оккупированная, Япония не могла возражать против использования ее территории и ресурсов для обслуживания американских вооруженных сил, принимавших участие в корейской войне. В Японии располагались военные штабы, авиационные и военно-морские базы США, она играла роль тыловой и перевалочной базы, была местом боевой подготовки и отдыха личного состава после возвращения с поля боя. Там ремонтировалась поврежденная военная техника, пополнялись необходимые для ведения войны материальные запасы.

Разумеется, даже положение косвенного участника конфликта было рискованным. При эскалации войны японская террито-

могла стать объектом ударов со стороны противников США. Однако этого не случилось, и Япония извлекла из корейской трагедии существенные экономические выгоды.

Американские «специальные заказы» на военные нужды, а также благоприятная конъюнктура на мировых рынках, получившая название «корейского бума», помогли японской промышленности выйти из состояния застоя. Если индекс промышленного производства в 1949 г. по отношению к довоенному составлял 71,0, то в 1951 г. — 114,4.

Резко увеличились долларовые поступления, связанные с различными видами обслуживания американских военнослужащих, что содействовало преодолению инфляции. В период корейской войны благодаря военным заказам Япония ежегодно получала около 500 млн. долл., что составляло более 4% ее ВВП. Однако американские платежи Японии за военные поставки продолжались и после окончания войны в Корее, когда они были связаны с оплатой товаров и услуг, предоставленных размещенным на ее территории американским войскам. Всего за 1952–1956 гг. Япония получила от американской армии около 3,4 млрд. долл., что было эквивалентно четверти стоимости ее импорта за это время.

Расширились возможности внешней торговли, особенно импорта необходимого сырья для японской промышленности из США, чему американская сторона активно содействовала. Неуклонно возрастал объем экспорта японских промышленных товаров. В 1949 г. Япония во внешней торговле имела дефицит в 62 млн. долл., в 1950 г. превышение экспорта над импортом составило 38 млн. долл. (не считая дохода от «специальных поставок» в 62 млн. долл.), а в 1953 г. — 830 млн. долл. Доход от «специальных поставок» в 1951–1953 гг. достиг уровня, превышающего 60% общего объема внешней торговли.

Начало перевооружения Японии 8 июля 1950 г., вслед за началом корейской войны, генерал Макартур потребовал от правительства Японии учредить «резервный полицейский корпус» численностью 75 тыс. чел., а также увеличить личный состав управления морской безопасности, что мотивировалось необходимостью «защиты безопасности демократического общества». Это указание стало отправным пунктом перевооружения Японии.

Кабинет Ёсида не стал медлить с исполнением. 10 августа, не обращаясь к парламенту, правительство издало соответствующий «потсдамский» указ и немедленно приступило к формированию «резервного полицейского корпуса». Таким образом, был сделан

первый шаг к возрождению японских вооруженных сил, что отвергалось конституцией 1947 г. Позднее, в январе 1952 г. Ёсида заявил в парламенте уже о намерении вместо «резервного полицейского корпуса» учредить «войска обороны», утверждая, что это не будет противоречить конституции.

Как свидетельствует быстрая реакция Токио на указание Мак-артура, оно отвечало желаниям японских правящих кругов. Однако правительство, включая премьер-министра Ёсиду, стремилось избежать крупных расходов на перевооружение, которые затруднили бы решение задачи экономического возрождения.

Обладание ограниченными, предназначенными исключительно для целей обороны вооруженными силами, в принципе, не противоречило настроениям большинства японцев. Вместе с тем, широкомасштабное перевооружение Японии было невозможно без пересмотра конституции, а к этому общественное мнение относилось отрицательно.

Разумеется, в консервативных политических кругах, в том числе в правящей партии, было немало тех, кто открыто или в душе мечтал о восстановлении былой военной мощи Японии. Его желали в среде отстраненных от дел профессиональных военных. Интересам многих предпринимателей отвечало бы получение выгодных военных заказов. Но такие настроения не были преобладающими даже среди консерваторов.

Что касается дальнейших шагов правительства в формировании армии и военно-морского флота, то они делались постепенно и осторожно. Наращивание вооруженных сил («сил самообороны») осуществлялось в ограниченных размерах, не допускалось прямое влияние военных на государственную политику. Мирные положения конституции и существование парламентской оппозиции, выступавшей против перевооружения страны, поставили труднопреодолимый заслон сторонникам возрождения Японии в качестве военной державы.

* * *

Война в Корее, непосредственным участником которой были американские вооруженные силы, оказала громадное, многостороннее воздействие на Японию, продолжавшую находиться под американской оккупацией.

Во-первых, война ускорила восстановление японской экономики.

Во-вторых, окончательно оформился курс США на превращение Японии в своего стратегического союзника. С этих позиций стал решаться вопрос о заключении с ней мирного договора.

Правительство США повело дело к договорному оформлению союзнических отношений с Японией и сохранению американских войск на ее территории и после прекращения оккупации, а также перешло к поощрению перевооружения Японии.

В-третьих, события в Корее отразились на внутривнутриполитической обстановке в Японии. Конфронтация на международной арене в крайней форме ее проявления — войне — вызвала там горячие споры о выборе внешнеполитической ориентации после завершения оккупации.

Внутриполитическая борьба в последние годы оккупации

Споры вокруг внешнеполитического выбора

Опасность того, что Япония будет втянута в разгоравшуюся поблизости, на Корейском полуострове, полномасштабную войну, боязнь оказаться жертвой американо-советской конфронтации придали популярность требованиям заключения всестороннего мирного договора, вступления Японии на путь нейтралитета и отказа от участия в военных союзах на чьей-либо стороне. Использовался, особенно коммунистами, также лозунг «борьбы за независимость» Японии, имевший антиамериканскую направленность.

Большинство сторонников нейтралитета Японии и заключения всестороннего мирного договора за исключением, пожалуй, коммунистов чаще всего руководствовалось отнюдь не идеологическими соображениями. Выдвижение этих лозунгов было вызвано, в первую очередь, желанием сохранить возможность нормализации отношений со всеми без исключений соседними странами как фактора взаимовыгодного развития торговых и прочих связей с ними.

Помня ужасы атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, 6,4 млн. японцев подписало под опубликованным в марте 1950 года Стокгольмским воззванием Всемирного совета мира за безусловное запрещение ядерного оружия.

В апреле 1950 г. с совместным заявлением, где содержался призыв к миру, нейтралитету и заключению всестороннего договора, выступил консультативный совет по внешней политике оппозиционных партий. В таком же духе высказывались и многие средства массовой информации.

Первоначально главным контраргументом японского правительства было утверждение об «утопичности» нейтралитета на фоне реально складывавшейся международной обстановки. После

начала корейской войны, которая стала рассматриваться как пример «агрессивности коммунизма», ряды неидеологизированных сторонников нейтралитета Японии и «всестороннего мирного договора» сократились. Тем более что оккупационные власти и правительство Японии стремились представить их, наряду с коммунистами, как пособников, а иногда и просто «агентов» зарубежных стран.

Тем не менее, заглушить нарождающееся массовое движение за мир, против перевооружения Японии было уже невозможно. Правительству Японии приходилось, в конечном счете, считаться с распространившимися среди различных слоев населения пацифистскими настроениями, что, в частности, проявилось в его сдержанной, рациональной позиции по проблеме перевооружения.

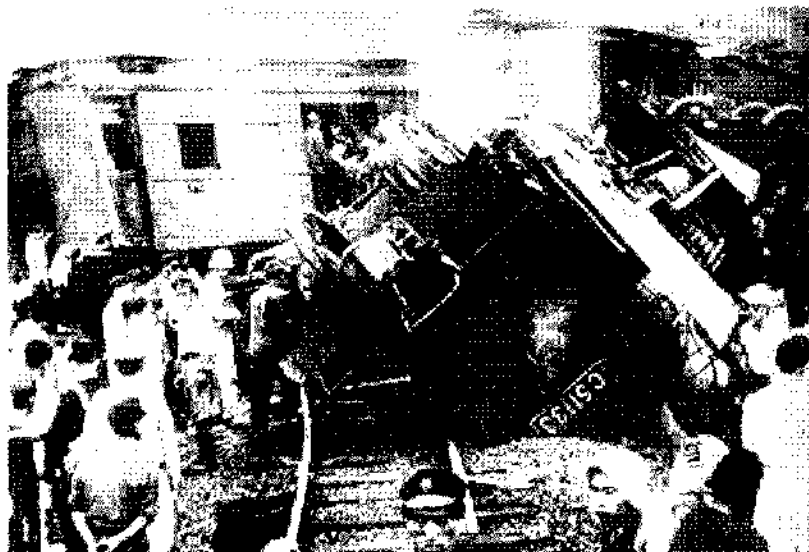
* * *

На заключительной стадии оккупационного периода ряд внутриазиатских событий привел к крупным переменам в соотношении противоборствующих политических сил и оказал влияние на исход споров относительно внешнеполитической ориентации Японии.

Политическое поражение компартии Японии

В июне–августе 1949 г. три инцидента взволновали японцев. Все они были связаны с железными дорогами, борьба вокруг «рационализации» которых оказалась в центре внимания японской общественности. Первым была смерть президента государственных железных дорог Симояма, тело которого нашли на железнодорожном полотне. Затем на станции Митака (г. Токио) электричка без машиниста совершила наезд на людей. И, наконец, недалеко от станции Мацукава (префектура Фукусима) произошло крушение поезда, причиной которого стала диверсия. Во всех случаях подозрения в совершении преступлений легли на профсоюзных активистов, прежде всего коммунистов. Если, не дожидаясь расследования, публично заявил, что «коммунисты провоцируют общественные беспорядки».

Обстоятельства смерти Симояма (убийство или самоубийство) остались нераскрытыми. Обвинение в коллективном сговоре по «делу Митака» было отвергнуто судом в 1950 г. Большая группа коммунистов из профсоюза железнодорожников, осужденная по «делу Мацукава» к суровым наказаниям, в том числе к смертной казни, 14 лет спустя была решением верховного суда признана невиновной. Тем не менее, инциденты и развернутая вокруг них пропаганда нанесли большой урон профсоюзному движению и, особенно, компартии Японии в глазах общественного мнения.

При крушении близ станции Мацукава погибли 3 человека

Еще в начале 1948 г. КПЯ приняла курс на создание «национально-демократического» фронта, одной из целей которого должно было стать «обеспечение независимости Японии». Позже усилению антиамериканского акцента в деятельности КПЯ способствовала публикация в январе 1950 г. статьи в газете Коминформа — международного органа коммунистических партий того времени. Статья ориентировала японских коммунистов на борьбу за «независимость Японии», за «безотлагательное заключение справедливого мирного договора», «скорейший вывод американских войск» и т.д. Уничтожающей критике подверглись взгляды одного из руководителей КПЯ Носака Сандзё о паличии в послевоенной Японии предпосылок «для осуществления мирного перехода к социализму даже в условиях оккупационного режима».

К этому времени в японском обществе, в частности, в связи с упоминавшимися выше инцидентами, стало формироваться представление о коммунистах как о «смутьянах», сторонниках «насиельственной революции». Появление статьи Коминформа, а затем того же рода статьи в органе КПК «Жэньмин жибао» создавало почву для обвинений японских коммунистов в злонамеренных действиях по указаниям из-за рубежа.

В начале июня 1950 г. оккупационные власти распорядились отстранить от политической деятельности 24 членов ЦК КПЯ а

затем 17 ответственных работников газеты коммунистов «Акаха-та». С началом корейской войны штаб Макартура запретил ее издание. КПЯ продолжала деятельность на полулегальном положении. С июля 1950 г. по указанию оккупационных войск развернулась «чистка красных», начавшаяся с увольнения коммунистов и сочувствующих им людей из органов массовой информации. Затем она распространилась и на частные предприятия, причем широко использовались списки членов КПЯ, представленные правительству по упоминавшемуся выше указу о «контроле над организациями». С июля по ноябрь 1950 г. число лишившихся работы в результате «чистки красных» превысило 12 тыс. чел.

Токуда Кёити

В условиях спровоцированного публикацией Коминформа раскола КПЯ в октябре 1951 г. сторонники генерального секретаря ЦК КПЯ Токуда Кёити приняли «Программу 1951 года», разработанную после консультаций в Пекине, а затем и в Москве, в том числе непосредственно со Сталиным. Хотя программа не содержала прямых призывов к применению вооруженных методов осуществления «национально-освободительной демократической революции», она, тем не менее, способствовала тому, что в практической деятельности КПЯ на некоторое время утвердился «военный курс». Была сделана попытка

применить китайский опыт «народной войны», вплоть до формирования военных баз в горах, создания крестьянских организаций самообороны и ведения вооруженной борьбы. Впрочем, чаще всего это не выходило за пределы намерений, поскольку реальных условий для проведения в жизнь «военного курса» в Японии не было.

Увлечение японских коммунистов политическим радикализмом не соответствовало интересам большинства населения, желавшего, прежде всего, стабильности и улучшения своего материального положения. «Ультра-левизна» КПЯ привела к резкому падению престижа партии и на несколько лет фактически вычеркнула ее из политической жизни страны. КПЯ растеряла свое прежнее влияние и в рабочем движении.

Реорганизация профсоюзного движения

В 1950 г. в профсоюзах ввиду недовольства деятельностью в их руководстве коммунистов, навязывавших «курс на насильственную революцию», началась работа по формирова-

нию нового национального профцентра — Генерального совета профсоюзов Японии (Сōхё). Замысел образования Сōхё, имевший антикоммунистическую подоплеку, встретил благожелательное отношение штаба оккупационных войск и правительства и был поддержан из-за рубежа Американской федерацией труда и Международной конфедерацией свободных профсоюзов.

Учредительный съезд Сōхё (июль 1950 г.) провозгласил «полное несогласие с разрушительным ультралевым рабочим движением, которое мешает стабилизации экономики и процветанию общества». Но в то же время новый профцентр остался на позиции «классовой борьбы». Провозглашение полной независимости от любых партий сопровождалось выдвижением курса на солидарность с СПЯ как с партией, «ставящей целью достижение социалистического общества мирными конституционными средствами».

Образование Сōхё означало глубокую реорганизацию японского профсоюзного движения. Сōхё стал крупнейшим в истории Японии национальным профцентром. В 1951 г. Сōхё объединил профсоюзы с 2,9 млн. членов (51 % общего числа в стране). Японская федерация профсоюзов (Сōдōмэй), представлявшая правый фланг профдвижения, насчитывала 313 тыс. членов. А в бывшем оплоте коммунистов и самом крупном профцентре первых послевоенных лет — Всеяпонском конгрессе производственных профсоюзов — осталось 47 тыс. членов (он был распущен в 1957 г.).

Хотя появление Сōхё знаменовало собой утрату влияния КПЯ в рабочем движении, надежды оккупационных властей и правительства Японии на лояльность нового профцентра не оправдались. Правда, учредительный съезд Сōхё, состоявшийся вскоре после начала корейской войны, осудил «северокорейскую агрессию», поддержал формирование «войск ООН». Но годом позже Сōхё заявил уже о приверженности «четырем принципам»: заключению всестороннего мирного договора, нейтралитету Японии, отказу от предоставления военных баз, отказу от политики вооружения. Фактически, образование нового профцентра и формирование блока Сōхё—СПЯ, укрепило позиции левого крыла внутри СПЯ.

Усиление левого крыла Социалистической партии

Социалистическая партия Японии находилась в активной оппозиции внешнеполитическому курсу правительства Ёсида. Вместе с тем внутри СПЯ не было единства взглядов на эти проблемы. Более того, внутрипартийные разногласия привели СПЯ, в конечном счете, к расколу.

По инициативе левых социалистов V съезд СПЯ (январь 1950 года) одобрил «три принципа мира» (заключение всестороннего мирного договора Японии с ее бывшими противниками, постоянный нейтралитет, отказ от предоставления японской территории для военных баз другой страны). Вскоре был добавлен «четвертый принцип» — борьба против ремилитаризации Японии. Правое крыло, выразив недовольство инициативой левых социалистов, покинуло СПЯ. Раскол продолжался 75 дней. Затем правое крыло поддержало «мирные принципы» и вернулось в СПЯ.

С образованием Генерального совета профсоюзов Японии левое крыло социалистов получило в его лице мощную поддержку. Инициатива в организации выступлений против втягивания Японии в «холодную войну» перешла от быстро терявших авторитет и влияние коммунистов к социалистам, действовавшим в тесном контакте с Сбхё.

Успех Либеральной партии

В то время как на левом крыле политических сил обозначились упадок КПЯ и отсутствие единства среди социалистов, положение консерваторов, имевших превосходство в парламенте, напротив, упрочивалось. При этом наблюдалась тенденция к консолидации консервативных сил вокруг правящей партии.

В конце 1949 г. внутри Демократической партии, находившейся в оппозиции, усилились настроения в пользу коалиции с правящей Демократическо-либеральной партией. Лидер ДЛП Ёсида выразил согласие с идеей объединения консервативных сил. В марте 1950 г. в результате слияния ДЛП с фракцией сторонников коалиции из Демократической партии была образована Либеральная партия. Ее председателем был избран Ёсида.

Демократическая партия, ослабленная уходом сторонников коалиции, в апреле 1950 г. пошла на объединение с Народно-кооперативной партией. Результатом стало создание Народно-демократической партии.

В июле 1951 г. Либеральная партия обратилась ко всем партиям, за исключением КПЯ, с призывом о сотрудничестве в проблеме заключения мирного договора. Народно-демократическая партия после некоторых колебаний откликнулась на этот призыв.

Заключение мирного договора и окончание оккупации

На пути к сепаратному мирному договору с Японией

Американская оккупация затянулась на срок, беспрецедентно долгий в отношениях между крупными странами — 6 лет и 8

мес. В течение этого времени намерения США относительно сроков и способов заключения мирного договора с Японией, а также его содержания, претерпели большие изменения.

В феврале 1946 г. госсекретарь США Д.Бирнс заявил о желании заключить мирные договоры с Японией и Германией в течение года, но оккупацию Японии сохранить «лет на пятнадцать». В первой из разработок американского проекта мирного договора (март 1947 г.) имелись положения об одновременном заключении договора о невооруженном статусе Японии и о создании механизма длительного контроля, включая размещение инспекционных войск на срок до 25 лет. Второй вариант проекта (август 1947 г.), составленный в Вашингтоне с учетом мнения Макартура, который возражал тогда против длительного присутствия иностранных войск в Японии, также содержал положения о демилитаризации, а контроль предполагалось осуществлять через комиссию по слов стран-участниц Дальневосточной комиссии с постоянным аппаратом, размещенным в Японии на определенное время.

Советский Союз не согласился тогда с американским предложением созвать в 1947 г. конференцию по составлению мирного договора с Японией в составе всех стран-участниц Дальневосточной комиссии. В Москве считали, что эта работа должна быть поручена Совету министров иностранных дел СССР, США, Великобритании и Китая по установленной в нем процедуре, включавшей принцип единогласия.

Осенью 1949 г. руководители дипломатических ведомств США, Великобритании и Франции согласовали свои взгляды по дальневосточной проблеме, фактически придя к решению о разработке мирного договора с Японией сепаратно, без участия Советского Союза. В апреле 1950 г. президент Г.Трумэн назначил государственным секретарем Дж.Ф.Даллеса, поручив ему заняться подготовкой мирного договора с Японией. Главной целью при этом стало создание условий для превращения Японии в лояльного союзника США и сохранения на ее территории американских войск.

Начало войны в Корее побудило США ускорить подготовительную работу. Разработанный американцами проект согласовывался с каждой из заинтересованных стран по отдельности. Однако, поскольку США не признавали законности правительства КНР, то от подготовки договора была отстранена страна, понесшая наибольший урон от японской агрессии. Заключительным этапом должен был стать созыв международной конференции, но не для обсуждения, а только для подписания согласованного пред-

варительно мирного договора. Тем самым правительство США старалось до предела сократить возможности Советского Союза оказывать влияние на его содержание.

В марте 1951 г. госдепартамент США разослал подготовленный им проект мирного договора с Японией 15 странам-членам Дальневосточной комиссии, в том числе и СССР, с просьбой высказать собственное мнение. Сравнив данный проект с текстом заключенного позже договора, можно увидеть, что первый был намного более приемлемым для Советского Союза. В нем, в частности, по территориальному вопросу четко указывалось: «Япония возвратит СССР южную часть Сахалина, а также все острова, прилегающие к нему, и передаст Советскому Союзу Курильские о-ва». Были учтены также некоторые другие советские настояния.

Однако руководство СССР продолжало требовать, чтобы мирный договор был всесторонним, отстаивая, в особенности, право участия КНР в его обсуждении и заключении. Для рассмотрения «имеющихся проектов мирного договора» предлагалось созвать конференцию всех государств, «участвовавших своими вооруженными силами в войне с Японией».

США отклонили советские возражения и продолжали переговоры по урегулированию частичных разногласий со странами, входившими в сферу их влияния. Япония не считалась участником подготовки договора, но американцы поддерживали постоянный контакт с японским правительством, добиваясь, прежде всего, согласия на то, чтобы их войска остались на японской территории. В январе 1951 г. по результатам токийских встреч Даллеса и Есида было заявлено, что правительство Японии «приветствует оставление американских войск».

В июле 1951 г. после внесения ряда поправок в американский вариант, новый проект мирного договора, представленный в виде совместного американско-английского, вновь был разослан странам-членам Дальневосточной комиссии. Вслед за этим США и Великобритания разослали государствам, объявившим в свое время войну Японии, приглашение на конференцию для подписания мирного договора в Сан-Франциско. Окончательный проект мирного договора был опубликован США и Великобританией 15 августа 1951 г.

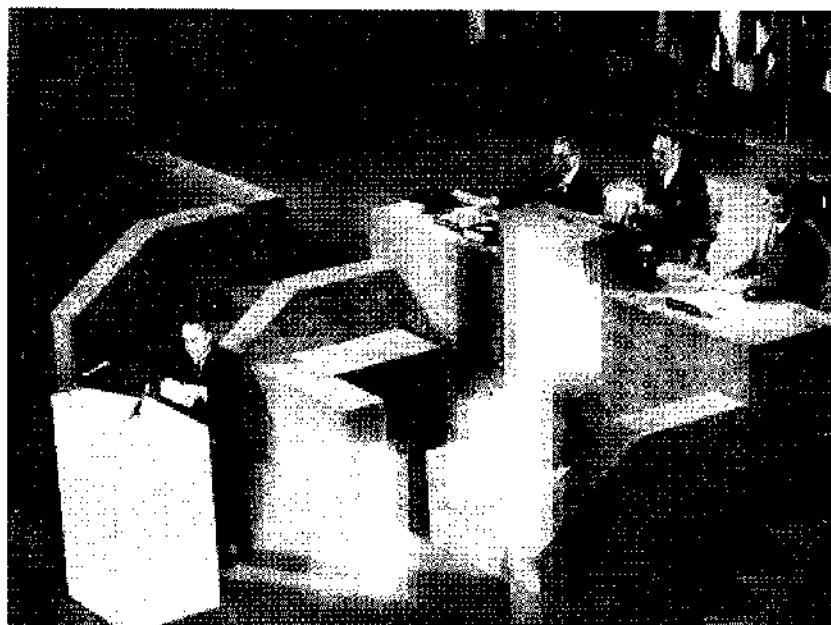
Сан-Францисский мирный договор

Мирная конференция в Сан-Франциско состоялась 4–8 сентября 1951 г. с участием представителей 52 стран, включая Японию.

Это было время, когда начавшиеся переговоры о перемирии в Корее то и дело прерывались возобновлявшимися боевыми дейст-

виями. На конференцию не были приглашены представители КНР и Тайваня. Индия и Бирма отказались от участия, высказав несогласие по поводу отсутствия КНР и с решением проблемы репараций. Советский Союз был представлен делегацией во главе с заместителем министра иностранных дел А.А.Громыко.

Участники конференции имели возможность высказать свое мнение по содержанию мирного договора, но ее процедура не предполагала внесения в него каких-либо поправок. По этой причине советские предложения, поддержанные делегатами Чехословакии и Польши, остались без последствий.

Ёсида выступает на Сан-Францисской мирной конференции
(7 сентября 1951 г.). Председательствует Д.Ачесон

8 сентября мирный договор с Японией был подписан представителями 48 стран, абсолютное большинство которых в войне с Японией реально не участвовали. Делегации СССР, Польши и Чехословакии отказались поставить свои подписи. В тот же день в Сан-Франциско госсекретарь США Д.Ачесон и премьер-министр Японии Ёсида Сигэру подписали двусторонний «договор безопасности».

Заключение мирного договора было этапным событием в японской истории. С момента ратификации договора основными его

участниками завершалась оккупация Японии, страна вступала в международное сообщество в ином качестве, отличном от прежнего облика империалистической военной державы.

Помимо декларации о прекращении состояния войны и определения дальнейших отношений подписавших договор стран с Японией как «суверенных» и «равных», Сан-Францисский мирный договор содержал положения, определявшие территорию Японии, взаимные обязательства по обеспечению безопасности, условия политического и экономического сотрудничества, разрешения взаимных имущественных и прочих претензий.

Договор окончательно аннулировал результаты прежней агрессивной японской политики. Япония признала независимость Кореи, отказалась от прав на Формозу (Тайвань) и Пескадорские о-ва, от «всех особых прав и интересов в Китае» и т.д. Японией были признаны также приговоры Международного военного трибунала для Дальнего Востока и других судов над военными преступниками.

Важное значение имело принятие Японией на себя обязательств следовать в международных отношениях положениям устава ООН, включая разрешение своих международных споров мирными средствами.

Устанавливая в целом не слишком обременительный для Японии порядок урегулирования разнообразных проблем, возникших в результате войны, в том числе репарационных, договор открывал перед ней возможность для развития всесторонних отношений с большинством стран мира. Однако это не касалось, в частности, ближайших ее соседей — СССР, не подписавшего договор, КНР и КНДР, полностью отстраненных от процесса подготовки и заключения договора. Сепаратный характер Сан-Францисского мирного договора породил труднопреодолимые помехи нормализации отношений Японии с этими странами. Хотя в нем была провозглашена готовность Японии к заключению двусторонних мирных договоров «на тех же или в основном на тех же условиях», это обязательство Япония брала на себя только на 3 года.

Сан-Францисский договор оставил неразрешенной проблему территориального размежевания между СССР и Японией. В его пункте С ст. 2 записано:

«Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские о-ва и на ту часть о-ва Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.».

Однако эта формулировка, как показали дальнейшие события, оказалась недостаточно четкой, поскольку в договоре не было указано, в чью пользу Япония отказывалась от «всех прав, правооснований и претензий». Кроме того, отсутствие под договором подписи советского представителя ослабляло возможности СССР сослаться на него.

Нельзя сказать, что Сан-Францисский мирный договор привел к окончательному решению территориальной проблемы и в японо-американских отношениях. Япония соглашалась с «любыми предложениями» США по поводу ряда прежних японских территорий на Тихом океане, включая острова Рюкю и Бонин. За США там сохранялось право «осуществлять всю административную, законодательную и судебную власть» (ст. 3).

Наконец, декларируя быстрейший вывод оккупационных войск из Японии, мирный договор одновременно содержал принципиальную оговорку, легализующую их фактическое оставление. В ст. 6 указывалось: «Ничто не должно воспрепятствовать размещению или сохранению иностранных вооруженных сил на японской территории в соответствии или вследствие каких-либо двусторонних или многосторонних отношений». Разумеется, ни для кого не было секретом, что под «иностранными вооруженными силами» подразумеваются американские, а не какие-либо другие.

«Договор безопасности»

Согласно японо-американскому «договору безопасности», подписанному в Сан-Франциско, Япония предоставляла США «право размещать наземные, воздушные и морские силы в Японии и вблизи нее». Для суверенного государства, каким Япония провозглашалась по Сан-Францисскому договору, возможность использования американских вооруженных сил трактовалась необычайно широко: не только для «поддержания мира и безопасности на Дальнем Востоке» и обеспечения безопасности Японии, но и «для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков в Японии». Иначе говоря, США оговорили за собой право на силовое вмешательство во внутренние дела Японии.

Конкретные условия, регулирующие размещение вооруженных сил США в Японии, были определены подписанными позже соглашениями. Центральным из них являлось «административное соглашение» от 26 января 1952 г., согласно которому США закрепили за собой право создавать военные базы в любых районах Японии и размещать там войска фактически неограниченной численности. Помимо того, американские войска могли также пользоваться японскими портами, аэродромами, предприятиями обще-

ственного пользования. Американским военнослужащим и их семьям предоставлялось право экстерриториальности.

В районе Дальнего Востока и Тихого океана японо-американский «договор безопасности» стал четвертым в системе договоров, которые США заключали в соответствии со своей концепцией «сдерживания». Ему предшествовало подписание двусторонних договоров США «о взаимной помощи и обороне» с Республикой Корея (26 января 1950 г.) и «о взаимном обеспечении безопасности» с Филиппинами (30 августа 1951 г.), а также трехстороннего «пакта безопасности» с Австралией и Новой Зеландией (АНЗЮС, 1 сентября 1951 г.). На Японию возлагалась, таким образом, небезопасная роль звена в формировавшейся США цепи военных баз поблизости от восточного побережья азиатского континента, предназначенной противостоять «коммунистической угрозе» со стороны Советского Союза и КНР. Правда, другие партнеры США должны были участвовать в совместной обороне не только собственных территорий, но и американских владений на Тихом океане. Япония таких обязательств не имела, поскольку ее конституция запрещала посылку войск за рубеж.

Ратификации сан-францисских договоров в Японии предшествовали бурные дискуссии и острая политическая борьба с участием как политических партий, так и профсоюзов и других общественных организаций. Однако главные критики договоров так и не сумели преодолеть разногласий в собственной среде. В октябре 1951 г. на VIII чрезвычайном съезде СПЯ левые социалисты высказались против обоих договоров, а правые — отвергли «договор безопасности», но одобрили заключение мирного договора. В результате произошел раскол СПЯ на Левую и Правую социалистические партии Японии, продолжавшийся 4 года.

В октябре–ноябре 1951 г. японский парламент ратифицировал оба подписанных в Сан-Франциско договора. В палате представителей за мирный договор голосовало 307, против 47 депутатов, за «договор безопасности» — 289, против — 71. В палате советников — за мирный договор 174, против — 45, за «договор безопасности» 147, против — 76.

Против обоих договоров голосовали депутаты Левой СПЯ, КПЯ и Рабоче-крестьянской партии. Правая СПЯ, поддержав мирный договор, голосовала против «договора безопасности». Небольшая часть депутатов Народно-демократической партии, некоторых мелких парламентских фракций и независимые также не поддерживали эти договоры. Однако общие результаты голосования

свидетельствовали о большом успехе Либеральной партии и правительства Ёсида.

* * *

Сан-Францисский мирный договор и японо-американский «договор безопасности» вступили в силу 28 апреля 1952 г. Оккупация Японии завершилась, штаб главнокомандующего оккупационными войсками был ликвидирован.

В памяти большинства японцев оккупационный период остался, в первую очередь, как время гражданского и политического освобождения. Однако, несмотря на очевидную конструктивность послевоенных реформ, их оценка никогда не была однозначной. В частности, в Советском Союзе была распространена точка зрения, что реформы эти были вынужденными, половинчатыми, направленными на ослабление революционно-демократического движения в Японии и защиту интересов «японо-американской реакции». Говорилось также, что «прогрессивные» поначалу реформы были выхолащены в результате изменений в американской политике в последние годы оккупации.

С учетом всех факторов, воздействовавших на оккупационную политику, можно сказать, что в области реформ в то время удалось продвинуться настолько далеко, насколько объективно было возможно. Ведь реформированию одновременно подверглись экономика, политика, социальная структура, право и т.д. В этом процессе сложным образом сочетались интересы народных масс, правящих кругов Японии, американских оккупационных властей и руководства США, различных сил мировой политики. Последующая история показала, что результирующей этого процесса стали глубокие изменения всех сторон общественной жизни Японии. Характерные для второй половины периода оккупации консервативные и реакционные тенденции, возникшие в условиях «холодной войны», не смогли поколебать общей решимости японского народа следовать по демократическому и мирному пути.

В целом японское общество оказалось объективно готовым к восприятию произошедших после войны сдвигов и обогатило мировой опыт успешных радикальных преобразований собственным историческим примером.

Часть 2

ЯПОНИЯ НА ПУТИ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ СТАТУСА МИРОВОЙ ДЕРЖАВЫ

Сан-Францисский мирный договор подвел черту под периодом оккупации Японии американскими войсками. Теперь страна стала строить внутреннюю и внешнюю политику без прямого американского вмешательства.

За следующие 20 лет Япония совершила гигантский рывок и приобрела статус мировой державы со вторым после США экономическим потенциалом, причем на новой, невоенной основе. Эти достижения стали результатом синтеза элементов передовой демократической и рыночной модели общественного устройства с устойчивой традиционной культурой, ядро которой не было разрушено оккупационной политикой США.

Соединение этих двух начал придало всем внутренним структурам японского общества особую гибкость и адаптивность, феноменальную способность к выживанию и развитию. В результате, обретение политических свобод не привело к разрушительным последствиям, а социальные противоречия, иногда достигавшие большой остроты, в конечном счете, разрешались путем компромисса.

Рыночная и конкурентная среда в экономике сочеталась с мощным и глубоко проникающим влиянием государства, придававшим рыночным силам осмысленную целенаправленность и, одновременно, оберегавшим общество от хаоса. Неизбежные в эпоху перемен трудовые конфликты гасились стремлением сторон к поиску взаимоприемлемых решений. В результате, сложилась уникальная система взаимодействия труда и капитала. Это было отнюдь не идеальное, в значительной мере вынужденное, но вполне сознательное партнерство, при котором над всеми конфликтами довлела наивысшая социально-политическая ценность общества — его стабильность, предсказуемость и управляемость.

Точно так же не были идеальными и изначально гармоничными отношения элементов современного демократического устройства с традиционными структурами, среди которых было немало отжившего и консервативного. Потребовались многие годы для полного утверждения демократических начал общества, свободы слова, прав человека, равноправного социального положения женщин, свободного выезда за границу и т.п.

Глава 1

ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1952–1960)

Завершение восстановления экономики

В первой половине 50-х годов никто в Японии не помышлял о быстрых темпах экономического роста, первые признаки которых появились лишь в середине десятилетия. Задачи были прозаичнее: накормить страну, сократить бедность и материальную нужду. Требовалось найти экономическую модель, которая позволила бы быстро обеспечить основные жизненные потребности общества. В таких условиях японская правящая элита продемонстрировала трезвое понимание характера взаимосвязи экономических и политических проблем, стоявших перед страной.

«Доктрина Ёсида» Именно в этот период формируется система стратегических приоритетов, получившая название «доктрина Ёсида» — концепция сосредоточения национальных ресурсов на решении, в первую очередь, экономических задач при обеспечении внутренней стабильности и обороны от внешней угрозы за счет тесного союза с Соединенными Штатами.

На первый взгляд, этот союз был навязан Японии исходом второй мировой войны. Проигравший должен был следовать в русле политики победителя, нередко повинаясь диктату. Однако следует отдать должное японской политической элите — она сделала, в целом, правильные выводы из уроков прошлого. Победа американцев в войне была воспринята как доказательство эффективности их модели общественного устройства, способной обеспечить более высокий уровень экономического и технического развития.

Политика ориентации на США в решающей мере была следствием осмысленного рационального выбора. Те, кто определял стратегию страны, понимали, что опора на Соединенные Штаты, наиболее богатую и развитую страну, может дать Японии преимущества в ликвидации последствий войны, что, в свою очередь, позволило бы за счет повышения жизненного уровня населения подорвать социальную базу левого, в частности, коммунистического движения, весьма влиятельного в послевоенной Японии.

Исторически ставка на приоритет экономических задач, безусловно, оправдалась. Созидание мощной индустриальной базы, в конечном счете, стало предпосылкой и для выравнивания от-

ношений с США, развития этих отношений на основе равноправия, взаимной выгоды и уважения национального достоинства. Однако для решения этой задачи нужно было пройти еще большой путь.

Первые экономические достижения послевоенной Японии

По окончании бума, вызванного Корейской войной, промышленное производство Японии продолжало быстро развиваться, и к 1957 г. процесс послевоенного восстановления экономики был полностью завершен. Большинство предприятий были восстановлены и частично переоборудованы, и объем промышленного производства превысил довоенный уровень в 2,5 раза, а экспорт достиг 90% от уровня середины 30-х годов.

Интересно отметить, что в период войны в Корее началось постепенное воссоздание «старых *дзайбацу*». Огромное значение при этом имело то, что роспуск *дзайбацу* не затронул их головные банки, благодаря чему они смогли стать центрами, вокруг которых началось воссоединение предприятий. Во второй половине 50-х годов группы «Мицуи», «Мицубиси» и «Сумитомо» уже вполне оформились и взяли под свой контроль существенную часть промышленности и финансов страны. (Что касается «новых *дзайбацу*», возникших на волне японской колонизации и политики милитаризма, то их воссоздание произошло лишь в 60-е годы, так как из-за потери колоний они лишились значительной части своих «империй», и им потребовалось больше усилий на восстановление и реструктуризацию производства).

Позитивные сдвиги произошли в сельском хозяйстве страны. После проведения земельной реформы жизнь деревни стала довольно быстро налаживаться. Высокие цены на продовольствие в первые послевоенные годы, обесценение крестьянских долгов вследствие инфляции, а с начала 50-х годов возрастающие возможности получить дополнительные заработки в городе, привели к быстрому росту доходов крестьянских семей. Это, в свою очередь, позволило крестьянам закупать больше удобрений, пестицидов, механических средств, а также диверсифицировать производство. Рис, разумеется, оставался основной культурой, но из года в год росло производство овощей и фруктов, мяса животных и птицы. В целом питание японцев стало более разнообразным и калорийным.

Таким образом, примерно к середине 50-х годов процесс послевоенного восстановления японской экономики был завершен. Страна вступила в качественно новый этап своего экономическо-

го развития, получивший название «периода высоких темпов роста».

Вступление Японии в научно-техническую гонку

Американская оккупация сопровождалась принесением в японскую жизнь элементов американской материальной цивилизации. Это привело к одному из важных последствий оккупации — психологическому шоку, испытанному японцами от осознания того, насколько их страна отстала в техническом отношении от Соединенных Штатов. В определенной мере это было повторением шока мэйдзийской эпохи, когда страна ужаснулась, поняв, что ей грозит, если не удастся ликвидировать огромное отставание от Запада. Осознание масштабов отставания претворилось в общественном сознании в национальную задачу «догнать и перегнать» Америку.

В этот же период в принципе сформировалась национальная концепция научно-технического развития. Суть ее заключалась в максимальном использовании достижений зарубежной мысли и реализации их в отечественном производстве.

Жадный поиск технических новинок, интересных фундаментальных идей, способных быть воплощенными в массовом производстве товаров ежедневного спроса и длительного пользования, стал нормой поведения японских компаний. Так, изобретение в США полупроводников осталось незамеченным американскими компаниями, и было подхвачено японцами, сумевшими воплотить их в производстве радиоаппаратуры и электробытовых товаров.

В этот период начинают выходить на отечественный, а потом и мировой рынок такие компании как «Тёсиба», «Хитати», «Сони», «Мацусита дэнки». Уже в 1955 г. «Тёсиба», а затем и остальные, наладила массовое производство телевизоров, холодильников, стиральных машин, электропечей, миксеров и пр.

Результаты научно-технического рывка оказались совершенно поразительными. Уже в 1957 г. Япония занимала первое место в мире в судостроении, производстве керамической посуды, пряжи, штапеля, сульфата аммония, вылову рыбы, второе-третье место по производству хлопчатобумажных нитей, искусственного шелка, синтетических волокон, ткацких станков, фотоаппаратов, швейных машин, радиоприемников и производству риса.

Начался массовый выход японских товаров на зарубежные рынки. В 1957 г. Японии принадлежало первое место в экспорте хлопчатобумажных и синтетических тканей, пряжи, судов, цемента, швейных машин, ткацких станков, посуды, игрушек, второе-третье место в экспорте листового стекла, консервных изделий,

фотоаппаратов, велосипедов, сельскохозяйственных удобрений, железнодорожных вагонов, сульфата аммония.

Конвейер на фабрике в Косугэ. В 50-х годах весь мир заполнили японские игрушки. Всего через несколько лет за ними последуют миллионы настоящих автомобилей

Это было началом внешнеторговой экспансии обновленной японской экономики. В отличие от довоенных времен, когда японские товары пользовались репутацией «дрянных, зато дешевых», теперь японским производителям удалось добиться победы в конкурентной борьбе с продукцией развитых стран. Со временем популярность японских товаров значительно выросла по мере роста их качества и налаживания разветвленной сети послепродажного обслуживания.

Создание «политической системы 1955 года»

Послеоккупационный период японской истории стал не только рубежом начала быстрых темпов экономического роста на базе новой экономической модели, но и, одновременно, временем окончательного формирования политической структуры, которую принято называть «политической системой 1955 года».

Расстановка политических сил

После окончания оккупации в Японии продолжился процесс структуризации политических сил. В формировавшемся политическом спектре, в целом, можно было выделить два лагеря: правящий консервативный и оппозиционный, причем последний был в высокой степени левоориентированным. Отношения между ними приобретали весьма конфронтационный характер.

Консервативный лагерь был достаточно пестр, однако в нем явно обнаруживалась тенденция к консолидации. Здесь действовали две основные политические фигуры, вокруг которых блокировалась консервативная элита — Ёсида Сигэру и Хатояма Итирō.

Оба эти политика были связаны с находившейся в то время у власти Либеральной партией. В свое время Ёсида наследовал пост ее председателя у Хатояма, сформировавшего ее в 1945 г. на базе довоенной партии Сэйбikai. Лишь вмешательство американцев и принудительное устранение Хатояма с политической арены не позволило ему прийти к власти в апреле 1946 г., когда на парламентских выборах Либеральная партия заняла первое место. Поэтому после окончания оккупации и политической реабилитации Хатояма его приход к власти стал вопросом времени.

Оппозиционное движение имело несколько составляющих — общедемократическое движение в защиту и за развитие реформ, начатых при американской оккупации, левое марксистское движение, социальное движение, связанное с ростом политической силы профсоюзов и движение за «независимость» от США, имевшее националистический оттенок. На практике идеология всех этих движений была сильно перемешана. Так, леворадикальное молодежное движение, связанное поначалу, в основном, с компартией Японии, быстро восприняло антиамериканские националистические лозунги и впоследствии заняло крайне враждебные КПЯ позиции, обвиняя коммунистов в оппортунизме и соглашательстве.

Наиболее влиятельный среди оппозиции левый лагерь был представлен, прежде всего, Социалистической и Коммунистической

ской партиями. В Социалистической партии произошел раскол, и выделившиеся два крыла — левое и правое — постепенно продвигались в сторону создания двух самостоятельных партий. В компартии царила более строгая партийная дисциплина, которая до поры до времени позволяла сохранять единство партийных рядов. Но уже в тот период внутри нее началась подспудная борьба разных политических ориентаций, и после того, как она была подвергнута критике Коминформом, в ней начался процесс дробления.

Токийский парк Хибия, 1 мая 1952 г. Полиция бежит от разъяренных демонстрантов, вооруженных палками и камнями

Левое движение в послеоккупационные годы было весьма мощным политическим соперником консерваторов. 1952 г. был крайне напряженным с точки зрения поддержания внутренней стабильности. Первомайская демонстрация 1952 г. была первой, с которой японским властям следовало справиться самостоятельно, без помощи штаба оккупационных сил. Ее масштабы явно напуга-

ли правительство Ёсида, и сдерживание левого движения стало лейтмотивом его внутренней политики.

В этих условиях правительство предприняло ряд мер по укреплению режима и его государственных институциональных элементов. Был принят закон о предотвращении подрывной деятельности и расширены полицейские силы. Существовавший в годы оккупации «резервный полицейский корпус» в 1953 г. был реорганизован в «силы национальной безопасности», а в следующем году — в «силы самообороны», поначалу явно предназначенные для подавления массовых беспорядков внутри страны.

Перемены в лагере консерваторов

В конце 1954 г. в Японии произошла смена политического лидера. К руководству страной пришел Хатояма Итирō.

В ноябре 1954 г. путем слияния ряда консервативных групп была образована новая Демократическая партия Японии, председателем которой стал Хатояма. Хатояма возглавлял старую политическую элиту в лагере консерваторов, подвергшуюся репрессиям в период чистки американцами государственного аппарата. В лагерь его единомышленников входили такие известные деятели, как Киси Нобусукэ, Сигэмицу Мамору, Исибаси Тандзан и Исии Мицудзирō.

Эта группа лидеров выступала оппонентами курсу Ёсида, который они считали слишком проамериканским. По их мнению, конституция 1947 г. должна была быть пересмотрена, и Японии следовало иметь полноценную сильную армию — непременный атрибут государственного суверенитета и фактор силы во внешней политике. Хатояма был убежден, что Японии следует поскорее покончить с состоянием «прострации», охватившим страну после жестокого поражения, и возродить былой дух великой независимой нации. Курс на усиление самостоятельности и независимости японской политики и экономики получил отражение и в программе Демократической партии.

Впрочем, выдвижение на политическую авансцену старой политической элиты не означал возврата к прошлому. Более того, она, если и не стала горячо проповедовать демократические принципы в политике, то, по крайней мере, воспользовалась плодами послевоенных политических реформ. В отличие от Ёсида, «отца японской демократии», придерживавшегося закулисных методов управления страной и не любившего гласной политики, Хатояма активно апеллировал к общественному мнению, стремясь добиться популярности среди широких слоев населения.

Первый кабинет Хатояма Итиро. В первом ряду в центре — премьер, второй справа во втором ряду — министр иностранных дел Сигэмицу Мамору

сами Демократической партии и левых и правых социалистов был вынесен вотум недоверия правительству. На следующий день последний — пятый — кабинет Ёсида ушел в отставку. Новое правительство Японии возглавил Хатояма Итирō.

Образование Либерально-демократической партии

— Либеральной и Демократической — в единую Либерально-демократическую партию (ЛДП). 5 апреля 1956 г. на внеочередном съезде ЛДП ее председателем был избран действующий премьер-министр Японии Хатояма Итирō.

Объединение двух партий было инициировано, главным образом, объективными моментами: стране была необходима сильная консолидированная власть, способная решать насущные задачи, такие как обеспечение условий для быстрых темпов экономиче-

В отличие от Ёсида, выходяца из бюрократической элиты, Хатояма представлял политический клан. Его отец Хатояма Кадзуо одно время возглавлял нижнюю палату японского парламента, а сам он, тогда 32-летний адвокат, был впервые избран депутатом в 1915 г.

То, что Хатояма прошел серьезную политическую школу, принесло ему высокий личный авторитет и популярность даже среди политиков оппозиционного лагеря. Социалисты, резко критикуя «реакционную» политику кабинета, не связывали ее с личностью премьера. Один из видных социалистов Каваками Дзётарō заявлял, что он испытывал глубокую симпатию только к двум политикам того времени — Хатояма и социалисту Катаяма.

6 декабря 1954 г. на внеочередной сессии парламента голо-

ского роста, достижение равноправных отношений в рамках союза с США, противодействие левому и рабочему движению.

* * *

Объединение двух консервативных партий — Либеральной и Демократической — означало завершение формирования политической структуры, характеризовавшейся конфронтацией буржуазно-консервативного и левого лагерей. Образовались два политических центра, привлечших к себе более мелкие партии и группировки. Их противоборство охватывало практически все вопросы социально-экономического развития страны, а также все аспекты внешней и внутренней политики.

Фактическим центром консолидации левых сил стала Социалистическая партия, опиравшаяся на мощную поддержку профсоюзного движения. В октябре 1956 г. СПЯ смогла временно преодолеть внутренние разногласия и провела свой XII «объединительный» съезд. Объединенная СПЯ обладала внушительным представительством в парламенте страны — ей принадлежало 154 места в нижней палате.

Тем не менее, левое движение в Японии при всем его расцвете в 40-е–50-е годы не имело серьезных шансов на успех. Традиционные общественные структуры и психологические особенности, строгая иерархичность отношений в рамках социальных групп, глубоко укоренившийся в японском обществе патернализм обрекали его на неудачу. Эти же факторы определяли специфичность философии и организационных принципов левого движения в Японии, а также его крайнюю раздробленность и фракционность.

Поэтому биполярная политическая структура (или «система 1955 года») отличалась важной особенностью — отсутствием реальной альтернативы политическому господству ЛДП. Оппозиция фактически не принимала конструктивного участия в формировании национальной политики. Ее роль ограничивалась лишь функциями критики правящей партии и определенного парламентского контроля над ее деятельностью. Такая ситуация сохранялась без малого 40 лет — вплоть до 1993 г.

Поиск места в системе международных отношений

Благодаря заключению Сан-Францисского мирного договора Япония стала равноправным членом международного сообщества. Но сепаратный характер этого договора и заключение «договора безопасности» с США порождали многие препятствия развитию отношений Японии с ее ближайшими соседями. Возникшая в годы

оккупации большая зависимость от США, будучи закреплена в договорной форме, побуждала Японию в ее международной политике приспосабливаться к американским интересам, следовать в фарватере мировой стратегии Соединенных Штатов.

В 1952–1954 гг. были завершены основные контуры первого японо-американского военно-политического союза с элементами американского диктата и неравноправия сторон. Реализация этой задачи стала главным содержанием внешнеполитической деятельности правительства Ёсиды и его Либеральной партии.

Развитие японо-американских отношений

В 1952 г. президентом США был избран Д.Эйзенхауэр. Его администрация ставила своей целью резкое усиление американских позиций на международной арене в

условиях конфронтации и консолидацию связей со своими стратегическими партнерами.

К этому времени возникла реальная угроза американскому влиянию в Азии в лице недавно образовавшейся КНР. Дипломатия тогдашнего государственного секретаря Дж.Ф.Даллеса видела в пекинском руководстве своего основного противника в регионе и рассматривала стратегическое окружение и изоляцию коммунистического Китая как свою главную задачу на Дальнем Востоке. Поэтому значение Японии как союзника США в этом районе мира сделалось критически важным.

Стремление укрепить союзнические отношения с Японией проявилось, в частности, в том, что американцы начали постепенно возвращать Японии ее бывшие территории в Тихом океане. Первыми в 1953 г. стали о-ва Амамиосима. Начался процесс, завершившийся в начале 70-х годов передачей Японии административных прав на архипелаг Рёккё (Окинава).

Одновременно с принятием внешнеполитических решений, направленных на усиление японо-американского союза, шла отладка институциональной инфраструктуры «договора безопасности». Его важнейший элемент — «административное соглашение» — из-за больших привилегий для американских вооруженных сил, ущемлявших суверенитет Японии, подвергался критике оппозиции чаще, чем сам «договор безопасности».

В сентябре 1953 г. США согласились внести поправки в «административное соглашение», распространив на Японию принципы, применявшиеся внутри блока НАТО. В результате японские власти получили ограниченную уголовную юрисдикцию над личным составом американских войск, размещенных в Японии. Та-

ким образом, был смягчен один наиболее раздражающих факторов в японо-американских отношениях.

Японо-«китайский» мирный договор 1952 г.

Закрепление статуса американского союзника требовало от Японии демонстрации своей лояльности по отношению к старшему партнеру. Важнейшим таким актом стал ее мирный договор с Тайванем, который, в значительной мере, был и уступкой, и шагом навстречу США.

Этот договор, подписанный 28 апреля 1952 г., т.е. в день вступления в действие Сан-Францисского мирного договора, был представлен как основополагающий документ послевоенного урегулирования с Китаем — главной жертвой японской агрессии в Азии. Таким образом, гоминьдановское правительство рассматривалось как единственное законное правительство Китая, а руководству КНР было отказано в праве представлять китайский народ.

Для Японии открытая конфронтация с материковым Китаем была трудным и в значительной мере вынужденным шагом. Кроме многовековых культурных связей Японию влекли к Китаю и серьезные экономические интересы — ее довоенная экономическая структура была напрямую связана с китайским рынком. Но такая была плата Токио за близкие отношения с США и за американский «ядерный зонтик».

Договор определял: окончание состояния войны между двумя странами (ст.1); отказ Японии, согласно Сан-Францисскому мирному договору, от всех прав, правооснований и претензий на о-в Тайвань, о-ва Пэнхуледао и Спратли (ст.2) и от всех особых прав Японии в отношении Китая, зафиксированных в протоколах, подписанных в Пекине 7 сентября 1901 г.; процедуру решения имущественных претензий и проблем рыболовства и установления воздушного сообщения между Тайбэем и Токио.

Японо-«китайский» договор 1952 г. стал частью нового геополитического баланса на Дальнем Востоке и знаком жесткого размежевания двух глобальных военно-политических блоков.

Японо-«китайский» договор 1952 г. стал частью нового геополитического баланса на Дальнем Востоке и знаком жесткого размежевания двух глобальных военно-политических блоков.

Начало самостоятельной внешней политики

Ко времени объединения консервативных сил национальные задачи Японии существенно изменились. Если

целью кабинетов Ёсида было достижение наиболее выгодных условий послевоенного развития на основе тесного союза с США, то теперь политическая элита пыталась вывести японскую внешнюю политику на уровень глобальных отношений. Отсюда вытекали и главные направления международной деятельности новообразованной ЛДП и ее лидера.

Первое из них заключалась в исправлении перекосов, возникших в результате политики сближения с США, и проявилось в стремлении добиться подлинно партнерских отношений со своим главным союзником. В результате был поставлен вопрос о пересмотре «договора безопасности» для придания ему более равноправного характера.

Вторым направлением был активный выход на международную арену для обеспечения доступа к мировым сырьевым и экспортным рынкам, чего настойчиво стала требовать быстро развивавшаяся японская экономика. Это воплотилось в активном курсе на восстановление дипломатических отношений с СССР, во вступлении в ООН, в попытках нормализации отношений с КНР.

Восстановление дипломатических отношений с СССР

В октябре 1956 г. была подписана Совместная советско-японская декларация, обширный документ, положивший конец состоянию войны между двумя странами.

Этому предшествовала трудная дипломатическая подготовка. В самом японском правительстве не было единства по вопросу о характере и конечных целях переговоров с СССР. Премьер-министр Хатояма и его сторонники считали необходимым юридически прекратить состояние войны между Японией и СССР, обменяться послами, а затем приступить к поэтапному урегулированию спорных вопросов в двусторонних отношениях. Однако министр иностранных дел Сигэмицу предлагал начать заведомо длительные переговоры по заключению полномасштабного мирного договора, которому должно были предшествовать решение всех советско-японских проблем.

Главной из них была территориальная проблема, касавшаяся суверенитета над островами Итуруп, Кунашир, Шикотан и группой маленьких островов Хабоман. Этот спор так и не был урегулирован и до сих пор мешает заключению полнокровного мирного договора России с Японией.

С июня 1955 по март 1956 г. в Лондоне проходили предварительные советско-японские переговоры по нормализации двусторонних отношений. На них японская сторона выдвинула претензии на Южный Сахалин и Курильские о-ва. Это прямо противоречило условиям подписанного и ратифицированного Японией Сан-Францисского мирного договора, в котором говорилось, что «Япония отказывается от всех прав, правооснований и претензий на Курильские о-ва и на ту часть о-ва Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми Япония приобрела по Портсмутскому договору от 5 сентября 1905 г.»

Понимая слабость своей позиции, японская делегация в дальнейшем модифицировала ее, предложив исключить острова Итуруп и Кунашир и острова Малой Курильской гряды из понятия «Курильские острова» как «исконно японские территории» на том основании, что они никогда не принадлежали никакому иному государству помимо Японии. Таким образом были сформулированы территориальные претензии Японии к СССР, которые и по сей день «по наследству» осложняют российско-японские отношения.

Желая способствовать продвижению вперед переговоров, советская сторона сообщила о своей готовности рассмотреть вопрос о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан при условии окончательного урегулирования территориального спора между двумя странами при заключении мирного договора.

В августе 1956 г. советско-японские переговоры возобновились, на этот раз в Москве, куда приехал министр иностранных дел Японии Сигэмицу.

Нормализации советско-японских отношений серьезно препятствовали действия США. Еще перед началом лондонских переговоров государственный секретарь Даллес направил Хатояма послание, в котором предостерегал японское правительство против улучшения отношений с СССР, угрожая в противном случае прекратить оказывать помощь Японии. А в августе 1956 г. Даллес от имени американского правительства заявил, что если Япония согласится признать Южный Сахалин и Курильские о-ва частью территории Советского Союза, то США навечно сохранят за собой о-ва Рюккю.

Заявление Даллеса вызвало бурю возмущения в Японии. Вместе с тем, противники компромиссов с СССР стали активно добиваться отставки правительства Хатояма. За их спиной стояли, прежде всего, финансовые и промышленные круги, деловые интересы которых были связаны с США, и которые опасались охлаждения японо-американских отношений.

Японское правительство оказалось в сложном положении. Тем не менее, Хатояма проявил твердость и 7 октября 1956 г. сам отправился в Москву. Результатом переговоров на высшем уровне стало подписание 19 октября Совместной советско-японской декларации, основное содержание которой выглядело следующим образом:

«1. Состояние войны между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией прекращается со дня вступления в силу настоящей Декларации, и между ними восстанавливается мир и добрососедские дружественные отношения.

2. Между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией восстанавливаются дипломатические и консульские отношения. ...

3. Союз Советских Социалистических Республик и Япония подтверждают, что они в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава Организации Объединенных Наций. ...

СССР и Япония подтверждают, что, в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций, каждое из государств имеет неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону.

СССР и Япония взаимно обязуются не вмешиваться прямо или косвенно во внутренние дела друг друга по любым мотивам экономического, политического или идеологического характера.

4. Союз Советских Социалистических Республик поддерживает просьбу Японии о принятии ее в члены Организации Объединенных Наций.

5. Все осужденные в Союзе Советских Социалистических Республик японские граждане со вступлением в силу настоящей Совместной Декларации будут освобождены и репатриированы в Японию. ...

6. Союз Советских Социалистических Республик отказывается от всех репарационных претензий к Японии. ...

7. Союз Советских Социалистических Республик и Япония соглашаются в возможно короткий срок вступить в переговоры о заключении договоров или соглашений для того, чтобы поставить на прочную и дружественную основу их отношения в области торговли, торгового мореплавания и другие коммерческие взаимоотношения.

8. Конвенция о рыболовстве в открытом море в северо-западной части Тихого океана между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией и Соглашения между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией о сотрудничестве при спасении людей, терпящих бедствие на море, подписанные в Москве 14 мая 1956 года, вступят в силу одновременно со вступлением в силу настоящей Совместной Декларации. ...

9. Союз Советских Социалистических Республик и Япония согласились на продолжение после восстановления нормальных дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией переговоры о заключении Мирного Договора.

При этом Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Инокотан с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения Мирного Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией.

10. Настоящая Совместная Декларация подлежит ратификации. Она вступит в силу в день обмена ратификационными грамотами.

Накануне подписания Совместной декларации был подписан меморандум между первым заместителем министра иностранных дел А.А.Громыко и полномочным представителем Японии на мирных переговорах с СССР Мацумото Сунъити о согласии сторон продолжить переговоры о заключении мирного договора.

Толкование международно-правовых аспектов Совместной декларации до сих пор остается предметом споров. Тем не менее, ее значение состоит в том, что она составляет основу послевоенных отношений между Россией и Японией. Более того, декларация — единственный документ, который регулирует эти отношения, т.е. составляет их международно-правовую базу. Декларация была ратифицирована японским парламентом и Верховным Советом СССР и обрела силу закона. Ни одно последующее решение (в частности, заявление советского правительства в 1960 г.) юридически не «достигало» уровня этого документа и не может рассматриваться как акт, меняющий или уточняющий его — хотя бы в силу того, что является позицией одной из сторон, не подтвержденной соответствующим постановлением верховного органа власти.

Вступление Японии в ООН

Прекращение состояния войны между двумя странами оживило искусственно сдерживавшиеся советско-японские отношения.

Стала активно развиваться двусторонняя торговля, перспективы которой казались особенно радужными в первой половине 60-х годов. Советский Союз после восстановления дипломатических отношений с Японией выполнил свое обещание и поддержал ее просьбу о вступлении в ООН, которому ранее советская дипломатия, пользуясь правом вето в Совете Безопасности, препятствовала под разными предлогами в течение нескольких лет.

18 декабря 1956 г. Япония стала 80-м членом ООН. Вступление страны в эту международную организацию завершило процесс восстановления международных позиций Японии после мировой войны. Впоследствии Япония расширила свое участие в ООН, став вторым после США финансовым донором этой организации.

Вместе с тем, особенно в первые годы, стал проявляться противоречивый характер деятельности Японии в ООН. Японская дипломатия пыталась играть несколько ролей: представителя Азии, тесного партнера США и страны, ориентирующейся на цели и идеалы ООН. С самого начала японская дипломатия стремилась ввести принцип сотрудничества с ООН как один из самых важных принципов своей внешней политики. Однако в реальности обязательства и соображения, связанные с тесным сотрудничеством с США, превалировали над принципами ориентации на ООН и азиатские страны.

Возврат к «док- трине Ёсида»

Несмотря на определенные успехи в укреплении международных позиций Японии, положение самого Хатояма все более осложня-

лось. Его относительно независимый внешнеполитический курс вызывал все большее давление со стороны как правительства США, так и проамериканских сил внутри Либерально-демократической партии.

В итоге полной неудачей (в первую очередь, из-за крайне негативной реакции США) закончились попытки Хатояма нормализовать отношения с КНР. Та же судьба постигла и его шаги в сторону ревизии конституции. 31 января 1956 г. в нижней палате парламента Хатояма недвусмысленно высказался за пересмотр главного закона страны. Но из-за резко отрицательной реакции со стороны американцев и части правящей партии ему пришлось спустя несколько дней дезавуировать свое заявление.

В конце 1956 г. Хатояма ушел в отставку. Из обширной программы пересмотра послевоенного наследства ему удалось осуществить лишь нормализацию отношений с СССР.

Завершился период попыток старой политической элиты во главе с Хатояма радикально пересмотреть итоги оккупационного периода и вернуть стране статус самостоятельного центра силы на международной арене. Успех первых лет экономического роста, меняющееся общественное сознание определили приход к власти тех, кто стремился сохранить курс, очерченный в «доктрине Ёсида» — концентрация сил и энергии на решении экономических задач при использовании тесного союза с США как фактора, позволяющего экономить (и существенно) на обороне и активной внешней политике.

Кабинет Исибаси

Смена политического курса в Японии произошла поэтапно. На политической арене в качестве переходной фигуры выступил Исибаси Тандзан, политический деятель, близкий Хатояма. 23 декабря 1956 г. он стал новым премьер-министром Японии, правда, всего лишь на два месяца.

Исибаси был известным ученым-экономистом, блестящим журналистом, обладал энциклопедическими познаниями. Его перу принадлежат многочисленные работы по политэкономии. Он основал ныне действующее издательство «Тбё кэйдай». По своим убеждениям, которые он отстаивал и в довоенные годы, Исибаси был либералом и демократом.

Исибаси пришел к власти в результате внутрипартийных выборов. На пост председателя партии претендовали трое — сам Исибаси, генеральный секретарь партии Киси Нобусукэ и Исии Мицудзирё из клана Ёсида. В первом туре голосования больше

всего голосов набрал Киси, но во втором тура с небольшим перевесом победил Исибаси. Его поддержали сторонники Исии.

Для Исибаси эта победа оказалась недолгой. Уже 31 января 1957 г. из-за тяжелой болезни он приостановил свои полномочия и назначил исполняющим обязанности премьер-министра министра иностранных дел Киси Нобусукэ, а 23 февраля и вовсе подал в отставку.

Формирование фракционной структуры ЛДП

Тот факт, что Исибаси стал премьером в результате внутрипартийных выборов, прошедших по необычной демократической схеме (традиционно пост председателя как бы «завешался» предшественником), свидетельствовал о том, что в тот период сложилась и начала по-настоящему действовать фракционная структура ЛДП. При ней партия выступает не как единое целое, а как политический альянс разных влиятельных сил и групп. Посты в партии и в правительстве распределяются согласно числу набранных депутатских мест.

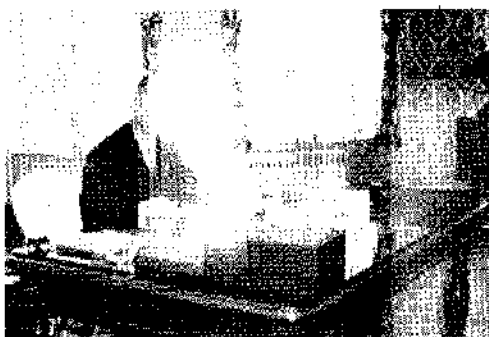
Фракционность ЛДП таила в себе как минусы, так и плюсы. Явным минусом было то, что при такой системе политические посты распределялись не столько на основе рационального отбора наиболее подходящих по своим деловым качествам партийных функционеров, сколько в результате торгов и компромиссов между фракциями, часто с использованием принципа пропорционального представительства различных группировок. К плюсам следует отнести охват партией широкого спектра интересов и политических взглядов, которые позволял за счет борьбы между фракциями обеспечивать динамику политического процесса, что было особенно важно в отсутствие реальной многопартийности, так как оппозиция не могла реально претендовать на приход к власти, хотя и была важной политической силой.

Внешняя политика кабинета Киси

25 февраля новым премьер-министром Японии стал Киси Нобусукэ, имя которого вошло в японскую историю в связи с драматическими, бурными событиями, сопровождавшими заключение нового «договора безопасности» с США.

Киси был вторым из трех братьев в семье некоего Сатō Юсукэ из префектуры Ямагути (еще в школьные года Киси по настоянию отца взял фамилию одного из близких родственников, не имевшего наследника), каждый из которых вошел в японскую историю. Старший брат Сиро сделался вице-адмиралом, а младший брат Эйсаку через 8 лет стал, как и Киси, премьер-министром Японии. Это единственная семья, давшая стране двух премьер-министров.

В довоенные годы Киси приобрел репутацию чиновника с относительно либеральными взглядами. В годы войны он входил в кабинет Тōдзё, из-за чего при чистке госаппарата американцами был отнесен к группе «А» военных преступников, лишен политических прав и заключен в тюрьму.

Киси в рабочем кабинете премьера

После окончания оккупации Киси был полностью реабилитирован и скоро вернулся на политическую арену. Ему потребовалось лишь 5 лет, чтобы стать премьер-министром. Любопытно, что его политическая карьера состоялась в рядах Демократической партии Хатояма, выступившей с политическими установками, которые могли даже расцени-

ваться как антиамериканские. Но в качестве главы кабинета министров Киси прославился как раз как «проамериканский» политик.

Впрочем, «проамериканизм» Киси можно считать, скорее, политическим ярлыком. Киси не были чужды идеи укрепления независимости и самостоятельности Японии. Но путь достижения этих целей виделся ему иначе, чем его предшественникам. Он вернулся к сути доктрины Ёсида — концентрации усилий на экономическом развитии при экономии на оборонных и внешнеполитических усилиях за счет тесного партнерства с США. Во внешней политике Киси стремился наладить новое партнерство с Соединенными Штатами, несколько подорванное за годы правления Хатояма, и добиться от США уступок при заключении нового «договора безопасности».

Видимо, у Японии не было более рационального и реального сценария послевоенного развития. Тесный союз с США принес Японии большие дивиденды. А идеологические символы и красивые фразы о «независимости» и «самостоятельности», рассуждения об ущемленной национальной гордости, и необходимости возрождения «национального духа» остались в прошлом. В конечном счете, все эти цели были достигнуты не за счет политической или, тем более, военной конфронтации с Соединенными Штатами, а за счет формирования мощного экономико-технологического

центра, сопоставимого с двумя другими — США и Европейским Союзом.

В годы правления Киси резко усилилось азиатское направление японской дипломатии. В середине мая 1957 г. премьер посетил 6 стран Юго-Восточной Азии. Здесь он предложил идею создания Азиатского фонда развития. Фактически с этого момента стала реализовываться японская стратегия глубокого проникновения в Азию за счет использования торгово-экономических рычагов.

Вместе с тем в Восточной Азии Киси столкнулся с целым рядом проблем, как политического, так и психологического плана. Наиболее сложными были отношения с Южной Кореей. После того, как в 1952 г. Ли Сынман объявил обширное водное пространство вдоль берегов Южной Кореи зоной, на которую распространяется ее суверенитет, отношения между Токио и Сеулом заметно ухудшились. Оказались ущемленными интересы японских рыбаков, т.е. промысла, который имел жизненно важное значение для страны. Конфликт по поводу «линии Ли Сынмана» затрагивал чувствительные стороны двусторонних отношений, связанных с недавним прошлым, отчего реакция обеих сторон была особенно болезненной и эмоциональной.

К этому моменту японо-южнокорейские переговоры по заключению мирного договора оказались в тупике и были прерваны. Киси удалось добиться согласия Сеула на возобновление переговоров и о взаимном освобождении задержанных в результате конфликта рыбаков.

В отношении Тайваня японское правительство сохраняло линию Ёсида на признание гоминдановского правительства в качестве единственно законного представителя Китая. Вместе с тем с годами стал усиливаться курс на установление с КНР неформальных отношений по линии частных торговых контактов. Это не могло не вызвать обеспокоенности в Тайбэе, но японцам удалось сгладить противоречия с Чан Кайши и убедить его, что эти контакты не означают какого-либо политического сближения. К тому же произошедший 2 мая 1958 г. инцидент, когда был сорван государственный флаг КНР на выставке почтовых марок в Нагасаки, резко осложнил обстановку в отношениях с Пекином и нанес серьезный урон попыткам Японии наладить с ним неформальные каналы связи.

Украшением азиатской дипломатии правительства Киси стал визит в ноябре 1957 г. в Токио популярнейшего политического деятеля, яркого представителя «третьего мира» премьер-министра

Индии Джавахарлала Неру. В совместном заявлении двух премьер-министров от 13 ноября 1957 г. подчеркивалась солидарность азиатских стран, а официальный Токио обещал играть роль защитника интересов Азии.

Джавахарлал Неру на приеме у японского императора. Слева направо — император Хирохито, дочь Неру Индира Ганди (будущий премьер-министр Индии), Неру, императрица Нагако, наследный принц (нынешний император) Акихито

Визит Неру оказал серьезную моральную поддержку усилиям японской дипломатии по поискам новой роли в Азии, ее попыткам гармонизировать свои интересы в Азии с тесными отношениями с США.

«Договор безопасности» 1960 г.

В середине июня 1957 г. Киси отправился в Соединенные Штаты, где в ходе переговоров с Эйзенхауэром добился от США определенных уступок — в частности, согласия на создание специальной комиссии по изучению вопроса о заключении нового

«договора безопасности» и сокращении контингента сухопутных сил США на базах в Японии.

После возвращения из Вашингтона Киси приступил к реализации планов пересмотра «договора безопасности». Для этого, в первую очередь, он реорганизовал кабинет министров, доставшийся ему в наследство от Исибасы. Весь 1959 г. был посвящен работе над проектом нового «договора безопасности» с Соединенными Штатами. Окончательный проект был к началу 1960 г. и был подписан 19 января в Вашингтоне.

Документ, получивший официальное название «Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности», обязывал стороны «в соответствии с положениями и процедурами конституций каждой из сторон предпринимать действия по отражению общей угрозы в случае признания, что вооруженное нападение на одну из сторон на территории, находящихся под японской юрисдикцией, ставит под угрозу мир и безопасность данной страны» (ст.5). Кроме того, в целях защиты безопасности Японии, а также для «внесения вклада в обеспечение международного мира и безопасности на Дальнем Востоке» он предоставлял США право размещать свои сухопутные, военно-воздушные и военно-морские силы на ее территории (ст.6).

В отличие от редакции 1951 г. договор определял необходимость взаимных консультаций при приведении его в действие. По сути, это означало, что США могли использовать свои базы на японской территории только с согласия японской стороны (ст.4). Кроме того, для реализации договора должно было быть заключено новое административное соглашение, которое определяло бы порядок размещения и функционирования американских баз на японской территории. Как известно, предыдущее административное соглашение предоставляло американцам фактическое право экстерриториальности.

Осложнение советско-японских отношений

После подписания Совместной декларации 1956 г. советско-японские отношения стали быстро развиваться.

Японская общественность, в целом, приветствовала восстановление отношений с СССР. Когда Хатояма 1 ноября 1956 г. вернулся в Токио, в аэропорту Ханэда его приветствовали восторженные толпы. 27 ноября Совместная декларация и другие подписанные в Москве документы были единогласно ратифицированы нижней палатой японского парламента (правда, около 60 депутатов демонстративно не явились на заседание). 3 декабря последовала ратификация верхней палатой (224 голоса «за», 3 — «против»). 8

декабря, после утверждения ратификации императором Хирохито и ратификацией документов Президиумом Верховного совета с советской стороны, соглашения вступили в силу.

Нормализация советско-японских отношений привела к заметному развитию научных, культурных и деловых связей между двумя странами. Большой интерес к торговле с СССР стали проявлять как деловые круги Токио и Осака, так и бизнесмены из японских городов, расположенных на побережье Японского моря.

6 декабря 1957 г. в Токио был подписан советско-японский торговый договор. Согласно ему был предоставлен «режим наиболее благоприятствуемой нации в отношении всех видов таможенных пошлин, сборов, таможенных формальностей и других правил, связанных с импортом товаров другой Договаривающейся Стороны и с экспортом своих товаров в другую Договаривающуюся Сторону» (ст.2). В Японии было учреждено советское торговое представительство (ст. 11).

Однако подъем в советско-японских отношениях продлился недолго. Несмотря на некоторые признаки смягчения международной напряженности, глобальное противостояние СССР и США продолжалось. Поэтому советское руководство нервно прореагировало на заключение нового японо-американского «договора безопасности».

27 января 1960 г., через 9 дней после подписания в Вашингтоне японо-американского договора, министр иностранных дел СССР Громыко вручил японскому послу в Москве Кадоваки «Памятную записку советского правительства», составленную в очень жестких выражениях. В ней, в частности, говорилось:

«19 января с.г. подписан т.н. "Договор о взаимном сотрудничестве и безопасности" между Японией и США. ...

Увековечение договором фактической оккупации Японии, предоставление ее территории в распоряжение иностранной державы, отрыв от Японии островов Окинава и Бонин, неизбежно вытекающая из положений договора военная, экономическая и политическая зависимость Японии — все это вызывает законный вопрос, что же в действительности останется от суверенитета Японии после вступления в силу договора? Уже тот факт, что в Японии будут и впредь стоять иностранные войска, означает, что страна ограничена в своих действиях. По существу дело обстоит таким образом, что, заключая новый военный договор, Япония собственными руками передает иностранной державе значительную часть своих прав как суверенного государства, теряет свою национальную независимость.

В прямой связи с этим находится и зафиксированное в договоре обязательство Японии наращивать свой военный потенциал. Ни для кого не секрет, что в программе ее перевооружения, которое призван форси-

ровать этот договор, особое место отводится оснащению вооруженных сил Японии, как и размещенных на ее территории иностранных войск, ракетно-ядерным оружием. Тем самым Япония открыто становится на путь широкой ремилитаризации, вопреки многократным заверениям ее правительства о миролюбии, вопреки своей конституции, которая провозглашает отказ Японии навечно от войны и от угрозы применения военной силы. ...

...Советский Союз не может, разумеется, проходить мимо такого шага, как заключение Японией нового военного договора, подталкивающего устои мира на Дальнем Востоке, создающего препятствия развитию советско-японских отношений. В связи с тем, что этот договор фактически лишает Японию независимости и иностранные войска, находящиеся в Японии в результате ее капитуляции, продолжают свое пребывание на японской территории, складывается новое положение, при котором невозможно осуществление обещания Советского правительства о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотана.

Соглашаясь на передачу Японии указанных островов после заключения мирного договора. Советское правительство шло навстречу пожеланиям Японии, учитывало национальные интересы японского государства и миролюбивые намерения, выражавшиеся в то время японским правительством в ходе советско-японских переговоров. Но Советское правительство, учитывая, что новый военный договор, подписанный правительством Японии, направлен против Советского Союза, как и против Китайской Народной Республики, не может содействовать тому, чтобы передачей указанных островов Японии была бы расширена территория, используемая иностранными войсками. Ввиду этого Советское правительство считает необходимым заявить, что только при условии вывода всех иностранных войск с территории Японии и подписания мирного договора между СССР и Японией острова Хабомаи и Шикотан будут переданы Японии, как это было предусмотрено совместной Декларацией СССР и Японии от 19 октября 1956 г. ».

«Памятная записка» советского правительства была весьма противоречивым документом. С одной стороны, она отражала справедливую обеспокоенность советского руководства развитием военно-политической ситуации на Дальнем Востоке. Не секрет, что японо-американский «договор безопасности» своим ориентиром был направлен против СССР и союзной ему в то время КНР. Он, несомненно, непосредственно затрагивал вопросы безопасности Советского Союза, и советское правительство имело все основания выразить свою озабоченность по этому поводу.

С другой стороны, «Памятная записка» содержала в себе ряд сомнительных утверждений, таких как тезисы о грядущем перевооружении японской армии ракетно-ядерным оружием или о неизбежной утрате Японией своей независимости. Текст японо-американского договора сам по себе не давал оснований для таких выводов. Кроме того, подписание Японией договора с США фор-

мально не противоречило советско-японской Совместной декларации 1956 г., ст. 3 которой подтверждала, что «в соответствии со ст. 51 Устава Организации Объединенных Наций, каждое из государств имеет неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону».

Но, главное, «Памятная записка» фактически подвергла ревизии содержание Совместной декларации, ратифицированной парламентами обеих стран и составляющей (вплоть до будущего заключения мирного договора) международно-правовую основу советско-японских отношений. Она ввела новые, не предусмотренные в ней условия (вывод всех иностранных войск с японской территории) передачи Японии островов Хабомаи и Шикотан. Создалась ситуация, весьма необычная в истории международных отношений и международного права.

Хотя «поправки» к Совместной декларации, содержащиеся в «Памятной записке», касались, скорее, будущего советско-японских отношений, они осложнили их настоящее. В дальнейшем проблема возврата к положениям Совместной декларации 1956 г. не раз обсуждалась в контексте улучшения и развития советско-японских, а затем и российско-японских отношений.

Массовое движение протеста против «договора безопасности» Развернувшееся в стране движение протеста против заключения и, особенно, ратификации нового «договора безопасности» в конце 1959–первой половине 1960 г. было беспрецедентным по накалу и масштабам. Это был, безусловно, пик массового социально-политического движения в послевоенные годы.

Оно было не только и, может быть, не столько движением против японо-американского договора, сколько общенациональным социальным движением на переломном этапе японской истории, при переходе от одной фазы социально-политического развития к другой. Вместе с тем, эти выступления, несомненно, были связаны и с пробуждением национального сознания японцев, отходом от комплекса неполноценности и вины, возникшего после поражения в войне.

Американское военное присутствие символизировало и реально воплощало тяжелое историческое прошлое. Поэтому движение протеста против заключения нового «договора безопасности» носило массовый характер: в нем участвовали не только левые силы и профсоюзы, традиционные политические противники консерваторов, но и представители бурно нарождающегося среднего класса, подавляющее большинство интеллигенции, учащаяся моло-

дежь и политические партии умеренного крыла. Движение затронуло и те политические, экономические и духовные структуры общества, которые в целом не выступали против тесного союза с США, но хотели более достойной международной роли для своей страны.

Размах протеста усиливали тактическая безграмотность и растерянность самого Киси и членов его кабинета. Особое возмущение японской общественности вызывало то, что правительство, вопреки японским традициям стремления к консенсусу, взяло курс на силовое протаскивание договора голосами одной только правящей партии при бойкоте заседаний парламента оппозицией.

В январе 1960 г. была достигнута договоренность о первом в истории двусторонних отношений визите американского президента в Японию. Эйзенхауэр должен был прибыть в Токио 19 июня, после завершения планировавшейся поездки в Советский Союз (сорвавшейся из-за инцидента с американским самолетом-разведчиком U-2). Киси рассчитывал к этому времени провести ратификацию нового «договора безопасности» и превратить визит во внушительную демонстрацию японо-американской дружбы и «нового партнерства».

19 мая 1960 г. руководство ЛДП предложило продлить сессию парламента с тем, чтобы ратифицировать договор. Оппозиция попыталась помешать председателю нижней палаты провести голосование по этому вопросу. Тогда в здание парламента была введена полиция, которая силой удалила оппозиционных депутатов из зала заседаний. После этого сессия была продлена, и новый японо-американский «договор безопасности» был ратифицирован голосами только депутатов от ЛДП (часть из которых также отказалась принять участие в голосовании).

На следующий день крупнейшая оппозиционная партия СПЯ объявила ратификацию недействительной и начала бойкот заседаний парламента. Одновременно была развернута беспрецедентная кампания массовых акций, демонстраций, забастовок, транспортных блокад и т.п., направленных против Киси и «его американских хозяев».

10 июня в рамках подготовки к приезду Эйзенхауэра в Токио прилетел его пресс-секретарь Хагэрти. Уже в аэропорту его встретили тысячи демонстрантов. Когда Хагэрти попытался проехать сквозь толпу, его машина была блокирована, и все попытки полиции освободить его не увенчались успехом. Дело кончилось тем, что на выручку ему был брошен американский военный вертолет, и пресс-секретарь был эвакуирован с помощью люльки. 16 июня

Киси, который ранее не раз заявлял о своей уверенности в том, что визит американского президента пройдет без инцидентов, был вынужден отменить приглашение Эйзенхауэру посетить Японию.

Своей кульминации события достигли в ночь на 19 июня, когда вокруг японского парламента, где готовилась ратификация договора в верхней палате, собралось 330 тыс. чел. Демонстранты окружили также резиденцию премьер-министра и посольство США и до утра скандировали лозунги, требуя отставки Киси.

Убийство Асанума

20 июня палата советников утвердила поправки к 32 законам, связанным с введением в действие нового «договора безопасности». 23 июня состоялся обмен ратификационными грамотами между участниками договора, после чего он вступил в силу. В тот же день кабинет Киси ушел в отставку.

Массовые протесты продолжались, постепенно затухая, еще несколько месяцев. Последним трагическим отголоском острейшего общественно-политического противостояния стала гибель одной из наиболее популярных и влиятельных фигур периода борьбы против «договора безопасности» председателя Социалистической партии Асанума Инэдзирō, который был убит правым террористом во время предвыборной кампании 12 октября 1960 г.

* * *

Подписанием в 1960 г. нового японо-американского «договора безопасности», установившего новые, более равноправные и взаимоответственные отношения между Японией и США, закончился послеоккупационный период японской истории, вобравший в себя первые экономические успехи и эволюцию структуры политической власти. С ратификацией «договора безопасности» и уходом в отставку Киси, взявшего на себя ответственность за беспорядки, к которым привело массовое движение протеста, начался принципиально новый этап в японской истории XX века, этап беспрецедентных темпов экономического роста, улучшения социальных условий и формирования мощного «среднего класса» — гаранта политической стабильности и демократического развития страны.

Глава 2

ПЕРИОД ВЫСОКИХ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА (1960–1971)

Феномен высоких темпов экономического роста

Период высоких темпов роста занимает особое место в экономическом развитии Японии. Успехи, достигнутые ею в те годы, были столь впечатляющи, что мир заговорил о японском «экономическом чуде». За 15 лет — с 1958 по 1973 гг. — валовой национальный продукт Японии увеличился в 6,5 раз, а объем промышленного производства — более чем в 10 раз. Обойдя Францию, Италию, Канаду, Великобританию и ФРГ, уже в конце 60-х годов Япония заняла второе место в капиталистическом мире по объему промышленного производства, а в начале 70-х годов — и по объему валового национального продукта. Темпы роста японской экономики в тот период были самыми высокими среди развитых капиталистических стран и составляли около 11% в год.

Развитие обрабатывающей промышленности

Экономические успехи Японии были связаны главным образом с бурным развитием обрабатывающей промышленности, обусловленным, прежде всего, огромными инвестициями в расширение и обновление основного капитала. В период высоких темпов роста на цели накопления расходовалось в среднем около 30% ВВП страны, а из этих средств около 2/3 направлялось на развитие промышленности.

С завершением в 1957 г. восстановительных процессов в промышленности стало очевидно, что дальнейшее ее развитие невозможно без проведения коренной технической реконструкции. Со второй половины 50-х годов в Японии начался интенсивный процесс обновления основного капитала в старых отраслях (черной металлургии, нефтепереработке, электромашиностроении, судостроении, в текстильной и пищевой промышленности, химических производствах). Одновременно с этим шло бурное строительство предприятий новых отраслей и производств, таких как радиоэлектроника, нефтехимия, производство пластмасс, синтетического каучука, синтетических волокон и т.д.

Как реконструкция старых отраслей, так и создание новых в значительной степени основывались на импорте иностранной техники и технологии. Так, за 1950–1971 гг. Япония приобрела свы-

ше 15 тыс. иностранных патентов и лицензий, из них более 60% пришлось на долю США.

Реализация курса на техническую реконструкцию и создание передовой отраслевой структуры привела к тому, что основой экономического роста стал огромный и все более возрастающий спрос предприятий на машины, оборудование, строительные материалы и прочие инвестиционные товары. Это сопровождалось усилением концентрации инвестиций и производства в отраслях тяжелой промышленности, обслуживавших рынок инвестиционных товаров. При этом наиболее высокими темпами развивались машиностроительные производства.

В результате к концу 60-х—началу 70-х годов облик японской промышленности коренным образом изменился. Во-первых, в ее структуре значительно повысилась доля тяжелой промышленности: с 51,7% до 67,8% за 1956–1973 гг. (в том числе доля отраслей машиностроительного комплекса — с 17,9% до 35,3%). Во-вторых, к концу 60-х годов Япония создала практически универсальную отраслевую структуру промышленного производства, в которой в той или иной мере были представлены все виды современных производств, включая новейшие. И, в-третьих, все старые отрасли японской промышленности перешли на новые технологии производства и освоили выпуск современной продукции. Так, в черной металлургии был сделан решительный поворот от мартеновского способа выплавки стали к кислородно-конверторному; в судостроении была внедрена новая технология строительства гигантских танкеров и сухогрузов, в химической промышленности было установлено более эффективное оборудование по выпуску аммиака, искусственных удобрений и т.д.

В конце 60-х—начале 70-х годов технический уровень японской промышленности был уже одним из самых высоких в мире. Доля машин и оборудования в возрасте до 3 лет в начале 70-х годов составляла почти половину стоимости основных фондов, а в целом ряде ведущих отраслей по мощности и производительности оборудования Японии удалось обойти не только европейские страны, но и США (прежде всего в черной металлургии, нефтехимии, судостроении).

Коренным образом изменились место и роль Японии в мировом производстве. К концу 60-х годов она стала крупнейшим в мире производителем многих важных видов продукции тяжелой промышленности, выйдя по объему производства судов, кино- и фотоаппаратуры, химических волокон на первое место в мире, а по выплавке стали, производству электрооборудования, электрон-

ной техники, автомобилей, швейных машин и т.д. — на второе после США, опередив Великобританию и ФРГ.

Рост внешней торговли

Опираясь на свою все более возрастающую промышленную мощь, Япония постепенно превращалась в одного из крупнейших в мире экспортеров промышленной продукции. Объем японского экспорта в 1957–1973 гг. увеличился почти в 10 раз, при резком изменении его внутренней структуры. Вывоз текстиля, на долю которого еще в конце 50-х годов приходилось 20–25% стоимости экспорта, отошел на второй план, уступив место широкому кругу изделий тяжелой промышленности, таких как сталь, суда, автомобили, радиоприемники, оптические приборы, электрооборудование, швейные машины, фотоаппараты, телевизоры и т.д. В 1973 г. на текстильную продукцию приходилось всего лишь 9% стоимости экспорта, на долю машин и оборудования — 55%, металлов и металлоизделий — 18,5%, химических продуктов — около 6%. Причем, если прежде японская ниша на мировых рынках была заполнена в основном товарами, относительно невысокого качества и невысокой степени сложности, то к концу 60-х годов Япония уже имела репутацию поставщика высококачественной, технически сложной продукции.

Будучи лишена сколько-нибудь значимых запасов основных видов природных ресурсов, Япония для поддержания быстрого развития промышленности вынуждена была из года в год увеличивать ввоз сырья и топлива. Пользуясь тем, что цены на эти товары на мировых рынках долгое время были стабильными и даже понижались, Япония предпочитала ввозить необработанное сырье, организуя полный цикл его переработки на собственной территории. За 1957–1973 гг. объем импорта увеличился почти в 7 раз, при этом в конце периода на сырье приходилось около трети его стоимости, а на минеральное топливо — около 22% (в т.ч. 16% — на нефть). По-прежнему, довольно высокую долю в импорте — свыше 15% — занимали продовольственные товары. Хотя еще с конца 50-х годов Япония была в состоянии удовлетворять потребности населения в основном продукте питания — рисе — за счет внутреннего производства, рост уровня жизни населения требовал расширения ввоза различных видов продовольствия (прежде всего продукции животноводства и фруктов).

Что же касается машин и оборудования, то зависимость Японии от их поставок из западных стран существенно снизилась (за исключением небольшой группы наиболее сложной наукоемкой техники, которую она сама пока не могла производить), а доля

этих товаров в импорте в начале 70-х годов составляла менее 10%.

Натиск японских товаров на мировые рынки был столь мощным, что, несмотря на многократное возрастание объемов импорта, со второй половины 60-х годов торговый баланс Японии начал почти постоянно сводиться с положительным сальдо, что позволило ей накопить значительные золотовалютные резервы и приступить к активному экспорту капитала. Всего за 1951–1970 гг. японские инвестиции за рубежом составили около 2,7 млрд. долл., из них 1,88 млрд. долл., или около 70%, были инвестированы во второй половине 60-х годов.

Обрабатывающая промышленность в тот период, безусловно, выступила в роли локомотива экономического роста страны. Что же касается других сфер экономики, то судьба их сложилась по-разному.

Сворачивание добывающей промышленности

Обилие дешевого и качественного сырья на мировых рынках предопределило начало фактического сворачивания собственной добывающей промышленности. В 1957–1970 гг. объем производства в добывающих отраслях увеличился лишь на 11%, а их доля в общем объеме промышленного производства сократилась с 5,1 до 2,1%. В конце 60-х годов в добывающей промышленности было занято лишь около 500 тыс. чел., или примерно 1% общего числа занятых в промышленности.

Решающее значение для такой динамики имело сворачивание производства в крупнейшей подотрасли — угледобыче. Максимальный уровень добычи угля — 54,5 млн. т — был достигнут в 1961 г., затем она начала довольно быстро снижаться и в начале 70-х годов составляла всего лишь около 33 млн. т. При этом зависимость Японии от импорта угля за эти годы увеличилась с 36 до 56%.

Что касается других видов полезных ископаемых, то к концу периода высоких темпов роста лишь добыча свинцовых и цинковых руд, а также марганцевой и медной руды еще сохраняли значение для японской промышленности (за счет собственной добычи удовлетворялось около половины потребностей в свинцовых и цинковых рудах, около 20% — в медной руде, около 30% — в марганцевой руде). Добыча всех прочих видов сырья и топлива осуществлялась в крайне незначительных (часто символических) объемах.

Развитие транспорта

Довольно быстро в период высоких темпов роста развивался транспорт: в

1960–1973 гг. объем грузо- и пассажироперевозок почти утроился. Значительное развитие получил автомобильный транспорт — в начале 70-х годов на него приходилась почти половина перевозок пассажиров и около 40% перевозок грузов. Морской транспорт перевозил свыше 40% внутренних грузов и весь объем внешних грузов, а на железнодорожный транспорт падало около 20% грузо- и около половины пассажироперевозок.

Протяженность железных дорог Японии с середины 30-х годов практически не увеличивалась и в начале 70-х годов составляла около 27 тыс. км (из них 21,3 тыс. км приходилось на государственные железные дороги), но в 60-е годы в этой отрасли был осуществлен ряд важных технических нововведений. Один за другим начали вводиться в строй участки высокоскоростной железнодорожной магистрали «Синкансэн», которая должна была соединить все основные города Японии. Средняя скорость движения поездов по этой магистрали составляла более 160 км/час. В конце 60-х годов было также начато строительство железнодорожного туннеля между островами Хонсю и Хоккайдō (общей длиной 36,4 км и длиной подводной части 22 км), а несколько позже — строительство двух крупнейших железнодорожных мостов, которые должны были соединить район Ōсака–Кōбэ с о-вом Сикоку. Наконец, во второй половине 60-х годов был осуществлен полный переход на тепловую и электрическую тягу, а паровозы продолжали выпускаться только для экспорта.

К началу 70-х годов Япония превратилась в одну из крупнейших автомобильных держав мира. В 1971 г. в стране насчитывалось уже более 12 млн. автомобилей (в т.ч. свыше 5 млн. легковых), и по этому показателю она занимала 2-е (после США) место в мире. 60-е годы стали периодом интенсивного автодорожного строительства. В частности, в 1969 г. была введена в эксплуатацию высокоскоростная автомагистраль Токио–Нагоя–Кōбэ протяженностью 536 км, которая соединила районы, где проживало около половины населения и производилось более 2/3 промышленной продукции. Строительство дорог поглощало огромные деньги, и чтобы облегчить напряженную ситуацию с его финансированием, в 1968 г. был принят закон, по которому при покупке нового автомобиля каждый покупатель должен был уплачивать налог в размере 3% от его стоимости на цели дорожного строительства. Хотя по протяженности автомобильных дорог Япония к началу 70-х годов заняла 3-е место в мире (после США и Франции), по состоянию дорожной сети она все еще значительно от-

ставала от многих передовых стран: так, из 150 тыс. км дорог лишь около 45% имели твердое покрытие.

Период высоких темпов роста стал решающим в развитии морского флота Японии. Лишь к концу 50-х годов ей удалось восстановить максимальный предвоенный уровень тоннажа морского флота (6,1 млн. т), понесшего в результате войны колоссальный урон. Однако в последующие годы пополнение флота происходило столь быстрыми темпами, что уже в 1971 г. по общему его тоннажу — свыше 30 млн. т — Япония заняла второе место в мире. В начале 70-х годов на японские суда приходилось около 20% всех морских грузоперевозок капиталистических стран, в том числе около 40% японского экспорта и 45% японского импорта. По техническому уровню японский флот был одним из самых передовых в мире: в его составе были гигантские танкеры, мощные сухогрузы, суда-контейнеровозы.

Перемены в японской деревне

Важные изменения произошли в этот период и в японской деревне. Примерно с середины 50-х годов начался довольно быстрый отток сельского населения в города. В 1955–1973 гг. деревню покинули более 11,5 млн. чел., и к 1973 г. численность сельского населения сократилась до 24,7 млн. чел. (23% от общей численности населения).

Общее число крестьянских хозяйств также уменьшилось примерно на 900 тыс. и составило к 1973 г. около 5160 тыс. Хотя сокращение числа хозяйств происходило преимущественно за счет категории мелких и мельчайших (с наделами до 1 га), последние по-прежнему составляли основу сельского хозяйства Японии: в 1973 г. их насчитывалось более 3,5 млн., или две трети общего числа дворов.

Наиболее ярко последствия аграрной реформы проявились в значительном сокращении масштабов аренды земли. К началу 70-х годов в деревне почти не осталось безземельных крестьян-арендаторов, а число хозяйств, прибегающих к аренде, сократилось примерно до 1 млн. (в 1950 г. их насчитывалось более 2 млн.).

Общий объем сельскохозяйственного производства вырос за рассматриваемый период в 1,5 раза. В начале 70-х годов уже более 20% его стоимости приходилось на продукцию животноводства, хотя преобладающие позиции по-прежнему занимало растениеводство (три четверти объема производства). Под рис отводилось теперь уже менее половины посевных площадей, а на остальных землях выращивались другие зерновые, овощи, плодовые деревья, технические культуры и т.д.

В 60-е годы в деревне относительно широкое распространение получила сельскохозяйственная техника (мини-тракторы, комбайны), но большинство сельскохозяйственных операций по-прежнему производилось вручную или с использованием тягловой силы. В целом по уровню механизации сельскохозяйственного производства Япония в эти годы сильно уступала западным странам.

В то же время по потреблению химических удобрений к концу 60-х годов она вышла на одно из первых мест в мире. Благодаря интенсивному использованию удобрений, ядохимикатов, а также улучшению агротехнических методов производства японским крестьянам удалось значительно повысить урожайность, и в конце 60-х годов по средней урожайности риса, батата, лука и т.д. Япония занимала одно из первых мест в мире.

Улучшилось и материальное положение крестьян. Средний совокупный доход крестьянской семьи в 1957–1973 гг. вырос почти в 7 раз, но при этом доля в нем от сельского хозяйства сократилась с 56,6% в 1957 г. до 32,1% в 1973 г., а удельный вес побочных доходов соответственно возрос с 43,4% до 67,9%. К началу 70-х годов лишь 15% хозяйств обходились доходами, полученными от занятия сельским хозяйством, а 85% в той или иной мере прибегали к побочным заработкам (от работы по найму до открытия собственного дела).

В целом облик японской деревни сильно изменился. В быт крестьян вошли холодильники, пылесосы, стиральные машины, не говоря уже о телевизорах и радиоприемниках; многие семьи смогли приобрести даже автомобили. В конце 60-х годов между городом и деревней уже не наблюдалось такого резкого контраста, какой существовал перед войной и даже в конце 50-х годов.

Государственное регулирование экономики

В развитии промышленности, сельского хозяйства и других сфер японской экономики в тот период исключительно важную роль продолжало играть государство. Хотя размеры государственного сектора значительно уменьшились, правительству принадлежала ведущая роль в определении стратегии экономического развития.

В период высоких темпов роста в Японии значительное развитие получило государственное программирование. Наиболее известным из подготовленных в эти годы планов стал «План удвоения национального дохода», предусматривавший достижение этой цели за 1961–1970 гг. и ликвидацию экономического и технологического разрыва между Японией и ведущими западными странами. Хотя правительственные планы и программы носили инди-

кативный характер, для частного бизнеса они служили важным ориентиром, так как обозначали сферы и отрасли, которые будут пользоваться вниманием и поддержкой правительства. Кроме того, государство использовало широкий набор кредитно-финансовых рычагов для поощрения частного сектора к развитию в заданных направлениях, а когда этого оказывалось недостаточно, прибегало и к принуждению с использованием административных методов.

В 60-е годы предметом первоочередной заботы правительства были черная металлургия, нефтепереработка, нефтехимия, а также ряд машиностроительных производств.

Что же касается сельского хозяйства, то основные усилия государства были направлены на субсидирование производства некоторых видов продукции (прежде всего риса), на оказание финансовой помощи кооперативам, проведение протекционистской внешнеторговой политики, организацию научных исследований и содействие внедрению их результатов в производство.

Негативные последствия форсированного экономического роста

Форсированный рост экономики имел ряд весьма негативных последствий. Под серьезной угрозой оказалась природа Японских о-вов. Речь шла не только о ее разрушении, но и появлении в Японии болезней, ранее не известных медицине. Эти болезни, получившие японские названия *итай-итай* (т.е. «больно!»), *минамата* и ряд других,

Представители «Сёва даикё» (справа) выплачивают наличными 270 млн. иен компенсации представителям жертв «болезни Минамата» (30 сентября 1971 г.)

были вызваны загрязнением окружающей среды, а именно, накоплением ртути и солей тяжелых металлов в морепродуктах. В частности, несколько жителей поселка Минамата (от него и пошло название заболевания) в префектуре Ниигата умерли после дол-

гой мучительной болезни, вызванной регулярным сбросом сточных вод заводом компании «Сёва дэнкё».

Законодательная база природоохраны и защиты здоровья населения в Японии заметно отставала от экономического роста. Дела против компаний-загрязнителей тянулись годами. Только в мае 1970 г. был создан Центральный штаб борьбы с загрязнением окружающей среды, а в ноябре следующего года в парламенте был принят целый пакет законов по защите окружающей среды.

Социальные сдвиги в 60-е годы

За послевоенные годы произошли резкие изменения в структуре занятости. К началу 70-х годов число занятых в первичных отраслях экономики — сельском хозяйстве, лесоводстве и рыболовстве — сократилось в два с половиной раза: с 48,3% в 1950 году до 19,4% в 1970 г., в добывающих отраслях промышленности — с 1,7% до 0,4%. В остальных отраслях экономики, в строительстве и обрабатывающих отраслях, и особенно в сфере обслуживания, в розничной и оптовой торговле, энерго- и газоснабжении произошло резкое увеличение числа занятых.

Менялась и социальная структура за счет роста удельного веса работающих по найму. Если в 1960 г. число тех, кто имел свое дело и существовал за счет него, составляло 22,7%, то к 1970 г. их число сократилось до 17,2%. Одновременно за этот же период число лиц наемного труда увеличилось с 53,4 до 65%.

Развитие шло по нарастающей. Исключение составил 1964 г. Огромной проблемой стала инфляция, приведшая к росту цен на многие предметы первой необходимости и на образование. В стране прокатилась волна студенческих протестов против повышения цен на обучение.

Но уже в 1965 г. вновь начинается полоса подъема, известного как «бум Идзанаги», продлившегося вплоть до 1973 г. Экономические успехи позволили добиться существенных сдвигов в социальном положении населения, обеспечить политическую стабильность и условия для дальнейшего роста экономики. Именно 60-е годы стали переломными в качестве и уровне жизни большинства японцев.

Быстро шел и процесс урбанизации. Составлявшее к 1955 г. одну треть населения крестьянство покидало свои дома и переселялось на тихоокеанское побережье Японии, где бурными темпами росло промышленное население, и как грибы возникали заводы и фабрики.

Изменения в структуре политических сил

Бурное развитие японской экономики и неудача ожесточенной борьбы оппозиции против американо-японского «договора безопасности» были двумя важнейшими факторами, повлиявшими на трансформацию структуры политических сил в японском обществе. Главным ее содержанием стали ослабление радикальных тенденций и постепенный поворот левой оппозиции и профсоюзного движения в сторону центра.

Образование кабинета Икэда

Новое десятилетие в Японии началось с прихода к власти 19 июля 1960 г. правительства Икэда Хаято. Выходец из ничем не примечательной семьи почтового служащего, Икэда в отличие от большинства других японских лидеров закончил не престижный Токийский, а Киотосский университет. В 1925 г. он поступил в министерство финансов, а в 1929 г. занял пост директора налогового управления города Уцуномия. В день, когда японская авиация бомбила Пирл-Харбор, Икэда занял кресло начальника налогового отдела министерства финансов. После войны, в феврале 1947 г. он стал заместителем министра финансов Исибаси Тандзан. Последний немало сделал для становления политической карьеры Икэда, и он этого никогда не забывал, хотя и входил в окружение Ёсида, политического соперника Исибаси.

Икэда, вне всякого сомнения, повезло. Формируя свой третий кабинет министров в феврале 1949 г., Ёсида сразу обратил внимание на только что избранного в парламент от своего родного округа в префектуре Хиросима профессионального финансиста, и, не задумываясь, назначил его министром финансов. В этом качестве Икэда пришлось выдержать тягчайшее испытание — претворять в жизнь план Доджа, т. е. крайне непопулярную политику жестких бюджетных ограничений, отмены дотаций и регулирования цен и подавления инфляции. Икэда честно и последовательно проводил намеченный курс, хотя в результате жестких мер японская экономика оказалась в критическом положении. Впрочем, для Икэда — финансиста традиционной выучки — это оказалось прекрасной экономической школой.

Успех ЛДП на выборах

Начиная с прихода к власти Икэда, государственная политика была переключена в русло решения задачи форсированного экономического роста. Для того чтобы ЛДП победила на предстоящих в ноябре всеобщих выборов в парламент, Икэда необходимо было выступить с программой и лозунгами, которые могли бы заставить из-

бирателей забыть о бурных событиях, связанных с ратификацией «договора безопасности». Нужно было восстановить явно пошатнувшееся доверие народа к консерваторам.

Икэда (крайний справа) принимает участие в религиозной церемонии (24 ноября 1963 г.)

Икэда нашел самый правильный пропагандистский ход — он выступил с «Планом удвоения национального дохода», ясной и четкой позицией, получившей поддержку как у широких масс, так и в среде предпринимателей и растущего среднего класса. На выборах в парламент ЛДП победила, несмотря на все прогнозы об ее провале и шумную кампанию оппозиционных партий, все-раз рассчитывавших на победу после массовых выступлений против «договора безопасности».

Этот успех был особенно важен с точки зрения исторической перспективы, поскольку в тот момент оппозиция реально имела шансы на успех. Разумеется, итоги выборов в ноябре 1960 г. были обусловлены не только правильно построенной пропагандистской кампанией правительства Икэда. Сработали

и другие факторы, прежде всего, здоровый консерватизм масс, которые опасались резких перемен и отдали предпочтение тем, кто уже имел опыт руководства страной, а не красноречивым левым политикам. Кроме того, события лета 1960 г. парадоксальным образом не только не сплотили левое движение, но еще больше разобщили его. Многие вчерашние союзники и соратники стали заклятыми врагами.

Выход на политическую арену партий центра

С середины 50-х годов в японском обществе постепенно увеличивалась прослойка инженерно-технических работников, служащих, лиц свободных профессий. В 60-е годы на фоне быстрого экономического роста произошло значительное повышение заработной платы постоянных рабочих и служащих. Это создало дополнительные сложности для распространения идеологии левых сил.

В этот период складываются и становятся более зрелыми отношения партнерства между трудом и капиталом. Забастовки в большей мере приобрели характер экономических, хотя наиболь-

шим влиянием продолжали пользоваться профсоюзы левой ориентации, в первую очередь, Генеральный Совет профсоюзов Японии (Сōхэ), объединявший профсоюзы государственного сектора. Обычными стали «весенние» и «осенние наступления» трудящихся, но они все больше напоминали некий ритуал, при котором обе стороны следовали общему сценарию демонстративного поведения, а главная борьба, порой очень острая, разворачивалась во время закрытых переговоров по согласованию процента повышения заработной платы.

Кроме того, форсированное развитие японской промышленности вызвало значительный приток рабочей силы в города. Это привело к определенным изменениям в социальном и политическом облике населения японских городов и расширило потенциальную опору оппозиции. Результатом стало возникновение центристских партий, опиравшихся на новые социальные слои и контингенты городских жителей, что положило начало размыванию биполярной структуры японской политики.

Первой такой партией стала Партия демократического социализма, созданная правыми социалистами, вышедшими из СПЯ в период борьбы против пересмотра японо-американского «договора безопасности». Расколы, бывшие следствием серьезных идеологических разногласий между правым и левым крылом японских социалистов, случались и раньше, однако они оказывались более или менее непродолжительными из-за слабости самостоятельной социальной базы правых элементов в социалистическом движении. На этот раз раскол привел к образованию вполне самостоятельной правосоциалистической партии. Основой такого стойкого размежевания стал раскол в японском профсоюзном движении. Два общенациональных профсоюзных объединения — Сōхэ и Дōмэй, — оказали политическую поддержку, соответственно, левым и правым социалистам.

Другой новой политической партией стала Партия чистой политики (Кōмэйтō), образовавшаяся в ноябре 1964 г. Фактически эта партия являлась политической организацией религиозного общества Сōка гаккай, активно действовавшего на политической арене с конца 50-х годов. Своих членов оно рекрутировало, главным образом, среди недавних выходцев из деревни, используя их неудовлетворенность своим положением.

ПДС и Комэйто сформировали политический центр в японской политике и получили в Японии название «партий среднего пути». С течением времени их деятельность привела к важным переменам на политической сцене.

К концу 60-х годов партии центра добились определенного политического влияния. На выборах в палату представителей в 1969 году Комэйто получила 47 мест, сделавшись второй по значению оппозиционной силой в парламенте. Положение ПДС было менее надежным, но все-таки достаточно стабильным (она получила 31 место).

Упрочение позиций центра происходило за счет некоторого оттока голосов от ведущих политических партий — ЛДП и СПЯ. Совокупный вес последних в палате представителей в течение 60-х годов неуклонно снижался. Если в 1958 г. либерал-демократы и социалисты вместе обладали 98% мест в нижней палате (ЛДП — 62%, СПЯ — 36%), т.е. могли решать дела в парламенте без учета мнения других политических сил, то после выборов 1960 г. их совокупная доля снизилась до 94%, в 1967 г. — до 86%, а в 1969 г. — до 78%. Выход на политическую арену центристских партий привел к падению доли избирателей, голосовавших как за либерал-демократов (1960 г. — 57,6%, 1963 г. — 54,7%, 1967 г. — 48,8%, 1969 г. — 47,6%), так и за социалистов (1960 г. — 27,6%, 1963 г. — 29,0%, 1967 г. — 27,9%, 1969 г. — 21,4%).

Правящая Либерально-демократическая партия к середине 60-х годов находилась в трудном положении. Процесс быстрой индустриализации привел к резкому сокращению числа сельских жителей и населения в маленьких городах и поселках — традиционной опоры консервативной партии. Однако из-за особенностей японской избирательной системы, когда норма представительства выше в сельских и ниже в городских избирательных округах, снижение поддержки избирателей в меньшей степени отразилось на представительстве в парламенте ЛДП, чем СПЯ. Дело в том, что основной ареной деятельности центристских партий (как и СПЯ) были городские избирательные округа, а на электоральном поведении сельских избирателей, традиционно голосовавших за ЛДП, вступление в политическую борьбу Комэйто и ПДС отразилось лишь в незначительной степени. Так, на выборах 1969 г. ЛДП, за которую проголосовал наименьший процент избирателей со времени ее основания, увеличила свое представительство в нижней палате парламента с 277 до 288 мест, в то время как для СПЯ потеря голосов (в данном случае и в абсолютных цифрах) обернулась тяжелейшим поражением — 90 мест вместо 140 на предыдущих выборах.

Появление на политической арене центристских партий в 60-х годах было объективно выгодно ЛДП. Перераспределение голосов избирателей происходило тогда главным образом внутри лагеря

оппозиции, и последствия этого были особенно болезненны для самой мощной оппозиционной партии.

Вместе с тем сохранение либерал-демократами доминирующего положения в парламенте способствовало тактическому поведению партии центра. Обладая абсолютным большинством мест в высшем законодательном органе страны, японские консерваторы на этом этапе практически не были заинтересованы в создании какой-либо коалиции. Поэтому партии центра рассматривали в качестве потенциального старшего партнера СПЯ.

Политический спектр Японии выглядел тогда следующим образом. Справа находилась Либерально-демократическая партия. Чуть левее располагалась Партия демократического социализма, далее, ближе к центру, Кōмэйтō. Слева от центра располагалась Социалистическая партия Японии, которая сама делилась на три группы: правых, центристов и левое крыло (Сякайсюги кёкай — Общество изучения социализма). Еще левее стояла компартия Японии, которая к тому времени уже выступала с критических позиций в отношении КПСС.

Таким образом, на политической сцене действовали уже 4 партии, которые находились в оппозиции правительству ЛДП. Характерно, что после бурных событий 1960 г. лозунги ликвидации «договора безопасности», нейтралитета, борьбы против американского империализма находили широкий отклик в массовом сознании и оказывали большое воздействие на общественное мнение. Согласие или несогласие с этими лозунгами было своего рода критерием принадлежности к «прогрессивному» или «консервативному» лагерю. Поскольку новые партии могли рассчитывать обрести поддержку в первую очередь среди той части населения, которая была по тем или иным причинам недовольна политикой либерал-демократов, они были вынуждены в какой-то степени поддерживать эти лозунги.

Идейно-политическая ситуация в Японии в 60-е годы

В 60-е годы продолжилось идейное противостояние между оппозиционными социальными и политическими силами и правящей политической элитой вокруг основ политического устройства страны и государственной политики.

В идеологическом плане правящая ЛДП включала в себя весьма неоднородные силы от либералов до националистов. Тем не менее, правительство стремилось ввести в практику некоторые идеологические элементы, связанные с укреплением авторитета государства, начать некое патриотическое воспитание масс. Было

введено празднование «дня основания государства» (*кигансэцу*) 11 февраля каждого года и пышно отмечено 100-летие *Мэйдзи исин*.

В партии по-прежнему большим влиянием пользовались те, кто выступал за пересмотр «мирной» конституции. Однако общественное мнение страны продолжало болезненно относиться к этой идее. Поэтому политическая элита, приходившая к власти через прямые и демократические выборы, не только не могла игнорировать такие настроения, но и должна была время от времени демонстрировать собственные мирные устремления.

Характерна в этом смысле позиция японских консерваторов в отношении ядерной проблемы. 60-е годы — начало бурного анти-ядерного движения, массовых протестов против ядерных испытаний. Правительство Икэда вело явно двойственную политику. С одной стороны, верное союзническим отношениям, оно полностью поддерживало американскую позицию в этом вопросе, с другой, учитывая царившие в обществе настроения, пыталось играть роль миротворца и борца против ядерного оружия. Поэтому правительство Икэда неоднократно выступало с призывами к Москве и Вашингтону прекратить ядерные испытания.

Оппозиционный лагерь был идеологически расколот. Его острая политическая палитра включала в себя два полюса — ПДС и КПЯ, находившиеся, соответственно, на правом и левом флангах. Совместить две эти партии в едином оппозиционном движении было невозможно. Их враждебность на идейно-политической основе превосходила даже враждебность между КПЯ и ЛДП. Когда осенью 1967 г. состоялась встреча генеральных секретарей четырех оппозиционных партий (ПДС, СПЯ, Кōмэйтō и КПЯ) по поводу проведения совместных действий за скорейшее возвращение Окинавы и о-вов Огасавара, то даже по этому «общенациональному» вопросу ПДС и КПЯ не смогли прийти к компромиссу, в результате чего совместные действия, в конечном счете, не состоялись.

Сложными были отношения и между СПЯ и ПДС. Что касается Партии демократического социализма, то она все более откровенно переходила на сторону консерваторов. Председатель СПЯ Сасаки Кōдзō даже публично заявил, что ПДС стала второй консервативной партией. Это вызвало обиду у лидера ПДС Нисио Суэхиро. В прессе началась публичная полемика между представителями двух течений японской социал-демократии.

Несмотря на сходство идейных платформ отношения между Социалистической и Коммунистической партиями были далеко не

партнерскими. В определенной мере это было связано с политическим соперничеством, поскольку обе они «разрабатывали» одну и ту же социальную нишу.

В этот же период произошло сближение КПСС с японскими социалистами и охлаждение отношений с коммунистами. Ратификация договора о частичном запрещении испытаний ядерного оружия в японском парламенте в мае 1964 г. вызвала кризисную ситуацию в единственной партии проголосовавшей против — в компартии Японии, занимавшей в ту пору прокитайские позиции. КПЯ поддержала позицию Китая по договору и единственная из политических партий Японии приветствовала первое испытание ядерного устройства, проведенное в Китае в середине октября 1964 г.

Из рядов КПЯ были исключены Сига Ёсио и Судзуки Итидзō — депутаты-коммунисты, осмелившиеся пойти против линии партии и проголосовать за ратификацию договора. В июле этого же года ими была создана альтернативная компартии политическая группа под названием «Голос Японии». Вначале она была поддержана КПСС, развернувшей кампанию критики КПЯ. Но впоследствии, когда стало ясно, что эта группа не имеет шансов на успех, советские коммунисты от нее отмежевались и вернулись к сотрудничеству с КПЯ.

В 1968 г. произошло формальное примирение КПЯ с КПСС. В конце января Токио посетила делегация КПСС во главе с М.А. Суловым. И уровень делегации, и переговоры сами по себе были беспрецедентными. Тем не менее, отношения между двумя компартиями оставались достаточно холодными, а после вступления советских войск в Прагу в августе того же года вновь испортились.

Во второй половине 60-х годов КПЯ разошлась во взглядах и с китайскими коммунистами, пытавшимися ее жестко опекать, навязывая активную антисоветскую линию. Разрыв произошел после встречи в конце марта 1966 г. в Пекине Мао Цзэдуна с председателем КПЯ Миямото Кэндзи. Впоследствии компартия Японии заняла подчеркнуто независимую позицию, резко критикуя как Москву, так и Пекин.

Несмотря на разногласия и соперничество СПЯ, КПЯ и Кōмэйтō эпизодически предпринимали солидарные акции. В январе 1968 г. они совместно обратились к правительству с протестом против захода американского авианосца в порт Сасэбо. Те же партии выступили в парламенте с совместным проектом резолюции об объявлении Японии безъядерной страной, свободной от ядер-

ного оружия. Все левые и центристские партии Японии выступили с протестом против введения войск Варшавского договора в Чехословакию. Однако такое сотрудничество не стало систематическим.

Война во Вьетнаме вдохнула новую жизнь в пацифизм, одно из наиболее сильных идейно-политических течений послевоенной Японии. СПЯ выдвинула внешнеполитическую концепцию, предполагавшую аннулирование «договора безопасности» и провозглашение Японией постоянного невооруженного нейтралитета. Японские социалисты утверждали, что эта идея вытекала из японской конституции, которая как раз и определяла невооруженный нейтралитет в качестве основы внешней политики. Они считали, что безопасность страны должна обеспечиваться исключительно дипломатическими средствами. Соответствующие положения были включены в официальные программные документы СПЯ («Путь Японии к социализму», 1965 и др.).

К этой концепции присоединилась и Кōмэйтō. В апреле 1968 г. состоялся ее VI съезд, утвердивший внешнеполитический курс, главным звеном которого была идея о необходимости для Японии достижения полного нейтралитета.

Не все оппозиционные партии придерживались того же мнения. Против идеи невооруженного нейтралитета выступила компартия Японии. В заявлении КПЯ по проблемам национальной безопасности, опубликованном 7 января 1968 г., подчеркивалось, что для защиты суверенитета и независимости Япония имеет право на самооборону.

Особой была и позиция Партии демократического социализма. ПДС с самого начала строила свой подход к анализу международной обстановки и военной политики на основе необходимости поддержания баланса сил между Востоком и Западом и считала японские «силы самообороны» элементом такого баланса. Это означало, что она придерживалась в отношении международных и военных проблем принципиально иных взглядов, чем другие оппозиционные партии. Последние рассматривали их, в первую очередь, с точки зрения краеугольных вопросов внутриполитического характера (конституционность тех или иных шагов правительства в области обороны и т.п.). ПДС же, по возможности обходя эти принципиальные вопросы, вела полемику по конкретным вопросам осуществления оборонной политики. В этом смысле ПДС с самого начала говорила на одном языке с ЛДП.

Во второй половине 60-х годов произошел новый взрыв активности студенческого движения. Причем это было связано не

только с движением протеста против войны во Вьетнаме. Духовный кризис того периода был связан с радикальными переменами в социальной структуре, формировании среднего класса, «общества потребления», разрушением старых идеалов и рождением новой системы ценностей, обострением проблемы «отцов и детей». Все это неизбежно сказывалось на резких колебаниях в умонастроении интеллигенции и, особенно, молодежи. Часть ее примкнула к формирующемуся «истеблишменту», приветствуя перемены, другая наоборот стала в оппозицию ему.

Стычка между соперничающими студенческими группировками. Справа члены группы «какумаруха» (12 ноября 1968 г.)

Это не было чисто японским явлением. Аналогичные процессы происходили и в Европе. Нигилизм, отрицание старых ценностей, поиск новой духовности стали типичными для молодежи на Западе. И там, и в Японии, студенчество в значительной мере оказалось под влиянием экстремистских групп. Это была своего рода социальная болезнь, которой следовало переболеть, чтобы вписаться в новую цивилизацию, рождавшуюся на волне научно-технического прогресса.

В студенческом движении от Всеяпонского союза студентов (Дзэнгакурэн), отпочковались три группы: «какумаруха» («группа революционных марксистов»), «тёкакуха» («группа китайских революционеров») и «кайхёха» («группа борьбы за освобождение»). Все они, в конечном счете, подпали под влияние бывших членов КПЯ, некогда исключенных из партии, и поэтому в фокусе их крайне бурных и нередко экстремистских выступлений оказалась не только правящая политическая элита, но и японская компартия.

Вторая половина 60-х годов характеризуется повышенным интересом в мире к маоизму. В отличие от других азиатских стран маоизм не только не прижился на японской почве, но и не имел сколько-нибудь ярких сторонников, за исключением ультралевых студенческих групп. Компартия Японии, поначалу испытывавшая определенный интерес к нему, в конечном счете от него отошла. Левая интеллигенция, симпатизировавшая идеям Мао, отшатнулась от них, напуганная эксцессами «культурной революции». Лишь горстка японских ученых в Институте развивающихся экономик выступила в защиту ее «достижений». Тем не менее, на страницах крупнейших изданий страны развернулась горячая полемика вокруг идей Мао, был издан японский перевод цитат «великого кормчего».

**Приход к руководству страной
Сатō Эйсаку**

Осенью 1964 г. стало известно, что премьер-министр Икэда неизлечимо болен. В октябре из больницы он объявил о своем намерении досрочно уйти в отставку, а в ноябре 1964 г. премьером стал Сатō Эйсаку. Возглавляя японское правительство с ноября 1964 г. по июль 1972 г., в течение более чем семи с половиной лет, он оставил заметный след в послевоенной японской истории.

Карьера нового премьера начиналась в одном из престижных и влиятельных бюрократических учреждений — министерстве транспорта. Его крестным отцом в политике был Ёсида Сигэру, сделавший в 1948 г. 47-летнего Сатō генеральным секретарем своего кабинета. Первоначально Ёсида собирался назначить Сатō министром транспорта в своем кабинете, но этому воспротивились американцы. Сатō был родным братом Киси Нобусукэ, проходившего по спискам военных преступников и находившегося в ту пору в заключении.

Под началом Ёсиды Сатō прошел прекрасную политическую школу, войдя в его «мозговой центр». Как личность он сочетал осторожность с настойчивостью в достижении поставленных целей и умел ладить не только со своими друзьями, но и с противниками.

Пытаясь перехватить у левых инициативу, Либерально-демократическая партия при Сато провозгласила лозунг «социального развития» на основе экономических успехов, достигнутых страной за этот период. В 1965 г. при ЛДП был создан Совет по проблемам социального развития. Тем самым правительство пыталось выправить перекосы политики предыдущего пятилетия, когда главная задача была в обеспечении быстрых темпов индуст-

риализации и ликвидации отставания от передовых западных держав.

Сатō выступает в телепрограмме компании «Эн-Эйч-Кэй» «Разговор с премьер-министром»

Начало формирования многополярного мира и Япония

Новая фаза «холодной войны»

В 60-е годы центральное место в политической жизни Японии заняли международные проблемы. Это было вызвано значительной эскалацией международной напряженности как в Европе, так и на Ближнем Востоке и в азиатско-тихоокеанском регионе.

В начале десятилетия заметно обострились отношения между Москвой и Вашингтоном из-за инцидента с американским самолетом-шпионом U-2, сбитым 1 мая 1960 г. советскими ПВО в районе Свердловска (совр. Екатеринбург). После того, как в США республиканца Д.Эйзенхауэра сменил на посту президента демократ Дж.Кеннеди, последний декларировал стремление к налаживанию сотрудничества с Советским Союзом. Но целый ряд кризисов привел к дальнейшему усилению советско-американской конфронтации. Была воздвигнута Берлинская стена (1961 г.), что было крайне болезненно воспринято во всем западном мире. На Кубе власть захватил Ф.Кастро, провозгласивший курс на жесткое противодействие Соединенным Штатам и распространение социалистических революций на весь южноамериканский континент. В 1963 г. на Кубу были завезены советские ракеты средней дальности.

сти. Разразился «карибский кризис», поставивший мир на грань ядерной войны.

Одновременно контекст международной политики значительно усложнился из-за ухудшения советско-китайских отношений. В начале 60-х годов возникли первые трещины в отношениях китайской компартии и КПСС, которые постепенно перешли в фазу конфронтации. На XXII съезде советских коммунистов в октябре 1961 г., принявшем программу строительства коммунизма в СССР, случился первый открытый конфликт. Чжоу Эньлай, не дождавшись окончания съезда, улетел в Пекин.

Параллельно усилилось противостояние Китая и Индии, в 1962 г. переросшее в военный приграничный конфликт. Разгорались и военные действия в Индокитае. Великим державам удалось договориться в Женеве по Лаосу, но во Вьетнаме война продолжалась, и американская вовлеченность в нее постепенно росла.

Французский президент Де Голль стремился проводить подчеркнуто независимую политику как в Европе, так и за ее пределами. В январе 1964 г. Париж установил дипломатические отношения с Китаем и порвал с Тайванем, начав тем самым последовавшую через некоторое время цепную реакцию дипломатических признаний КНР.

В июле 1963 г. в Москве был подписан советско-американско-британский договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах. Китай и Франция отказались присоединиться к нему. Намечалось новое размежевание сил на мировой арене.

В новых условиях правительство Икёда стремилось к некоторой диверсификации своих внешнеполитических контактов и сфер сотрудничества. Усилились акценты на партнерство со странами Юго-Восточной Азии. Япония выступила с посреднической миссией по урегулированию конфликта между Индонезией и Малайзией. В мае 1963 г. в Токио произошла встреча президента Индонезии Сукарно и премьер-министра Малайзии Рахмана.

Конец 1964 г., когда к власти пришел кабинет Сатō, был поворотным во многих отношениях. В октябре 1964 г. в Советском Союзе был смещен с высших государственных постов Н.С.Хрущев. Однако смена власти в Кремле не привела к смягчению международной ситуации. Всесторонняя глобальная конфронтация США и СССР сохранилась. В обеих странах продолжилось наращивание военного потенциала, и в Советском Союзе была поставлена цель достичь стратегического паритета с США.

В том же октябре 1964 г. в Китае успешно прошли испытания ядерного оружия. Тем самым Пекин вошел в клуб ядерных дер-

жав. Геополитическая ситуация в регионе и в мире резко изменилась. Одновременно обострились противоречия Китая с Советским Союзом, произошло усиление напряженности на советско-китайской границе, где возникла реальная возможность крупного военного конфликта.

Пекин пытался расширить свое влияние за счет сближения с Индонезией и организации там социалистической революции на китайский манер. Но в 1965 г. все закончилось кровавой расправой над индонезийскими коммунистами и отстранением от власти президента Сукарно.

Неудача коммунистического переворота в Индонезии создала предпосылки к образованию в Юго-Восточной Азии через несколько лет нового альянса — Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН), ставшей впоследствии мощной экономической и политической силой в Восточной Азии. Это было принципиально новое объединение. Оно отличалось от аморфных объединений стран наподобие «движения неприсоединения», выступавшего с «антиимпериалистических» позиций. Целью АСЕАН было решение в первую очередь экономических задач на основе рыночных преобразований. Объединение пяти стран Юго-Восточной Азии сразу же привлекло внимание японской дипломатии. Позднее сотрудничество с АСЕАН станет одним из самых важных направлений японской внешней политики.

Японо-американские отношения

После бурных антиамериканских выступлений летом 1960 г. США стремились укрепить отношения с Японией. В апреле 1961 года в Токио в качестве посла был направлен крупный ученый-японовед Э.Рейшауэр, женатый на японке. В ходе визита Икэда в Соединенные Штаты в июне 1961 г. были подписаны соглашения о создании совместных комитетов по экономике, науке и образованию, а в начале 1964 г. было принято решение о создании совместного комитета по научно-техническому сотрудничеству. Осенью 1962 г. в Дартмуте состоялась первая встреча японской и американской интеллектуальной элиты.

Начались японо-американские контакты по проблеме Окинавы. Было еще далеко до принятия Вашингтоном решения о возвращении о-вов Рёккё Японии, но уже в 1961 г. администрация Кеннеди дала понять, что при определенных обстоятельствах это вполне возможно. Формирование двустороннего тесного союза создало почву для изменения позиции американской стороны, которая при Даллесе и Эйзенхауэре была достаточно твердо настро-

ена сохранить за собой контроль над этим архипелагом если не навечно, то на весьма длительную перспективу.

На базе союза эффективно действовал механизм политических консультаций. Регулярно проводились заседания двусторонних консультативных комитетов по вопросам безопасности. На них американцы, в частности, информировали японских представителей о ситуации в связи с кубинским кризисом (1962 г.) и подписанием договора о частичном прекращении ядерных испытаний (1963 г.).

Война во Вьетнаме и японо-американский союз

После победы демократа Л.Джонсона на президентских выборах в США в ноябре 1964 г. в американской политике укрепилась идея «демократической миссии» во Вьетнаме и «спасения» Индокитая от «коммунистической угрозы». В результате США ввязались в крупную военную авантюру, в дальнейшем приведшую к кризису все американское общество.

США пытались привлечь к реализации новой азиатской стратегии своих союзников, и в первую очередь Японию. В рамках «договора безопасности» шло усиление его военно-стратегических функций. Из-за роста военной напряженности вновь стали актуальными вопросы тылового обеспечения военных операций США. Первым на повестку дня стал вопрос о разрешении заходов в японские порты американских авианосцев, которым суждено было играть главную роль в войне во Вьетнаме, а затем и атомных подводных лодок и авиации, способной нести ядерное оружие.

Активизация японо-американского военного союза привела к новому росту антиамериканских настроений, вылившихся в движение протеста против заходов авианосцев и атомных подводных лодок. В портах дислокации американского военно-морского флота — в Ёкоцука и Сасэбо — регулярно проходили демонстрации.

Война США во Вьетнаме была крайне непопулярной в Японии. Практически все оппозиционные партии и не только левого, но и центристского толка резко осудили Вашингтон. Престиж американцев был сильно подорван, и все усилия американского посла Рейшауэра не приносили плодов.

Правительство Сато оказалось меж двух огней — собственного общественного мнения, резко осуждавшего американскую авантюру, и официальным Вашингтоном, требовавшим проявления большей солидарности. Испытывая сильное давление внутри страны со стороны оппозиционных сил, оно вынуждено было строить свою политику в отношении американской войны в Индокитае с учетом внутреннего фактора. Поэтому эта политика не

носила формы безусловной и полной поддержки, как это было со стороны, в частности, правительства Южной Кореи, которое в июле 1965 г. приняло решение направить свои боевые части во Вьетнам.

Для Сатō такое решение было бы немыслимым. Заявивший было в парламенте, что Япония должна будет участвовать в обороне Окинавы, Сатō под давлением не столько оппозиционных партий, сколько негативной реакции общественного мнения, вынужден был признать, что это невозможно в силу конституционных ограничений. В тот период правящая элита по-настоящему осознала, что навязанная в свое время Макартуром «мирная» статья конституции сослужила ей добрую службу. Именно ее ограничения не дали возможность США требовать от Токио более действенного участия в войне во Вьетнаме.

Тем временем протесты не ослабевали. Особенно активно выступали левые и левацкие студенческие организации. Борьба против американской войны во Вьетнаме стала «звездным часом» для крупнейшей студенческой организации Дзэнгакурэн. 22 апреля 1965 г. в токийском аэропорту Ханэда состоялась многотысячная демонстрация протеста против приезда в Японию представителя государственного департамента США Ростоу. Было отменено его посещение Токийского университета, а также его лекции в Киотосском университете и университете Васэда.

Тогда же имело место довольно редкое явление — координация действий японских коммунистов и социалистов. 9 июня 1965 года они организовали совместное выступление против американской агрессии во Вьетнаме. В митинге протеста участвовало 37 тыс. чел.

В июле 1965 г. правительству пришлось сдерживать шквал протестов со стороны всех оппозиционных партий по поводу налетов на Северный Вьетнам американских стратегических бомбардировщиков Б-52, поднимавшихся с авиабазы Кадэна на Окинаве. В этом случае антивоенные настроения соединились с движением за возвращение архипелага Рюкю в состав Японии.

В Японии была создана общественная организация «Мир Вьетнаму» (Бэхэйрэн), выступившая не только с акциями протеста, но и наладившая тайную сеть по переправке американских дезертиров через Советский Союз в Европу. В нее входили видные японские общественные деятели и писатели.

В мае 1967 г. многие частные университеты заявили об отказе от субсидий военного министерства США японским научным центрам, составившим к тому времени почти 400 млн. иен. О том же

заявило срочно собранное общее собрание Японского физического общества.

В 1967–1968 гг. студенческие протесты резко усилились. Во время визита Сатō в страны ЮВА, включая Южный Вьетнам, в октябре 1967 г. в аэропорту Ханэда состоялась бурная демонстрация Дзэнгакурэн. В стычке с японской полицией погиб один из студентов. В январе 1968 г. произошли крупные студенческие беспорядки в связи с предстоящим заходом в порт Сасэбо атомного авианосца «Энтерпрайз». Более 130 студентов были задержаны полицией. Много шума наделали яростные стычки студентов с полицией на железнодорожном вокзале в Хаката (о-в Кёсю), прорыв студентов в здание японского МИД и последовавшая сидячая забастовка, протесты против развертывания полевого госпиталя для американских солдат, раненных во Вьетнаме, на американской базе в Ёдзи. Во всех столкновениях принимали участие тысячи полицейских и студентом, десятки, а нередко и сотни людей подвергались арестам.

В отличие от корейской войны, война во Вьетнаме, хотя и приносила определенные выгоды (прямые военные заказы армии США японским фирмам только в 1967 г. составили почти 600 млн. долл.), все же решающего значения для экономической конъюнктуры в Японии не имели.

Успех переговоров о возвращении Японии Окинавы	Сохранение тесных военно-политических связей с США в условиях углубления американского вмешательства во Вьетнаме и предотвращение роста антиамериканских выступлений стало для кабинета Сатō серьезной проблемой.

Большое значение в этом плане имели переговоры по возвращению Окинавы под японскую юрисдикцию. Переговоры по Окинаве в известной мере отвлекали общественное мнение страны от вьетнамской трагедии, а готовность американцев вести переговоры по возвращению островов помогала снизить накал страстей.

После признания того, что о-ва Рёккё являются частью Японии, сделанным еще во времена президента Кеннеди, американская сторона в течение длительного времени не соглашалась практически решать вопрос о передаче островов под японскую юрисдикцию, ссылаясь на то, что условия для этого не созрели.

Сато понимал, что война во Вьетнаме не лучшее время для возвращения островов, поскольку Окинава, наряду с Гуамом, была важнейшей стратегической базой Пентагона в его военных операциях в Индокитае. Поэтому он действовал осторожно, мето-

дом достижения цели «шаг за шагом». В августе 1965 г. Сатō посетил Окинаву. Это был первый за все послевоенное время визит главы японского правительства на острова. Из-за мощной демонстрации жителей, требовавших скорейшего воссоединения с родиной, ему пришлось ночевать на американской военной базе, однако прецедент был создан — продемонстрирован особый статус островов.

Наиболее сложной политической задачей для японского правительства было достижение взаимоприемлемого компромисса по проблеме американского военного присутствия. Соединенные Штаты настаивали на том, что после возвращения Японии суверенитета над архипелагом Рюкю все функциональные возможности американских военных баз на островах должны быть сохранены. Между тем, Окинава была тогда важнейшей ядерной базой США на Тихом океане. Необходимо было увязать это с японской конституцией, ее 9-й статьей, а также с «договором безопасности» 1960 г.

В разрешении спора относительно ядерного статуса Окинавы помогло то обстоятельство, что в этот период в международных отношениях с особой остротой встал вопрос о нераспространении ядерного оружия. Никто не сомневался в способности Японии сделаться ядерной державой в считанные годы, если не месяцы. Поэтому выпадение Японии из зарождавшейся системы нераспространения грозило последней полным распадом.

Токио демонстрировал колебания в этом вопросе. Договор о нераспространении ядерного оружия был подписан одновременно в Москве, Вашингтоне и Лондоне 1 июля 1967 г. К нему сразу же присоединились 62 страны, но среди них не было ни Японии, ни ФРГ. Главное возражение японского правительства заключалось в том, что договор «ущемлял» права неядерных индустриально развитых стран в развитии атомной энергетики, а также закреплял ядерную монополию за пятью государствами, не определяя их обязательств по сокращению и ликвидации ядерного оружия. Американцами пришлось приложить немало усилий, чтобы, в конечном счете, заставить присоединиться своих союзников к этому договору.

Действуя по разным каналам, используя влиятельные политические и академические фигуры, организуя встречи специалистов с участием лиц, близких к государственному департаменту и министерству обороны США, Токио усиливал давление на Вашингтон. В октябре 1967 г. на японо-американской встрече в верхах Сатō удалось добиться согласия Вашингтона на возвращение о-

вов Огасавара (Бонин) и обещания в течение ближайших лет определить срок передачи Окинавы. А в 1969 г. был решен вопрос об удалении ядерного оружия с островов. Соединенные Штаты, энергично выступавшие за скорейшее подписание всеми странами мира договора о нераспространении ядерного оружия, вынуждены были пойти на уступки — на вывод ядерного оружия с Окинавы в целях сохранения безъядерного статуса Японии.

В конце 1968 г. на президентских выборах в США победил кандидат республиканской партии Р.Никсон. Пост помощника президента по вопросам национальной безопасности в новой администрации занял Г.Киссинджер, оказавший огромное влияние на формирование новой американской политики в Азии. Новая администрация резко изменила стратегический и тактический курс в регионе. Суть ее политики заключалась в свертывании войны во Вьетнаме и нормализации отношений с Пекином.

К этому моменту в японо-американских отношениях стали появляться новые элементы — торгово-экономические противоречия, связанные с массированным японским экспортом на американский рынок. В конце 60-х годов очень острой стала проблема американского импорта японского текстиля, который наносил ущерб интересам американских производителей. Соглашение по Окинаве должно было создать основу для нового партнерства, в рамках которого могли бы решаться и другие проблемы. В ноябре 1969 г. на встрече Сато с Никсоном было подписано соглашение о возвращении Японии Окинавы и распространения на острова режима японо-американского «договора безопасности», в частности и той его части, которая предусматривала необходимость предварительных консультаций в случае использования военных баз для участия в тех или иных военных действиях.

Подписание мирного договора с Южной Кореей

Одно из этапных событий в истории послевоенной японской дипломатии — подписание мирного договора с Южной Кореей. Переговоры шли очень трудно. Позиция Сеула была жесткой и крайне неуступчивой. Сеул добивался не только политических, но и экономических уступок. Конфликтными были такие вопросы как урегулирование имущественных и репарационных претензий Сеула к Японии, рыболовство, границы между двумя странами, включая спор о принадлежности о-вов Таксима, и особенно юридический статус корейцев, проживающих в Японии.

В этот период в Южной Корее у власти находился авторитарный военный режим Пак Чжонхи. Его целью была ускоренная ин-

дустриализация, которую он проводил при жестком подавлении любой оппозиции. Южная Корея в тот период испытывала бурные внутренние потрясения, ожесточенные стычки полиции со студентами. Режим Пака открыто выступил на стороне США в их войне во Вьетнаме. В Японии Пак Чжонхи имел репутацию деспота и реакционера. Именно поэтому против нормализации японо-южнокорейских отношений резко протестовали левые оппозиционные партии. Социалистическая партия призвала правительство прекратить переговоры с Сеулом.

В своем продвижении к соглашению с Южной Кореей Токио приходилось учитывать позицию проживающих в Японии этнических корейцев, которых насчитывалось около 700 тыс. Корейская община в Японии была политически неоднородна. В тот период подавляющее большинство в ней ориентировалась на Пхеньян и, следовательно, было в оппозиции к японскому правительству.

Уличная агитация в Нагасаки за возвращение корейцев в КНДР

Решающую роль в заключении договора сыграли США, которые энергично подталкивали своих главных союзников в Восточной Азии к скорейшему примирению и установлению полноценных отношений.

22 июня 1966 г. в резиденции японского премьер-министра состоялось подписание японо-южнокорейского договора об основах взаимоотношений и трех соглашений: по рыболовству, о юридическом статусе корейцев, проживающих в Японии и по южнокорейским претензиям.

Договор об основах взаимоотношений был по существу мирным договором. Он устанавливал дипломатические отношения

между двумя странами при обмене посольствами и другими дипломатическими учреждениями. Он объявлял недействительными все договоры и соглашения, заключенные между двумя сторонами, включая Акт о присоединении Кореи от 22 августа 1910 г. По договору Токио в качестве единственного законного правительства Кореи признавал сеульское правительство (ст. 3).

Ратификация договора в японском парламенте прошла крайне тяжело. Либерал-демократам помогли правые социалисты. Сработали старые связи Сатб с лидерами этой партии. Ее председатель Нисимура Эйити заявил о согласии проголосовать за ратификацию договора. Это вызвало политический скандал в самой партии. Но договор в итоге был ратифицирован.

Договор был встречен в штыки не только японской, но и южнокорейской оппозицией. В августе 1965 г. в Сеуле состоялись мощные студенческие демонстрации протеста против ратификации договора.

Несмотря на подписание мирного договора отношения между двумя странами развивались в течение всего последующего периода подчас весьма мучительно. Сеул болезненно реагировал на любые контакты японцев с Севером, пытаясь поставить их под свой контроль. В июле 1966 г. японское правительство согласилось на выдачу въездных виз для группы северокорейских специалистов по приему оборудования для завода химического волокна, проданного Северной Корее одной из японских компаний. Сеул не только выступил с резким протестом, но и на время закрыл японцам въезд в Южную Корею. Давление оказалось действенным. Японские фирмы одна за другой отказались от северокорейских контрактов.

Советско-японские отношения

В своей стратегии глобального противостояния капитализму и империализму в лице Соединенных Штатов Н.С.Хрущев пытался выстроить активную политику в отношении Японии. При этом была сделана ставка на экономический фактор — реальную заинтересованность Токио в природных ресурсах Сибири и Дальнего Востока. Заметными событиями в советско-японских отношениях стала промышленная выставка Советского Союза в Японии в августе 1961 г. Вырос японский экспорт в Советский Союз. В августе 1962 г. был подписан крупный контракт в размере почти 100 млн. долл. на поставки японских судов. Были заключены соглашения по рыболовству и добыче морской капусты. В октябре 1963 г. металлургические компании Японии заключили контракт на приобретение советской технологии непрерывной разливки стали.

В этот период японскому правительству вновь пришлось столкнуться с сопротивлением Вашингтона, обеспокоенного ростом экономических связей своего союзника с СССР. В сентябре 1964 года японское правительство разрешило крупной промышленно-финансовой корпорации «Мицубиси» поставить Советскому Союзу комплексное химическое оборудование с отсрочкой платежей на 8 лет. В ответ на это госдепартамент США выступил с официальным заявлением, выразив «сожаление» по этому поводу.

Тем не менее, несмотря на все сложности и отягчающие обстоятельства, советско-японские отношения продолжали развиваться. В январе 1966 г. Советский Союз посетил с первым за 10 лет официальным визитом японский министр иностранных дел Сиина Эцусабурō. В ходе переговоров было подписано соглашение об установлении прямого воздушного сообщения между Москвой и Токио. Через полгода в японскую столицу приехал министр иностранных дел СССР А.А.Громыко. С этого времени стали проводиться регулярные консультации на уровне министров иностранных дел, на которых обсуждались как вопросы двусторонних отношений, так и проблемы международной политики.

Японо-китайские отношения

Отношения с Китаем, в общем, оставались на прежней отметке, но в них уже можно было различить новые тенденции.

Это в первую очередь проявилось в установлении нового канала торгово-экономических связей. Соглашение о торговле, известное под именем «Ляо—Такасаки», заметно расширило сферу торгово-экономических взаимосвязей. В апреле 1964 г. в токийском портовом районе Харуми открылась большая торгово-экономическая выставка Китая, в связи с чем Токио посетила представительная китайская делегация. В то же время между Японией и Китаем начался обмен журналистами, и были открыты представительства группы связи по осуществлению соглашения «Ляо—Такасаки».

Позже японское правительство рассмотрело вопрос о предоставлении Китаю торговых займов японского «Эксимбанка», что по существу нарушало основы японской политики в отношении коммунистического Китая и Тайваня, определенные в японо-тайваньском мирном договоре и других соглашениях правительства Ёсиды с Чан Кайши.

Оживление экономических связей с Китаем уравнивалось усилиями по сохранению тесных связей с Тайбэем. После шока вызванного дипломатическим признанием Китая Францией, в Тайбэй отправился Ёсида Сигэру, главный «архитектор» после-

военных отношений с Тайванем. Здесь он трижды встречался с Чан Кайши и обсуждал сложившуюся ситуацию.

Правительство Сатō последовательно проводило в отношении Китая политику «отделения политики от экономики». Дело доходило до курьезов. В январе 1968 г. при подписании японо-китайского меморандума по торговле китайская сторона настаивала на внесении в него критических замечаний о политике японского правительства. Японская сторона согласилась удовлетворить это необычное требование.

Однако несмотря на все усилия Японии, политические неурядицы в Китае, связанные с «великой пролетарской культурной революцией», объективно препятствовали развитию экономических связей между двумя странами. Во второй половине 60-х годов товарооборот между ними топтался на месте: в стоимостном выражении он опустился с 558 млн. долл. в 1967 г. до 494 млн. в 1968 году и затем несколько поднялся до 625 млн. в 1969 г.

Неудача кампании «борьбы 70-го года»

Срок действия заключенного в 1960 г. японо-американского «договора безопасности» не был точно определен. Он должен был выполняться до тех пор, пока «не вступят в силу такие мероприятия Организации Объединенных Наций, которые будут удовлетворительным образом обеспечивать поддержание международного мира и безопасности в районе Японии». Вместе с тем, договор включал в себя положение, согласно которому по истечении 10 лет его действия «любая из сторон может уведомить другую сторону о своем намерении прекратить действие договора, и в этом случае действие договора прекращается через год после такого уведомления».

Истечение указанного 10-летнего срока стало поводом для подготовки т.н. «борьбы 1970 г.», т. е. нового этапа борьбы против японо-американского «договора безопасности». Предполагалось, что оппозиционные партии смогут использовать этот момент для того, чтобы развернуть широкую кампанию протеста против военно-политического союза с США, и для критики политики ЛДП в целом.

Левое крыло оппозиции, которое по-прежнему доминировало в лагере противников либерал-демократов, готовилось к «борьбе 1970 г.» на протяжении всей второй половины 60-х годов. Уточнялись позиции по этому вопросу, что выразилось в издании ряда политических документов, предпринимались попытки наладить сотрудничество в предстоящей борьбе.

Социалистическая партия в целом продолжала придерживаться взглядов, которые были сформулированы еще в период борьбы против пересмотра «договора безопасности» в конце 50-х годов. В мае 1966 г. СПЯ опубликовала проект плана «За безопасность и мир Японии, за мирное сосуществование на основе пяти принципов мира и позитивного нейтралитета», где предусматривалось расторжение «договора безопасности» в случае прихода социалистов к власти в период решения вопроса о продлении договора. К началу 1968 г. был создан специальный документ под названием «Путь Японии к социализму и борьба 1970 года» («Нихон-ни-окэру сякайсюги-э-но мити то 1970 нэн-но тōсō»).

Коммунистическая партия также продолжала выступать против «договора безопасности», за «мирную и нейтральную Японию». Ее позиция имела существенное значение, поскольку во второй половине 60-х годов происходил заметный рост ее популярности. От выборов к выборам увеличилось количество голосов (и в абсолютном значении, и в процентном отношении), подававшихся за кандидатов-коммунистов, что привело к усилению позиций КПЯ в парламенте.

В 60-х годах партии центра преимущественно вели поиски своего места в политической структуре. Не обладая еще возможностями самостоятельно влиять на формирование политического курса страны, они были поставлены перед необходимостью занять ту или иную сторону в продолжавшейся конфронтации левых и консерваторов. Именно стремлением завоевать политическое влияние и, одновременно, активно заявить о себе объяснялось то, что в 60-х годах партии центра в той или иной степени примыкали к левым силам.

Довольно далеко шагнула в этом направлении Кōмэйтō. Руководство партии конкретизировало идею об отмене японо-американского «договора безопасности». План Кōмэйтō предусматривал поэтапную ликвидацию американских военных баз на японской территории, введение обязательных предварительных консультаций по поводу любых изменений вооружения и оборудования американских баз и любых действий американских войск, немедленное аннулирование соглашения между Японией и США о взаимопомощи в вопросах обороны и ряд других пунктов.

Партия демократического социализма также постаралась использовать политическую ситуацию. По вопросу о продлении «договора безопасности» ПДС в феврале 1969 г. на своем XI съезде выдвинула тезис о необходимости «обеспечения безопасности Японии без размещения войск США на ее территории» как шага к

поэтапному отказу от «договора безопасности». Правда, эти идеи не получили отражения в практической политике партии.

Несмотря на все заявления, проблема достижения единства действий оппозиции осталась неразрешенной даже в рамках хотя бы ее левого крыла. В августе 1965 г. XXVI внеочередной съезд СПЯ принял решение о необходимости укрепления союза «всех демократических сил», включая КПЯ, что в перспективе должно было привести к созданию общенационального органа, подобного Национальному совету борьбы против пересмотра «договора безопасности» прошлых лет. Но это решение натолкнулось на сопротивление как в самой СПЯ, так и в Сбхё. Поэтому, как и прежде, сотрудничество обеих партий левого крыла оппозиции фактически ограничилось отдельными совместными акциями, лишенными руководства в национальном масштабе. Что же касается антикоммунистических установок партий центра, то они остались неизменными.

Однако главным было даже не отсутствие координации в руководстве движением протеста, а недостаток общественного энтузиазма. В итоге, хотя акции, приуроченные к дате автоматической пролонгации договора (23 июня), носили довольно широкий характер (по различным данным, в них приняло участие от 600 тыс. до 1,5 млн. чел.), они были несопоставимы по своим масштабам с выступлениями 1960 г. В парламенте страны три оппозиционные партии — КПЯ, СПЯ, Кёмэйтё — выступили с требованием прекратить действие «договора безопасности», что, учитывая реальное соотношение сил, носило демонстративный характер. В целом же «борьба 1970 года» не принесла ощутимых политических результатов.

* * *

В событиях на рубеже 60—70-х годов отразилось своеобразное переходное состояние, в котором находилась тогда японская политическая жизнь. ЛДП и СПЯ, доминировавшие в предшествующие годы, продолжали оставаться на авансцене, однако политическая структура уже начала меняться, росла политическая значимость центристских партий, другим становилось и соотношение сил. Последствия этого процесса более полно сказались в 70-е и 80-е годы, выразившись в становлении менее идеологизированной, более гибкой и прагматичной модели общественно-политической жизни, характерной для общества с устоявшимися демократическими институтами.

ЧАСТЬ 3

ЯПОНИЯ В ЧИСЛЕ ЛИДЕРОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Три неполных десятилетия (1971–1997 гг.) японской истории отмечены не столько яркими событиями, сколько глубинной динамикой. Это годы, когда Япония, вышедшая в результате быстрого экономического взлета на уровень передовых стран, должна была адаптироваться к положению одного из трех, наряду с США и Западной Европой, центров современного мира.

Глава 1

УТВЕРЖДЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РОЛИ ЯПОНИИ В МИРЕ (1971–1980)

Окончание периода высоких темпов экономического роста

Социально-экономические итоги периода высоких темпов роста

Бурное экономическое развитие позволило Японии решить задачи, стоявшие перед ней в первые послевоенные десятилетия — ликвидировать

отставание от ведущих капиталистических стран по уровню промышленного развития, изменить структуру производства и экспорта в пользу тяжелой промышленности, добиться положительного сальдо платежного баланса, обеспечить занятость рабочей силы.

В этот период Япония совершила огромный скачок в своем экономическом развитии. Из среднеразвитой страны с преобладанием легкой промышленности и сельского хозяйства она превратилась в одну из ведущих индустриальных держав мира. Доля сельского хозяйства в валовом внутреннем продукте за 1957–1973 гг. сократилась с 18,7% до 5,9%, а доля промышленности возросла с 32,3% до 44,7%. Из страны, имевшей постоянный дефицит торгового баланса, Япония превратилась в страну с его большим положительным сальдо, что позволило ей стать одним из крупных экспортеров капитала.

Вместе с тем, быстрый рост экономики породил ряд крупных проблем. Наиболее острой из них было загрязнение окружающей среды из-за чрезмерного развития материалоемких отраслей промышленности. Одновременно, все более сказывались нехватка

земли и воды для промышленного использования, крайне неравномерное размещение производства по территории страны, дефицит рабочей силы (особенно молодых возрастов), перенакопление основного капитала в ряде отраслей.

Кроме того, по уровню жизни населения Япония еще сильно отставала от ведущих капиталистических стран. Хотя реальная заработная плата в промышленности в тот период возросла почти в 2 раза, средняя почасовая оплата труда была все еще существенно ниже, чем в развитых странах (в 1969 г. лишь 25% от уровня США и 60% от уровня Англии и ФРГ).

Неважно обстояло в Японии дело и с обеспеченностью жильем. Из-за быстрой концентрации населения в крупных промышленных центрах условия жизни большинства городских семей не претерпели значительных изменений, несмотря на существенно возросшие масштабы жилищного строительства: в конце 60-х годов примерно пятая часть городских семей жила в квартирах, где на одного человека приходилось менее 4 кв. м площади.

Япония по-прежнему значительно уступала развитым странам и по калорийности рациона питания. Так, в 1969 г. в Японии на одного человека приходилось в среднем 2447 ккал в день, в то время как в США — 3420, в Великобритании — 3280, в ФРГ — 2960, во Франции — 3180.

Пожалуй, единственным показателем, по которому Япония прочно заняла место в одном ряду с развитыми капиталистическими странами, был уровень обеспеченности населения предметами длительного пользования: в начале 70-х годов холодильники имели 90,8% японских семей, стиральные машины — 91,6, пылесосы — 73,8, телевизоры — 89,8%.

Планы структурной перестройки япон- ской экономики

На рубеже 60–70-х годов становилось все более очевидным, что в развитие экономики Японии и, прежде всего, промышленности должны быть внесены существенные коррективы. Факторы, определявшие бурный подъем ее экономики как «догоняющей страны», стали исчерпываться, а темпы роста замедляться. Перед Японией встала перспектива конкуренции со странами Запада на примерно равных условиях.

В качестве новых стратегических, развитие которых было способно помочь Японии преодолеть возникшие проблемы и обеспечить ей успех в соперничестве на мировых рынках, были избраны интеллектуалоемкие отрасли, требующие применения передовой технологии, больших затрат квалифицированного труда и значи-

тельных расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР).

К этой категории были отнесены: наукоемкие отрасли (производство компьютеров, самолетов, промышленных роботов, интегральных схем, оборудования АЭС, тонкие химические технологии); отрасли сложной сборки (оборудование связи, станки с числовым программным управлением (ЧПУ), учебное оборудование, автоматизированные склады, комплектное заводское оборудование); отрасли модных товаров (высококачественная одежда, мебель, бытовая электроника, акустическая аппаратура); индустрия информации (услуги по сбору, обработке и предоставлению информации).

Японская экономика и мировой энергетический кризис

Разработанная правительственными экспертами программа предусматривала плавное и постепенное реформирование производственной структуры Японии, но разразившийся в 1973–1974 гг. энергетический кризис резко ускорил этот процесс. 4-кратное удорожание энергии внутри страны привело к тому, что многие компании, занятые в энерго- и материалоемких отраслях промышленности, энергетике и на транспорте, оказались на грани краха. В большинстве отраслей резко снизился уровень загрузки оборудования, упали прибыли, начались увольнения рабочих. Уровень промышленного производства в период наименьшей точки падения (январь–март 1975 г.) составил лишь 80,3% максимального предкризисного уровня.

Оживление началось лишь в 1976 г., однако оно затронуло далеко не все отрасли. В целом ряде отраслей, получивших название «структурно-больных», производство продолжало снижаться, загрузка оборудования не увеличивалась, продолжались увольнения рабочих и служащих. К этой группе относились, прежде всего, энерго- и материалоемкие производства (черная металлургия, нефтехимия, производство алюминия, химических удобрений), а также судостроение, пострадавшее из-за сокращения заказов на крупные танкеры вследствие спада в мировых перевозках нефти.

Тем не менее, можно сказать, что по сравнению с другими развитыми странами Япония относительно благополучно пережила кризисные явления в мировой экономике, осуществив переход к новой модели экономического роста и перестройку производственной структуры. Однако урок энергетического кризиса в сочетании с общим ухудшением конъюнктуры международного рынка ресурсов, необходимых для промышленного производства, поставил первоочередной целью японской политики обеспечение

национальной экономической безопасности. Одновременно Япония стремилась укрепить собственное политическое влияние на решение всех интересующих ее международных дел.

Активизация японской дипломатии

Вступив в 70-е годы, Япония продолжала приспосабливать свою внешнюю политику к глобальной конфронтационной стратегии США, концентрируя главные усилия на отстаивании национальных экономических интересов.

Тем не менее, в 70–80-е годы японская внешняя политика заметно видоизменилась. Япония стала ощущать неадекватность своей политической роли в международных делах достигнутому ей положению второй экономической державы капиталистического мира. Оставаясь на одной из сторон биполярной схемы мирового устройства, Япония провозгласила переход от преимущественно экономической дипломатии, которая давала повод зарубежным критикам пренебрежительно навешивать на Японию ярлыки «экономического животного» и «политического карлика с большим кошельком», к «многосторонней дипломатии». Начался процесс глобализации японской внешней политики.

Подвижкам во внешнеполитической деятельности Японии способствовали три главных фактора. Во-первых, укрепление экономических позиций Японии в мире и превращение ее в крупного экспортера капитала предполагало проведение самостоятельной и активной внешней политики в районах размещения японских инвестиций, прежде всего, в Азии. Во-вторых, из-за хронически нестабильной обстановки на Ближнем Востоке обеспечение экономической безопасности Японии требовало диверсификации источников сырья и энергоносителей. В-третьих, американская дипломатия, искавшая выход из ставшего очевидным тупика вьетнамской войны, предприняла неожиданные и односторонние действия в Азии без должного учета интересов Японии как своего военно-политического партнера. Последнее обстоятельство стало как бы сигналом для выхода Японии в самостоятельное внешнеполитическое плавание, к которому страна была уже готова в силу объективных причин.

«Шок Никсона» В июле 1971 г. президент США Р. Никсон, не поставив в известность Японию, заявил о своем намерении посетить Пекин. Поездка американского президента в Китай состоялась в феврале 1972 г. В результате США и КНР договорились установить дипломатические отношения.

Неожиданный визит американского президента в Пекин и нормализация двусторонних американо-китайских отношений стали для японского правительства настоящим потрясением. В Японии за этим политическим эпизодом прочно закрепилось название «шок Никсона». Во-первых, Токио был обескуражен тем, что США совершили столь крутой поворот в своей политике, не только не посоветовавшись со своим главным стратегическим партнером в регионе, но даже не поставив его об этом в известность. Во-вторых, шаг американцев застал японскую дипломатию врасплох, и она вынуждена была в спешке искать какие-то контрмеры, чтобы «сохранить лицо».

Ситуация усугублялась тем, что непосредственно перед сенсационным поворотом в американской азиатской политике Никсон объявил об отмене золотого паритета доллара и о введении 10%-го налога на импорт, что особенно больно ударило именно по Японии, имевшей огромные долларовые запасы и считавшей США приоритетным направлением для развития своего товарного экспорта.

Действия американцев вызвали определенный кризис в правящей Либерально-демократической партии. Вместо «законного» претендента на пост председателя партии и главы кабинета Фукуда Такэо пришел Танака Какуэй, что не только нарушило преемственность власти, но и внесло дестабилизирующие элементы в весь политический процесс. С этого момента вплоть до конца 80-х годов Танака и его последователи обладали в нижней палате парламента самой мощной фракцией, которая фактически определяла выбор последующих премьер-министров страны. Финансовые возможности фракций и их лидеров стали играть определяющую роль в их политической судьбе.

Концепция «много- сторонней дипломатии»

Начало «многосторонней дипломатии» было положено при кабинете Танака. Ее суть — расширение круга партнеров по международному, в первую очередь, экономическому, сотрудничеству при сохранении приоритета за японо-американскими отношениями.

Реализация концепции «многосторонней дипломатии» началась на весьма благоприятном фоне: 15 мая 1972 г. состоялась официальная церемония передачи под японский суверенитет Окинавы и других островов Рюкю, в течение всего послевоенного времени находившихся под оккупацией американских войск. Восстановление японского суверенитета над о-вами Рюкю было оче-

видным внешнеполитическим успехом и представляло собой политический актив Либерально-демократической партии.

Танака развил беспрецедентную активность на дипломатическом поприще. В 1972–1974 гг. он выезжал, помимо обычных визитов в Вашингтон, на трудные переговоры в Пекин и Москву, побывал в столицах стран Западной Европы, Юго-Восточной Азии, Северной и Южной Америки. По его поручению японские дипломаты развернули бурную деятельность в странах Ближнего и Среднего Востока, впервые обозначили японское присутствие в Африке. Япония установила дипломатические отношения с Монголией (1972 г.), Германской Демократической Республикой и Демократической Республикой Вьетнам (1973 г.). В 1975 г. делегация депутатов парламента от правящей партии впервые выехала в КНР.

Установление отношений с КНР

Предыдущие японские правительства, несмотря на настойчивые требования нормализации отношений с КНР, исходившие от деловых кругов, оппозиционных партий и общественных движений, даже немалого числа политиков из ЛДП, фактически демонстрировали пренебрежение к Пекину, солидаризируясь в этом с США.

Танака Какуэй и Чжоу Эньлай (Пекин, 25 сентября 1972 г.)

После «шока Никсона» Танака предпринял энергичные усилия, чтобы не отстать от США. Получив приглашение из Пекина, он принял его и в сентябре 1972 г. выехал в Китай, предварительно проконсультировавшись с американской стороной на переговорах с Никсоном, состоявшихся на Гавайях в августе.

На переговорах в Пекине наибольшую сложность для Японии представляла проблема ее отношений с Тайванем, закрепленных договором и получивших большое развитие и в экономической, и в политической сферах. Китайская делегация во главе с премьером Государственного совета Чжоу Эньлаем требовала официального признания «трех принципов»: КНР — единственное законное правительство, представляющее Китай; Тайвань — неотъемлемая часть территории КНР; японо-тайваньский договор 1952 г. не имеет силы.

Японская сторона приняла непростое решение и согласилась с китайскими требованиями. 29 сентября 1972 г. в Пекине было подписано совместное заявление Японии и КНР, провозгласившее установление дипломатических отношений. Япония признала правительство КНР единственным законным правительством Китая, заявила о «полном понимании и уважении» позиции правительства КНР, считающего Тайвань неотъемлемой частью территории КНР. Третий китайский «принцип» был удовлетворен сделанным при подписании публичным высказыванием японского министра иностранных дел Охира Масаёси, что японо-тайваньский договор «утратил смысл своего существования и поэтому прекратил действие».

Следствием установления отношений с КНР стал разрыв японо-тайваньских дипломатических отношений. В то же время Японией было сделано все возможное, чтобы, переведя обширные связи с Тайванем на неправительственный уровень, сохранить с ним экономическое сотрудничество. Это удалось сделать: КНР смогла достичь с Японией уровня японо-тайваньского товарооборота лишь через 20 лет после подписания в 1972 г. пекинского совместного заявления.

Японская сторона признала «ответственность за тот серьезный ущерб, который Япония нанесла в прошлом во время войны китайскому народу», и принесла извинения. В свою очередь, КНР «в интересах дружбы между китайским и японским народами» отказалась от требований к Японии о выплате репараций.

В 1974–1975 гг. после сложных переговоров между Японией и КНР были заключены соглашения о торговле, воздушном сообщении, судоходстве и рыболовстве. Экономические связи стали развиваться быстрыми темпами.

Более трудным оказалось заключение Договора о мире и дружбе. В обстановке конфронтации с Советским Союзом руководство КНР настаивало на включение в этот договор положения о совместном «противодействии гегемонии третьих стран в Азии».

Но японская сторона не желала втягиваться в советско-китайские раздоры. В конечном счете, была достигнута компромиссная формула:

«Ни одна из сторон не должна добиваться гегемонии в районе Азии и Тихого океана или в любом другом районе, и каждая сторона выступает против усилий любой страны или группы стран, направленных на установление такой гегемонии».

Кроме того, Китай и Япония отложили на неопределенное время рассмотрение спорного вопроса о принадлежности островов Сэнкаку (Дяоюдай) в Восточно-Китайском море.

Подписанный 12 августа 1978 г. японо-китайский Договор о мире и дружбе закрепил обязательство сторон решать все спорные вопросы мирными средствами, строить отношения на основе принципов взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета, взаимном ненападении, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Объявленный в том же году Пекином курс на «реформы и политику внешней открытости» создал предпосылки для дальнейшего расширения японо-китайских экономических отношений. Правительство Японии начало предоставлять на льготных условиях иенные займы для модернизации китайской экономики.

Советско-японские отношения

Отвечая на повышение интереса советского руководства к развитию связей с Японией, премьер-министр Танака в октябре 1973 г. выехал в Москву, где впервые после восстановления государственных отношений были проведены переговоры на высшем уровне.

Центральным моментом переговоров стала проблема заключения мирного договора. Она не была разрешена ввиду несогласия японской стороны ограничиться в территориальном споре частичными уступками Советского Союза (с советской стороны выражалась готовность передать Японии острова Хабомаи и Шикотан, как это было записано в Совместной Декларации 1956 г.). Танака не мог решиться на такой шаг. Его визиту в Москву предшествовало единогласное принятие парламентской резолюции с требованием возвращения «северных территорий», включая всю южную часть Курильских о-вов. В Японии уже сформировалось единое мнение правящей и оппозиционных партий по этому вопросу. В Москве была достигнута лишь договоренность продолжить переговоры о мирном договоре.

Японскую сторону удовлетворило включение в совместное заявление фразы об «урегулировании нерешенных вопросов, оставшихся со времен второй мировой войны». Она была воспринята как изменение советской позиции в сторону признания наличия между двумя странами территориальной проблемы, что ранее отрицалось советской стороной.

Более результативным стало обсуждение путей расширения советско-японских экономических связей. В совместном заявлении была отмечена необходимость «форсировать экономическое сотрудничество, в том числе в связи с разработкой природных ресурсов Сибири, а также развитие торговли и сотрудничества в сельском хозяйстве, транспортных перевозках и других областях». Правительства Японии и СССР взяли на себя обязательство содействовать экономическим связям и поощрять их.

Политика Японии на Ближнем Востоке

Очень заметно переход к «многосторонней дипломатии» отразился на ближневосточной политике Японии.

В ходе очередного арабо-израильского противостояния осенью 1973 г. арабские страны объявили о резком повышении цен на нефть и взяли курс на сокращение ее поставок «недружественным государствам», к которым причислили и Японию.

Для японцев «нефтяной шок» был особо чувствительным, поскольку из этих стран импортировалось свыше 80% потребляемой в Японии нефти. В национальных интересах Япония отказалась от следования американской политике односторонней поддержки Израиля в его конфликте с арабскими странами. Правительство Японии призвало Израиль к полному и незамедлительному выполнению резолюции ООН, касающейся урегулирования конфликта, и одновременно заверило арабские страны в дружественном отношении, подкрепив это предоставлением им значительной экономической помощи.

* * *

Начиная с 1975 г. Япония стала участником ежегодных совещаний глав государств и правительств ведущих капиталистических стран (США, Великобритания, Франция, ФРГ, Италия, Япония, а с 1976 г. и Канада), на которых согласовываются позиции по широкому кругу международных проблем. Поддерживая, как правило, американские предложения, в частности, о мерах по преодолению тяжелых последствий мирового валютно-финансового и энергетического кризисов, Япония, тем не менее, расширила возможность отстаивания собственных позиций.

Новые тенденции во внутриполитической жизни

Главным, что определяло развитие внутриполитической обстановки в Японии в 70-е годы, было продолжавшееся падение политического влияния Либерально-демократической партии. Эта тенденция проявилась еще в 60-е годы, однако в то время сокращение поддержки либерал-демократов избирателями из-за особенностей японской избирательной системы реально не отразилось на соотношении политических сил в парламенте. Либерально-демократическая партия продолжала сохранять там устойчивое большинство. Однако в 70-е годы ситуация изменилась: после ряда относительных неудач на выборах положение ЛДП в парламенте стало нестабильным, а партии оппозиции получили возможность более эффективно влиять на политику страны.

Первые признаки кризиса монопольного правления ЛДП

Изменение в соотношении политических сил отчетливо показали результаты выборов в палату представителей японского парламента, состоявшихся в декабре 1972 г. После них места в этой палате распределились между основными политическими партиями следующим образом: Либерально-демократическая партия получила 271 место (в 1969 году — 288 мест), Социалистическая партия — 118 (90), Коммунистическая партия, ставшая второй партией оппозиции по степени влияния в парламенте, — 38 (14), Кэмпейтё — 29 (47), Партия демократического социализма — 19 (29).

Серьезные потери, которые понесла Либерально-демократическая партия, были тем более болезненными, что перед выборами создались условия, которые объективно благоприятствовали успеху ЛДП.

Незадолго до выборов пост председателя партии и соответственно премьер-министра занял Танака Какуэй, которому удалось обеспечить себе солидную поддержку внутри партии и, сформировав состав нового кабинета министров с учетом интересов различных фракций, временно притушили соперничество между ними. В области внутренней политики Танака объявил программой деятельности своего правительства амбициозный план «реконструкции Японских островов». Благодаря широкой рекламе своего плана в средствах массовой информации Танака сумел на первых порах создать себе репутацию энергичного руководителя, способного преодолеть отрицательные социальные и экологические последствия периода высоких темпов экономического роста и улучшить условия жизни японского народа.

Росту популярности кабинета Танака и повышению шансов Либерально-демократической партии на предстоявших выборах способствовала и состоявшаяся в сентябре 1972 г. нормализация отношений с Китайской Народной Республикой, чего добивались как оппозиционные партии, так и широкие слои японской общественности. Этот шаг правительства Танака выбил из рук оппозиции незадолго до выборов один из наиболее актуальных политических лозунгов. Другими словами, японским консерваторам удалось добиться как бы «всенародного консенсуса», всеобщего одобрения своих политических мероприятий, что, несомненно, явилось их важной тактической победой.

И все же, несмотря на перечисленные благоприятные для японских консерваторов обстоятельства, ЛДП в декабре 1972 г. потерпела относительную неудачу на выборах. В основе этой неудачи лежали такие тенденции в японской внутриполитической жизни как постепенное размывание избирательной базы ЛДП, изменения в социальной структуре японского общества, которые предоставили более широкие возможности для деятельности оппозиционных партий, привели к расширению политического спектра. В этом смысле можно сказать, что в 1972 г. общие тенденции внутриполитического развития оказались в Японии сильнее, чем частные, тактические успехи либерал-демократов.

Вместе с тем, результаты выборов 1972 г. временно нарушили тенденцию, наметившуюся в 60-х годах, когда от выборов к выборам происходило уменьшение поляризации на японской политической арене за счет потери голосов избирателей главными противоборствующими силами — ЛДП и СПЯ — в пользу партий центра. Причина этого, по-видимому, заключалась в том, что в течение 1972 г. внимание японского общественного мнения было приковано к вопросам внешней политики, а именно в этой сфере левые силы предлагали тогда наиболее разработанную альтернативу. Сыграло свою роль и чувство беспокойства, связанного с определенными осложнениями в японо-американских отношениях («шок Никсона» и т.п.).

Правящее положение ЛДП оставалось неизменным. Однако политическая стабильность заметно пошатнулась. В предыдущий период Икэда возглавлял правительство более 4 лет, а Сатō — в течение почти 8 лет. А за последующие 17 лет, начиная с 1972 г., коренная смена состава кабинета министров, не считая их частичных реорганизаций, происходила в среднем чаще, чем раз в 2 года. Исключением было лишь правительство Накасонэ, продержавшееся 5 лет. К руководству страной за это время последова-

тельно приходили Танака, Мики, Фукуда, Ёхира, Судзуки, Накасонэ, Такэсита и, наконец, Уно (последний всего на 69 дней).

Быстрое чередование кабинетов создавало видимость сменяемости власти, которая присуща демократическим государствам. Принятие тем или иным правительством непопулярных среди населения решений, таким образом, всегда можно было списать на счет его главы и министров, ушедших в отставку, тогда как сама правящая партия сохраняла возможность проводить свой принципиальный политический курс, не внося в него существенных изменений.

Коррупция в правящей партии

Неизменность власти ЛДП на протяжении долгого времени породила сращивание либерал-демократов с бюрократией и финансово-промышленным капиталом. Тесные связи в этом «железном треугольнике», как его именуют в Японии, с одной стороны, давали правящей партии важное преимущество перед парламентской оппозицией. ЛДП имела на парламентских выборах мощную поддержку государственного аппарата и предпринимателей с их большими, особенно с точки зрения финансирования политической деятельности, возможностями. С другой стороны, связка «политики—бюрократия—предприниматели» ограничивала свободу правительства в принятии решений, которые в принципе должны были исходить из общенациональных, а не корпоративных интересов. Наконец, она привела к беспрецедентной коррупции среди деятелей ЛДП.

Распространению коррупции способствовала фракционность в правящей партии. По существу, главная функция фракций (*хабацу*), т.е. внутрипартийных группировок депутатов парламента, состояла в том, чтобы совместными усилиями их членов обеспечивать себе избрание на чрезвычайно дорогостоящих парламентских выборах и помогать друг другу в продвижении по лестнице партийной и правительственной карьеры. Лидер фракции считался потенциальным премьер-министром; продвигаясь к этому заветному посту при поддержке членов своей фракции, он добивался расширения ее численности. Успех в этом деле зависел не только от его способностей как политика, но и его возможностей найти достаточные денежные средства на частые выборные кампании. Финансовую поддержку фракции находили у банков, промышленных и прочих компаний, балансируя при этом на грани закона, а иногда и переходя эту грань.

Следствием долгого сохранения либерал-демократами правящего положения стал рост в их среде самонадеянности, вседозво-

ленности, пренебрежения морально-этическими нормами. Эти пороки электорат был склонен игнорировать и прощать правящей партии, долгое время считая их неизбежными и отдавая предпочтение реальным достижениям ее экономической политики.

В октябре 1974 г. журнал «Бунгэй сюдзё» опубликовал материал об «источниках существования и связях» Танака Какуэй, в котором утверждалось, что премьер нажил большое состояние путем земельных спекуляций, создания фиктивных компаний, уклонения от уплаты налогов и т.п. Эти сведения немедленно изложили все японские газеты. Это послужило одной из причин вынужденной отставки главы правительства. В феврале 1976 года в японской прессе появились более сенсационные сообщения — о получении Танака в бытность его премьером крупной взятки от американской авиастроительной компании «Локхид» в обмен на содействие в размещении в Японии заказов на ее самолеты (скандальное разоблачение началось в стенах американского конгресса). Оппозиционные партии на 3 с лишним месяца блокировали работу парламента, добиваясь расследования «дела Локхид». С требованием сурового наказания взяточников выступили профсоюзы и другие общественные организации.

Встреча Танака и Мики
(декабрь 1974 г.)

Неудачная попытка реформ в ЛДП

После отставки Танака Либерально-демократическую партию возглавил лидер небольшой фракции Мики Такэо. На волне общественного возмущения коррупцией его избранию премьером способствовала приобретенная им репутация незапятнанного политика.

Время краткого пребывания Мики во главе кабинета было совсем обычным для правления ЛДП. Правительство провело через парламент поправки к закону о контроле над политическими фондами, согласно которым под контроль ставились денежные пожертвования отдельным публичным политикам (депутатам и кандидатам на выборах), а сами политики были обязаны отчитываться в получении и расходовании денежных средств. Кроме того, Мики поощрял расследование «дела Локхид».

В ноябре 1976 г. кабинет министров под его руководством принял важное решение о том, что ежегодные оборонные расходы Японии не должны превышать одного процента валового национального продукта (ВНП). При Мики правительством была предпринята, хотя и безуспешная, попытка вернуться к нормам «анти-монопольного законодательства» 1947 года, даже с усилением некоторых его положений. Добиваясь «модернизации» ЛДП, Мики планировал введение выборов ее председателя всеми членами партии и «друзьями партии» (такой порядок был принят в ЛДП в 1977 г., уже после отставки Мики). Наконец, Мики стремился перевести отношения правящей партии с оппозицией в русло конструктивного диалога.

Деятельность Мики вызвала недовольство внутри ЛДП, лидеры фракций требовали его смещения. Неудачный для ЛДП исход парламентских выборов в 1976 г. стал удобным поводом для его отставки.

Первый раскол ЛДП

В июне 1976 г. шесть депутатов парламента от ЛДП во главе с Кондō Ёхэй решили отмежеваться от своей партии. По их инициативе был создан Новый либеральный клуб (НЛК), начавший деятельность в качестве самостоятельной партии и объявивший о намерении разработать «новую консервативную политику», которая должна привести к искоренению коррупции и «утверждению нового либерализма». Однако ориентация НЛК на ту же социальную базу, что и у ЛДП, мешала ему принять существенно отличный политический курс.

За свое десятилетнее существование НЛК то склонялся к сотрудничеству с центристской оппозицией, то вновь блокировался с либерал-демократами. Его первоначальные успехи на парламентских выборах продолжались недолго, а по мере неудач утрачивалась и его оппозиционность. В 1983 г. ЛДП предоставило одно место для НЛК в своем правительстве, а в 1986 г. НЛК был распущен, большинство его членов вернулось в ЛДП.

«Дело Локхид» и первый организационный раскол в рядах либерал-демократов сигнализировали о начале кризиса правящей партии. Об этом же свидетельствовали и парламентские выборы.

27 января 1977 г. в Токио начались судебные слушания по «делу Локхид». Бывший премьер-министр Танака (второй слева) следует в зал суда

Начиная с 1967 г. ЛДП уже не удавалось собирать на выборах палаты представителей более половины голосов избирателей. Выборы этой палаты в 1976 г., проходившие на фоне разоблачения коррупции («дело Локхид»), еще более ослабили парламентские позиции правящей партии. За кандидатов ЛДП отдали голоса 41,8% избирателей (на выборах 1972 г. — 46,8%), ее представительство сократилось с 271 до 249 мест. Либерал-демократы сохранили большинство лишь благодаря присоединению к ним восьми независимых депутатов.

Тенденция к снижению популярности ЛДП, состояние «консервативно-реформистского равновесия» (так характеризовали в Японии сложившееся соотношение сил в парламенте между правящей партией и оппозицией) послужили почвой для возникновения идеи формирования «второй консервативной партии». О такой возможности говорили тогда даже в финансово-промышленных кругах. «Мы поддерживаем Либерально-демократическую партию, — заявлял президент Федерации экономических организаций (Кэйданрэн) Докё Тосио, — поскольку нет никакой другой партии, которую мы могли бы поддерживать». Вместе с тем, Докё одобительно высказался о «двухпартийной системе» по американскому образцу и указал, что деловые круги могут поддержать и другую партию, если она не будет слишком отличаться от ЛДП и станет отстаивать «систему свободного предпринимательства».

Однако в то время идея формирования «двухпартийной системы» не вышла за пределы общих разговоров. Среди либерал-демократов развернулась дискуссия о модернизации партии, причем острой критике подверглась, уже не первый раз, внутривнутрипартийная фракционность. В 1977 г. ЛДП утвердила план реформы партийной структуры, который должен был продемонстрировать стремление ослабить ее зависимость от денежной поддержки финансово-промышленных кругов и положить конец коррупции в среде политиков. Одним из звеньев реформы своей партии либерал-демократы назвали роспуск фракций, но это решение вскоре было забыто.

Планы «коалиционного управления»

Хотя в 70-х годах, в целом, сохранилась возникшая в предыдущем десятилетии тенденция снижения электоральной поддержки либерал-демократов, значительная масса населения продолжала связывать экономические успехи страны и рост собственного материального достатка именно с правлением ЛДП.

Для завоевания голосов избирателей даже самая острая критика политики ЛДП была уже недостаточна. Оппозиция остро нуждалась в привлекательных для разных слоев населения альтернативных программах, прежде всего, экономических.

Исходя из реального соотношения политических сил, среди партий оппозиции укреплялось понимание того, что ни одна из них в отдельности, включая крупнейшую, Социалистическую, не способна заменить у власти либерал-демократов. Этого можно было попытаться достичь лишь путем формирования коалиций.

Поскольку в 70-е годы начала вырисовываться определенная перспектива ликвидации монополии ЛДП на власть, в 1973–1974 годах оппозиционные партии разработали и начали активную пропаганду собственных концепций «коалиционного правления», дополненных позже развернутыми экономическими программами.

Кōмэйтō призвала к созданию «коалиционного правительства среднего пути», а Партия демократического социализма (ПДС) — «национального правительства реформистской коалиции». Делая акцент на руководящей роли «центристских партий» в предлагаемых коалициях, обе партии были заинтересованы в привлечении социалистов к участию в них. Они высказывались и за привлечение в коалицию «части либерал-демократов», допуская даже возможность «консервативно-реформистской коалиции». При этом Кōмэйтō и ПДС решительно отвергали какое-либо сотрудничество с коммунистами и требовали от социалистов полного разрыва с ними.

Экономические взгляды Кбмэйтō и ПДС нашли отражение в «среднесрочных планах экономического развития», опубликованных в 1978 г. ПДС отправной точкой делала построение «общества благосостояния», настаивала на рыночном хозяйстве с внесением в управление экономикой элементов планирования и государственного регулирования. Она выступала за расширение производственной демократии — «публичности, участия и ответственности», за налаживание сотрудничества труда и капитала. Близкие к ПДС взгляды высказывала и Кбмэйтō, считавшая, что повышение народного благосостояния требует предоставления каждому человеку гарантий права на частную собственность, свободу частной инициативы, но при обязательном сочетании рыночной структуры с демократией, «народным участием в принятии решений».

Компартия Японии предложила программу «демократического коалиционного правительства», призванную изменить господствовавшее в Японии представление о коммунистах как о людях, не способных к конструктивному сотрудничеству. КПЯ объявила себя сторонницей демократических преобразований в экономике Японии, проявив более осторожный, чем прежде, подход к проблеме национализации. В 1977 г., конкретизируя свою экономическую программу, КПЯ разъясняла, что предлагаемые ею «реформы в сторону экономической демократии» имеются в виду осуществлять «в рамках капитализма».

Социалисты предложили концепцию «народного коалиционного правительства» с участием в нем всех оппозиционных партий. В то время они надеялись исполнить роль связующего элемента коалиции, «моста» между ее левым крылом в лице КПЯ и правым, представленным партиями «среднего пути». Согласно концепции СПЯ, народное коалиционное правительство, опираясь на «народный антимонополистический фронт», выступающий против власти либерал-демократов, должно добиваться полного осуществления конституции, готовя тем самым условия для «мирного перехода к социализму».

К конкретизации экономической программы СПЯ приступила позже других оппозиционных партий. В ее «среднесрочном плане экономического развития», появившемся в 1979 г., подчеркивалась необходимость избавления японской экономики от перекосов, порожденных политикой, ориентированной на нужды крупного капитала. Сбалансированное развитие экономики мыслилось через сочетание традиционных для Японии методов регулирова-

ния рыночных отношений с общественным контролем, в том числе над частными капиталовложениями.

Публикуя свои взгляды на коалиционное правление, партии оппозиции использовали их, в первую очередь, как выборные пропагандистские лозунги. Переговорам о практическом осуществлении их собственных предложений препятствовали как партийные амбиции (претензии на руководящую роль в коалиции), так и существенные расхождения в политических взглядах.

В 1976 г., когда в правящей партии произошел раскол, возникло надпартийное «Общество размышляющих о Японии», члены которого занялись изучением перспектив практического взаимодействия в рамках СПЯ-Кōмэйтō-ПДС. Кроме того, Кōмэйтō и ПДС в 1977 г. совместно разработали политическую платформу «коалиции партий среднего пути». В начале 1980 г. Кōмэйтō достигла договоренности с СПЯ вступить в консультации о совместных усилиях по формированию коалиционного правительства. Эта договоренность сопровождалась условием исключить всякую возможность участия коммунистов в коалиции.

Пока лидеры оппозиционных партий вели дискуссии вокруг разных вариантов формирования коалиционного правительства, потенциальная сменяемость власти по воле избирателей стала приобретать реальные черты на местах. Совместные действия оппозиции, главным образом, социалистов и коммунистов, при сотрудничестве с профсоюзами и другими общественными организациями во многих случаях помогали провести их общих кандидатов на посты губернаторов префектур, мэров городов, старост поселков и деревень. Пик «прогрессивных администраций» относится к 1975 г., когда они функционировали в пяти префектурах, включая столичную, четырех городах с населением свыше миллиона каждый, ста прочих городах, множестве поселков и деревень.

Оппоненты либерал-демократов на практике демонстрировали способность компетентно решать сложные административные и хозяйственные задачи. Однако поиски союзников в правящей партии вскоре нашли выражение в блокировании Кōмэйтō и ПДС с ЛДП на выборах в органы местного самоуправления. Число «прогрессивных администраций» стало сокращаться. Этот процесс ускорился в 80-е годы, когда руководство СПЯ аннулировало курс на «сотрудничество всех партий оппозиции», иначе говоря, исключило совместные действия с коммунистами. К 1990 г. «прогрессивные администрации» сохранились только в двух префектурах, двух важнейших и 39 прочих городах.

Политические дискуссии второй половины 70-х годов

В 70-е годы совместные действия партий оппозиции проводились лишь при совпадении их взглядов по отдельным актуальным проблемам, главным образом в парламенте. Разобщенность оппозиции благоприятствовала либерал-демократам. Однако связь оппозиционных партий с различными массовыми организациями, их способность мобилизовать общественное мнение побуждали ЛДП прислушиваться к мнению парламентской оппозиции.

Японский парламент многократно становился ареной острых столкновений между ЛДП и оппозицией по вопросам законодательства, затрагивающего политические и гражданские права и свободы.

В 1978 г. кабинет Фукуда внес в парламент два законопроекта, касавшихся судопроизводства. Под предлогом усиления борьбы против ультралевых группировок, совершавших, в частности, угоны самолетов, правительство собиралось ввести упрощенное судопроизводство без участия защиты. Этому решительно воспротивились СПЯ и КПЯ, получившие поддержку профсоюзов и различных общественных групп. За короткий срок в парламент были переданы протесты от более чем 6 тыс. организаций. Правительство воздержалось от постановки законопроектов на голосование.

В том же году Фукуда дал указание разработать проекты законов о действиях в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств. Предложения Управления национальной обороны (УНО) по этому вопросу были одобрены кабинетом министров и поддержаны руководством ПДС. Однако, СПЯ и КПЯ усмотрели в этих планах стремление ущемить демократию, наделить правительство правом принимать решения, выходящие за его прерогативы. Обе партии договорились о совместных действиях в парламенте и получили поддержку от Генерального совета профсоюзов (Сōхэ). Кōмэйтō, первоначально позитивно отнесшаяся к планам правительства, после внутрипартийной дискуссии осудила их. Выяснив общий настрой японской общественности, правительство отказалось от своего намерения.

За 1969–1974 гг. правительство 5 раз вносило в парламент законопроект о передаче в ведение государства синтоистского храма Ясукуни, где почитается память японцев, погибших в войнах. Оппозиции апеллировала к положениям конституции, определяющим отделение религии от государства, и законопроект так и не был принят.

Продолжалось противостояние между правящей партией и оппозицией по вопросу о принятии «самостоятельной конституции» (в отличие от конституции 1947 г., созданной под контролем оккупационных властей). Однако, поскольку партии оппозиции, в целом, сохраняли настороженное отношение к этой идее, ЛДП в своей политической программе 1985 г., хоть и подтвердила, что «самостоятельный пересмотр конституции» является одной из целей партии, конкретную задачу ограничила продолжением «изучения вопроса».

Ежегодно при определении государственного бюджета в парламенте разгорались споры вокруг ассигнований на оборону. Кабинет Мики в 1976 г. одобрил «Общую программу национальной обороны», предусматривавшую качественное совершенствование «сил самообороны». Перед японскими вооруженными силами была поставлена задача поддерживать высокую боевую готовность в мирное время и обеспечить эффективное отражение «ограниченной по масштабам агрессии».

В целом, во второй половине 70-х годов оппозиционные силы занимали резко критическую позицию по отношению к военной политике правящей партии. Это в немалой степени было связано с перспективами создания коалиционного правительства. Поскольку наиболее мощная партия оппозиции — СПЯ — строила свою внешнеполитическую программу на лозунгах «невооруженного нейтралитета» и роспуска «сил самообороны», ее потенциальные партнеры по коалиции также активно использовали антимилитаристскую фразеологию, стремясь облегчить достижение политического соглашения с социалистами. В дальнейшем, когда наметился упадок СПЯ, и партии «среднего пути» стали искать сближения с ЛДП, они быстро достигли консенсуса с консерваторами по вопросу об отношении к «силам самообороны» и «договору безопасности».

На рубеже 80-х годов в Японии, как и во многих других странах мира, широкое распространение получило антиядерное движение. Это была реакция на угрозу ядерной войны в условиях международной конфронтации и беспримерного накопления запасов ядерного оружия, прежде всего в США и Советском Союзе.

Органы местного самоуправления стали объявлять свои территории безъядерными зонами и требовали строгого соблюдения Японией «трех неядерных принципов». На конец 1986 г. такие декларации провозгласили 7 префектур, 6 крупнейших и 382 других городов (всего 1105 органов местного самоуправления), на территории которых проживало более половины населения страны.

В отличие от предыдущих лет, когда большая часть массовых антивоенных выступлений, проводилась по инициативе организаций, связанных либо с КПЯ (Японский совет борьбы за запрещение атомного и водородного оружия — Гэнсуйкё и др.), либо с СПЯ (Японский национальный конгресс борьбы за запрещение ядерного оружия — Гэнсуйкин), антиядерное движение приобрело более выраженный надпартийный характер. При этом выступления потеряли преимущественно антиамериканский характер и были направлены теперь против ядерного оружия независимо от его принадлежности.

* * *

В 70-х годах во внутриполитической жизни Японии стали замечаться изменения, отразившиеся на функционировании парламентской демократии в стране. Хотя политическая борьба по-прежнему носила конфронтационный характер, партии левого крыла и профсоюзы постепенно освобождались от радикализма. Усиливался надпартийный характер массовых гражданских движений. В соответствии с внутренними и международными переменами в спорах политических сил происходил поворот от идеологических вопросов в сторону практических нужд человека, повышения качества его жизни, расширения народного участия в решении актуальных проблем.

Вместе с тем длительная несменяемость власти одной — Либерально-демократической — партии порождала коррозию всей политической системы, что, в свою очередь, тормозило перестройку страны для ее успешного развития в усложняющихся условиях.

Глава 2

ЯПОНИЯ НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ БЛОКОВОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ (1980–1989)

Японская экономика после структурной перестройки

За годы, прошедшие после энергетического кризиса 1973–1974 гг., Япония совершила огромный скачок в своем экономическом развитии и по многим экономическим показателям не только догнала, но и опередила ведущие капиталистические страны. Опираясь на использование достижений научно-технического прогресса (НТП), она фактически совершила переход от индустриальной к постиндустриальной системе производительных сил.

Именно на основе интенсивного внедрения достижений НТП были достигнуты поразительные успехи в области экономии сырья и энергии, обеспечено значительное повышение технического уровня производства во многих отраслях, освоено производство огромного числа качественно новых продуктов и услуг. НТП стимулировал также крупные сдвиги в отраслевой структуре производства и занятости, результатом которых стало превращение японской экономики в «экономику услуг»: за 1970–1994 гг. доля сферы услуг в структуре производства возросла с 49,4 до 62,2%, а по числу занятых — соответственно с 46,5 до 61%.

Продоление последствий энергетического кризиса

После энергетического кризиса 1973–1974 гг. началась коренная перестройка энергетики Японии. Ее приоритетным направлением стало максимальное ослабление зависимости энергобаланса страны от импортируемой нефти за счет развития атомной энергетики и освоения альтернативных нефти источников энергии (в том числе и таких экзотических, как геотермальная энергия, энергия солнца, ветра, приливов и отливов). Работы по этим направлениям, объединенные в программу «Солнечный свет», были объектом приоритетного государственного финансирования.

Одновременно была принята программа «Лунный свет», предусматривавшая разработку энергосберегающих технологий для различных отраслей. В 1979 г. был принят «Закон о рациональном использовании энергии», который предусматривал разработку норм расхода тепла и энергии на производстве для всех отраслей народного хозяйства и установление строгого государственного контроля над их соблюдением. Для этого министерством внешней

торговли и промышленности был создан отряд специальных контролеров, инспектировавших частные предприятия и обладавших правом применять к нарушителям штрафные санкции.

Результаты этих усилий говорят сами за себя: по сравнению с предкризисным временем к концу 80-х годов удельная энергоемкость промышленного производства была снижена на 31%, и сейчас по удельному потреблению энергии на единицу валового национального продукта Япония занимает место в ряду самых передовых стран.

Кроме того, резко изменилась структура энергетического баланса Японии. Доля нефти сократилась с 67,5% в начале 70-х до 57% в начале 90-х годов. Резко выросли значения атомной энергии (соответственно, с 0,1% до почти 13%), а также природного газа (с 2,2% до 10,6%). Теперь по объему мощностей атомных электростанций Япония занимает третье место в мире после США и Франции.

Политика в отношении «структурно-больных» отраслей

С целью оздоровления экономики начиная с 1977 г. японское правительство предприняло ряд важных мер. Прежде всего, в указанном году было решено создание или возобновление деятельности антидепрессивных картелей. Это должно было предотвратить крах предприятий в ряде важных производств и предоставить правительству и бизнесу время для разработки программы выхода из кризиса. В течение 1977 г. картели были созданы в десяти «структурно-больных» отраслях и производствах. А в 1978 г. был принят «Базисный план стабилизации экономики», основу которого составляла программа структурной перестройки промышленности.

Основными ее направлениями стали: свертывание производства в энерго- и материалоемких отраслях; ускоренное развитие отраслей и производств с высокой степенью наукоемкости; обновление производственного аппарата во всех отраслях на основе последних достижений НТП.

На основании двух специальных законов — «О временных мерах по стабилизации отраслей, охваченных структурным кризисом» (1978 г.) и «О чрезвычайных мерах по структурной перестройке некоторых отраслей» (1983 г.) — в Японии началось широкомасштабное скрапирование (т.е. демонтаж оборудования с последующей переплавкой) мощностей в ряде отраслей, еще в начале 70-х годов составлявших основу и гордость японской промышленности. К середине 80-х годов мощности судостроительной промышленности были сокращены на треть, алюминиевой про-

мышленности — почти на 60%, нефтехимии — более, чем на треть, промышленности химических удобрений — более, чем на 50%, производства синтетических волокон — на 20%. В черной металлургии было ликвидировано мартеновское производство, демонтирована треть мощностей по выпуску электростали, а из 65 домен в эксплуатации были оставлены лишь 39.

Наряду с мерами по оздоровлению «структурно-больных» отраслей и производств правительство предпринимало шаги по стимулированию развития новой промышленной структуры Японии. Приоритет был отдан, прежде всего, различным видам машиностроения: самолетостроению, производству тяжелого электрооборудования, промышленного электронного оборудования, интегральных схем, компьютеров. Предприятиям этих отраслей предоставлялись субсидии на проведение НИОКР и другие цели. Банк Японии осуществлял их льготное кредитование, на них была распространена система льготной амортизации, введено льготное налогообложение и т.д. В результате, во второй половине 70-х — 80-х годов их развитие шло ускоренными темпами, и объем производства увеличился в десятки раз.

Что касается «структурно-больных» отраслей, то в некоторых из них во второй половине 80-х годов были осуществлены дополнительные программы скрапирования. На этот раз прибегнуть к этому болезненному шагу вынудило стремительное повышение с конца 1985 г. курса иены, нанесшее серьезный удар по конкурентоспособности японского экспорта. Так, в 1986–1988 гг. на 20% были сокращены мощности в судостроении и в нефтеперерабатывающей промышленности. В черной металлургии в 1988–1990 гг. были остановлены еще 12 домен (таким образом, число действующих домен сократилось до 27).

Изменение облика японской экономики

Надо отметить, что во второй половине 70-х и в 80-х годах во всех без исключения отраслях японской промышленности — старых и новых, «структурно-больных» и наукоемких — осуществлялась модернизация оборудования на основе последних достижений научно-технического прогресса.

Говоря о резком расширении влияния НТП на развитие японской экономики, следует особо подчеркнуть, что со второй половины 70-х годов Япония во все большей степени опирается на собственные научно-технические разработки, хотя и сейчас она остается крупнейшим покупателем лицензий, расходуя на эти цели суммы, в 2–3 раза превышающие аналогичные расходы других стран.

Росту научно-технического потенциала страны способствовало, прежде всего, значительное увеличение расходов на НИОКР: за 1975–1993 гг. они возросли почти в 6 раз, и по их абсолютным размерам Япония опередила все развитые страны за исключением США. Но если в начале 70-х годов разрыв между нею и США был 8-кратным, то в начале 90-х годов он сократился до 25%.

В результате, облик японской промышленности заметно преобразился. Если еще в середине 70-х годов его формировали, главным образом, отрасли среднего уровня наукоемкости (автомобилестроение, бытовая электроника, судостроение, производство стали), то в конце 80-х–начале 90-х годов — прежде всего наукоемкие, высокотехнологичные производства.

В начале 90-х годов на долю Японии приходилось около 2/3 мирового производства роботов, около половины — станков с числовым программным управлением (ЧПУ) и продуктов «чистой керамики», около 3/4 мирового выпуска сверхбольших интегральных схем, от 60 до 90% производства отдельных типов микропроцессоров. По масштабам использования таких прогрессивных видов промышленного оборудования, как станки с ЧПУ, роботы и гибкие производственные системы, Япония значительно опередила даже США.

В то же время Япония сохранила лидирующие позиции в мировом автомобилестроении, производстве бытовой электротехники и электроники. При этом на основе начавшейся со второй половины 70-х годов массовой «электронизации» этой продукции (т.е. оснащения ее микроэлектронными устройствами) технические характеристики, комфортабельность и экономичность этих изделий были значительно повышены. Доля Японии в мировом производстве автомобилей составляла в начале 90-х годов около 30%, в мировом выпуске цветных телевизоров (с учетом производства на зарубежных филиалах японских компаний) — более 60%, видеомэгнитофонов — свыше 90%, стереофонической аппаратуры — около 50%, мэгнитофонов — около 30%.

Высокие достижения японской промышленности были бы невозможны без огромных изменений в других сферах японской экономики, прежде всего, без адекватного развития транспорта и связи.

На транспорте была значительно усовершенствована техническая база всех его видов. На первое место выдвинулся автомобильный транспорт. В конце 80-х годов на него приходилось уже более 50% грузо- и около 60% пассажироперевозок. Значительное развитие получила автодорожная сеть. В 80-е годы все города

Японии с населением более 500 тыс. чел. были соединены сетью скоростных автомагистралей общей протяженностью более 4 тыс. км. К концу 80-х годов автомобильный парк страны увеличился почти в 5 раз по сравнению с 1971 г. и составил около 60 млн. автомобилей (свыше 30 млн. — легковых).

Как ни странно, это не оказало негативного воздействия на состояние окружающей среды, поскольку одновременно существенно повысились технические характеристики японских автомобилей (снизился удельный расход топлива, уменьшилась токсичность выхлопных газов и т.д.). Более того, так как аналогичные усилия были предприняты в промышленности, энергетике и других отраслях, к концу 80-х годов состояние окружающей среды в Японии заметно улучшилось, и по степени ее загрязненности она заняла одно из последних мест среди промышленно развитых стран.

В 80-е годы было завершено строительство сети высокоскоростных железных дорог со средней скоростью движения поездов 200 км/час. В те же годы были соединены между собой железнодорожными мостами и туннелями четыре главных острова — Хоккайдō, Хонсю, Сикоку и Кюсю. В системе управления железными дорогами была внедрена электронно-вычислительная и информационная техника.

К концу 80-х годов Япония вышла на второе место в мире после США по уровню развития средств связи. До середины 70-х годов их выбор в Японии не отличался большим разнообразием, и практически вся информация передавалась по каналам почтовой, телеграфной и телефонной сети. Однако во второй половине 70-х годов появились и получили быстрое развитие новые виды электронной коммуникации, такие как кабельное телевидение, факсимильная и другие виды связи.

Наряду с прогрессом в области информационно-вычислительной техники появление этих новых видов связи оказало огромное влияние на развитие различных отраслей японской экономики.

В промышленности использование новых систем связи и передачи информации резко повысило оперативность и эффективность управления производством, позволив полнее учитывать изменения на рынке и быстрее реагировать на них. В сфере оптовой и розничной торговли на их основе были созданы системы автоматизированного управления складскими запасами; в сфере обслуживания — автоматизированные системы заказов номеров в отелях и авиабилетов; на транспорте — системы автоматизированного управления доставкой грузов.

В банковской сфере были автоматизированы операции с вкладами, внедрена система автоматических расчетов с населением через кредитные электронные карточки, создана межбанковская электронная сеть взаимных расчетов и обмена финансовой информацией, организованы новые виды информационно-консультационного обслуживания клиентов на основе двусторонней электронной связи.

Несколько противоречиво развивалась ситуация в сельском хозяйстве Японии. В 80-е годы заметно повысился уровень технического оснащения сельскохозяйственного производства. К концу десятилетия были практически полностью механизированы крупные животноводческие хозяйства и птицефермы, а также, в основном, завершена комплексная механизация рисоводства (начиная со вспашки земли и высадки рассады и кончая уборкой урожая и сушкой зерна). С конца 70-х годов в сельском хозяйстве начала появляться техника, оснащенная микропроцессорами. Для регулирования атмосферы в тепличных хозяйствах, для выработки оптимального режима кормления скота, для анализа почв и определения рациональных норм внесения удобрений стали применяться компьютеры.

Тем не менее, по уровню производительности труда в сельском хозяйстве Япония значительно отстает от США и развитых европейских стран. Причина этого заключается в преобладании мелких и мельчайших хозяйств, сохранившемся со времени послевоенной аграрной реформы.

Хотя к началу 90-х годов численность занятых в аграрном секторе сократилось до 4 млн. чел. (в середине 70-х годов оно составляло около 8 млн.), структура крестьянских хозяйств почти не претерпела изменений: по-прежнему две трети хозяйств имеют не более 1 га земли, а на относительно крупные по японским масштабам хозяйства, т.е. имеющие более 3 га земли, приходится менее 4% их общего числа.

При этом доля доходов от занятий сельским хозяйством в совокупных доходах крестьянских семей за эти годы заметно уменьшилась: в конце 80-х годов она составляла уже менее 20%. Лишь около 15% крестьянских хозяйств занимались только сельским хозяйством, остальные сочетали его с другими видами деятельности. Для определенной части семей занятие сельским хозяйством стало уже не столько источником дохода, сколько своего рода хобби, приносящим удовольствие от общения с природой.

Из-за высоких издержек производства в мелких хозяйствах их продукция неконкурентоспособна на внутреннем и мировом рын-

ках. Поэтому, несмотря на протекционистские меры, Япония является крупнейшим в мире импортером продовольствия — в начале 90-х годов на ее долю приходилось около 14% общего объема такого импорта в капиталистическом мире. Особенно велика зависимость Японии от ввоза пшеницы, ячменя, соевых бобов, кукурузы и сахара. В целом за 1975–1992 гг. уровень самообеспеченности страны продовольствием снизился с 77 до 65%.

В то же время за счет собственного производства Япония удовлетворяет свои потребности в рисе на 100%, в молоке и молочных продуктах — на более чем 80%, в мясе — на 65%, во фруктах — примерно на 60%.

* * *

На путях интенсивной структурной перестройки Японии удалось не только сохранить, но и упрочить свои позиции крупнейшей промышленной державы мира. За 1975–1989 гг. доля Японии в общем объеме промышленного производства развитых капиталистических стран возросла с 13% до 18%, а в их совокупном экспорте — с 8% до 13%.

Возрастание экономической и научно-технической мощи страны привело к значительному повышению уровня жизни. В конце 80-х годов Япония вышла на одно из первых мест в мире по производству ВВП на душу населения (в 1988 г. — 23,4 тыс. долл., в 1992 г. — 28,2 тыс. долл.). В те же годы она заняла первое место среди развитых стран по уровню почасовой заработной платы, опередив ФРГ и США.

К концу 80-х—началу 90-х гг. Японии удалось значительно сгладить отставание от других развитых стран в сфере жилищных условий. Так, к началу 90-х годов доля владельцев собственных домов в Японии поднялась до 60%, что лишь немного ниже, чем в Великобритании (67,6%) или США (64,2%). При этом средние размеры жилой площади японского дома (около 93 кв. м) приблизились к среднеевропейскому уровню (хотя все еще ниже, чем в США, где они составляют около 160 кв. м).

Правда, говоря о высоком уровне жизни, достигнутом в Японии, следует иметь в виду, что цены на товары и услуги там в среднем в 1,5–2 раза выше, чем в других развитых странах, а цены на жилье — выше на порядок (главным образом из-за чрезвычайно высоких цен на землю).

Возрастание экономической мощи Японии и усиление ее позиций в рамках мирового капиталистического хозяйства привели к тому, что к концу 80-х годов Япония вышла на первое место среди развитых стран по размерам золотовалютных резервов, дос-

тигших в конце 1989 г. почти 85 млрд. долл. С 1986 г. она заняла первое место в мире по объему экспорта капитала и стала крупнейшим кредитором. Занимая еще в середине 80-х годов третье место (после США и Великобритании) по размерам зарубежных активов (около 440 млрд. долл.), Япония смогла уже к концу 80-х годов увеличить их до 1 трлн. долл. и достичь уровня США.

Вынос производства за рубеж

Модернизация производственной структуры японской промышленности сопровождалась непрерывным нарастанием масштабов зарубежного предпринимательства японских фирм. Причем наряду с переносом за рубеж экологически опасных, энерго- и материалоемких производств происходила передислокация и некоторых видов машиностроения.

Когда речь идет о переносе производства в развивающиеся или «новые индустриальные страны» (НИС), решающим критерием при принятии решения становится экономия издержек на рабочую силу. Так, малолитражные автомобили, производимые по лицензиям японских фирм в Южной Корее, стоят примерно на 1,5 тыс. долл. дешевле аналогичных моделей японского производства, а продукция бытовой электроники южнокорейского производства в среднем на 30-40% дешевле японских товаров.

В случае же, когда принимается решение о строительстве предприятий в развитых странах (например, завода «Хонда» в США), речь идет, прежде всего, о завоевании рынка и преодолении барьеров, выстраиваемых на пути японского экспорта.

Перенос производства за рубеж получил заметное ускорение с конца 1985 г., когда началось стремительное повышение курса иены. Резко снизив прибыльность экспортных операций японских компаний, оно подтолкнуло их к сокращению экспорта продукции и замене его организацией производства за рубежом, прежде всего в развитых странах. На конец 1992 г. объем прямых зарубежных инвестиций японских компаний достиг 386,5 млрд. долл., из них 303 млрд., или около 80%, были инвестированы за 1986-1992 гг. При этом доля США в японских зарубежных инвестициях возросла до 42%, европейских стран — до 20%, а азиатских стран несколько снизилась и составила 15,5%.

В результате столь резкого увеличения масштабов зарубежных инвестиций японских фирм существенно возросла и доля зарубежного производства в общем выпуске продукции японских компаний. В начале 90-х годов на зарубежные филиалы и дочерние компании японских фирм приходилось в среднем уже около четверти общего объема производимой ими продукции.

Причем, если в развитых странах Япония строит в основном предприятия, производящие сложную, высокотехнологичную продукцию, то в азиатские страны она переводит главным образом «нижние этажи» своей промышленной структуры. Так, освоив во второй половине 80-х годов производство сверхбольших интегральных схем, Япония начала переводить в «новые индустриальные страны» Азии — Южную Корею, Тайвань, Гонконг и Сингапур — производство их более ранних поколений, еще в начале 80-х годов считавшихся наивысшим достижением научно-технического прогресса в этой области. Компании бытового электромашиностроения, передав в НИС производство магнитофонов, радиоприемников, цветных телевизоров и т.д., в самой Японии переключились на производство более сложной техники (телевизоров высокой четкости изображения, многофункциональных телефонных аппаратов, оборудования для автоматизации домашнего хозяйства).

Начало административно-финансовой реформы

На фоне динамичного развития частного сектора экономическая деятельность японского государства выглядела далеко не блестяще.

Поэтому на первый план политической борьбы в 80-х годах вышла проблема административно-финансовой реформы.

Ее актуальность объяснялась рядом трудностей, с которыми столкнулась японская экономика. Углубился кризис государственных финансов: бюджет неоднократно формировался на одну треть за счет займов, размер государственного долга приблизился к половине ВВП. Неизменной критике подвергалась неэффективность работы государственных предприятий. С большим дефицитом, в частности, функционировали государственные железные дороги. Росли расходы на содержание чиновничьего аппарата, который становился все более громоздким и бюрократизированным. Чрезмерное вмешательство государства в дела частных предприятий ослабляло их самостоятельность и сковывало инициативу.

В Японии вызрела идея серьезного пересмотра экономической роли государства, повышения действенности его руководства путем концентрации усилий на стратегически важных направлениях и отказа от некоторых социально-экономических функций. Предполагалось, что реформа должна расширить сферу действия частного капитала, освободить его от излишней правительственной опеки, создать более благоприятные условия для проявления предприимчивости. Такого рода намерения соответствовали духу поднимавшейся в других развитых капиталистических странах

неоконсервативной волны, ярко проявившейся в политике Р. Рейгана в США и М. Тэтчер в Великобритании.

В Японии инициатором и настойчивым проводником административно-финансовой реформы в духе неоконсерватизма стал Накасонэ Ясухиро. Будучи начальником административного управления в кабинете министров Судзуки, он возглавил разработку плана реформы, получившего в 1981 г. одобрение правительства. В том же году специальным законом был учрежден временный консультативный совет по делам администрации, призванный подготовить рекомендации, конкретизирующие план реформы. Главой этого консультативного органа при премьер-министре был назначен почетный президент Федерации экономических организаций Докё Тосио. В 1981–1983 гг. совет представил правительству пять докладов с предложениями по реорганизации структуры и рационализации работы государственного аппарата, пересмотру принципов финансовой политики и программе приватизации государственных предприятий.

Эти предложения затрагивали интересы различных слоев населения, поскольку предполагали сокращения персонала в государственном аппарате и на предприятиях общественного сектора, а также урезание бюджетных расходов на социальные цели под предлогом отказа от «социального иждивенчества». Приватизация железных дорог и других государственных предприятий грозила также опасностью разрушения влиятельных профсоюзных структур, являвшихся важной опорой левых сил.

Реализацией рекомендаций временного консультативного совета занялось правительство, которое в конце 1982 г. возглавил Накасонэ. Решающим обстоятельством для его избрания стала мощная поддержка наиболее влиятельной среди либерал-демократов фракции Танака. Кроме того, деловые круги увидели в Накасонэ сильную и энергичную личность, готовую решительно отстаивать их интересы.

Осуществление административно-финансовой реформы стало главной задачей Накасонэ и его кабинета, с ней связывались наметки индикативного государственного плана «Перспективы и ориентиры социально-экономического развития на 80-е годы».

Относительно легко парламент утвердил группу правительственных законопроектов, касавшихся некоторой реорганизации центральных министерств и управлений и их местных представительств. Несравненно труднее принимались законодательные акты о реорганизации и приватизации государственных предприятий, особенно таких крупных, как телеграфно-телефонная кор-

порация, государственные железные дороги, соляная и табачная монополии. Разделяя естественное беспокойство ряда крупных профсоюзов (только в профсоюзе работников государственных железных дорог насчитывалось более 500 тыс. членов), опасавшихся, что вслед за приватизацией последуют массовые увольнения, СПЯ и КПЯ высказались против приватизации. Однако в движение протеста включилась только часть профсоюзов — членов Сбхё, а большинство других, в особенности, работников частного сектора, поддержки им не оказали. ПДС и профсоюзы Дбмэй признавали реформу в принципе необходимой.

Тем не менее, развернувшиеся вокруг реформы бурные дебаты способствовали тому, что по каждому из объектов приватизации принимались индивидуальные решения о ее формах, этапах и способах предотвращения отрицательных социальных последствий.

В результате осуществленной в 1985–1987 гг. приватизации государственный сектор заметно сократился. В 1985 г. на долю государственного имущества приходилось 18,4% национального богатства, а в 1990 г. — 15,8%. Уменьшилось и государственное вмешательство в экономику. Были отменены или ослаблены положения многих законов, устанавливающих лицензирование и другие виды административного регулирования хозяйственной деятельности предприятий.

Вместе с тем, правительство стремилось оставить за собой рычаги воздействия на передаваемые в руки частного капитала предприятия общественного значения. Так, железнодорожные компании, представляющие собой род естественных монополий, согласно принятым законам, обязывались утверждать тарифы на перевозку в министерстве транспорта.

Совокупность мероприятий в рамках административно-финансовой реформы при кабинете Накасонэ привела к сокращению зависимости бюджета страны от государственных займов. За 5 лет (1982–1987 гг.) она снизилась с 29,7 до 21%. Однако до полного оздоровления государственных финансов было еще далеко.

Глобализация японской внешней политики

Отмечая в 1985 г. 30-летие своего существования и, одновременно, пребывания у власти, ЛДП приняла «Особую декларацию» и новую политическую программу. Главный итог своей деятельности она видела в том, что «вместе с трудолюбивым, способным народом» «преодолела множество политических кризисов и оставила в неизменности политическую систему, основанную на ли-

берализме и парламентской демократии», осуществила стремительный подъем экономики и жизни народа, добилась «быстрого возвращения Японии в международное сообщество» и доверия с его стороны.

Вместе с тем либерал-демократы акцентировали внимание на том, что «небывалый расцвет, переживаемый Японией», не является чем-то вечным, нерушимым. Необходимо, отмечалось в декларации, разработка японского пути адаптации к новым условиям, что должно содействовать «созиданию мировой цивилизации и развитию азиатско-тихоокеанского региона». Опираясь на достигнутые Японией крупные экономические успехи, ЛДП поставила на первое место цели глобального порядка как важного условия приспособления к меняющемуся миру. Япония должна вносить свой вклад в международное сообщество, достичь «более почетного места в мире», содействовать поддержанию международного мира, прогрессу в осуществлении всеобщего разоружения, включая ядерное.

На достижение «более почетного места в мире» была направлена и политика «подведения послевоенных итогов», объявленная премьер-министром Накасонэ. Смысл «подведения итогов» заключался в освобождении японцев от синдрома военного поражения и в реализации претензий Японии на роль великой державы в мировой политике. Постановка этой задача сопровождалась пропагандой «здорового национализма» — своеобразного сочетания идей патриотизма и приверженности «японским ценностям» с призывами адаптироваться к интернационализации, а также осуществлять «цивилизаторскую миссию» за рубежом.

Многие аспекты «подведения итогов», за которыми скрывались чрезмерные националистические амбиции, встретили упорное сопротивление оппозиции и не вызвали оптимизма даже среди либерал-демократов. Однако идея сильной Японии, не ограничивающейся защитой своих экономических интересов, а активно участвующей в решении всех глобальных проблем в соответствии со своей экономической мощью, была положительно воспринята японской общественностью.

При кабинете Такэсита Нобору поворот к глобализации внешней политики нашел отражение в правительственной программе «Вклад в мировое сообщество» (1988 г.), провозгласившей намерение Японии непосредственно подключиться к операциям ООН по поддержанию мира, участвовать в урегулировании острых и сложных международных проблем и т.п.

Новый этап японо-американских отношений

Главным внешним партнером Японии оставались США, всесторонние отношения с которыми продолжали развиваться и углубляться. Усиливалась взаимозависимость двух стран, одновременно нарастали и противоречия.

Наглядным свидетельством тому является динамика внешне-торговых связей. За 1975–1985 гг. японский экспорт в США возрос с 11,1 млрд. до 65,2 млрд. долл., его доля в общем экспорте Японии увеличилась с 20% до 37,2%. Напротив, при общем росте импорта из США с 11,6 млрд. до 25,7 млрд. долларов, его доля сократилась с 20,1 до 19,9%. Практически сбалансированный прежде товарооборот между двумя странами стал резко дефицитным для США, положительное сальдо в пользу Японии достигло в 1985 г. 39,4 млрд., а в 1986 г. — 51,4 млрд. долл. Такое же положение наблюдалось и в торговле Японии с другими развитыми странами. За тот же период резко усилился дисбаланс в торговле со странами Европейского сообщества. Превышение японского экспорта над импортом в данном случае в 1986 г. составило 16,6 млрд. долл.

Конфликты между Японией и США вышли за пределы споров по отдельным товарным позициям (экспорт японского текстиля, стали, цветных телевизоров), как это бывало ранее, и охватили весь комплекс экономических отношений. По мере усиления экономической мощи Японии, расширения ее возможностей в зарубежном инвестировании возникли и новые противоречия, связанные с бурным ростом японских капиталовложений в США. В 1986–1989 гг. из Японии в США поступили прямые инвестиции почти на 35 млрд. долл. Это породило среди американцев разговоры о «скупке Америки японцами».

Под давлением США Япония раз за разом объявляла меры, направленные на сокращение несбалансированности внешней торговли путем расширения внутреннего спроса и стимулирования импорта готовой продукции. Снимались прежние барьеры, препятствовавшие проникновению иностранных промышленных товаров на японский рынок, таможенные тарифы стали одними из самых низких в мире. Однако в США все эти меры считались недостаточными.

В 1989 г. по предложению президента Дж.Буша начались регулярные японо-американские консультации по выправлению торгового дисбаланса, вытекающего из различий в экономической структуре двух стран.

В стремлении смягчить экономические трения, японское правительство нередко спекулировало на заинтересованности США иметь сильного союзника в Азии и на Тихом океане. Япония консультировалась с США по всем аспектам собственной дипломатии, подчеркивала солидарность с глобальным курсом США и особое, международное значение японо-американского «договора безопасности».

Рамки действия «договора безопасности» были уточнены и расширены в принятом в 1978 г. документе под названием «Руководящие принципы двухстороннего сотрудничества в области обороны». На его основе активизировались военные связи, включая планирование военных операций, проведение совместных учений и т.п. Вместе с тем, японское правительство, считаясь с мнением внутренней оппозиции, не забывавшей напоминать о существовании 9-й статьи конституции, добилась внесения в «Руководящие принципы» оговорки, что предусмотренные ими действия «производятся в соответствии с японскими законами».

Накасонэ принимает чету Рейганов в своем загородном доме (11 ноября 1983 г.)

С началом 80-х годов США потребовали от Японии увеличить расходы на собственную оборону и на содержание американских войск на ее территории. В Японии также, ссылаясь на «советскую угрозу», много говорили о необходимости отказаться от ограничения оборонных расходов.

В совместном итоговом заявлении на встрече премьер-министра Нака-

сонэ с президентом США Рейганом, состоявшейся в январе 1983 года в Вашингтоне, подчеркивалась «общая судьба» двух стран на Тихом океане. Лидеры Японии и США договорились о проведении жесткого курса в отношении Советского Союза. Для американской прессы Накасонэ сделал воинственное заявление о стремлении Японии стать «непотопляемым авианосцем» и ее готовности расширить вклад в американскую военно-стратегическую систему в Азии, в том числе блокировать международные проливы у берегов Японии. Эти высказывания Накасонэ вызвали возмущение у японской общественности.

В 1987 г. между Японией и США было достигнуто соглашение об участии японских фирм в научно-исследовательских работах в рамках американской «стратегической оборонной инициативы». В том же году Накасонэ добился выхода оборонных расходов Японии за пределы 1% ВВП, но это правительственное решение было настолько непопулярным, что не получило дальнейшего продолжения. Япония вновь вернулась к соблюдению провозглашенного ранее ограничения.

Реализация «доктрины Фукуда»

Неизменно придавая первостепенное значение отношениям с США, Япония считала зоной своих особых интересов Азиатско-тихоокеанский регион, в котором она проявляла наибольшую активность и самостоятельность.

В 1977 г. на вашингтонской встрече премьер-министра Фукуда с президентом США Картером было достигнуто согласие об активизации японской политики в Юго-Восточной Азии. Во время поездки главы японского правительства по странам этого региона была провозглашена «доктрина Фукуда», определявшая следующие принципы японской политики в Юго-Восточной Азии: Япония никогда не будет военной державой; отношения со странами — членами Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в области политики, экономики и культуры будут основываться на взаимном доверии и сердечности; Япония будет способствовать развитию сотрудничества между странами — членами АСЕАН и странами Индокитая. Фукуда обещал финансовую помощь странам АСЕАН, положил начало ежегодным коллективным встречам руководителей этих стран с представителями Японии (впоследствии в таких встречах стали участвовать представители США и некоторых других стран).

Появление «доктрины Фукуда» показывало, что Япония придавала большое значение ситуации в Юго-Восточной Азии с точки зрения обеспечения ее собственной безопасности. Оно свидетельствовало о японском желании создать здесь благоприятные политические условия для расширения экономического влияния, разрушить недоверие населения стран региона к Японии, порожденного имперской политикой военных лет. Делая акцент на связи со странами АСЕАН, Япония не хотела закрывать путь к развитию связей во всем регионе, стремилась стать посредником в нормализации отношений членов АСЕАН с их соседями — Вьетнамом, Лаосом и Камбоджой.

Результатом усилившегося внимания Японии к странам АСЕАН стало удвоение объема торговли с ними за 1983–1990 гг.

Товарооборот достиг 62 млрд. долл. Япония стала крупнейшим рынком для стран АСЕАН, куда направляется 1/3 их совокупного экспорта (в США — 1/4). Несмотря на это, страны АСЕАН, за исключением Индонезии и Брунея, крупных поставщиков нефти в Японию, в торговле с ней имеют большое отрицательное сальдо.

Концепция «Тихоокеанского сообщества»

Установление государственных отношений с КНР, расширение экономических и политических связей со странами АСЕАН, союзнические отношения с США, заинтересованность других соседей в налаживании взаимоотношений с Японией — все это побуждало японское руководство обратить особое внимание на перспективы дальнейшего регионального сотрудничества. В условиях взлета в 70-е годы «новых индустриальных стран» — Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура, а в 80-е годы — быстрого экономического подъема Индонезии, Таиланда, Малайзии, а также КНР, для Японии стало желательным формирование единого с ними экономического пространства.

В конце 70-х годы в правительственных кругах Японии родилась концепция «Тихоокеанского сообщества» как открытой организации солидарности и многостороннего сотрудничества стран Азии и бассейна Тихого океана. С точки зрения обеспечения национальных интересов деятельность созданного в 1967 г. Тихоокеанского экономического совета (ТЭС) как чисто предпринимательской структуры была к этому времени уже явно недостаточной. Требовалось учреждение более авторитетного регионального органа. Отношение к идее «Тихоокеанского сообщества» японское правительство зондировало на встречах с руководящими деятелями стран АСЕАН и некоторых стран Латинской Америки.

После визита премьер-министра Охира Масаёси в Австралию (январь 1980 г.) формирование «Тихоокеанского сообщества» было признано «важной долгосрочной целью» Японии и Австралии. Для практической реализации этой идеи в том же году образована Конференция тихоокеанского экономического сотрудничества (КТЭС) на 3-сторонней основе — из представителей правительств, бизнеса и академических кругов государств региона. США первоначально участия в КТЭС не принимали, но в 1984 г. присоединились к ней, чтобы не допустить превращения этого органа в противостоящую им экономическую силу, действующую под эгидой Японии.

Новый этап в продвижении концепции «Тихоокеанского сообщества» открылся, когда по инициативе премьер-министра Австралии Р.Хоука в Канберре в ноябре 1989 г. было провозглашено

создание организации Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) — форума для правительственных консультаций по проблемам региональной экономики. Работа АТЭС, первоначально замышлявшаяся в форме ежегодных встреч ее участников на министерском уровне, в 90-х годах была поднята на уровень ежегодных встреч и выработки важных согласованных решений на уровне глав государств и правительств, в том числе США, Японии, КНР.

Отношения с Советским Союзом

Благодаря московским договоренностям 1973 г. началось осуществление ряда долгосрочных и крупномасштабных проектов сотрудничества в разработке южно-якутских угольных месторождений, лесных ресурсов Дальнего Востока и т.д. Это привело к значительному росту товарооборота между Японией и СССР, достигшему в 1982 г. 5,2 млрд. долл. Япония стала крупнейшим среди капиталистических стран торговым партнером Советского Союза. Но доля СССР во внешней торговле Японии оставалась практически ничтожной.

В начале 1978 г. с советской стороны была предпринята попытка закрепить позитивные сдвиги в отношениях с Японией и преодолеть сложности, связанные с отсутствием между двумя странами мирного договора. Для этого правительству Японии был передан советский проект промежуточного «Договора о добрососедстве и сотрудничестве». В Москве считали, что его подписание могло бы заложить прочную юридическую основу для развития всесторонних советско-японских связей, оставляя в стороне трудноразрешимую территориальную проблему. Однако правительство Японии полностью игнорировало предложение Москвы.

Отрицательное воздействие на состояние советско-японских отношений оказали такие события конца 70-х — начала 80-х годов, как усиление советско-американской конфронтация, сопровождавшееся развертыванием ракет средней дальности в Европе, ввод советских войск в Афганистан, усиление группировки сухопутных войск СССР на Дальнем Востоке для сдерживания Китая, размещение советских воинских частей на Курильских о-вах. Наступил застой в торговле и экономическом сотрудничестве, возросло взаимное недоверие.

Усиление международной напряженности в сочетании с проводившейся в самой Японии пропагандой тезиса о «советской военной угрозе» привели к росту негативного отношения к Советскому Союзу и усилению тревоги японцев по поводу возможной агрессии против их страны. Опросы общественного мнения пока-

звали, что если в 1976 г. только 15% опрошенных считали агрессию вероятной, а 29% полагали, что такую возможность нельзя полностью игнорировать, то в 1983 г. число первых увеличилось до 24%, а вторых — до 46%.

Еще более осложняла отношения территориальная проблема, которая активно использовалась японскими властями для достижения «национального консенсуса» по вопросам внешней политики. Чтобы придать требованиям возврата территорий характер общенациональной кампании, кабинет Судзуки Дзэнкё в 1981 г. объявил 7 февраля «Днем северных территорий» (в этот день в 1855 г. подписан Симодский договор, установивший российско-японскую границу между островами Уруп и Итуруп). Позднее в рамках объявленного Накасонэ «подведения послевоенных итогов» японское правительство умножило усилия по решению «проблем, оставшихся со времен второй мировой войны». В отношении Советского Союза это выразилось в увязке территориальных требований с вопросами экономических отношений по «принципу неразрывности политики и экономики».

Напряженность в японо-советских отношениях сохранилась и после того, как новое советское руководство во главе с М.С. Горбачевым провозгласило переход к «новому мышлению» в международных отношениях. Правительство Японии прохладно отнеслось к высказанным Горбачевым во Владивостоке (1986 г.) и Красноярске (1988 г.) предложениям по смягчению напряженности и уменьшению военного противостояния в азиатско-тихоокеанском регионе. На встрече глав государств и правительств семи ведущих стран в Торонто (июнь 1988 г.) премьер-министр Японии Такэсита призвал Запад оказать «международное давление» на Советский Союз по «проблеме северных территорий».

Вместе с тем, в Токио стали склоняться к активизации политического диалога с Советским Союзом. В декабре 1988 г. Такэсита, принимая министра иностранных дел СССР Э.Шеварднадзе, выразил надежду, что перемены в Советском Союзе приведут и к развитию японо-советских связей. Была достигнута договоренность о подготовке встречи высших руководителей СССР и Японии в Токио.

Эволюция ведущих политических партий

Борьба вокруг налоговой реформы

На протяжении многих лет Япония страдала от дефицита государственного бюджета. Сложное финансовое положение

государства стало причиной проведения в 80-х годах комплексной административно-финансовой реформы. В целом успешная, она не привела, однако, к полному финансовому выздоровлению. Поэтому кабинет Накасонэ предпринял попытку ликвидировать бюджетный дефицит при помощи налоговой реформы, главным звеном которой должно было стать введение косвенного потребительского налога с продажи товаров и услуг, позволяющего разложить налоговое бремя на всех потребителей, не считаясь с уровнем их дохода.

Еще в 1979 г. о намерении ввести такой 5%-й налог заявлял премьер-министр Охира. Но сопротивление этой мере оказалось тогда настолько велико, что Охира был вынужден отказаться от своего намерения. Его собственные позиции в правящей партии были недостаточно сильны, а ЛДП тогда не оправилась еще от последствий «дела Локхид».

Накасонэ принимал решение по тому же вопросу в иной обстановке. Его вдохновила внушительная победа либерал-демократов на «двойных» выборах (одновременные выборы в палату представителей и в палату советников) в июле 1986 г. Тогда Накасонэ пошел на роспуск палаты представителей исключительно из тактических соображений, приняв во внимание неготовность партий оппозиции к масштабной выборной кампании. Доля голосов, поданных за кандидатов ЛДП в палату представителей, увеличилась с 45,7% на предыдущих выборах до 49,4%, а доля полученных мест — с 48,9% до 58,6%. С учетом присоединившихся к ЛДП независимых депутатов правящая партия добилась большого перевеса над оппозицией: 304 депутатских мандата из 512 в палате представителей и 143 из 250 в палате советников.

В ходе выборной кампании Накасонэ обещал не вводить крупномасштабный косвенный налог. Однако после победы обещание было отброшено, и правительство внесло в парламент законопроект о введении 5%-го налога на потребительские товары и услуги без сокращения других налогов. Это вызвало совместный протест партий оппозиции и профсоюзов. Оппозиция бойкотировала работу парламента. Не удалось добиться принятия правительственного законопроекта и силовым путем, т.е. большинством голосов либерал-демократов в отсутствие депутатов оппозиции. Многие депутаты от ЛДП, ощущая на себе давление избирателей, настроенных против налога на потребление, не захотели поддержать Накасонэ. Правительственный законопроект был снят с обсуждения в парламенте.

Такэсита Нобору

Неудача Накасонэ была использована его конкурентами внутри правящей партии в борьбе за пост лидера. В ноябре 1987 г. председателем ЛДП по договоренности между лидерами фракций стал руководитель крупнейшей из них — Такэсита Нобору (он возглавлял бывшую фракцию Танака).

Неотложность проблемы ликвидации зависимости бюджета от государственных займов побудила Такэсита повторить попытку провести реформу налогообложения. Большинство голосов депутатов правящей партии в декабре 1988 г. парламент принял группу правительственных законопроектов по налоговой реформе, включая введение единого налога на потребление. Оппозиции не помогли ни постановка вопроса о недоверии правительству (оно было отвергнуто большинством, которым правящая партия располагала), ни тактика затягивания обсуждения.

Однако противодействие оппозиции не было бесполезным. Налог на потребление был установлен в 3% от цены товара, т.е. меньше чем планировалось ранее. Объекты его применения были сокращены, налог не затронул, например, услуги в сфере медицины, социального обеспечения и образования. Одновременно были смягчены некоторые другие налоги. Тем не менее, введение потребительского налога вызвало отрицательную реакцию части электората правящей партии и стало одной из причин недолговечности кабинета Такэсита.

Новые факты коррупции в ЛДП. «Дело Рикрүто»

Декларация, принятая в 1985 г. по случаю тридцатилетия ЛДП, содержала в себе заверения ее лидеров в стремлении к «высоким нормам политической этики» — «умеренности, самообладанию, честности и достоинству». Однако именно этих моральных качеств по-прежнему не хватало многим политикам правящей партии, коррупция в которой пустила глубочайшие корни. Новым ударом по репутации ЛДП стало начавшееся в 1988 г. расследование «дела Рикрүто».

Руководство компании «Рикрүто», стремясь расширить свою информированность и влияние, установило через дочернюю фирму «Рикрүто Космос» тайные связи с множеством политических деятелей, продавая им в благодарность за услуги акции по сильно заниженным ценам до того, как они официально объявлялись к

продаже. Новые владельцы акций затем перепродавали их с большой для себя выгодой.

К «делу Рикрүто» оказались причастными более ста человек. Щедрую финансовую поддержку от компании получили такие известные политики, как Такэсита, Накасонэ, Абэ, Миядзава, Ватанабэ, занимавшие руководящие партийные и правительственные посты и являвшиеся лидерами наиболее влиятельных в ЛДП фракций. Этим же каналом получения денежных средств пользовались председатель ПДС Цукамото и другие депутаты парламента.

Японская общественность, считая, что данное разоблачение не более чем «видимая часть айсберга», резко осудила «грязную политику». Разъяснения либерал-демократов, будто в случае с компанией «Рикрүто» деньги использовались не в целях личного обогащения, а на нужды партии, не смогли сбить волну массового возмущения. Руководство ЛДП было вынуждено объявить о намерении провести политическую реформу, направленную на «утверждение чистой политики». Одновременно ЛДП заявила о курсе на модернизацию и обновление собственной партии.

Вслед за признанием необходимости политической реформы Такэсита в июне 1989 г. ушел в отставку, признав свою ответственность по «делу Рикрүто». В июле того же года ЛДП потерпела чувствительное поражение на выборах в палату советников, впервые уступив по их результатам социалистам. Среди причин поражения либерал-демократов, помимо возмущения коррупцией, были также непопулярные экономические меры, осуществленные при кабинете Такэсита, в первую очередь, введение налога на потребление.

«Новая декларация» Социалистической партии Японии

В то время, как либерал-демократы пытались укрепить свое положение, пошатнувшееся, прежде всего, в результате разоблачений коррупции в их среде, на левом фланге японской политики происходила собственная перестройка.

Со второй половины 70-х годов в СПЯ начались поиски выхода из состояния длительного застоя. Одна из его причин усматривалась в несоответствии программы и политического курса социалистов современной реальности.

Программный документ СПЯ «Путь к социализму в Японии», принятый в 1966 г. по настоянию группировок левой ориентации, требовал коренного пересмотра. За 10 лет, прошедших после его появления, на международной арене и внутри Японии произошло множество перемен, опровергавших его основные посылки.

Обострение советско-китайских отношений, ввод войск социалистических стран в Чехословакию, китайская «культурная революция», а также экономический застой стран «реального социализма» наносили урон престижу социализма, дискредитируя саму социалистическую идею. А продолжающийся рост японской экономики, позитивные перемены в уровне жизни практически всех слоев населения показывали несостоятельность многих других положений программы СПЯ. Кого теперь могли, например, убедить слова о «падении престижа капитализма, обусловленного успехами стран социализма» или о неизбежности обнищания «всех слоев трудящихся, и, безусловно, рабочего класса»? Крупные сдвиги в социальной структуре японского общества под воздействием научно-технической революции, новые тенденции в рабочем движении требовали также уточнить взгляды СПЯ, касающиеся ее социальной опоры и задач в практической деятельности.

Решение приступить к пересмотру партийной программы было принято социалистами еще в 1977 г., но для его реализации потребовалось почти десятилетие. Заключительный этап дискуссии по этому вопросу развернулся в 1983 г., когда председатель ЦИК СПЯ Исибаси Масаси призвал к формированию облика «новой социалистической партии» — реалистической, проводящей конструктивную политику и нацеленной на приход к власти. Результатом острых споров стало утверждение в феврале 1986 г. «Новой декларации Социалистической партии», заменившей «Путь к социализму в Японии», а также формально не отмененную до тех пор Программу 1955 г.

Новый программный документ СПЯ, подтверждая верность социалистическим идеалам, существенно отличался от прежних. В «Новой декларации» подчеркивался общенародный, а не классовый, как прежде, характер партии. Социализм рассматривался как «общечеловеческий принцип», а основополагающей идеей социализма было названо уважение к человеческой личности. «Проведение шаг за шагом реформ, осуществление качественных преобразований общества в направлении освобождения человека — это и есть социализм».

С принятием «Новой декларации» японские социалисты сблизились по взглядам на существо социализма, на задачи и методы своей деятельности с западноевропейской социал-демократией. Вместе с тем, сохранилось и принципиальное отличие. Если большинство социал-демократических партий Европы давно стали сторонниками блоковой политики, признавая естественным участие своих стран в военно-политическом союзе НАТО, то в «Новой де-

кларации» по-прежнему подчеркивалось, что Япония должна следовать «принципам неприсоединения, нейтралитета и невооружения».

Более либеральное толкование социализма в «Новой декларации» не помогло СПЯ. Вскоре социалисты потерпели большое поражение на упоминавшихся выше «двойных» парламентских выборах 1986 г. Их депутатский корпус в палате представителей сократился до 86 человек, став, таким образом, почти в 2 раза меньше, чем в 1958 г.

Под руководством Дои Такако, которая в том же году стала первой в Японии женщиной-лидером партии, СПЯ смогла несколько выправить положение. На выборах в палату советников в 1989 г. она даже опередила ЛДП. Однако тенденцию снижения их популярности среди избирателей социалистам удалось остановить только временно.

Отказ японских коммунистов от доктрины марксизма-ленинизма

Большие изменения произошли в идеологии и политических взглядах КПЯ. Коммунисты отмежевались от всякого рода насильственных действий и заявили о своей приверженности мирному и демократическому развитию общества.

Еще в 1976 г. на внеочередном съезде КПЯ из программы и устава партии были полностью исключены упоминания о «диктатуре пролетариата», а термин «марксизм-ленинизм» заменен на «научный социализм». Чтобы разъяснить новое понимание «научного социализма», съезд принял «Декларацию свободы и демократии», которая, по словам председателя партии Миямото Кэндзи, выражала «намерение прийти к социализму демократическим путем в плане как этапов, так и способов» его достижения. В декларации, в частности, было выражено желание КПЯ сохранить и развить «пять принципов» конституции (имеются в виду суверенитет народа и государственный суверенитет, вечный мир, основные права человека, парламентская демократия, местное самоуправление), а также принцип разделения трех ветвей власти — законодательной, исполнительной и судебной.

В 1985 г. была осуществлена корректировка программы КПЯ, принятой в 1961 г. Из нее было изъято положение об «углублении» общего кризиса капитализма. В качестве актуальных задач партии были выдвинуты полное запрещение и ликвидация ядерного оружия, расторжение японо-американского «договора безопасности» и вывод всех американских войск из Японии. КПЯ заявила об активной защите права наций на самоопределение и

выступила «против любого посягательства на него со стороны империализма и гегемонизма» (главными субъектами империализма КПЯ считала США, а гегемонизма — СССР и Китай, в адрес которых печатались бесконечные критические статьи). Впервые в программу КПЯ была включена ранее сформулированная в других партийных решениях позиция по территориальной проблеме: мирные, дипломатические усилия с целью возвращения Японии не только островов Хабомаи, Шикотан, но и всех Курильских о-вов, а также «аннулирование предательских статей» Сан-Францисского мирного договора. Тем самым КПЯ, видимо, желала показать свою приверженность защите национальных интересов Японии.

На последующие события, показавшие несостоятельность социалистического эксперимента в Советском Союзе и странах Восточной Европы, КПЯ отреагировала изложением собственного представления о социализме, назвав четыре его «критерия»: не только социализация средств производства, но и гибкое, эффективное управление экономикой при уважении инициативы отдельных личностей; развитие социалистической демократии; реальное уважение права наций на самоопределение; осуществление мирных инициатив в проблеме ликвидации ядерного оружия.

В пропаганде КПЯ неизменно отмечалось, что для Японии не подходит опыт стран «реального социализма». Кроме того, подчеркивалось, что построение социализма в Японии не является задачей сегодняшнего дня. КПЯ призвала к созданию такой Японии, в которой «народ и в рамках капитализма получит мирную, богатую и свободную жизнь».

Новая рсоргани- зация профсоюз- ного движения

Исчерпание возможностей экстенсивного развития японской экономики, когда в центре профсоюзного движения стояла борьба за повышение заработной платы, вызвало дискуссию в профсоюзном движении о стратегии и тактике в меняющихся условиях. После достижения довольно высокого уровня заработной платы на первое место выдвинулись задачи обеспечения стабильной занятости и повышения качества жизни, решение которых требовало от профсоюзов выйти за рамки предпрятий, расширить свое влияние на весь комплекс экономической политики, вплоть до ее государственного уровня. Поэтому проблема достижения единства профсоюзного движения, и ранее актуальная, приобрела еще большую значимость.

Для большинства профсоюзов оказался приемлемым исходивший от руководства Всеяпонской конфедерации труда (Домэй) призыв открыть путь к единству через объединение профсоюзов

частного сектора. Так в 1982 г. появился Всеяпонский совет профсоюзов работников частного сектора (Дзэммин рёкё), взявший на себя функции консультативного органа профсоюзов, которые пока оставались членами своих прежних профцентров — Дёмэй, Сёхё, Тёрицу рёрен или независимыми. В 1987 г. Дзэммин рёкё был преобразован во Всеяпонскую федерацию профсоюзов работников частных предприятий. Образованию этого нового профцентра предшествовал самороспуск Всеяпонской конфедерации труда (Дёмэй) и Совета связи независимых профсоюзов (Тёрицу рёрен). Вне него оставались главным образом профсоюзы работников государственных предприятий и учреждений, входившие в Сёхё, а также различные независимые профсоюзы.

21 ноября 1989 г. состоялся последний съезд Генерального совета профсоюзов (Сёхё), оставившего в истории рабочего движения большой след как организатор мощных «весенних наступлений» и других массовых акций в защиту интересов трудящихся. В тот же день была учреждена Японская конфедерация профсоюзов (Рэнгё), в которой объединились и профсоюзы работников частных предприятий, и профсоюзы работников государственных и муниципальных предприятий и учреждений.

Новый профцентр провозгласил принципы тред-юнионизма, поставил целью добиваться отношений между трудом и капиталом, основанных на «взаимном уважении» и на «паритете интересов» рабочих и предпринимателей. Профсоюзы Рэнгё вступили в Международную конфедерацию свободных профсоюзов.

В отличие от прежних профцентров, главной заботой которых было повышение зарплаты, Рэнгё обязался добиваться комплексного улучшения условий жизни трудовых слоев населения. Для достижения этой цели предпочтение было отдано методу консультаций, хотя забастовочная борьба в принципе не отвергалась. Новый профцентр подчеркивал стремление к достижению согласия, а не к конфронтации.

Рэнгё стал крупнейшим в истории Японии национальным профцентром, объединившим профсоюзы с общей численностью около 8 млн. членов, т.е. почти 2/3 всех членов профсоюзов страны. Однако полное единство не было достигнуто. Одновременно с учреждением Рэнгё была создана Национальная федерация профсоюзов (Дзэнрёрен), объявившая себя «классовым» национальным профцентром. В ней объединились находящиеся под влиянием КПЯ профсоюзы с 1,4 млн. членов. Помимо того, в декабре 1989 г. было провозглашено образование Национального совета

связи профсоюзов (Дзэн рёкё), имеющего тесные отношения с левым крылом социалистов.

Характерно, что реорганизация профсоюзного движения была осуществлена на фоне снижающегося уровня организованности работников наемного труда: в 1989 г. он упал до 25,2% (в 1954–1978 гг. — 32–35%).

С образованием Рэнгё разрушились прежние отношения профсоюзов с партиями в виде блоков СПЯ–Сёхё и ПДС–Дёмэй. Вместе с тем Рэнгё не отказался от участия в политической деятельности. Напротив, была поставлена задача содействовать «созданию новой политической силы, способной взять политическую власть и осуществить здоровую парламентскую демократию». Руководство Рэнгё, учитывая зависимость оппозиционных партий от профсоюзной поддержки на выборах, стало настойчиво требовать сближения политических позиций и налаживания сотрудничества между СПЯ, ПДС и Кёмэйтё, имея в виду перспективу их дальнейшего слияния.

* * *

8 января 1989 г. Корреспонденты снимают скорбящего подданного в парке перед императорским дворцом

7 января 1989 г. скончался император Японии Хирохито, оставшийся на престоле рекордное время — более 62 лет. Несмотря на то, что время его царствования было отмечено многими трагическими событиями, его болезнь и смерть вызвали у японцев массовое сочувствие. Но фанатичного преклонения перед императором уже не наблюдалось. На вопросы представителей прессы о том, как люди разного поколений и разного социального положения воспринимают болезнь императора, следовали главным образом ответы с выражением обычного сочувствия.

Правительство объявило 6-дневный траур. Были соблюдены синтоистские религиозные обряды, которые в связи с необходимостью учитывать положения конституции об отделении религии от государства были выделены в семейную часть траурной церемонии. На похороны императора прибыло множество зарубежных представителей на высоком уровне. Транслировавшаяся по телевидению церемония похорон привлекла своей зрелищностью множество людей.

Новым императором стал Акихито — старший сын императора Сёва, родившийся 23 декабря 1933 г. По японскому летоисчислению с его вступлением на престол началась новая эра, названная Хэйсэй («Установление мира»).

Глава 3

ЯПОНИЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»
(1989–1997)

Кризисные явления в экономике

90-е годы отличались беспрецедентным по остроте спадом японской экономики. Еще в конце 80-х годов ничто не предвещало, что в ближайшем будущем в экономическом развитии Японии может произойти срыв. Информатизация экономики, повышение наукоемкости производства, структурная перестройка промышленности продолжали поддерживать на высоком уровне инвестиционную активность компаний, а быстрый рост доходов населения создавал благоприятные возможности для расширения потребительского спроса.

**Крах «экономики
мыльного пузыря»**

Однако с начала 1990 г. началось падение курса акций японских компаний, которое постепенно набирало силу и, в кон-

це концов, привело к биржевому краху: к октябрю 1990 г. средний курс акций упал почти в 2 раза по сравнению с декабрем 1989 г. Произошел крах «экономики мыльного пузыря». Такое название получил сформировавшийся во второй половине 80-х годов механизм экономического роста, при котором спекулятивное повышение курсов акций и цен на землю все больше отрывалось от их реальной стоимости. Это, в свою очередь, вело к быстрому нарастанию масштабов финансовых операций и денежной массы и ко все большему отрыву их от реальных возможностей производственного сектора.

В результате краха «экономики мыльного пузыря» начиная с апреля 1992 г. Япония вступила в продолжительную депрессию, характеризующуюся общим ухудшением конъюнктуры, снижением инвестиций, застоем в потребительском спросе и т.д. Общие темпы экономического роста снизились с 4–5% в 1990–1991 гг. до 1,1% в 1992 г., 0,1% в 1993 г., 0,5% в 1994 г. и 0,9% в 1995 г. При этом объем частных инвестиций в оборудование — основной двигатель японской экономики — снизился за 1990–1995 гг. более, чем на 15%, и лишь в 1995 г. показал незначительный рост (на 3,1%). Среднегодовые темпы роста потребительских расходов составили в 1990–1995 гг. всего лишь 1,85%, а инвестиции в частное жилищное строительство снизились за то же время на 10%.

Экономический спад оказал серьезное влияние на стратегию политической элиты. Необходимость радикальных структурных и системных реформ (пересмотр таких традиционных социально-экономических институтов как система пожизненного найма и повышения заработной платы в зависимости от стажа, обострение конкуренции за счет дерегулирования экономики и ослабления государственной опеки над неконкурентоспособными, но социально важными экономическими структурами), потенциально угрожавших социальной стабильности, несколько отодвинула на второй план поиски новой роли Японии на международной арене. Экономические трудности Японии на фоне относительных успехов США затормозили процесс неуклонного сближения экономических потенциалов двух стран. В середине 90-х годов разрыв не только сохранился, но и несколько увеличился за счет снижения темпов экономического роста Японии и повышения курса американской валюты в отношении иены.

Экономические перспективы Японии

Несмотря на экономический спад, широко распространившийся, особенно в Японии, пессимизм в отношении будущего японской экономики был все же преувеличен. В 90-е годы страна продолжала наращивать экономическую мощь. Благодаря усилиям правительства и деловых кругов Японии удалось избежать массовых банкротств банков и компаний и сохранить высокий экономический и научно-технический потенциал. Экспорт продолжал развиваться относительно высокими темпами: за 1990–1995 гг. его физический объем вырос на 23%. Благодаря этому положительное сальдо торгового баланса Японии возросло с 52,1 млрд. в 1990 г. до 106,8 млрд. долл. в 1995 г., а золотовалютные резервы страны увеличились с 77,1 млрд. до 182,8 млрд. долл.

Огромное положительное сальдо платежного баланса сохранялось за счет не только огромного перевеса экспорта над импортом, но и благодаря увеличивавшемуся с годами притоку прибылей от прямых и портфельных инвестиций и долгосрочных займов. В 1989 г. все японские активы за рубежом составили 1 трлн. 771 млрд. долл. Чистые активы за вычетом японских долговых обязательств составляли 293,2 млрд. долл.

С 1985 г. Япония продолжала оставаться самым крупным мировым кредитором. Общие активы ее составили 2 трлн. 181 млрд. долл., а чистые активы — 610,8 млрд. долл. В 90-х годах Япония сохранила за собой роль главного финансового донора развивающегося мира, предоставляя ежегодно более 10 млрд. долл. в рам-

ках официальной помощи развитию. В 1993 г. ей принадлежало более 60% льготной помощи Китаю, более 88% — Филиппинам, 62% — Таиланду, 88% — Мьянме, около 36% — Индии.

Вопрос о выходе национальной экономики из спада многие японские экономисты напрямую связывают с тем, как скоро предприниматели смогут предложить пакет принципиально новых товаров и услуг, способных вывести из застоя инвестиционный и потребительский спрос. Именно на этом направлении и сосредоточены сейчас основные усилия японских компаний.

Внешняя политика Японии после окончания блокового противостояния

«Бархатные революции» в восточноевропейских социалистических странах и распад Советского Союза вызвали своеобразный психологический шок в японском обществе. Стремительный демонтаж одного из глобальных военно-политических блоков, а затем распад некогда могущественного СССР заставили задуматься о том, каким будет мир в новых условиях, и что ждет Японию в будущем. Эти события и вызванная ими политическая неопределенность привели к серьезной переоценке ориентиров и задач внешней политики Японии.

Отход от «док- трины Ёсида»

В течение нескольких десятилетий после войны политическая элита страны, сделав ставку на военно-политический союз и стратегическое партнерство с Вашингтоном, научилась извлекать определенные выгоды из системы «холодной войны» и связанной с ней биполярной, а затем многополярной международной конфронтации. Следование «доктрине Ёсида» позволяло сосредотачивать усилия на экономическом и технологическом развитии и не тратить национальные ресурсы на поддержание мирового порядка, доверяя это США и другим западным союзникам.

Радикальные перемены во внешнем мире поставили под сомнение возможность и дальше использовать такую стратегию. В результате распада Советского Союза возник новый баланс сил в Азиатско-тихоокеанском регионе. В связи с этим особое опасение у японских политиков вызывала вероятность того, что возникший политический вакуум будет заполнен Китаем.

Кроме того, японскую сторону настораживали появившиеся на рубеже 90-х годов статьи некоторых ведущих американских политологов и аналитиков, в которых утверждалось, что с распадом Советского Союза главным противником США на международной

арене становится Япония, и только с исчезновением японской угрозы американским национальным интересам США могут считать свою безопасность полностью обеспеченной. Падение в глазах американцев стратегической ценности союза с Японией могло привести к росту антияпонских настроений в политических кругах США и к эскалации торгово-экономического соперничества двух стран.

Японо-американские отношения

На завершающем этапе пребывания у власти в Белом Доме республиканской администрации Дж.Буша двусторонние японо-американские отношения сохраняли свой особый характер. Они развивались в русле сформулированного в свое время Р.Рейганом тезиса, согласно которому в мире нет более важных отношений, чем американско-японские.

После прихода к власти в США демократов новая администрация Б.Клинтона постаралась внести новые акценты в свою политику в отношении Японии: поставить на первый план в отношениях с Токио вопросы экономических отношений, а военно-стратегические отодвинуть на второй план. Сохраняя в целом курс на тесное партнерство, она стремилась добиться от Японии уступок в экономической сфере, реальных шагов по либерализации рынка, ликвидации огромного положительного сальдо в торговле с США. Это в целом отвечало провозглашенной Клинтонем программе переноса акцентов с внешней политики на внутренние проблемы.

Но очень скоро выяснилось, что в связи со сложностями, возникшими на пути реформ в России, беспрецедентным ростом экономической мощи КНР, общей дестабилизацией в мире и усилением региональных конфликтов, и главным образом, в связи со взрывоопасной ситуацией на Корейском п-ове, японо-американский военно-политический и оборонный союз сохранил особую ценность в глазах политических элит и общественности двух стран.

К этому времени модифицировался стратегический курс американской политики в Азии. Этот регион, сохраняя военно-стратегическое значение, приобрел для США огромную экономическую ценность. Транстихоокеанские торгово-экономические и технологические связи в количественном и качественном отношении начали постепенно преобладать над трансатлантическими. Новые экономические интересы резко подняли в глазах США значение их военного присутствия в регионе. Разговоры об их «уходе» или о сокращении американского военного присутствия после окончания «холодной войны» совершенно прекратились. Наибо-

лее концентрированно идея сохранения американского присутствия в Азии прозвучала в речи Клинтона в университете Васэда во время визита в Японию в июле 1993 г. и в его последующем выступлении в южнокорейском парламенте.

Позднее, в начале 1995 г., в Пентагоне был подготовлен документ, получивший название «Инициативы Ная». Это был аналитический доклад о состоянии и перспективах американского присутствия в азиатско-тихоокеанском регионе, составленный известным профессором Гарвардского университета, работавшим в то время в Пентагоне. Его главный вывод заключался в том, что с точки зрения национальных интересов США и их союзников на обозримое будущее целесообразно было бы сохранить в азиатско-тихоокеанском регионе военной контингент в 100 тыс. чел., а также усилить функциональные возможности оборонных договоров с Японией и Южной Кореей.

«Инициативы Ная» были положены в основу японо-американских документов, подписанных в ходе визита президента Клинтона в Японию в апреле 1995 г. В главном из них, называвшемся «Совместное заявление по вопросам японо-американской безопасности. Союз, обращенный в XXI век» (17 апреля 1995 г.), подчеркивалась необходимость укрепления японо-американского военно-политического союза, причем сфера двусторонней оборонной ответственности расширялась до пределов всего региона. В документе отмечалась также необходимость партнерства с Южной Кореей в решении проблем Корейского п-ова.

Стремление политических элит двух стран к укреплению военно-политических связей на фоне обострения ситуации на Корейском п-ове, мощного экономического рывка Китая и осложнения внутренней ситуации в России наталкивалось внутри Японии на серьезное недовольство сохранением крупномасштабного американского военного присутствия. Инцидент 4 сентября 1995 г., когда 3 солдата с американской базы на Окинаве изнасиловали японскую школьницу, поднял мощную волну протеста по всей Японии. Против продления сроков аренды выступили не только левые силы и традиционные противники японо-американского договора безопасности, но и губернатор префектуры Окинава Ёта, отказавшийся поставить свою подпись под соответствующим соглашением. 8 сентября 1996 г. на проведенном в префектуре референдуме подавляющее большинство голосовавших высказалось против сохранения американских военных баз. Однако процент участвовавших в референдуме — менее 60 — оказался неожиданно низким.

В условиях резкого общественного протеста в отношении американских военных баз японскому правительству пришлось вести двойную игру — идя на усиление функциональных элементов двустороннего договора, добиваться поэтапного сокращения американских войск, дислоцированных в Японии и сокращения занимаемой ими территории.

В 90-е годы продолжалось японо-американское партнерство в военно-технической области. Однако оно развивалось довольно медленными темпами из-за сложностей по согласованию разделения финансового бремени сторон и вопроса, кому должны принадлежать научно-технические разработки. Так, реализация соглашения о сотрудничестве в производстве нового истребителя FSX, намеченная на 1997 г., была отсрочена по этим причинам на два года.

Японо-американские торгово-экономические противоречия в 90-е годы вошли в новую стадию. В отличие от прежних лет, когда споры концентрировались вокруг какого-то одного или нескольких видов товаров — текстиля, стали, цветных телевизоров, автомашин, — они стали касаться проблемы закрытости японского внутреннего рынка в целом. Несмотря на резкое удорожание иены в отношении доллара после соглашения 1985 г. в вашингтонском отеле Плаза, дефицит США в торговле с Японией не только не уменьшился, но и резко вырос. В сентябре 1989 г. начались двусторонние переговоры по проблеме «структурных препятствий» в японо-американской торговле, которые, однако, из-за жесткой позиции японской стороны не принесли ожидаемых результатов. В 1994 г. положительное сальдо Японии в торговле с США составило 55 млрд. долл., в 1995 г. оно несколько сократилось (до 45 млрд. долл.).

**Завершающий этап
советско-японских
отношений**

В годы горбачевской перестройки, когда советская дипломатия выступала с позиций «нового политического мышления», была поставлена задача достижения прорыва в отношениях с Японией. После поездки советского лидера в Пекин и нормализации советско-китайских отношений визит в Токио стал на повестку дня как приоритетный.

В течение всего 1990 г. шла усиленная подготовка. Была создана комиссия по подготовке визита, которую возглавил вице-президент СССР Г. Янаев. Наиболее сложной была проблема выработки позиции по территориальному вопросу. Мнение большинства аналитических групп, в том числе из ЦК КПСС и МИД СССР, сводилось к целесообразности возврата к принципам со-

ветско-японской декларации 1956 г. и принятию за отправную точку договоренностей того периода.

Однако М.С.Горбачев, в конечном счете, не последовал этим рекомендациям. К началу 1991 г. его положение было уже непрочным, и он опасался предпринимать какие-либо шаги, способные дать дополнительный повод для критики в его адрес со стороны внутриполитических противников. В результате, в январе 1991 г. он принял самостоятельно решение проявить во время визита в Токио максимальную гибкость во всех вопросах кроме территориального, и не подтверждать обязательства по Совместной декларации 1956 г. о передаче Японии островов Хабомаи и Шикотан после подписания мирного договора.

В преддверии визита Горбачева с японской стороны было проведено зондирование возможности радикального решения территориального спора. Влиятельный функционер ЛДП Одава Итирō в марте 1991 г. приехал в Москву с предложением о пакетном решении вопроса: в обмен на передачу Японии островов Хабомаи и Шикотан и признание потенциального суверенитета Японии в отношении Кунашира и Итурупа Япония оказала бы СССР экономическую помощь в размере 28 млрд. долл. Это предложение не было принято, что явилось политическим поражением, прежде всего, лично для Одава. Премьер-министр Кайфу не имел отношения к «тайной миссии» Одава в Москву, и в лучшем случае был осведомлен о ее основных деталях.

Тем не менее, несмотря на отказ от радикальных шагов, совместное советско-японское заявление от 16 апреля 1991 г. содержало ряд принципиально новых моментов. В нем признавалось существование территориальной проблемы, подчеркивалась необходимость решения территориального спора как условия заключения мирного договора, впервые назывались все спорные острова, вводился режим их безвизового посещения, т.е., фактически, признавался особый статус этих островов для сторон:

«Президент СССР М.С.Горбачев и Премьер-министр Японии Тосики Кайфу провели обстоятельные и углубленные переговоры по всему комплексу вопросов, касающихся разработки и заключения мирного договора между СССР и Японией, включая проблему территориального размежевания, с учетом позиций сторон о принадлежности островов Хабомаи, острова Шикотан, острова Кунашир и острова Итуруп.

Проделанная ранее совместная работа и в особенности переговоры на высшем уровне позволяют констатировать ряд концептуальных положений: мирный договор должен стать документом окончательного по-
степенного урегулирования, включая разрешение территориальной проблемы, открыть долгосрочную перспективу советско-японских отноше-

ний на дружественной основе, исключить нанесение ущерба безопасности другой стороны.

Советская сторона внесла предложение в ближайшее время осуществить меры по расширению общения между населением Японии и населением названных выше островов, установлению упрощенного, безвизового режима посещения этих островов японскими гражданами, налаживанию совместной взаимовыгодной хозяйственной деятельности в этом районе и сокращению советского военного контингента, размещенного на этих островах. Японская сторона заявила свое намерение в дальнейшем консультироваться по этим вопросам».

М.С.Горбачев и Кайфу Тосики совершают *юubitsuki*, т.е. по японскому обычаю сцепляют мизинцы в знак твердой договоренности (Токио, 18 апреля 1991 г.)

Это заявление стало последним крупным актом в 65-летней истории советско-японских отношений. Через полгода Советский Союз перестал существовать. Правопреемницей СССР в международных делах стала независимая Российская Федерация.

Тенденции в российско-японских отношениях

Россия унаследовала от СССР все его проблемы и, в частности, проблемы советско-японских отношений: отсутствие мирного договора и международно-признанных границ с Японией, недостаток прочных и доверительных политических контактов, взаимное недоверие и подозрительность, ориентация на цели и приоритеты, выходящие за рамки двусторонних отношений.

Революционные события в России 1991 г., смена политического режима создали принципиальные условия для формирования в Москве нового курса в отношении Японии. Его элементами были декларирование приверженности демократии и рыночной экономике и констатация общих стратегических целей в международных отношениях (мир, стабильность, права человека, сотрудничество в разрешении региональных конфликтов, борьба с терроризмом). Идея нового партнерства с Японией получила в февральском послании 1992 г. президента РФ Б.Н.Ельцина японскому премьер-министру Миядзава Киити, в котором говорилось, что Россия и Япония являются «потенциальными союзниками».

Но по мере ухудшения экономической и политической ситуации в России после «шоковых» реформ и роста социальной напряженности на двусторонних отношениях стали все более сказываться старые «структурные» проблемы, и, в первую очередь, территориальный спор. Затрагивавший самые болезненные чувства российских граждан, особенно после распада Советского Союза и отпадения от России территорий, относившихся к ней в течение столетий, территориальный вопрос стал серьезным препятствием на пути формирования принципиально новых отношений между двумя странами не только с японской, но и с российской стороны.

Территориальная проблема сразу же переросла свои узкие границы и очутилась в фокусе политической борьбы разных сил на политической арене России. Она стала одной из излюбленных тем нападок на правительство «демократов», поводом для обвинения его в «национальном предательстве» и «продаже Родины». Дополнительным аргументом противников какого-либо компромисса с Японией стали отчетливые признаки давления западных стран на Россию в этом носящем сугубо двусторонний характер вопросе. Еще в 1991 г. президент США Дж.Буш во время своего визита в Москву и выступления в Кремле, заявляя о сближении позиций с СССР по большинству проблем, среди оставшихся нерешенными упомянул территориальный спор между Японией и Советским Союзом. А в политической декларации мюнхенской встречи «большой семерки» от 6 июля 1992 г. впервые была выражена заинтересованность участников совещания в решении территориального спора между Японией и Россией.

Российский МИД пытался преодолеть конфронтационную тенденцию, но его влияние на российского Президента было недостаточным. В результате, планировавшийся на начало сентября 1992 года визит Ельцина в Японию был отменен за несколько дней до

его начала, что само по себе нанесло моральный урон двусторонним отношениям.

Спустя несколько месяцев, летом 1993 г., в Токио проходило совещание глав семи ведущих промышленно развитых стран мира, на которое был приглашен и Ельцин. Стремившийся к превращению «большой семерки» в «восьмерку» российский Президент на этот раз приехал в Токио. Эта поездка в рамках встречи в верхах стала настолько удачной, что российская сторона приняла решение о проведении государственного визита в октябре того же года.

Этот визит также оказался было под угрозой срыва в связи с кровавыми событиями 3–4 октября 1993 г. в Москве. И все же спустя всего несколько дней после вооруженного подавления внутренней оппозиции российский президент отправился в Японию.

Главным результатом визита Ельцина в Токио стало подписание декларации, которая подтвердила все результаты, достигнутые во время визита М.С.Горбачева в Токио в апреле 1991 г., а также действие всех двусторонних договоров и соглашений, заключенных между СССР и Японией:

«Президент Российской Федерации и Премьер-министр Японии, придерживаясь общего понимания о необходимости преодоления в двусторонних отношениях тяжелого наследия прошлого, провели серьезные переговоры по вопросу о принадлежности островов Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи. Стороны соглашаются в том, что следует продолжать переговоры с целью скорейшего заключения мирного договора путем решения указанного вопроса, исходя из исторических и юридических фактов, и на основе выработанных по договоренности между двумя странами документов, а также принципов законности и справедливости и таким образом полностью нормализовать двусторонние отношения. В этой связи Правительство Российской Федерации и Правительство Японии подтверждают, что Российская Федерация является государством-продолжателем СССР и что все договоры и другие международные договоренности между Советским Союзом и Японией продолжают применяться в отношениях между Российской Федерацией и Японией.

...Правительство Российской Федерации и Правительство Японии соглашаются предпринять ряд шагов в целях углубления взаимопонимания, прежде всего в плане дальнейшего совершенствования проведения взаимных поездок постоянных жителей упомянутых выпис островов и жителей Японии, которые осуществляются в рамках установленной на основе договоренности между двумя сторонами процедуры».

В 1996 г. встреча «большой восьмерки» состоялась в Москве. На ней произошел первый личный контакт Б.Н.Ельцина с японским премьер-министром Хасимото Рютаро. Ельцин попросил у

японского премьера поддержки в вопросе вхождения России в «большую семерку» и превращения последней, таким образом, в полноценную «восьмерку» (Россия не принимала участия в заседаниях, на которых обсуждались экономические проблемы). Японский премьер высоко оценил вклад России в политический диалог, но заметил, что возможность полноценного участия России в работе «семерки» связана со степенью ее интеграции в мировую экономическую систему, которая пока недостаточна. Это, в целом, соответствовало прежней японской позиции по этому вопросу, которая была, мягко говоря, осторожной. Характерно, однако, то, что во время встречи Ельцина с Хасимото не была ни в какой форме затронута территориальная проблема, которая прежде увязывалась японской стороной с любыми аспектами российско-японских отношений. Несмотря на краткий протокольный характер этой встречи, обе стороны сочли ее весьма важной с точки зрения определения перспектив дальнейшего развития сотрудничества между двумя странами.

В 1997 г. в российско-японских отношениях наметились новые тенденции. Японская сторона выразила намерение отделить территориальный вопрос от иных аспектов развития двусторонних отношений с Россией. Такой подход, несомненно, открывает новые возможности для расширения всесторонних связей между двумя странами. Если он получит развитие, то может привести к общему потеплению российско-японских отношений и созданию климата, благоприятного для заключения мирного договора, который снял бы все проблемы, оставшиеся от прошлого.

Стремясь поддержать позитивную тенденцию, Ельцин, со своей стороны, применил многократно опробованный в Европе и США принцип «личной» дипломатии, т.е. попытался установить неформальные отношения с японским премьером. Для этого он предложил Хасимото провести «встречу без галстуков». Такая встреча состоялась в конце октября 1997 г. в Красноярске. В результате стороны заявили о намерении заключить мирный договор между Россией и Японией до 2000 г.

Следует учитывать, что для плодотворного развития российско-японских отношений политическая воля является очень важным, но не единственным фактором. Не менее важна взаимная экономическая заинтересованность, а в этой сфере существует немало проблем, причем годы реформ в России добавили к ним новые, ранее не существовавшие. Японские компании весьма неохотно инвестируют в российскую экономику. Причина заключается как в известной политической неустойчивости в России, так

и в чисто «технических» факторах — неблагоприятном налоговом климате, несовершенном законодательстве и т.п. Кроме того, множество образовавшихся в последние годы частных российских фирм имеют огромные долги перед своими японскими партнерами, что также стало одной из проблем российско-японских отношений.

Встреча Хасимото и Ельцина в Кремле в 1996 г.

Японская политика в Азии

В 90-е годы в японской политике резко возрос удельный вес Азии. Быстрый динамичный рост стран региона, колоссальное расширение азиатского рынка привели к тому, что по целому ряду показателей его значение для японской экономики стало превосходить американский и европейский рынки. Если в 1985 г. на долю американского рынка приходилось 39,7% японского экспорта,

а азиатского 26,3%, то спустя 10 лет, в 1995 г., картина радикально изменилась — в Азию уходило 39,9% японских товаров, а в США — 29,7%. Те же перемены происходили и с японским импортом. Удельный вес Азии в нем за те же годы вырос с 28,6% до 35,4%, а США сократился, хотя и не намного — с 23,6% до 22,8%. В середине 90-х годов азиатский рынок стал приносить японской торговле больше прибыли, чем американский. В 1985 г. торговое сальдо в пользу Японии в Азии составило 9,1 млрд. долл., а США 39,2 млрд., то в 1995 г. в торговле с Азией оно составило 60,8 млрд., а с США — 54,9 млрд. долл.

Особое значение для Японии приобрели отношения с Китаем. Динамичное развитие китайской экономики привело к значительному росту активности японских деловых кругов на огромном китайском рынке.

Серьезным испытанием для японской дипломатии стала война в Персидском заливе. Японии удалось избежать прямого вовлечения в боевые действия, заплатив, правда, огромные «откупные» — около 13 млрд. долл. Впрочем, это сыграло не на пользу престижу Японии за рубежом, ее репутации среди своих союзников. Эгоцентризм японской внешней политики, нежелание быть вовлеченной в конфликты в «горячих точках», ссылаясь на конституционные ограничения, стали на несколько лет излюбленной темой критики Японии международной печатью.

Это обстоятельство подтолкнуло последующие японские правительства к разработке специального законодательства, которое позволяло бы Японии участие в операциях по поддержанию мира в рамках ООН, и, следовательно, посылку своих военнослужащих за рубеж.

Перемены на внутривластной арене

90-е годы не предвещали серьезных потрясений «системы 1955 года», т.е. монопольной власти консерваторов. Правящая Либерально-демократическая партия оставалась ведущей политической силой страны, чье превосходство никак не могло быть оспорено оппозицией, которая, в свою очередь, была крайне разобщенной и разноцветной. Но участвовавшие скандалы в высшей политической элите, связанные с фактами коррупции, стали постепенно расшатывать здание правящей партии.

Конец монопольного правления ЛДП

25 апреля 1989 г. в связи с аферами и подкупом политиков фирмой «Рикруто» в отставку подал премьер-министр Такэ-

сита Нобору. Сформированное 3 июня правительство Уно Сбсукэ продержалось всего полтора месяца. 24 июля 1989 г. Уно заявил о намерении подать в отставку в связи с очередным, на сей раз сексуальным, скандалом.

Уно стал олицетворением кризиса руководства правящей партии. Сама его фигура в ряду японских премьеров была случайной. Более влиятельные политики, в частности, Абэ Синтаро, Миядзава Киити, Ватанабэ Митио, «стоявшие в очереди» в премьеры после Такэсита, оказались сами замешаны в скандале «Рикрүто» и не могли сразу занять высший пост. Другой подходящий кандидат — министр финансов Мураяма Тацуо — был «забракован» из-за того, что персонально отвечал за введение с 1 апреля 1989 г. крайне непопулярного потребительского налога, и в случае, если бы он возглавил партию, это могло повредить ЛДП на предстоявших в следующем году парламентских выборах. Поэтому выбор пал на Уно, занимавшего тогда пост министра иностранных дел.

8 августа 1989 г. после скандального ухода в отставку Уно в ЛДП состоялись выборы нового председателя партии, который автоматически становился премьером. Поскольку страсти по поводу скандала с фирмой «Рикрүто» еще не улеглись, вновь возникла необходимость в выборе такой фигуры, которая была бы не замешана в нем. Вначале наиболее вероятной кандидатурой был молодой по японским меркам политик Хасимото Рютаро, личность заметная и яркая. Но он входил во фракцию Такэсита, которая была основной мишенью общественной критики. Поэтому, в конечном счете, выбор пал на Кайфу Тосики, также представителя нового поколения японских политиков.

Кайфу был еще менее заметной фигурой, чем его предшественник, и его избрание главой партии и кабинета министров вновь продемонстрировало глубокий кризис, охвативший в конце 80-х годов правящую Либерально-демократическую партию. Профессиональной ориентацией Кайфу в ЛДП была система образования и культуры. В одном из кабинетов Накасонэ он занимал пост министра просвещения. Обычно путь к политическому олимпу в Японии шел через другие министерства — финансов, иностранных дел или внешней торговли и промышленности. Поэтому никто не прочил Кайфу карьеры премьер-министра.

Интересно, что «опекунами» Кайфу в ЛДП были две совершенно противоположные по взглядам и поведению политические фигуры — Такэсита Нобору и Мики Такэо. Первый принадлежал к «школе Танака» и был непосредственно вовлечен во многие финансовые скандалы. Второй — представитель старшего поколения

— был известен своей критикой фракционной структуры ЛДП как первопричины финансовых и прочих злоупотреблений и проповедовал «чистоту» в политике. Таким образом, у Кайфу были связи как в «корруптированной» части ЛДП, так и в относительно «чистой».

В целом, в те два с лишним года, когда Кайфу занимал пост премьер-министра, положение ЛДП на внутривнутриполитической арене продолжало оставаться устойчивым. На всеобщих выборах в нижнюю палату парламента 18 февраля 1990 г. ЛДП удалось получить 275 мест, т.е. стабильное большинство. Социалисты, хотя и получили 136 мест, но вся оппозиция, включая Кбмэйтō, КПЯ и ПДС, была представлена в парламенте существенно меньшим числом депутатов, нежели ЛДП.

Однако сам Кайфу продолжал считаться невыразительной и случайной фигурой, и никакие внутри- и внешнеполитические действия возглавлявшегося им правительства не смогли изменить это представление. Даже осуществление первого за всю историю отношений визита в Японию руководителя Советского Союза — Горбачева, не принесло ему славы и не укрепило его политический авторитет. Достигнутые в ходе визита результаты никто не отнес в счет его заслуг.

Острый внутривнутрипартийный кризис в ЛДП материализовался в раскол партии и окончание 38-летнего периода ее монопольного правления как раз тогда, когда к ее руководству пришел один из способнейших претендентов.

Сформировавший в ноябре 1991 г. свой первый кабинет Миядзава Киити, в отличие от двух своих предшественников, был явным фаворитом. Еще в 1977 г. на одном из политических диспутов, транслировавшихся по всей стране, он был единодушно назван кандидатом №1 на пост премьер-министра. Но для того, чтобы прийти к власти ему потребовалось почти 15 лет.

Политика была для Миядзава потомственным занятием. Его отец после женитьбы на дочери одного из видных деятелей влиятельной довоенной партии Сэйгикай при покровительстве тестя занялся политической деятельностью и многие десятилетия, вплоть до послевоенной чистки государственного аппарата и политических кругов, неизменно избирался в парламент.

Окончив во время войны Токийский императорский университет, Миядзава поступил на

Миядзава Киити

службу в министерство финансов. Это не только освободило его от призыва в армию, но и дало старт карьере. После войны, в 1949 году, он стал личным секретарем министра финансов Икэда, будущего премьер-министра Японии, и принимал прямое участие в работе кабинетов Ёсида, в разработке крупнейших внешнеполитических и экономических акций.

Миядзава обладал рядом личных качеств, выделявшим его среди других японских политиков. Для него были характерны ярко выраженное рационалистическое мышление и острое политическое чутье, он прекрасно знал английский язык.

Распад Либерально-демократической партии начался с момента, когда весной 1992 г. из нее вышел ряд видных членов, образовавших Либерально-социалистический союз, затем переименованный в Нихон синтё — Новую партию Японии. Ее возглавил Хосокава Мориhiro. Процесс стал необратимым, когда в конце августа 1992 г. на финансовых махинациях попался один из самых крупных деятелей правящей партии — Канэмару Син. Его уход с политической арены и скандальный суд над ним ускорил развязку — неминуемый раскол партии.

18 августа нижняя палата японского парламента приняла резолюцию о недоверии правительству Миядзава. После этого в течение нескольких месяцев происходил выход из партии всех, кто решил, что ЛДП — это тонущий корабль, и единственный разумный выход — вовремя его покинуть и попытаться сформировать свою партию. Из ЛДП вышла леволиберальная группа депутатов во главе с Такэмура Масаёси. 21 июня 1993 г. на ее основе была создана партия Синтё сакигакэ (Предвестник). О выходе из партии заявила и фракция Хата, в которой главную роль играл не ее номинальный глава, а Одзава Итирё — один из самых влиятельных политиков. 23 июня фракция Хата объявила о создании партии Синсэйтё (Новая партия).

После серии шумных выходов из партии было очевидно, что на всеобщих выборах ЛДП ожидают серьезные испытания. Парламентские выборы 18 июля 1993 г. явились водоразделом в послевоенной политической истории Японии. ЛДП получила 223 депутатских места и впервые значительно не добрала до необходимого большинства для формирования однопартийного кабинета. Социалистам удалось набрать только 70 мест. Новая консервативная партия Синсэйтё во главе с Хата получила 55 мест, а Новая партия Японии Хосокава — 35 мест.

Так закончилась эпоха безраздельного правления одной консервативной партии, и начался процесс реструктуризации всего

политического спектра Японии. Его главными отличительными чертами были: раскол консервативных сил, формирование консервативной оппозиции, которая вобрала в себя партии «среднего пути» — Кбмэйтō и Партию демократического социализма; ослабление партий левой оппозиции, в первую очередь Социалистической — некогда самой влиятельной оппозиционной силы.

По своей сути это был естественный и здоровый процесс формирования в Японии более демократичной и открытой политической системы, предполагавшей существование не одной, пусть и многофракционной, правящей партии, а двух или нескольких партий, способных составить реальную правительственную коалицию. В эпоху господства ЛДП динамика политического процесса в Японии поддерживалась за счет соперничества различных фракций в партии, которые многие аналитики называли «мини-партиями». Конкуренция между ними, подчас весьма острая, тем не менее, носила характер не борьбы идей, а соперничества разных политических групп за право реализовывать одну и ту же политику, один и тот же курс или концепцию развития. Судя по феноменальным результатам послевоенного социально-экономического развития Японии, такая система оказалась вполне эффективной, и поэтому продержалась столь долго.

Она покоилась на двух фундаментальных факторах. Во-первых, только ЛДП была способна реализовать стратегию «доктрины Ёсида», обеспечить стабильную и предсказуемую политическую основу для колоссальной социально-экономической работы и обеспечения благоприятного внешнего климата и безопасности страны в условиях «холодной войны». Все остальные партии, выступавшие за принципиально иной путь, рассматривались обществом не как реальные альтернативы, а, скорее, как необходимый психологический противовес политической элите. Во-вторых, несмотря на демократические реформы в годы американской оккупации, послевоенное японское общество в течение многих лет сохраняло ярко выраженные черты этатизма. Роль государства и государственных рычагов управления социально-экономическими процессами оставалась огромной и преобладала над естественно-рыночными механизмами.

Оба фактора в 90-е годы стали терять свою действенность. Окончание эпохи «холодной войны» поставило на повестку дня вопрос о формировании новой стратегии развития Японии, ориентированной на изменившиеся реалии внешнего мира. Затянувшийся экономический спад и неэффективность старых методов выхода из него сделали неизбежными не только структурные, но

и системные преобразования в механизмах управления социально-экономическими процессами.

В этих условиях было очевидно, что окончание политической монополии ЛДП не только естественное, но и вполне логичное явление. Результаты июльских выборов 1993 г. свидетельствовали о крахе «системы 1955 года» и о появлении на политической арене новых действующих лиц.

Приход к власти коалиции семи партий

После июльских выборов 1993 г. формирование в Японии первого с 1948 г. коалиционного правительства стало неотвратимым. Теоретически было два варианта: коалиция ЛДП с другими партиями и широкая коалиция без ЛДП путем объединения всех партий, включая самые мелкие. В сложной закулисной борьбе решающее влияние на ее исход оказал Одзава Итирō — фактический лидер Синсэйтō. Порвав с ЛДП, он сделал ставку на перетягивание на свою сторону ее членов. Для этого нужно было заставить уйти ЛДП в оппозицию, лишив ее политиков министерских постов и прочих благ, связанных с пребыванием у власти.

Для формирования обширной и крайне пестрой по составу коалиции, в которую должны были войти вчерашние непримиримые политические соперники, наиболее удачной фигурой был Хосокава, сделавший ставку на надпартийную коалицию и борьбу за «чистоту» в политике и радикальные реформы.

21 июля 1993 г. на тайной встрече Одзава с Хосокава решалась судьба коалиции. Либерал-демократам не удалось предотвратить ее формирование из-за шока после поражения на выборах и отсутствия ярко выраженного лидера в партии.

Попытки ЛДП договориться о формировании коалиции с мелкими партиями не дали результатов, и на заседании нижней палаты парламента 6 августа 1993 г. победу одержала оппозиционная коалиция из семи партий и одного политического объединения. Премьер-министром Японии стал глава Новой партии Японии Хосокава Мориhiro.

Впервые за многие годы страну возглавил человек, не связанный со старой политической кухней, имевший репутацию чистого и неподкупного политика, человека новой формации. Было впечатление, что новое время, свежие политические веяния сами привели Хосокава к успеху. В лице нового премьера страна рассчитывала получить политика нового типа. По опросам общественного мнения его популярность была рекордной для Японии.

Хосокава происходил из знатной самурайской семьи из Кумамото. Интересно, что его прадедом по материнской линии был

крупный политик предвоенного времени принц Коноэ Фумимаро. Поначалу Хосокава не готовил себя к политической карьере, и его биография складывалась по нетипичной схеме. Он окончил университет Дзёти (а не Токийский либо, на худой конец, Васэда или Кэйбё) и стал журналистом. Но семейные корни давали о себе знать, и в 1971 г. при поддержке видного писателя и политика Исихара Синтаро, он был избран по общенациональному списку ЛДП в нижнюю палату парламента. Ему было тогда 33 года, и он стал самым молодым депутатом.

**Хосокава (в центре)
с депутатами палаты
советников от Новой
партии Япония**

В последующем Хосокава избирался по округу родного города Кумамото, а в 1982 г. он стал губернатором одноименной префектуры. Успехи на губернаторском поприще подтолкнули Хосокава в 1992 г. к смелому шагу — образованию новой партии. В том же году в популярном журнале «Бунгэй сундзё» он изложил свою концепцию политических реформ в Японии. Это помогло ему собрать под свои знамена сторонников, и на выборах в верхнюю палату японского парламента 26 июня 1992 г. его партия получила 4 места по общенациональному списку.

Популярность Хосокава объяснялась не столько его заслугами, сколько возобладавшем в обществе негативным отношением к погрязшей в скандалах и коррупции ЛДП, неспособной справиться с внутренними проблемами. Либеральным демократам ставилась в вину неспособность осуществить политическую реформу, принять новый избирательный закон, который должен был уравнять шансы всех политических сил в схватке за места в парламенте, а главное — сделать политическое соперничество более открытым, прозрачным и эффективным в плане прихода к власти наиболее способных и здоровых общественных сил.

Хосокава удалось воспользоваться общей атмосферой стремления к радикальным политическим реформам, воцарившейся после провала ЛДП на выборах 18 июля 1993 г. Следует отметить, что неожиданно большой успех партии Хосокава на этих выборах был связан с тем, что ей удалось отобрать голоса традиционных сторонников не только ЛДП, но и социалистов, которые на выборах потерпели жесткое поражение.

Новые тенденции в политике коалиционных правительств

Приход к власти альтернативных ЛДП политических сил был ознаменован серьезными сдвигами в позиции японского правительства по ряду принципиальных вопросов. Несмотря на сохранение в целом преемственности японской внешней политики, новому лидеру удалось внести целый ряд корректив и поставить новые акценты.

Это коснулось, в частности, вопроса о включении Японии в состав постоянных членов Совета Безопасности ООН, чего японская дипломатия активно добивалась при консерваторах. Позиция Хосокава стала значительно более осторожной, отражая опасения левых и центристских сил, что в таком качестве Япония будет вынуждена активно участвовать в миротворческих операциях ООН, и, соответственно, пересмотреть 9-ю «мирную» статью конституции.

Одной из чувствительных сфер была оценка ряда моментов японской истории, главным образом, характера прошедшей войны. ЛДП отказывалась признать войну агрессивной со стороны Японии. Новый премьер в одном из своих интервью впервые назвал ее агрессией.

Дипломатическим успехом было участие Хосокава во встрече глав АТЭС в Сिएтле в ноябре 1993 г., где состоялось его знакомство с новым президентом США Клинтон. Газеты писали о схожести двух политиков, о новой волне в двусторонних отношениях. Американцам импонировал Хосокава как новый тип японского политика, с которым будет легче договориться о решении всех накопившихся проблем. Японское общественное мнение в целом тоже положительно восприняло нового премьера, его непринужденную манеру поведения как свидетельство рождения нового образа страны, обращенного в грядущий XXI век.

Но явной слабостью нового кабинета и его лидера было отсутствие солидной политической базы и лоскутный характер коалиции, которая объединяла непомерно широкий спектр политических сил с разными политическими установками. Поэтому в практической работе Хосокава приходилось сталкиваться с огромны-

ми трудностями. Ситуация осложнялась тем, что в оппозиции коалиционному правительству находилась весьма могущественная, хотя и несколько ослабевшая политическая сила — ЛДП, которая действовала часто исключительно из соображений мести за свое поражение. Попытки Такэмура, лидера партии Сакигакэ, наладить мосты с ЛДП не привели к успеху. Ставший ее лидером Конбэ Хэй был склонен к ограниченному сотрудничеству, но не имел серьезного влияния в партии. Кроме того, сближение коалиции с ЛДП грозило уходом из нее социалистов, и, следовательно, ее развалом.

По всему кругу важнейших политических проблем приходилось искать компромиссы внутри коалиции. Наиболее серьезными из них были либерализация рынка риса в Японии, реформа избирательной системы и повышение потребительского налога.

Либерализация рынка риса грозила крупными политическими потрясениями для правительства. Тем не менее, связанная обязательствами по Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ), Япония должна была к концу 1993 г. принять окончательное решение. Против выступало мощное аграрное лобби. Кроме того, без сотрудничества с ЛДП, имевшей традиционно сильные позиции в аграрном секторе, решение вопроса не представлялось возможным. В результате правительство вынуждено было ограничиться паллиативными решениями, которое вызывало критику как из-за рубежа, так и со стороны аграриев.

Реформа избирательной системы

Еще более сложным и взрывоопасным для коалиции оказалось осуществление реформы избирательной системы. Идея ее проведения была выдвинута либерал-демократами еще в период премьерства Такэсита. Тогда в связи со скандальным «делом Рикрүто» ЛДП была вынуждена признать необходимость усиления контроля над получением партиями и отдельными политиками денежных пожертвований от компаний и организаций. В связи с этим она предложила изменить порядок выборов палаты представителей и перейти от выборов ее депутатов по многомандатным округам к выборам по малым, одномандатным. Утверждалось, что такой порядок сделает выборы не столь дорогостоящими, а, следовательно, для партий и их кандидатов исчезнет необходимость собирать любыми, даже сомнительными способами денежные средства для победы на выборах.

Так было положено начало широкой дискуссии о конкретном содержании политической реформы. Было очевидно, что выдвижение либерал-демократами в центр реформы изменения порядка

выборов нижней, ключевой палаты имело целью укрепить их собственные позиции в парламенте: выборы по одномандатным округам затрудняли избрание кандидатов менее влиятельных партий. Вместе с тем, достижение объявленной цели реформы — предупреждение коррупции, ликвидация ее корней — представлялось весьма сомнительным. Помимо проблемы пересмотра избирательной системы, напрямую затрагивавшей интересы каждой из партий, объектом ожесточенных споров стало законодательство, устанавливающее правила финансирования политической деятельности.

Оппозиция не была едина в своем отношении к предложениям ЛДП. На ее левом фланге подчеркивалась недопустимость введения выборов по одномандатным округам, выдвигалось требование полного запрета на денежные пожертвования партиям и политикам от компаний. Другие партии выражали желание найти компромиссные решения.

Дискуссия о политической реформе продолжалась почти пять лет и уже после раскола ЛДП и ее ухода в оппозицию претворилась в конкретный законопроект, ставший предметом парламентских слушаний.

К изменению избирательного закона разные партии в коалиции относились неодинаково. Законопроект предусматривал сокращение числа депутатских мест до 500, из которых 300 «разыгрывались» по одномандатным округам, а 200 — по общенациональным спискам. Введение мелких одномандатных округов грозило потерей многих мест, в первую очередь, социалистам, имевшим 2-е место в рейтинге популярности партий. При одномандатной избирательной схеме традиционно «вторые» депутаты-социалисты в парламент не проходили, а собранные ими голоса попросту терялись. Но за реформу активно выступала наиболее мощная партия пестрой коалиции — Синсэйтō. Она была представлена, в основном, молодыми честолюбивыми депутатами, покинувшими ЛДП как раз для того, чтобы разрушить старую систему и принять новый избирательный закон, который сулил им хорошие перспективы.

В конечном счете, преодолев сопротивление социалистов и договорившись с частью депутатов от ЛДП на основе взаимных уступок, Хосокава удалось добиться принятия 1 марта 1994 г. в парламенте нового избирательного закона. Это стало главным достижением его правления.

Борьба внутри правящей коалиции

Толчком к отставке первого коалиционного кабинета стала попытка Хосокава добиться повышения потребительского

налога. Сказалась малоопытность премьера, грубое нарушение принципа *нэмаваси*, при котором все серьезные решения вначале тщательно обсуждаются на разных уровнях власти и компетенции и лишь после этого выносятся на широкое обсуждение и утверждение. Его неожиданное выступление на срочно созванной поздно вечером 3 февраля 1994 г. пресс-конференции о намерении вместо 3%-го потребительского налога ввести 7%-й «налог народного благосостояния» встретило ожесточенное сопротивление не только в широких массах, но и со стороны практически всех политических сил, включая его ближайших политических друзей и единомышленников. В результате через несколько дней ему пришлось дезавуировать свое заявление.

Это был серьезный просчет, и принятый позднее в марте новый избирательный закон уже не мог спасти Хосокава. Непосредственной причиной его отставки стали усилившиеся трения внутри коалиции, в частности, резко обнажившиеся противоречия между Одзава Итирō и другими лидерами.

Правда, как ни парадоксально, именно внутренние разногласия на какое-то время продлили жизнь кабинету Хосокава. Назревшая реорганизация кабинета все время откладывалась, поскольку социалисты, Сакигакаэ и ряд других партий опасались, что в результате реорганизации кабинета усилятся позиции Одзава. Но в этом состоянии правительство Хосокава уже перестало быть дееспособным и фактически доживало свои дни. Сказывались и черты характера премьера. Он был слишком эмоционален, часто полагался на свою интуицию больше, чем на логику. И, главное, ему не хватало упорства и терпения, умения долго и настойчиво искать компромиссы — качеств, без которых оставаться на этом посту было невозможно.

8 апреля 1994 г. в свойственном ему несколько импульсивном духе Хосокава объявил о своем намерении уйти в отставку. Решение, хотя и было назревшим, но прозвучало достаточно неожиданно для лидеров коалиции. Поскольку оно было принято Хосокава единолично, без согласования, начались лихорадочные поиски его замены для того, чтобы спасти власть коалиции и не дать шансов либерал-демократам.

Поиски нового лидера были осложнены тем, что в этот момент, чувствуя всю зыбкость и недолговечность лоскутной коалиции, Одзава попытался ускорить процесс формирования нового баланса сил путем раскола ЛДП и СПЯ и формирования новой политической силы, которая объединила бы в себе часть ЛДП, новые консервативные партии, правых и умеренных социалистов.

Для этого он начал сложную политическую интригу, суть которой заключалась в том, чтобы предложить пост премьер-министра крупному политику из ЛДП Ватанабэ Митио, давно мечтавшему о нем, и тем самым спровоцировать выход его фракции из ЛДП. Это могло бы стать началом окончательного раскола партии. Но Ватанабэ медлил с решением и, в конечном счете, отказался покинуть ряды ЛДП.

Социалисты и Сакигакэ внимательно следили за маневрами Одзава и пригрозили выйти из коалиции в случае, если он осуществит свой план. В результате, внутривластная ситуация совершенно запуталась. Но в этот момент социалисты заявили о своей готовности поддержать выдвижение на пост премьер-министра кандидатуры Хата Цутому. Одзава не оставалась ничего другого, как согласиться с этой кандидатурой.

Но перед тем как Хата стал премьер-министром, социалисты покинули коалицию. Новому премьеру пришлось возглавить кабинет, не обладавший большинством в парламенте. Обреченность нового правительства была очевидна еще и потому, что изначально его глава не обладал серьезным политическим весом, а главное, ни по своему характеру, ни по политическому прошлому не мог рассчитывать на серьезную поддержку. Отрицательную роль сыграла и его довольно устойчивая (хотя и незаслуженная) репутация политической марионетки в руках Одзава.

Кабинет Хата просуществовал с 24 апреля по 29 июня 1994 г. Его уход в отставку создал политическую ситуацию, напоминавшую ту, что сложилось сразу после провала ЛДП на выборах в июле 1993 г. Ни одна партия по-прежнему не обладала устойчивым большинством, и правительство могла сформировать только коалиция. С этой точки зрения либерал-демократы обладали определенным преимуществом. Для большинства им необходима была поддержка всего одной или двух партий. Воспользовавшись распрями в стане большой коалиции и крайне отрицательным отношением к Одзава социалистов и Сакигакэ, ЛДП удалось договориться о новом политическом альянсе с участием трех партий, но теперь уже без Одзава и близких к нему сил.

Сам по себе альянс социалистов с их старыми политическими противниками либерал-демократами был шокирующим. Но еще более неожиданной оказалась фигура нового премьера. 29 июня 1994 г. правительство возглавил председатель СПЯ Мураяма Томиити. Такое в послевоенной японской истории случилось лишь раз, на короткий период в годы оккупации. Если бы в начале 90-х

годов кто-нибудь предположил, что через 3 года японское правительство возглавит социалист, то он был бы осмеян.

Расстановка политических сил после выборов 1996 г.

Все, что произошло в японской политике всего за один год, свидетельствовало о серьезной трансформации политической жизни Японии. Однако после выборов 20 октября 1996 г., впервые проведенных по новой избирательной системе, стало очевидно, что новая схема политического процесса еще окончательно не сформировалась.

Неожиданный успех ЛДП и относительное поражение партии Синсинтō, созданной в декабре 1994 г. путем слияния Синсэйтō, Комэйто, ПДС и Новой партии Японии, свидетельствовали, что приход на место ЛДП новой консервативной силы пока так и не состоялся. ЛДП удалось не только выжить, но и укрепить свои позиции.

На левом фланге непоколебимыми остались позиции только коммунистов. КПЯ удалось даже увеличить число своих депутатов, избранных по общенациональным округам. Тяжелое поражение потерпели социалисты. Им удалось сохранить чуть больше десятка депутатских мест. Это было следствием как тактических просчетов партии, так и потери ею лица в результате вступления в коалицию с консерваторами. Кроме того, на политической арене страны накануне выборов появилась новая сила, вызревшая в недрах леволиберальной части ЛДП. Хатояма Юкио и Кан Наото создали Демократическую партию Японии. В нее и ушла основная часть политиков из бывшей Социалистической партии.

Итак, новый политический спектр Японии вобрал в себя две консервативные партии, Демократическую партию, расположенную в центре, осколки некогда влиятельной Социалистической партии и партию Сакигакэ слева и, наконец, Коммунистическую партию Японии на крайнем левом фланге.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЯПОНИЯ И XXI ВЕК

К началу 70-х годов под впечатлением от японского «экономического чуда» в мире стало распространяться мнение, что следующее, XXI столетие будет «веком Японии». Ее даже называли «грядущей сверхдержавой», несмотря на то, что она определенно не обладала соответствующей такому статусу военной мощью.

Очень скоро об этих прогнозах стали постепенно забывать: экономический бум в Японии сменился спадом, затем последовали «нефтяные кризисы», продемонстрировавшие уязвимость японской экономики, а после их преодоления страна уже не вернулась к высоким темпам экономического роста, поражающим воображение наблюдателей.

Хотя разговоры японском «экономическом чуде» давно уже умолкли, не подлежит сомнению, что Япония подошла к концу века с огромными достижениями в социально-экономической сфере, продемонстрировав всему миру пример высокоэффективной экономики. Вместе с тем, в начале 90-х годов страна столкнулась с серьезными проблемами роста. Затянувшийся спад потребовал внести серьезные коррективы не только в экономическую структуру, но и в саму организацию японского общества. Многочисленные социальные конфликты свидетельствовали о том, что уже нельзя полагаться на действие старых механизмов, а необходимо задуматься над осуществлением глубоких реформ в области как экономических, так и социальных отношений.

Фактически, середина 90-х годов стала временем кризиса могущественной японской бюрократии. Именно ее эгоизм и нежелание расставаться со своими привилегиями в управлении экономическими и политическими процессами сами японцы склонны считать основной причиной затянувшегося спада в экономике и общественного кризиса.

В январе 1996 г. кабинет Хасимото Рютаро поставил задачу до 2003 г. осуществить крупномасштабные реформы, включающие в себя полную реорганизацию государственного аппарата за счет его сокращения, дерегулирование экономики путем ликвидации огромного числа запретительных или ограничительных актов, либерализацию финансового рынка и проведение реформы образования. Эффективность этих реформ еще предстоит оценить.

По образному выражению Накасонэ Ясухиро, в середине 90-х годов Япония оказалась перед необходимостью столь же радикальных реформ, как это было уже дважды за последние полтора века — в 1854 г. после прихода в Японию «черных кораблей» commodora Перри и в 1945 г. после жестокого поражения в войне.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абэ Исоо 安部 磯雄 (1865–1949) 287
 Абэ Нобуюки 阿部 信行 (1875–1953) 358, 383, 384, 452
 Абэ Синтаро 安倍 晋太郎 (1924–) 653, 673
 Алати Кэндзо 安達 謙藏 (1864–1948) 348
 Айдзава Сабуро 相沢三郎 (1889–1936) 355, 356, 358
 Акамацу Кацумаро 赤松 克麿 (1894–1955) 337, 350
 Акихито 彰仁 см. Хэйсэй
 Алексеев, Евгений Иванович (1843–1918) 187, 189–191
 Альфиери, Дино 419
 Анами Корэтика 阿南 惟幾 (1887–1945) 459, 471–474
 Араки Сидзо 荒木 貞夫 (1877–1966) 330, 331, 337, 343, 348, 352–354, 358, 368, 374, 380
 Арита Хатиро 有田 八郎 (1884–1965) 380–382, 385
 Арнольд, Генри Харли (Arnold) (1886–1950) 464
 Асанума Индзиро 浅沼 稻次郎 (1898–1960) 577, 578
 Асида Хитоси 芦田 均 (1887–1959) 521–523, 526, 527, 529
 Асб Хисаси 麻生 久 (1891–1940) 287
 Ататюрк, Мустафа Кемаль (Atatürk) (1881–1938) 336
 Ачесон, Дин (Acheson Dean) (1893–1971) 546
 Бигге, Видар 460
 Бакнер, Саймон Боливар (Buckner Simon Bolivar) (1886–1945) 435
 Бальфур, Артур Джеймс (Balfour) (1848–1930) 306
 Бебель, Август (Bebel) (1840–1913) 333
 Безобразов, Алексей Михайлович 187
 Бентам, Иеремия (Bentham Jeremy) (1748–1832) 86
 Бернштейн, Эдуард (Bernstein) (1850–1932) 333
 Бирнс, Джеймс Фрэнсис (Burnes) (1879–1972) 544
 Бисмарк, Отто фон Шёнхаузен (Bismarck) (1815–1898) 111, 116
 Бос, Субхас Чандра (1897–1945) 420
 Бриан, Аристид (Briand) (1862–1932) 283, 306, 316, 317
 Буассонад де Фонтараби, Густав Эмиль (Boissonnade) (1825–1910) 54
 Буске, Жорж 54
 Буш, Джордж (Bush) (1924–) 645, 663, 668
 Бюцов, Евгений Карлович (1837–1904) 135
 Вакацуки Рэйдзиро 若槻 礼次郎 (1866–1950) 253, 280, 284, 318, 337, 338, 340, 341, 343, 348, 349, 456, 457, 459
 Вальдерзее, Альфред фон (Waldersee) (1832–1904) 160
 Ван Итан 413
 Ван Цзиньцэй (1884–1944) 376, 413, 422, 460
 Василевский, Александр Михайлович (1895–1977) 476, 477
 Ватанабэ 330
 Ватанабэ Дзётаро 渡辺 錠太郎 (1874–1936) 357
 Ватанабэ Митио 渡辺 美智雄 (1923) 653, 673, 683
 Велемейер, Альберт (Wedemeyer Albert) (1897–1989) 427
 Вильгельм II Гогснцолтерн (Wilhelm) (1859–1941) 155, 157, 245
 Вильсон, Вудро (Wilson Woodrow) (1856–1924) 269
 Виттефт, Вильгельм Карлович (1847–1904) 191
 Витте, Сергей Юльевич (1849–1915) 155, 157, 184, 187, 203–208, 210, 214
 Вышинский, Андрей Януарьевич (1883–1954) 393
 Ганди, Индира (1917–1984) 571
 Гарриман, Эдуард Хенри (Harriman) (1848–1909) 220
 Георг V Виндзор (George Windsor) (1865–1936) 308
 Гитлер, Адольф (Hitler Adolf) (1889–1945) 333, 374, 417, 500
 Годайто 後醍醐 (1288–1339) 35, 73

Голль, Шарль де (Gaulle) (1890–1970)
599

Горбачев, Михаил Сергеевич (1931–)
650, 666, 667, 669, 674

Горчаков, Александр Михайлович
(1798–1883) 136

Готō Сэйдзи 後藤 象二郎 (1838–1897)
21–23, 30, 42, 81, 85, 87, 110, 115, 122,
128, 132

Громыко, Андрей Андреевич (1909–
1989) 546, 565, 573, 608

Грю, Джозеф Кларк (Grew) (1880–1965)
383, 395

Гуансюй (Цзай Тянь) (1871–1908) 159

Даллес, Аллен Уэлш (Dulles) (1893–
1969) 460

Даллес, Джон Фостер (Dulles) (1888–
1959) 544, 545, 561, 564, 600

Дан Такума 団 琢磨 (1858–1932) 350
Дарвин, Чарльз (Darwin Charles) (1809–
1882) 333

Деревянко, Кузьма Николаевич 481

Джонсон, Линдон (Johnson Lyndon
Baines) (1908–1973) 601

Дзимму 神武 22

Дин Жучан (—1895) 151

Додж, Джозеф (Dodge Joseph) 529–531,
534, 588

Дои Такако 土井 たか子 (1928–) 655

Доихара Кэндзи 土肥 原 賢二 (1883–
1948) 330, 335, 376

Докō Тосио 土光 敏夫 (1896–1988) 626,
642

Доорман, Карел (Doorman Karel) (1889–
1942) 406

Дрейсер 528

Дуань Цижуй (1865–1936) 266, 268

Дэван 376, 413

Ельцин, Борис Николаевич (1931–)
668–671

Ёнаи Мицумаса 米内 光政 (1880–1948)
368, 380, 384, 385, 457, 459, 470, 471,
474

Ёсида Дзэнкити 385

Ёсида Сигэру 吉田 茂 (1878–1967) 456,
494, 499, 501, 502, 505, 506, 512–514,
516, 519, 522, 526–528, 532, 533, 536,

537, 542, 543, 545, 546, 550, 552, 556,
558, 559, 562, 566–569, 588, 597, 608,
662, 675, 676

Ёсино Сакудзō 吉野 作造 (1878–1933)
247, 248

Ёсихито 崇仁 см. Тайсё

Жуков, Георгий Константинович
(1896–1974) 382

Засулич, М.И. 190

Ивакура Томоми 岩倉 貝視 (1825–1883)
20, 22, 42, 68, 81, 82, 90, 114, 115, 128,
137, 138, 140, 141

Ивасаки Хисая 岩崎 久弥 (1865–1955)
350

Ивасаки Ятарō 岩崎 弥太郎 (1834–
1885) 107, 230, 279

Ивата Айносуке 岩出 愛之助 (1890–
1950) 338

Извольский, Александр Петрович
(1856–1919) 226

Икэда Сэйхин 池田 成彬 (1867–1950)
350, 374

Икэда Хаято 池田 勇人 (1899–1965)
588, 589, 593, 597, 599, 600, 622, 675

Иноуэ Дзюнносукэ 井上 進之助 (1860–
1932) 322, 323, 338, 340, 349, 350

Иноуэ Каору 井上 馨 (1835–1915) 73,
87, 108, 111, 124, 132, 138–141, 162

Иноуэ Коваси 井上 毅 (1843–1895)
115, 116

Иноуэ Ниссё (Химэси) 井上 日召
(1886–1967) 349, 350

Инукаи Цуёси (Ки) 犬養 毅 (1855–
1932) 175, 252, 254, 323, 348–351

Исибаси Масаси 石橋 政嗣 (1924–)
654

Исибаси Тандзан 石橋 湛山 (1884–
1973) 514, 558, 567, 568, 572, 588

Исизара (Исихара) Кандзи 石原 莞爾
(1889–1949) 330

Исии Кикудзирō 石井 菊次郎 (1866–
1945) 267, 268, 311

Исии Мицудзирō 石井 光次郎 (1889–
1981) 558, 567, 568

Исихара Синтарō 石原 慎太郎 (1932–)
678

Исобоэ Асаити 磯部 淺一 (1901–1937) 356–

- 358
Итагаки Сэйсиро 板垣 征四郎 (1885–1948) 330, 335, 374, 375, 380, 384, 497
Итагаки Тайсукэ 板垣 退助 (1836–1919) 30, 42, 43, 81, 85–88, 106, 107, 110, 115, 116, 123, 128, 173
Итикава Сёити 市川 正一 (1892–1945) 495
Итё Миёдзи 伊東 巳代治 (1857–1934) 115, 117, 118, 351
Итё Хиробуми 伊藤 博文 (1841–1909) 37, 42, 68, 87, 108, 110–117, 121, 123, 124, 132, 133, 138, 146, 153–155, 159, 162, 164, 172–179, 212, 218, 219, 229, 388
Каваками Дзёгарё 河上 丈太郎 (1889–1965) 559
Кавамото 319
Кавасима Ёситюки 川島 義之 (1878–1945) 356–358
Кадоваки 573
Кайфу Тосики 海部 俊樹 (1931–) 666, 667, 673, 674
Кан Наото 菅 直人 (1946–) 684
Кан Ювэй (1858–1927) 159
Канэко Кантаро 金子 堅太郎 (1853–1942) 115–117
Канэмару Син 金丸 信 (1914–) 675
Картер, Джеймс (Джимми) (Carter Jimmy) (1924–) 660
Касаткин, Иван Дмитриевич см. Николай Японский
Кастро, Фидель (Castro Fidel) (1927–) 598
Катаяма Сэн 片山 潜 (1859–1933) 181, 182, 198, 234, 285, 289
Катаяма Тэцу 片山 哲 (1887–1978) 519, 521, 522, 527, 559
Катё Такааки (Комэй) 加藤 高明 (1860–1926) 178, 230, 252, 253, 255, 258, 260, 262, 279, 280
Катё Томосабурё 加藤 友三郎 (1861–1923) 278, 306, 312
Катё Хирохару 加藤 寛治 (1870–1939) 319
Кацура Таро 桂 太郎 (1847–1913) 49, 162, 178, 179, 186, 196, 200, 202, 211, 213, 219–221, 225, 228–231, 249–253
Келлог, Фрэнк Биллингс (Kellogg) (1856–1937) 283, 316, 317
Кеннан, Джордж Фрост (Kennan) (1904–) 528
Кеннеди, Джон Фитцджеральд (Kennedy John Fitzgerald) (1917–1963) 598, 600, 603
Керзон, Джордж Натаниэл (Curzon) (1859–1925) 306
Кидо Кёити 木戸 幸一 (1889–1977) 398, 456, 466, 473, 484
Киёо Такаёси (Коин) 木戸 孝允 (1833–1877) 30, 31, 39, 42, 46, 81, 87, 88, 113, 125, 138
Киёура Кэйго 清浦 奎吾 (1850–1942) 278
Ким Оккюн (1851–1893) 159
Кимберли, Джон Вудхауз 153
Кинго Тацую 103
Киси Нобусукэ 岸 信介 (1896–1987) 558, 567–572, 576–578, 597
Киссинджер, Генри (Kissinger Henry) (1923–) 605
Кита Икки (Тэрудзиро) 北 一輝 (1883–1937) 330–335, 356, 358, 359
Клинтон, Билл (Clinton) (1946–) 663, 664, 692
Кобаяси Итидзё 小林 一三 (1873–1957) 394
Кобаяси Мацуо 357
Кёга Кийси (Сэйси) 351
Кодзима Икэн 児島 惟謙 (1837–1908) 56
Коисо Куниаки 小磯 国昭 (1880–1950) 335, 375, 457, 458, 460
Коковцов, Владимир Николаевич (1853–1943) 219
Колчак, Александр Васильевич (1874–1920) 300
Комура Дзётаро 小村 寿太郎 (1855–1911) 203–206, 208, 210–212, 219, 220
Комура Нобуо (Синобу) 小室 信夫 (1839–1898) 113
Кёмэй 孝明 (1831–1866) 20, 35
Кондер, Дж. 103
Кондо Нобутаке 近藤 信竹 (1886–1953) 408
Конё Ёхэй 河野 洋平 (1937–) 625, 680
Конно Фумимаро 近衛 文麿 (1891–1945) 369–371, 374, 376, 377, 380, 385–387, 390, 391, 394–398, 456, 457, 459,

- 462,474,503,504,678
 Котоку Дэндзирё (Сёсуй) 幸徳 伝次郎
 (秋水) (1871–1911) 180–182,197,
 198,233,234
 Кояма Тотарё (1869–) 153
 Крейги, Роберт Лесли (Craigie Robert
 Leslie) (1883–1959) 381
 Ку, Веллингтон 268
 Курино Синъитиро 栗野 慎一郎 (1851–
 1937) 187
 Курита Такэо 栗田 健男 (1889–1977)
 428,429
 Курода Кистака 黒田 清隆 (1840–1900)
 117,122,124,128,135
 Куроки Тамэмото 黒木 為基 (1844–
 1923) 189,190
 Куропаткин, Алексей Николаевич
 (1848–1925) 187,191–194,199
 Курусу Сабурё 来栖 三郎 399
 Кусуноки Масасигэ 楠本正成 (1294–
 1336) 73
 Кухара Фусаносукэ 久原 房之助 (1869–
 1965) 348
 Ламздорф, Владимир Николаевич
 (1844–1907) 187,200,201,207
 Лансдаун, Генри Чарльз (Lansdowne
 Henry Charles) (1845–1906) 162,164
 Лансинг, Роберт (Lansing) (1864–1928)
 267,268,311
 Лассаль, Фердинанд (Lassalle) (1825–
 1864) 333
 Ленин (Ульянов), Владимир Ильич
 (1870–1924) 301
 Ли Сынман (1875–1965) 570
 Ли Хунчжан (1823–1901) 130–133,145,
 147,153,154,157
 Липевич (Лелевич), Николай Петрович
 (1838–1908) 194
 Литтон, Виктор Роберт (Lytton Victor
 Robert) (1876–1947) 339,344,345
 Лобанов-Ростовский, Алексей
 Борисович (1824–1896) 185
 Лозовский (Дридзо), Соломон
 Абрамович (1878–1952) 393,462
 Ляо 608
 Мадзакки (Масаки) Дзиндзабурё 真崎
 甚三郎 (1876–1956) 330,355,357,
 358
 Макаров, Степан Осипович (1849
 1904) 156,190,194
 Макартур, Дуглас (MacArthur) (1880
 1964) 403,404,430,431,435,468,478,
 481,486,487,492,494,496,497,499
 506,509,512,515,518,519,523,528
 530,532,533,535–537,541,544,602
 Микино Нобуаки (Синкэн) 牧野 伸顕
 (1861–1949) 268,269,337,350,351
 Малик, Яков Александрович (1906–
 1980) 462,469
 Малиновский, Родион Яковлевич
 (1898–1967) 476
 Мао Цзэдун (1893–1976) 482,490,594,
 597
 Маркс, Карл (Marx) (1818–1883) 333
 Маршалл, Джордж Кэтлетт (Marshall)
 (1880–1959) 399
 Матида Тюдзи 町田 忠治 (1863–1946)
 498,499
 Мацукава Комэтарё 339
 Мапуката Масаёси 松方 正義 (1835–
 1924) 65,96,170,173,175
 Мацумото Сёдзи 松本 正二 (1939–)
 503–505
 Мацумото Сюнъити 松本 俊一 (1897–
 1987) 565
 Мацумура Кэндзё 松村 謙二 (1883–
 1971) 515
 Мацуока Ёсукэ 松岡 洋右 (1880–1946)
 345,352,385,390–393,395,396,497
 Маэбара Иссэй 前原 一誠 (1834–1876)
 83
 Маэда (феодалный род) 前田 15
 Мейер, Джордж (Meyer George von
 Lengerke) (1858–1918) 200,202,207
 Мёрсиков, Кирилл Афанасьевич (1897–
 1968) 476
 Меркуловы, братья 302
 Мики Такэо 三木 武太 (1907–1988)
 623–625,631,673
 Милль, Джон (Mill John Stuart) (1806–
 1873) 86
 Мин 158
 Минами Дзирё 南 次郎 (1874–1955)
 330,336–340,453
 Минобэ Тацукичи 美濃部 達吉 (1873–
 11948) 319,355,504
 Мицуи (торговый дом) 14,64,103
 Мицуи Хатирёмон 三井 八郎 石衛門

- 350
Миядзава Киити 宮沢 喜一 (1919—)
653,668,673—675
Миямото Кэндзи 宮本 顯治 (1908—)
594,655
Молотов, Вячеслав Михайлович (1890—
1986) 382,392,393,461,462,469
Мольтке, Гельмут Карл Бернхардт фон
(Moltke) (1800—1891) 49
Монро, Джеймс (Monroe) (1758—1831)
378
Мори (*феодалный род*) 森 15
Мори Такеси 森 魁 (1894—1945) 473
Мори Аринори 森 有礼 (1847—1889) 70
Мотono Итиро 木野 一郎 (1862—1918)
226,228
Мураяма Тацуо 村山 達雄 (1915—) 673
Мураяма Томити 村山 富市 (1924—)
683
Муррей Д. 70
Муссолини, Бенито (Mussolini Benito)
(1883—1945) 392
Мутё Побуэси 武藤 信義 (1868—1933)
330,331,343,345
Муцухито 睦仁 см. Мэйдзи
Муцу Мунэмицу 陸奥 宗光 (1844—1897)
142,146—148,153,154
Мэйдзи 明治 (1852—1912) 11,17,20,26—
29,32,35,38,55,56,60,63,65,66,69,72,
77,78, 81,85,86,95,96,105,107,117,
125,129,132,134,140,143,154,159,
217,228,244,249,319,328,332,337,
357,507
Мяо Бин 460
Нага 337
Нагако 571
Нагано Осами 永野 修身 (1880—1947)
400,497
Нагата Тэцудзан 永田 鉄山 (1884—1935)
330,331,355,358
Нагумо Тёити 南雲 忠一 (1887—1944)
400,401,405—410,424
Най 664
Накамура Ёсио 351
Наканэ Гиз 中根 千枝 (1926—) 29
Накасонэ Ясучиро 中曾根 康弘
(1918—) 622,623,642—644,646,647,
650—653,673,685
Накаэ Тёмин 中江 兆民 (1847—1901) 106
Намба Дайсукэ 難波 大助 (1899—1924)
278
Небогатов, Николай Иванович (1849—
1922) 195,196
Неру, Джавахарлал (1889—1964) 571
Николай II (Романов Николай Алек-
сандрович) (1868—1918) 56,187,193,
194,200—202,206—208
Николай Японский (1836—1912) 68
Никсон, Ричард Милхауз (Nixon
Richard Milhous) (1913—1994) 605,
615—617,622
Нимиц, Честер Уильям (Nimitz) (1885—
1966) 409,432,433,481
Нисида Мицугу (Дзэй) 西田 税 (1901—
1937) 335
Нисимура Сёдзи 428
Нисимура Эйити 西村 栄一 (1904—
1971) 607
Нисио Сусиро 西尾 末広 (1891—1981)
522,593
Нисио Тосидзё 西尾 寿造 (1881—1960)
384
Нисихара Камэдзё 西原 亀三 (1873—
1954) 267
Ноги Марэсукэ 乃木 希典 (1849—1912)
192,193
Нокс, Филандер Чейз (Knox) (1853—
1921) 223,224,227
Номура Китисабурё 野村 吉三郎
(1877—1964) 383,394,395,397,399
Носака Сандзё 野坂 参三 (1892—1993)
540
Нэмото Хироси 根本 博 (1891—1966)
337,338
Ода Нобунага 織田信長 (1534—1582) 38
Одзава Дэисабурё 小沢 治三郎 (1886—
1966) 428,429
Одзава Итиро 小沢 一郎 (1942—) 666,
675,677,682,683
Одзава Урё 113
Одзаки Юкио 尾崎 行雄 (1858—1954)
174,175,178,252,253
Ои Кэнтаро 大井 憲太郎 (1843—1922)
106,110,133
Оикава Косиро 及川 古志郎 (1883—
1958) 385,391
Окава Сёймэй 大川 周明 (1886—1957)
330—332,334,335,337,497

- Окада Кэйсуке 岡田 啓介 (1868–1952)
320,353,354,357,358,370,456,457,
459
- Окамура Ясудзи 岡村 寧次 (1884–1966)
330
- Окубо Тосимити 大久保 利通 (1830–
1878) 20,22,30,42,44,46,81,83,87,88,
113,127,138
- Окума Сигэнобу 大隈 重信 (1838–1922)
42,69,87,91,107,110,112,114,116,
123,141,142,173–175,213,253–255,
260
- Омура Масудзирё 大村 益次郎 (1824–
1869) 39
- Ониси Такидзирё 大西 滝治郎 (1891–
1945) 474
- Оно 64
- Онума Масаси 349,356
- Оси́ма Хиро́си 大島 浩 (1886–1975)
382,390,417–419
- Ота 664
- Отани 299
- Отори Кэйсуке 大島 圭介 (1833–1911)
146 148
- Оура Канэтакэ 大浦 兼武 (1850–1918)
255
- Охи́ра Масаё́си 大平 正芳 (1910–1980)
618,623,648,651
- Пак Чжонхи 605,606
- Перри, Мэттью (Perry Matthew) (1794–
1858) 15,16,128,481,685
- Персиваль, Артур (Percival) 404,405
- Пле́ве, Вячесла́в Константи́нович
(1846–1904) 187
- Плеханов, Гео́ргий Вале́нтинович
(1856–1918) 198
- Пу И, Генри (1906–1967) 343,346,351,
376,413
- Рахман, Абдул (1903–1990) 599
- Редигер, Александр Фёдорович (1853–
1920) 227
- Рейган, Рональд (Reagan Ronald) (1911–)
642,646,660,663
- Рейшнауэр, Эдвин Олдфазер
(Reischauer) (1910–1990) 600,601
- Риббентроп, Иоахим фон (Ribbentrop)
(1893–1946) 367,390,392,417–419
- Роже́ственский, Зиновий Петро́вич
(1848–1909) 192,194–196
- Розен, Роман Романович (1847–1922)
203,205,208,210
- Ростов, Уолт (Rostow Walt Whitman)
(1916–) 602
- Ру́лнев, Все́волод Фёдорович (1855–
1913) 189
- Ру́звельт, Франкли́н (Roosevelt Franklin
Delano) (1882–1945) 383,394–398,
402–404,464,466,467
- Ру́звельт, Тео́дор (Roosevelt Theodore)
(1858–1919) 186,200,202,205,207–
209
- Руссо, Жан-Жак (Rousseau) (1712–1778)
86
- Рут, Э́лихью (Root Elihu) (1845–1937)
223
- Сага́ра Сёдзё 相樂 總三 (1839–1868) 78
- Сага́я Тома́э 338
- Са́онов, Серге́й Дми́триевич (1860–
1927) 228
- Сайгё Такамо́ри 西郷 隆盛 (1827–1877)
20,22,23,30,31,42,46,81–85, 127,128
- Сайгё Цугумити 西郷 従道 (1843–1902)
127
- Сайондзи Киммоти 西園寺 公望 (1849–
1940) 112,124,179,219,225, 228–
232,244,250,251,253,271,275,324,
350–352,354,369,457
- Сайгё Ма́кото 齋藤 実 (1858–1936)
351–354,357,358
- Сака́и Тосихи́ко 堺 利彦 (1870–1933)
180,182,197
- Сакамото Рёма 坂本 竜馬 (1835–1867)
85
- Сакатани Ёсио 阪谷 芳郎 (1863–1941)
230
- Са́саки Кёдзё 佐々木 更三 (1900–1985)
593
- Са́саки Со́ити 佐々木 惣一 (1878–1965)
503,504
- Сагё Наотакэ 佐藤 尚武 (1882–1971)
461,462,464
- Сагё Сиро 佐藤 568
- Сагё Эйсаку 佐藤 栄作 (1901–1975)
568,597–599,602–605,607,609,622
- Сагё Юсуке 佐藤 568
- Саха́ров, Викто́р Викто́рович (1848–
1905) 200

- Семелов, Григорий Михайлович (1890–1946) 303
- Сёва 昭和 (1901–1989) 244, 308, 309, 315, 349, 351, 357, 364, 400, 456, 471, 473, 474, 505, 516, 571, 573, 659
- Сибусава (торговый дом) 14
- Сибусава Эйити 渋沢 栄一 (1840–1931) 230, 235
- Сига Ёсио 志賀 義雄 (1901–1989) 495, 594
- Сигэмицу Мамору 重光 葵 (1887–1957) 456, 459, 471, 474, 481, 558, 559, 563, 564
- Сидэхара Кидзёро 幣原 喜重郎 (1872–1951) 279, 311, 312, 314, 318, 338, 340, 348, 494, 498–501, 503–505, 512, 513, 515, 519
- Сиина Эцусабурё 椎名 悦三郎 (1898–1979) 608
- Симадзу (феодалный род) 島津 15
- Симадзу Хисамицу 島津久光 (1817–1887) 23, 82
- Симояма Саданори 下山 定則 (1901–1949) 539
- Сиратори Тосио 白鳥 敏夫 (1887–1949) 390
- Сомервилл, Джеймс 407
- Сонэ Арасукэ 曾禰 荒助 (1849–1910) 219
- Созэзима Танэоми 副島 種臣 (1828–1905) 42, 126, 127, 135
- Спаатс, Карл (Spaatz Carl) (1891–1974) 463
- Спрюэнс, Раймонд Эймс (Spruance) 432
- Сталин, Иосиф Виссарионович (1879–1953) 381, 393, 466–468, 486, 541
- Стессель, Анатолий Михайлович (1848–1915) 192, 193
- Стилвелл, Джозеф Уоррен (Stilwell Joseph Warren) (1883–1946) 414, 427
- Стимсон, Генри Льюис (Stimson) (1867–1950) 340, 341, 467
- Су Юнчан 481
- Сугимура Фухаси 杉村 濤 (1848–1906) 145
- Сугияма Хадзимэ (1-эн) 杉山 元 (1880–1945) 368, 396, 400, 457, 474
- Судзуки 330
- Судзуки Бундзи 鈴木 文治 (1885–1946) 235
- Судзуки Дзэнкё 鈴木 善幸 (1911–) 623, 642, 650
- Судзуки Иситарё 鈴木 石太郎 357, 358
- Судзуки Итидзё 鈴木 市藏 (1910–) 594
- Судзуки Кантарё 鈴木 貫太郎 (1867–1948) 364, 459, 464, 470–473
- Сукарио (Sukarno) (1901–1970) 599, 600
- Сумитомо (торговый дом) 14
- Суслов, Михаил Андреевич (1902–1982) 594
- Суэмацу 51
- Суэтика Камэдзё 尾高 龟藏 (1884–1953) 375
- Суэцугу Нобумаса 末次 信正 (1880–1944) 374
- Тайсё 大正 (1879–1926) 244–249, 328
- Такамацуномия Нобухито 高松宮 宣仁 (1905–1987) 474
- Такарабэ Такэси 財部 彪 (1867–1949) 318
- Такасаки 608
- Такахаси Корэкич 高橋 是清 (1854–1936) 251, 276, 349, 352–355, 357, 360, 365
- Такахира Когорё 高平 小五郎 (1854–1926) 203, 205, 223
- Такэмура Масаёси 武村 正義 (1934) 675, 680
- Такэсита Нобору 竹下 登 (1924–) 623, 644, 650, 652, 653, 672, 673, 680
- Танака Гинти 田中 義一 (1864–1929) 276, 281–283, 314–317, 328
- Танака Какэй 田中 角栄 (1918–1993) 616, 617, 619, 621–624, 626, 642, 652, 673
- Танака Рёкити 田中 隆吉 (1893–1972) 315
- Татэкава Ёсигугу 建川 美次 (1880–1945) 336, 391
- Тафт, Уильям Говард (Taft) (1857–1930) 202
- Тиббетс, Пол (Tibbets Paul W.) 465
- Тогё Сигэнори 東郷 茂徳 (1882–1950) 382, 459, 460, 462, 463, 469–472
- Тогё Хэйхатирё 東郷 平八郎 (1847–1934) 189–191, 195, 196
- Тодзё Хидэки 東条 英機 (1884–1948) 331, 370, 374, 385, 391, 395, 398, 399,

- 422,452,455,457,474,496,497,569
Тоёда Созму 豊田 副武 (1885–1957)
434
Тоёда Тэйдзирё 豊田 貞次郎 (1885–
1961) 396,459,471–473
Тоётоми Хидэёси 豊臣 秀吉 (1536–
1598) 38
Токонома 276
Токугава Иэсато 徳川家達 (1863–1940)
351
Токугава (феодалыный род) 徳川 11–13,
15,20,22–25,29,54,57,67,78
Токугава Ёсинобу (Кэйки) 徳川慶喜
(1837–1913) 19–25,33
Токугава Иэмоти 徳川家茂 (1846–1866)
19
Токугава Иэясу 徳川家康 (1542–1616)
20,26
Токуда Кёити 徳田 球一 (1894–1953)
285,495,541
Толстой, Лев Николаевич (1828–1910)
197
Тояма Мицуру 頭山 満 (1855–1944)
332,334
Траутман 375
Трумэн, Гарри (Truman Harry) (1884–
1972) 463,464,468,486,487,529,535,
544
Тряпицын 300,301
Тэрадзима Мунэнори 寺島 宗則 (1832–
1893) 139
Тэраути Масатакэ 寺内 正毅 (1852–
1919) 219,225,255,256,258,267,275
Тэраути Хисанги 寺内 寿一 (1879–
1946) 366–368,426
Тэтчер, Маргарет (Thatcher) (1925–)
642
Угаки Кадзусигэ 宇垣 一成 (1868–1956)
329,335,337,374
Умэдзу Ёсидзирё 梅津 美治郎 (1882–
1949) 346,457,471–473,481
Уно Сбсукэ 宇野 宗佑 (1922) 623,
673
Усидзима Митсуру 牛島 満 (1887–1945)
435
Утида Кёсай (Ясуя) 内田 康哉 (1865–
1936) 353
Утида Рёхэй 内田 良平 (1874–1937)
145,332,334
Утимура Кандзё 内村 鑑三 (1861–1930)
180
Уэхара Юсаку 上原 勇作 (1856–1933)
231
Феноллоза, Эрнест Франциско (Fenol-
losa) (1853–1908) 74
Филмор, Миллард (Fillmore Millard)
(1800–1874) 15
Флетчер, Фрэнк (Fletcher Frank) (1885–
1973) 409,410
Фостер, Джон Уотсон (Foster John Wat-
son) (1836–1917) 153
Фрейзер, Брюс Остин (Fraser Bruce
Austin) (1888–1981) 481
Фудзивара 藤原 369
Фудзии Масанобу 藤井 真信 (1885–
1935) 355
Фукуда Такэо 福田 赳夫 (1905–1995)
616,623,630,647
Фукудзава Юкити 福沢 諭吉 (1834–
1901) 69,70,74,107,132
Хэгэрти, Джеймс (Hagerty James
Campbell) (1909–1981) 576
Хамануги Осати (Юко) 浜口 雄幸
(1870–1931) 317,319,324,336,338,
349
Хара Ёсимити 原 嘉道 (1867–1944) 396
Хара Такаси (Кэй, Сатоси) 原 敬 (1856–
1921) 229–231,248,251,254,258,268,
275–278
Хасимото Кингорё 橋本 欣五郎 (1890–
1957) 335,337
Хасимото Рётаро 橋本 龍太郎 (1937–)
669–671,673,685
Хасэгава 217
Хата 330
Хата Сэнроку 畑 俊六 (1879–1962)
385,415
Хата Цутому 羽田 孜 (1935–) 675,683
Хатанака Кэндзи 473
Хатояма Итиро 鳩山 一郎 (1883–1959)
498–500,556,558,559,563,564,565–
567,569,572
Хатояма Кадзуо 鳩山 和夫 (1856–1911)
559
Хигояма Юкио 鳩山 由紀夫 (1947–)
684
Хатгэн 406

Хаяси Сэндзюро 林 銑十郎 (1876–1943)
315,340,354–356,358,368,369

Хаяси Тадацу 林 叢 (1850–1913) 163
Хигасикуни Нарухико 東久近 稔彦
(1887–1990) 398,474,493,494,503

Хиноки 262

Хиранума Кинитиро 平沼 騏一郎 (1867–
1952) 333,380,382,387,388,390,456,
457,472 474

Хирота Кюки 広田 弘毅 (1878–1948)
346,353,360,366,368,370,384,461,
462,497

Хирохито 裕仁 *см. Сёва*

Хитоси Дзётакэ 351

Ходзё 北条 73

Хомма Масахару 本間 雅晴 (1887–
1946) 403

Хондзё Сигэру 本庄 繁 (1876–1945)
330,358,474

Хоси Тору 星 亨 (1850 1901) 175

Хосогай (Хосокая) Босиро 細萱 戊子郎
(–1964) 408

Хосокава Морихиро 細川 護熙 (1938–)
675,677–679,681,682

Хоук, Роберт Джеймс (Hawke) (1929–)
648

Хрущев, Никита Сергеевич (1994
1971) 599,607

Хьюз (Юз), Чарльз Ованс (Hughes)
(1862–1948) 306,307

Хэйсэй 平成 571,659

Хэлл, Корделл (Hull) (1871–1955) 395,
397–399

Цин 221,343

Цуда Сандзё 津田 三藏 (1854–1891) 56

Цукамото Сабуро 塚本 三郎 (1927–)
653

Цыси (1834–1908) 159

Чан Кайши (1887–1975) 314,339,351,
375,385,393,401,406,413–415,421,
422,427,460,463,482,490,570,608,
609

Чемберлен, Невилл (Chamberlain)
(1869–1940) 381

Черчилль, Уинстон (Churchill Winston)
(1874–1965) 403,463,467

Чжан Сюэлян (1898–) 315,320,339,
342,348

Чжан Цзолинь (1876–1928) 314,315,339

Чжань Вэньсюань (–1895) 151

Чжоу Эньлай (1898–1976) 599,617,618

Чойбалсан, Хорлогийн (1895–1952) 382

Шеварднадзе, Эдуард Амвросиевич
(1928–) 650

Ши, Альфред 268

Шоуп, Карл (Shoup Carl) 530,531,534

Штакельберг, Г.К. 191

Штаммер, Генрих 391

Эйзенхауэр, Дуайт (Eisenhower Dwight
David) (1890–1969) 561,571,576–
578,598,600

Эномото Такэаки 榎本 武揚 (1836–
1908) 25,135,136

Этё Симпэй 江藤 新平 (1834–1874) 52,
128

Юань Шикай (1859–1916) 145,146,262,
266

Ямагата Аритомо 山県 有朋 (1838–
1922) 20,49,84,111,123,124,133,142,
175–179,181,184,199,213,221,225,
228–231,244,250,255,279

Ямада Отодзё 山田 乙三 (1881–1965)
476,477,497

Ямамото Гоннохёэ (Гомбэй) 山本
権兵衛 (1852–1933) 178,221,251–
253,278,280

Ямамото Исороку 山本 五十六 (1884–
1943) 196,400,408,413,444

Ямамото Сэндзи 山本 宣治 (1889–1929)
283

Ямамото Тацуо 山本 達雄 (1856–1947)
231

Яманаути (*феодалный род*) 山内 15
Ямасита Томоюки 山下 奉文 (1885–
1946) 404

Янаев, Геннадий Иванович (1937–)
665

СПИСОК ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ ЯПОНСКИХ СЛОВ

Айкёдзюку 愛郷塾

айкоку 愛国

Айкоку кёто 愛国公党

Айкокуся 愛国社

бакуматсу 幕末

бакуфу 幕府

бусидо 武士道

Бэхэйрэн へ平連

ва 和

вакон-ёсай 和魂洋才

Гёминкай 業民会

гидзё 議定

гокадзё госэймон 五箇条御誓文

гоно 豪農

гун 郡

гэнрё 元老

гэнрёин 元老院

Гэнсуйкё 原水協

Гэнсуйкин 原水協

Гэньёся 玄洋社

гэта 卜駄

дадзё дайёзин 太政大臣

дадзёкин 太政官

дайёдзёсай 大嘗祭

Дайдё данкэцу 大同団結

даймё 大名

Дайниппон сангё хёкоку кай

大日本産業報国会

Дайниппон сёйдзикай 大日本政治会

Дайтёа кайги 大東亜会議

дандзёдай 弾正台

дза 座

дзайбану 財閥

дзёрэй 条令

дзётё сайбансё 上等裁判所

Дзиммукай 神武会

дзингикан 神祇官

дзингу 神宮

дзиндзё 神社

дзинуси 地主

дзюугаку 実学

дзюд минсэн ундё 自由民権運動

Дзидотё 自由党

Дзёммин рёкё 全民労働

Дзэнгакурэн 全学連

дэюсин 重臣

Дёмэй 同盟

Дёсикай 同志会

Ёкусан сайдзи кай 翼賛政治会

ёнаоси 世直し

икки 一揆

исин 維新

итай-итай(бё) イタイイタイ病

из 家

ка 課

кадзоку 華族

кайгунсё 海軍省

кайхёха 開放派

какумаруха 革マル派

какумэй 革命

Какусин курабу 革新クラブ

камикадзё 神風

кимпаку 閉白

кан 官

кансай-вакон 漢才和魂

кёку 局

кигэнсэцу 紀元節

кидзокуин 貴族院

кимоири 肝煎

кимоно 着物

кёбусё 工部省

Кодзакуракай 小樽会

кодзин 個人

Кодёха 皇道派

коккай кайсэцу сёги 国会開設奏議

Коккай кисэй дёмэйкай

国会期成同盟会

коккасюги 国家主義

коку 石

Кокуминтё 国民党

Кокурёкай 黒竜会

кокутай 国体

Кокухонся 国本社

комминтё 困民党

Комэйтё 公明党

конохэй 近衛兵

кёрэй 恒例

косакутō 小作党

котē 戸長

котē якуба 戸長役場

ку 区

кузэ 公家

ку сайбансэ 区裁判所

кутэсонкай 区町村会

кэйбусэ 警部省

Кэйланрэн 経団連

Кэйдзай дōйюкай 経済同友会

кэмтō сэйтэй икэнсэ

憲法制定意見書

кэмтэйтай 憲兵対

кэндзи 検事

кэнрэй 県令

Кэнсэйкай 憲政会

Кэнсэйтō 憲政党

Кэнсэйхонтō 憲政本党

Кэцумэй 血盟

Кэцумэйдан 血盟団

мати 町

мимбусэ 民部将

минпонсэки 民本主義

минамата(бэ) 水俣病

Минсэйтō 民政党

мия 宮

Мокуёкай 木曜会

мура 村

Мэйдзи исин 明治維新

найкакү 内閣

нануси 名主

Никкэйрэн 日経連

Ниссэ 日商

Нитирэн 日蓮

Нихон-ни-окэру сякайсюги-э-но

мити то 1970 нэн-но тōсō

日本における社会主義への道
と1970年の闘争

Нихон синтō 日本新党

Нихон саякай минсютō

日本社会民衆党

Нихон сяхайтō 日本社会党

Нōмин рōдōтō 農民労働党

нэмаваси 根回し

оябун-кобун 親分子分

ояката 親方

рёсю 領主

Риккэн дзийтō 立憲自由党

Риккэн кайсинтō 立憲改進黨

Риккэн сэйюкай 立憲政友会

Риккэн тэйсэйтō 立憲帝政党

рикугунсэ 陸軍省

Риссися 立志社

Рōдō кумий дōмэйкай

労働組合同盟会

Рōдō кумий кисэйкай

労働組合期成会

Рōнōтō 労働党

Рэнгō 連合

саин 左院

сайбансэ 裁判所

сайбансэ сёкусэй 裁判所職制

Сайкō сэнеō сидō кайги

最高戦争指導会議

сайсэй итти 祭政一致

Сакуракай 桜会

сикэ 酒

Самбэцу кайги 産別会議

санги 参議

сансёкү 三職

сансинхō 三新法

синьё 参与

санъинсэй 三院制

сё 省

сёгун 將軍

сёкуичрэй 職院令

сидзюкү 氏族

Симпōтō 進歩党

симтэй 親兵

си-нō-кō-сё 士農工商

Синсинтō 新進黨

Синсэйтō 新政党

Синтō сакигакэ 新党魁

синтай 神体

Синтайсэй сокусин дōсикай

新体制促進同志会

синтō 神道

сикōсэ 司法省

сикō сёкүму тэйсэй 司法職務訂正

сикōсэ риндзи сайбансэ

司法省臨時裁判所

сōгō сёся 総合商社

Сōдōмэй 総同盟

Сōка гаккай 創価学会

соннō-дзёи 尊皇攘夷

Сѳнэндан 想念団
сѳсай 総裁
Сѳхѳ 総評
соцу 卒
Суйѳкай 水曜会
сѳмицуин 枢密院
сѳйин 正院
сѳйтайсѳ 政体書
Сѳйѳкай 精銳会
сѳкихѳтай 赤繻隊
сѳнпуку 切腹
сѳссѳ 摂政
сѳгсин 衆議院
сѳутѳ сѳйбансѳ 出張裁判所
Сѳкай минсѳтѳ 社会民衆党
Сѳкайсѳюги кѳкай 社会主義教会
Сѳкайсѳюги кѳнкѳкай
社会主義研究会
Сѳкайтайсѳтѳ 社会大衆党
сѳккинтѳ 借金党

тайрику синсѳнцу 大陸進出
Тайро дѳсикай 対露同志会
тайсинъин 大審院
Тайсѳй ѳкусан кай 体制翼賛会
татами 畳
тѳ町
тѳссѳн сѳтокуфу 朝鮮總督府
тиан кѳйсѳцу хѳ 治安警察法
тикѳн 地券
тиндай 鎮台
тобаку 統幕
тодзама-даймѳ 外様大名
Тоѳсякайтѳ 東洋社会党
токан 統監
Тѳсѳйха 統制派
тѳйкоку гикай 帝国議會
Тѳйкоку дзайгѳгундзин кай
帝国在郷軍人会
Тѳйсѳйтѳ 帝政黨
тѳѳкакуха 中革派
Тѳрицу рѳрѳн 中立勞連
Тѳсѳйкай 中正会

уин 右院

фудай-даймѳ 譜代大名
фукѳн сѳйбансѳ 府県裁判所
фурусато 古里
футидзи 府知事

фу-хан-кѳн 府藩県
фуцѳ сѳнкѳ кисѳй ѳймѳкай
普通選挙期成同盟会

хабѳцу 派閥
хайхан тикѳн 魔藩置県
Хакурѳкай 白狼会
хан 藩
хансѳки хѳкан 版籍奉還
хантѳ сѳкусѳй 藩地職制
Хѳгикай 評議會
хитори итѳисѳюги 一人一死主義
хонсѳки 本籍
хѳймин 平民
Хѳйминсѳ 平民社

ѳта 穢多

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- История Японии. 1945–1975. М., «Наука», 1978
- Кистанов В.О. Япония в АТР. Анатомия экономических и политических отношений. М., «Восточная литература», 1995
- Кравцович А.И. Общественное предпринимательство в Японии. М., «Наука», 1988
- Кутаков Л.Н. Россия и Япония. М., «Наука», 1988
- Молодякова Э.В., Маркарян С.Б. Японское общество: книга персмен (полтора века эволюции). М., 1996
- Норман Г. Возникновение современного государства в Японии. М., ИВЛ, 1961
- Очерки новой истории Японии (1640–1917). М., ИВЛ, 1958
- Пасков С.С. Современная японская буржуазная историография. Проблемы политики Японии в Китае в конце XIX–первой четверти XX в. М., «Наука», 1982
- Размышления о японской истории. М., 1996
- Сила-Новицкая Т.Г. Культ императора в Японии. Мифы, история, доктрины, политика. М., «Наука», 1990
- СССР и Япония. М., «Наука», 1987
- Табохаси К. Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895 гг.). М., Изд. ин. лит., 1956.
- Тояма С. Мэйдзи исин. Крушение феодализма в Японии. М., Изд. ин. лит., 1959
- Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., ИВЛ, 1960
- Япония: конец XX века. Последние тенденции трансформации. М., 1996
- Японский феномен. М., 1996
- Akira I. After Imperialism. The Search for a New Order in the Far East. Cambridge (Mass.), Harvard Univ. Press, 1968
- Fairbank J., Reischauer E., Craig A. East Asia. The Modern Transformation. Boston, Houghton Mifflin Co., 1965
- Hane M. Peasants, Rebels and Outcasts. The Underside of Modern Japan. N.Y., Pantheon Books, 1982
- Lewis M. Rioters and Citizens. Mass Protest in Imperial Japan. Berkeley–L.A.–Oxford, Univ. of Calif. Press. 1990
- Scalapino R. Democracy and the Party Movement in Prewar Japan. The Failure of the First Attempt. Berkeley–L.A.–L., Univ. of Calif. Press. 1975
- Wray H., Conroy H. (ed.). Japan Examined. Honolulu, Univ. of Hawaii Press. 1983

ВВЕДЕНИЕ	3
РАЗДЕЛ I	
ВЫХОД ЯПОНИИ НА МИРОВУЮ АРЕНУ	9
ЧАСТЬ 1. РОЖДЕНИЕ НОВОЙ ЯПОНИИ	11
Глава 1. РЕСТАВРАЦИЯ МЭЙДЗИ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА (1867–1869).....	11
Кризис сёгуната накануне реставрации.....	11
Падение сёгуната и гражданская война.....	19
Историческое значение реставрации Мэйдзи.....	26
Глава 2. МЭЙДЗИЙСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ.....	29
Первые шаги новой власти.....	29
Формирование государственной идеологии.....	34
Административные реформы.....	39
Реформирование вооруженных сил и полиции.....	46
Судебно-правовая реформа.....	51
Экономические реформы.....	56
Реформа образования.....	67
Приливы и отливы европеизации.....	73
Глава 3. СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В ГОДЫ МЭЙДЗИЙСКИХ РЕФОРМ.....	77
Крестьянские волнения.....	78
Самурайская оппозиция.....	81
Движение либеральной оппозиции.....	85
Положение рабочих и их первые выступления.....	91
ЧАСТЬ 2. ЯПОНИЯ НА ПУТИ К СОЗДАНИЮ ИМПЕРИИ	95
Глава 1. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ 80-х гг. XIX в.....	95
Изменения в экономической политике.....	95
Политика финансовой стабилизации.....	96
Развитие японской экономики.....	99
Тенденции в развитии внешней торговли.....	104
Глава 2. РЕОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ.....	106
Первые политические партии Японии.....	106
Организация правительства по европейскому образцу.....	110
Создание первой японской конституции.....	112
Начало работы парламента.....	122

Глава 3. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В 70-х – НАЧАЛЕ 90-х гг. XIX в. 125

Формирование целей японской внешней политики.....	125
Присоединение о-вов Рюкю.....	126
Политика Японии в отношении Кореи.....	127
Развитие русско-японских отношений.....	134
Борьба Японии за отмену неравноправных договоров.....	137

ЧАСТЬ 3. ПРЕВРАЩЕНИЕ ЯПОНИИ В ВЕЛИКУЮ ДЕРЖАВУ 143

Глава 1. ВСТУПЛЕНИЕ ЯПОНИИ В БОРЬБУ ЗА ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЙ РАЗДЕЛ МИРА (1894–1904).....143

Японо-китайская война 1894–1895 гг.....	144
Участие Японии в борьбе за раздел Китая.....	156

Глава 2. ВНУТРЕННЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЯПОНИИ В 1895–1904 гг. 165

Экономика Японии в период между японо-китайской и русско-японской войнами.....	165
Тенденции внутривластического развития.....	172

Глава 3. РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА (1904–1905).....183

На пути к русско-японской войне.....	183
Ход военных действий.....	188
Внутреннее положение Японии во время войны.....	196
Портсмутский мирный договор.....	199

РАЗДЕЛ II ЯПОНИЯ В РОЛИ ВЕЛИКОЙ ВОЕННОЙ ДЕРЖАВЫ.....215

ЧАСТЬ 1. УТВЕРЖДЕНИЕ ЯПОНИИ В РОЛИ ВЕЛИКОЙ ДЕРЖАВЫ 217

Глава 1. ЯПОНИЯ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ МЭЙДЗИ (1905–12) 217

Плоды победы в русско-японской войне.....	217
Отношения Японии с великими державами.....	222
Внутривластическое положение.....	228
Особенности экономического развития.....	235

Глава 2. ОТ ВОЕННО-БЮРОКРАТИЧЕСКИХ К «ПАРТИЙНЫМ» КАБИНЕТАМ (1912–1918).....	244
«Демократия Тайсё».....	244
Внутренняя политика накануне и во время мировой войны.....	249
Глава 3. УЧАСТИЕ ЯПОНИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (1914–1918).....	259
Военные действия Японии против Германии.....	259
Японские притязания в Китае.....	261
Япония на Парижской мирной конференции.....	268
Влияние мировой войны на японскую экономику.....	270
ЧАСТЬ 2. «ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ» ИМПЕРСКОЙ ЯПОНИИ.....	274
Глава 1. ПОДЪЕМ И СПАД ЛИБЕРАЛЬНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ В ЯПОНСКОЙ ПОЛИТИКЕ (1918–1930).....	275
Тенденции внутриполитического развития в 20-е годы.....	275
Развитие рабочего движения.....	283
Японская экономика в 20-е годы.....	288
Глава 2. ПРОТИВОРЕЧИЯ ЯПОНСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ В 1918–1930 гг.	298
Японская интервенция на русском Дальнем Востоке.....	298
Вашингтонская конференция.....	304
Победа экспансионизма во внешней политике.....	314
Глава 3. ВОЗДЕЙСТВИЕ МИРОВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ЯПОНИЮ (1929–1931).....	321
Мировой экономический кризис и японская экономика.....	321
Последствия мирового кризиса для японской политики.....	323
ЧАСТЬ 3. ЯПОНИЯ НА ПУТИ ВОЕННЫХ АВАНТЮР.....	327
Глава 1. РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АВАНТЮРИЗМА (1931–1936).....	327
Рост влияния националистов в японской политике.....	327
Развитие японской агрессии в Китае.....	338
Закат эпохи «партийных кабинетов».....	348
Японская экономика в послевоенные 30-е годы.....	359

Глава 2. БОРЬБА ЗА «НОВЫЙ ПОРЯДОК» В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (1937–1941).....366

Подготовка «тотальной мобилизации».....	366
Развязывание японо-китайской войны.....	370
От «китайского инцидента» к тихоокеанской войне.....	380

Глава 3. ЯПОНИЯ В ВОЙНЕ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ (1941–1945) 400

Начальный этап войны.....	400
Борьба за стратегическую инициативу.....	407
Внешняя политика Японии в период военных успехов.....	415
Закат могущества Японской империи.....	422
Военная экономика Японии.....	439
Внутреннее положение в Японии в годы войны.....	451
Япония на пороге поражения.....	459

РАЗДЕЛ III ЯПОНИЯ НА ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ПУТИ РАЗВИТИЯ.....479

ЧАСТЬ I. ЯПОНИЯ В ПЕРИОД ОККУПАЦИИ.....481

Глава 1. ПОСЛЕДСТВИЯ ПОРАЖЕНИЯ ЯПОНИИ.....482

Непосредственные итоги войны для Японии.....	482
Особенности оккупации Японии.....	486

Глава 2. ПЕРВЫЙ ЭТАП ОККУПАЦИИ (1945–1948).....491

Задачи первого этапа оккупации.....	491
Демократизация общественно-политической жизни.....	493
Экономика Японии в начальный период оккупации.....	512
Коалиционные правительства Катаяма и Асида.....	521

Глава 3. «ОБРАТНЫЙ КУРС» В ПОЛИТИКЕ ОККУПАЦИИ (1948–1952).....525

Новый курс американской политики в Японии.....	525
Война в Корее и Япония.....	534
Внутриполитическая борьба в последние годы оккупации.....	538
Заключение мирного договора и окончание оккупации.....	543

ЧАСТЬ 2. ЯПОНИЯ НА ПУТИ К ВОССТАНОВЛЕНИЮ СТАТУСА МИРОВОЙ ДЕРЖАВЫ.....	551
Глава 1. ПОСЛЕОККУПАЦИОННЫЙ ПЕРИОД (1952–1960).....	552
Завершение восстановления экономики.....	552
Создание «политической системы 1955 года».....	556
Поиск места в системе международных отношений.....	560
Глава 2. ПЕРИОД ВЫСОКИХ ТЕМПОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА (1960–1971).....	581
Феномен высоких темпов экономического роста.....	581
Перемены в структуре политических сил.....	588
Начало формирования многополярного мира и Япония.....	598
ЧАСТЬ 3. ЯПОНИЯ В ЧИСЛЕ ЛИДЕРОВ СОВРЕМЕННОГО МИРА	612
Глава 1. УТВЕРЖДЕНИЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РОЛИ ЯПОНИИ В МИРЕ (1971–1980).....	612
Окончание периода высоких темпов экономического роста	612
Активизация японской дипломатии.....	615
Новые тенденции во внутривластной жизни.....	621
Глава 2. ЯПОНИЯ НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ БЛОКОВОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ (1981–1989).....	633
Японская экономика после структурной перестройки.....	633
Глобализация японской внешней политики.....	643
Эволюция ведущих политических партий.....	650
Глава 3. ЯПОНИЯ ПОСЛЕ ОКОНЧАНИЯ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ» (1989–1997).....	660
Кризисные явления в экономике.....	660
Внешняя политика Японии после окончания блокового противостояния.....	662
Перемены на внутривластной арене.....	672
ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЯПОНИЯ И XXI ВЕК.....	685
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	686
СПИСОК ЯПОНСКИХ СЛОВ.....	695
РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	698

СПИСОК ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ ЯПОНСКИХ СЛОВ

аварэ 哀れ
 агата 県
 агата нуси 県主
 Адзума кагами 吾妻鏡, 東鑑
 акахон 赤本
 акутō 悪党
 амадо 雨戸
 ама-цу ками 天つ神
 амацу хитуси 天つ日嗣
 анкокудзи 安国寺
 аохон 青本
 арагато 荒事
 арита 有田
 асигару 足輕
 асами 朝臣
 атичи 直, 費, 費直

Байсё рон 梅松論
 байтё (байдзукэ) 陪冢, 陪塚
 бакумацу 幕末
 бакуфу 幕府
 бакухин 幕藩
 бансё сирабэсё 蕃書調所
 бансэй икэй 万世一系
 банся 蕃社
 бантō 番頭
 басё 芭蕉
 бёбу 屏風
 би 美
 бива 琵琶
 бива хёси 琵琶法師
 бō 坊
 бōко 房戸
 бонсай 盆栽
 бу 歩
 бугё 奉行
 бугёнин 奉行人
 бугёнинсё 奉行人衆
 Бугёнин хёсё 奉行人 奉書
 бугёсё 奉行所
 бужэ 武家
 бужэ гата 武家方
 Бужэ сёхатто 武家諸法度
 бужэ сэйкэн 武家政權
 бужэхō 武家法
 бундзи (бунти) 文治
 бундзин 文人

Бунка рокунэн никки 文化六年日記
 бункэ 分家
 бунти сэйгэнрэй 分地制限令
 бунцукэ 分附
 буси 武士
 бусидō 武士道
 буюку 夫役, 賦役
 бэ部
 бэккэ 別家

вакадокоро 和歌所
 вакадосиёри 若年青
 вакидзаси 脇差, 脇指
 вакō 倭寇
 варимото 割元, 割本
 ватадоно 渡殿
 Ватираи синтō 度会神道
 ви (совр. и) 位

габун 雅文
 гагаку 雅樂
 гайкан 外官
 гёбусё 刑部省
 гёситайфу 御史大夫
 гёсон 漁村
 гидай буси 義太夫節
 Гикэйки 義經記
 Гиндза 銀座
 гири 義理
 гисэйкан 議政官
 гō 郷 (административная единица)
 гō 合 (мера объема)
 гобан 五番
 гобансё 五番書
 гобусё 五奉行
 гōдзюон 五十音
 Гоёбля 御用部屋
 гоёкин 御用金
 гоё рёгаз 御用両替
 гоин 後院
 гōко 郷戸
 гокэнин 御家人
 гонингуми 五人組
 гоон 御恩
 гароку 詒録
 госан 五山
 госан бунзаку 五山文学

госанкё 御三卿
 госанкэ 御三家
 гōси 郷士
 Госэйбай сикимоку 御成敗式目
 Гукаисё 愚管抄
 гун 郡
 гундай 郡代
 гундан 軍団
 гунки 軍記
 гунрай 軍礼
 гэй (гай) 外位
 гэкё 外京
 гэкокудзё 下剋上, 下克上
 гэмбукү 元服
 гэмпэй 源平
 гэмпэй гассэн 源平合戦
 Гэмпэй дзёсуйки 源平盛衰記
 Гэндзи моногатари 源氏物語
 гэннин 下人
 гэнкан 玄關
 гэнкин 元金
 гэсаку 戯作
 гэта 下駄

дадзайгон-но соти 太宰權帥
 дадзайфу 大宰府
 дадзё (дайдзё) дайдзин 太政大臣
 дайдзё дайдзин
 дзэндзи 太政大臣禪師
 дайдзёкан (дайдзёкан) 太政官
 дайбуцу 大仏
 дайгаку 大学
 дайгакурё 大学寮
 дайги 大儀
 дайдзин 大臣
 дайкан 代官
 дайкан гасира 代官頭
 даймёкаси 大名貸し
 даймё тато 大名田堵
 дайнагон 大納言
 Дайнитикё 大日經
 Дайнихон си 大日本史
 дайрай 大礼
 дайси 大信
 дайсёдзү 大僧都
 дайти 大智, 大知
 дайтоку 大徳
 бандзаэмон 彈左衛門
 дза 座
 дзайбацу 財閥

дзаймати 材町
 дзайтё-но каннин (дзайтё кандзин)
 在庁官人
 дзайти рёсю 在地領主
 дзакко 雑戸
 дзё 条
 дзё 丈 (мера длины)
 дзёдай 城代
 Дзёдо 淨土
 Дзёдо синсю 淨土真宗
 Дзёдо сё 淨土宗
 дзёдэн 粟田
 дзёкамати 城下町
 Дзёкё-но ран 承久の乱
 Дзёмон 縄文, 縄紋
 дзёрури 淨瑠璃
 дзёрури катарі 淨瑠璃語り
 Дзёэй сикимоку 貞永式目
 дзёбусё 治部省
 дзидай 時代
 дзидай моно 時代物
 дзикифу 食封
 дзиккан 十十
 дзингикан 神祇官
 Дзиннё сётёки 神皇正統記
 дзинсин 壬申
 дзинсин-но ран 壬申の乱
 дзинсёй 仁政
 Дзисёдзюэй-но ран 治承寿永の乱
 дзиссасу (дзиссэцу) 十刹
 дзися бугё 寺社奉行
 дзитё 地頭
 дзёбё 像法
 дзүйхицу 随筆
 дзурё 受領
 дзэмидо кёхё фун 前方後方墳
 дзэмидо кёэн фун 前方後円墳
 дзэн 禅
 Дзёбэн дзёги 十便十宜
 дзюку 塾
 дзюписи 十二支
 дō 道
 догō 土豪
 догү 土偶
 дōдзюку 同族
 дōри 道理
 дōтакү 銅鑼
 дэкасаги 出稼ぎ

ё 膚

ēgaку 洋学
ēgaкусё 洋学所
ēкёку 謡曲
ēкоанакики сэкисидзу 横穴式石室
ёмимоно 読み物
ёми-но куни 黄泉の国
ёмихон 読本
ёршай 寄合
Ёрō рицурё 養老律令
ёхэй 余兵

и 位
Ивалзюку 岩宿
иваси 鯛, 鯛
игэти 井桁
Идзумо-фудоки 出雲風土記
идэн 位田
Иккō 一向
иккодзё 一個城
Иккō икки 一向一揆
икэбана 生花, 活花
Имакагами 今鏡
имики 忌寸
инаги 稻置
инкё 隱居
ин-но кинсин 院近臣
ин-но тё 院庁
инси 院使
инсэй 院政
ину 戌
ироку 位禄
исидзира 石皿
Исэ моногагари 伊勢物語
Исэ синтō 伊勢神道
итибамати 市場町
ихай 位牌

ка ☆
кабанэ 姓
кибу 株
Кабуки 歌舞伎, 歌舞妓
кабунакама 株仲間
каварабан 瓦版
Кигэрō ники 蜻蛉日記
кигёюси 勘解由使
кайдзука 貝塚
Кайтокудō 懷徳堂
кайэкэ 改易
какун 家君

какэнэ 掛値
какэн 掛屋, 懸屋
Камакура бакуфу 鎌倉幕府
Камакура-дано гокэнин
鎌倉殿御家人
ками кадзэ 神風
каммэ 貫目 (=3,75 кг)
камон даймё 家門大名
кампаку 関白
камтō игаку 漢方医学
кан 貫
кана 仮名, 仮字
кана оздси 仮名草子
кангакудэн 勧学田
кингакусэ 漢学者
кандака 貫高
кандзё бугё 勘定奉行
кандзё бугёсё 勘定奉行所
кандзэн тёаку 勧善懲惡
кандō 官道
кикко 官戸
кинухи (кунухи) 官奴婢
канрэй 管領
Кантō гокэнин 関東御家人
Кантō канрэй 関東管領
Кантō кубō 関東公方
Кантō фу 関東府
Канхассю цунагума 関八州繫馬
канг 金
каригэ 借上
карō 家老
каруми 軽み
карэй 嘉礼
касиигэ 借上
катакана 片仮名
катана 刀
Катанагари-но рэй 刀狩令
катарибэ 語部
катаримонч 語り物
каттэката 勝手方
кахō 家法
кёгоку оодзи 京極大路
кёган 狂言
кёмасу 京枡
Кёто сёго 京都守護
Кёто хёдзёсё 京都評定衆
ки 己 (знак зодиака)
ки 癸 (знак зодиака)
ки 貴 (знать)
ки 揆 (чиновник)

киба миндзоку 騎馬民族
 кибёси 黄表紙
 кидобан 木戸番
 кикадзин 帰化人
 кимбэн какумэй 勤勉革命
 кимоно 着物
 кин 斤
 Кинай 畿内
 кишдай 近代
 кишото 乙
 киноэ 甲
 кинсин 近臣
 кинсэй 近世
 Кинтё нараби-ни кугэ сёхатто
 禁中並公家諸法度
 кироку 季禄
 кирокудзё 記録所
 кироку сёэн кэнкэйсё
 記録荘園券契所
 кисин тикэй 寄進地系
 кисицу-но сэй 氣質の性
 китирэй 吉礼
 кихэйтай 奇兵隊
 ко 戸
 кō 工 (ремесленники)
 кобан 小判
 кōбу гаттай 公武合体
 кōбу сэйдзи 公武政治
 кōбэцу 皇別
 кагакуха 古学派
 Колзика 古事記
 кодō 古道
 кодзума 小棲
 кōдэн 公田
 кōки 皇紀
 Кокин вакасё 古今和歌集
 Кокинсё 古今集
 кокка 国家
 коккэйбон 滑稽本
 кокуро 心
 кокубундзи 国分寺
 кокугаку 国学
 кокугакухи 国学派
 кокудака 石高
 кокудзин 国人
 кокудзин икки 国人一揆
 кокуси 国司
 Кокусэнъя кассэн 国性爺合戦
 кокутай 国体
 кōмин 公民

кондō 金堂
 кондōй 健児
 кондэн эйгэн сидзай хō
 壺田永年私財法
 Конкōмекё 金光明經
 коори 郡
 косикуни 小作人
 Косёку гонин онна 好色五人女
 Косёку итидай онна 好色一代女
 Косёку итидай отоко 好色一代男
 косёку моно 好色物
 косиро 子代
 косодэ 小袖
 косэки сэйдо 戸籍制度
 котай 炬燵, 火爐
 кото 琴, 箏
 котоба 言葉, 詞, 辞
 кофун 古墳
 коцудзи 小通事, 小通詞
 коцудзимассэки 小通事末席
 коцудзисукэ 小通事助
 кōя маки 高野槇
 кубō 公方
 кубундэн 11 分日
 кугицуки 釘抜き
 кугонин 供御人
 куэа 公家
 куэа сэйкэн 公家政權
 куэахō 公家法
 кудзиката 公事方
 Кудзи хонги 旧事本紀
 куми 組
 кумондзё 公文所
 кунайсё 宮内省
 куни 国
 куни-но мияцукō 国造
 куни-но цувамоподомо 国の兵殿
 кунги 勲位
 кура 座
 курамото 倉元
 куродзумикё 黒住教
 курōдо докоро 藏人所
 курохон 黒本
 кутанияки 九谷焼
 кэбииси 検非違使
 кэбииситё 検非違使庁
 кэйкоцудзи 稽古通事, 稽古通詞
 Кэмму-но тйōкō 建武中興
 Комму сикимоку 建武式目
 кэнин 家人

кэнти 檢地
кэнтитё 檢地帳
ккёсэки дэидай 旧石器時代
кяку 格

мабики 間引き
магатама 曲玉, 勾玉
макотто 真, 実
макуцури 真桑瓜
Макура-но сбси 枕草子
мамуси 嬢
мандокоро 政所
Манъёсю 万葉集
маппо 末法
Масу кагами 増鏡
мати 町
мати бугё 町奉行
матигуни 町組
матидосиёри 町年寄
матисю 町衆
махито 真人
мёгакин 真加金
мёдэн 名田
мёсю 名主
Мёхё ронъэкё 妙法蓮華經
ми 巳
Мибуи-но тэйрэй 身分定例
мидзу 水
Мидзу кагами 水鏡
микадо 御門, 帝
мимбусё 民部省
минатомати 港町
мино одори 菰踊り
мита 御田, 屯田
мити-но си 道師
митиюки 道行
Митогаку 水戸学
Митогакуха 水戸学派
Миура-но ран 三浦の乱
миутибито 御内人
Мицуи обдзёку 三井同族
мия 宮
мия сата 宮方
мияко 都
миякэ 屯倉
могари 殖
могари-но мия 殖の宮
моккан 木簡
моммэ 叟, 文目 (1/60 pē)
мон 文

мондзэммати 門前町
моно-но аварэ 物の哀れ
Монто 門徒
монтюдзё 問注所
моти 餅
моя 喪屋
мояигин 催合い金
Мунэтакэ исё 宗竺遺書
мура 村
мурадзи 連
мура якуни 村役人
Муромати бакуфу 室町幕府
мусядокоро 武者所
мэ 日 =моммэ
мэйбучу 名物
Мэйдзи исин 明治維新
мэйкун 名君
Мэйтаку-но ран 明徳の乱
мэцукэ 日付
мэясубако 目安箱

наго 名子
нагон 納言
надзукёгин 名付け金
найдайзин 内大臣
найкан 内官
найюдзи 内通事, 内通詞
накама 仲間
накацукасаё (тёмусё) 中務省
намбандзин 南蛮人
намбокутё 南北朝
Нимбокутё дэидай 南北朝時代
Намбороку 南方録
Нанабан никки 七番日記
Нанкайдё 南海道
нанкэ 南家
Нансё Сатоми хиккэн дэн
南総里見八犬伝
нанто рокусю 南都六宗
нантэй 南庭
нануси 名主
насино 名代
нигоридзакэ 濁り酒
нидзиркути 踰り口
ниинамэ сай 新普祭
никки 日記
нимбичу арамамэ 人別改
нингё дзёрури 人形浄瑠璃
Нинион эйтайгура 日本永代蔵
нисидзин 西陣

нисики 錦
 нисикиз 錦絵
 Нихон 日本
 Нихон гайси 日本外史
 Нихон коки 日本後紀
 Нихонкоку гэмпо дзэппаку рёики
 日本国元宝善惡盡異記
 Нихон Монтоку тэнно дзицуроку
 日本文徳天皇実録
 Нихон рёики 日本善異記
 Нихон сандай дзицуроку
 日本三代実録
 Нихон сёки 日本書紀
 Нё 能
 нё 農 (крестьяне)
 нёаку 能楽
 Нодзараси кикё 野ざらし紀行
 нёсё 農書
 нёсон 農村
 нухи 奴婢
 нэ 子
 нэнго 年語
 нэнго 年号 (девят правления)
 нэнгу 年貢
 Нэнхан(сё) 涅槃(宗)

обан 大判
 оби 帯
 оёсё 大御所
 Оёмэй 王陽明
 Оёмэйгаку 王陽明学
 Ои-но кобуми 笈の小文
 Оку-но хосомити 奥の細道
 ами 臣
 омуцу 大目付
 Онин-но ран 応仁の乱
 онсё ката 恩賞方
 онти 恩地
 онъи 蔭位
 Окагами 大鏡
 джимми 大君
 окурасё 大蔵省
 оми 大臣
 омотоката 大元方
 омурадзи 大連
 Орага хару おらが春
 Оранда модзи рякки
 阿蘭陀文字略記
 орёси 押領使

осю сёбугё 奥州総奉行
 осю сэйбацу 奥州征伐
 оюдзи 大通事, 大通詞
 Оэй-но ран 応永の乱

рикудза 楽座
 рикүити 楽市
 рангаку 蘭学
 Рангаку кайтэй 蘭学階梯
 Рангаку кёсюдзё 蘭学講習所
 рангакуся 蘭学者
 рё 令 (закон)
 рё 領
 рё 両 (денежная единица)
 рёбу синто 両部神道
 рёгаэтэн 両替店
 рёко 陵戸
 рёкэ 領家
 рёмин 良民
 Рё-но гингё 令義解
 Рё-но сёгё 令義解
 рёсю 領主
 рёсюкэн 領主権
 ри 里
 ри 理 (справедливость)
 риккокуси 六国史
 Риндзай дзэн 臨濟禪
 рисси 律師
 риссин 立身
 рицу 律
 рицурё кокка 律令国家
 рёдзё 郎從
 рёдзё 老中 (государственный совет-
 ник)
 рёдзё 郎等
 роккасэн 六歌仙
 рокухара тандай 六波羅探題
 ромадзи ローマ字
 рёнин 浪人
 рюуи 留守居
 рэй 礼
 рэкиси моногатари 歴史物語
 рэнга 連歌
 рэнсё 連署
 саби 寂
 сагабон 嵯峨本
 садайдзин 差大臣
 Сайкайдё 西海道
 сакаки 榊, 賢木

сакоку 鎖国
 сакунин 作人
 сакура 桜
 сакэ 酒
 сама 様, 状
 самурай 侍
 самурай докоро 侍所
 санбугэ 三奉行
 санги 参議
 санкан 三管
 санкин кōтай 参勤交代
 сансō 山僧
 сансон 山村
 Саньёдō 山陽道
 Саньиндō 山陰道
 санья 山野
 Сарасина кикō 更科紀行
 сару 申
 саругакү 猿楽, 申楽
 сасидаси 指出
 сато 里
 сато дэйри 里内裏
 сатори 落り, 覺り
 сё 升 (мера объема)
 сё 商 (торговцы)
 сё 莊, 庄
 сёбō 諸法
 сёги 小儀
 сёги 将棋, 象棋, 象戲 (настольная игра)
 сёгун 將軍
 сёдзан 諸山
 сёдзи 障子
 сёин 書院
 сёин дзукури 書院造
 сёка-но хэйси 諸家兵司
 сёки сёэн 初期莊園
 Сёку нихонги 統日本紀
 Сёку нихон коки 統日本後紀
 сёмё тато 小名田塔
 сёмин 庶民
 сёмин 莊民
 сёрай 小礼
 сёрёси 諸陵司
 сёси 書司
 сёсидай 所司代
 сёсин 小僧
 Сёси хатто 諸士法度
 Сёсёбин 正倉院
 сёти 小知

сётоку 小徳
 Сётё-но хэн 正中の変
 сёэн 莊園, 庄園
 си 士 (воины)
 си 私
 сибуи 洩い
 сидзин 資人
 Сидзэн синьэйдō 自然真營道
 сидэн 私田
 сики 式
 сикибундэн 職分田
 сикибусё 式部省
 сикидэн 職田
 сикикэ 式家
 сикихёдзёсё 式評定衆
 сиккэн 執権
 симбуру конкō 神仏混淆
 симбэцу 神別
 симин 市民
 симоцуки сдōд 霜月騒動
 симпан 親藩
 синабэ 品部
 сингакү 心学
 Сингон 真言
 синдзин 神人
 синдзинуси 新地主
 синдзё 心中
 Синдзё Тэй-но Амидзима
 心中天の網島
 синдэн 寢殿
 синдэн дзукури 寢殿造
 Син кокин вакасё 新古今和歌集
 Син кокинсё 新古今集
 синкоку 神国
 Синсэн сёдзироку 新撰姓氏録
 синтай 神体
 синтō 神道
 Синтō гобусё 神道五部書
 синухи 私奴婢
 сирё 私領
 сисёкү (сисики) 四職
 сисёсэцу 私小説
 сиси 獅子, 師子
 ситё 紙帳
 ситиситō 七支刀
 ситомидо 蓆戸
 сирёдзи 執事
 со 租
 собаёнин 側用人
 Сога моногатари 曾我物語

обдзу 僧都
 Обнирē 僧尼令
 соннō дзэи 尊王懷夷, 尊皇攘夷
 Сондзакки сиидзэ 曾根崎心中
 соробан 算盤, 十露盤
 Сōтō дзэн 曹洞禪
 судзакү 朱鳥, 朱筆
 суйбоку 水墨
 сүидзэн 水田
 суйкō 出拳
 сүкунō 宿棚
 сумо 相撲, 角力
 сумэрамикото 皇尊, 天皇
 сүэ 陶
 сэви моно 世話物
 сэй 性
 сэи тайсёгун 征夷大將軍
 сэй сёгун 征將軍
 сэкибō 石棒
 сэкисё 關所
 сэккансэ 攝關家
 сэккан сэйдзи 攝關政治
 Сэкэн мунсэнсё 世間胸算用
 сэммё 宣命
 сэммин 賤民
 сэngoкү дзидай 戰国時代
 сэngoкү даймё 戰国大名
 Сэндзимон 千字文
 Сэссё 摂政
 сэцува 說話
 сюба-но тō 種馬場
 сюго 守護
 сюгодай 守護代
 сюго даймё 守護大名
 сюиндзё 朱印狀
 сюкубамаи 宿場町
 сёмон аратамэ 宗門改
 сёмон аратамэтё 宗門改帳
 Сюнсёкү умэгоёми 春色梅唇,
 春色梅児唇美
 сюсигаку 朱子學
 сютё 主帳
 сяку 勺 (мера объема или площади)
 сяку 尺 (мера длины)
 сямисэн 三味線
 сяридэн 舍利殿
 сярэбон 洒落本

тайги мэйбун 大義名分
 тайицу 太一, 泰一, 太乙

тайкō 太閤, 大關
 тайкō-но кэнти 太閤の見地
 тайноя 対屋
 тайрō 大老
 Тайхō рицурё 大宝律令
 Тайхэйки 太平記
 такадэрасу хи-но мико 高照日御子
 Такахаши удзи буми 高橋氏文
 таи 段, 反
 тана 店, 棚
 тандай 探題
 танка 短歌
 тансэн 段銭
 татами 畳
 тато 田者, 日刀
 татэанасики сэкисицу 塹穴式石室
 тауэ 田植
 тауэ 辰
 тё 町 (мера площади, квартал)
 тё 調 (вид подати)
 тёмингаку 町人學
 тизайдана 違ひ棚
 тигё 地形
 тиндзэй бугё 鎮西奉行
 тиндзэй тандай 鎮西探題
 то 弟
 тобаку 倒幕
 Тōдайзү ёроку 東大寺余録
 тодзама даймё 外様大名
 Тōдзю сёин 藤樹書院
 тошимуру 問丸
 Тōкайдō 東海道
 Тōкайдō дōтō хидзакуригэ
 東海道中膝栗毛
 токонома 床の間
 токусō 得宗, 徳宗
 токусэй-но онцукан 特性の御使
 Токусэйрэй 徳政令
 томобэ 伴部
 томо-но бэ 伴部
 томо-но мияуко 伴部, 伴御奴
 тоны 間屋
 тошэри 舍人
 тора 寅
 тōрё 統領
 тори 酉
 Тōсандō 東山道
 тосёрё 図書
 тоси 都市
 Тэкитэкисай дзюку 適々茶塾

Тэндай 天台
 тэнка дайдокоро 天下台所
 тэнно 天皇
 тэнрике 天理教
 тэнсюкаку 天守閣
 тэракоя 寺子屋, 寺小屋
 тэрауко 寺請
 Тибетку 中国
 тйонагон 中納言
 тйосэй 中世
 тядзин 茶人
 тьянва 茶庭
 тя-но ю 茶の湯
 тясичу 茶室

у 卯
 увизукэ 上絵付
 Угэну моногатари 雨月物語
 удайдзин 右大臣
 удзи 氏
 удзигами 氏神
 удзидэра 氏寺
 укне 浮世, 憂き世
 Укиёбуро 浮世風呂
 укиё дзёси 浮世草子
 укиёз 浮世絵
 ума 午
 ундзёкин 連上金
 унэмэ 采女
 уруу 閨
 уси 丑
 утайсё 右大将
 утиковеси 打漫し

фудай 譜代, 譜第
 фудай даймё 譜代大名
 фудасаси 札差
 Фудоки 風上記
 фукоко ситё 復古神道
 фукоку кёхэй 富国強兵
 фумё 負名
 функёбо 墳丘墓
 фусуй 風水
 фусума 襖
 футимай 扶持米
 фуцука ити 二日市

хадзурэ 外れ
 хайбун 俳文

Хайга 俳画
 хайкай 俳諧, 誹諧
 хайку 俳句
 Хаката кодзёро нами мыкура
 博多小女郎波枕
 хан 藩
 хан ё (антитеза)
 ханамити 花道
 хандэн 班田
 ханива 埴輪
 ханко 藩校
 ханси 藩士
 Хару-но хи 春の日
 Харусамэ моногатари 春雨物語
 хатакэ 畑, 畠
 хатамото 旗本
 Хатибан никки 八番日記
 хаято 隼人
 хёбусё 兵部省
 хёдзёсё 評定所
 хёдзёсё 評定衆
 хигокэнин 非御家人
 хидзире 聖
 хики 疋
 хикицукэ 引付け
 хикицукэсё 引付衆
 хикицукэ тённин 引付頭人
 хинин 非人
 хиноки 檜, 檜木
 хи-но э ну 丙戌
 хи-но э ума 丙午
 хисаси 厩, 厩
 хицудзи 米
 Хёгэи моногатари 保元物語
 Хёгэн-но ран 保元の乱
 Хёдзёки 方丈記
 хоккэ 北家
 Хоккэ икки 法華一揆
 хёкёгата 奉公方
 хёкёнин 奉公人
 хокумэн-но буси 北面の武士
 Хокурикудэ 北陸道
 хомбяхуё 本百姓
 хонгаку 本覺
 хонган 本願
 хондзёхё 本所法
 хондзинмати 本陣町
 хондзи сёдзёку 本地垂迹
 хонкадори 本歌取
 хонкэ 本家

хōō 法皇

Хэйан 平安

Хэйдо-но ран 平治の乱

Хэйкэ моногатари 平家物語

хэйно бунри 兵農分離

хэнуси 戸主

хякусё 百姓

цуба 鰐, 鰯

цубо 坪

цудзиката-но касира 通辞方の頭

цуйбуси 辻情使

Цукуба сё 菊政放集

цукэ 机, 案

Цурэзурогуса 徒然草

цути 土

э 兄

эдзо 蝦夷

Эдо 江戸

Эдо-мати бугё 江戸町奉行

Эйга моногатари 栄花物語,

栄華物語

эйракусэн 永楽銭

эмакимоно 絵巻物

эмаки 蝦夷

энгава 縁側

Энписики 延喜式

эта 穢多

эфу 衛府

эхон 絵本

ёраку 有楽

ёхицусё 右筆衆

ёбусимэ 流鏑局

ёкура 櫓, 矢倉

Яей 弥生

якуса-но кабанэ 八色姓

Яматай 耶馬台, 耶馬台

Ямато 大和, 倭

яматоэ 大和絵, 倭絵

ясики 屋敷, 邸

ясэн 矢銭, 箭銭